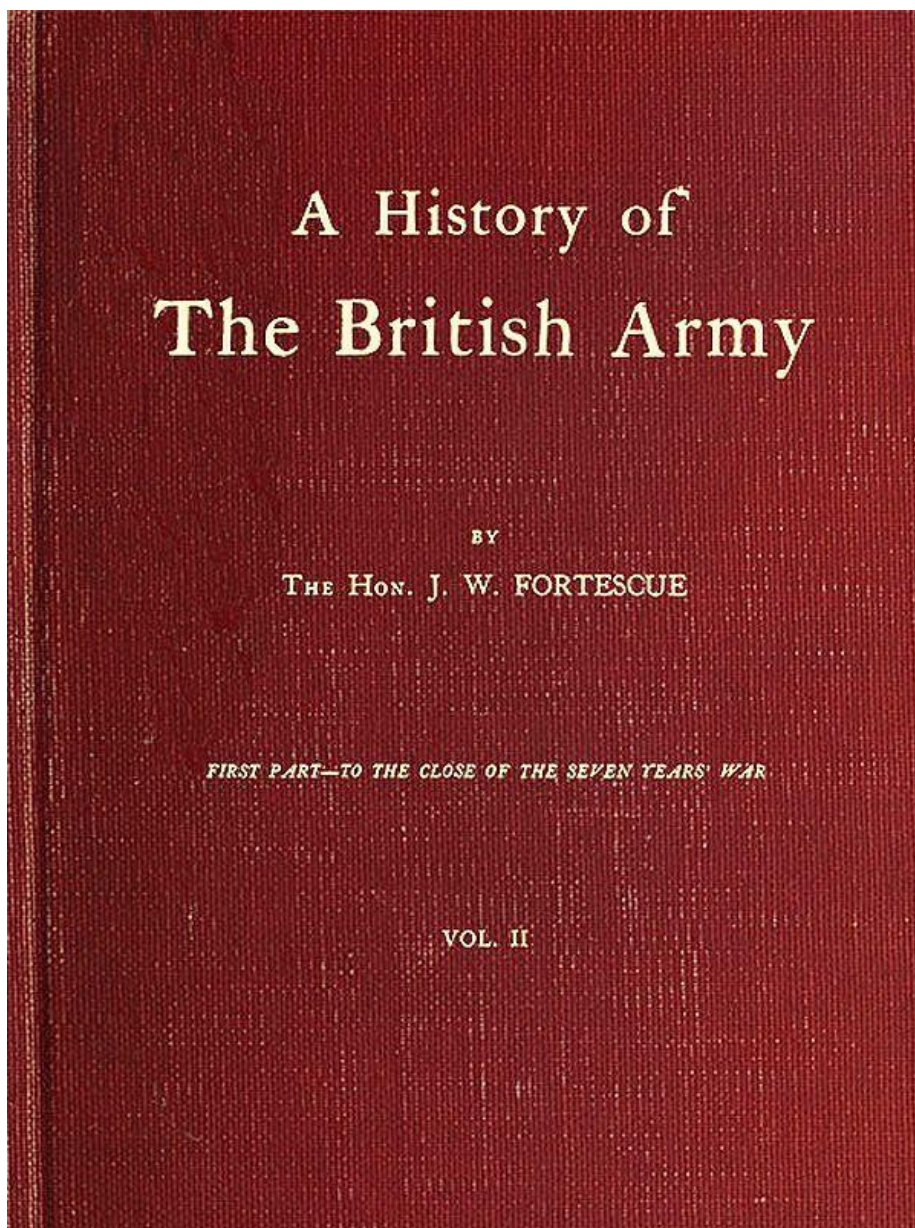

История британской армии, Том 2. Первая часть — до окончания семилетней войны

Сэр Дж. У. Фортескью

Электронная книга проекта Гутенберга по истории британской армии, том 2

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История британской армии, Том 2

Автор: Сэр Дж. У. Фортескью

Дата выхода: 20 февраля 2018 [Электронная книга № 56609]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Брайаном Коу, Джоном Кэмпбеллом и командой онлайн-распространяемой корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ БРИТАНСКОЙ АРМИИ", Т. 2

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

Эта книга - том II. Первый том можно найти в проекте "Гутенберг" по адресу <http://www.gutenberg.org/ebooks/55968>

Этот том охватывает период с 1713 по 1763 год. Большую часть этого времени в Англии все еще использовался юлианский календарь. Переход на григорианский календарь произошел в Европе с 1582 года, но в Великобритании - только в 1752 году, в результате чего разница в одиннадцать дней между датами по Старому юлианскому стилю (OS) и современному григорианскому Новому стилю (NS). Во многих примечаниях и некоторых сносках за годы до 1753 года указаны обе даты, поскольку в современных английских справочных документах того периода использовалась дата OS.

Даты OS/ NS указаны, например, как сентябрь. 20 октября. 1. или март. 2 13 .

Привязки к сноскам обозначены [номером], а сами [сноски](#) размещены ближе к концу книги, перед указателем.

The [Указатель](#) в этой книге охватывает оба тома. Ссылки в указателе на том. i или Vol. страницы ii обозначаются, например, "i. 123, 456" или "ii. 234". Ссылка приведет к нужной странице в этом томе. Ссылки на том i не активны на портативных устройствах.

Некоторые незначительные изменения, внесенные в этот том, отмечены в [конце книги](#).

ИСТОРИЯ БРИТАНСКОЙ АРМИИ

История британской армии

достопочтенного Дж. У. ФОРТЕСКЬЮ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ — К ЗАВЕРШЕНИЮ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

ТОМ. II

Quæ caret ora cruore nostro

Лондон
, МАКМИЛЛАН И КОМПАНИЯ С ограниченной ответственностью,
НЬЮ-ЙОРК: КОМПАНИЯ MACMILLAN,
1899 г.

Все права защищены

Содержание

книга VII

главе я

	страница
сокращение армии	3
озорной влиянию Болингброка и Ормонде	3
смерти королевы Анны; возвращение Мальборо	4
короля Георга II.; Министерство	4
якобитского восстания 1715 года	5
увеличение армии; девятая-четырнадцатая драгуны подняли	6
"Челси" напомнил пенсионерам; В сорок первом нога приподнята	6
Sheriffmuir и Престон	7
сокращении армии, 1717-1718	8
войну с Испанией,	8
вторжения из Шотландии; Действия Glenshiel	9
нападение на Виго	10
гибели Мальборо	10
похоронах	11
условии Англии под именем Джордж II.	14
армия единственная сила для поддержания порядка	15
плач без постоянной армии	15
британского истеблишмента фиксируется Уолпол	17
нападения на армию в парламенте	17
оппозиции к мятежу действовать	18
парламента просит для изделий из войны	19
офицеров уволили по политическим Disobligations	20
всемогущество безответственный секретарь-В-война	21
враждебность против мирных жителей солдаты	24
дисциплине разрушил секретарем в войне превосходство	26
Глава II	
король Георг усилия, чтобы арестовать недисциплинированность и казнокрадства	29
неприязнь купить	30

всеобщий пофигизм офицеров	31
плохой уровень персонажа среди призывников	32
дезертирство и мошеннических зачисления других скандалов	32
системе имперской обороны	36
колониях; "Белые рабы"	37
постепенное необходимость увеличения регулярные гарнизоны в колониях	42
беспомощность в военное ведомство, в лице проблемой	42
непопулярности гарнизонной службы за границей	45
технические усовершенствования в армии	48
Королевский полк артиллерии формируются	49
подъемом сорок второй горцев	49
современных реформ в Пруссии	51
их злого влияния в Англии	51
офицеры прошлого и будущего	53
Глава III	
ущербной Уолпола популярности	55
ссора с Испанией	55
популярность испанской войны	57
экспедицию в испанских колониях решается на	58
подготовке; Кэткарт и Вентворт	59
невероятные бесхозяйственности в военное ведомство,	60
гибели Кэткарт	62
британских и американских контингентов встретить на Ямайке	62
решение о нападении Картахена	63
операции началась; Вернон и Вентворт	64
нападение на форт Святого Лазаря	68
ужасное состояние военнослужащих	72
предприятия в отношении Картахена забросили	73

спуск на Кубе	74
спуске заброшенное; продолжение смертности среди военнослужащих	75
испанская война закончилась желтой лихорадкой	76
Энсон рейса	77
Уэнтурта ответственность за бедствия Картахена	77
вину, в том числе благодаря военному ведомству и боеприпасов, офис	78
фракции в парламенте истинную тайну катастрофы	79
Глава IV	
споре за Австрийское наследство	80
агрессии Фридрих Великий	81
амбициозных проектов из Франции	81
Англии отправляет помощь королевы Марии- Терезии	81
увеличили армию; сорок третий-сорок восьмой полков поднялись	82
Джон, Граф лестницы	83
его советы и его планов	84
кампанию 1742	86
лестничные планы на зиму отклонил	87
британская армия марширует к основному	88
свежие проекты лестниц отклонил	89
он формирует новые планы	90
он нарушает приказ, чтобы доказать свою состоятельность	91
отчаянный страх и риск союзников из-за игнорирования его адвокат	92
Битва Деттинген -	92
лестницы уходит в отставку командования	102
глава V	
недостаточности британской подготовка к 1744	103
Саксен операций	104
Уэйд парализованных голландцев и австрийцев	105

лестницы план кампании	106
бездействия голландцев и австрийцев; Уэйд уходит в отставку	107
Лигоньер предложений для большого усилия в 1745	108
Камберленд назначен в командную	109
позиция Франции в Фонтенуа	110
Битва при Фонтенуа	111
Камберленд ложная движений после Фонтенуа	121
крайнюю опасность своего положения	122
Напомним армии в Англию	123
Глава VI	
конструкции Чарльз Стюарт	124
приземлился в Шотландии	125
целом справляется шествий к северу	126
он увольняется по морю; до повстанцы	127
в "центре Coltbrigg"	128
справляется земель в Данбар; действия Престонпансе	129
Чарльз входит в Эдинбурге; замок удерживает	131
подготовку в Англии	132
Чарльз вторгся в Англию	133
он-маневров Камберленд и входит в дерби	136
он <u>отступает к северу</u> и осаждаёт Стирлинг	137
Хоули назначен командовать войсками в Шотландии	138
действий Фолкерка	139
Камберленд берет на себя командование в Шотландии	141
он продвигается на север; Карл отступает	142
Битва при Куллодене	144
хорошие услуги, оказываемые Камберленд	146
главы VII	
французский захватить Антверпен; Британский база смещается	149
Саксен план кампании и операции	150
Битва Rousoix	153
бесполезной экспедиции к л Ориент	156

кампании 1747	156
Битва Lauffeld	159
мира в Экс-ла-Шапель	164

книга VIII

главе

мусульманского завоевания Индии	167
в Mahrattas	168
европейских путешествий в Индию	168
английской Ост-Индской компании	169
первые британские войска отправляются в Индию	171
Первого военного ведомства в Бомбее	171
Французской Ост-Индской компанией,	172
населенных пунктах конкурирующие компании в 1701	173
мастерство французов в обращении с туземцами	174
смерть Aurungzebe; виртуальная независимость от декана	175
Жозеф Франсуа Дюплеи	175
Ла Бурдоннэ; Дюма	176
родной споров в Карнатик	176
Дюма поднял ранг Набоб	178
войны между Францией и Англией объявили	179
осаде и взятии Мадраса	180
ссора расстояние Ла Бурдоннэ	181
Паради в Санкт Томе	183
французский Инвест Форт-Сент-Дэвид	185
Стрингер Лоуренс в Куддалоре	187
Боскавен прибывает и осаждаёт Пондичерри	188
проступок осады	189
осада поднят; Мира в <u>Экс-ла-Шапель</u>	190

II глава

британского вмешательства в Танджоре	192
Дюпле схемы для французского преобладания в Деккане	193

Бюсси, установленных в Aurungabad	197
Зенит французского владычества в Индии	197
британскую решимость выступить против французского	198
конкурса центров Trichinopoly	198
британский молчи в Trichinopoly	199
Клайв предлагает диверсия против Аркот	200
его работ	200
действием Covverauk	204
Лоуренс марши для снятия Trichinopoly	209
французы выходят на пенсию в Seringham	210
удивлению Клайва силу в Samiaveram	211
капитуляции французских сил	214

Глава III

интриг Дюпле; Британские успехи нейтрализованы	215
поражение крупных Киннер	216
Лоуренса Победы в Bahoor	217
Клайв в Chingleput и Махабалипурам	218
конкурса на Trichinopoly вновь	221
опасной ситуации британского	223
Лоуренса первую победу перед Trichinopoly	224
своей второй победы	226
свою третью победу	230
Дюпле попытка удивить Trichinopoly не удастся	233
предложений на мир отверг	233
Лоуренса ситуация по-прежнему критическая Trichinopoly	234
подвески оружия; Напомним, из нее можно	236

книга IX

главе I

французскими исследователями в Северной Америке	241
английских поселениях	243
преобладанием Массачусетс на северо	244
в Нью-Йорке в плен к англичанам	245

французских исследований в Западно -	246
их дизайн ограничиться британскими чтобы	246
полоска моря-доска	
губернатор Донган; ирокезы	248
французских и английских поселенцев и	249
военных систем	
английские регулярные войска в Америке	251
войне 1689; опасности Нью-Йорка	251
провал колониальной контрудара по Канаде	252
Массачусетс обращается к Англии за	252
помощью	
войны за Испанское наследство;	254
колониальных операций	
захват провинции Новая Шотландия;	255
Британский отказа до Квебека	
здания для louisburg	256
французские форты в Crown Point и Ниагара -	257
колониальной апатия	257
войны за Австрийское наследство; колонисты	257
захватывают Луисбург	
планируемых операциях на 1746	259
безнадзорности Америки Ньюкасл	260
правительство	
главе II	
сокращение армии в мирное экс-ла-Шапель	261
Фонда Галифакс	262
англичан и французов на Огайо	263
упрямство из Вирджинии Ассамблеи	264
Вашингтона миссии; Апатия колоний	265
Вашингтона первая стычка с французами	266
продолжение апатии колоний	267
генерал Брэддок послал из Англии	268
его трудности и их причины	270
Боскавен действие с французских кораблей;	272
Война неизбежна	
Брэddока марта в Мононгахеле	273
распоряжения французского	274
действий Мононгиела	275

Брэддок и школе Камберленд	278
Глава III	
Монктон, захват форта Босежур	282
Джонсона выступить против Короны пункт	283
Ширли отказ от Ниагара -	284
закрывать кампании	285
слабость английской администрации	286
новых договоров и новых министров	287
пятидесятой-пятьдесят девятого полков	288
подняли	
шестидесятого полка	289
недобросовестность правительства к	290
солдатам	
немцы импортировали, чтобы защитить	290
Британию	
французский осаждают Менорка	291
падения Менорка	294
бешенства нации; Бинг; Ньюкасл	295
Лорд Лоудон отправлен на команду в Америке	296
неадекватность его силу	296
отель, который захватывает Освего	297
закрывает американской кампании 1756	298
начала Семилетней войны	298
Питт выступил секретарь штата	299
своей меры; Highland полки	300
ополченцев счет	301
Камберленд послал командовать в Ганновере	303
увольнении Питт	303
восстановление Питт	304
захолустья кампании 1757	304
отель, который захватывает Форт Уильям-	305
Генри	
поражения Камберленд на Hastenbeck	307
экспедиции против Рошфора	307

[забронировать x](#)

[главе я](#)

Лигоньер сделал Верховный Главный	313
подготовке к 1758; Амхерст	314
плана кампании за Америку	315
экспедиции против Луисбург	316
осада открыт	319
падения Луисбург	321
операции генерала Эберкромби	322
Лорд-Хау, новые взгляды на оснащение войск	323
посадка Эберкромби армии	324
стычка на озере Шамплейн; Смерти Хоу	326
Монкальма план обороны	327
действия Тикондерога	328
отступления Эберкромби	331
Брэдстрит захватить форт Фронтенак	332
Форбс операций на Огайо	333
поражения крупный грант	335
французский эвакуировать Форт Duquêsne	336
захоронения Брэддок умер	337
II главе	
союзной армии в Германии	339
Фердинанда Брауншвейгского	339
экспедиции Cancalle залива	340
британских войск отправляется в Германию	341
экспедиции против Шербур	342
обратной Санкт-лтая	344
замечания о налетах на французские берега	345
экспедицией в Сенегал	346
экспедиции на Мартинику	347
армии листья Мартиники на Гваделупу	349
болезни среди войск	350
смерти генерала hopson в	351
Баррингтон разрешения на активные действия	351
свой план кампании	352
успехи Крамп и Клаверинг	353
капитуляции Гваделупа	356
Глава III	
создание армии 1759	358

Питта конструкций против Америки; Вольф	359
сила Вулфа армии	361
обороны Квебека	362
британский прибыть до города	363
Вулфа трудности	364
своей неудачной атаки,	366
, он смещает операции к западу от города	368
Амхерст конструкций против Канады	368
Прида и Джонсон в Ниагара -	369
падения Ниагарского	370
Амхерст заранее Тикондерога и наследный пункт	371
своих операций закрытое	371
уныние англичан до Квебека	372
Вулф По бригадиры предложить новые планы	373
операций, осуществляемых в следствие	373
британский подняться до высот Авраама	375
Вулфа боевой порядок	377
отвлекаясь на красивые	378
своей боевой порядок	379
битве при Квебеке	380
смерть Вульфа	383
активные операции Таунсенд	383
капитуляции Квебека	384
основное исследование операций в Канаде	385

Глава IV

страдания англичан в Квебеке	389
французский препараты для взятия Квебека	390
до Леви	391
мер Сент-Фуа -	392
осады Квебека	394
помощи Квебек	395
Амхерст конструкций на Канаду	395
до Мюррей и Хэвиленда	397
до Амхерста	398
капитуляции Монреаля	400

экспедиции против индейцев Чероки	400
оккупации Канады	401
Амхерст	402
главе V	
Индии: пещеры перемирия 1755	406
оно было нарушено обеими сторонами	407
Бюсси	408
Surajah Dowlah	409
заранее его от Калькутты; черная дыра	410
Мадрас отправляет помощь в Бенгалию	411
Клайв удивился Бадж Бадж	412
Surajah Dowlah снова авансы на Калькутты	413
Клайв сюрпризов свой лагерь	414
Альянс Surajah Dowlah и Британской	415
захвата Шандернагор	415
заговор против Surajah Dowlah	415
Клайв авансы на Moorshedabad	416
беспокойство о его положении; он продвигается к Plassey	417
сражения Plassey	418
смерти Surajah Dowlah; Меер Jaffier установлен на своем месте	424

[Глава VI](#)

Южной Индии	426
прибытия французских подкреплений под Лалли	428
Адмирал Покок впервые действие C D'Aché	429
Лалли осаждает Форт-Сент-Дэвид	430
падения форта Святого Давида; Захват Devicotah	431
Лалли губителен марта в Танджор	432
Покк вторая акция против д'Aché	434
Лалли все препараты против Мадраса	435
контр-препараты британской	435
Бюсси отозван из Хайдарабад	436
Лалли авансы по Мадрас	437

неудачной вылазки англичан	438
Лалли трудности во время осады	439
блокады подняли	440
Клайва контр-ход против Северной Sirkars	441
Форба против Конфлан	442
Битва Condore	442
Форд задерживается в его продвижение на Masulipatam	445
он держит в осаде форта	447
своем отчаянном положении	447
бурю Masulipatam	449
плоды победы	453
ГЛАВА VII	
британских операций в Карнатик	454
Лалли трудности со своими войсками	455
сигнализации голландской агрессии в Бенгалии	456
третий участие Покок и д'Aché	457
поражения Бреретон на Wandewash	457
Лалли обращается в суд декана	457
своей диверсией на юге; Британские операции в Карнатик	458
голландцы в Бенгалии	459
Форд побеждает их в Шандернагор	460
Битва Бадара	461
Лалли авансы по Wandewash	462
Кут, следует за ним; позиция Франции	463
Кут маневров	463
Битва Wandewash	464
Кут движения после победы	470
осада Пондишерри	472
падения Пондишери	473
Глава VIII	
О создании армии в 1759	475
пятнадцатый гусарский полк подняли	476
смысл Фердинанда операции в Германии	477
он открывает кампанию 1759	480

движения Контад и Бройля	481
критической позиции Фердинанда	482
дальнейших успехов французской	483
Фердинанд занимает Бремен; Контад позиции в Минден	484
Фердинанда маневров, прежде чем Минден	485
успех; Битва Минден	487
Саквилл	496
взыскании Кассел и Минден	497
последующие операции	497
закреть кампании	498
глава IX	
увеличение армии в 1760	499
шестнадцатого и семнадцатого Уланского полка поднял	500
Тюро спуск на Каррикфергус	501
подкрепления для Фердинанда	501
открытии кампании	502
Имхофф непослушания Марс Фердинанда планы	502
поражения наследственного принца в Заксенхаузене	503
принца счетчик-х тактный; действия Emsdorff	504
Бройля отправляет де МЮИ, чтобы отрезать Фердинанд из Вестфалии	507
действия Варбург; Поражение де МЮИ	508
эвакуации из Кассела союзниками	512
неловкое положение Фердинанда	513
Фердинанд делает диверсию против Везель	514
действия Клостер Кампен; Разгром союзников	515
наследственный Принц и британские войска	518
закреть кампании	519
Глава X.	
вступление короля Георга III	520
увеличение армии	521
экспедиции с belleisle	521
войны в Германии	522
Фердинанда бесплодные зимние марта по	523

Гессе	
большой подготовки и конструкции французского	524
Supineness из Субиз	525
кампании открывает; Фердинанда Марта круглый Субиз заднего	526
Фердинанда установки на Vellinghausen	527
действия Vellinghausen	528
Фердинанда искусных маневров с июля по ноябрь	531
закреть кампании	533
главы XI	
Вознесение Господа бьют к власти	535
проблемы с Испанией; Питт сторонников войны	536
отставки Питта; бьют вынужден объявить войну	536
экспедиции против Мартиника	537
падения Мартиника, Гренада, Сент-Винсент и Сент-Люсия	541
экспедиции в Гавана	541
смертности среди военнослужащих	543
экспедиции к Manila	544
войны в Португалии	545
Бургон и шестнадцатый полк легких драгун	546
Фердинанда последней кампании	547
позиций Wilhelmsthal	548
действия Wilhelmsthal	549
гонке за Кассел	553
позиции противоборствующих армий ом	554
действий Brückemühle	555
падения Кассел; Завершение войны	557
Фердинанда Брауншвейгского	557
его сложности с английским войскам	558
Глава XII	
разложения армии непопулярность	562
неэффективность в военное ведомство и боеприпасов, офис	563

дефектов в колониальной станции	564
реформаторы в армии; Камберленд	566
Питт; новая школа офицера	568
призывной армии	572
склады и сквозняков	576
рекрутинг в Америке	578
состояния рядовой	579
ников; полосы; медали	583
реформ в коннице; Увеличение драгуны	584
легкий Драгун	585
реформы в артиллерии	587
реформы в пехоте	589
моделей немецких и британский опыт	592
приложении А.	595
ПРИЛОЖЕНИЕ В.	598
ИНДЕКС	607

КАРТЫ И ПЛАНЫ

Картахена, 1741	<i>к лицу страница</i>	78
основных страна: кампании 1743	"	122
Деттинген, 1743	"	122
"Фонтеной", 1745	"	122
Roucoux, 1746	"	164
Lauffeld, 1747	"	164
Мононгахила 1755	"	338
районе озера Джордж, 1755	"	338
Тикондерога	"	338
Амхерст флотилии, 1759	"	338
Covrepauk, 1752	"	474
Trichinopoly	"	474

Plassey, 1757	"	474
Masulipatam, 1759	"	474
Wandewash, 1760	"	474
Минден, 1759	"	494
Мартиника, 1762	"	544
Гваделупа, 1759	"	544
с belleisle, 1761	"	544
Гавана, 1762	"	544
часть Гессен-Кассель	"	560
Варбург, 1760	"	560
Vellinghausen, 1761	"	560
Wilhelmsthal, 1762	"	560

Канады и североамериканских колоний, 1680-1760

(с планами Луисбург и Квебек): карты 1. *конец Тома*

Луисбург: см. карту 1

Квебеке: см. карту 1

осады Квебек, 1759: см. карту 1

Индостана, декана, и Карнатик

(с планами Калькутты и Мадраса): Карта 2 *Конец Тома*

Калькутты, 1757: *смотри* карту 2

Мадрас, 1758: см. карту 2

Примечание. Карты Британских островов и Северной Франции за 1745-1746 гг.; Нидерландов за кампании 1743-1748 гг.; Испании и Португалии; и Германии за кампании 1759-1762 гг. приведены в *конце Первого тома*.

ОШИБКИ

Страница 160, строка 4, *вместо* "слева" *читать* "справа".

Страница 192, строка 13, *исключить* слова "столица Танджора".

Страница 195, строка 10, *вместо* слова "Декан" *читать* "Южная Индия".

Страница 203, строка 13, *вместо* слова "на юг" *читать* "на запад".

Страница 247, строка 29, *вместо* "Эри" *читать* "Мичиган".

Страница 463, строка 34, *вместо* "Перед их левым фронтом находился еще один танк меньшего размера, который был превращен в окоп" и т.д., *читать* "Перед их левым фронтом были два танка меньшего размера, из которых передний был превращен в окоп" и т.д.

КНИГА VII

ГЛАВА I

1713.

1714.

Работа по роспуску армии началась за несколько месяцев до окончательного заключения Утрехтского мира. К Рождеству 1712 года тринадцать драгунских полков, двадцать два пеших и несколько рот инвалидов, призванных на службу из-за истощения регулярных гарнизонов, были фактически разбиты. Не успел договор быть подписан, как еще несколько подразделений были расформированы, в результате чего в общей сложности было уволено тридцать три тысячи человек. Большее количество не могло быть сокращено до тех пор, пока не были выведены восемь тысяч человек, оставшихся в гарнизоне во Фландрии, но даже при этом общая численность британского истеблишмента, включая все колониальные гарнизоны, сократилась в 1714 году до менее чем тридцати тысяч человек. Солдаты, как обычно, получали небольшое вознаграждение при увольнении; и предлагались большие стимулы, чтобы убедить их поступить на службу в колонии или, другими словами, отправиться в вечное изгнание.

Но это расформирование ни в коем случае не было таким обычным и бесхитростным делом, как могло показаться на первый взгляд. Одной из первых мер, предпринятых Болингброком и его креатурой Ормондом, была реорганизация армии, под этим термином подразумевалось устранение офицеров и целых корпусов, выступавших за протестантскую преемственность, чтобы освободить место для тех, кто был привержен якобитским интересам. Руководствуясь такими мотивами и совершенно не заботясь о чувствах солдат, они нарушили старое правило, согласно которому самые молодые полки всегда должны быть расформированы первыми, и жестоко расправились с несколькими корпусами ветеранов. Седьмой и Восьмой драгунские, Тридцать четвертый, Тридцать третий, Тридцать второй, Тридцатый, Двадцать девятый, Двадцать восьмой, Двадцать второй и Четырнадцатый пехотные были безжалостно принесены в жертву; более того, даже Шестой, один из священных шести старых полков, отличившийся больше всех других в Испанской войне, был передан на роспуск, как вчерашний полк.^[1] Среди офицеров полка были горькие слова и бурные сцены из-за такой бесстыдной, несправедливой и оскорбительной процедуры.

1 августа 12.

Однако все эти планы были внезапно разрушены смертью королевы Анны. Восшествие на престол курфюрста Ганноверского произошло со спокойствием, которое, должно быть, поразило даже тех, кто желал этого больше всего. Еще до прибытия нового короля страна была обрадована возвращением величайшего из ныне живущих англичан. Высадившись в Дувре в самый день смерти королевы, Мальборо был встречен артиллерийским салютом и

восторженными криками радостной толпы. На следующий день, направляясь в Лондон, он был встречен известием о том, что его имя исключено из списка лордов-судей, которым было передано управление страной до прибытия короля. Глубоко огорченный, но всегда сохранявший свое непобедимое спокойствие, он направился в столицу, намереваясь войти в нее с тем же уединением, которого добивался во время своего изгнания в Нидерланды. Но народ решил, что его въезд должен быть триумфальным; и бурный прием, оказанный всеми классами общества, показал, что страна может и будет заглаживать вину за позорное обращение, которому подвергли его два года назад.

18 сентября король Георг высадился в Гринвиче, и вскоре после этого было назначено новое министерство. Стэнхоуп, блестящий солдат войны на Пиренейском полуострове, стал вторым государственным секретарем; Уильям Поултни, впоследствии граф Бат, - военным секретарем; Роберт Уолпол - казначеем Вооруженных сил; в то время как Мальборо с некоторой неохотой возобновил свои старые назначения генерал-капитана, главного артиллерийского мастера и полковника Первого гвардейского полка. Однако вскоре он обнаружил, что, хотя у него были титулы, он не обладал полномочиями должностных лиц, и что истинное управление армией было передано военному секретарю.

1715.

24 мая.

Насколько слабой стала эта армия, стало ясно вскоре после вспышки якобитского восстания осенью 1715 года. По оценкам на 1714 год, численность британского подразделения составляла двадцать две тысячи человек, из которых две трети были размещены во Фландрии в колониальных гарнизонах, оставляя опасно небольшие силы для защиты королевства. Даже этот жалкий остаток лорды-якобиты пытались ослабить, внося в Закон о мятеже пункт, ограничивающий все полки определенными округами, отведенными им на Британских островах. Этот коварный шаг, который был призван предотвратить переброску войск между Ирландией и Англией, был пресечен авторитетом самого Мальборо. Король, похоже, рано осознал опасность такой ситуации; и соответственно, в январе Седьмой драгунский полк был воссоздан и восстановлен под началом своих старых офицеров вместе с еще четырьмя старыми полками.[2] В июле перспектива восстания в Шотландии сделала еще более настоятельной необходимость, и были отданы приказы о мобилизации тринадцати драгунских и восьми пеших полков, некоторые из которых должны были ненадолго задержать нас.

Первым из новых драгунских полков был полк Пеппера, нынешний Восьмой гусарский, который какое-то время разделял тяжелую судьбу Седьмого и теперь, как и Седьмой, был возвращен к жизни. Следующие шесть, Винн, Гор, Ханивуд, Боулз, Манден и Дормер, теперь известны соответственно как Девятый уланский, Десятый и Одиннадцатый гусарские, Двенадцатый уланский и Тринадцатый и Четырнадцатый гусарский полки, которые оставили свой след на многих полях сражений на полуострове и в Индии, в то время как два из них носят по своему назначению название "Балаклава". Остальные шесть были расформированы в 1718 году.[3] Шесть пехотных полков также погибли после короткой жизни в 1718 году;[4] оставшиеся два были старыми полками, Двадцать вторым и тридцать четвертым, каждому из которых было суждено в свое время пополнить его цвета - название присущей только ему победы.

Можно спросить, неужели не использовались сотни ветеранов, вернувшихся с войн во Фландрии. Ответ дает нам любопытное представление о старой концепции резерва. При

первом сигнале о восстании все офицеры на половинном жалованье были призваны быть готовыми к службе;^[5] и одновременно были сформированы двадцать пять рот пенсионеров Челси, которые должны были взять на себя обязанности гарнизона и высвободить регулярные войска для работы в полевых условиях. В течение многих лет после, а также до этой даты действует та же система; и от нее, как и от стольких других устаревших институтов, к счастью, у нас все еще есть живая реликвия. В марте 1719 года десять из этих рот ветеранов были включены в состав полка под командованием полковника Филдинга и, начав свою жизнь под названием "Инвалиды Филдинга", сохранились по сей день как сорокпервая пехотная.^[6]

Я не буду задерживать читателя каким-либо подробным описанием неудавшегося восстания 1715 года. Операции, которые влекло за собой вторжение в Англию с севера, всегда одни и те же. Оккупация Стерлинга отрезает Высокогорье от Низменностей и препятствует любому продвижению с крайнего севера. Вторжение с Низменностей может быть остановлено на любом фланге Чевиотов, на восточном побережье у берегов Твида или Тайна, или, если оно будет предпринято оттуда, на западном побережье у берегов Риббла. Если и Хайлендс, и Лоуленд взбунтуются, есть третий способ одновременного нападения на Стерлинг с севера и юга. Этот последний вариант был открыт для повстанцев в данном случае, но не был принят. Соответственно, произошли два решающих сражения: одно при Шериффмюре, немного севернее Стерлинга, другое при Престоне, куда повстанцы из Лоуленда, сдерживаемые незначительными силами на восточном побережье, совершили безнадежный и тщетный марш на запад и были окружены английскими войсками, шедшими одновременно с востока, запада и юга. Тем не менее опасность для Англии была велика. Силы в Стерлинге были слишком слабы для выполнения возложенной на них задачи; и Шерифмюр был одним из тех сомнительных сражений, из которых каждая армия выходит споражением одного крыла и победой другого. Английские силы на Твиде состояли из необученных рекрутов и были настолько малочисленны, что командовавший ими генерал Карпентер, ветеран Фландрии и Испании, добился успеха главным образом благодаря смелости, с которой он встретил опасную позицию. Таково было военное бессилие Англии после всего лишь двух лет мира.^[7]

1716.

1717.

Паника, вызванная восстанием, очень значительно увеличила военные расчеты 1716 года. Помимо новых полков, сформированных по этому случаю, численность каждого существующего отряда и роты была увеличена, в то время как добавление батальона к каждому гвардейскому полку увеличило численность бригады до семи батальонов, которые составляли ее численность без изменений почти на протяжении следующих двух столетий. Полный состав, за который парламент проголосовал за Великобританию, составлял тридцать шесть тысяч человек, не считая, конечно, войск в Ирландии, и шести тысяч голландцев, которые были направлены Генеральными Штатами во исполнение обязательств по договору. Однако уже на следующий год численность истеблишмента сократилась на четверть, а в мае король объявил, что отдал приказ сократить армию еще на десять тысяч человек. Соответственно, оценки на 1718 год предусматривали лишь шестнадцать тысяч человек в Великобритании, в то время как оценки на 1719 год уменьшили даже эту горстку на одну четверть и довели общее число до цифры в двенадцать тысяч человек.

1718.

1719.

Затем, как обычно, цифры оказались опасно слабыми. Ссора между Испанией и Империей и амбициозные замыслы кардинала Альберони привели к разрыву между Англией и Испанией, который в конечном итоге завершился атакой и разгромом испанского флота адмиралом Бингом у мыса Пассаро. Акция разыгралась до того, как война была фактически объявлена, и Бинг сделал вид, что отнесся к ней как к досадной случайности; но Альберони был слишком разгневан подрывом его планов, чтобы прислушаться к такому пустому разглагольствованию, как это. Он приготовился отомстить за себя, заключив соглашение с якобитами и снарядив экспедицию из Кадиса для поддержки Претендента. Войсками должен был командовать Ормонд, тот самый бедный, заблудший человек, который вытеснил Мальборо во Фландрии; но угроза, тем не менее, была огромной. На заседании парламента король предупредил, что следует ожидать вторжения, и получил полномочия увеличить армию для его отражения. Тем не менее, было сочтено лучшим еще раз занять шесть тысяч иностранцев из голландских и австрийских Нидерландов; и вклад Англии в ее собственную оборону заключался не более чем в передаче четырех слабых батальонов от ирландцев британскому истеблишменту. Королевские министры, когда опасность миновала, поставили себе в заслугу умеренность, с которой они пользовались вверенными им полномочиями, не сумев понять, что прибегать к наемным войскам в такое время было политикой, лишенной как истинной государственной мудрости, так и чести.

16 апреля.

10 июня.

В остальном опасность миновала, как четыремя поколениями ранее миновала опасность еще более масштабного испанского вторжения, предшествовавшего ветру и буре. Испанские транспорты были рассеяны штормом в Бискайском заливе, и огромное вооружение поползло обратно на отдельных кораблях в Кадис, искалеченное, разбитое, едва спасенное от ярости шторма пушками, лошадьми и припасами. Только два фрегата достигли британского побережья и высадили трех шотландских пэров — лордов Таллибардина, Маришаля и Сифорта — с тремя сотнями испанских солдат в Кинтейле в графстве Росс. Здесь маленький отряд оставался в безопасности в течение нескольких недель, к нему присоединились несколько сотен неугомонных духов горцев, но общее восстание кланов его не поддержало. В конце концов, однако, генерал Карпентер отрядил генерала Уайтмана с тысячей человек из Инвернесса, который напал на повстанцев в долине Гленшил и, хотя их силы были вдвое больше его собственных, полностью рассеял их. [8] Кампания закончилась, как и все походы в горы, сожжением домов и деревень оскорбительных кланов; и таким образом бесславно закончилось это безнадежное и бесполезное восстание. Его самым замечательным результатом было то, что оно привело лорда Маришаля и его брата на прусскую службу и дало Фридриху Великому одного из его лучших офицеров и самых верных друзей — Джеймса Кейта, который пал сорок лет спустя на поле Хохкирха.

21 сентября.

Такая агрессия, какой бы неудачной она ни была, естественно, побудила англичан принять ответные меры; и в сентябре британская эскадра отплыла из Спитхеда с четыремя тысячами солдат на борту для высадки на побережье Испании. Первоначальной целью экспедиции было

нападение на Корунью, но лорд Кобхэм,[9], который командовал, счел предприятие слишком рискованным и повернул оружие против Виго. Город, который слабо удерживался, был немедленно сдан, и цитадель капитулировала после нескольких дней осады. Значительное количество оружия и припасов, которые были приготовлены для экспедиции Ормонда, было захвачено, и, имея в своем активе это небольшое преимущество, Кобхэм вновь отправил свои войска в Англию.[10] Вскоре после этого Альберони начал переговоры о мире, которые он приобрел ценой собственного увольнения. Мирный договор был подписан 19 января 1720 года, и Англия вступила в двадцатилетний непрерывный мир.

1722.

Но прежде чем я коснусь истории этого мира, мне, возможно, будет позволено продвинуться на два года вперед, чтобы описать событие, которое, возможно, достойно завершит первые тридцать лет конфликта с якобитизмом и его союзниками. 16 июня 1722 года скончался Джон, герцог Мальборо. Во время своих последующих кампаний он постоянно страдал от головокружения и головной боли, а в мае 1716 года потрясение, вызванное смертью его дочери, леди Сандерленд, привело к паралитическому инсульту. Он собрался с силами, но был сражен во второй раз в ноябре того же года; и хотя, вопреки распространенному мнению, он снова собрался с силами, сохранив свою речь, память и понимание без особых нарушений, все же было очевидно, что дело его жизни было сделано. В те несколько лет, которые ему оставались, он все еще посещал Палату лордов, проведя сессию 1721 года, как обычно, в Лондоне, и удалившись на покой в ее ближайшей к Виндзору ложе. Там в начале июня следующего года он был поражен в третий раз и, пролежав несколько дней, беспомощный, но в сознании, на рассвете 16-го числа мирно скончался.

14 июля тело было доставлено в Мальборо-Хаус. В те дни Лондон в это время года был пуст, и только в Гайд-парке, где разбили лагерь все домашние войска, наблюдались признаки необычной активности. День за днем пехотинцев обучали новым упражнениям, которые предстояло использовать на похоронах; проходили недели, наступал и уходил день Бленхейма, и наконец 9 августа все было готово. От Мальборо-Хауса вдоль Молла и Конституишн-Хилл до Гайд-парк-Корнер, оттуда по Пикадилли и Сент-Джеймс-стрит до Чаринг-Кросс и Аббатства дорога была устлана алыми мундирами гвардейцев. Барабаны были задрапированы черным, цвета были увиты кипарисами; каждый офицер носил черный шарф, а у каждого солдата за пазухой был пучок кипариса. Вдалеке, с низовой реки, минуту за минутой раздавался глухой грохот орудий на Башне.

Шествие открылось выступлением военных оркестров, за которыми последовал артиллерийский расчет. Затем прибыл лорд Кадоган, преданный генерал-квартирмейстер, который подготовил для герцога так много его подвигов, и с ним восемь генералов, ветеранов, сражавшихся под началом своего великого Вождя на Дунае и во Фландрии. Среди них был Манден, герой, который возглавил "несчастную надежду" в первом крупном сражении Мальборо при Шелленберге и привел с собой только двадцать человек из восьмидесяти. Затем следовала огромная кавалькада герольдов, офицеров по оружию и скорбящих, со всеми обстоятельствами и церемониями эпохи, когда пышность расточалась наименее прославленному из умерших; и в середине, окруженный лесом знамен, катил открытый автомобиль, везущий гроб.[11] На гробе лежал полный комплект позолоченных доспехов, над ним был великолепный балдахин, вокруг него военные трофеи, геральдические знаки,

символические символы побед, одержанных покойным, и городов, которые он захватил, странный контраст со все еще белым лицом, безмятежным, превосходящим даже непобедимую безмятежность жизни, которая спала внутри.

Когда машина проезжала мимо, перед ротами безмолвных Охранников раздавались новые команды. "Разведите руки в стороны". "Лягте на руки наоборот". Офицеры опустили пики, прапорщики подняли свои знамена, и каждый солдат повернул дуло своего мушкета к земле и склонил голову над прикладом "в меланхолической позе". Процессия медленно двинулась дальше, и войска, все еще держа оружие взаперти, построились в арьергарде и двинулись вместе с ней. Пятьдесят два года назад Джон Черчилль, никому не известный прапорщик Первого гвардейского полка, прошел в процессии за гробом Джорджа Монка, герцога Албемарльского; теперь он тоже направлялся разделить с Монком место упокоения.

В конногвардейском полку гвардейцы въехали в Сент-Джеймский парк и построились на плацу, где перед ними уже выстроилась артиллерия из двадцати орудий. Машина подъехала к западным воротам аббатства, и тогда впервые зазвучала музыка, которая будет звучать до тех пор, пока Англия будет хоронить своих героев по обрядам своей национальной Церкви. Внутри аббатства серые старые стены были задрапированы черным, а неф, хоры и трансепт сияли свечами и факелами. Здесь были все величайшие люди Англии, живые и мертвые. Шлем Гарри Пятого, все еще звеневший от ударов Азенкура, тускло висел над его могилой, взирая сверху вниз на флегматичного немца, восседавшего теперь на троне короля Гарри, и на его наследника, принца Уэльского, получившего свои шпоры при Ауденарде. А за органом, скромный и незамеченный, сидел Уильям Крофт, почти не мечтая о том, что он тоже создал бессмертное произведение, но довольный слушать прекрасную музыку, которую он создал, и ждать, пока не стихнут последние звуки голосов.^[12]

Затем орган под его рукой заиграл такими нежными звуками, какие слышны только в органах тех давних времен, и процессия двинулась через неф и хоры часовне короля Генриха Седьмого. По странной иронии судьбы местом упокоения великого герцога был выбран склеп семьи Ормонд, но он не был недостойным, поскольку в нем покоились кости Оливера Кромвеля.^[13] Затем голос епископа Аттербери, настоятеля Вестминстера, зазвучал спокойно и ясно со словами службы; и гимн печально запел: "Плачьте, ели, ибо кедр повален". Великолепный гроб, сверкая, погрузился в тень могилы, и рыцарь ордена Подвязки, выйдя вперед, громко провозгласил: "Так было угодно Всемогущему Богу забрать из этого бренного мира на свою милость всевышнего, могущественного и благородного принца Джона, герцога Мальборо". Затем, щелкнув волшебной палочкой, он швырнул осколки в хранилище.

Пока он говорил, с восточной крыши Аббатства взлетели три ракеты. Слабый звук отдаленных барабанов нарушил тишину за стенами, а затем раздался рев, от которого задрожали драпировки из соболей и пламя факелов снова затрепетало, когда пушки на плацу прогремели приветственный залп. Трижды повторился залп; слабо зазвучали барабаны и смолкли, и все снова стихло. А затем раздался звонкий треск ружей, когда двухтысячная гвардия дала ответный залп. Снова раздался залп, и еще раз; а затем барабаны зазвучали в последний раз, и великого герцога оставили отдыхать.^[14]

С этой сцены я должен перейти к дальнейшей работе, которая предстоит мне в связи с событиями следующих двадцати лет; и будет удобно сначала разобраться с политическим аспектом истории Армии. Следует отметить, что Англия еще не оправилась от недисциплинированности и беспорядков, вызванных Великим восстанием. После смерти Елизаветы страна, за исключением коротких лет Протектората, не знала хозяина. Вильгельм Оранский, который, во всяком случае, имел возможность управлять страной, не желал утруждать себя; Мальборо, пока длилась его власть, был занят главным образом военными делами; и во время правления обоих война была достаточной опасностью в одном случае и достаточным поводом для ликования в другом, чтобы отвлечь недисциплинированные умы. Теперь, однако, воцарился мир. На трон вззошел иностранный принц, достойный человек и очень далекий от неспособности, но неинтересный, ничего не знающий об Англии и неспособный сказать ни слова на ее языке. Национальные узы и реакция чувств, которые благоприятствовали реставрации Карла Второго, отсутствовали. Страна тоже, после продолжительного занятия делом свержения одного короля и возведения на престол другого, усвоила опасное презрение ко всякой власти вообще.

Другие влияния не менее сильно способствовали усилению господствующей недисциплинированности. Многие старые институты быстро приходили в упадок. Полицейская система была безнадежно неэффективна, а пресса еще не превратила силу общественного мнения в союзника закона и порядка. Во всех классах можно было обнаружить одно и то же беззаконие; среди высших оно проявлялось модным безразличием ко всему, что когда-то почиталось добродетелью, столь же модным потворством разврату и непреодолимой тенденцией решать любой спор немедленной и неизбирательной силой. Среди низших классов, несмотря на самый кровавый уголовный кодекс в Европе, были опасно распространены жестокие преступления, и не только насильственные. Ни один человек, которого стоило ограбить, не мог считать себя в безопасности в Лондоне, будь то на улицах или в собственном доме. Патрули конной и пешей стражи не смогли обеспечить безопасность дороги между Пикадилли и Кенсингтоном;^[15] а дальше по полю разбойничья площадка и разбойник с большой дороги царили почти безмятежно. Великие преступники также не преминули вызвать живое сочувствие у населения. Имена Дика Терпина и Джека Шеппарда и по сей день окружены ореолом героизма; и часто, когда какого-нибудь отчаянного преступника наконец доставляли в Тайберн, приходилось сопровождать его на казнь и, предполагая, что виселицу не срубили сочувствующие ночью, окружать его солдатами, чтобы толпа не спасла его. По всей Англии дело обстояло точно так же. Забастовки, беспорядки, контрабанда, поджоги и всеобщее беззаконие процветали с угрожающей силой, достигнув в конце концов таких масштабов, что, по признанию государственного секретаря в Палате общин, магистратам стало небезопасно выполнять свои обязанности без помощи вооруженных сил.^[16]

Против этого массового беспорядка единственной упорядоченной силой, которую можно было противопоставить, была Армия. Вскоре станет ясно, что у Армии было достаточно серьезных недостатков, но возмущение против нее было направлено не на ее недостатки, а на ее способность как дисциплинированного органа исполнять закон. Таким образом, до сих пор непопулярность Армии была довольно повсеместной. Но его самые грозные противники были порождены фракцией якобитов, которые хотели восстановить власть Стюартов, естественно, возражая против столь опасного препятствия их планам. Вой против армии был поднят в Палате общин еще в 1714 году, а в 1717 году член-якобит, который, будучи более заметным честностью, чем мудростью, был известен как "Откровенный Шиппен", инициировал серию ежегодных

ходатайств о сокращении вооруженных сил. Эту добровольно взятую на себя обязанность, как он однажды похвастался перед Палатой представителей, он выполнял двадцать один раз подряд, хотя в тринадцати из них не нашел никого, кто поддержал бы его.^[17] Если бы это было все, большого вреда не последовало бы; но лозунг сбитой с толку оппозиции, искусно украденный из старых времен недовольства, был слишком полезен, чтобы им не пользовались повсеместно, и "Нет постоянной армии" стало криком попугая каждого политического авантюриста, каждого недовольного духа, каждого ничтожного претендента на значимость. Сам Уолпол не гнушался пользоваться этим в течение четырех лет, которые он провел вне должности с 1717 по 1721 год, и стандартные аргументы недовольных никогда не приводились так умело и коварно, как военным секретарем Мальборо.^[18] Лорды снова немного отстали от Палаты общин, и пэры-якобиты, командовавшие в бою благородными полками, не постеснялись втоптать в грязь имя своей профессии.

1714-1739.

В таких обстоятельствах, когда малейший неверный шаг мог поставить под угрозу само существование армии, управление вооруженными силами и представление рекомендации об их стоимости Палате общин становились вопросами чрезвычайной деликатности. Уже рассказывалось, как король, когда улеглась тревога из-за первого якобитского восстания, добровольно сократил Армию одним махом на десять тысяч человек. Такая политика, какой бы опасной она ни была с военной точки зрения, была, несомненно, мудрой; это было пожертвование половиной груза ради спасения корабля, искусное превращение необходимости в добродетель. Еще до окончания войны в Испании британскому истеблишменту было запрошено четырнадцать тысяч человек, остальная часть армии была спрятана в Ирландии; и такое же количество было представлено в оценках вплоть до 1722 года. Однако осенью того же года администрация настояла на том, чтобы это число было увеличено до восемнадцати тысяч. Дух якобитов был поднят рождением принца Чарльза Эдуарда; в стране царил всеобщее беспокойство; все лето войска стояли лагерем, готовые к несению службы, и шесть полков были переброшены из Ирландии. Это увеличение вызвало резкие возражения в парламенте, но было поддержано подавляющим большинством в Палате общин и было разумно выполнено не путем формирования новых полков, а путем увеличения численности существующих корпусов до респектабельной цифры.^[19] До тех пор, пока это увеличение не было произведено, сказал лорд Таунсенд в Палате лордов в следующем году, было невозможно собрать четыре тысячи человек, не оставив короля, столицу и укрепленные места беззащитными.^[20]

Собрав свои восемнадцать тысяч человек, Уолпол решил, что в будущем это число должно составлять регулярную численность британского истеблишмента. В 1727 году угроза войны с Испанией привела к увеличению численности на восемь тысяч человек, но в 1730 году прежнее учреждение было возобновлено, и голосование регулярно проводилось год за годом, пока в 1739 году не началась испанская война. Конечно, из года в год выдвигались одни и те же фракционные мотивы сокращения и в сотый раз повторялись одни и те же бесполезные аргументы. "Рабство под видом армии для защиты наших свобод" было одной из любимых фраз, в то время как доблесть необученного британца была темой многих ораторов. Люди, которые, подобно сэру Уильяму Йонгу и Уильяму Поултни, занимали посты военного секретаря, когда находились в оппозиции, были такими же громкими, как самые громкие, и такими же глупыми, как самые глупые на подобных демонстрациях. "Я надеюсь, сэр, - сказал первый в 1732 году, -

что у нас в Великобритании достаточно людей, у которых хватит решимости защитить себя от любого вторжения, каким бы оно ни было, хотя во всем королевстве не было ни одного краснофлотца". Со стороны правительства контраргументы были почерпнуты из превосходного источника, а именно из катастрофических результатов массового расформирования после Рисвикского мира. На самом деле заведение было слишком маленьким. Используя собственные слова Уолпола, было бы невозможно даже по прошествии нескольких недель сосредоточить пять тысяч человек в какой-либо одной точке для отражения вторжения, не лишив столицу оборонительных сооружений и не оставив ее на милость открытых и тайных врагов.

Потерпев неудачу в своих попытках сократить численность армии, Оппозиция стремилась ослабить ее путем вмешательства в ее управление и дисциплину, для чего обсуждение Закона о мятеже ежегодно предоставляло возможность нанести вред. И здесь Уолпол снова подал дурной пример. Именно он утверждал, что ирландский истеблишмент должен считаться частью постоянной армии, кто намекал, что британские полки с их огромным преобладанием офицеров по сравнению с мужчинами потенциально намного сильнее, чем они казались, кто поощрял Палату общин диктовать военным властям пропорцию, которая должна соблюдаться между конницей, пехотой и драгунами.^[21] Именно он поставил под угрозу принятие Закона о мятеже, выдвинув старую банальность о том, что военный трибунал в мирное время английскому законодательству неизвестен, и что мятеж и дезертирство должны караться гражданским магистратом. Он снова обвинил министерство в отправке флота в Средиземное море вместо того, чтобы оставить его дома для охраны побережья, и поддержал ложную идею о том, что функция британского флота во время войны заключается в том, чтобы стоять на якоре в британских портах. Таковы были отклонения совести, которая ослепла, как только вышла за пределы служебного круга.

Оппозиция не замедлила воспользоваться такой мощной пропагандой, но, к счастью, без особых последствий. Было разнесено обращение к королю с просьбой о том, чтобы все вакансии, за исключением гвардейских полков, были заполнены путем назначения офицеров из списка на половинном жалованье. Король охотно согласился, ибо на самом деле он уже предвидел эту просьбу; и этого правила добросовестно придерживались как он, так и его преемник. Несомненно, это способствовало экономии, но также ослабляло то, что тогда считалось наиболее эффективной формой военного резерва; и результатом стало то, что офицерам было запрещено увольняться со своих должностей, им разрешалось выходить на пенсию только с половинным жалованьем, чтобы их служба все еще могла быть в ведении командования.^[22] Военные статьи также были отправлены на Викисклад, и их все еще можно прочитать в их журналах.^[23] Здесь должно быть достаточно сказать, что они тщательно предусмотрели судебное разбирательство гражданских властей по всем преступлениям, кроме строго военных. Здесь, однако, был создан новый прецедент, позволивший парламенту высказаться не только в общих принципах, но и в деталях дисциплины.

Оппозиция в обеих палатах не сразу воспользовалась этим нововведением, а ограничилась рассуждениями о бесполезности и опасности Акта мятежа в целом. Неудивительно, что позорный Роберт Харли, граф Оксфорд, выступил против этого Закона, но было печальным проявлением раскольнических чувств, когда старый полковник, лорд Страффорд, заявил, что страна прекрасно обходилась без него во времена короля Вильгельма. Также не следует думать, что, поскольку Закон в конечном итоге принимался каждый год, никаких неудобств из-за

обструкции в парламенте не возникало. По крайней мере, в одном случае он не был продлен в течение достаточного времени. Таким образом, военные трибуналы, состоявшиеся по истечении срока их действия, были недействительны, и, поскольку заключенных нельзя было судить дважды за одно и то же преступление, некоторым из них удалось скрыться.[24] Только в 1726 году нападки на эту меру начали стихать, и даже тогда правительство боялось вносить необходимые поправки, чтобы, привлекая внимание к Закону, оно не раздуло тусклые угли вражды заново.[25]

Следующая попытка захвата парламента носила более опасный характер, хотя и была более чем оправдана крайней провокацией. В пылу негодования по поводу противодействия его любимой схеме акцизного законопроекта Уолпол в 1733 году убедил короля не только уволить своих противников с их мест при дворе, но и лишить герцога Болтона и лорда Кобхэма, полковников королевской драгунской гвардии и синих, а также корнета Уильяма Питта королевской драгунской гвардии[26] об их поручениях. Это должно было повлечь за собой самое суровое из военных наказаний, за исключением смертной казни, за политическое неповиновение, и было справедливо воспринято оппозицией как чудовищное злоупотребление. Соответственно, лорд Морпет внес в Палату общин предложение сделать офицеров в звании подполковника или выше несменяемыми, за исключением приговора военного трибунала или по обращению любой из палат. Поднятый таким образом вопрос был прямым, поскольку по Уставу Военного времени ни один офицер не мог быть уволен иначе, как по королевскому приказу или приговору общего военного трибунала. Дебаты были очень остроумными с обеих сторон, но предложение было отклонено без разделения. Самой примечательной речью было выступление генерала Уэйда, который выступил против лорда Морпета на том основании, что ему было труднее всего собрать офицеров для военного трибунала и что они проявили бы еще большую небрежность, если бы их можно было уволить только по приговору их товарищей. "Короче говоря, сэр, - сказал он со значительным предупреждением, - дисциплина в нашей армии и так находится в очень плохом состоянии, и, по сути, это изменение только ухудшит ее".

Изучение сочетания политического и военного влияния на армию прольет свет на причину этой недисциплинированности. Во-первых, следует отметить, что не было никакого Главнокомандующего. Лорд Кадоган сменил Мальборо на посту капитан-генерала, но даже Мальборо был бессилён после своего восстановления, и он не был главнокомандующим в современном смысле этого слова. В результате вся власть, прикрепленная к управлению, перешла в руки военного министра. Этот чиновник все еще получал, как и прежде, военную должность и номинально был простым секретарем, а не министром или государственным секретарем; и в начале правления он воспользовался возможностью в лице Уильяма Поултни отказаться от всего, что приближалось к обязанностям министра.[27] Насколько кто-либо отвечал за армию, так это был государственный секретарь, обязанности которого позже были переданы Министерству внутренних дел; и, следовательно, мы находим военного министра, хотя на самом деле он контролировал всю армию, ежедневно посылая государственному секретарю запросы о подготовке поручений,[28] поскольку сам он теоретически мог подписывать документы не как советник короля, а только как его клерк. Просто по заведенному порядку такое устройство было крайне неудобным, но это мало что значило бы, если бы не было к тому же опасно.[29]

Особые обстоятельства, теперь уже давно устаревшие, наделили этого безответственного секретаря особыми полномочиями. Во-первых, следует помнить, что до сих пор казармы были почти неизвестны. Правда, в Тауэре, в "Савое", в Халле и в Эдинбурге были казармы, в которых могли разместиться половина или даже весь батальон; и в каждом городе с гарнизоном было также по казарме, способной вместить хотя бы горстку людей, которые должны были содержать орудия в порядке. Но по большей части армия была разбросана по всей стране небольшими отрядами,[30] поскольку постоянные дворы были единственными помещениями, разрешенными Законом о мятеже, и количество этих постоянных дворов было обязательно ограничено. В Ирландии нехватка пивных сравнительно рано привела к строительству казарм, с большим комфортом как для солдат, так и для населения, но в Англии само название "казарма" было предано анафеме.[31] Тщетно военные указывали на соседний остров и убеждали, что в Великобритании тоже могут быть казармы. Правительство боялось просить о них, а оппозиция отвергала любой намек на такое нововведение, "чтобы люди осознали, какие оковы для них выкованы".[32]

Распределение жилых помещений входило в компетенцию военного министра; и очевидно, что независимо от того, было ли присутствие солдат преимуществом для города или наоборот, силу, позволяющую применять его, можно было с пользой использовать в политических целях. Частым обвинением было то, что войска использовались для запугивания избирателей на выборах; и действительно, газеты, не очень заслуживающие доверия в таких вопросах, утверждают, что на выборах в Ковентри в 1722 году пехотинцы называли имена двух человек, и шериф вернул их.[33] Независимо от того, было ли это правдой или ложью, только в 1735 году Закон о подавлении мятежа предусматривал отвод войск на расстояние не менее двух миль от места голосования во время выборов. Но солдат не любили не столько за их вмешательство в дела свободного и независимого избирателя, сколько за бремя, которое они возложили на трактирщика. Было ли это бремя действительно таким тяжелым или нет, не подлежит сомнению; во всяком случае, оно считалось невыносимым.[34] Еще в 1726 году король запросил дополнительные полномочия в Законе о мятеже для проверки уклонения гражданских властей от выполнения своих обязанностей по расквартированию мужчин, и сразу после этой даты муниципалитеты начали изобиловать жалобами.[35] Этот вопрос представлял чрезвычайную трудность для военного министра, поскольку возмущение гражданских лиц было уравновешено не менее сильным ответным криком офицеров. Муниципалитеты, похоже, считали, что никакая военная необходимость не может оправдать нарушение их комфорта. Беспорядки, например, ожидалось в Бате, который, как место водопоя, был освобожден от обязанности находить жилье для солдат. Военный министр, хотя и не побоялся послать туда войска для подавления мятежников, ожидал неизбежных столкновений между гражданскими и военными элементами.[36] Саутгемптон снова яростно протестовал против прибытия в его пределы целого драгунского полка. Полковник возразил, что полк, о котором идет речь, был разбит на отдельные отряды с момента своего формирования и что фактически это была его первая возможность навести в нем порядок и дисциплину.[37] В некоторых случаях офицеры, безусловно, были виноваты, хотя они, похоже, редко вели себя плохо, за исключением случаев крайней провокации. Таким образом, мы находим офицера, которому было отказано в помещении для охраны в Сайренчестере, решающего проблему путем аннексии ратуши,[38] еще более произвольное взятие под стражу Регистратора Честера,[39] и драгунский корнет, отомстивший хозяину гостиницы, приказав восьми солдатам маршировать взад и вперед перед гостиницей в течение часа каждое утро и вечер, чтобы беспокоить постояльцев и портить

мостовую.[40] Действительно, однажды мы видим, как два офицера напоили самого богатого портного Тробрриджа и зачислили его рядовым.[41] Это примеры мелких военных действий, которые велись между солдатами и гражданскими лицами по всему королевству, действия, которые вызвали патетические призывы военного министра к нарушителям не делать армию еще более непопулярной, чем она уже была. Предупреждение было тем более необходимым, что, пользуясь словами Поултни, легкомысленные наглые офицеры воображали, что проявляют рвение к правительству, оскорбляя тех, кого они считали сторонниками противоположной стороны. Это, однако, было всего лишь естественным результатом превращения Армии в противовес в игре партийной политики. Единственным сдерживающим влиянием был король, который, если однажды убеждался в каких-либо злоупотреблениях, совершенных солдатами, становился неумолимо суровым.[42]

Тем не менее, в целом должно казаться, что солдаты были гораздо менее агрессивны по отношению к гражданским лицам, чем гражданские лица по отношению к солдатам. Совершенно очевидно, что во многих местах гражданское население намеренно затевало ссоры с войсками, чтобы поднять шум против армии;[43] а высокопоставленные чиновники местного и муниципального уровня в своей злобе против красных мундиров опустили бы до беззакония, столь же вопиющего, как и беззаконие толпы. Лорд Денби ложно обвинил солдат, нанятых против знаменитой Черной банды браконьеров, что является довольно опасным занятием, в том, что они объединились с ними ради доли прибыли.[44] Мэр Пензанса намеренно препятствовал драгунам, которые были отправлены для пресечения контрабанды, при исполнении своих обязанностей; отсюда следует вывод, что его преосвященство был самым известным контрабандистом на побережье.[45] Мэр Бристоля чинил все препятствия, технические или придирчивые, какие только мог придумать, на пути набора офицеров.[46] Мэр Санкт - Петербурга Олбанс, самый позорный из всех, отобрал пропуска военного секретаря у некоторых уволенных солдат, прогнал их плетью по улицам и взамен выдал им пропуска бродяг, в результате чего несчастных остановили и заключили в тюрьму для дезертиров.[47] Возмещение ущерба, подобного этому, было нелегко получить; ибо какая польза могла быть этим бедолагам от разговоров с ними об их средствах правовой защиты? Солдаты подчинялись более суровому закону, чем гражданские лица, и гражданские лица без колебаний пользовались этим преимуществом. Они не задумывались о том, чтобы потребовать, чтобы офицер был уволен без заслушивания, исключительно по их обвинению, и это тоже в тех случаях, когда они могли получить возмещение в судах общей юрисдикции.[48] Крэггс трогательно резюмирует трудности военного министра в связи с этими жалобами: "Если я не обращаю внимания на подобные вещи, против меня подадут петиции двадцать или тридцать городов; если я расследую их, офицеры сочтут себя обескураженными; если я проигнорирую их, я буду каждый день выступать с речами в Палате общин; если я окажу им хоть какое-то одобрение, я лишу офицерского звания. Мое собственное мнение таково, что я не смогу оказать армии большей услуги, чем когда, обращая внимание на такие незначительные беспорядки, которые затронут лишь немногих, я сделаю все общество более приятным для страны и шум против них менее популярным в Палате общин.[49]"

С учетом ловушек, намеренно расставленных для втягивания войск в ссоры, со случайным опытом такой жестокости, как было описано выше, и с учетом того, что члены Палаты общин постоянно клеймили солдат как распутных негодяев, неудивительно, что между армией и гражданским населением возникли ожесточенные чувства. Но еще более пагубной была тенденция гражданских лиц, например Палаты общин, вмешиваться в воинскую дисциплину.

Из огромного числа случаев дезертирства и из изобильных благодарственных писем, написанных магистратам, которые выполнили свой долг по аресту дезертиров, достаточно ясно, что большая часть этих чиновников была в этом отношении совершенно нелояльна. Солдаты едва ли могли уважать своих офицеров, когда видели, что гражданские власти сознательно потворствуют самым серьезным военным преступлениям. Но это было далеко не все. Мы находим членов парламента, ходатайствующих за главарей мятежа,[50] для дезертиров,[51] для увольнения солдат, иногда, но не всегда, с предложите заплатить за замену;[52] и, наконец, в качестве кульминации, мы видим, как один почтенный джентльмен спокойно забирает своего сына из полка по частным делам без спрошенного или полученного разрешения.[53] И военный секретарь освобождает мятежников, предупреждает военный трибунал приговорить дезертира к порке вместо смертной казни, поскольку в противном случае проценты обеспечат ему помилование, и умоляет генерала Уэйда, одного из немногих офицеров, которые близко к сердцу принимали армейскую дисциплину, не обращать внимания на отсутствие сына члена организации без разрешения.

Можно сказать, что ко всем этим примерам можно найти параллель и в наши дни. Это вполне возможно, поскольку такие вредные сорняки, однажды посеянные, нелегко искоренить, но корни зла тогда лежали гораздо глубже, чем сейчас, в непреодолимом превосходстве военного министра. Этот чиновник на протяжении всего этого периода продолжал напрямую переписываться с офицерами каждого ранга, от полковника до капрала, отдавая приказы, вынося похвалы или выговаривая, полностью игнорируя существование вышестоящих офицеров как каналов связи и дисциплины.[54] Его полномочия в других направлениях обозначены фразой "Отпуск военного секретаря", [55] который был предоставлен младшим офицерам без малейшего ссыла на их полковников, чтобы они могли проголосовать за кандидата от правительства на дополнительных выборах.[56] Мы обнаруживаем, что он заполняет вакансию в полку, не сказав ни слова полковнику,[57] инструктирует отдельных полковников драгун, когда они должны повернуть своих лошадей к грасс,[58] и фактически дающий условно-досрочное освобождение охраннику во время отсутствия короля в Сент-Джеймсе.[59] Все эти приказы, касающиеся чисто военных вопросов, издавались, конечно, королевской властью, хотя и не всегда от имени короля; и, действительно, по мере увеличения объема работы указания, критические замечания и порицания, как правило, все чаще передавались клерком по приказу военного министра. Фактически, абсолютный контроль над армией был узурпирован гражданским чиновником, который, присвоив себе осуществление королевской власти, отказался от любой конституционной ответственности.

Результат применения такой системы в такую эпоху, как эпоха Уолпола, можно легко представить. Среди офицеров было утрачено всякое чувство военной субординации. Их путь к продвижению лей, не добросовестное исполнение своих обязанностей по улучшению своих мужчин и удовлетворение своих начальников, но, получив, какбы то ни было, доброжелательность секретарь-в-Война,[60]—предоставление этот человек его увольнению, продвижению, что в звании капрала, помилования третий дезертирство. "Наши генералы, - сказал герцог Аргайлл в Палате лордов в начале войны в Испании, - всего лишь полковники с более высоким титулом, без власти и без командования ... сдержанный произвольным министром.... Наши армии здесь не знают другой власти, кроме власти военного секретаря, который руководит всеми их действиями и заполняет все вакансии без возражений и

апелляций".[61] Генералу Уэйду вполне можно было поверить, когда он утверждал, что дисциплина в армии настолько плоха, насколько это возможно.

ГЛАВА II

1714-1739.

От политики я перехожу к чисто военной стороне истории Армии. Что касается прежде всего офицеров, то, я думаю, было достаточно показано, что на них оказано достаточное влияние, чтобы деморализовать их, независимо от любого наследия коррупции, которое они могли унаследовать из прошлого. Против их недисциплинированности и нечестности Джордж Первый, похоже, выступал с самого начала. Особую неприязнь он питал к системе комиссионных за покупку и продажу. Если (таков был его аргумент) офицер непригоден к службе по собственной вине, его следует судить и уволить, если военная служба делает его недееспособным, он должен уйти в отставку с половинным жалованьем; и король был так тверд в этом последнем пункте, что военный секретарь не посмел его послушаться.[62] Таким образом, уже в июне 1715 года король объявил о своем намерении положить конец этой практике и в качестве первого шага запретил любую продажу комиссионных, за исключением офицеров, которые совершили покупку, и то только по цене, которая была первоначально уплачена. Одной из основных причин, побудивших его к такому решению, по-видимому, была непомерная цена, которую потребовали полковники под предлогом того, что они погасили долги полка за одежду солдат и понесли убытки из-за небрежности агентов.[63] Однако, по-видимому, поскольку правило применялось только к британским полкам, а не к полкам ирландского истребления, этот прием мало способствовал желаемым реформам. Поэтому в 1717 году король передал этот вопрос на рассмотрение Совета генеральских офицеров, сделав, однако, оговорку в пользу продажи в пользу раненых или вышедших в отставку офицеров, что не могло не свести на нет всю схему. Поэтому он счел за лучшее регулировать то, что он не мог отменить, и в 1720 году издал первый из тех тарифов на комиссионные, которые продолжали фигурировать в Постановлениях королевы до 1870 года. В то же время он поставил при покупке определенные условия в отношении звания и стажа службы, добавив несколько позже, что факт покупки не должен влечь за собой права на будущую продажу.[64] Очевидно, что министры держали перед глазами не только полезность системы с политической точки зрения, поскольку каждый офицер был связан в цене своего назначения хорошим поведением, но еще больше невозможностью добиться от парламента голосования за неэффективных людей. Фактически они следовали завету Мальборо, и трудно сказать, что они не были правы.

Одновременно король предпринял шаги, не всегда с большим эффектом, чтобы положить конец все еще существующим злоупотреблениям ложных учителей.[65] Более реальной услугой было предотвращение незаконных вычетов из жалованья солдат - порока, от которого едва ли хоть один полк был полностью свободен, - путем регулирования всех остановок на основании ордера.[66] В рамках того же принципа он также стремился обеспечить честность по отношению к стране и солдатам в вопросе одежды. Фактически, везде, где можно проследить

руку короля Георга Первого в управлении армией, обнаруживается, что он работает на честность, экономию и дисциплину; и достаточно очевидно, что, когда он отдавал решительные приказы, сами чиновники Военного министерства знали, что лучше не пренебрегать ими.

Печально констатировать тот факт, что его плохо поддерживали армейские генералы. Совет генералов, которому предполагалось передать решение всех чисто военных вопросов, по-видимому, был ленив и инертен, нуждаясь время от времени в суровых напоминаниях о своем долге.^[67] Вполне возможно, что эта пассивность была вызвана общим высокомерием гражданских лиц к военной власти, но даже в этом случае она остается неоправданной. Полковники снова, по-видимому, были возмутительно небрежны и небрежны во всех отношениях; и, возможно, в качестве предупреждения им король однажды уволил со службы семерых из их числа одной партией.^[68] Но как бы он ни отдавал приказы, королю никогда не удастся, из-за преобладающей недисциплинированности, заставить определенное количество офицеров вообще приблизиться к своим полкам. Говорят, что эта привычка к длительному отсутствию на службе, особенно на колониальных станциях, сильно беспокоила его и причиняла больше беспокойства, чем любое другое злоупотребление в армии. Когда мы прочтем о начале Семилетней войны, станет ясно, что у него были слишком веские основания для опасений. И все же не следует судить офицеров полка слишком строго. В иностранных гарнизонах, как сейчас будет показано, они были изгнанниками, заброшенными и без заботы; дома они подвергались постоянным провокациям, злобным жалобам и повсюду и во все времена находились под контролем гражданских лиц. Наконец, хотя их часто призывали на помощь гражданские власти, у них перед глазами была судьба капитана Портеуса, и они действительно так быстро восприняли этот урок близко к сердцу, что из-за отсутствия их вмешательства жизнь этого несчастного человека была принесена в жертву.^[69]

Когда офицеры вопиюще пренебрегали своим долгом, а гражданские лица намеренно поощряли недисциплинированность, неудивительно, что среди солдат было много случаев неподобающего поведения. В сложившихся обстоятельствах было естественно, что после Утрехтского мира профессия солдата приобрела в Англии дурную славу. Величайший капитан своего времени и один из величайших людей всех времен был вознагражден за свои выдающиеся заслуги изгнанием и позором. Многие офицеры с отвращением уволились со службы, некоторые из них покинули даже полки, которые любили как свой собственный дом. Массовое и беспринципное расформирование не исправило положения; и те, кто выжил после этого расформирования, столкнулись с осуждением Палаты общин, злобой муниципалитетов, грубостью трактирщиков и оскорблениями населения. Самому честному человеку в Англии достаточно было надеть красный мундир, чтобы его окрестили похотливым распутником. Неудивительно, что, обладая таким характером, готовым и неизменным, солдаты без колебаний проживали свою жизнь в соответствии с ним.

Уровень новобранцев, как социальный, так и моральный, после восшествия на престол Георга Первого, по-видимому, опустился до уровня худших дней Елизаветы, Реставрации или Вильгельма Третьего. Совершенно очевидно, что ряды пополнялись в значительной степени профессиональными преступниками, которые переходили из полка в полк, распространяя повсюду заразу недовольства, разврата и неподчинения. Вредные сорняки дезертирства и мошеннической вербовки процветали с поразительной буйностью, и никакие суровые

наказания не могли вырвать их с корнем. Неделю за неделей дезертиров выводили в Гайд-парк, привязывали к алебардам или просто к дереву и пороли сотнями ударов плетью. Были испробованы все виды бичевания, какие только могла предложить изобретательность. Иногда в качестве орудия использовалась кошка, иногда прут, иногда прутик, которые в кавалерии варьировались ремнями от плаща и кожаными стремянами. Иногда весь полк выполнял роль палачей,[70] иногда охрана, иногда только барабанщики. Иногда преступник управлял гантлопом, завершая неприятное путешествие так быстро, как только мог, иногда он шел по нему, выставив перед собой острие алебарды, чтобы не слишком торопиться. Иногда он отбывал наказание целиком в одно время и в одном месте, иногда частями по сто ударов плетью перед строем каждого отделения своего полка - практика, сродни "порке по флоту".[71] Часто он получал две или три порки подряд настолько быстро, насколько позволяло состояние его спины, причем за приведением приговора во многих случаях следовала "выбивка" со всеми признаками унижения.[72] Смертный приговор часто выносился военными трибуналами и нередко приводился в исполнение, дезертиру, осужденному в третий раз, редко удавалось спастись. За двадцать лет мира в Гайд-парке было застрелено много людей, и не было упущено ни одной возможности усилить ужас наказания: расстрельная группа иногда состояла исключительно из товарищей-дезертиров, которых пощадили из-за предупреждения, сделанного ужасным телом, пробитым их собственными пулями.[73]

Газеты освещают подобные события без особых церемоний, с большим удовольствием останавливаясь на инцидентах с "хвостом повозки", позорным столбом или Тайберном. Пикетирование солдата действительно какое-то время было достаточной новинкой, чтобы привлечь толпы,[74] но интерес к процессу, похоже, был недолгим. В те дни люди не были брезгливыми, и мужчины держали пари, что получают столько-то сотен ударов плетью, не дрогнув, так же спокойно, как если бы им предстояло пробежать столько-то миль или выпить столько-то кружек эля. Однако примечательно, что оба первых гвельфийских короля были склонны смягчать приговоры военных трибуналов, постоянно уменьшая количество ударов плетью и отменяя смертную казнь. Было ли это вызвано политикой или гуманностью, определить немного сложно, поскольку население, безусловно, сочувствовало дезертирам и помогало их спасать, в то время как находились "злонамеренные личности", которые были рады осудить суровость военных наказаний как упрек правительству.[75] Я, однако, склонен полагать, что оба короля были вдохновлены высшим из двух мотивов и должны удостоиться должных почестей за одно и то же. Я полагаю, что подобное вряд ли можно сказать о вышеназванных злоумышленниках, учитывая, что Палата общин имела дело со скандальным злом лондонских тюрем в 1729 году, но оставила всю работу по реформе Джону Говарду в 1774 году.

Последствия пополнения рядов негодьями, а также такие пороки, как недисциплинированность и пренебрежение, не закончились дезертирством и мошенническим зачислением на военную службу. В том, что солдаты в своих частных ссорах отчаянно дрались, ранив и убивая друг друга по малейшему поводу, нет ничего примечательного, поскольку такие столкновения были обычным явлением среди беднейших слоев городского населения. Но газеты сообщают о достаточном количестве неудач из-за использования заряженных патронов вместо холостых на учениях, чтобы показать, что подобные происшествия не были полностью случайными. И снова мы находим корпус, пользующийся таким большим успехом, как Первый отряд гвардейских конных гренадер, поднявший открытый мятеж, потому что один из них был приговорен к пикету.[76] В одном очень скандальном случае офицеры, командовавшие гвардией принца Уэльского, были настолько беспечны, что позволили солдатам напиться, фактически находясь

при Его Королевском высочестве. Охрану выставили, и после некоторой задержки появились трое солдат, которые, хотя и были явно навеселе, смогли, шатаясь, добраться до своих мест и более или менее твердо стоять на ногах. "На это, - читаем мы, - принц жаловался как на позор, насколько это было возможно"; но на таком расстоянии во времени читатель, видя самодовольную фигуру принца, который до него стал королем Георгом Вторым, не увидит ничего, кроме того, что было, вероятно, самым нелепым зрелищем, которое когда-либо видели в Конной гвардии.^[77] Но кульминации скандал достиг, когда в Кенсингтонском дворце действительно была совершена кража со взломом, и когда по вызову дежурного было обнаружено присутствие лишь двух мужчин, остальные, по-видимому, были заняты оказанием помощи грабителям.^[78] Безусловно, солдаты некоторых полков делали все возможное, чтобы заслужить дурную славу, которая беспристрастно закреплялась за всеми, кто носил красный мундир.

Можно спросить, почему от системы трехлетнего призыва на военную службу, которая давала такие превосходные результаты во времена королевы Анны, следовало отказаться. Ответ, судя по аргументам более позднего времени, состоит в том, что существовало опасение, что люди могут пройти через ряды британской армии, чтобы усилить ряды Претендента. Есть признаки того, что о восстановлении системы говорили в 1731 году, и по крайней мере один наблюдатель воспринял ее с радостью в связи с перспективой превращения всей нации в своего рода ополчение,^[79] но я не могу найти официальных следов такого возрождения. Если спросить, как Армия вообще пережила период такого уныния и бедствий, я не сомневаюсь, что ответ заключается в том, что она была спасена, как это часто бывало, духом, гордостью и самоуважением отдельных полков. Всегда были офицеры, которые усердно и добросовестно трудились ради репутации своего собственного корпуса, и всегда были люди, которые гордились тем, что поступали на службу к ним и помогали им поддерживать ее. После Утрехтского мира, как и в наши дни, Военное министерство сделало все возможное, чтобы подорвать настроения в полках, вернувшись к практике, категорически осужденной Мальборо, усиления более слабых корпусов за счет призыва более сильных, но тогда, как и сейчас, полковые традиции уберегли Военное министерство от последствий его собственной недееспособности, а Армию - от полного роспуска.

Вот и все о чисто британских делах: но Британская империя тогда, как и сейчас, не была ограничена берегами Британских островов, и далее необходимо рассмотреть более широкий вопрос об имперской обороне. Как читатель, вероятно, понял из моего повествования, система внутренней обороны до появления Новой Модели и за ее пределами, за исключением флота, всегда была одной и той же. Несколько артиллеристов и несколько слабых независимых рот содержались скорее как смотрители, чем как защитники укрепленных мест; на случай вторжения существовало ополчение; в то время как на случай экспедиции за море создавались специальные силы, которые расформировывались, как только их работа была выполнена. Постоянная армия постепенно вытеснила независимые гарнизонные роты из существования, хотя в последний год правления короля Вильгельма Третьего в Хэмптон-Корте, Виндзоре и одном или двух подобных местах все еще оставалось несколько таких рот; но, как уже было видно, постоянной армии, за которую проголосовал парламент, хватило только на то, чтобы укомплектовать гарнизонами самые важные британские крепости, и не более того. Таким образом, практически новая система мало отличалась от старой: если бы Англии пришлось сражаться с врагом за пределами ее собственных границ, она все равно должна была бы собрать новую армию, прежде чем смогла бы отправить человека за море. Единственная

разница заключалась в том, что имелось достаточное количество полков-скелетов с укомплектованными офицерами, чтобы вместить несколько тысяч человек.

В наших владениях за границей в точности соблюдалась старая английская система. Ожидалось, что британские колонии соберут собственное ополчение и обеспечат собственную оборону, как будто каждая из них сама по себе была Англией; и они выполнили это ожидание с готовностью, которая в те дни кажется удивительной. В случае с американскими колониями, и в особенности с северными провинциями, проблема формирования национального ополчения не представляла особых трудностей, поскольку это была страна, где белое население могло увеличиваться и размножаться, и где белые дети могли вырасти сильными мужчинами. Вскоре читатель сможет судить об американском ополчении по опыту действительной службы. Но на тропических островах Вест-Индии и в некоторой степени в южных провинциях Вирджиния и Каролина условия были иными. Там белый человек не мог процветать и воспитать здоровое потомство, в то время как орда негритянских рабов, здоровых, сильных и плодovitых, представляла элемент опасности, который держался в страхе только благодаря систематическому запугиванию почти невероятной жестокости.^[80]

В отсутствие естественного прироста белого населения ряды ополчения Вест-Индии пополнялись за счет постоянного вывоза белых "слуг" из Англии, то есть мужчин, женщин и детей, спасенных от тюрьмы или виселицы, вытесненных голыми и умирающими от голода из сточных канав, подвергнутых трепанации негодьями или похищенных прямо на улицах и тайно переправленных, как говорилось, через Атлантику. С самых первых дней английской колонизации семена, которые нужно было посеять на великом западном континенте, собирались из сорняков, растущих по обочинам дорог. В 1610 году в Виргинию были отправлены триста беспорядочников, в 1617 и 1618 годах - груз бедных и впечатленных эмигрантов, в 1620 году - "посылка бедных и непослушных детей". Новая Англия, обладавшая более высокими идеалами и более глубокой проницательностью, чем ее сестры, решила принимать только молодежь, не запятнанную пороком, но даже в этом случае не избежала вливания самых отбросов общества.^[81] Просвещенный француз действительно сформулировал схему вербовки старых солдат в качестве эмигрантов для Вирджинии, но по большей части белые слуги набирались почти исключительно из невыгодных классов.

Гражданская война, завоевание Ирландии, подчинение Шотландии и сокрушение роялизма привнесли новый элемент в экспортируемых белых слуг. Ирландские мужчины и ирландские девушки, объединенные под общим названием тори, были отправлены в Вест-Индию сотнями и даже тысячами.^[82] Английские и шотландские военнопленные, в том числе побежденные при Данбаре и Вустере, последовали за ирландцами; и, наконец, все ряды роялистов, которые тщетно боролись против железной воли Протектора, многие из них были людьми знатного происхождения и высокой репутации, были, по выражению того времени, выселены. После Реставрации количество белых слуг, хотя и увеличилось на мгновение из-за восстания Монмута и невинных жертв Джеффриса, вернулось к своей зависимости от тюрьмы, кримпа и "духа". Транспорт, хотя и не так давно вышедший из употребления, был почти забыт как средство поддержания уголовной дисциплины и совершенно забыт как первая основа нашей системы колониальной обороны.

Белых слуг в большинстве случаев можно было бы назвать белыми рабами. Их часто продавали за бешеные деньги без малейшего сокрытия, и они десятками раздавались как Оливером

Кромвелем, так и Джеймсом Вторым в качестве средства наживы и вознаграждения хорошим слугам или фаворитам. Практика была полностью признана, и ни один голос, за исключением голоса более молодого Вейна, никогда не поднимался против этого принципа.[83] Теоретически белые слуги были связанными подмастерьями на срок, редко превышающий десять лет, по истечении которого они получали свободу с, как правило, пожалованием земель короны, поощрявших их к оседлости.[84] В период своего рабства они были обязаны служить в рядах колониального ополчения не как свободные люди, а как подданные своих хозяев. Закон обязывал каждого плантатора предоставлять свою норму людей, и старые списки призывников в колониях часто состоят только из списка хозяев с цифрой, показывающей количество прислуги, которую должен предоставить каждый из них, что мало чем отличается от списков призывников в провинциях во времена королевы Елизаветы в Англии. Расставив своих людей по рядам, магистры заняли свои места во главе их в таком количестве, какое требовалось, в качестве их офицеров.

Три причины объединились, чтобы придать колониальному ополчению боеспособность, неизвестную ополчению Англии, — присутствие могущественных соседей, туземных или европейских; знание того, что от метрополии следует ожидать небольшой помощи; и, в тропиках, вечный страх перед восстанием негров. Барбадос, остров размером не более острова Уайт, мог в конце правления короля Карла Второго выставить шесть пеших и два конных полка, или в общей сложности шесть тысяч человек; в то время как Ямайка, менее удачливый остров, заселенный на целое поколение позже, произвела в том же году семь полков численностью в четыре тысячи человек. Ямайка, как можно заметить, из-за присутствия диких племен беглых рабов, называемых маронами, жила в более чем обычном страхе перед рабской войной и поэтому поддерживала свое ополчение на высоком уровне эффективности. Читателю следует мимоходом обратить внимание на этих маронов, поскольку мы встретимся с ними снова в очень критический момент. Тем не менее, в колониях часто наблюдался истинно английский дух апатии.[85] Главное, однако, заключается в том, что каждая колония, тропическая или умеренная, обеспечивала свою собственную оборону обученными людьми и фортификационными сооружениями. Запасы частично пополнялись за счет местных законов, которые обязывали все суда, регулярно торгующие из Англии, платить пошлины за порох пропорционально их тоннажу; метрополия часто предоставляла пушки и другие припасы со складов боеприпасов в Англии, а иногда выделяла даже небольшую денежную субсидию. Более того, как правило, корона тщательно назначала губернаторами людей с некоторым военным опытом, чтобы местные силы не нуждались в компетентном командире; и примечательно, как любопытный пережиток старых военных традиций, что гражданское лицо, выполняющее функции шерифа на островах Вест-Индии, все еще носит, во многих случаях, титул маршала-провоста.

Но даже во времена Карла Второго этот примитивный метод защиты колоний демонстрировал признаки разрушения. На Сент-Китсе, остров, который до заключения Утрехтского мира делили французы и англичане, французы держали небольшой постоянный гарнизон. Англичане, конечно, были вынуждены поступить так же, и соответственно две независимые роты красных мундиров были размещены там за счет короны - размещены, а не содержались, поскольку поначалу они остались без жалованья, одежды или какого—либо внимания из дома на целые годы.[86] В экстренные времена такие роты размещались также в других колониях, таких как Ямайка и Вирджиния, но они никогда не оставались на службе дольше, чем это было возможно, и колония получала возможность содержать их за свой счет или вообще отказаться от них.

Поскольку мужчины, как правило, бунтовали из-за отсутствия оплаты, они иногда оказывались элементом опасности, а не безопасности.^[87] Там, где поселения предоставлялись по уставу компаниям или собственникам, бремя обороны, конечно, ложилось на них, и почти всегда его несло местное ополчение. Были, однако, исключения, в частности, Ост-Индские и Африканские компании, которые, поскольку они занимались не колонизацией, а исключительно торговлей, удобнее обсудить в другом месте. Нью-Йорк, из-за его чрезвычайной важности как коммерческой и стратегической станции, был предоставлен его владельцем Джеймсом, герцогом Йоркским,^[88] двумя обычными независимыми компаниями на английском языке.

Время шло, и система транспортной защиты становилась все более и более нестабильной. Белые люди, недовольные рабством, десятками убегали с островов Вест-Индии, чтобы присоединиться к пиратам, кишевшим в Карибских морях. Долгая война с 1689 по 1714 год, наконец, на какое-то время полностью прекратила поставки белых слуг, поскольку все возможные рекруты были схвачены пресс-службой или приходским констеблем для службы в регулярной армии или флоте. При восшествии на престол короля Вильгельма единственными британскими гарнизонами в колониях были одна рота на Подветренных островах и две в Нью-Йорке; к 1692 году только в Вест-Индии был один полноценный полк^[89] и четыре независимые роты красных мундиров. С восшествием на престол королевы Анны независимые роты на время исчезли из Вест-Индии и уступили местолинейным регулярным полкам, которые с тех пор составляли гарнизон.^[90] В других местах, однако, старый принцип все еще оставался в силе. В 1695 году две компании в Нью-Йорке были увеличены до четырех, а в 1696 году еще одна компания взяла на себя управление Бермудами и Ньюфаундлендом. По окончании войны за испанское наследство Англия оказалась в исключительном владении Ньюфаундлендом, Новой Шотландией, Меноркой и Гибралтаром, причем всем им требовались постоянные гарнизоны, и ни у одного из них не было средств для обеспечения собственного ополчения.

Столь новая ситуация требовала совершенно нового поворота в английской военной политике, но, похоже, никто не видел в этом никакой необходимости, возможно, из убеждения, что, как бы ясно ни видел глаз солдата, глаза страны и Палаты общин наверняка будут ослеплены. Таким образом, власти твердо придерживались традиции Тюдоров, согласно которой гарнизон укрепленного пункта должен быть прикреплен к нему безвозвратно. Новая Шотландия и Ньюфаундленд требовали особого внимания и, соответственно, были укомплектованы четырьмя независимыми ротами каждая, которые в 1717 году по какому-то блестящему наитию в штабе были объединены в единый смехотворно слабый полк, ныне живущий среди нас под названием Сороковой пехотный. Подветренные острова, получившие свой Линейный полк во время войны, получили разрешение сохранить его в мирное время при условии предоставления казарм и дополнительного жалования для всех чинов; но колониальный гарнизон, даже если это был Линейный полк, все равно оставался гарнизоном, а следовательно, несменяемым; и так получилось, что Тридцать восьмой пехотный оставался на Подветренных островах без пополнения в течение шестидесяти лет. Но тем временем было признано необходимым держать небольшой гарнизон и на Ямайке. Сблэзн вернуться к старой системе был непреодолим, поэтому две независимые компании взяли на себя управление Порт-Роялем.^[91] Затем было сочтено, что Каролина нуждается в обороне, и в 1720 году туда была направлена еще одна независимая рота; затем Багамы и Бермудские острова, которые до сих пор делили роту между собой, попросили по роте на каждого и получили их; и в таком составе колониальные гарнизоны оставались до 1735 года. Тогда Ямайка оказалась в серьезной опасности из-за восстания негров, и все указывало на постоянную расквартировку целого полка на острове; но все же

старый прием был применен. Шесть независимых рот были набраны из полков в Гибралтаре, что вместе с двумя уже существующими в общей сложности составило восемь независимых рот; и только в 1743 году они были, наконец, объединены в полк Трелони, или, если дать ему современное название, Сорок девятый пехотный.

Но тем временем, в 1737-38 годах, потребности новой колонии вынудили Военное министерство выделить еще один гарнизон для обороны Джорджии; и было смело решено сформировать целый полк для этой службы и только для нее. Его полковником был губернатор и основатель Джорджии генерал Джеймс Оглторп; и он был сформирован в результате простого процесса передачи всего боеспособного рядового состава Двадцать пятой пехотной дивизии этому уважаемому человеку.^[92] Этот инцидент знаменует собой крайний предел, до которого Военное министерство довело принцип разделения колониальной и имперской службы. Еще четверть века понадобилось, чтобы увидеть не воплощение английских солдат в колониальный полк, а воплощение колонистов в английский, и знаменитый английский, полк.

Но не только в отношении размещения иностранных гарнизонов Военное министерство проявило себя скованным древними традициями. Власти поразительно медленно осознавали, что условия службы в Портсмуте и Аннаполисе, в Халле и на Гибралтаре не были и не могли быть идентичными. Впредыдущей главе я намекал на небрежность, которая заставляла гарнизон Гибралтара сжигать свои хижины в качестве топлива. Двадцатилетний опыт, похоже, мало чему научил Военное министерство, поскольку в 1730 году солдаты все еще были без крыши над головой и ужасно страдали от переохлаждения и дизентерии.^[93] На Менорке жилища солдат были в таком же плачевном состоянии, укрепления были в таком же плачевном состоянии, как и сами жилища, и несчастные солдаты тщетно просили новые постельные принадлежности взамен того, что они изрядно износили за десять лет службы.^[94] В Аннаполисе и Плацентии казармы приходили в упадок; а с Бермудских островов в 1739 году поступали жалобы на то, что с 1696 года не поступало никаких припасов. В Нью-Йорке рассказы о страданиях и лишениях почти не укладываются в голову. Там солдаты пограничной стражи маршировали к своим постам по колено в снегу и ложились прямо в одежде, за неимением постельных принадлежностей, когда сменялись: сержанту было приказано время от времени будить их, чтобы они не замерзли насмерть в караульном помещении. И все же офицеры тщетно умоляли удовлетворить их потребности. Управление боеприпасов, в ужасном страхе перед завышением своих оценок, сослалось на то, что парламент не предусмотрел таких услуг: и в результате сорок девять человек из двух слабых рот погибли за одну зиму из-за отсутствия одеяла, чтобы укрыться.^[95]

Но история беспомощности и пренебрежения на этом не заканчивается. Военное министерство, по-видимому, воображало, что во всем мире есть, как и в Англии, не только пивные, где могут быть расквартированы войска, но и домовладельцы, которые будут обеспечивать их, в соответствии с тарифами Закона о мятеже, едой, огнем и свечами. Похоже, ему не приходило в голову, что запасы в такой изолированной бесплодной крепости, как Гибралтар, должны быть обязательно ограничены; и только в 1720 году по просьбе короля было приказано, чтобы Гибралтар всегда обеспечивался продовольствием на два месяца вперед. Снабжение гарнизонов там, на Менорке, в Новой Шотландии и на Ньюфаундленде, было поручено подрядчикам, но в контрактах не учитывались самые очевидные потребности. Таким образом, хотя Менорка снабжалась бренди, маслом, хлебом, солью и табаком, пункт о мясе был полностью опущен, и губернатору фактически пришлось объяснить, что пяти перечисленных

выше продуктов было недостаточно для питания британского солдата.[96] В Аннаполисе — самом одиноком, скучном и унылом из кварталов — солдаты должны были довольствоваться единственным напитком - водой. Неудивительно, что они взбунтовались, и их офицеры были вынуждены покупать патоку за свой счет и варить для них пиво.[97] Каким бы смертоносным ни был климат Вест-Индии в то время, люди могли считать, что им повезло расквартироваться там, поскольку Ямайка и Подветренные острова проявили гораздо больше великодушия к британскому солдату, чем британский парламент.[98]

Еще предстоит обратить внимание на самые большие трудности обслуживания на зарубежных станциях, а именно на отсутствие какой-либо системы периодических послаблений. В те дни англичане не принимали изгнание так охотно, как в наши. Обычные солдаты и представить себе не могли, что их призывают на службу в иностранные гарнизоны; эта обязанность, как они думали, предназначалась для специально завербованных мужчин; и они постоянно дезертировали, совершенно отчаявшись когда-либо вернуться домой.[99] Выдающийся офицер, герцог Аргайлл, заявил, что длительный срок службы в Маоне приравнивается к наказанию, и что его единственным сюрпризом было то, что войска не подняли мятежей ни на Менорке, ни на Гибралтаре.[100] Совет генеральных офицеров хотя бы раз обратился с этим вопросом к королю,[101] но безрезультатно. Еще более жестоким было то, что Военное министерство отказалось предоставить солдатам-инвалидам бесплатный проезд домой. Даже в наши дни санитарной науки количество заболеваний среди наших войск в тропиках достаточно велико: читатель может сам подсчитать, каким оно должно было быть, когда малярийной лихорадке, желтой лихорадке и натуральной оспе[102] было позволено беспрепятственно развиваться. Но единственным ответом Военного министерства на призыв губернатора Ямайки вернуть солдат-инвалидов была обычная ссылка на отсутствие средств, подкрепленная чем-то большим, чем обычное горячее негодование.

Такая мелочная экономия, конечно, обходилась стране невероятно дорого. Тяготы дипломатической службы приводили не только к дезертирству, но и к чрезвычайным трудностям с получением рекрутов для независимых компаний за рубежом. Для преодоления этих препятствий использовались три отдельных средства. Первое заключалось в предложении крупных вознаграждений, которые между 1720 и 1739 годами быстро выросли с тридцати шиллингов до семидесяти пяти.[103] Это оказалось очень дорогостоящим, и пришлось прибегнуть к пагубной практике призыва солдат из полков на родине, тем самым перекладывая расходы с государства на офицеров полка, которые были вынуждены платить по пять фунтов с человека за призванных к ним людей.[104] Простая система вскоре была доведена до возмутительных размеров. Поскольку "Баунти" не удалось привлечь новобранцев для Каролины, вместо них был разослан призыв пенсионеров, и тот же принцип был вскоре после этого распространен на Гибралтар.[105] Таким образом, не только пенсионерам были причинены жестокие лишения, но и единственный резерв, которым Англия обладала для своей защиты в случае чрезвычайной ситуации, был растрачен на службу за границей. Наконец, в тех редких случаях, когда в средиземноморские гарнизоны направлялась помощь, сменяющий полк, как правило, был настолько ослаблен дезертирством перед своим уходом, что было необходимо передать ему целиком две младшие роты освобожденных и призвать добровольцев из оставшихся рот. Если требуемых людей этими средствами получить не удавалось, отдавался приказ отобрать по жребию столько, сколько требовалось.[106] Неизбежным результатом было то, что гарнизон состоял в основном из недовольных мужчин, готовых дезертировать при первой возможности, с добавлением ленивых, хитрых старых солдат, которые заразились

привязанностью к вину или местным женщинам и были довольны провести остаток своей жизни в хроническом бессознательном состоянии.

Трудности всей ситуации стали настолько острыми, что Совет генеральских офицеров посоветовал королю сделать отправку на службу за границу альтернативным наказанием за дезертирство и не проявлять милосердия при его применении.^[107] Король отказался, и нельзя отрицать, что в его решении была мудрость; но тем не менее несомненно, что множество дезертиров получили помилование при условии зачисления в корпуса, расквартированные в колониях, и особенно в Каролине.^[108] Принцип отсылки плохих личностей надевать красные мундиры по другую сторону Атлантики получил окончательное одобрение в 1742 году, когда более сотни мятежных дезертиров из шотландского полка были распределены между средиземноморскими гарнизонами, Вест-Индией и Каролиной.^[109] Такая неожиданная удача выпадает не каждый день.

Теперь легко понять, почему дипломатическая служба должна была быть не менее непопулярна среди офицеров, чем среди мужчин. Их солдаты были недовольны и несчастны из-за бедствий, которые они были бессильны исправить; их полки были заполнены наихудшими личностями, за которых они были вынуждены платить непомерную цену; для их комфорта не было сделано ничего лучшего, чем для удобства солдат; и жизнь была невыносимо скучной и монотонной. Ничто, однако, не может оправдать систематическое уклонение от исполнения обязанностей, которое было столь распространенным явлением среди них, а тем более безнадежную недисциплинированность, которая сводила на нет неоднократные приказы короля об их явке. В целом ясно, что Англия еще ни в малейшей степени не осознавала того факта, что она вступила во владение Империей и что Империю нужно защищать мечом. Не было никакой определенной схемы обороны, никаких попыток оценить масштабы военных ресурсов страны, никаких попыток выяснить, как их можно использовать наиболее эффективно. Роберту Уолполу было достаточно жить впроголодь, из бюджета в бюджет, в то время как король, если когда-либо и заглядывал за море, то смотрел на восток, а не на запад, и то не на Индию, а на Ганновер.

Мне остается упомянуть о тех улучшениях, которые были произведены в Армии за рассматриваемый период, которые, хотя и были немногочисленными, тем не менее имели далеко идущие последствия. Первым была постоянная организация артиллерии. Как уже было видно, в последнее время Содружество поддерживало полевой обоз готовым и снаряженным для действий в полевых условиях, в то время как Вильгельм Третий усовершенствовал это, разделив обоз на две роты. В хаосе, последовавшем за Утрехтским миром, эта организация потерпела крах, и Артиллерийское управление, когда в 1715 году ему было приказано снарядить поезд, оказалось абсолютно неспособным это сделать. Поэтому было решено вернуться к системе короля Вильгельма путем создания четырех постоянных артиллерийских рот, что было должным образом предписано королевским ордером от 26 мая 1716 года. Сначала были созданы только две роты общей численностью девять офицеров и девяносто два рядовых, но в 1727 году их число было увеличено до четырех рот с присвоением названия Королевского артиллерийского полка, которое до сих пор охватывает около ста рот и более ста батарей гарнизонной, полевой и конной артиллерии. Первым полковником был иностранец по имени Альберт Боргард, который поступил на британскую службу вовремя, чтобы сражаться при Стинк-Керке, а затем прослужил всю войну за наследство в Испании, неоднократно отличаясь

тяжелыми ранениями и всегда отличной и почетной службой. Мы увидим, что карьера корпуса была такой же, как у его первого полковника.[110]

Второе новшество в армии за этот период еще теснее вплелось в ее традиции. В 1725 году генерал Уэйд был отправлен в Шотландию, вооруженный инструкциями по разоружению горных кланов и наделенный законодательными полномочиями отправлять всех членов клана, которые не сложили оружие, служить королю в красном мундире за море. Были ли получены какие-либо рекруты этими средствами, неизвестно, поскольку Уэйд осуществлял свою власть разумно и тактично и заслужил бессмертие, используя свои войска на строительстве дорог, благодаря чему он не только уберег их от безделья, порождающего недисциплинированность, но и принес стране долговременную пользу. Чтобы обеспечить разоружение, утратить недовольных и сохранить порядок среди кланов, в том же году были сформированы четыре роты горцев под командованием капитанов лорда Ловата, сэра Дункана Кэмпбелла, Джона Кэмпбелла и Джорджа Гранта.[111] С 1710 года в Высокогорье существовали независимые роты для службы, но они были расформированы в 1717 году, хотя впоследствии офицеры были назначены повторно. Новые роты носили свою национальную одежду, которая, поскольку состояла в основном из черной, синей и зеленой шотландки, придавала им мрачный вид, и получила за своих владельцев название "Черные часы".[112]

Ряды были заполнены несколькими молодыми людьми из уважаемых семей, которые присоединились к корпусу, чтобы получить любимую привилегию горцев носить оружие, и многие были достаточно богаты, чтобы содержать своих солдат, которые сопровождали их в их квартирах и носили их оружие и снаряжение на марше. Рядовых отбирали без разбора из всех кланов, но офицеров - только из кланов вигов. Эта услуга, по-видимому, пользовалась популярностью, поскольку количество компаний, хотя и увеличилось почти сразу с четырех до шести, в течение восемнадцати месяцев увеличилось до ста десяти человек в каждой. Тот факт, что за тот же период они износили свое оружие исключительно тяжелым трудом, достаточно доказывает, что их жизнь была нелегкой. Наконец, 7 ноября 1739 года были отданы приказы о наборе четырех дополнительных рот и о формировании горного полка численностью семьсот восемьдесят человек. Полковник, назначенный командовать ими, Джон, граф Кроуфорд, страдал в то время от ранения, полученного в битве с турками пять месяцев назад при Кроцке,[113] и поэтому не смог немедленно взять на себя руководство ими. Наконец, несколько недель спустя сержант и рядовой[114] были доставлены в Лондон, это были первые солдаты в килтах, когда-либо виденные в столице, и были должным образом продемонстрированы королю, предположительно с удовлетворением к его портновскому уму. Так возник знаменитый полк, который, первоначально числившийся Сорок третьим в Строне, до сих пор находится с нами как Сорок второй горский.[115]

В остальном следует отметить, что с приходом к власти иностранной династии Армия рано начала проявлять признаки подчинения иностранному влиянию. Во многих направлениях строгая немецкая точность Георга Первого определенно пошла на пользу. Не пробыв на троне и двух лет, он учредил регулярную систему инспектирования всех полков генеральскими офицерами,[116] и вскоре после этого, заметив, что в каждом корпусе используются такие методы муштры, которые предпочитал полковник, он приказал разработать единые упражнения для всех.[117] Более любопытным, однако, было его вмешательство в вооружение пехоты,

поскольку, с одной стороны, он настаивал на том, что каждый солдат должен носить не только штык, но и саблю - любопытный старомодный предрассудок,[118] однако в течение двух лет он представил стальной шомпол, который был новейшим из новых усовершенствований.[119] Этот стальной шомпол является символом многого, поскольку это было изобретение ветерана, сражавшегося в составе прусских войск во время кампаний Мальборо, принца Леопольда Ангальт-Дессауского, известного в истории Пруссии как "Старый Дессауэр".

Волей-неволей мы должны обратить наши взоры на военные реформы, которые проводились в Пруссии при этом наполовину сумасшедшем, наполовину вдохновленном монархе, короле Фридрихе Вильгельме. О действительно важных уроках, которые британцы извлекли из него и из его гораздо более великого сына, говорить пока не время: для нашей нынешней цели следует отметить, и отметить не совсем с легким сердцем, что он был первым великим военным портным, воссевшим на трон. К сожалению, вдобавок он был замечательным солдатом и, таким образом, ввел многих монархов в заблуждение, что самым важным военным руководством является книга образцов и что солдата делают не тренировки и дисциплина, а лента, гусь и ножницы. Его влияние вскоре дало о себе знать в Англии, поскольку еще в 1718 году мы находим полковника Косби из Восемнадцатого Королевского ирландского полка, настаивающего на том, чтобы каждый солдат его полка носил оборки на рукавах и на груди рубашки;[120] а три года спустя, когда Фридрих Вильгельм лично посетил Англию, гвардейским гренадерам было приказано отрастить усы, чтобы сделать ему приятно. почести по случаю его прибытия.[121] Так началась эра пудры, косичек и облегающей одежды.

С восшествием на престол короля Георга Второго правление военного портного в Англии началось всерьез. Георг не любил своего шурина Фридриха Вильгельма, но он немало завидовал репутации его армии. У него было мало способностей к военным обязанностям, выходящим за рамки звания старшего сержанта, хотя он доблестно завоевал свои шпоры во главе эскадрона при Ауденарде, но, стремясь к военным отличиям, он со всем энтузиазмом узкой натуры погрузился в приятное волнение по поводу переодевания своей армии. Не пробыв на троне и четырех месяцев, он объявил о своем желании, чтобы каждый полкимел "исправленную форму одежды", и одним указом снял все кружева с кожаных ремней кавалеристов.[122] В следующем году головной убор конных гренадеров был изменен,[123] и в следующем году пехотинцам снова было запрещено носить перуки, за исключением случаев болезни.[124] И так процесс продолжался, почти не прерываемый даже войной, пока, наконец, не завершился составлением подробной таблицы правил относительно цветов, одежды, отделки и кружев,[125] и, к великому счастью потомков, в изображении рядового почти каждого полка армии.

Из-за таких мелочей были забыты великие уроки, преподанные Мальборо. Мантия великого герцога снизошла на одного человека, но даже если бы ему было позволено надеть ее, военный министр не обратил бы на него внимания еще больше. До 1742 года он оставался безвестным, а тем временем более известные офицеры быстро умирали. Кадоган, преемник герцога, умер в 1726 году и был похоронен вместе со своим великим вождем в часовне Генриха Седьмого, но не с военной pompой, а, по его собственному прямому желанию, со всем возможным уединением. Должно показаться, что больше всего на свете он боялся даже видимости причастности к славе своего учителя. Из ветеранов, переживших его, лорд Оркни и герцог Аргайлл были произведены в фельдмаршалы в 1736 году, в то время как Уэйд, добрый администратор Горной Шотландии, и лорд Стэйр приняли участие, как мы увидим, в следующей войне. Кроме них, никто не знал, где

искать английского генерала. Некоторые, возможно, рассчитывали на маленького принца Уильяма, которого в костюме капрала часто можно было увидеть тренирующимся в миниатюрной роте гвардии Колдстрима,^[126] еще не мечтая, что однажды его назовут каллоденским мясником. Никому и в голову не пришло заглянуть в маленький домик в Вестерхэме, в графстве Кент, где полковник Эдвард Вулф, ветеран Фландрии, воспитывал своего маленького сына Джеймса, удивительно уродливого мальчика с копной рыжих волос и вздернутым носом, родившегося у него в 1727 году. И снова никто не догадался, что прирожденный военный гений скрывался в другом мальчике, на два года старше Вулфа, который был бичом каждого фруктового сада, ужасом каждого торговца и зачинщиком всех бед в Маркет-Дрейтоне и его окрестностях и носил имя Роберт Клайв. И все же эти двое, один хрупкий и деликатный, другой неисправимый негодяй, были инструментами, назначенными для продолжения работы, начатой Кромвелем и Мальборо. Удивительно, что в 1731 году были еще живы два старика: один - офицер-роялист в возрасте ста восемнадцати лет, другой - солдат-пуританин в возрасте ста одиннадцати лет, которые сражались в битве при Эджхилле и все же несколько лет провели в миру с Вулфом и Клайвом. Они видели Оливера Кромвеля простым капитаном, и они дожили до того, что Уильям Питт получил звание кавалерийского корнета.^[127]

ГЛАВА III

1738.

Долгое правление Уолпола и мира продолжалось целых семнадцать лет. Заседание за заседанием, преодолевая трудность за трудностью, министр управлялся со своим подопечным с непревзойденной ловкостью, как погонщик лошадей обращается с необъезженным жеребенком; делая выпады или объезжая нацию круг за кругом, иногда по большему, иногда по меньшему кругу, но за исключением круга, никогда не позволяя ей двигаться вообще. Это была перемена, и, несомненно, благотворная, по сравнению с неустойчивым курсом, которого Англия придерживалась в течение прошлого столетия, но через некоторое время она стала утомительной. Ощущая здоровье, бодрость и мощь, нация начала мечтать о более широком поприще и о всаднике, который направил бы ее на более авантюрную карьеру. Но хотя претендентов на седло было предостаточно, им было нелегко сбросить Уолпола с седла; их единственным шансом было заставить бессловесное существо, которым он так ловко управлял, сбросить его. Ужасы постоянной армии, несмотря на постоянное размахивание старым флагом и завывание старых кличей, перестали внушать ужас, и было необходимо обнаружить какое-нибудь возбуждение более устрашающего рода.

Первые признаки надвигающихся неприятностей были замечены в парламенте весной 1738 года, когда разгорелись бурные дебаты, кульминацией которых стало обращение обеих палат с осуждением испанских грабежей в южноамериканских морях. Газеты вслед за этим сделали все возможное, чтобы усугубить ситуацию, яростно нападая на Испанию. В существо вопроса нет необходимости вдаваться здесь. Претензии англичан к испанцам в связи с ограничениями

на торговлю и право досмотра, а также испанцев к англичанам за уклонение от этих ограничений имели по меньшей мере полувековую давность; и достаточно очевидно, что обе стороны одинаково имели веские основания для жалоб. Англичане, по сути, были недовольны не столько самими ограничениями, сколько тем произволом и прихотливостью, с которыми они применялись, из-за нечестности и коррумпированности испанских властей. Еще во времена правления Карла Второго поступали жалобы на то, что испанские губернаторы поощряли британские суда на какое-то время нарушать правила, чтобы совершить внезапный налет на них ради собственной выгоды, когда они были привлечены в достаточном количестве, чтобы получить выгодный приз. В целом, остается только удивляться, что потребовалось пятьдесят лет, недобросовестное Противодействие и басня Дженкинса, чтобы заставить две страны поссориться из-за вопроса американской торговли.

1739.

19: 30 октября .

Уолпол, со своей стороны, изо всех сил старался предотвратить войну и даже заключил соглашение с Испанией относительно ущерба, который она должна возместить за повреждения, нанесенные британским кораблям; но это было не то, чего желала нация. Съезд был яростно осужден в обеих палатах как нерешительная мера, и никто так яростно не осуждал ее, как Уильям Питт. Враждебность против Испании разгорелась до предела; но среди всех призывов к войне оппозиция не преминула выдвинуть и поддержать ежегодное предложение о сокращении армии.^[128] Расчеты предусматривали лишь небольшое увеличение гарнизонов в Вест-Индии, на Менорке и Гибралтаре; однако против этой наиболее очевидной из мер предосторожности в перспективе разрыва с Испанией выступили те самые люди, которые громче всех требовали войны. Однако неизменная ловкость Уолпола с триумфом провела его через сессию; и хотя за увеличение вооруженных сил проголосовало полмиллиона человек, он все еще надеялся продлить годы мира, а вместе с ними и свое пребывание на посту президента. Но тем временем гордый дух Испании был оскорблен оскорблениями самозванных патриотов в английском парламенте; и когда полномочные представители встретились во исполнение конвенции, чтобы согласовать регулирование торговли между двумя нациями, испанцы отказались продолжать дело, если сначала не будет признано право обыска, тот самый пункт, в котором парламенту было отказано. Теперь Уолполу пришлось выбирать между отставкой и войной, и, к своему стыду, он выбрал войну. Открытое объявление военных действий было провозглашено в Лондоне 19 октября под радостный звон колоколов со всех шпилей города. "Теперь они могут звонить в колокола, - пробормотал Уолпол, несомненно, с сильными воспоминаниями о Военном министерстве во времена Мальборо. - Скоро они будут заламывать руки".

15 ноября 26 .

Уже в течение лета к некоторым конным и пешим полкам как дома, так и в колониальных гарнизонах было добавлено около пяти тысяч человек.^[129] Рекруты предлагали себя в таком изобилии, что офицеры могли выбирать своих людей, и энтузиазм по поводу войны распространился по всем частям королевства.^[130] Только в Эдинбурге было завербовано семьсот человек; и ирландцы, привлеченные предложением награды, пришли в большом количестве, чтобы поступить на службу, хотя только для того, чтобы быть встреченными приказом о том, что их, как папистов, не следует принимать.^[131] Люди были, по сути, опьянены

перспективой разграбления Новой Испании. Ни один человек не вспомнил об экспедиции Венейбла и Пенна и не подумал о тысячах тех, кто отправился вместе с ними, переполненный надеждами на золото, сложенное в мешки, и так и не вернулся. В ноябре король открыл парламент и, объявив об уже произведенном увеличении численности вооруженных сил, объявил о своем намерении набрать несколько корпусов морской пехоты и предоставил Палате общин обсуждать то же самое. Тогда старый инстинкт фракционности сразу же восстановил силу. Хотя война фактически была объявлена, это предложение подверглось суровой критике как коварное усиление постоянной армии. Палтни отказался проводить различие между морской пехотой и сухопутными войсками, как будто этот вопрос в данный момент мог иметь хоть малейшее значение; несколько членов парламента выразили надежду, что морские пехотинцы будут, по крайней мере, призваны из постоянной армии, и обращение к королю с этой целью фактически нашло девяносто пять сторонников. Наконец, старый Шиппен в двадцать третий раз внес свое ежегодное предложение о сокращении армии. Это были люди, которые развязали войну, и именно таким образом они готовились поддержать ее.^[132] Если вспомнить, что эти существа называли себя патриотами, то неудивительно, что патриотизм должен был найти определение как последнее прибежище негодяя.

21 ноября 2 декабря
1740 года.
3 марта 14 .

Однако были отданы приказы о формировании шести полков морской пехоты,^[133] под командованием полковников Вулфа, Робинсона, Лоутера, Виньярда, Дугласа и Мортонса численностью по тысяче сто человек на каждого; и либо из уважения к Палате общин, либо, возможно, для большей оперативности, эти корпуса фактически были укомплектованы в основном призывниками из существующих полков, как и должно было доказать событие, с катастрофическими результатами.^[134] Тем временем эскадра адмирала Вернона в Вест-Индии атаковала Порто-Белло и, прорвав оборону, с триумфом вернулась на Ямайку. Эта работа, несомненно, была проделана хорошо, но в Англии этот подвиг превозносили так, как будто Вернон захватил всю Испанскую Америку. Когда нация вступает в войну с легким сердцем, ей приходится преувеличивать самый незначительный успех; и Вернон стал героем не только своего часа, но и всей войны, и снова с катастрофическими результатами. Окрыленный своей удачей, адмирал три месяца спустя предпринял попытку штурма Картагены, но обнаружил, что захват порта был задачей, неподвластной ни его эскадре, ни вообще какой-либо эскадре без помощи семи или восьми тысяч солдат. Однако в его отчете указывалось место, откуда по Испании мог быть нанесен серьезный удар, и его влиянию следует приписать выбор поля операций.

Теперь правительство приготовилось к серьезным действиям против Новой Испании и решило, подобно Кромвелю, что как Новая, так и Старая Англия должны принять участие в конфликте. Соответственно, были отданы распоряжения о наборе четырех батальонов американцев под командованием заместителя губернатора Виргинии полковника Спотсвуда; сержант-вербовщик был направлен работать по обе стороны Атлантики; и все лето шла подготовка к секретной экспедиции. Была выражена надежда, что он отправится к месту назначения в конце июня или начале июля, поскольку эксперты объявили эту дату самой поздней из возможных, когда операции можно было провести с какой-либо надеждой на успех.^[135] В апреле полки, назначенные для службы, начали собираться на острове Уайт, и повсюду царили суэта и

активность. С этими войсками возникли немалые трудности, поскольку новые полки морской пехоты не отличались ни строевой подготовкой, ни дисциплиной; но благодаря энергии бригадного генерала Вентворта они были приведены в форму с похвальной быстротой. Лорд Кэткерт, избранный для главного командования, был неустойчиво бдителен, и действительно, у него были на то веские причины, поскольку невежество и глупость властей, с которыми ему приходилось иметь дело, были почти невероятны. Так, например, Военное министерство, сократив количество линейных полков для формирования нового корпуса морской пехоты, без колебаний приказало одному из полков, настолько истощенных, перейти на действительную службу; и Кэткерт, как он знал, привязанный к смертоносному климату в сердце тропиков, обнаружил, что часть выделенных ему войск состояла из мальчиков, у которых не хватало сил обращаться с оружием.[136] Таковы были первые плоды призыва "Нет постоянной армии".

3 Августа 14 .

Напряженным трудом военные офицеры отсеяли этот неперспективный материал и наилучшим образом использовали оставшийся, мужественно и небезуспешно стараясь подготовить все к экспедиции, которая должна была начаться в июле. Более того, после смерти полковника Спотсвуда, предполагаемого заместителя командующего, лорд Кэткерт попросил, чтобы его место занял бригадный генерал Вентворт в награду за усердие и способности, которые он проявил в лагере.[137] Запрос был должным образом удовлетворен с очень трагическими последствиями. Однако в то же время генерал обнаружил, что, хотя сейчас был конец июля, адмирал, который должен был сопровождать свои транспорты, не имел приказа выходить в море, в то время как его флот даже не был укомплектован.[138] Тем не менее, он усиленно продвигал свои приготовления и, выбрав годовщину Бленхейма как день хорошего предзнаменования для высадки, погрузил на борт корабля восемь полков численностью шесть тысяч человек.[139] Затем последовали досадные задержки, частично из-за сильного ветра, частично из-за официальных ошибок. Трижды корабли трогались в путь, матросы громко приветствовали их перспективой наконец-то выйти в море, и трижды ветер подводил их или становился невыносимым. Кэткерт волновался все больше и больше . Благоприятный сезон быстро ускользал. Люди были заперты на транспортах в течение шести недель и израсходовали большую часть припасов, предназначенных для путешествия. Скорбутиоз был серьезно распространен, и уже было зарегистрировано шестьдесят смертей. "Конечно, - писал генерал, - войскам можно было бы раздать немного свежего мяса", но власти не придали этому значения. Прошел август, и наступил сентябрь, принес с собой известие о том, что испанский флот вышел в море и что французский флот также собирается отплыть из Бреста. Франция уже проявила симпатию к Испании, что было естественно от одного короля Бурбонов к другому, и намерения кораблей из Бреста вполне могли быть враждебными. Такое непредвиденное обстоятельство можно было бы предвидеть, но его не было; поэтому произошла дальнейшая задержка, пока британский флот был усилен. Затем, когда корабли были готовы, людей для укомплектования ими найти не удалось. Два старых линейных полка, Тридцать четвертый и тридцать шестой, были переданы флоту для пополнения его состава; но их оказалось недостаточно, и Кэткέρту было приказано отправить шестьсот своих морских пехотинцев также в состав военного флота. Он подчинился, не без предупреждения правительства о том, что на флоте свирепствует инфекционная лихорадка, которая уже оказалась смертельно опасной; но к его предупреждению не прислушались, возможно, под давлением бизнеса не смогли прислушаться. Так тянулись дни; транспорты ждали, а люди гибли. Терпение Кэткерта было на пределе. Помимо проблем с армией и флотом, на него из Уайтхолла обрушился бесконечный

поток досады. Его инструкции постоянно менялись, и не предпринималось никаких усилий, чтобы сохранить его назначение в тайне. Одно заявление, которое было сообщено ему как важный секрет, было предметом разговоров во всех кофейнях Портсмута задолго до того, как оно дошло до него. Газеты публиковали подробности о каждом корабле с оружием и припасами, отправленном в Вест-Индию, и в качестве кульминации полностью напечатали прокламацию, которую Кэткорт должен был выпустить по прибытии в Южную Америку.^[140] Таковы были английские идеи организации победы.

24 октября 4 ноября

1740 г., 23 декабря 1741 г., 3 января

Наконец, 4 ноября флот вышел в море, опоздав всего на четыре месяца, и после очень штормового перехода, разбросавшего корабли во всех направлениях, основная часть транспортов прибыла в залив Святого Руперта, Доминика, 3 января 1741 года. Силы уже понесли тяжелые потери. Флот был очень слаб, погибло более ста солдат, и, что хуже всего, сам лорд Кэткорт заболел дизентерией и тоже был мертв.^[141] Вентворт принял командование вместо него; и флот через день или два проследовал к Сент-Китсу, где все пропавшие корабли были найдены на якоре в целости и сохранности. Но и среди них болезнь принесла печальный опустошение, и из шестисот морских пехотинцев, переведенных, несмотря на предупреждения Кэткарта военным, многие были мертвы и мало кто годен к службе. Оттуда флот отплыл, как было назначено, на Ямайку, где нашел эскадру Вернона, ожидавшую его в гавани, и американские батальоны, теперь сформированные под командованием полковника Гуча, в лагере на острове. Американцы были в очень плохом состоянии. Их ряды были пополнены без труда, но плохим материалом: они не были склонны к муштре или дисциплине и по прибытии на Ямайку сразу же стали беспорядочными и взбунтовались. У их недовольства было веское оправдание, поскольку английское правительство, хотя и приняло меры по оплате труда и снабжению продовольствием британских войск, ничего не сделало для американцев, которые, таким образом, были вынуждены прибегнуть к таким скудным ресурсам, какие могла предоставить Ямайка.^[142] Более того, американцы были еще более болезненными, чем британцы, и похоронили десятки людей с момента их высадки. Из первых отчетов, отправленных домой с Ямайки, следует, что из девяти тысяч солдат, отправившихся из Англии и Америки в октябре, семнадцать офицеров и шестьсот рядовых умерли до конца года, в то время как еще полторы тысячи фактически числились на больничном.^[143]

24 февраля, 7 марта.

Тем не менее выжившие оставались в хорошем расположении духа. В настоящее время между армией и флотом существовала вся возможная гармония,^[144] и потери можно было до некоторой степени восполнить, отправив четыре независимые роты, которые находились в гарнизоне на Ямайке. Но тем временем французский флот был сосредоточен у берегов Эспаньолы, и до тех пор, пока он не будет рассеян, командиры не осмеливались предпринимать никаких операций против основных сил Испании. Верно, что Франция и Англия не находились в состоянии открытой войны; но это, как мы сейчас увидим, не было причиной, по которой флоты и армии двух наций не должны были сражаться друг с другом. Поэтому, когда флот, наконец, отплыл с Ямайки 7 марта, Вернон был полон решимости атаковать французов, если он столкнется с ними.^[145] Однако он был освобожден от какой-либо подобной ответственности.

Болезнь вынудила французский флот вернуться из Карибского моря в Брест, и британцы были вольны идти, куда им заблагорассудится. Вслед за этим было решено атаковать Картахену без промедления, поскольку, хотя инструкции Кэткарта давали Вентворту возможность сначала атаковать Гавану, все же кубинский порт считался слишком хорошо защищенным, тогда как Картахена, как надеялись, станет легкой добычей. Дело в том, что Вернон всем сердцем привязался к Картахене, и ему было нетрудно отстаивать свою точку зрения.

4 марта 15 .

Соответственно, 15 марта флот бросил якорь в Плайя-Гранде, в двух лигах с наветренной стороны от Картагены, и английские командиры могли судить о предстоящей им работе. Город Картахена расположен у истоков внутреннего озера, которое в наибольшей своей протяженности простирается примерно на семь миль к северу и югу. В это озеро есть два входа, из которых только восточный, известный из-за своей узости как Бока-Чика или Маленькое Устье, был практически пригоден для линейных кораблей. Западную сторону Бока-Чики защищали три форта — Сан-Яго и Сан-Фелипе у входа с моря и форт Бока-Чика, гораздо более грозное сооружение, на полпути вверх по проходу. На восточной стороне у входа была установлена фашинная батарея, в то время как другой опорный пункт, форт Сент-Джозеф, блокировал внутренний конец. Форсировать Бока-Чик, чтобы впустить флот в гавань, было первой задачей, которую предстояло выполнить Вентворту и Вернону.

9 марта 20 .

11 марта 22 .

20 марта часть эскадры под командованием адмирала сэра Чалонера Огла разгромила форты Сан-Яго и Сан-Фелипе; триста гренадер были успешно высажены на западном берегу Бока-Чика; а 22-го были высажены все сухопутные войска, за исключением тридцать четвертого, тридцать шестого и американских, из которых последним, из-за их недисциплинированности, было доверено высадиться на берег только трем сотням. С момента высадки Вентворт, похоже, потерял голову. Он знал свою профессию по книге, но у него не было никакого опыта. Хотя он расположился лагерем на острове, окруженном со всех сторон по меньшей мере лигой воды, он жил в смертельном страхе перед неожиданностью и выставил охрану, столь многочисленную и сильную, что едва мог найти людей на смену им. Вернон и Огл с изумлением наблюдали за ним в течение двух дней, а затем, потеряв всякое терпение, отправили ему письмо, первое из очень примечательной серии писем, которые должны были передаваться между адмиралами и генералами перед Картахеной. "Выдвиньте часть своих сил к форту Бока-Чика, - фактически сказали они, - остальных ваших людей накройте брезентом, поторопите своих инженеров приступить к осаде форта и выберите несколько отборных людей для своей охраны вместо того, чтобы беспокоить всю вашу армию".^[146] Это был превосходный, хотя и элементарный совет, хотя вряд ли такой, какого генерал ждет от адмирала.

12 марта 23 .

22 марта 2 апреля.

Вентворт, надо отдать ему справедливость, похоже, с пониманием отнесся к этому совету, но задержка с началом осады форта Бока-Чика произошла не только по его вине. Во всей армии был только один инженер, который был наименее компетентен вести осаду, и, по-видимому,

возникли значительные трудности, во-первых, с тем, чтобы вообще доставить его к месту действия, а во-вторых, с тем, чтобы заставить его работать, когда он туда доберется.^[147] Земля была наконец взята под контроль 23 марта, но когда батареи были построены, в армии было так мало боеспособных артиллеристов, что моряков Вернона волей-неволей привлекли для работы с орудиями. Наконец, 2 апреля Вентворт открыл огонь; и тогда обнаружилось, что по какой-то ошибке лагерь был разбит прямо на одной линии с батареей, так что каждый выстрел из форта Бока-Чика, пролетающий над британскими орудиями, попадал в палатки, убивая и ранив более сотни человек в первый день. Тем не менее, с помощью яростной канонады некоторых военачальников орудия форта Бока-Чика замолчали, и тогда Вернон и Огл снова начали побуждать Вентворта к действию. "Мы надеемся, - писали они 3 апреля, - что вы прикажете своим войскам расположиться под Бока- Чика сегодня ночью ... чем дольше вы будете медлить, тем тяжелее будет ваша работа". Вентворт колебался, но ничего не предпринимал. "Вам следует взять форт штурмом сегодня ночью, до восхода луны", - снова написали они 4-го числа. Вентворт все еще колебался, и еще один день был потерян. Затем морские офицеры стали более категоричными. "Неуверенность ваших войск, - писали они, - может только обескуражить их. По нашему мнению, у вас вполне достаточно людей для атаки такого ничтожного форта. Вам следовало бы построить еще одну батарею, так как ваши люди были бы более здоровы для дополнительной работы. Зная климат, мы советуем вам принять более энергичные меры, чтобы уберечь ваших людей от болезней ".

Тон двух матросов по отношению к солдату был скорее тоном презрительной няни по отношению к робкому ребенку, но последнее письмо возымело желаемый эффект, поскольку Вентворт приказал взять форт штурмом в тот же день. Не успели англичане проникнуть в брешь, как испанцы бежали почти без единого выстрела, и наводящий ужас форт Бока-Чика перешел в руки Вентворта ценой двух раненых. Более того, испанцы в фортах по другую сторону ла-Манша также приняли участие в панике и покинули их, оставив вход в гавань открытым для британцев. Операции на данный момент стоили ста тридцати человек убитыми и ранеными, но двести пятьдесят умерли от болезней, и более шестисот находились в госпиталях. Остальную работу нужно было выполнить быстро, если она вообще должна была быть выполнена.

5 апреля 16 .

Апрель.

Однако сначала необходимо было вновь погрузить все войска, чтобы доставить их в начало гавани для атаки на город Карфаген. Этот процесс занял больше недели и не улучшил отношений между армией и флотом. Вернон уже громко жаловался, и, вероятно, не без основания, на лень солдат: "синие куртки" выполнили всю тяжелую работу при первой высадке полков, и теперь им предстояло сделать это снова. Наконец, однако, транспорты тронулись с места и направились к внутренней гавани, вход в которую, как и во внешний порт, лежал через узкий канал с большим фортом, называемым Кастильо Гранде, с одной стороны, и небольшим редутом - с другой. Проход был более эффективно заблокирован несколькими затонувшими кораблями, которые испанцы затопили после форсирования Бока-Чики. Флот, однако, быстро устранил все эти препятствия. Испанцы оставили Кастильо-Гранде, и морские офицеры со свойственной им ловкостью ухитрились найти проход через затонувшие корабли. Несколько бортовых залпов расчистили пляж для высадки, и 16 апреля Вентворт высадился. Он настойчиво просил выделить ему пять тысяч человек, но военно-морские командиры ответили кратко, хотя и не несправедливо, что, хотя они готовы высадить их, если потребуется, они

считают, что полутора тысяч человек вполне достаточно, поскольку время превыше всего.[148] Итак, с пятнадцатью сотнями человек Вентворт приступил к дальнейшей задаче, стоявшей перед ним. Теперь между ним и Картахеной было только одно внешнее укрепление - форт, стоявший на возвышенности примерно в семидесяти футах над равниной и называвшийся форт Сен-Лазар. Подход к нему со стороны входа в гавань лежал через узкое ущелье, в устье которого испанцы оказали небольшое сопротивление. Вскоре они отступили перед наступлением британцев, но бедняга Вентворт, всегда считавшийся генералом по уставу, с головой, забитой засадами и другими ловушками для неосторожных, остановил своих людей вместо того, чтобы смело продвигаться вперед, иначе он почти наверняка тут же захватил бы форт Сен-Лазар и ворвался бы в саму Картагену на спинах беглецов. Накануне Вернон убеждал его, что для достижения успеха ему нужно только действовать энергично, но Вентворт был слишком подавлен ответственностью командования, чтобы воспользоваться таким разумным советом. Он продвинулся не дальше, чем на расстояние лиги от Сен-Лазара, разбил лагерь и потребовал от адмирала прислать ему оставшихся людей.

Вернон удовлетворил просьбу, но не слишком любезно. "Я посылаю людей, - писал он, - но я все еще считаю такое количество ненужным. Промедление - ваш злейший враг; их инженеры лучше ваших, и энергичный рывок - ваш лучший шанс. Нельзя терять времени на то, чтобы перекрыть сообщение между городом и окружающей местностью. Мы надеемся, что завтра вы станете магистром Святого Лазаря". Совет был более здравым, чем когда-либо, но Вентворт не мог заставить себя последовать ему. Прикрываясь голосованием военного совета, он ответил, что штурм Сен-Лазара невозможен; стены слишком высоки, а ров слишком глубок. Он спросил, возможно ли, чтобы корабли обстреляли форт и прочесали перешеек, отделяющий город от окружающей местности для него. Это было уже слишком. Флот до сих пор брал на себя основную тяжесть работы, но не мог выполнить все. Тон Вернона, всегда властный, теперь стал почти жестоким. "Пойнтис,[149] кто знал климат, попробовал escalade и преуспел, - парировал он, - корабли на большее не способны. Если бы вы сразу же двинулись вперед, когда испанцы бежали от вас, мы считаем, что вы взяли бы Сен-Лазар на месте".

После дня переваривания этого неприятного документа Вентворт все-таки остановился на escalade. Хотя ему не хватало опыта Вернона в тропиках, он испытывал достаточный страх перед сезоном дождей, который уже наслал болезни на его лагерь, возвещая о его приближении. По какой-то случайности, ответственность за которую он снял с себя, ни палатки, ни инструменты не были доставлены с людьми;[150] и в течение трех ночей войска, молодые, неопытные и бестолковые, были вынуждены разбить лагерь. На третий день они начали быстро падать. Был проведен военный совет, и хотя генерал Блейкни, отличный офицер, до последнего выступал против этого проекта, было решено взять Сен-Лазар штурмом. Сам по себе форт действительно не представлял собой ничего особенно грозного, и его можно было бы без труда разнести на куски с другого возвышения, называемого Ла-Попа, примерно в трехстах ярдах от него. Однако единственный инженер был убит до взятия Бока-Чики, артиллеристы совершенно не знали своего долга, а орудия не были доставлены на берег; так что, хотя батарея в Ла-Попе могла бы послужить двойной цели - разрушить Сен-Лазарь и разрушить стены города, никаких попыток ее возвести не предпринималось. А тем временем испанцы воспользовались своей передышкой, чтобы укрепить Сен-Лазар новыми укреплениями, которые были далеко не жалкими, и усилили городской гарнизон. В этом, однако, и заключался вопрос; и проблема, хотя и могла быть трудной сама по себе, была настолько проста, что допускала только одно решение. Сен-Лазар был практически неприступен, за исключением той стороны города, откуда

им командовали пушки Карфагена. Следовательно, форт должен быть взят с той стороны до рассвета, и взят как можно быстрее.

9 апреля 20 .

Ранним утром 20 апреля были сформированы колонны для атаки. Первым шел передовой отряд из пятидесяти человек при поддержке четырехсот пятидесяти гренадеров под командованием полковника Виньярда, затем два старых полка, Пятнадцатый и Двадцать четвертый, общей численностью в тысячу человек; за ними смешанная рота из тридцать четвертого и тридцать шестого; затем американцы с шерстяными мешками и штурмовыми лестницами и, наконец, резерв из пятисот морских пехотинцев Вулфа. План состоял в том, чтобы атаковать северную и южную стороны Сен-Лазара одновременно, Виньярд занял южную или более слабую сторону, в то время как полковник Грант со старыми полками, на которые в основном полагался Вентворт, атаковал северную. Пара испанских дезертиров была под рукой, чтобы направить колонны на их соответствующие позиции.

В четыре часа марш начался, светлячки все еще мерцали над головой в темноте, воздух был спертым и неподвижным, наполненным щебетом, свистом и кваканьем шумной тропической ночи. В лагере люди десятками лежали под напастью желтой лихорадки, некоторые метались и бредили в бреду, некоторые задыхались в агонии последнего смертельного симптома, некоторые лежали ниц в беспомощном и ужасном обмороке, ожидая только мертвого часа перед рассветом, когда они должны умереть. Они остались позади, и красные колонны бесшумно растворились в темноте. Вскоре люди Виньярда достигли подножия холма и начали подъем. Местность перед ними была такой крутой, что им пришлось карабкаться на четвереньках, и офицеры начали сомневаться, не обманули ли их проводники. Гренадеры все еще карабкались почти на вершину холма, и вдруг с расстояния тридцати ярдов испанцы открыли смертоносный огонь. Теперь настало время для броска, который мог бы поголовно выбить испанцев из их окопов. Один человек с традициями Каттса Саламандра взял бы форт за две минуты; несколько десятков недисциплинированных горцев с обнаженными палашами справились бы с этим даже без командира; но у офицеров не было никакого опыта, кроме как на плацу. Они чувствовали сильный огонь спереди и с флангов, поэтому развернули свои взводы направо и налево для "уличной стрельбы", как это называлось, и медленно продвигались в идеальном порядке, солдаты непрерывно стреляли по вспышкам пушечных и ружейных выстрелов, которые вспыхивали перед ними из-за бруствера. Изрешеченные картечью и пулями, солдаты стояли, не дрогнув ни на мгновение, заряжали и стреляли, как их учили, в то время как гренадеры хладнокровно поджигали фитили и швыряли свои ручные гранаты в полосу пламени перед ними. Они, бедняги, не знали, что гранаты, которыми их снабдили, были настолько толстыми из-за небрежности специалистов по боеприпасам, что ни одна из трех из них не разорвалась. Поэтому колонна Виньярда послушно открыла огонь, хотя люди, составлявшие ее, были скошены, как трава.

На северном склоне холма, где сражалась колонна Гранта, разыгралась похожая трагедия. Сам Грант был ранен, и после его падения никто, казалось, не знал, что следует делать. Мужчины достаточно храбро встречали огонь и отвечали на него в идеальном порядке и стойко, но безрезультатно. Раздавались призывы принести мешки с шерстью и штурмовые лестницы, но недисциплинированные американцы давным-давно побросали их и бежали; и даже если бы лестницы имелись, они были слишком коротки на десять футов, чтобы ими можно было

воспользоваться. Раздавались призывы заставить испанскую артиллерию замолчать, но она была размещена в тылу колонн и не выдвигалась вперед. Таким образом, более часа продолжался этот трагический бой. Наконец забрезжил день; свет становился все ярче, и орудия Картагены открыли огонь по колонне Гранта со страшным эффектом. Англичане по-прежнему стояли твердо и расстреливали все свои боеприпасы. Это было все, что им было приказано сделать, и они это сделали. Виньярд, его гренадеры, однажды брошенные в бой, казалось, были неспособны подтянуть другие войска, чтобы поддержать их. Генерал Гиз, руководивший объединенной атакой, проявил великолепное мужество и подал превосходный пример, но требовалось нечто большее, чем просто мужество. Был уже совсем рассвет, и испанцы начали безошибочно расстреливать английских офицеров. Наконец, колонна испанской пехоты выступила из ворот Картагены, чтобы отрезать англичан от их кораблей, и, наконец, в восемь часов Вентворт отдал приказ отступить, а морская пехота Вулфа выступила вперед, чтобы прикрыть отступление. Бойня продолжалась почти три часа, но до этого момента ни один человек не повернулся к войскам спиной. Преследования не было, и отступление проходило в хорошем порядке; но войска, которые до сих пор стойко переносили лишения и болезни, были полностью и безнадежно обескуражены.

10 апреля 21 .

14 апреля 25 .

Потери в ходе штурма были очень тяжелыми. Из полутора тысяч англичан, вступивших в бой, сорок три офицера и более шестисот человек были убиты и ранены, а Пятнадцатый и двадцать четвертый полки потеряли более четверти своей численности. Предательство проводников было причиной многого, но бесхозяйственность офицеров была причиной большего. Полковника Гранта действительно подобрали живым, но тяжело раненным. "Генерал должен повесить проводников, а король должен повесить генерала", - выдохнул он в агонии, и через несколько часов он был мертв. Вентворт, изо всех сил стараясь скрыть катастрофу, в тот же вечер приказал возвести батарею против форта Сен-Лазар; но к этому времени желтая лихорадка всерьез охватила армию, и речь шла не о строительстве батарей, а о рытье могил. 21-го генерал созвал военный совет и объявил адмиралу о своем решении, что количество людей недостаточно для этой работы и что предприятие должно быть оставлено. "Поскольку армейские инженеры или притворяющиеся инженерами заявляют, что они не знают, как поднять батарею, мы согласны", - ответили Вернон и Огл, - "хотя, если бы к нашему совету прислушались, мы считаем, что город мог бы пасть". Затем с нарочитой наглостью в тоне они выдвинули несколько очевидных предложений по выводу войск. Офицеры, немало задетые, в мягких выражениях возразили против насмешки, и после короткого препирательства Вентворт потребовал созвать генеральный военный совет, на котором было окончательно решено, что от атаки на Карфагену следует отказаться как от неосуществимой.

17-28 апреля .

Время действительно настало. С утра вторника, 18-го, до ночи пятницы, 21 апреля, численность войск сократилась с шестидесяти шестисот до тридцати двухсот боеспособных человек. Два старых полка были сильно потрепаны при атаке Сен-Лазара, и остатки британских войск состояли в основном из молодых солдат, в то время как тысяча двести американцев, которые все еще оставались в живых, вызывали недоверие у всей армии и фактически были немногим лучше, чем обузой. 28-го войска были вновь погружены на борт, и бедняга Вентворт

позаботился о том, чтобы унести с собой все до последнего лоскутка, чтобы испанцы не могли похвастаться трофеями. Морские офицеры неохотно согласились взорвать укрепления Бока-Чика, и затем в течение десяти ужасных дней транспорты простаивали в гавани Картахены.

24 апреля, 5 мая.

Ужасы того времени совершенно неопишутельны. Заботами Кэткарта для экспедиции действительно были предоставлены госпитальные суда, но на них не было ни медсестер, ни хирургов, ни поваров, ни провизии. "Люди, - писал Смоллетт, сам работавший хирургом на борту военного корабля, - были заперты между палубами на небольших судах, где у них не было места, чтобы сесть прямо; они барахтались в грязи; мириады личинок вылуплялись в гниющих язвах, которые не имели другой повязки, кроме того, что они сами омывались своим запасом бренди; и ничего не было слышно, кроме стонов, причитаний и языка отчаяния, призывающего смерть избавить их от страданий". Итак, эти бедняги лежали в этой болезненной, удушливой атмосфере, охваченные неистовой жадой лихорадки, в то время как тропическое солнце яростно палило над головой или тропический дождь лил плотным серым потоком, наполняя воздух той спертой липкой жарой, которую тяжело переносить даже здоровому человеку. Моряки также сильно пострадали, хотя и не так сильно, поскольку многие из них прошли акклиматизацию; и хирургов можно было бы избавить от военных кораблей, если бы Вентворт попросил их у Вернона, или Вернон предложил бы их Вентворту. Итак, пока командиры ссорились, солдаты гибли. Офицеры умирали так же быстро, как и солдаты, всякой дисциплине на транспортах пришел конец, и солдаты предались той отрешенной апатии, которую можно было наблюдать в лагере Шомберга в Ирландии, когда тела погибших товарищей использовались, чтобы остановить сквозняки в палатках. День за днем матросы гребли к берегу, чтобы похоронить трупы, груженные их лодками, потому что на военных кораблях всегда царили порядок и дисциплина; но неопытные солдаты просто вытаскивали своих мертвых товарищей на палубу и сбрасывали их за борт, даже не накрывая их тела саванами и не стреляя в пятки. Вернон яростно обругал эту гадость, как он ее называл,^[151] не задумываясь о том, что люди, не обученные морскому делу, могут знать не больше. Итак, через несколько часов тела, ушедшие под воду, снова всплыли на поверхность и плавали, неопишутельно отвратительные, около транспортов, в то время как стаи акул толкали друг друга в попытке разорвать их на части, а мерзкие птицы с уродливыми рваными крыльями тяжело хлопали над ними, квакая, требуя своей доли. Таким образом, воздух был еще более отравлен, болезни усилились, и гавань превратилась в склепик. Наконец, 5 мая было решено вернуться на Ямайку, и два дня спустя флот отчалил от ужасов Карфагена. К тому времени число людей, номинально годных к службе, сократилось до тысячи семисот, из которых не более тысячи были в состоянии высадиться против врага.^[152]

12 23 августа .

18 29 августа .

Прибыв на Ямайку, командиры обсудили, что делать дальше. Считалось, что людей все еще было достаточно для успешного десанта на Кубу, хотя британские полки испытывали ужасную нехватку офицеров, потеряв более сотни с тех пор, как они покинули Англию. Но переезд на Ямайку не остановил эпидемию. В течение месяца, прошедшего после оставления Картагены, погибло тысяча сто человек; численность британцев сократилась до тысячи четырехсот, а американцев - до тысячи трехсот человек.^[153] В течение следующих трех недель войска

продолжали умирать со скоростью ста человек в неделю, американцы, как всегда на протяжении всей этой экспедиции, гибли даже быстрее, чем британцы. Наконец, после долгих споров, было решено совершить покушение на Сантьяго-де-Куба. Флот вышел в море 23 августа, а 29-го бросил якорь на северном побережье острова, в бухте, которую Вернон в честь принца Уильяма назвал Камберлендской гаванью.

Затем адмирал снова выступил с тем же советом, что и в Карфагене. Он убеждал Вентворта взять отборный отряд всего в тысячу человек вместе с тысячей носильщиков и с этой колонной совершить форсированный марш и захватить Сантьяго врасплох, а флот тем временем будет действовать на море. В руках предприимчивого командира вполне возможно, что такой план мог бы увенчаться успехом; на самом деле это был именно тот ход, который так любил Дрейк и величайший из пиратов, но Вентворту это было не по силам. Риск действительно был велик. Город находился в девяноста милях от Камберленд-Хейвена, единственной дорогой была тропинка, прорубленная в джунглях, а на пути встречались реки, которые несколько часов дождя могли сделать непроходимыми как для наступления, так и для отступления. Одним словом, Вентворт не пошел бы ни на одно из таких предприятий. Неприязнь между армией и флотом обострилась; войска бездействовали в своем лагере, и, что хуже всего, с окончанием сезона дождей заболеваемость скорее усилилась, чем уменьшилась. К середине ноября едва хватало людей, чтобы снабдить подмогой рядовых гвардии, а в начале декабря годных к несению службы было менее трехсот рядовых. Был созван военный совет, и было решено вновь отправить войска на Ямайку, куда Вентворт, несмотря на яростные протесты Вернона, решил сопровождать их.

1742.

9 марта 20 .

Мая.

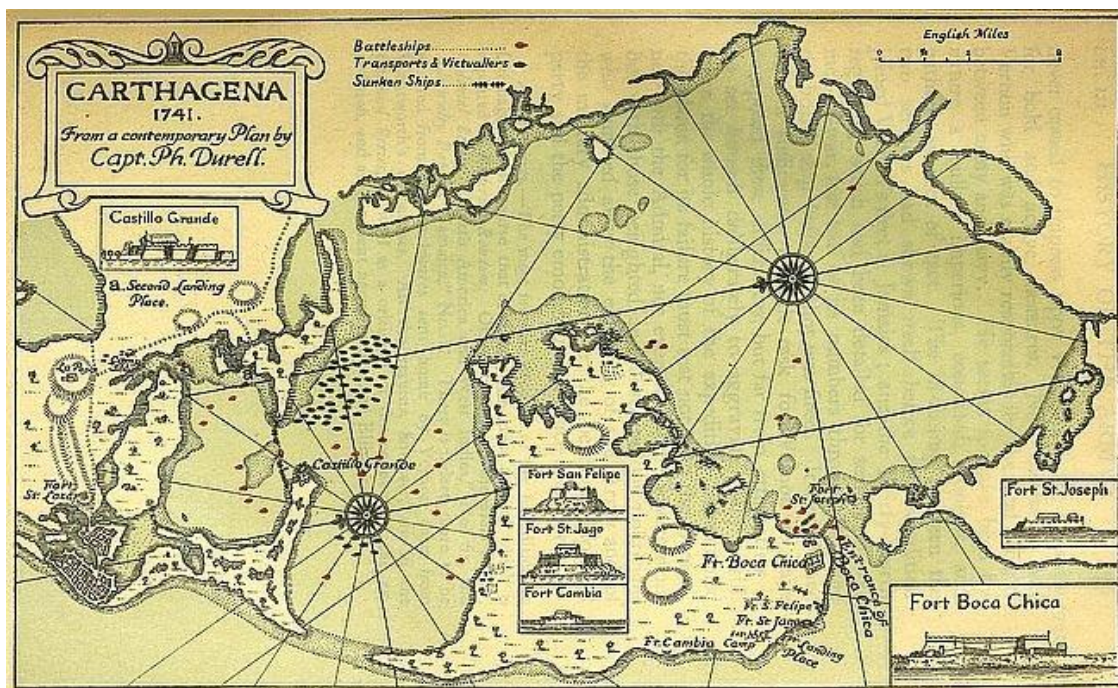
Однако занавес над этой ужасной драмой еще не опустился. Вооруженные силы были теперь настолько сокращены, что четыре из восьми полков были призваны в остальные четыре, и остались только Пятнадцатый, Двадцать четвертый, Вульфа и Фрейзера. Желтая лихорадка продолжала бесконтрольно свирепствовать. Двести пятьдесят человек, оставленных Вентвортом в больнице после его отъезда на Кубу, умерли всего за две недели.^[154] Затем, в феврале 1742 года, прибыло подкрепление в три тысячи человек, а именно один батальон Королевских шотландских войск, Шестой и Двадцать седьмой пехотные. Они прибыли здоровыми, но сразу же начали болеть.^[155] Теперь обсуждались всевозможные новые проекты, нападение на Гватемалу, на Юкатан, на Панаму; но войска продолжали умирать со скоростью пятнадцати человек в день, и было мало пользы обсуждать планы в присутствии такого генерала, как желтая лихорадка. Наконец, после долгих задержек экспедиция вышла в море в третий раз и направилась к Порто-Белло. Плавание из-за ненастной погоды затянулось на девятнадцать дней, и к концу этих девятнадцати дней, хотя на борт были погружены только здоровые и отборные солдаты, только Шестой полк выбросил за борт девяносто восемь трупов, и из всего состава почти тысяча была больна или мертва.^[156] При таких обстоятельствах предприятие было прекращено, и экспедиция, в очередной раз задержанная неблагоприятной погодой, снова вернулась на Ямайку. Там больницы были пустее, а кладбища полнее, чем при отъезде Вентворта, потому что пятьсот больных, которых он оставил после себя, скончались. Выжившие, вернувшиеся из Порто-Белло, вскоре снова заполнили госпиталь, и к концу июля в нем насчитывалось восемьсот человек. Сто пятьдесят из них умерли в августе, и еще триста

были мертвы к середине октября. К этому времени те немногие люди, которые остались от четырех тысяч американцев, были демобилизованы, выживших насчитывалось немногим более трехсот человек, и всякая надежда на дальнейшие операции была оставлена. Командиры действительно все еще встречались и обсуждали свои планы друг с другом и с губернатором Трелони, спор между ними становился настолько жарким, что Трелони и сэр Чалонер Огл обнажили мечи друг против друга, и Вентворт с трудом помешал им пополнить список погибших. Но когда желтая лихорадка убивает людей прежде, чем они успевают подойти на расстояние выстрела друг в друга, военные советы становятся еще менее прибыльными, чем обычно. Из полков, которые отплыли с острова Святой Елены под командованием Кэткарта со всей гордостью и уверенностью в своей силе, погибло девять человек из каждых десяти.[157]

Один великий историк спросил: "Когда закончилась эта испанская война?"[158] и ответ заключается в том, что это незаметно закончилось постепенным уничтожением противоборствующих армий желтой лихорадкой. Французский флот был отброшен им обратно во Францию, испанцы остались беззащитными, англичане были парализованы его атакой. Действительно, между колонистами Каролины и Джорджии и их испанскими соседями во Флориде происходили беспорядочные бои, не без проявлений показной храбрости, но операции были слишком незначительными, чтобы заслуживать упоминания в этом месте. Единственным проблеском света во всей этой мрачной истории является героическое плавание Энсона, которого послали вокруг мыса Горн с какой-то смутной идеей, что его флот и флот Вернона должны сотрудничать в нападениях на Центральную Америку. В славе Энсона есть и доля грусти, ибо около трехсот пенсионеров из Челси, слабых, престарелых и немощных, были варварски загнаны на борт его кораблей, номинально для укомплектования ими личного состава, но на самом деле только для того, чтобы найти в море могилу, которую должна была обеспечить им прошлая служба на английской земле. Будь то с Энсоном или с Верноном, будь то в Атлантике или на Тихом океане, война не принесла красным мундирам ничего, кроме поражений и смерти.

Остается сказать кое-что о человеческой доле в катастрофе экспедиции в Карфаген. Вентворта до сих пор делали козлом отпущения за каждое несчастье, и вполне вероятно, что он таковым и останется; и все же вину за катастрофы, которых можно было избежать, не следует возлагать полностью на него. Насколько он был испытан до момента своего командования, он показал себя прилежным и кропотливым офицером; он был назначен заместителем Кэткарта по собственной просьбе Кэткарта, и, если бы он оставался подчиненным, вероятно, справился бы достаточно хорошо. Несмотря на отсутствие опыта действительной службы в тропиках или за их пределами, он делал все возможное, чтобы восполнить этот недостаток, консультируясь с теми офицерами, которые знали больше, чем он сам. Он изо всех сил старался работать заодно с морскими офицерами и никогда не писал домой ни слова жалобы на Вернона, пока не терпел его высокомерный и властный тон больше года. Но его собственное обучение, как и обучение его людей, было исключительно механическим, и он не мог ни сам подняться над жесткими формальностями своей профессии, ни поднять над ними своих людей. Будет видно, что та же механическая тренировка могла бы дать поразительные результаты на знакомых полях сражений Фландрии, но она была неуместна на Испанском Мейне, как вскоре показала себя неуместной и на Огайо. Опять же, каким бы плохим работником ни был Вентворт, инструменты в его руках были никудышными. Сам он лишь с большим трудом обучил шесть своих полков азам дисциплины на острове Уайт. Офицеры его полка были, без исключения, молоды и неопытны, в то время как некоторые из них, получившие чины благодаря политической работе, описываются

как самые заброшенные негодяи города. Американские войска, составлявшие треть всех вооруженных сил, были несравненно хуже худших английских, а поскольку они состояли в какой-то степени из ирландских папистов, то были более чем ненадежны. Опять же, хотя малейшее предвидение должно было показать, что основная тяжесть работы ляжет на артиллерию, артиллеристы, предоставленные Вентворту, были неотесанными мужланами, только что оторванными от плуга и совершенно не знающими своего долга, в то время как их командир был неспособен, а его заместитель - пьяницей. Из инженеров достаточно повторить, что после того, как шеф был убит, не нашлось ни одного, кто имел бы хоть малейшее представление о своем долге. Более того, из восьми предоставленных ему ударных пушек одна была признана непригодной, а все остальные были разных моделей, в то время как снаряды, как и ручные гранаты, были плохого качества. Опять же, запасы всех видов были настолько невыразимо плохими, что вызвали самые горькие жалобы Вентворта; и, вне всякого сомнения, плохая пища способствовала увеличению заболеваемости армии и ослаблению людей перед приступами желтой лихорадки. Фактически, след некомпетентного Ньюкасла тянется за всей экспедицией; но эти промахи и недоработки лишь в меньшей степени оправдывают Вентворта за то, что он не смог внедрить более быструю и лихую систему операций.

Уокер и Буталл дель.

Лицом к лицу со страницей 78.

КАРТАХЕНА, 1741.

По современному плану
капитана П. Ф. Даррелла.

Вернон, со своей стороны, громко хвастался, что, если бы ему было поручено единоличное командование, он достиг бы любой цели с гораздо меньшими затратами жизни; и вполне

вероятно, что он говорил правду. Конечно, он никогда не переставал убеждать Вентворта в необходимости смелых и активных мер. Тем не менее, именно Вернон был главным виновником фатальных трений между армией и флотом. Похоже, он был по натуре хулиганом: властным, тщеславным, наглым и без понятия о такте. Неприязнь между двумя службами проявилась еще до того, как экспедиция присоединилась к флоту Вернона на Ямайке; и Тридцать четвертый полк, который был направлен для службы в составе военных кораблей, потерял половину своей численности из-за плохого обращения на борту корабля еще до того, как прозвучал выстрел. Для Вернона было бы достаточно сложной задачей составить эти различия, но он был далек от того, чтобы пытаться это сделать, и намеренно стремился усугубить их. И все же, если рассматривать всю историю экспедиции, вина за ее провал должна лежать не на генерале, не на адмирале и даже не на правительстве, а на тех невежественных и беспринципных политиках, которые поставили на карту эффективность армии и военной администрации ради мелких триумфов партии и ничтожных выгод от места и власти.

Авторитетные источники.—Самый известный отчет об экспедиции в Картахену - это, конечно, отчет Смоллетта, большая часть которого повторяется у Родерика Рэндома. Другими источниками являются государственные документы, Колониальная серия, "Северная Америка и Вест-Индия", № 61, и документы адмиралтейства, "Ямайка", № 1. Действительно, из вложений, отправленных Верноном домой, можно почерпнуть больше, чем из депеш Вентворта. Однако все "Возвращения" относятся к серии "Колониальные", а также содержат критику проведения экспедиции и превосходный рассказ лорда Элибанка.

ГЛАВА IV

1740.

9 октября 20 .

1741.

1 апреля 12 .

Задолго до того, как предприятие против испанского побережья подошло к своему трагическому концу, вся Европа была охвачена пламенем войны. 20 октября 1740 года, когда Кэткорт все еще с нетерпением ожидал попутного ветра, который должен был унести его из Спитхеда, император Карл Шестой скончался, оставив свою дочь Марию Терезию единственной наследницей своих владений. Ее преемственность уже была признана европейскими державами благодаря их гарантии Прагматической санкции, но на такие гарантии нельзя было полагаться. Главным соперником королевы Венгрии был баварский курфюрст, и Франция, помня о своей старой дружбе с Баварией, была достаточно готова обрушить свою старую враждебность на Австрийский дом, поддержав его. Только Англия и Голландия, торговые нации, для которых нелегко было нарушить контракт, твердо считали своим долгом поддержать молодую королеву. Различные государства Германии, как обычно, были своекорыстны и разобщены, жадно следя за тем, чтобы извлечь как можно больше прибыли из беспомощного Дома Габсбургов. Фридрих Прусский, еще не названный Великим,

сделал первый шаг. Он лишь недавно взошел на трон, унаследовав вместе с ним самую боеспособную армию в Европе и большой запас наличных денег. Двигаясь, как всегда, стремительно и бесшумно, он вторгся в Силезию и знаменательной победой над австрийцами при Мольвице призвал всю Европу к оружию.

Франция, мечтая не только о приобретении новых территорий в Германии, но и о сведении старых счетов с Англией через Ганновер, начала вынашивать грандиозные планы еще до битвы при Мольвице. Самый замечательный из ныне живущих французских государственных деятелей, маршал Беллейль, продумав свои планы и получив на них королевскую санкцию, отправился в марте 1741 года в турне по дворам Европы; его целью было убедить их, во-первых, отказаться от Прагматической санкции, а во-вторых, поддержать кандидатуру курфюрста Карла Альберта Баварского против кандидатуры мужа Марии Терезии, великого герцога Франциска Лотарингского, в борьбе за императорскую корону. Сделав это, он, по-видимому, надеялся разделить собственно Австрию между Саксонией и Пруссией и разделить всю Германию и Империю на четыре слабых королевства, Баварию, Саксонию, Пруссию и Венгрию, которые путем тщательного разжигания зависти и раздоров должны были оставаться зависимыми от Франции.

4 Декабря 15 .

1742.

Февраль.

Карл Альберт Баварский, Август Саксонский, Фридрих Прусский и королева Испании были завоеваны Беллеизлем без особого труда; но Ганновер, за спиной которого стояла Англия, проявил Прагматическую Санкцию. В Англии симпатии к Марии Терезии были сильны, и Уолпол на сессии 1741 года добился от парламента обещания сохранить за ней престолонаследие, субсидии в размере трехсот тысяч фунтов стерлингов для преодоления финансовых трудностей и признания обязательства Англии оказать ей помощь силами в двенадцать тысяч человек. Он также попытался отделить Фредерика от конфедерации Беллайла, но с явным неудачей. Тем временем король Георг отправился в Ганновер, чтобы собрать войска для поддержки Марии Терезии; и тогда Франция, всегда готовая нанести первый удар, послала две армии через Рейн: одну, чтобы соединиться с войсками Баварии и довести войну до ворот Вены, другую - прямо на сам Ганновер. Удивленный таким образом, король ничего не мог поделать, кроме как оговорить годичный нейтралитет Ганновера, пообещав также, что в течение того же периода он не будет оказывать помощи королеве Венгрии и не отдаст свой голос как выборщик Империи в пользу ее мужа. Связанный этим унижительным соглашением, которое вызвало не меньшее презрение в Англии, чем в Австрии, король вернулся домой, чтобы встретиться с новым парламентом, который был избран на фоне необычного волнения, вызванного катастрофами на Майне Испании. Последовали яростные нападки на Уолпола, которого считали ответственным за войну, которую он всегда осуждал и к которой, как он знал, нация была не готова; и менее чем через два месяца он был отстранен от должности. Лорд Уилмингтон сменил его на посту номинального главы казначейства, а лорд Картерет, один из немногих ныне живущих англичан, говоривших по-немецки, взял на себя управление иностранными делами. Парламент проявил себя более ревностным, чем когда-либо, в деле Марии Терезии и проголосовал за выделение ей субсидии в размере полумиллиона долларов, в то время как Картерет со своими коллегами убедил направить шестнадцать тысяч британских солдат во Фландрию в качестве ее военной поддержки. Наконец, на ведение войны было выделено пять миллионов долларов.

Несмотря на то, что все эти приготовления не могли быть направлены ни против какой другой державы, кроме Франции, предполагалось, что две нации не будут воевать друг с другом. Французы изобрели выражение "вспомогательные войска" и ввели свои армии в Германию под прикрытием этого невинного обозначения; и англичане какое-то время были достаточно глупы, чтобы последовать их примеру. Передвижения французского флота в начале экспедиции Вентворта, однако, не оставляли особых сомнений относительно враждебности Франции по отношению к Англии, и этот факт был неоспоримо подтвержден некоторыми французскими депешами, перехваченными Верноном. Таким образом, прошедший год не прошел без дополнительных военных приготовлений со стороны Англии. В январе 1741 года были сформированы еще четыре полка морской пехоты сверх тех, что были отправлены с Вентвортом; и одновременно были отданы приказы о формировании семи новых пехотных полков под командованием полковников Фоука, Лонга, Хоутона, Прайса, Чолмонделя и Де Гранжа. Из них первые шесть все еще остаются у нас, пронумерованные с Сорок третьего по Сорок восьмое. В течение всего лета также силы численностью около пяти тысяч человек находились в лагере близ Колчестера под командованием генерала Уэйда, готовые выступить в поход. Наконец, смета на 1742 год предусматривала численность вооруженных сил британского истеблишмента в шестьдесят две тысячи человек. Таким образом, поскольку под рукой, по-видимому, было достаточно количество войск, следующим делом предстояло назначить командующего, и выбор пал на Джона, графа Стэйра.

Сейчас Стэру было около семидесяти лет, но, несмотря на очень раннее начало солдатской жизни, он все еще был активен и достаточно боеспособен. В девятнадцать лет он сражался при Стинк-Керке, уже в звании полковника; в первой кампании Мальборо он был первым в прорыве безумной атаки Каттса на Венлоо; он служил полковым офицером в Бленхейме, бригадным генералом в Рамиллисе, в штабе Мальборо в Ауденарде и присутствовал также при Мальплаке. Он отличался особой добротой и вниманием как со стороны великого герцога, так и со стороны принца Евгения и не преминул принять близко к сердцу их учение о военном искусстве. В целом он был достаточно квалифицирован, чтобы командовать британской армией на ее первой действительной службе на континенте после смерти Мальборо.

6 Мая 17 .

Однако его первыми обязанностями были дипломатические, а именно побудить Генеральные штаты разрешить британцам оккупацию Ньюпора и Остенде в качестве их операционных баз против французов в Австрийских Нидерландах. Далее ему было поручено развеять любое чувство недоверия, которое могло быть вызвано объявлением Ганновером нейтралитета, и, по возможности, привлечь голландцев к активному участию в качестве помощников королевы Марии Терезии. Это была нелегкая задача, поскольку бесконечные фракции, примкнувшие к невозможной форме правления, погрузили голландцев в летаргию, неэффективность и беспомощность, которые их погубили; в то время как, более того, воспоминания об Утрехтском мире были все еще достаточно сильны, чтобы сделать их неуверенными и холодными по отношению к любым инициативам Англии. Таким образом, предложение разместить британский гарнизон в Нидерландах было плохо воспринято, пока в самый последний момент не пришло известие о том, что австрийцы, предприняв отчаянную попытку изгнать Фридриха Прусского из Силезии, потерпели от него полное поражение в битве при Хотусице. Такой удар по австрийскому делу мог бы привести к большим результатам. Маршал Майбуа с французской армией в сорок тысяч человек находился в Вестфалии, блокируя продвижение ганноверских

войск, если они попытаются присоединиться к британцам, и в то же время готовый в любой момент вторгнуться в Голландию. В таких обстоятельствах контингент британских войск не мог не представлять ценности для Штатов, поэтому было предоставлено разрешение на высадку первых британских батальонов в Остенде; и были приняты меры, хотя и не очень любезные, по размещению их в Брюгге и Генте. Но что касается того, чтобы связать свою судьбу с англичанами в защиту Прагматических санкций, то механизм голландского правительства был слишком сложным, умы людей слишком осторожными, а дух тех, кто стоял у власти, слишком коррумпированным, чтобы позволить разрешить вопрос такой важности без задержки в месяцы или даже годы.

Британские войска продолжали по частям прибывать из Англии, а Стэйр тем временем, зная, что его действия должны зависеть от действий французов, наблюдал за ситуацией с живейшим интересом. Французская армия в Баварии после нескольких незначительных успехов на Дунае была быстро отброшена назад энергией австрийского генерала Хевенхюллера. Часть ее, проникшая в Богемию и захватившая Прагу, все еще находилась в этом королевстве под командованием некомпетентного командующего, маршала Бройля, с базой в Праге. Со стороны Бройля опасаться было нечего: действительно грозным врагом был Фридрих Прусский, которого Стэйр был сторонником отделения от конфедерации Беллайла любой ценой. Убрав с пути прусскую армию, все вооруженные силы Австрии могли быть обращены против французов в Богемии, которые, благодаря успехам Хевенхюллера на Дунае, должны были либо быть полностью принесены в жертву, либо вызволены с большим трудом ценой оголения всей французской границы войсками. Тогда австрийцы могли бы наступать через Пфальц и вверх по Мозелю во Францию, в то время как голландцы и англичане могли бы либо присоединиться к ним, либо ворваться прямо с севера на Париж и навсегда положить конец войне и пагубным устремлениям Франции.

31 Мая 11 июня.

Так советовал Стэйр с ясностью суждений, как солдат, так и государственный деятель, что не было недостойно его великого учителя; но, к сожалению, Мария Терезия не захотела примириться с Фридрихом, не нанеся последнего удара по Силезии, который закончился, как уже было сказано, катастрофой при Хотусице. Затем, наконец, она сдалась; и Бреслауский мирный договор купил дружбу Фридриха ценой Силезии. Стэйр мгновенно насторожился, поскольку игра, казалось, теперь была в его руках. Французская граница в направлении Нидерландов была защищена лишь слабо; ложное вторжение в этом направлении, несомненно, заставило бы вернуться Майбуа из Вестфалии для ее охраны, и тогда дорога была бы открыта для соединения ганноверцев с англичанами. У австрийцев в стране уже было четырнадцать тысяч военнослужащих, что, если прибавить британцев и их союзников, составляло бы силу, превосходящую любую, которую мог собрать Майбуа.^[159] Картерет горячо поддержал план; а тем временем события в других местах развивались в точном соответствии с предвидением Стэра. Австрийцы, освобожденные от давления Фридриха и его пруссаков, обратили все свои силы против французов в Богемии и выбили их со всех их постов, за исключением Праги, где они держали остатки французских войск в плотной осаде. Майбуа был отозван в Богемию, чтобы по возможности спасти осажденную армию, и вся французская граница по направлению к Фландрии была открыта, и ее защищало немногим более двадцати тысяч человек. Это был момент, которого Стэр ждал, едва осмеливаясь надеяться, что он когда-нибудь наступит, и он настаивал на том, чтобы все присутствующие силы, как Англии, так и

Ганновера и Австрии, были сосредоточены для немедленной атаки на Дюнкерк, где, как было известно, были собраны лучшие французские войска. Как только эти войска будут разбиты, дорога для марша на Париж будет свободна.[160]

Но как раз в этот момент король Георг внезапно остыл. По его словам, он не воевал с Францией, и его войска действовали просто как вспомогательные силы королевы Венгрии. Франция не могла обидеться на их присутствие, поскольку ее войска также использовались только в качестве вспомогательных войск баварского курфюрста.[161] Опять же, необходимо было скорректировать различные мероприятия, прежде чем войска союзников могли быть сосредоточены. Таким образом, только 24 августа ганноверцам был отдан приказ выступить в поход; и даже тогда король Георг был склонен скорее воспрепятствовать обратному походу Майбуа из Богемии на Маас, чем нанести удар в самое сердце своего врага под Дюнкерком. С другой стороны, опытные люди в Англии, как Стэйр презрительно называл военный совет в Уайтхолле, сочли атаку на Дюнкерк слишком рискованной; и этот план был не одобрен, главным образом, по-видимому, потому, что король имел некоторую идею лично принять командование армией.[162] Стэр тем временем сгорал от нетерпения, согласовывая новые планы с австрийским командованием и обещая себе, что его зимние квартиры должны быть в Нормандии. Теперь его план состоял в том, чтобы направиться прямо к верховью Уазы, которая дала бы ему судоходную реку для транспортировки, и оттуда двинуться прямо на Париж. Французские войска на месте были немногочисленны и не осмелились бы покинуть Дюнкерк. Дорога на протяжении двух третей пути до Уазы была заасфальтирована, и поэтому оставшееся небольшое расстояние составляло единственную трудность, которую ни в коем случае нельзя было назвать непреодолимой. Прибыв в Париж, армия могла взять артиллерию из тамошнего арсенала и двинуться вниз по Сене для осады Гавра. Наконец, Стэйр пообещал, что, если король предоставит ему полную свободу действий, он позволит ему до 12 октября диктовать свои собственные условия.[163]

План был достаточно смелым, но Стэйр не был ни провидцем, ни праздным хвастуном, и, похоже, нет причин сомневаться в том, что он был вполне осуществим. Французы недавно заново укрепили Дюнкерк и, что было для них обычным делом, настолько усовершенствовали укрепления, что для их защиты потребовалось сорок тысяч человек. Следовательно, если только они не решат оставить Дюнкерк, что они вряд ли могли себе позволить, не останется войск, способных остановить наступление на Париж. Но план не понравился королю. Он представил его генералу Уэйду, самому медлительному и осторожному из генералов, который негативно раскритиковал его; а тем временем, то ли из-за ревности, то ли из-за предательства, то ли из-за явной бесхозяйственности, приказ ганноверцам выступить под тем или иным предлогом откладывался до тех пор, пока все надежды на кампанию 1742 года не были уничтожены наступлением зимы.[164]

1743.

Февраль.

Стэйр был глубоко огорчен, а дисциплина его войск, которые долгое время бездействовали в ненавистных им кварталах, пострадала настолько, что ее удалось восстановить только самыми решительными мерами.[165] Зима выдалась необычайно суровой, что облегчило передвижение транспорта и нейтрализовало последствия наводнений, от которых в основном зависела оборона крепостей на северо-западной границе Франции. Стэйру не терпелось наброситься на

кого-нибудь из них, пока длились морозы, но австрийские генералы и слышать об этом не хотели. Затем он предложил атаковать ту или иную из крепостей в Лотарингии, Меце, Лонгви или Тионвиле, готовясь к вторжению во Францию со стороны Мозеля; но австрийцы снова отказались.^[166] Их главной целью было ввести армию короля Георга в Германию, чтобы запугать некоторых второстепенных немецких князьков и склонить их к союзу с Австрией; и Стэйру, как он горько жаловался, его инструкции так сильно мешали, что он чувствовал себя абсолютно беспомощным.^[167] Ганноверцы снова, хотя и должны были находиться под его командованием, получили независимые приказы от короля, которые не были переданы Стэйру, и они отказались подчиняться каким-либо другим.^[168] Наконец, после долгих сражений с австрийскими генералами и английскими министрами, британская армия в феврале 1743 года начала свой марш на восток, как того желали австрийцы. Полки были прискорбно огорчены отсутствием множества офицеров, которые уехали домой в отпуск для выполнения своих обязанностей в парламенте или по более частным и тривиальным делам. "Мне показалось трудным отказать им в отъезде, - с едким сарказмом писал Стэйр, - когда они сказали, что их назначение зависит от интересов их друзей при Дворе. Они понятия не имели, что это зависит от их усилий здесь".^[169] До такого состояния дисциплину в армии довели двадцать лет мира при Уолполе.

Тем не менее недавняя суровость Стэра принесла хорошие плоды, и поведение как офицеров, так и рядовых во время зимнего марша, полного крайних лишений и дискомфорта, было таким, что вызвало у него самые горячие похвалы.^[170] С приближением весны вопрос о плане предстоящей кампании стал неотложным. Пятьдесят тысяч французских солдат были переброшены к Мозелю, чтобы воспрепятствовать любому вторжению через Лотарингию, в то время как все их силы во Фландрии были размещены на Маасе, готовые либо присоединиться к своим товарищам на Мозеле, либо продвинуться к Неккару на случай, если союзники перейдут Рейн к югу от Кельна. Стэйр, в котором был силен дух своего хозяина, намекнул на желательность похода к Дунаю. Австрийцы, как он и предполагал, несомненно, возобновят свое наступление с востока на французов на этой реке, как только позволит погода, и его план состоял в том, чтобы приблизиться к ним с запада и ударить им в тыл, в то время как австрийцы атакуют их спереди. Такой проект, однако, был слишком смелым для осторожности короля Георга, и, более того, как он всегда напоминал Стэру, хотя с французами следовало обращаться как с врагами, он не был в состоянии войны с Францией.^[171] Его последние приказы, отданные после огромной задержки, заключались в том, что Стэйр должен занять высоты Майнца и командовать соединением Рейна и Майна.^[172] Такое решение было с военной точки зрения достаточно неясным; и действительно, оно не имело никакой военной цели, будучи разработанным просто для обеспечения выбора кандидата короля Георга на вакантный пост электората Майнца.

Май.

23 мая, 3 июня.

Очень медленно, из-за крайней трудности добывания фуража, силы, как местные, так и наемные, Англии, Ганновера и Австрии собирались на северном берегу Майна. Их позиция простиралась от Рейна до Ашаффенбурга и была обращена на юг, в то время как во Франкфурте был наготове лодочный мост для переправы через реку.^[173] Тем временем французская армия численностью семьдесят тысяч человек под командованием маршала Ноая спокойно заняла свою позицию на Верхнем Рейне близ Шпайерса и пыталась установить связь с Баварией и

Неккаром, чтобы спасти то, что осталось от армии Бройля, пока это еще было возможно; хотя, в то же время, не без опасений относительно опасности выхода из За ним открываются Пфальц и Лотарингия. Стэйр оценил ситуацию с первого взгляда. Он был за то, чтобы пересечь Майн, спуститься по левому берегу и занять позицию между Оппенгеймом и Майнцем. Там он мог угрожать Ноаю так близко, что тот не осмелился бы направить какую-либо часть своей армии в Баварию. Более того, в его власти было бы атаковать французов на Неккаре, когда бы он ни пожелал; и, наконец, он мог бы в надлежащее время перейти Рейн в западном направлении и заставить французов отступить к Ландау и Эльзасу, оставив Лотарингию и Нидерланды открытыми для вторжения. После некоторых затруднений граф д'Аренберг, генерал, не слишком предприимчивый и не очень способный, командовавший австрийцами, по-видимому, согласился с его взглядами; и хотя вся армия еще не прибыла к месту встречи, союзники 3 июня начали переправу через Майн. День или два спустя Стэйр получил разведданные, что Ноай покинул Неккар и продвигается по большой дороге из Дармштадта во Франкфурт, чтобы напасть на него. Эта дорога проходила на значительном расстоянии через лес, и именно на ее выходе из этого леса Стэйр занял свою позицию, чтобы поджидать французов. Д'Аренберг так сильно не одобрял весь этот процесс, что отозвал всех австрийских драгун на правый берег Майна, чтобы спасти те разбитые остатки, которые должны были остаться от армии Стэра после сражения. Маршал Нейпперг, его заместитель, однако, отвел австрийскую пехоту на позицию, выбранную Стэром, и когда Ноай прибыл на следующее утро, он отступил, не рискуя атаковать.

30 мая 10 июня.

Тем временем король Георг, прибывший в Ганновер за две недели до этого, был совершенно взбешен. На первое предложение Стэра переправиться на южный берег Майна он послал категорический приказ, который дошел до Стэра слишком поздно, что ему не следует шевелиться. Король был окружен нервничающими австрийцами, которые, получив информацию о предполагаемом наступлении Ноая, были или делали вид, что были в ужасе от того, что союзники будут разбиты вдребезги, и не преминули представить, как ужасно было бы, если бы армия потерпела поражение до того, как Его Величество сможет принять командование. Поэтому Стэйру отправляли письмо за письмом, в которых прежде всего просили его быть осторожным и, наконец, приказали ему повторно пройти через Главный вход. Стэйр сначала был готов подчиняться приказам, хотя и не без выражения своего мнения. "Я слишком забочусь об интересах короля, - писал он, - чтобы поступать опрометчиво, но я уверен в двух вещах: французы гораздо больше заняты Баварией, чем нами, и что мы превосходим их даже численностью. Важность предоставления армии человеку, которому доверяют, теперь очевидна. Если бы мой план был выполнен, мы были бы сейчас в состоянии обрушиться на французскую армию, которая, отправив отряд в Баварию, теперь занимает позиции вдоль Рейна". На самом деле, в течение мая и июня австрийцы на Дунае вытеснили Бройля прямо из Германии; и как только отряд Ноая добрался до него, ему было приказано немедленно отступать. Но когда Стэйр услышал о наступлении Ноая, чтобы атаковать его, он спокойно проигнорировал приказ короля о повторном обходе Мейнстрима до тех пор, пока тот не предложит французам бой. Когда Ноай отказался, Стэр снова переправился через реку, как ему было велено, действительно неохотно, но все же не на шутку довольный тем, что после всех приказов короля и всех австрийских предсказаний катастрофы он успешно доказал правильность своих взглядов. "Но, - многозначительно добавил он, прибыв на северный берег, - теперь нам будет невозможно найти корм. Поскольку французы владеют одним берегом реки,

фураж не может быть доставлен к нам по воде, поэтому мы должны двигаться вверх ". Именно этот вопрос о припасах заставил его так сильно стремиться к общим действиям; и события доказали, что он был прав.^[174]

8 Июня 19 .

15 июня 26 .

19 июня король Георг, наконец, прибыл из Ганновера и принял командование армией, которая, как он и приказал, расположилась лагерем на правом берегу Майна, а англичане и ганноверцы расположились около Ашаффенбурга. В надежде обеспечить себя фуражом на другом берегу на ашаффенбургском мосту была установлена батарея, но Ноай, подойдя к реке, воздвиг редут на своем конце моста и положил конец всем подобным надеждам. Тем временем он захватил пост выше по реке, чтобы перехватить все припасы из Франконии, и перебросил через него два моста ниже Ашаффенбурга у Селигенштадта, по которым его войска могли переправиться и отрезать союзников от их складов в Ханау. Целую неделю король оставался беспомощным в этом лагере, не желая отступать, хотя опасность для него возрастала с каждым днем. В результате он оказался во главе голодающей армии. Удержать солдат от грабежей было невозможно, и дисциплина серьезно ослабла. Наконец, 26 июня было волей-неволей решено, что армия должна отступить к Ханау той же ночью.

16-27 июня .

Тем временем Ноайль не бездействовал. Территория, на которой союзники расположились лагерем, представляет собой узкую равнину, зажатую между холмами Шпессарт и Майн. Эти холмы густо поросли лесом, и в то время лес, по-видимому, спускался ниже на равнину, чем сейчас. Поэтому, когда союзники отойдут к Ханау, поскольку Ноай знал, что это неизбежно произойдет, для них будет невозможно оставаться вне досягаемости пушек, размещенных на противоположном берегу Майна, и, соответственно, маршал установил пять различных батарей, чтобы обстреливать их во время марша. В час ночи 27-го ему сообщили, что союзники пришли в движение. Это был момент, которого он ждал. Немедленно поскакав галопом в Селигенштадт, он приказал графу Граммону переправиться через Майн с двадцативосьмитысячной армией по двум мостам, которые он проложил для этой цели, и занять позицию примерно в миле вверх по реке у деревни Деттинген. В этом месте речушка сбегает по равнине с холмов Шпессарт к Майну через небольшую заболоченную долину, через которую не было перекинуто ни одного моста, кроме моста с большой дороги на Ханау. Там Граммону было приказано подождать и покончить с союзниками, когда они будут дефилировать по мосту. Он занял свою позицию соответствующим образом, а Ноай вернулся на противоположный берег Майна, чтобы руководить своими операциями против фланга и тыла короля Георга.

Было четыре часа утра, когда армия союзников пришла в движение. Британская кавалерия шла впереди, за ней следовала австрийская, затем шла британская пехота, а за ними австрийская пехота; и последним шел сильный арьергард, состоящий из британских гвардейцев, отборных представителей немецкой пехоты и ганноверской кавалерии; ибо именно в тылу больше всего ожидалась атака французов и ее больше всего следовало опасаться. Вскоре стало ясно, что опасения по поводу наступления французов на Ашаффенбург вполне обоснованны. Марш союзников из этого города пролегал через излучину Майна к деревне Кляйн-Остхайм, и когда

они приблизились к реке, то увидели французов на противоположном берегу в полном составе, которые переправлялись через реку позади них и отрезали им путь к отступлению вверх по течению. Таким образом, диспозиция Ноая была завершена. Эти войска должны были блокировать союзников на юге, непроходимые леса закрывали их с востока, Основные силы преграждали им путь на запад, а Граммон стоял перед ними в Деттингене на севере. Ноай поймал их, как он сказал, в мышеловку и мог быть вполне уверен, что им не удастся сбежать.

По прибытии около семи часов в Кляйн-Остхайм вся армия союзников была вынуждена пройти через его по единственной дороге. Поэтому кавалерия, пройдя через деревню, была остановлена и развернулась лицом к реке, чтобы дожидаться подхода пехоты. Это опять-таки предвидел Ноай, и он установил свою пушку точно в нужном месте, чтобы нанести удар по союзникам, когда они выйдут за пределы деревни. В течение часа кавалерия стояла на привале, прежде чем можно было возобновить марш; и теперь от передового отряда в Деттингене поступили сведения, что Граммон выстроился в боевой порядок впереди и что немедленное сражение неизбежно. Король Георг поспешил также выстроить свою армию в боевой порядок; но весь обоз был скоплен между первой и второй дивизиями маршрутной колонны, и некоторое время замешательство было очень велико. Тем временем французские войска, направлявшиеся в Ашаффенбург, к этому времени очистили фронт от первой батареи Ноая и оставили орудия свободными для открытия огня. Вскоре выстрел прогремел густо и быстро в тяжелой массе повозок и вьючных животных, и неразбериха усилилась. В неистовой спешке послали за орудиями, чтобы заставить замолчать французские пушки, но артиллерия, находившаяся далеко в тылу, долго не появлялась; а тем временем король в большом возбуждении скакал верхом, штабные офицеры скакали галопом взад и вперед, а войска маршировали и контрмаршировали на свои позиции, всегда под смертоносным огнем французской батареи. Постепенно, хотя и с бесконечным трудом, войска были расставлены по своим местам, поскольку стереотипный боевой порядок был бесполезен на равнине, где допускался фронт численностью не более двадцати трех батальонов и нескольких эскадронов. Так прошел ужасный час и даже больше, пока, наконец, британские орудия не вступили в бой и эффективно не ответили французским батареям; и тогда был предпринят толчок, чтобы перенести багаж в безопасное место. Посреди равнины между Кляйн-Остхаймом и Деттингеном стоял лес, окруженный с обеих сторон болотом. Две линии кавалерии были выдвинуты к этому лесу, обоз последовал за ними, пехота последовала за обозом, и доставляющие беспокойство повозки были, наконец, надежно спрятаны под прикрытием деревьев, в то время как кавалерия и австрийская пехота поспешили сформировать правый фланг боевой линии союзников.

Время было самое подходящее, поскольку приближался полдень, и Граммон, уставший оставаться там, где ему было приказано ждать, на северной стороне Деттингена, или полагавший (как он сам сказал), что союзники уже прошли мимо него и что остался только их арьергард, продвинулся за овраг, чтобы занять новую позицию. Насколько могли видеть союзники, он пытался перебросить войска под прикрытия леса на их правый фланг. Однако к этому времени линия короля Георга была сформирована, и на ее крайнем левом фланге виднелись алые мундиры британских батальонов. Слева от всех, на расстоянии фарлонга от реки, стоял Тридцать третий пехотный полк, а справа от него последовательно располагались Двадцать первый фузилерский, Двадцать третий фузилерский, Двенадцатый, Одиннадцатый, Восьмой и Тринадцатый пехотные. Справа от Тринадцатого полка стояла австрийская бригада, а затем последовательно Синие, лейб-гвардейские, Шестой драгунский и Королевский драгунский. Все они находились в первой линии. Во второй линии, в тылу у своих товарищей

слева, были размещены Двадцатый, Тридцать второй, Тридцать седьмой, Тридцать первый и "Баффы"; а в тылу кавалерии справа - Седьмой гвардейский драгунский полк, королевский гвардейский драгунский полк, Четвертый и Седьмой драгунские полки и шотландские серые. Напротив них французы были выстроены в две линии с резервом в третьей линии, пехота находилась в центре, а кавалерия - на флангах, так что знаменитая французская домашняя кавалерия,^[175] на своем почетном месте на крайнем правом фланге, противостояла британским батальонам союзников слева. Генерал Клейтон, командовавший левым флангом, заметив массу кавалерии, которая противостояла ему, поспешно послал за Третьим драгунским полком, чтобы заполнить брешь между Тридцать третьим и рекой, и на этом британская диспозиция была завершена.

Затем вся первая линия двинулась вперед, и король, которому с трудом помешали занять позицию на крайнем левом фланге, размахивал шпагой и выкрикивал слова ободрения с сильным немецким акцентом. К счастью, французы сами пребывали в большом беспорядке. Коррупционные схемы при назначении и продвижении по службе офицеров, которые пятьдесят лет спустя должны были склонить французскую армию на сторону Революции, уже подрывали эффективность и дисциплину. Граммон, продвигаясь за овраг, не продумал никакого нового боевого порядка. Ни один бригадир не был компетентен в построении своей бригады, и кавалерия Двора продолжала маневрировать перед пехотой, не думая ни о чем, кроме красивой фигуры, которую она выделяла на виду у обеих армий. Продвижение союзников неизбежно было медленным, поскольку некоторые английские полки, путь которых лежал через болота, стояли по колено в трясине. Вскоре вся шеренга остановилась, чтобы перевести дух, и британцы, очевидно, немного потрясенные предшествующей спешкой и неразберихой, а также жестикуляцией короля, разразились слабыми и неровными приветствиями, звук которых лорд Стэр услышал с большим неудовольствием. Линия обороны была переформирована, и наступление возобновилось в лучшем порядке, хотя французские батареи на другом берегу Майна не переставали поливать разрушительным дождем Третий драгунский полк и несчастные батальоны на левом фланге. Солдаты еще не совсем успокоились, так как некоторые недисциплинированные духи, недовольные непрекращающимся парадом французской придворной кавалерии, открыли беспорядочный огонь по всей линии фронта. Затем, как кажется, произошел самый комичный инцидент за день. Лошадь короля Георга, напуганная треском мушкетной пальбы, вцепилась зубами в удила и умчалась в тыл, а его величество с багровым лицом и вылезающими из орбит глазами отчаянно тянул его обеими руками, но не мог остановить. В конце концов карьера животного была остановлена, и король, вернувшись справа от шеренги, спешил и продолжил свои движения пешком, совершенно бесстрашный, как и все представители его расы, и уверенный, что, по крайней мере, его собственные ноги понесут его в нужном направлении. Линия была снова остановлена для погрузки, к счастью, еще оставалось время для устранения предыдущих неисправностей, и продвижение было снова возобновлено с большей устойчивостью.

Затем французская гвардейская пехота в правом центре Граммона тоже двинулась вперед, громко приветствуя противника, и открыла беспорядочный огонь. Британцы, теперь полностью овладевшие собой, ответили регулярным, быстрым и непрерывным огнем взводов, ряды которых стояли крепко, как медная стена, и давали залп за залпом, смертоносный и непрекращающийся — такого огня ни один французский офицер никогда прежде не видел.^[176] Французские гвардейцы пошатнулись под ним, и британцы снова подняли беспорядочное приветствие. "Тишина!" - повелительно крикнул Стэйр, подскакивая галопом. "Теперь все

вместе, когда я подам сигнал". И когда он приподнял шляпу, британцы разразились суровым и ужасающим криком, которому суждено было стать столь знаменитым на полях полуострова. Услышав это, французские гвардейцы больше ничего не ждали, а в беспорядке отступили в тыл своей конницы, которая теперь всерьез наступала на крайний левый фланг британцев.

Клейтон увидел опасность. Его левый фланг во всеобщей неразберихе так и не был должным образом защищен, и хотя огонь французских батарей у реки прекратился, чтобы не уничтожить их собственные войска, все же Третий драгунский и тридцать третий полк были значительно ослаблены им во время их наступления. Отправив срочное сообщение о подкреплении кавалерией, он смело подошел к делу, приказал драгунам Тридцать третьего, Двадцать первого и двадцать третьего полков выступить вперед, чтобы встретить атаку французов, и приготовился выдержать удар. На них на большой скорости надвигался цвет французской кавалерии с мечами в руках. Третий драгунский полк первым сблизился с ними. Это были всего лишь два слабых эскадрона против девяти эскадронов противника, их глубина составляла всего три шеренги против восьми шеренг французов; но они пошли прямо на них, ворвались в самое сердце и прорубили им путь, хотя и с большими потерями. Тридцать третий встретил атаку так же смело, не уступал ни на дюйм и повергал людей и лошадей под своим вечным перекатывающимся огнем. Рядом с ними два полка фузилеров были потеснены еще сильнее. Жандармерия налетела на них во весь опор, с пистолетами в обеих руках и саблями, болтающимися на запястьях. Оказавшись на расстоянии выстрела, они открыли огонь из пистолетов, швырнули незаряженное оружие в лица британцев, а затем бросились в атаку с мечами; но фузилеры, как было сказано, дрались как дьяволы, огонь их взводов гремел так же регулярно, как на параде, и французская кавалерия отступила, получив отпор.

Тем не менее, какой бы храброй ни была эта первая атака, численное превосходство французской кавалерии было огромным, и существовала неминуемая опасность того, что левый фланг британцев будет обойден. Третий драгунский полк после своей первой атаки сильно пострадал от пуль батальона, выставленного в поддержку французской кавалерии, но они сплотились и еще дважды, какими бы слабыми и усталыми они ни были, атаковали в десять раз превосходящую их численность и прорубили себе путь сквозь них. Но после третьей атаки они были практически уничтожены. Все офицеры, за исключением двух, и три четверти людей и лошадей были убиты или ранены; два из трех штандартов были изрублены на куски, как шелковые, так и шестовые, выстрелами и снарядами, а во время последней атаки третий выпал из раненой руки корнета и лежал брошенный на земле. Солдат этого полка, по имени Томас Браун, как раз спешил, чтобы поднять его, когда французская сабля опустилась на его руку, державшую уздечку, и оторвала ему два пальца. Его конь, не почувствовав знакомого давления удил, тут же рванулся с места и, прежде чем его успели остановить, унес своего всадника в тыл французским рядам. Там драгун Браун увидел, как французский жандарм с триумфом уносит знамя его полка. Будучи инвалидом, он поскакал прямо на француза, атаковал и убил его; а затем, зажав штандарт между ногой и седлом, повернулся и в одиночку проложил себе путь сквозь ряды врага, выйдя, наконец, с тремя пулевыми отверстиями в шляпе и семью ранами в лице и теле, но со штандартом в целости.

Но теперь Первый и Седьмой драгуны, вызванные справа, подскружили галопом и достаточно храбро атаковали французскую придворную кавалерию. Однако они были отбиты, отчасти, по-видимому, потому, что атаковали скорее стремительно, чем упорядоченно, отчасти потому, что французы были вооружены шлемами и нагрудниками, достаточно тяжелыми, чтобы отразить

пистолетный выстрел. Синие последовали за ними вплотную, но, пожертвовав порядком ради скорости, были, как и их товарищи, в замешательстве отброшены назад; и французские жандармы, окрыленные успехом, во второй раз атаковали Двадцать первую и Двадцать третью и преуспели в том, чтобы ворваться в них. Но два батальона были разбиты лишь на мгновение. Быстро придя в себя, они повернулись лицом внутрь и, приблизившись к французам, находившимся в их гуще, сбивали их десятками. Четвертый и шестой британские драгуны вместе с двумя полками австрийских драгун подошли и возобновили бой против французской придворной кавалерии, но только после того, как они были дважды отброшены, им наконец удалось с помощью своих сплотившихся товарищей отбросить бесстрашные эскадроны французской кавалерии.

Тем временем битва в других местах затихла. Слабая атака французов на правый фланг союзников была легко отбита, и в центре вторая линия французской пехоты не больше, чем первая, стремилась противостоять ужасному английскому огню. Но пока жандармерия все еще упорно теснила британцев слева, французские черные мушкетеры внезапно сорвались со своего места рядом с ними и, развернувшись влево, бешено понеслись галопом между огнем дружественной и враждебной пехоты, чтобы броситься на британских королевских драгун, находившихся на крайнем правом фланге линии союзников. Австрийский маршал Нейпперг, как только увидел их, воскликнул: "Сейчас самое время. Британская кавалерия атакует спереди, а наша - с фланга, и дело сделано". Британцы и австрийцы сразу же окружили Черных мушкетеров, изрубили их на куски, а затем обрушились на фланг французской пехоты. Французская пехота, которая весь день вела себя очень недостойно, теперь пустилась наутек и в смятении бежала по направлению к Майну. Британская кавалерия слева, особенно один полк, горевший желанием стереть с лица земли унижение от своей первой неудачи, сильнее, чем когда-либо, теснила французскую домашнюю кавалерию спереди, и шотландские серые, ударив им во фланг, обратили их в полное бегство. Теперь вся французская армия сломя голову бросилась к бродам и мостам Майна, пехота в панике бросилась в реку и десятками, если не сотнями, погибала в воде. Теперь наступил момент для решительного преследования, и если бы Стэру предоставили действовать по своему усмотрению, французы пострадали бы очень сильно; но король был слишком рад тому, что избежал мышеловки Ноая, чтобы думать о том, чтобы обратить свою удачу во благо. Маршалу позволили спокойно отступить, и таким образом, после четырех часов напряженной работы битва при Деттингене завершилась.

Редко какой полководец выходил более удачливым из серии грубых ошибок, чем король Георг. Если бы Граммон подчинился его приказу, трудно понять, как человек из союзной армии мог спастись бегством; но даже с учетом несвоевременного нетерпения Граммона странно, что Ноай позволил дню идти своим чередом. Это правда, что он отправил лучшие из своих войск через Майн вместе с Граммоном, но у него все еще оставалось от двадцати до тридцати тысяч человек на его собственном берегу реки, которых он оставил без дела, даже не попытавшись нанять их. Похоже, на самом деле он был парализован ужасом из-за крушения своих очень искусных комбинаций. Само по себе это действие заслуживает названия сражения, а не баталии, поскольку ни с одной из сторон в действительности не участвовало более половины сил; и все же Деттинген был несомненной победой, поскольку французы были сильно разбиты и потеряли немного, если вообще потеряли, менее пяти тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Потери союзников составили примерно половину от этого числа, из которых на долю британцев пришлось двести шестьдесят пять убитых и пятьсот шестьдесят одна раненая, причем самой ценной унесенной жизнью была жизнь генерала Клейтона. Поскольку основная

тяжесть сражения полностью пришлась на первую линию, больше всего среди пехоты пострадали полки, в основном подвергшиеся фланговому огню французских батарей. Это были Тридцать третий, Двадцать первый, Двадцать третий и Двенадцатый полки Линии, но ни в одном из них потери не превышали ста человек, или примерно восьмой части их личного состава. Кавалерия понесла гораздо более тяжелые потери по сравнению с ними, хотя и здесь потери героев дня, Третьего драгунского полка, были более чем в два раза больше, чем у любого другого полка: сто пятьдесят человек и столько же лошадей составляли ужасную долю потерь в двух эскадронах. Наиболее заметными моментами в сражении были позорное поведение французской пехоты, которое никто так строго не осуждал, как сам Ноай, и убийственная точность британского огня. Меньшим, но любопытным фактом является то, что и король, и герцог Камберленд были унесены своими лошадьми, причем первый, как уже было сказано, отбежал в тыл, а второй - на фронт, и действительно, попал в гущу французской пехоты, из которой, однако, вышел, не получив большего ранения, чем пуля в ногу. В конце дня король был настолько воодушевлен своим успехом, что возродил создание ордена рыцарей знамени в полевых условиях, что перестает казаться смешным, когда мы узнаем, что лорд Стэр был первым, а драгун Томас Браун - последним из новых рыцарей. Подобной сцены больше никто не видел, поскольку Деттинген был последним сражением, в котором король Англии действительно лично командовал своей армией.

Декабрь.

1744.

21 марта 1 апреля.

Церемония посвящения в рыцари завершилась, король оставил своих раненых на земле на попечение Ноая и как можно быстрее поспешил с армией на свой склад в Ханау. Для британцев это сражение фактически завершило кампанию, и король Георг вернулся домой, увенчанный свежими лаврами, где его приветствовали как победителя и пели ему дифирамбы в бесконечных строфах самых отвратительных стихов. Несколько месяцев спустя лорд Стэйр также вернулся домой, без взаимных обвинений и жалоб, но с решительным и презрительным намерением сложить с себя командование, поскольку ему не доверяли ведение операций. Генерал Уэйд был назначен фельдмаршалом, чтобы командовать вместо него. Наконец, несколько недель спустя нелепая выдумка о том, что главные воюющие стороны действовали только как вспомогательные силы соперничающих претендентов на Империю, была отброшена, и Франции была объявлена открытая война. Если бы этот прямой курс был принят двумя годами ранее, Стэйр, вероятно, превратил бы дату объявления войны в дату заключения почетного мира. При таком положении дел война затягивалась, и время ее общепризнанного начала было выбрано как момент для увольнения самого способного из ныне живущих британских генералов.

Власти.—Лучшие отчеты о битве при Деттингене можно найти в коллекции писем под названием "Возрожденная британская слава", хранящейся в Британском музее, и в большом количестве писем, напечатанных в журнале *Gentleman's Magazine*. Есть упоминания также в Жизнеописании герцога Камберленда и в анонимном Мемориале графа С[таира]. Наиболее известным из французских отчетов является отчет Вольтера в "Сикле Людовика Пятого", который следует читать вместе с отчетом Ноая королю в "Корреспонденции Людовика XV". et du

Maréchal Noailles. О подвигах Томаса Брауна можно прочитать в газетах и в книге Кэннона "История третьего драгунского полка". Лучший план битвы, который я когда-либо видел, находится в Мемориале Э. из С. В качестве образца излияний доггерела я переписываю одну строфу с широкого листа в Британском музее:

Наши благородные генералы сыграли свою роль,
Наши солдаты сражались как гром среди ясного неба,
И принц Уильям тоже, у него доблестное сердце
В бою творил чудеса.
Хотя пуля пробила ногу насквозь
Принц не обращал внимания на свою рану,
Но все еще сохранял свой пост и сражался
Посвящается славному Георгу Английскому.

ГЛАВА V

Каким бы удачным ни был исход Деттингена, он, по крайней мере, послужил своей цели, предотвратив отправку французских подкреплений на Дунай и в Богемия; и кампания 1743 года завершилась полным крахом великих планов Беллиля и изгнанием французов из Германии. Теперь было ясно, что война будет вестись в знакомой обстановке австрийских Нидерландов. Такой театр военных действий был удобен для Франции, поскольку он находился недалеко от ее собственных границ, и удобен для союзников, поскольку голландцев наконец убедили присоединиться к ним, а также потому, что британцы оказались бы ближе к своей базе в Остенде. Маршал Саксен, чей прекрасный талант до сих пор был растрочен бездарными французскими генералами в Богемии, был назначен главнокомандующим французами во Фландрии; и было приложено все усилия, чтобы предоставить ему многочисленную и хорошо оснащенную армию и дать ему возможность начать кампанию своевременно.

1744.

В Англии приготовления никоим образом не соответствовали требованиям положения. Расчеты действительно предусматривали присутствие двадцати одной тысячи британцев во Фландрии в 1744 году по сравнению с шестнадцатью тысячами в предыдущем году, но только ценой истощения слабого гарнизона, оставшегося в Англии; поскольку фактическое количество людей, проголосовавших за эти два года, было одинаковым. Все опытные британские офицеры настойчиво убеждали правительство в важности быть первыми на поле боя,[\[177\]](#) но когда армия должна была быть составлена в разных пропорциях из англичан, голландцев, немцев и австрийцев, нужен был "Мальборо", чтобы привести к гармонии несогласованные дворы, а

также подготовить войска к началу кампании. К началу апреля восемьдесят тысяч французских солдат выступили со своих зимних квартир и были сосредоточены на границе между Шельдой и Самброй, в то время как союзники все еще были разбросаны по военным городам, и даже тогда их общая численность не превышала пятидесяти пяти тысяч человек. Уэйд, английский командующий, задержанный сначала неразберихой дома, а затем встречным ветром, все еще находился в Англии, пока французы сосредотачивались, и ни один английский рекрут, чтобы восполнить потери прошлой кампании, не прибыл во Фландрию. Затем возникли споры относительно расположения союзных войск, поскольку и австрийцы, и голландцы нервно опасались оставлять свои приграничные города без гарнизонов. Когда на второй неделе мая армия союзников была, наконец, собрана недалеко от Брюсселя, она была все еще слабее на двадцать тысяч человек, чем должна была быть, и оказалась перед задачей удержать Фландрию, Брабант, Эно и Самбр от превосходящих сил французов.[178] Прошел май и наступил июнь, но союзники оставались беспомощными и неподвижными в своем лагере, в то время как Саксен, после короткого марша на запад, повернул на север и неуклонно продвигался между Шельдой и Лизом. Его главную цель было не так уж трудно предугадать. К середине июня его отряды захватили Ипр и форт Нок, который контролировал канал от Ньюпора до Ипра, таким образом отрезав британцев от одной из их баз на побережье. Оставалось выяснить, нацелится ли он затем на Остенде, где были сосредоточены все британские запасы боеприпасов, или же он предпримет попытку атаковать Брюгге и Гент, чтобы обеспечить судоходство по каналу Брюгге, а также по Шельде и Лиссу. Опять же, для него всегда было открыто, если бы он пожелал, осадить Турне, крепость, которую союзники добровольно не потеряли бы. Таким образом, проблема, поставленная перед союзниками, была нелегкой в решении; но из всех решений они выбрали наихудшее. Голландцы и австрийцы не могли смириться с мыслью о том, чтобы оставить какую-либо из своих любимых цитаделей, и настаивали на том, что силы армии должны быть растрачены на обеспечение слабых гарнизонов для защиты всех.[179] Уэйд, надо отдать ему справедливость, был за то, чтобы держать все войска вместе, переправиться через Шельду и занять сильную позицию для прикрытия Гента; но австрийцы не согласились, чтобы не подвергнуть опасности Брюссель.[180] Уэйд, конечно, не был сильным человеком, но его не следует судить слишком строго. Мальборо провел самые тревожные дни всех своих кампаний, отвлекаясь на безопасность Гента и Брюсселя, и освободился только маршем, предшествовавшим битве при Ауденарде.

Июль.

Тем временем король Георг прилагал огромные усилия, но опоздал на два месяца, чтобы предоставить Уэйду дополнительные войска, как британские, так и голландские, и умолял принца Карла Лотарингского переправиться через Рейн со всей своей армией и руководить операциями во Фландрии в качестве главнокомандующего всеми союзниками. Это был мудрый шаг во всех отношениях, поскольку родство принца с королевой Марией Терезией обеспечивало ему старшинство в звании, необходимое для того, чтобы поддерживать согласованность в столь разнородном войске. Принц Чарльз превосходно выполнил свою часть работы, с большим мастерством форсировав Рейн перед лицом французов и заняв прочную позицию на границе Эльзаса. Несколько дней спустя британское подкрепление достигло Уэйда, и король Георг отдалему приказ перейти в наступление и "начать военные действия всех видов".[181]

20 июля 31 .

Действительно, казалось, что пришло время надавить на французов; но как раз в этот критический момент Фридрих Прусский выступил в пользу Франции и угрозой вторжения в Богемию быстро вернул принца Карла за Рейн. Тем не менее Уэйд и его товарищи провели военный совет и решили, если возможно, привести Сакса в действие. Король Георг милостиво одобрил их план, и 31 июля союзники повернули на запад и переправились через Шельду. Однако еще предстояло выяснить, позволит ли Саксен навязать ему какие-либо действия; ибо сейчас он лежал, укрепившись до зубов, на Лисе между Менином и Куртрэ, что было довольно ясным признаком того, что он этого не сделает. В этот момент лорд Стэр, внимательно следивший за ходом боевых действий из Англии, выступил вперед, как истинный ученик Мальборо, с новым планом кампании. Его совет состоял в том, чтобы союзники обратили тактику Сакса против него самого. Им следовало выступить на юг, к Орши, между Лиллем и Турне, и там разбить лагерь, откуда они были бы в пределах досягаемости от полудюжины французских укрепленных городов. Французы не осмелились бы оставить крепости беззащитными, а гарнизоны, необходимые для обеспечения их безопасности, поглотили бы все их силы на поле боя. Тогда союзники могли бы послать отряды во Францию и обложить Пикардию контрибуцией или, возможно, осуществить отвергнутый двумя годами ранее план похода к Сене. Действия короля Пруссии лишь сделали какой-то смелый ход такого рода еще более настоятельным.^[182]

Стэйр привлек к этому проекту австрийского генерала Д'Аренберга в 1742 году, но сейчас было маловероятно, что он будет принят им. Картерет, передавая меморандум Стэра Уэйду, не отдавал ему никаких конкретных приказов, кроме как по крайней мере что-то предпринять; но бедняга Уэйд обнаружил, что заставить австрийцев что-либо сделать невозможно. Союзники, переправившись через Шельду, бездействовали в течение нескольких недель, и никакие уговоры не могли заставить Д'Аренберга двинуться с места. Наконец армия действительно спустилась на равнины Лилля, но без артиллерии, так что нельзя было сказать, что она серьезно угрожала французским крепостям. Голландцы и австрийцы обязались снабдить осадный обоз, но не предприняли никаких шагов, чтобы раздобыть одну из десяти тысяч лошадей, которые требовались для его перевозки. После короткого пребывания на юге союзники снова беспомощно двинулись на север. Прошел август, наступил сентябрь, но даже на четвертый месяц кампании голландцы и австрийцы все еще были без своей артиллерии.^[183] Уэйд смело предложил форсировать позиции Саксена на реке Лис: австрийцы отказались. Он предложил напасть на отряд в четырнадцать тысяч человек, который Саксен неосмотрительно изолировал от своей основной армии: Д'Аренберг предусмотрительно послал слабый отряд кавалерии, чтобы показать отряду опасность его положения. Наконец, в первую неделю октября союзники отступили на зимние квартиры, что было именно той целью, над которой Д'Аренберг работал с самого начала. Несмотря на английские субсидии, у него не было денег, чтобы заплатить своим войскам, и он хотел избавить австрийские Нидерланды от бремени снабжения фуражом и контрибуций. Уэйд, больной телом и подавленный душой, немедленно сложил с себя командование. Он был сыт по горло союзом с Австрией, и королю Георгу вскоре тоже предстояло пресытиться им.^[184]

1745.

И снова, несмотря на бесконечную продолжительность войны, формирование британских вооруженных сил практически не изменилось в течение 1745 года. Войска, выделенные для службы во Фландрии, действительно были увеличены до двадцати пяти тысяч человек, но это было достигнуто только за счет сокращения гарнизона Великобритании до пятнадцати тысяч, что, как показали события до конца года, создало ситуацию опасной слабости. Более того, прошедшая кампания выявила недостаток в одной из союзных держав, который был едва ли менее серьезным, чем безденежье и эгоизм Австрии. Голландская армия, которая под командованием Мальборо сослужила такую блестящую службу, стала безнадежно неэффективной. Конкуренция соперничающих демагогов за народную благосклонность привела к тому, что численность армии была настолько мала, что ее едва хватало на то, чтобы найти эффективные гарнизоны для укрепленных городов. Одновременно пострадала дисциплина, и генерал Лигонье уже жаловался, что голландские войска, служившие у союзников в 1744 году, были невыносимо неподчиняющимися и беспорядочными, подавая плохой пример всей армии.^[185] В феврале 1745 года Лигонье снова довел этот вопрос до сведения английского правительства. Голландцы, сказал он, вероятно, оставят всех своих людей в гарнизоне, и если союзники будут настолько слабы, что смогут найти гарнизоны только для приграничных крепостей, французы будут вольны идти, куда им заблагорассудится. Поэтому было бы гораздо лучше приложить огромные усилия, собрать сто тысяч человек, перейти в наступление и закончить войну одной кампанией. Потребовалось бы десять тысяч человек для охраны линии канала Брюгге, а остальные должны были осадить Мобеж и Ландрези и войти во Францию по реке Самбр, сделав Маас главной коммуникационной линией, одинаково открытой для прохождения подкреплений из Англии, из Голландии, и из Германии.^[186] Такой совет вряд ли нашел бы одобрение у людей, которые до сих пор плохо управляли войной. Однако одно важное изменение было внесено назначением герцога Камберлендского главнокомандующим во Фландрии, а также в Великобритании.^[187] Герцогу на момент этого повышения все еще требовался месяц, чтобы исполнить свой двадцать пятый год, но он с детства был увлеченным солдатом, он изучал свою профессию, он проявил храбрость при Деттингене, и, каким бы молодым он ни был, он был старше, чем был Конде, когда тот впервые получил военную известность. Наконец, было огромным преимуществом, что принц из царствующей семьи командовал такой разношерстной армией, как армия союзников, поскольку было меньше склонности придирается к его власти.

22 апреля 3 мая.

19-30 апреля .

28 апреля 9 мая.

Камберленд достаточно энергично приступил к своей работе, в начале апреля переправился во Фландрию, сделал все необходимые приготовления для сосредоточения в Брюсселе 2 мая и фактически начал свой марш на юг на следующий день.^[188] Однако, несмотря на это, маршал Саксен вышел на поле боя раньше него, собрав свои войска в Эно, как и в предыдущем году, так что было невозможно угадать, какую из крепостей барьера он намеревался атаковать. После ложного маневра, который указывал на осаду Монса, он быстро двинулся на Турне и окружил его 30 апреля, так искусно прикрывая свои передвижения своей кавалерией, что ни слова о его операциях не доходило до Камберленда почти неделю спустя. Камберленд, покинув Суаньи 3 мая, медленно продвигался на юго-запад через Камброн, Молбей и Леуз и вечером 9-го прибыл в Бриссоэль, в пределах видимости армии Сакса. Местность непосредственно перед союзниками была изрезана небольшими перелесками, рощицами и изгородами, все они были

забиты наемными иррегулярными войсками — пандурами, грассинами и тому подобными, — которые, позаимствованные сначала у австрийцев, к этому времени стали необходимой частью французской, как и любой другой армии. За этой пересеченной местностью широкая равнина тянулась пологим, почти непрерывным склоном к деревне Фонтенуа, которая была центром позиции Сакса. Передовые отряды иррегулярных войск вместе с двенадцатью эскадронами, выстроенными на склоне холма перед Фонтенуа, в тот день воспрепятствовали дальнейшему продвижению Камберленда, и союзники разбили лагерь на ночь. Штаб располагался в Мобрее, деревне, находящейся на виду у Фонтенуа, всего в полтора миль к юго-востоку от французского лагеря.

29 апреля 10 мая.

На следующий день передовые посты французов были вытеснены из рожи, и Камберленд вместе с принцем Вальдеком и графом Кенигсеком, которые командовали голландцами и австрийцами соответственно, отправились вперед на разведку позиции. Армия Сакса заняла гребень склона, лежавший по обе стороны от двух дорог, ведущих из Конде и из Леуза в Турне. Справа от него находилась деревня Антоин и Шельда, башня замка Антоин достаточно четко обозначала западную границу его позиции. Оттуда его линия протянулась строго на восток вдоль гребня высоты почти на две мили до деревни Фонтенуа. В нескольких сотнях ярдов от Фонтенуа стоит деревушка Бургон, но теперь она была окутана дымом и пламенем, поскольку была обстреляна пандурами при отступлении. От Антуана до Фонтенуа фронт Сакса был обращен строго на юг, но к востоку от Фонтенуа он поворачивал обратно почти под прямым углом к лесу Барри и деревне Рамекруа, выходя значительно восточнее юга. Однако деревня Везон, расположенная на одной прямой линии с Фонтенуа к востоку от Антоина, также была занята французами в качестве передового поста. Это место было быстро расчищено войсками Камберленда, и генералы союзников завершили свою рекогносцировку. Позиция, несомненно, была сильной по своей природе и была еще более укреплена искусством. За Антоном правый фланг французов был защищен батареей, установленной на западном берегу Шельды, в то время как сама деревня была укреплена и удерживалась двумя бригадами. Между Антоном и Фонтенуа были построены три редута, и это пространство оборонялось тремя бригадами пехоты при поддержке восьми эскадронов конницы. Сам Фонтенуа был укреплен укреплениями и пушками и сделан настолько сильным, насколько это было возможно; а от Фонтенуа до леса Барри тянулась двойная линия окопов, первую линию удерживали девять, а вторую - одиннадцать батальонов пехоты. На опушке леса Барри находились еще два редута, передний из них назывался Редут д'Э, оба были вооружены пушками для обстрела открытого пространства между лесом и Фонтенуа; в тылу леса были размещены еще девять батальонов, а в тылу у всех две сильные линии кавалерии. Цвет французской армии, как конный, так и пеший, был размещен на этом участке слева от Саксена, поскольку англичане занимали правую сторону линии фронта в армии союзников, а Сакс знал репутацию красных мундиров.

Генералы союзников решили атаковать на следующий день. Говорят, что Кенигсек намеревался нарушить коммуникации Сакса и вынудить его снять осаду Турне; но, обнаружив, что Камберленд и Вальдек отвергли его решение, он уступил. Силы Камберленда явно уступали в численности, составляя менее пятидесяти тысяч человек против пятидесяти шести тысяч человек, но он был молод и порывист, и на него произвело сильное впечатление катастрофическое бездействие предыдущей кампании. Было решено, что голландцы и австрийцы должны атаковать французский центр и правый фланг, причем голландцы, в

частности, несут ответственность за Фонтенуа, в то время как британцы атакуют французский левый фланг между этой деревней и лесом Барри.

30 апреля 11 мая.

В два часа следующего утра британцы начали выдвигаться из своего лагеря на Везоне, кавалерия шла впереди. Продвижение заняло много времени, поскольку предстояло преодолеть множество узких переулков, прежде чем отряд смог высадиться на склоне, а когда склон был пройден, все еще оставалось пройти дефиле через деревню Везон. Порядок атаки Камберленда был прост. Бригадир Инголдсби с двенадцатым и тринадцатым пехотными, сорок вторым горским полком, ганноверским батальоном и тремя шестифунтовыми пушками должен был атаковать Редут д'Э на правом фланге линии наступления британцев и взять его штыком. Оставшаяся часть пехоты должна была просто пройти маршем тысячу ярдов открытой местности между ней и Фонтенуа и выбить врага из его окопов.

Около пяти часов передовые эскадроны британской кавалерии, всего пятнадцать, под командованием генерала Кэмпбелла, прошли через Везон и развернулись на равнине за ним, чтобы прикрыть построение пехоты для атаки. Французские батареи в Фонтенуа и редуте сразу же открыли по ним огонь, но кавалерия целый час стойко выдерживала огонь, пока, наконец, выстрел не оторвал генералу Кэмпбеллу ногу. Доблестного ветерана, сражавшегося при Мальплаке, которому сейчас было семьдесят восемь лет, унесли умирающим с поля боя, он сокрушался, что больше не сможет принимать участия в сражении. Никто, кроме него самого, по-видимому, не знал, с какой целью были выдвинуты его эскадрильи, и, соответственно, после его падения они были отозваны. Затем пехота выдвинулась на фронт, где генерал Лигонье начал выстраивать ее в две линии, без дальнейших перерывов, выражаясь его собственными простыми словами, под оживленную и убийственную канонаду французов. Камберленд тем временем приказал разместить семь шестифунтовых орудий справа от британского фронта, которые быстро вступили в бой. На виду у французского фронта выехал офицер на белом коне, и английские артиллеристы сразу же начали заключать пари, кто его убьет. Второй или третий выстрел поверг белого коня на землю, а его всадника, изувеченного и умирающего, отнесли в тыл. Это был граф Граммон, доблестный, но легкомысленный офицер, который испортил планы Ноая при Деттингене. Затем, обратившись к своей более законной работе, артиллеристы быстро дали о себе знать среди французских полевых батарей; но снаряды из Фонтенуа и Редута д'Э не переставали поражать алые ряды британцев. Две линии пехоты Лигонье вскоре были сформированы, а кавалерия расположилась еще в двух линиях у них в тылу, и вскоре генерал послал сообщение Камберленду, что он готов выступить, как только Вальдек поведет своих голландцев против Фонтенуа. Имя адъютанта, доставившего это сообщение, не следует опускать, поскольку им был капитан Джеффри Амхерст из Первого гвардейского полка.

Вслед за этим голландцы и австрийцы в центре и слева двинулись на Фонтенуа и Антуан, но, дрогнув от огня спереди и, прежде всего, от огня во фланг со стороны батареи на другом берегу Шельды, вскоре отступили под прикрытие, и их уже нельзя было заставить снова двигаться вперед.^[189] Хуже всего было то, что голландскую кавалерию охватила паника, она поскакала обратно во главе нескольких британских эскадронов и в бешенстве бросилась бежать в Хэл, крича, что все потеряно. Таким образом, дела на левом фланге союзников пошли плохо; а тем временем на правом была допущена еще более роковая ошибка. Ибо Инголдсби, неправильно поняв его инструкции, не решался атаковать Редут д'Э и, несмотря на неоднократные приказы

Камберленда, так и не предпринял его вообще. Камберленд, однако, был нетерпелив. Без дальнейших проволочек он встал во главе британцев, которые стояли так, как их выстроил Лигонье, в самом прекрасном порядке. В первой шеренге, считая справа налево, стояли батальон Первой гвардии, еще один батальон Колдстримов и еще один батальон шотландской гвардии, Первый, Двадцать первый, Тридцать первый, Восьмой, Двадцать пятый, Тридцать третий и Девятнадцатый; во второй шеренге баффы занимали почетное место справа, а за ними последовательно шли Двадцать третий, Тридцать второй, одиннадцатый, Двадцать восьмой, Тридцать четвертый и Двадцатый. Некоторые ганноверские батальоны присоединились к ним на крайнем левом фланге. Забили барабаны, солдаты взвалили оружие на плечи, и отделения пристроились к двум легким полевым орудиям, которые сопровождали каждый батальон. Инголдсби увидел, что происходит впереди, и соединил свои батальоны с ними справа. Затем был дан приказ наступать, и две шеренги двинулись медленным и размеренным шагом, которым они были знамениты в Европе.

Вперед шагали ряды алых, молчаливые и величественные, словно на параде. Предстояло преодолеть добрых полмили местности, прежде чем они смогут сблизиться с невидимым врагом, который поджидал их в окопах на гребне склона, и путь был четко обозначен красными вспышками и клубами белого дыма, которые вырывались из Фонтенуа и Редут д'О на обоих флангах. Пули все яростнее и яростнее били по сомкнутым рядам по мере того, как они продвигались под этим убийственным перекрестным огнем, но зияющие ряды спокойно смыкались, идеальный порядок никогда не нарушался, величественный шаг никогда не ускорялся. Только ганноверцы во второй линии, обнаружив, что им не хватает места, тихо и чинно отступили и двинулись дальше в третьей линии за британцами. Молчаливые и неумолимые алые шеренги продвигались вперед. Они поравнялись с деревней и редутом, и выстрел, который до сих пор сметал ряды, теперь разметал ряды. Затем первая линия прошла за редутом и деревней, и французские пушки открыли по ней обратный огонь. Разрывы становились шире и чаще, фронт сужался по мере того, как люди сближались, но гордые батальоны все еще продвигались вперед, усыпая лужайку позади себя алым, подобно массе красных цветов, которые плывут по ленивому ручью и на ходу роняют лепестки.

Наконец гребень хребта был достигнут, и ряды французских батальонов внезапно показались в поле зрения чуть более чем в сотне ярдов от них, за бруствером виднелись только их мундиры. Рядом с лесом Барри, с крайней правой стороны от британцев, красная полоса обозначала присутствие швейцарской гвардии; рядом с ними стояла синяя полоса - четыре батальона французской гвардии, а рядом с гвардией - белая полоса - полки Куртена, Обетера и короля, отборные батальоны французской армии. Все ближе и ближе подходили британцы, по-прежнему с оружием на плечах, всегда молча, всегда одной и той же медленной, размеренной поступью, пока не приблизились к французам на расстояние пятидесяти ярдов. Наконец лорд Чарльз Хэй из Первого гвардейского полка выступил вперед с флягой в руке и, приподняв шляпу, вежливо выпил за своих врагов. "Я надеюсь, джентльмены, - крикнул он, - что вы собираетесь дождаться нас сегодня и не переплывете Шельду, как переплыли Майн в Деттингене. Солдаты королевской роты, - продолжал он, поворачиваясь к своим соплеменникам, - это французские гвардейцы, и я надеюсь, что вы собираетесь разбить их сегодня"; и английские гвардейцы ответили радостными возгласами. Французские офицеры поспешили вперед, так как появление британцев было для них неожиданностью, и в ответ призвали к приветствию, но из французских рядов донесся лишь нерешительный ропот, который быстро затих и сменился несколькими резкими словами команды; ибо британцы были

уже в тридцати ярдах. "Пусть Господь сделает нас по-настоящему благодарными за то, что мы собираемся получить", - пробормотал английский гвардеец, глядя на стволы французских мушкетов, но прежде чем его товарищи вокруг него перестали смеяться, французские гвардейцы выстрелили; и наконец настала очередь британцев.

Ибо, несмотря на этот смертоносный марш под перекрестным огнем французских батарей к дулам французских мушкетов, ряды алых все еще были не сломлены сквозь дым; и теперь британские мушкеты с такими длинными плечами были наведены, и с грохотом за грохотом залпы раздавались из конца в конец линии, сначала Первая гвардия, затем шотландцы, затем Колдстри, и так через бригаду за бригадой, два батальона заряжали, пока третий стрелял, непрерывным, раскатистым, адским огнем. Вся французская передовая шеренга в синих, красных и белых мундирах упала перед бурей. Девятнадцать офицеров и шестьсот человек французской и швейцарской гвардии пали при первом же залпе; полк Куртен был уничтожен; полк Обетер, изо всех сил пытавшийся остановить волну, был сметен одним мощным залпом, который уложил половину его людей на землю. Британская пехота была полностью в руках; можно было видеть, как их офицеры хладнокровно постукивали тростями по мушкетам солдат, чтобы каждый выстрел был слабым и смертоносным, и ничто не могло противостоять их огню; в то время как батальонные орудия также выпускали картечь за картечью с ужасающим эффектом. Первая французская линия была совершенно разбита. Даже когда британцы наступали, Саксен выдвинул им навстречу дополнительные войска и разместил полки Куронна и Суассонуа в тылу королевского полка, а королевскую бригаду - в тылу французской гвардии; но все они одинаково пали под непреодолимыми залпами. Красные мундиры продолжали свое победоносное продвижение на целых триста ярдов вглубь французского лагеря, и сердце старого Лигонье подпрыгнуло, ибо он подумал, что битва выиграна.

Саксен, со своей стороны, мыслил немногим иначе, чем Лигонье; но хотя полумертвый от водянки, вынужденный сосать пулю, чтобы утолить нестерпимую жажду, настолько ослабевший, что не мог ездить верхом и его носили по полю в плетеных носилках, доблестный немец ни на минуту не терял головы. Отправив сообщение французскому королю, который вместе с дофином наблюдал за происходящим с ветряной мельницы в тылу, с просьбой без промедления отступить через Шельду, он стремился выиграть время, чтобы сплотить свою пехоту. При первом отражении атаки французской гвардии Камберленд выделил два батальона, чтобы помочь голландцам фланговой атакой на Фонтенуа. Видя, что это движение должно быть остановлено любой опасностью, Саксен отвел эти войска назад кавалерийской атакой; после чего один из батальонов растянулся вдоль левого фланга британцев. Отчасти таким образом, отчасти из-за непрекращающейся стрельбы французской артиллерии на обоих флангах две британские линии приняли форму двух огромных продолговатых колонн, которые постепенно слились в одну. Перемена не была несвоевременной, ибо теперь первая линия французской кавалерии, размещенная в тылу у леса Барри, на полном скаку обрушилась на британцев, но только для того, чтобы отступить, разорванная на куски тем же ужасным огнем. Затем вторая линия попытала счастья, но ее постигла не лучшая участь. Наконец, Домашняя кавалерия, знаменитый *Maison du Roi*, пылающий всем пылом Деттингена, не отмщенный, был брошен против алых колонн и, как и его предшественники, отскочил назад - толпа лошадей без всадников и неуправляемых людей, опустошенных, разбитых и отброшенных

непрекращающимся огнем. "Это было все равно что атаковать две пылающие крепости, а не две колонны пехоты".[\[191\]](#)

Тем не менее, таким образом было выиграно некоторое время для переформирования разбитой французской пехоты. Британцы, оказавшись в пределах французского лагеря, остановились и наконец посмотрели, как идут дела у голландцев слева от них. Как уже было сказано, атака Вальдека потерпела полный провал, и британцы, лишенные поддержки и постоянно находящиеся под перекрестным огнем артиллерии, отступили на гребень хребта и переформировались для второй атаки. Вальдек предпринял еще одну попытку атаковать Фонтенуа, и Камберленд, полагаясь на его помощь, снова двинулся во главе британцев. Но тем временем Саксен выдвинул ему навстречу свои резервы из Рамекруа, и среди них ирландскую бригаду, в то время как артиллерия также была подтянута с правого фланга Франции, чтобы действовать на британском фронте. Французская гвардия и остальные войска французской первой линии также были мобилизованы, и задача британцев была почти отчаянной. Ирландская бригада, состоявшая из шести батальонов, состояла не только из ирландцев, но также из шотландцев и англичан, отчаянных личностей, которые шли в бой с веревкой на шее и сражались как дьяволы. Тем не менее, даже в этой второй атаке британцы продвинулись вперед так же далеко, как и в первой, совершенство их огневой дисциплины позволило им на какое-то время отбросить даже ирландскую бригаду. Но их потери были ужасно тяжелыми; голландцы ни на шаг не продвинулись в атаке Фонтенуа, и канонада спереди вдобавок к канонаде на флангах стала невыносимой. Французская пехота также окружила их превосходящими силами с обоих флангов, и стало очевидно, что им ничего не оставалось, как отступить.

Лигонье отправил назад два батальона для обеспечения безопасности дорог, ведущих через Везон, и затем отступление началось в полном порядке. Французская придворная кавалерия предприняла яростную атаку в тыл колонны, когда та развернулась, но ценой своей жизни обнаружила, что адский огонь еще не погас. Три батальона гвардии и батальон ганноверцев решительно развернулись им навстречу и дали несколько прощальных залпов, которые полностью уничтожили один полк и положили всех офицеров другого. Несколько британских эскадронов, среди которых выделялись синие, несмотря на тяжелые потери, пробились вперед сквозь перекрестный огонь, чтобы оказать посильную помощь, а остатки героических батальонов отступили, разворачиваясь друг за другом через каждые сто ярдов, так же уверенно и гордо, как продвигались.

Их потери в этом бою были ужасно тяжелыми. Из пятнадцати тысяч пехотинцев, английских и ганноверских, поскольку ганноверцы вели себя не менее благородно, чем их союзники, почти шесть тысяч были убиты или ранены, потери двадцати английских батальонов немногим превысили четыре тысячи человек. Тяжелее всего пострадали Двенадцатый и двадцать третий полки, оба потерявшие более трехсот человек, Двадцать первый и Тридцать первый, потерявшие чуть меньше трехсот человек каждый, и три гвардейских батальона, потерявших каждый около двухсот пятидесяти человек. Из генералов Фута Камберленд, Лигонье и бригадный генерал Скелтон, хотя и попали в самую горячую точку, единственные остались невредимыми; все остальные были либо убиты, либо ранены. Многие кавалерийские полки также немало пострадали, в частности Синие и королевские драгуны; а общие потери британской кавалерии превысили триста человек и шестьсот лошадей. Потери французов никогда не предавались огласке, но, безусловно, были, по крайней мере, равны потерям союзников. По свидетельствам современников, без особой вероятности, они составили целых

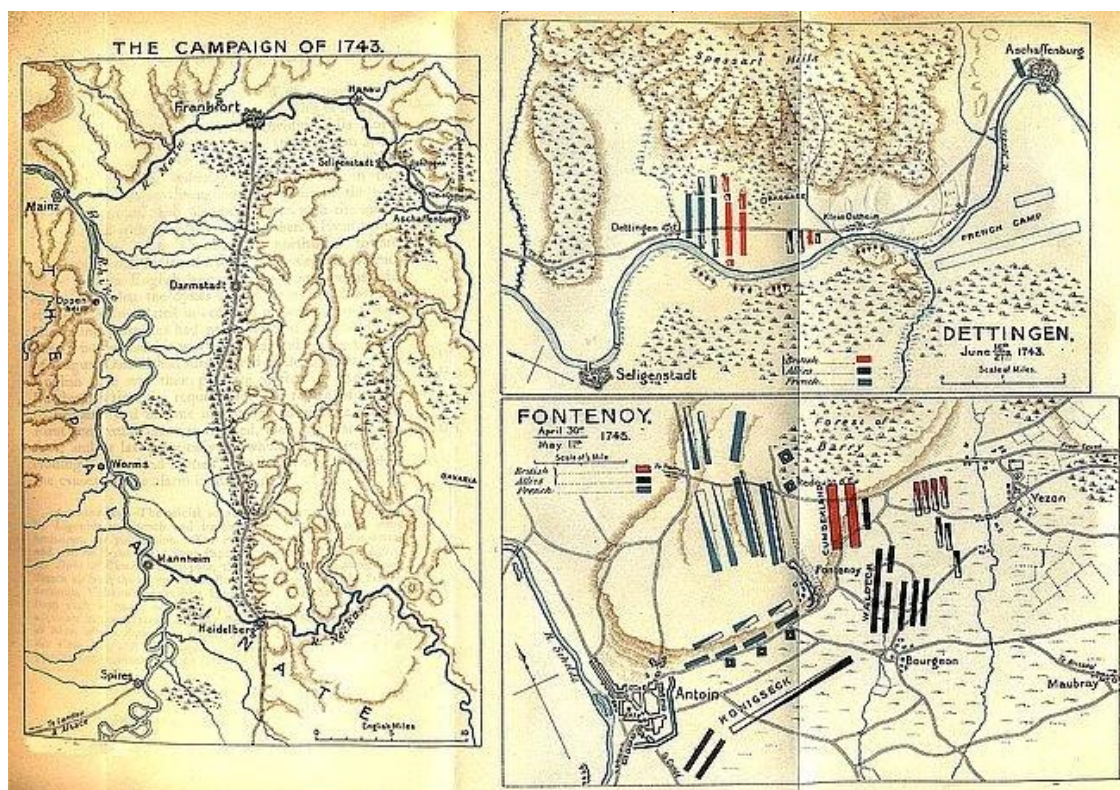
десять тысяч человек. Как пример доблести британской пехоты, Фонтенуа почти не имеет аналогов в своей истории. Батальоны, сформированные под перекрестным огнем артиллерии, оставались на месте под тем же огнем, медленно продвигались на полмили в идеальном порядке под тем же огнем и подошли на расстояние пистолетного выстрела к французской пехоте, чтобы получить ее залп до того, как они произведут выстрел. Они разбили французские батальоны вдребезги, отразили три отдельные атаки кавалерии, остановились под шквальной канонадой, отошли на некоторое расстояние и перестроились под перекрестным огнем, снова двинулись вперед, используя как артиллерию, так и мушкетерскую стрельбу по фронту и флангам, заставили отступить самую храбрую бригаду во французской армии, отразили еще одну отчаянную атаку кавалерии и отступали медленно и организованно под перекрестным огнем почти до конца. По согласию всех британских командиров, именно непонимание Инголдсби его приказов и его неспособность захватить Редут д'Э привели к проигрышу сражения; и Инголдсби был должным образом предан военному трибуналу за свое поведение. Однако он был оправдан во всем, кроме ошибки в суждениях; и действительно, о трусости не могло быть и речи, поскольку он сопровождал остатки пехоты в ее наступлении своим собственным отрядом и был тяжело ранен. Принято обвинять Камберленда в том, что он разбил голову о стену при попытке подобной атаки, но вряд ли можно было ожидать, что он будет рассчитывать на такое невезение, как неудача Инголдсби на одном фланге и голландцев на другом. Явная дерзость его наступления едва не принесла ему победу. Саксен признался, что ему и в голову не приходило, что какой-либо генерал попытается нанести такой удар или что какие-либо войска осуществят его. Камберленда обвиняют также в том, что он не атаковал ни Редут д'Э, ни Фонтенуа после того, как проник во французский лагерь. Опровергнуть это обвинение не так-то просто, поскольку французы всегда знают, когда их терпят поражение, и, увидев, что их левый фланг свернут, а войска наступают на Фонтенуа с фланга и тыла, вероятно, сочли бы игру проигранной, и это тем более легко, что их боеприпасы в Фонтенуа на данный момент были почти исчерпаны. Однако, несмотря на это, резервы Сакса всегда были под рукой в Рамекруа, и их нужно было держать в узде. На другой озадачивающий вопрос, а именно, почему Камберленд не использовал в боевых действиях свою артиллерию шире, отвечает тот факт, что подрядчики по установке орудий сбежали с лошадьми рано утром. В подобном происшествии отнюдь не было ничего необычного, и все же с Мальборо такого никогда не случалось, даже в Мальплаке. В целом, напрашивается вывод, что Камберленд совершил блестящий воинский подвиг по ошибке и, хотя его войска проявляли храбрость, равную его собственной, не был достаточно способным генералом, чтобы оправдать свой успех.

По окончании сражения Камберленд отступил в Ат и расположился лагерем под орудиями этой крепости, оставив своих раненых на милость французов, которые, странным образом извращая свое обычное рыцарство, обращались с ними с позорным варварством. Среди раненых, как ни странно, было несколько человек из новой секты методистов, основанной Джоном Уэсли, которые встречали смерть и раны с суровым ликованием, которое когда-то вдохновляло солдат Кромвеля. Один из них написал Уэсли, что даже после того, как пули в каждую руку вынудили его уйти с поля боя, он едва ли понимал, на земле он или на небесах, так прекрасен был тот день. Этот человек и еще несколько ему подобных, вероятно, помогали своим товарищам по несчастью пережить невзгоды дней, последовавших за битвой, пока яростные протесты Камберленда Саксу не привели к лучшему обращению с ними.

30 июня, 11 июля.

Август.

Из Ат Камберленд отступил к Лессину и вывел те британские корпуса, которые находились в гарнизоне во Фландрии, чтобы заменить те, которые наиболее сильно пострадали в ходе боевых действий. Между тем Турне, очень скоро после битвы, из-за предательства перешел в руки французов; и когда полевая армия Сакса, таким образом, увеличилась почти вдвое по сравнению с силами союзников, Камберленд оказался в полной беспомощности. Коварство Фонтенуа заключалось не в отражении удара и потере людей, поскольку британцы не считали себя побежденными, а в разрушении всякого доверия к голландским войскам. Неприятности, которые доводили Уэйда до отчаяния, теперь появились снова. Ожидалось, что Камберленд, несмотря на свою слабость, каким-то образом защитит Фландрию, Брабант и, прежде всего, Брюссель, и в то же время сохранит действующую армию на поле боя. Хуже того, он попытался оправдать ожидания. Вопреки здравому смыслу, он еще больше ослабил свои силы, выделив часть для гарнизона Монса,^[192] а затем, вместо того, чтобы занять сильную позицию на Шельде, чтобы прикрывать Гент любой ценой, он уступил давлению австрийцев и переправился через Дендер, чтобы прикрыть Брюссель.^[193] Слишком долго колеблясь между двумя мнениями, он, наконец, отправил отряд для защиты Гента, половина которого была отрезана и повернула назад с большими потерями, в то время как другая половина, выдержав много грубых обращений на марше, вошла в Гент только для того, чтобы увидеть, как французы застали город врасплох на следующий день. Четыре британских полка участвовали в этом неудачном предприятии и понесли тяжелые потери, в то время как королевский шотландский полк и Двадцать третий, который был отправлен в Гент после Фонтенуа, конечно, попали в плен.^[194] Более того, в Генте было захвачено огромное количество британских военных складов, хотя Камберленд за неделю до этого приказал их вывезти.^[195] После этого удара Камберленд отступил в Вильворде, немного севернее Брюсселя, все еще надеясь прикрыть и этот город, и Антверпен, и таким образом сохранить свои коммуникации как с Германией, так и с морем. И здесь он снова пожертвовал своим здравым смыслом ради возмущения австрийцев, поскольку предпочел бы обезопасить только Антверпен. На самом деле его положение было крайне критическим, и он остро осознавал это.^[196] Как раз в тот момент, когда его тревога была наибольшей, пришло письмо от государственного секретаря, в котором сообщалось, что вторжение в Англию неизбежно, и выражалась надежда, что войска можно будет вывести из Фландрии без ущерба для его операций. "Как?! - возмущенно воскликнул Лигонье. - Известно ли вам, что у врага семьдесят тысяч человек против наших тридцати тысяч и что они могут разместить превосходящие силы на канале перед нами и послать другую армию в обход между нами и Антверпеном, чтобы отрезать нам снабжение и вынудить нас сражаться в невыгодных условиях?" Таково наше положение, и это результат предоставления Его королевскому высочеству недостаточного количества войск; и все же вы говорите о том, что у нас есть лишний корпус для защиты Англии!"^[197]

Уокер и Буталл дель.

Лицом к лицу со страницей 122.

КАМПАНИЯ 1743 ГОДА.

ДЕТТИНГЕН, 16 июня 27th 1743 г.

ФОНТЕНУА, 30 апреля, 11 мая 1745 г.

13 августа 24 .

Сентябрь.

Октябрь.

План Сакса по сокращению численности союзников фактически был одинаковым на протяжении всей войны, а именно перерезать их коммуникации с морем с одной стороны и с Германией - с другой. Еще до того, как он начал теснить Камберленда на север, к Антверпену, он выделил войска для осады Остенде, который был английской базой. Камберленд, со своей стороны, посоветовал разрушить дамбы и затопить страну, чтобы сохранить ее, и как голландцы, так и австрийцы пообещали, что это будет сделано; но, как обычно, этого сделано не было, и к концу августа Остенде сдался французам. Затем английская база была волей-неволей перенесена в Антверпен. Но к этому времени просьбы о возвращении войск в Англию превратились в срочные и императивные приказы. Были отозваны первые десять батальонов, затем остальная пехота и, наконец, практически вся армия, включая самого Камберленда.^[198] Теперь пришло время объяснить причины тревоги в Англии.

Власти.—Официальный отчет Фонтенуа был составлен Лигонье на французском языке и переведен на английский, с некоторыми пропусками, для публикации. Французская версия

намного лучше, и ее можно найти в государственных документах. Жизнеописание герцога Камберлендского скудно, хотя и ценно тем, что составлено на основе донесений английских генералов. Из французских рассказов наиболее известен рассказ Вольтера, и, как и следовало ожидать от такого автора, он удивительно вдохновенный. Более ценными являются отчеты в *Conquête des Pays Bas*, в Мемуарах маршала Саксонского, где можно прочитать отчет самого Сакса, в *Campagnes des Pays Bas* и в *Espagnas*. Газеты сообщают о нескольких живописных происшествиях, имеющих определенную ценность.

ГЛАВА VI

1745.

С момента смерти кардинала Флери в январе 1743 года надежды якобитов на помощь Франции в попытке восстановить власть Стюартов силой оружия неуклонно возрождались. Кардинал Тенсин, преемник Флери, был горячо предан делу изгнанного дома; чувства между Францией и Англией были сильно обострены; начало открытых военных действий могло быть лишь вопросом времени; и вторжение в Британию было самым мощным отвлекающим маневром, который можно было предпринять, чтобы разделить силы сторонников Прагматической санкции. Осенью 1743 года были начаты приготовления к нападению на Англию из Дюнкерка под командованием маршала Сакса, и французский флот с Саксом и принцем Чарльзом Стюартом на борту действительно доплыл до Дандженесса. Там, однако, он был рассеян бурей, которая погубила многие транспорты и на время положила конец предприятию.

25 июля 5 августа.

Принц Чарльз вернулся в Париж немало разочарованным, но, не получив дальнейшей поддержки от Франции, питал надежду высадиться в Шотландии и предпринять свою попытку только с помощью своих британских сторонников. Эти приверженцы, со своей стороны, предупреждали его, что успех безнадежен, если он не приведет с собой по крайней мере шесть тысяч человек и десять тысяч единиц оружия; но Карл, тем не менее, был полон решимости попытать счастья. Поражение англичан при Фонтенуа, несомненно, укрепило его решимость: в июне 1745 года он пришел к определенному решению и 25 июля высадился в Лох-нан-Уаме, между Мойдартом и Арисайгом, с семьей товарищами, из которых только один, кроме него самого, сэр Джон Макдональд, имел какой-либо опыт военной профессии. За три недели до его фактического прибытия слух о его высадке достиг сэра Джона Коупа, главнокомандующего в Шотландии, который рекомендовал отозвать всех офицеров на свои посты и принять все меры предосторожности.^[199] Тем не менее, Чарльз пробыл на шотландской земле целую неделю, прежде чем Коуп смог поверить в правдивость слухов.

19 : 30 августа .

Тремя лицами, на которых правительство в основном полагалось в вопросах безопасности Шотландии, были сам Коуп, Эндрю Флетчер, лорд-клерк юстиции, и Дункан Форбс,

лорд-президент: но единственным человеком во власти, который сразу же проявил серьезные опасения, был лорд-адвокат Крейги, который опасался подобных осложнений еще со времен Фонтенуа. Коупу тоже было не по себе из-за крайней слабости имевшихся в его распоряжении сил. Всего у него было не более трех тысяч человек, по большей части новых и необстрелянных полков, на которые он мало мог положиться и которые, вопреки его заверениям в предыдущем году, даже не были должным образом вооружены.^[200] Однако он решил немедленно выступить на север, чтобы внушить страх всем колеблющимся демонстрацией силы: и получив, наконец, после долгой задержки абсолютное подтверждение известий о высадке претендента, он бросил свой самый надежный полк, Шестой пехотный, с двумя ротами королевских шотландцев, в форты, защищавшие линию фронта. Лох-Лохи и Лох-Несс.^[201] Однако для него было невозможно двинуться в путь, не обеспечив сначала пропитание своей маленькой армии, и это была работа, отнимавшая много времени и трудностей. Только 19 августа он, наконец, выступил из Эдинбурга в форт Огастес с пятнадцатью сотнями пехотинцев Сорок четвертого, Сорок шестого и Сорок седьмого полков и обозом с припасами, настолько большими, что они сильно затрудняли его передвижения.

Тем временем дела приняли гораздо более опасный оборот. Чарльз активно привлекал к себе лидеров кланов, на которые он рассчитывал; и хотя прием был менее благосклонным, чем он надеялся, он заручился поддержкой Камерона из Лохиэла, Макдональда из Кеппоха, Макдональда из Гленгарри и других. 16 августа отряду людей Кеппоха и Лохиэла удалось отрезать два отряда королевских шотландцев, направлявшихся в форт Огастес, убить дюжину из них и взять остальных в плен; а 19 августа, в тот самый день, когда Коуп покинул Эдинбург, Карл поднял свое знамя в Гленфиннане, чтобы на следующий день оказаться во главе тысячи шестисот человек.

Коуп еще не получил полной информации об этих операциях, но для него было совершенно очевидно, что его продвижение на север, вероятно, будет чем-то большим, чем просто военная прогулка, и у него возникло крайнее нежелание ее осуществлять. Уступая, однако, положительным приказам лордов-судей^[202] он продолжил свой марш на форт Огастес, испытывая немалое отвращение, обнаружив, что, хотя он нагрузил свой обоз несколькими сотнями ящиков с оружием для раздачи верным добровольцам, таких добровольцев, которые могли бы их получить, не было. Чарльз, со своей стороны, получив информацию о приближении Коупа, с большой поспешностью совершил форсированный марш к Корри Араку, худшему перевалу на дороге, и, с большим мастерством расположив свои войска, с ликованием ожидал прихода красных мундиров, чтобы сокрушить их во время перехода через ущелье.^[203] К его удивлению, ни один мужчина не появился. Коуп был поставлен в известность о его расположении и повернул в сторону от Далвинни к Инвернессу, оставив дорогу на юг открытой для повстанцев. Из Инвернесса он отправил срочные сообщения в Эдинбург с просьбой о транспортах для переброски своих войск морем на юг.

Коупа всегда сильно обвиняли в этом движении, утверждая, что он должен был либо сохранить свои позиции перед Чарльзом, либо отступить перед Стирлингом. Все критики, однако, упускают из виду важнейший момент: его силы не только уступали силам повстанцев, но и то, что он не мог доверять ни одному из них. Горцы Чарльза могли пройти две мили, а Коуп - одну, и быстро справились бы с большим конвоем, возглавляемым недисциплинированными войсками. Опять же, если бы Коуп остановился, повстанцы настигли бы его через несколько часов, прежде чем он успел бы окопаться, даже если предположить, что он смог бы найти

инструменты для окопов. Тот факт, что он послал за транспортом, показывает, что он не стал бы полагаться на свои войска при отступлении; продвижение на север было предпринято вопреки его совету, и последовавшая за этим неудача была просто обычным результатом вмешательства гражданских лиц в военные операции.

30 Августа Сентябрь. 10.

Сентябрь. 4 15 .

Сентябрь. 11 22 .

Карл, со своей стороны, не теряя времени, воспользовался своим преимуществом и сразу же быстро двинулся на юг. Один из его отрядов был, действительно, отброшен небольшим английским гарнизоном, который удерживал пост в Рутине,^[204] но его люди возместили ущерб, взяв в плен Макферсона Ключийского и тем самым привлекая к делу лорда Ловата и Фрейзеров. К 30 августа Чарльз достиг Блэр Атола, а 4 сентября он вступил в Перт, где к нему присоединились Джеймс Драммонд, титулованный герцог Пертский, и лорд Джордж Мюррей, оба они были ценным приобретением для последователей, которое они привезли с собой, в то время как Мюррей, кроме того, был очень умелым офицером. Возобновив свой марш 11-го, он избежал обстрела пушек замка Стерлинг, перейдя вброд реку в восьми милях выше крепости, и расположился в городе Стерлинг, который открыл ему свои ворота. К 15-му он был в восьми милях от Эдинбурга.

Сентябрь. 16 27 .

Сентябрь. 17 28 .

Город был в ужасе от его приближения. Эдинбургский замок действительно был снабжен достаточным гарнизоном, но город был абсолютно незащищен; под рукой не было и регулярных войск, за исключением тринадцатого и четырнадцатого драгунских, оба полка были молодыми, необученными. Утром 16-го эти два корпуса вместе с отрядом городской стражи были выстроены в Колтбридже, когда их пикеты были внезапно отброшены пистолетными выстрелами нескольких конных джентльменов из армии мятежников. Пикеты были охвачены необъяснимой паникой, которая вскоре передалась основным силам; и через несколько минут оба полка, несмотря на мольбы своих офицеров, во весь опор помчались на юг, не останавливаясь, пока не достигли Престона. Они пробыли там совсем недолго, прежде чем паника разгорелась с новой силой. Один из драгун, отправляясь в поисках фуража после наступления темноты, упал в заброшенную угольную яму, полную воды, и громко звал на помощь. Тотчас же поднялся крик, что горцы настигли их, и люди, бросившись к своим лошадям, снова поскакали галопом сквозь ночь, и их нельзя было остановить, пока они не достигли Данбара. "Галоп Колтбриджа", как окрестили это нелепое, но позорное бегство, был источником всего последующего успеха Претендента. Настолько мелки причины, которые могут привести к свержению трона. Вероятно, если бы можно было узнать правду об этом деле, то выяснилось бы, что несколько необученных лошадей среди пикетов, не приученных к огнестрельному оружию, были причиной всей катастрофы.^[205] На момент, однако, паника стала решающей в своих результатах. Карл без сопротивления вошел в Эдинбург на следующий день и занял свою квартиру в Холируде; но, остановившись в столице не более чем на сутки, он продолжил свой марш на юг. Его войска к этому времени разрослись до двух с половиной тысяч человек, хотя многие из них были плохо вооружены, и в войсках совершенно отсутствовала

артиллерия. И все же счастливый случай посеял панику впереди него, и он мудро последовал за ней со всей возможной скоростью.

Сентябрь. 19 30 .

Сентябрь. 20 1 октября.

Тем временем Коуп, услышав о продвижении повстанцев на юг, двинулся из Инвернесса в Абердин, где по прибытии транспортов из Эдинбурга погрузил своих людей и 16 сентября благополучно прибыл в Данбар. В два следующих дня войска были высажены, и армия, усиленная двумя сотнями новобранцев-горцев под командованием лорда Лаудуна и тринадцатым и Четырнадцатым драгунскими полками, была доведена в общей сложности до двух тысяч трехсот человек при шести орудиях. 19-го Коуп двинулся на север по прибрежной дороге, а на следующий день увидел повстанцев, которые, как он ожидал, двигались не к западу, а к югу от него и спокойно остановились на гребне Карберри-Хилл. Он сразу же занял сильную позицию, упершись тылом в море, причем слева его прикрывало болото, а справа - два ограждения со стенами высотой в семь футов, между которыми пролегалла дорога в деревню Престонпанс. Перед ним находилось еще одно ограждение, окруженное рвом шириной от десяти до двенадцати футов; укрепленные таким образом естественным образом, силы Коупа вполне могли казаться неприступными. Повстанцы, однако, спустились с холма и заняли свою позицию напротив болота справа от Коупа. Поэтому Коуп сменил фронт влево, чтобы упереться правой рукой в ров, а левой - в море, таким образом выставив свой фронт к болоту, что, по-видимому, дало повстанцам небольшое преимущество. Однако в течение вечера человек, хорошо знакомый с болотом, указал командирам мятежников проход, по которому его можно было безопасно перейти; и в течение ночи Карл благополучно перебросил свою армию через него и построил ее для атаки в две линии— тысяча двести человек в первой, а остальные, которые были лишь плохо вооружены, во второй линии. Его новая позиция находилась не более чем в двухстах ярдах от английского лагеря, поскольку Коуп, считая болото непроходимым, не выставил на той стороне ни одного часового.

21 сентября, 2 октября.

Незадолго до рассвета в лагере Коупа была поднята тревога, и генерал поспешил выстроиться в боевую линию, расположив свою пехоту, как обычно, в центре, Тринадцатый драгунский полк на правом фланге и Четырнадцатый драгунский полк на левом. Не успели горцы построиться, как Карл подал сигнал к атаке. Они с криком бросились вперед на артиллерию перед фронтом Коупа и отогнали артиллеристов, которые были моряками флота, от их орудий. Затем, дав залп по драгунам, они бросились прямо на них с палашами и яростно рубанули по мордам лошадей. Драгуны, уже слишком хорошо привыкшие к панике, тут же в замешательстве развернулись. Пехота, хотя и была незащищена с обоих флангов, оставалась стойкой и вела разрушительный огонь, но горцы немедленно сошлись с ними, и штык не мог сравниться с палашом и мишенью. Через несколько минут англичане были разбиты и обратились в бегство, спасая свои жизни. Четыреста человек были убиты на месте, еще более тысячи попали в плен, только ста семидесяти удалось бежать. Потери повстанцев составили не более тридцати убитых и семидесяти раненых. Все сражение не продлилось и десяти минут, и все же никогда победа не была более полной. Драгуны были так сильно напуганы, что, прискакав галопом сначала в Эдинбург, где губернатор с негодованием отказался впустить их в Замок, они развернулись и поспешили на юг, в Бервик, куда Коуп уже прибыл раньше них.

Моральный эффект Престонпанса был потрясающим. Дважды английские войска сталкивались с горцами, и каждый раз те в панике бежали. В первый раз не было пролито крови, но Престонпанс принес с собой память и традицию ужаса, поскольку все убитые англичане погибли от меча, и поле боя представляло собой ужасающее зрелище из отрубленных конечностей и изуродованных тел. Карл был за то, чтобы воспользоваться моментом и немедленно двинуться маршем на Лондон; и если бы он это сделал, вполне вероятно, что он, по крайней мере, добрался бы до столицы. Среди англичан не было особого энтузиазма в отношении дела гвельфов, и почти не было войск, которые могли бы встать на пути Карла; было только одно укрепленное место, Ньюкасл, которое беспокоило его к югу от Твида, и вся округа была глубоко напугана. Но горцы уже спешили домой с добычей, полученной в бою, уменьшив численность его отряда наполовину; так что было сочтено более благоразумным вернуться в Эдинбург.

Главной целью Чарльза теперь было сокращение Эдинбургского замка, который вместе с замком Стерлинг и фортами в Высокогорье составлял практически всю Шотландию, оставшуюся гвельфам. Блокада на несколько недель вынудила бы его подчиниться голодом, но генерал Гест, губернатор, пригрозил превратить город в пепелище, если ему прекратят поставки продовольствия. Несколько выстрелов из его пушки показали, что он настроен серьезно, и, вняв мольбам горожан, Карл был рад уступить ему. Этого обстоятельства могло быть достаточно, чтобы показать тщетность военных действий на таких условиях, но привлечение к делу некоторых видных шотландских дворян и добавление нескольких сотен добровольцев в армию повстанцев, казалось, давало некоторую компенсацию за это вынужденное бездействие. К концу октября силы Карла были увеличены до шести тысяч человек, пять шестых из которых составляли отличные материалы, в то время как их эффективность была еще более повышена прибытием нескольких французских и ирландских офицеров, которые привезли с собой деньги, пять тысяч единиц оружия и шесть единиц полевой артиллерии.

Тем временем в Англии с лихорадочной активностью шли военные приготовления. Камберленд, как уже было сказано, получил приказ отправить обратно сначала часть, а затем и всю свою армию: и теперь можно полностью осознать опасность ситуации во Фландрии. Из писем Лигонье ясно, что Саксен был в состоянии уничтожить британские войска, стоявшие лагерем в Вильворде, и что, по крайней мере, один хороший солдат жил в ежедневном страхе перед катастрофой. Если бы опасения Лигонье оправдались, трон гвельфов должен был пасть, и вина была бы на самом короле Георге за его глупость, заключавшуюся в том, что он две кампании пренебрегал войной, вместо того чтобы энергично продолжать ее, как советовал Стэр. Однако при сложившихся обстоятельствах британцы благополучно пересекли Северное море вместе с некоторыми голландцами и гессенцами, которые, как и в 1715 году, были призваны на помощь Англией в соответствии с Договором. Голландцы действительно прибыли до того, как англичане могли быть отправлены, и, таким образом, из десяти батальонов, переданных под командование маршала Уэйда для защиты королевства, не менее семи были иностранными.^[206] В ожидании прибытия войск из-за моря предпринимались отчаянные усилия по пополнению рядов, как обычно сильно истощенных призывами, полков на родине. 6 сентября каждому новобранцу, который присоединится к гвардии до 24-го числа, было предложено вознаграждение в размере не менее шести фунтов, а также в размере четырех фунтов любому, кто поступит на службу в период с 24-го по 1 октября.^[207] Дух страны также начал медленно разгораться: и газеты раздували разгорающуюся пламя непрекращающимися призывами "Нет папству, нет произволу власти, нет деревянным башмакам".^[208] Пятнадцать

ведущих дворян предложили собрать и оснастить два конных полка и тринадцать пеших за свой счет. Джентльмены Йоркшира сформировали Королевский охотнический полк, первый зародыш нашего нынешнего йоменского отряда, который служил бесплатно. В Лондоне были сформированы роты добровольцев. Мирные квакеры объединились, чтобы подарить каждому солдату фланелевый жилет на предстоящую зимнюю кампанию, и в городе была начата подписка на предоставление одеяла и двух пайеток в каждую палатку, тридцати мундиров для каждого батальона и пары шерстяных перчаток каждому солдату.^[209] Ополчение также было вызвано в нескольких графствах: и, наконец, Коуп был отстранен от командования в Шотландии и заменен генералом Хэндасидом.^[210]

31 Октября, 11 ноября.

Чарльз тем временем стремился двинуться на юг с наименьшей возможной задержкой и сразиться с разношерстными войсками, собранными под командованием Уэйда в Ньюкасле;^[211] но его шотландские приверженцы крайне не желали переезжать, и только когда он заявил о своей решимости войти в Англию в одиночку, если никто не последует за ним, они неохотно согласились пройти небольшое расстояние через границу. Лорд Джордж Мюррей с большой мудростью посоветовал наступать через Камберленд, а не через Нортумберленд, что вынудило бы Уэйда изводить свои войска маршами по плохим дорогам через труднопроходимую местность. Если Уэйд останется бездействующим, что, по его предыдущему поведению на посту командира, было более чем вероятно, повстанцы будут вольны передвигаться, куда им заблагорассудится. Чтобы лучше скрыть истинное направление наступления, армия была разделена на две колонны: одна под командованием самого Чарльза должна была двинуться через Келсо, а другая - через Моффата, обе должны были в конечном итоге сойтись в Карлайле. Таким образом, наконец, 31 октября повстанцы начали свое наступление на юг, но по-прежнему без особого энтузиазма. Письма вождей показывают, что они считали все это предприятие отчаянным и что им хотелось поскорее оказаться дома, собирать урожай и присматривать за зимовкой своих стад.^[212] Рядовые горцы не писали писем, а просто десятками расходились по домам.

8 Ноября 19 .

17 ноября 28 .

20 ноября 1 декабря.

План вторжения Мюррея удался превосходно. По прибытии в Келсо Чарльз выслал передовой отряд, чтобы распорядиться о размещении в Вулере, и, таким образом встревожив Уэйда из-за Ньюкасла, резко повернул на запад и вошел в Камберленд через Лиддесдейл. На следующий день к нему присоединилась другая колонна, и объединенная армия численностью около пяти тысяч человек приступила к осаде Карлайла. Город удерживался только гарнизоном ополчения, но командир и мэр отказались сдаваться, и осада была отложена из-за ложной тревоги, вызванной тем, что Уэйд шел на выручку. Однако 13 ноября повстанцы подняли батареи, после чего мужество мэра испарилось, и его преосвященство потребовал капитуляции города. Чарльз отказался предоставить его, если Замок также не будет включен, и в результате он получил и Замок, и город, потеряв едва ли одного человека. Уэйд, когда было уже слишком поздно, двинулся на выручку Карлайлу, но, будучи остановлен выпавшим снегом, снова вернулся в Ньюкасл и послал генерала Хэндэсайда с двумя пехотными батальонами и драгунским полком вновь занять Эдинбург. Это движение усилило желание горцев вернуться домой, но после

некоторых дебатов было решено продолжить наступление. Двести человек были оставлены в гарнизоне Карлайла, и с силами, значительно уменьшившимися из-за дезертирства, Чарльз 20-го числа возобновил свой марш на юг без малейшего сопротивления со стороны Уэйда. 27-го он миновал Рибл, этот барьер, столь часто фатальный для шотландских вторжений, в Престоне, где его хорошо приняли, и к его армии добавилось несколько рекрутов. Восторженные возгласы также приветствовали его на пути в Уиган и Манчестер, но люди отказались принять предложенное им оружие или вступить в ряды сторонников его дела. Только в Манчестере благодаря усилиям мистера Фрэнсиса Таунли, католика из очень старинной семьи в графстве, удалось собрать пару сотен человек. Это было лишь незначительное дополнение по сравнению с тем, которого ожидали вожди горцев, и подтвердило их опасения относительно отчаянного характера предприятия.

4 декабря.

Теперь английские войска начали окружать маленькую армию повстанцев со всех сторон. Уэйд наступал на него с севера; перед ним стоял Камберленд с восемью тысячами человек в Личфилде, в то время как еще более крупные силы ополчения, усиленные батальонами гвардии, сосредоточивались в Финчли-Коммон для обороны Лондона. Повстанцы все еще продолжали свой марш на юг, люди смотрели на них, когда они проходили мимо, удивленные, но безразличные и, по-видимому, едва ли способные отнестись к происходящему серьезно. В Кембридже здравомыслящие мужчины средних лет поговаривали о том, чтобы взять фаэтон и навестить их в дороге; [213] и Хогарт, к великому счастью потомков, не видел в марше гвардейцев на Финчли ничего, кроме замечательной темы для упражнений карандашом и снисхождения к своей сатире. И все же Лондон по-прежнему был охвачен паникой. Из Макклсфилда лорд Джордж Мюррей послал вперед небольшой отряд к Конглтону, который оттеснил залегший там конный отряд и некоторое время преследовал его по дороге в Ньюкасл-андер-Лайм. Камберленд, думая, что повстанцы вот-вот перейдут эту линию или повернут на запад, в Уэльс, также повернул на запад, к Стоуну, чтобы перехватить их, а Мюррей, совершив форсированный марш на восток, достиг Эшборна и на следующий день вступил в Дерби. Благодаря этому маневру армия повстанцев совершила два марша по Камберленду и успешно прошла мимо самой грозной силы, стоявшей между ним и Лондоном. Столица была в ужасе. Бизнес был приостановлен, все магазины закрыты, и Банк Англии избежал катастрофы только благодаря тому, что производил платежи шестипенсовиками, чтобы выиграть время. Камберленд, обнаружив свою ошибку, поспешил со своей кавалерией отчаянными маршами к Нортгемптону, чтобы по возможности вернуть утраченные позиции, но единственным результатом было полное изнеможение лошадей; и герцог Ричмонд, командовавший этой кавалерией, откровенно признался, что не видит, как можно остановить врага. Быстрота передвижений повстанцев, трудность переброски регулярных войск зимой по отвратительным дорогам и, прежде всего, отсутствие в Уайтхолле умелого руководителя, который заменил бы робкого и некомпетентного Ньюкасла, парализовали всю мощь Англии.

6 декабря 17 .

18 декабря 29 .

26 декабря.

1746.

3 Января 14 .

В ночь своего прибытия в Дерби Чарльз подробно обсуждал вопрос о платье, которое ему следует надеть при въезде в Лондон; но на следующий день его офицеры сообщили ему об опасности дальнейшего наступления, когда Уэйд и Камберленд обойдут его с тыла. Поступили известия о высадке французских войск в Монтрозе; они настаивали, что было бы лучше отступить, пока еще есть время, и присоединиться к ним. Карл горячо оспаривал это предложение в течение всего дня, но в конце концов уступил, и на следующее утро началось отступление. Камберленд, отступивший к Ковентри, сразу же собрал четыре тысячи человек и форсированным маршем последовал за мятежниками, но не настигал их до 18-го числа, когда его передовые отряды атаковали арьергард Мюррея у Клифтон-Мур, в нескольких милях к югу от Пенрита. Англичане, однако, были отброшены с потерей сотни человек, и это несчастье легко объясняется тем фактом, что сражение происходило после наступления темноты, когда мушкет плохо подходил для клеймора. И все же этот отпор не был ни похвальным для королевских войск, ни обнадеживающим для дальнейших покушений на арьергард повстанцев. Уэйд тем временем не предпринимал никаких попыток перехватить марш Чарльза на север, который 20 декабря беспрепятственно переправился через реку Эск в Шотландию и шесть дней спустя занял Глазго. Его отряд, несмотря на многодневный привал, преодолел расстояние от Эдинбурга до Дерби и от Дерби обратно до Глазго ровно за восемь недель. Несколько дней спустя он возобновил свой марш в Стерлинг, где к нему присоединились французы, высадившиеся в Монтрозе, и другие отряды, которым, несмотря на мольбы генерала Хэндэсайда о том, что на них могут напасть из Эдинбурга и Инвернесса, было разрешено собраться на севере. Эти подкрепления увеличили его силы до девяти тысяч человек, а поскольку французы привезли с собой мощные орудия, Чарльз решил осадить замок Стерлинг и таким образом обезопасить для себя, если возможно, всю Шотландию к северу от заливов Фертс-оф-Форт и Клайд.

Тем временем Камберленд после выздоровления Карлайла был отозван на юг Англии с большей частью своей пехоты для охраны южного побережья на случай французского вторжения. Уэйд, который был совершенно измучен возрастом и немощью, также был отстранен от командования, и по предложению Камберленда генерал Хоули был назначен главнокомандующим в Шотландии. Хоули был человеком неясного происхождения, с грубыми и брутальными манерами, но приверженцем строгой дисциплины более грубой школы, которая была любима Камберлендом, и очень далек от того, чтобы быть неспособным солдатом. По прибытии в Эдинбург ему было доверено двенадцать батальонов и четыре драгунских полка, и он получил абсолютную свободу поступать с ними так, как считал нужным. И все же трудности были значительными. Ему была придана артиллерия, но не было артиллеристов, по его указанию, последних он должен был набрать из гарнизонов Бервика и Эдинбурга. Однако, будучи вызванными, эти артиллеристы оказались гражданскими лицами, которых навязали истеблишменту ради их голосов и которые не предназначались для какой-либо другой службы.[214] Тот же принцип можно было проследить во всех других деталях, касающихся этих двух гарнизонов, поскольку следы коррупции были повсюду.[215] Многие батальоны снова были ничем не лучше ополчения, а пехота в целом находилась в настолько плохом состоянии, что из всего нее было трудно набрать более трех-четырёх тысяч человек, годных к службе. "Я надеюсь, что нас не будут винить, - писал Хоули, объясняя свое бездействие, - но дело не в названии двенадцати батальонов. Во мне не будет недостатка в усердии, но человек не может работать без инструментов. Тяжелая артиллерия все еще находится в Ньюкасле из-за нехватки лошадей, которых отправили в Карлайл за ненужностью. Майор артиллерии отсутствует по болезни. Я

подозреваю, что причиной его болезни является молодая жена.: Я его знаю. Я был вынужден нанять артиллерийского кондуктора и семьдесят с лишним человек в качестве его помощников полевой артиллерии. Я три дня перевозил их из Замка во дворцовый двор, и теперь они не годятся для марша.[216] Наконец, путем больших усилий все силы в составе двенадцати батальонов и трех драгунских полков с их артиллерией были готовы к выступлению в поле. Затем Хоули двинулся к Фолкерку, чтобы освободить осажденный замок Стерлинг, и расположился лагерем в западной части города.

17 января 28 .

Повстанцы пока мало продвинулись в осаде. Находившийся с ними французский инженер, который был неважным хвостуном, выбрал неправильные места для своих батарей, и генерал Блейкни, который командовал гарнизоном, дал ему понять это самым разрушительным огнем. 16 января Чарльз, услышав о походе Хоули на Фолкерк, оставил несколько сотен человек для поддержания блокады замка, а с остальными двинулся к Бэннокберну, где выстроил их в боевом порядке, как на поле добрых предзнаменований. Хоули, однако, отказался выдвигаться, поскольку его артиллерия только подошла, поэтому на следующий день Чарльз решил атаковать его. Продвигаясь вперед, Хоули наслаждался гостеприимством леди Килмарнок, жены одного из лидеров повстанцев, в Каллендар-Хаусе, оставив командовать генерала Хаске, отличного офицера. Маневрируя с небольшим отрядом, чтобы отвлечь внимание Хаске на север по дороге, ведущей в Стерлинг, Чарльз повел свою армию к югу от английского лагеря, а затем двинулся на нее к горному хребту, известному как Фолкерк-Мьюир. Английские барабаны тут же забили к оружию, и в Каллендар-Хаус были отправлены срочные послания для Хоули, который вскоре прискакал во весь опор без шляпы. Поспешно встав во главе трех драгунских полков, он поспешил с ними сквозь ливень и ветер на вершину Фолкерк-Мьюир, приказав пехоте следовать за ним с примкнутыми штыками. Повстанцы, однако, достигли вершины хребта раньше него; и затем Хоули сформировал свою армию в низине, выстроив пехоту в две линии, а кавалерию перед ними слева от первой линии. Его левый фланг был покрыт непроходимым болотом, и таким образом получилось, что левый фланг мятежников, который также был выстроен в две линии, встал напротив его центра. Численность каждой армии составляла около девяти тысяч человек. Когда формирование британцев было завершено, Хоули, который очень верил в силу кавалерии против горцев, приказал драгунам атаковать. Они соответственно двинулись вперед. Горцы с совершенным хладнокровием ждали, пока те не оказались в десяти ярдах от них, а затем дали эффективный залп. При этом злая традиция паники сразу охватила Тринадцатый и Четырнадцатый драгунские полки, которые развернулись и в беспорядке поскакали прочь. Девятый драгунский полк проявил больше стойкости, но горцы, бросившись на землю, вонзили свои кинжалы в животы лошадей, и они также были отброшены назад. Затем горцы двинулись вперед, и пехотинцы, потрясенные поражением конницы и ослепленные ветром и дождем, дали беспорядочный залп. Четверть мушкетов промахнулась из-за дождя, и все полки, за исключением двух, сразу повернулись и обратились в бегство. Никакие усилия их офицеров, которые вели себя с величайшей храбростью, не имели ни малейшего эффекта в их остановке, хотя многие из них были полками с известной репутацией; и горцы, преследовавшие их с клейморами, произвели немалый опустошение среди беглецов. Справа от первой линии, однако, Четвертый и Сорок восьмой полки стояли твердо, их передние ряды стояли на коленях с примкнутыми штыками, в то время как средние и задние ряды стреляли и дали отпор левому крылу повстанцев: Четырнадцатый полк вскоре сплотился и присоединился к ним, королевские шотландцы и баффы также сплотились, и эти войска, поддерживая непрерывный огонь, вместе

с Девятым драгунским полком организованно отступили. Потери не превысили двухсот восьмидесяти человек всех званий убитыми, ранеными или пропавшими без вести, два стойко стоявших полка отошли с небольшими потерями, в Сорок восьмом действительно ни один человек не пострадал.

Эту акцию нельзя назвать большим поражением, если вообще можно назвать поражением, но это был позор, и Хоули чувствовал, что это так. "Мое сердце разбито, - писал он Камберленду, - я не могу сказать, что мы совсем разбиты, но наши левые разбиты, и их левые разбиты.... Такой вопиющей трусости я никогда раньше не видел. Вся вторая линия пехоты убежала, не сделав ни единого выстрела ". Вполне возможно, что отсутствие Хоули во время предварительных маневров повстанческой армии и его поспешное прибытие непосредственно перед началом боевых действий способствовали неустойчивости войск, но на самом деле не было ничего, что могло бы извинить их поспешное бегство, за исключением того, что, как сам Хоули писал из Эдинбурга, они были немногим лучше ополчения. Истина заключалась в том, что постоянными разговорами об отчаянной доблести горцев и бесконечным злорадством, таким как невежественный восторг по поводу ужасов на Престонпансском поле, люди довели себя до состояния почти суеверного ужаса.[217] Подобное не редкость в военной истории и, если я не ошибаюсь, было замечено снова в нашей собственной армии в наше время.[218]

Вскоре Хоули смог доложить, что все его силы пришли в себя, за исключением Тринадцатого и Четырнадцатого драгунских полков, которые, по-видимому, были безнадежно деморализованы. Нельзя отрицать и того, что меры, принятые генералом, были достаточно суровыми. "Захвачено четырнадцать дезертиров, - писал он через две недели после акции, - должны ли они быть повешены? Тридцать один драгун Гамильтона должен быть повешен за дезертирство к повстанцам, а тридцать два пехотинца - расстреляны за трусость.[219] Тем не менее считалось, что есть только один способ полностью восстановить дух войск, а именно, что герцог Камберлендский должен лично принять командование ими. Герцог, как только получил приказ, поспешил в Эдинбург, путешествуя днем и ночью с такой скоростью, что преодолел путь из Лондона менее чем за шесть дней. Ни он, ни король не винили Хоули. По его мнению, причиной неудачи была недисциплинированность, и он приехал в Шотландию с полной решимостью положить этому конец. Похоже, он действительно вступил в армию, спрашивая с презрительным и возмущенным удивлением, что означало это глупое бегство английской пехоты перед дикими горцами: и такого отношения было почти достаточно само по себе, чтобы взбодрить солдат.

1 Февраля 12 .

Хоули сделал все приготовления к наступлению до прибытия герцога, и 31 января Камберленд двинулся к Фолкерку с двенадцатью пехотными батальонами, двумя драгунскими полками, в которые не входили ни Тринадцатый, ни четырнадцатый, и несколькими ротами лояльных горцев. После этого повстанцы сняли осаду Стерлинга и отступили, во многом против воли Чарльза, в Инвернесс, оставив свои орудия в траншеях позади себя. Камберленд немедленно выслал своих драгун в погоню и как можно быстрее двинулся к Перту. Он был не в лучшем настроении и дал понять о своих чувствах к повстанцам, разрешив своим войскам грабить поместья лидеров повстанцев на марше.[220] Прибыв в Перт, он был задержан на несколько дней из-за трудностей со сбором припасов и транспортом. Тем не менее кампания, наконец, должна была проводиться с учетом здравого смысла. Камберленд позаботился о специальной

подготовке своих войск к борьбе с врагом, предписав пехоте построение, столь успешно примененное Четвертым и Сорок восьмым полками при Фолкерке, и указав, что при столкновении с горцами каждый солдат должен обращать свой штык не против врага непосредственно перед собой, а против человека, находящегося справа от него, где цель не может парировать удар. Но это, хотя и делало Камберленду честь, не имело большого значения по сравнению с изменением общей ситуации. Повстанцы полностью отступили с плодородных низменностей в бесплодные горы, и их снабжение из Франции было перекрыто британскими военными кораблями, в то время как силы Камберленда питались с моря. Когда одна армия полна, а другая голодает, свинец и сталь вряд ли нужны, чтобы решить исход победы.

18 февраля, 1 марта.

Тем не менее, даже после своего отступления из Стерлинга Чарльз добился незначительных успехов. Инвернесс, когда он достиг его, удерживался лордом Лоудуном с несколькими набранными горцами солдатами. Лудун предпринял ночной марш в надежде схватить Чарльза в замке Мой, примерно в десяти милях отсюда; но полдюжины мятежных горцев, сделав несколько выстрелов и подняв боевой клич своих кланов, посеяли неизбежную панику, и люди Лудуна бежали в Инвернесс в таком беспорядке, что он решил покинуть город и отступил через залив Морей. В ходе эвакуации паника снова охватила его людей, и почти треть из них дезертировала.^[221] Чарльз занял город на следующий день и, таким образом, получил порт, в который такие французские корабли, которые могли ускользнуть от британских крейсеров, могли доставлять ему припасы. Другому из его отрядов, опять же, удалось захватить форт Огастес вместе с тремя ротами Шестой пехоты, составлявшими его гарнизон. Но его попытки взять форт Уильям и замок Блэр оказались бесплодными, поскольку оба поста, хотя и были осаждены, а последний действительно находился под сильным давлением, держались с величайшей твердостью и решимостью. Таким образом, барьер Лох-Лохи и Лох-Несс так и не был полностью преодолен.

В течение всего этого времени настроение Камберленда неуклонно росло. Несмотря на все его нетерпение, его операции были отложены из-за плохой погоды и трудностей с транспортом; хотя его войска прочесывали страну, наводя страх и разоружая жителей, он не мог получить никаких сведений о мятежниках; и незначительное поражение при Лудуне, хотя и не имело большого значения, по своему моральному эффекту было чрезвычайно раздражающим. В течение марта он оставался в Абердине, не в силах пошевелиться; а тем временем дальнейшее возрождение духа паники привело его в неопишное отчаяние. Пять тысяч гессенцев под командованием принца Фридриха Гессен-Кассельского были взяты на британское жалованье, высажены в Шотландии и размещены в Перте для пресечения любых попыток повстанцев вернуться на юг. Узнав о незначительном вторжении повстанческих отрядов в Блэр и Рэннох, принц Фредерик фактически решил эвакуировать Перт и отступить в Стерлинг. Как только Камберленду сообщили об этом решении, он приказал гессенцам выступить вперед, чтобы освободить замок Блэр, но принц из чистой робости уклонился от любой попытки выполнить приказ. К счастью, Блэр смог защититься, но Камберленд не преминул дать принцу понять, что он думает о его поведении.

15-26 апреля .

Наконец, 8 апреля герцог смог продвинуться из Абердина и, успешно форсировав Спей 12-го, форсированными маршами продвигался к Нэрну. Вечером 14-го его передовые отряды

столкнулись с арьергардом повстанцев, и он понял, что враг наконец-то в пределах его досягаемости. Чарльз остановился на ту ночь в Каллоден-Хаусе, примерно в двенадцати милях от Нэрна, в то время как его войска, теперь уменьшившиеся до пяти тысяч голодных, подавленных людей, расположились бивуаком на Каллоденских пустошах. На следующий день он выстроил свою армию в боевом порядке; но герцог предоставил своим войскам привал в Нэрне после их усилий, и тем охотнее, что 15-го был его день рождения. Поэтому Карл принял смелое решение застать его врасплох в его лагере в ту же ночь; но хотя его войска действительно были приведены в движение с этой целью, люди были слишком слабы от лишений, чтобы преодолеть расстояние в назначенное время; и они отступили, усталые и подавленные, так как напрасно изнуряли себя. Офицеры Карла были теперь за то, чтобы перейти на какую-нибудь более сильную позицию, но юному принцу, похоже, вскружили голову его предыдущие успехи, и он решил принять бой там, где стоял.

16-27 апреля .

Между четырьмя и пятью часами утра следующего дня герцог выступил из Нэрна и, пройдя восемь миль, получил разведданные от своих передовых отрядов о том, что мятежники находятся у него впереди. Он сразу же построился в боевой порядок, но, обнаружив, что враг не продвигается вперед, продолжил свой марш. Повстанцы выстроились в две линии, их правая опиралась на несколько разбросанных парковых стен и хижин, а левая тянулась к дому Каллоденов. Армия герцога была расположена в три линии, две первые состояли каждая из шести батальонов пехоты и двух полков драгун, в то время как шотландские иррегулярные войска образовывали третью линию. Все силы насчитывали около десяти тысяч человек при десяти орудиях, которые были размещены парами между батальонами первой линии. - А теперь, - сказал герцог, поворачиваясь к своим людям, когда все было приведено в порядок, - я не думаю, что здесь есть люди, не склонные сражаться, но если таковые есть, я умоляю их именем Бога уйти, ибо я предпочел бы встретиться с горцами с тысячей решительных людей за спиной, чем с десятью тысячами нерешительных. Мужчины ответили радостными криками, и не могло быть никаких сомнений относительно исхода сражения. Затем Хоули и драгуны были посланы вперед, чтобы разрушить ограждения справа от противника, и в десять часов мятежники открыли бой артиллерийским залпом.

Пушка герцога немедленно приняла вызов; но дуэль не могла длиться долго, потому что орудия Чарльза были плохо нацелены и плохо обслуживались, в то время как огонь британцев был самым точным и разрушительным. Правый фланг и центр горцев, не выдержав натиска, вскоре ринулись вперед, обошли левый фланг британской линии, ударив во фланг и тыл Четвертому и Двадцать седьмому полкам и на короткое время привели их в некоторое замешательство. Однако на каждом другом участке они были быстро отброшены назад сокрушительным огнем, и Четвертый и Двадцать седьмой, придя в себя, впервые с успехом применили штыки против "клеймора" и "мишени". В ярости от такого отпора мятежники в течение нескольких минут забрасывали камнями ненавистных красномундирников; но к этому времени Хоули прорвался через ограждения и направил четыре орудия на вторую линию Чарльза. Слева от мятежников Макдональды, недовольные тем, что им не досталось почетного места, отказались двигаться, и тогда английские драгуны ворвались в ряды горцев с обоих флангов и, прорываясь сквозь них, пока они не встретились посередине, разнесли их в клочья. Разгром врага был полным, и драгуны галопом бросились в погоню. Тысяча солдат Карла была убита на месте, а пятьсот были взяты в плен, из которых двести были французами. Остальные разбежались во всех

направлениях. Потери армии герцога были незначительными, едва достигнув трехсот человек убитыми и ранеными, из которых две трети были из Четвертого и двадцать седьмого полков. Победа была решающей: восстание было подавлено одним ударом, и все надежды на восстановление власти Стюартов угасли окончательно и навсегда.

Кампания закончилась, как всегда должна заканчиваться победоносная кампания против горцев, охотой на беглецов, сожжением деревень и уничтожением посевов. К этой работе теперь были привлечены войска, как это уже было на марше к Перту, хотя теперь их поощряли, а не сдерживали, и не обращали внимания на "надлежащие меры предосторожности". Но достаточно и даже чересчур много было написано о бесчеловечности, которая принесла Камберленду прозвище мясника; его услуги были слишком ценны, чтобы их можно было не заметить, а сам он обладал слишком незаурядной личностью, чтобы отмахнуться от него с клеймом единственного ненавистного эпитета. Чарльз Эдвард и Мюррей, способнейшие из его офицеров, обратили дары судьбы и особую мощь своего небольшого отряда в быстроте передвижения и энергичности атаки насчет, который дает им право на очень высокую оценку как командирам. Наша Индийская империя была завоевана благодаря таким смелым действиям, как Фолкерк и Престонпанс, и таким искусным маневрам, как оставление Уэйда за кормой у Ньюкасла и Камберленда у Стоуна. Таким образом, Камберленду не было равных ни с какими неумелыми лидерами; и, приняв командование, он обнаружил, что британские регулярные войска находятся в состоянии деморализации из-за повторяющейся паники, что почти невероятно. Целые полки убегали при малейшей тревоге, несмотря на героизм своих офицеров; и даже генерал, иностранец и принц королевской крови, Фридрих Гессен-Кассельский, был готов отступить при одном только слухе о приближении нескольких десятков горцев. Все этому Камберленд, благодаря престижу своего положения и негибкой силе характера, положил конец. Несмотря на свой юный возраст, он был призван на службу, от которой отказался бы почти каждый генерал в Европе, независимо от его опыта, — в зимнюю кампанию в горной стране. Девяносто девять человек из ста подождали бы лета, и действительно, от Камберленда ожидали такой задержки, но он сразу же приступил к выполнению своей задачи. Он восстановил уверенность своих войск частично достоинством своего положения, частично своим собственным превосходством как человека, частично своим умением солдата, поощряя их не только словами, но и обучая их противостоять своеобразной тактике своеобразного врага с помощью нового формирования и научного, хотя и простого, метода использования штыка. Он упорно продолжал свою работу, несмотря на бесконечные трудности, разочарования и досады, и не успокаивался до тех пор, пока не достигал ее полностью. Якобитство, которое было проклятием королевства на протяжении трех четвертей века, было наконец побеждено, и горцы, которые были чумой все дольше и дольше, были окончательно покорены, причем не для чьей-либо выгоды, а для своей собственной. Применяемые методы, несомненно, были суровыми, иногда даже варварскими, поскольку они обычно использовались варварами по отношению друг к другу и поэтому считались непростительными среди цивилизованных людей; но полудиких горцев — а горцы были немногими другими — не часто вразумляют без такого сурового урока. Военная казнь, как ее называли, еще не была устаревшей практикой на войне, будь то нанесение увечий врагу или потворство желаниям войск, в то время как толпачи, пандуры и другие иррегулярные отряды, варварство которых было невыразимо, считались ценным, если не незаменимым дополнением к армиям цивилизованных наций Европы. Более того, французские регулярные войска вели себя в Германии во время Семилетней войны так же плохо, как и любая иррегулярная армия. И

все же беспричинная жестокость и бесчинства, какими бы оправданными они ни были в обычаях войны, должны оставаться непростительными не только с точки зрения гуманности, но и дисциплины. Но хотя пятно на имени Камберленда должно остаться несмываемым, оно не должно заслонять тот факт, что во времена крайней национальной опасности герцог за несколько недель поднял армию из самой низкой точки деморализации и позора, которой она когда-либо касалась, на прежнюю высоту уверенности и самоуважения.

Власти.— Литература о восстании 1745 года, конечно, безгранична, но военные операции и состояние армии вряд ли могут быть изучены лучше, чем в S.P., Дом., Шотландия, тома. xxvi.-xxxi., в Архиве. С другой стороны, повествование шевалье Джонстона, хотя и часто неточное, проливает полезный свет на некоторые моменты.

ГЛАВА VII

1746.

20 мая 31 .

Фактическая эвакуация британцами Нидерландов в результате восстания якобитов была преимуществом, слишком очевидным, чтобы французы могли его упустить. В конце января, хотя зимние квартиры еще не были разбиты, они перерезали сообщение между Антверпеном и Брюсселем, а неделю спустя захватили эскалодой сам Брюссель. Цитадель, оборонявшаяся в течение двух недель, уступила место городу, и столица испанских Нидерландов была превращена во французскую военную базу.^[222] Ужас в Голландии был велик, и он усилился, когда французы в настоящее время осадили и захватили Антверпен. Тем временем британский командующий, лорд Данмор, который был оставлен в Нидерландах с несколькими эскадронами кавалерии, мог только наблюдать за происходящим в полной беспомощности. Только в июне гессенские войска, находившиеся на британском жалованье, и несколько британских батальонов смогли быть отправлены из Англии вместе с генералом Лигонье под их командованием; и только в июле из-за сильного ветра они, наконец, были высажены в Вильямштадте. Смена базы была важна сама по себе, поскольку после захвата Остенде и Антверпена британским кораблям не было другого пристанища, кроме как в Соединенных Провинциях. Даже после высадки было обнаружено, что эти силы все еще не готовы выйти на поле боя. У гессенцев не было ни крупницы пороха, и не было ни лошадей для артиллерии, ни повозок для обоза. Опять же, чтобы добавить маленькие трудности к большим, австрийский генерал Баттьани, не имея равного ему британского офицера в командовании, отказал британским войскам в почетном месте справа от линии фронта. Это был пустяковый вопрос, но все же достаточный, чтобы поставить в неловкое положение совет, разрушить гармонию и задержать операции.^[223]

30 июня 11 июля.

13 июля 24 .

В то время как союзники таким мучительным образом стягивали свои силы, активность французов никогда не прекращалась. Принц Конти был направлен со значительными силами к реке Эне, где он быстро захватил Монс и Сен-Гислен, разрушив таким образом почти последние остатки австрийского барьера на юге. Оттуда, двинувшись к Самбре, Конти осадил Шарлеруа. Теперь было достаточно ясно, что план французской кампании состоял в том, чтобы действовать на линии Мааса для вторжения в Голландию. После взятия Мейстрихта остальное далось бы легко, поскольку большая часть голландской армии находилась в плену у французов; а с овладением линией Мааса сообщение между союзными войсками Англии и Австрии было бы отрезано. Но прежде чем можно было взять Маэстрихт, сначала нужно было захватить Намюр; и кампания 1746 года, соответственно, сосредоточилась вокруг Намюра.

6 июля 17 .

16 июля 27 .

21 июля 1 августа.

Первые две недели июля союзники оставались в Терхейдене, немного севернее Бреды, армия Сакса располагалась примерно в тридцати милях к юго-западу от них, около Антверпена. 17 июля союзники, наконец, выступили в поход, все еще со слабой надеждой спасти Шарлеруа, и двинулись на юго-восток, движение, которое Саксен сразу же отразил, двинувшись параллельно с ними к долине между Аршо и Лувеном. Продвигаясь вперед, несмотря на бесконечные трудности с транспортом и фуражом, по ужасной бесплодной местности, союзники, теперь под командованием принца Карла Лотарингского, достигли Пэра, повернули на юг через Демер у Хасселта и к 27 июля были у Борхлоена. Таким образом, они фактически находились на восточной стороне главной армии Франции, в пределах досягаемости Мехена и не без надежды спасти Намюр, если не Шарлеруа. 1 августа они переправились через Мехень только для того, чтобы, к своему горькому разочарованию, узнать, что Шарлеруа капитулировал в то же утро. Саксен тем временем с основной частью своей армии все еще окопался в Лувене, а его отряды были выдвинуты к Тирлемону и Жамблу. Союзники продолжили свой марш на глазах у этих отрядов к Маси на реке Орно и заняли там позицию между этой рекой и верховьями Мехена фронтом на северо-восток. Это была линия, одобренная многими поколениями военных как лучшая для защиты Намюра.^[224]

18 августа 29 .

Сентябрь. 2 13 .

Саксен теперь приблизился к ним, и две армии расположились друг напротив друга, во многих местах на расстоянии не более мушкетного выстрела друг от друга, обе окопались до зубов. Союзники до сих пор решительно добивались успеха, но французы превосходили их численностью три к двум, и они были ограничены узким пространством, на котором было чрезвычайно трудно выжить; в то время как если бы они двинулись, Намюр был бы потерян. Лигонье, которого больше всего беспокоила сложившаяся ситуация, мечтал о пяти тысячах кавалеристов, с которыми можно было бы броситься на Малин и таким образом поспешно отбросить врага назад для защиты Брюсселя и Антверпена.^[225] Принц Чарльз, однако, был против операций такого характера. Он надеялся, что Саксен предложит ему сражение на исторической равнине Рамиллис, где, несмотря на численное превосходство, он верил, что качество его войск и полевые традиции позволят ему одержать победу. Но Саксен не собирался делать ничего подобного. Он действительно переместил свою позицию дальше на север и

восток, оставив поле Рамильи у себя в тылу, но это было сделано не для того, чтобы дать сражение. Оттеснив отряды на восток, он захватил Хай и, перерезав коммуникации союзников с Льежом и Маэстрихтом, вынудил их пересечь Маас и отступить к Маэстрихту с другого берега реки. Соответственно, союзники беспрепятственно переправились через Маас, к великому облегчению Лигонье, двадцатью тысячами французов, которые были размещены на восточном берегу реки. Затем они установили сообщение с Местрихтом, в пяти лье от него, в то время как Саксен удобно развернул свою армию лицом на восток вдоль линии Яара от Варема до Тонгреса, ожидая, пока нехватка фуража не вынудит союзников переправиться через Маас. Обратно они переправились через реку через две недели, как он и ожидал, и маршал, не пытаясь оспаривать этот переход, спокойно отступил на несколько миль, прекрасно понимая, что его враг не сможет последовать за ним из-за нехватки хлеба. Лигонье никогда в своей жизни так сильно не жаждал окончания кампании.[226]

Сентябрь. 6 17 .

Август. 30 Сентября. 10.

Сентябрь. 27 Октября, 7.

17 сентября союзники двинулись на французов и предложили сражение. Саксен ответил отступлением на неприступную позицию между Тонгром и Демером. У него не было повода сражаться, когда у его врагов не хватало провизии, а их кавалерия разорялась из-за нехватки фуража. Таким образом, две армии снова остались в пределах видимости друг друга, но не желали сражаться, поскольку атака на укрепления любого из войск повлекла бы за собой верное уничтожение атакующих сил. Но тем временем французский корпус под командованием принца Клермонского открыл траншеи перед Намюром, и в течение девяти дней город пал. Лигонье снова настаивал на своем плане, для которого он подготовил необходимые склады, расстроить планы Сакса ударом на Антверпен, но он не мог найти поддержки в военном совете; поэтому союзникам ничего не оставалось делать, кроме как ждать, пока какой-нибудь дальнейший успех Франции не вынудит их двинуться в путь. Такой успех не заставил себя долго ждать. Замок Намюр сдался после жалкой обороны, длившейся всего одиннадцать дней; корпус Клермона был выпущен для боевых действий, и союзники были вынуждены отступить для защиты Льежа. Соответственно, 7 октября они переправились через Яар, не без раздражения со стороны противника, и заняли новую позицию, которая действительно дала им во владение Льеж, но поставила их между Маасом в их тылу и врагом, почти вдвое превосходящим их по силе, на Яаре перед их фронтом.[227]

Сентябрь. 29 Октября. 10.

Теперь, наконец, Саксен решился нанести удар. 10 октября он пересек реку Джаар с явным намерением атаковать, и армия союзников получила приказ быть готовой к действиям до следующего рассвета. Позиции союзников были обращены почти строго на запад, армия была выстроена вдоль одной из двух мощных дорог, ведущих в Льеж из Тонгра и Сен-Тронда. Их крайний правый фланг опирался на реку Яар и был прикрыт деревнями Слинс, Фекше и Эник, все из которых были сильно укреплены и заняты австрийцами. К югу от Эника простиралась открытая равнина от этой деревни до деревни Льерс, и на этой равнине были размещены ганноверская пехота и четыре британских батальона, Восьмой, Девятнадцатый, Тридцать третий и сорок третий пешие, с гессенской пехотой слева от них, в тылу у Льерса. Ганноверская кавалерия продлила линию фронта на юг до деревни Вару, а Шестой и Седьмой драгунские и

шотландские серые полки продолжили ее до деревни Руку, откуда голландские войска продолжили ее до деревни Анс, которая образовывала крайний левый край позиции. Лигонье не нравилась ситуация, поскольку он не видел, как можно предотвратить поворот левого фланга, если, как это, безусловно, произошло бы, французы попытаются сделать это всерьез. Принц Карл, зная, что, если повернуть направо, его отступление к Местрихту будет отрезано, позаботился о том, чтобы удерживать правый фланг реальными силами и не осмеливался ослаблять его; но позиция с Маасом в тылу была опасно неглубокой, в то время как схождение двух оврагов от Яара и Мелень в ее центре оставляло лишь один узкий путь сообщения между правым и левым флангами армии. Недостатки в расположении союзников на самом деле мало чем отличались от тех, которые оказались фатальными для короля Вильгельма при Ландене, и было доказано, что беспокойство Лигонье имело под собой слишком веские основания.

Сентябрь. 30 Октября. 11.

Утро 11 октября началось с плохих новостей для союзников. Французы были впущены в Льеж жителями за спинами голландцев, так что принц Вальдек, командовавший левым флангом, был вынужден отозвать восемь батальонов из Руку и разместить их *с силе* на своем левом фланге со своей кавалерией в поддержку. Таким образом, оборона Руку, а также Лира и Вару была оставлена только восьми батальонам британцев, ганноверцев и гессенцев. Это ухудшило перспективы левых сил союзников, поскольку было очевидно, что основная тяжесть французского нападения ляжет на них. Саксен дал принцу Чарльзу мало времени на размышления. У него было сто двадцать тысяч человек против восьмидесяти тысяч, и он знал, что из восьмидесяти тысяч по меньшей мере треть была привязана к австрийским укреплениям вокруг Яара. Он начал сражение яростной атакой на голландцев на левом фланге, его пехота была выстроена в плотные колонны, так что атака могла постоянно возобновляться свежими войсками. Одновременно пятьдесят пять батальонов в трех одинаковых колоннах были двинуты на Лир, Вару и Руку. Несмотря на численное превосходство, голландцы, немцы и британцы сражались великолепно и отразили не одну атаку. Но, используя слова Лигонье, как только две французские бригады были отброшены в каждой деревне, в дело вступила третья бригада; и восемь батальонов, хотя они все еще удерживали позиции, были вынуждены отступить как из Руку, так и из Вару. Однако, будучи поддержаны Лигонье, они снова двинулись вперед и отбили обе деревни; а Девятнадцатый и Сорок третий полки заняли позицию в ложбине на дороге, которую они удерживали до последнего. Теперь голландцы начали отходить в тыл позиции слева, в хорошем порядке, несмотря на большие потери, в то время как Лигонье остановил врага на равнине британской кавалерией. Когда голландцы прошли, он приказал своим людям отступать в том же направлении, по-прежнему прикрывая движение кавалерией и Тринадцатым и Двадцать шестым пехотными полками, которые были отправлены на поле боя из гарнизона Мейстрихта. Австрийцы, в свою очередь, сформировали арьергард, когда британцы и их немецкие товарищи ушли, и, таким образом, вся армия двинулась в путь, никем не преследуемая и в идеальном порядке, и на следующее утро благополучно переправилась через Маас.

Эту акцию можно рассматривать как удачное спасение союзников, поскольку с человеческой точки зрения было невозможно, чтобы она закончилась благоприятно для них. Принц Чарльз, стремясь охватить как Льеж, так и Маэстрихт, предпринял слишком много попыток. Таким образом, его армия занимала слишком широкий фронт, деревни в центре удерживались слишком слабо, почти нигде не было второй линии пехоты, а левый фланг не мог выстоять

против такого превосходящего противника. Общие потери союзников составили около пяти тысяч человек, что было достаточно серьезно, учитывая, что в бой была вовлечена лишь треть армии. Потери британцев составили триста пятьдесят человек убитыми и ранеными, из которых не менее двухсот принадлежали к Сорок третьему полку. Французы потеряли столько же людей, сколько союзники, или даже больше, и мало что выиграли в этом бою, за исключением восьми орудий, захваченных у британцев, ганноверцев и гессенцев. Если бы войска союзников не были намного лучше по качеству и дисциплине, чем французские, они, должно быть, были потеряны во время отступления с превосходящими силами как на флангах, так и в тылу. Вскоре обе армии отступили на зимние квартиры, и кампания закончилась для союзников гораздо менее катастрофично, чем можно было опасаться.[\[228\]](#)

Сентябрь. 20 Октября. 1.

1 октября 12 .

Однако, к сожалению, дискредитация британского оружия пала не только во Фландрии. В конце сентября силы из шести батальонов[\[229\]](#) были отправлены под командованием генерала Сент-Клера к побережью Бретани, чтобы атаковать Порт Ориент и уничтожить там склады Французской Ост-Индской компании. Предприятие велось с поразительной беспомощностью. Войска высадились в заливе Кемперле практически без сопротивления, но, будучи обстреляны на марше на следующий день, были отпущены на разграбление небольшого городка в наказание жителям за их сопротивление. На следующий день они достигли Л'Ориента, который заместитель губернатора Ост-Индской компании предложил сдать на хороших условиях. Его попытки, однако, были отклонены, и была начата формальная осада; но после нескольких дней стрельбы и потери около сотни человек убитыми и ранеными Сент-Клер счел благоразумным отступить; и 12 октября войска вновь погрузились на корабли и вернулись в Англию. Вряд ли можно представить себе что-либо более бессмысленное, чем замысел, или более презренное, чем исполнение этого проекта, поскольку в нем просто использовались полки, которые были крайне необходимы во Фландрии и Америке, в бесполезных операциях, которые не были равносильны отвлекающему маневру.

1747.

Если дело королевы Марии Терезии должно было быть спасено, было очевидно, что в предстоящей кампании 1747 года потребуются огромные усилия. Чтобы встретить огромные силы, брошенные на поле боя французами, австрийцы обещали к апрелю иметь шестьдесят тысяч человек в Масейке на Маасе; британцы предоставили четыре полка кавалерии и четырнадцать батальонов пехоты; и надеялись, что союзники выйдут на поле боя общей численностью в сто десять батальонов, сто шестьдесят эскадронов и двести двадцать орудий, не считая иррегулярных войск, и все это будет под командованием герцога Камберлендского.[\[230\]](#) К сожалению, погода была неблагоприятной для раннего начала кампании; и французы, захватив Кадсанд и Слейс, которые были позорно сданы голландцами, закрыли южное устье Шельды ниже Антверпена. Это был печальный удар по организации перевозок союзников, поскольку это привело к необходимости доставлять весь фураж для британцев по суше из Бреды. Если бы Камберленд был в состоянии начать кампанию раньше французов, он намеревался осадить Антверпен; при сложившихся обстоятельствах он был вынужден, главным образом благодаря апатии голландцев, попытаться привлечь Саксен к общим действиям. Однако его последнее письмо перед началом операций представляет

интерес другого рода. В нем содержится рекомендация о том, что майору Джеймсу Вулфу может быть разрешено приобрести вакантное звание подполковника в Восьмом пехотном полку, поскольку этот офицер постоянно и хорошо служил в течение последних двух лет в качестве бригадного майора и доказал свою способность и желание выполнять свой долг.[\[231\]](#)

15-26 мая .

15-26 июня .

18-29 июня .

19 30 июня .

20 июня, 1 июля.

Французы были разбиты лагерем между Малином и Лувеном, Камберленд собрал свои войска в Тилбурге и двинулся прямо на них, расположившись лагерем 26 мая на Большой Сети, немного восточнее Антверпена, между Льером и Эрентаутом. Саксен, укрепившийся, как обычно, до зубов, оставался неподвижным в течение трех недель, и Камберленд отчаялся заставить его действовать. Наконец, известие о том, что тридцатитысячный отряд французов под командованием принца Клермонского находится на старой территории около Тонгра, побудило Камберленда выступить к Демеру в надежде сокрушить Клермон прежде, чем Саксен сможет присоединиться к нему. Саксен, однако, был настороже и 29 июня приготовился сосредоточить всю свою армию у Тонгра. Вслед за этим Камберленд решил занять прошлогодний лагерь Сакса, расположенный от Бильзена, в верховьях Демера, до Тонгреса. Поэтому, отправив вперед графа Дауна, впоследствии хорошо известного как антагонист Фридриха Великого, с австрийским корпусом для занятия Бильзена, он приказал остальной армии последовать за ним как можно быстрее на следующий день. Выехав вперед на рассвете следующего дня, Камберленд был встревожен, увидев, что французы наступают двумя колоннами из Тонгреса, словно для того, чтобы обрушиться на голову его собственной армии. Это было неожиданностью. Камберленд знал, что Саксен выступил в поход, но не ожидал его так скоро; и действительно, Саксен совершил заметный марш, поскольку его армия покинула Лувен только 29 июня и прошла немногим менее пятидесяти миль за два дня. Герцог, не теряя времени, выстроил имевшиеся на месте войска в боевой порядок и поспешил прочь, чтобы посмотреть, можно ли вовремя подтянуть те, что были на марше, чтобы оттеснить французов и закрепиться на выбранной им позиции. Но французская кавалерия была слишком быстра для него и, прежде чем Лигонье успел подвести английскую лошадь, заняла центр территории, которую Камберленд предназначил для себя. Лигонье выстроил перед ними свои эскадроны, чтобы преградить им путь к дальнейшему наступлению, и пехота союзников, по мере того как она подходила, выстраивалась в боевой порядок, фронтом, однако, не на восток, как было первоначально задумано, а почти строго на юг. Фактически, из-за неожиданного прибытия Сакса и несовершенных действий штаба союзников, по-видимому, произошла значительная задержка с приведением союзной армии в какое-либо построение вообще, иначе французы, несомненно, были бы вынуждены вернуться в Тонгр. Саксонский арьергард еще не подошел, и люди были утомлены долгим и изматывающим маршем; но Камберленд был не тем человеком, чтобы участвовать в сражении, подобном Ауденардскому, и возможность была упущена. [\[232\]](#)

Позиция, которую сейчас занимали союзники, простиралась от возвышенности, известной как Коммандери, немного к юго-востоку от Бильзена, вдоль цепочки деревень и невысоких высот до Яара, немного южнее Маэстрихта. Комендатура, находившаяся справа от линии, удерживалась австрийцами, а сильный корпус был отброшен *силой* к Бильзену для защиты правого фланга;

ибо на этом поле боя было так же важно, как и на поле боя у Руку, не отрезать пути отступления в Голландию. Местность обладала природными характеристиками силы, которые были использованы с пользой, настолько хорошо, что правый фланг союзников, как и левый фланг французов при Рамилье, не мог ни атаковать, ни быть атакованным. К востоку от Командорства австрийцы заняли высоты Спавен вместе с деревнями Гросс и Кляйн Спавен; рядом с ними голландцы образовали центр линии, в то время как ганноверцы и британцы удерживали деревни Вал, или Влитинген, и Лауффельд, и продолжили линию до крайнего левого края у деревни Кессельт.

21 Июня, 2 июля.

Там союзники пролежали с оружием в руках до наступления темноты, в то время как усталые батальоны Сакса далеко за полночь добрались до своих бивуаков. На рассвете было видно, что французы пришли в движение, совершая марши и контрмарши способом, который Камберленд не совсем понимал; факт состоял в том, что Саксен, как и при Руку, удваивал левое крыло своей армии в тыл правому для формирования тех плотных атакующих колонн, которыми он мог управлять с таким непревзойденным мастерством. Понаблюдав за ними до девяти часов, Камберленд пришел к выводу, что маршал не собирается предпринимать немедленных действий, и удалился в комендатуру завтракать; но едва он сел, как от Лигонье поступило срочное сообщение о том, что противник готовится к атаке. Камберленд немедленно вернулся и продвинул левую часть своей линии несколько вперед, подожгв деревню Влитинген и заняв Лауффельд тремя британскими и двумя гессенскими батальонами. Лауффелд был разбросанной деревушкой длиной в четверть мили, окруженной множеством небольших оград с глинобитными стенами высотой около шести футов, увенчанными растущей живой изгородью. Таким образом, он был легко превращен в опорный пункт для пехоты, а пушки были размещены как спереди, так и по флангам. Остальные британцы были по большей части оттянуты в тыл Лауффельда, чтобы прокормить и сменить его гарнизон, а бригада охраны была размещена в изгородях перед Влитингеном. Британская кавалерия встала справа от пехоты и присоединила свой строй к голландскому.

Тем временем Саксен, выслав вперед тучу иррегулярных войск, чтобы замаскировать свои передвижения, отправил графа д'Эстре и графа Сегюра с сильными силами пехоты и кавалерии захватить деревни Монтенакен и Вильре на левом фланге союзников. Эта услуга была оказана с небольшими потерями. В то же время он приказал маркизу Сальерскому с шестью пешими бригадами и двадцатью орудиями атаковать Влитинген и направил пять бригад с таким же количеством орудий при поддержке больших сил кавалерии против Лауффельда. Атака французской пехоты на Лауффельд была встречена яростным сопротивлением. Это была точно такая же борьба, как и при Неервиндене, от изгороди к изгороди и от стены к стене; и французы, несмотря на все их численное превосходство, были отброшены стремглав из деревни со страшными потерями. Сальер добился немногим большего успеха в сражении с гвардейской бригадой в изгородях Влитингена; но с большой готовностью он направил половину своих орудий направо от Лауффельда, а остальные - на овраг слева от себя, с самым разрушительным эффектом. Камберленд, видя ярость, с которой Саксен сосредоточил свою атаку против этих двух деревень, попросил австрийцев помочь ему отвлекающим маневром справа от него; но австрийские войска не могли противостоять огню орудий Сальера, и стало ясно, что Влитинген и Лауффельд должны удерживать только британцы и ганноверцы.

Первая атака Сакса была блестяще отбита. Он немедленно заменил разбитые войска двумя свежими пехотными бригадами с кавалерией для поддержки и возобновил атаку, но без особого успеха. Британцы были отброшены от внешних укреплений только для того, чтобы еще яростнее противостоять тем, кто находился внутри, и Лауффельд остался непокоренным. Но Сакса было не удержать от его намерения. К тем, кто уже находился на месте, были добавлены еще две бригады, включая шесть ирландских батальонов, которые спасли положение при Фонтенуа, и все они двинулись в третью атаку на Лауффельд. Они были встречены тем же упорным сопротивлением и тем же смертоносным огнем, и ирландская бригада потеряла в бою не менее шестидесяти офицеров. Тем не менее ирландская стремительность увлекла остальные войска вперед; британцев отбросили к самому дальнему краю деревни, а французы начали карабкаться вверх по склону за ней. Камберленд немедленно приказал всей своей пехоте наступать, и французы сразу же отступили перед ними. Французская кавалерия была вынуждена вести пехоту вперед на острие меча, но Камберленд продолжал неуклонно завоевывать позиции, несмотря на их усилия. Затем, в неудачный момент, несколько голландских эскадронов в центре были охвачены паникой и галопом ворвались прямо в британскую линию, увлекли за собой гессенцев и один эскадрон серых и обрушились скопом на Двадцать первый и двадцать третий фузилерские полки. Двадцатьпервый, предвидя расправу с бельгийцами при Ватерлоо, дал залп по голландцам и частично спасся, но двадцать третий ужасно пострадал, и вся линия была повергнута в замешательство. Прежде чем порядок смог быть восстановлен, Сальер бросил на Лауффельд еще три бригады, которые сомкнулись вокруг него, перекрыв полую дорогу, которая образовывала въезд в него с тыла, и преградив путь всем дальнейшим подкреплениям союзников. Те немногие войска, что оставались в деревне, были быстро разгромлены, и Лауффельд был потерян.

Часть австрийцев Дауна теперь двинулась на помощь Камберленду справа; но три французские кавалерийские бригады, ожидавшие перед Влитингенем, сразу же двинулись вперед, чтобы остановить их, и, смело атаковав, им удалось отбросить их назад, хотя с ними грубо обошлись при выходе из атаки. Тем временем Саксен подтянул десять орудий справа и слева от Лауффельда и, усилив кавалерию Д'Эстре и Сегюра, вытянул ее в одну длинную линию от Лауффельда до Вильре для последней сокрушительной атаки на левый фланг союзников. Порядок был восстановлен среди британской пехоты, которая теперь отступала с большим упорством, но они были совершенно без поддержки. Лигонье, полный решимости спасти их любой ценой, догнал драгун греев, Иннискиллингов и Камберленда и повел их прямо на массы французской кавалерии. Доблестная бригада бросилась домой, сломя голову прорвалась сквозь конницу и обрушилась на пехоту позади, но, будучи измотана их огнем и атакована со всех сторон другими французскими эскадронами, была разбита после всех боев и очень сурово наказана. Сам Лигонье был свергнут и взят в плен. Камберленд, ворвавшийся в прорванные ряды, чтобы попытаться сплотить их, был отрезан французскими драгунами и лишь с трудом сумел присоединиться к остаткам своей кавалерии слева. С их помощью он прикрывал отступление армии, которое было успешно осуществлено в хорошем порядке и с небольшими дальнейшими потерями.

Так закончилось сражение при Лауффельде, в котором британцы вынесли главный удар с твердостью, заслужившей похвалу даже французов, но о которой мало кто из англичан когда-либо слышал. Войска, по словам Камберленда, вели себя все до единого настолько хорошо, что он не мог похвалить ни один полк, не поступив несправедливо по отношению к остальным. Общие потери пяти конных полков и четырнадцати пеших батальонов составили около двух

тысяч человек.^[233] Три преданных полка, атаковавших Лигонье, пострадали больше всех: "Серые" потеряли сто шестьдесят человек, "Иннискиллинги" - сто двадцать, а драгуны Камберленда - почти сто. Потери всех союзников составили около шести тысяч человек, потери французов определенно были больше, составив, действительно, по сообщению Сакса, не менее десяти тысяч человек. Более того, у британцев в качестве утешительных трофеев было девять французских цветов и пять французских штандартов. Наконец, французам не удалось достичь цели операции, которая заключалась в том, чтобы отрезать союзников от Маэстрихта.

После битвы союзники переправились через Маас и расположились лагерем в Хире, немного восточнее Местрихта, в то время как Саксен вернулся в свои апартаменты в Тонгресе. Затем французы выделили корпус для захвата Берген-оп-Зома; но самые важные операции войны все еще продолжались на Маасе, где между Саксеном и Камберлендом велись постоянные переговоры. Кампания завершилась падением Берген-оп-Зома и захватом большинства укрепленных пунктов в голландском Брабанте.

1748.

19 апреля 30 .

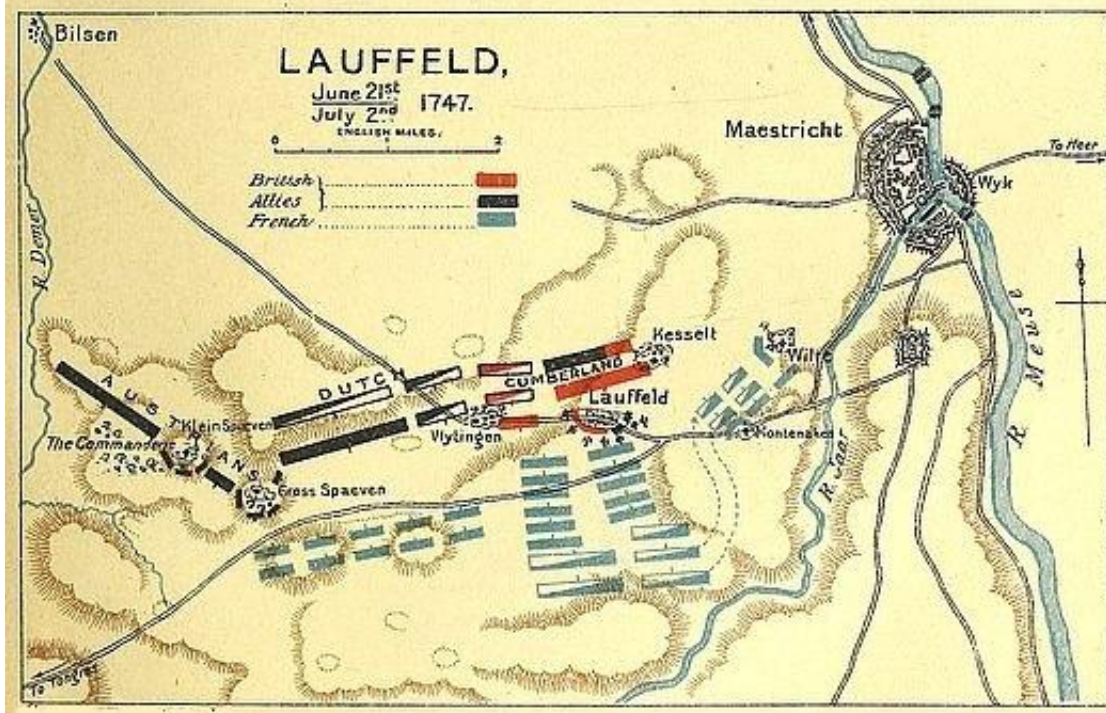
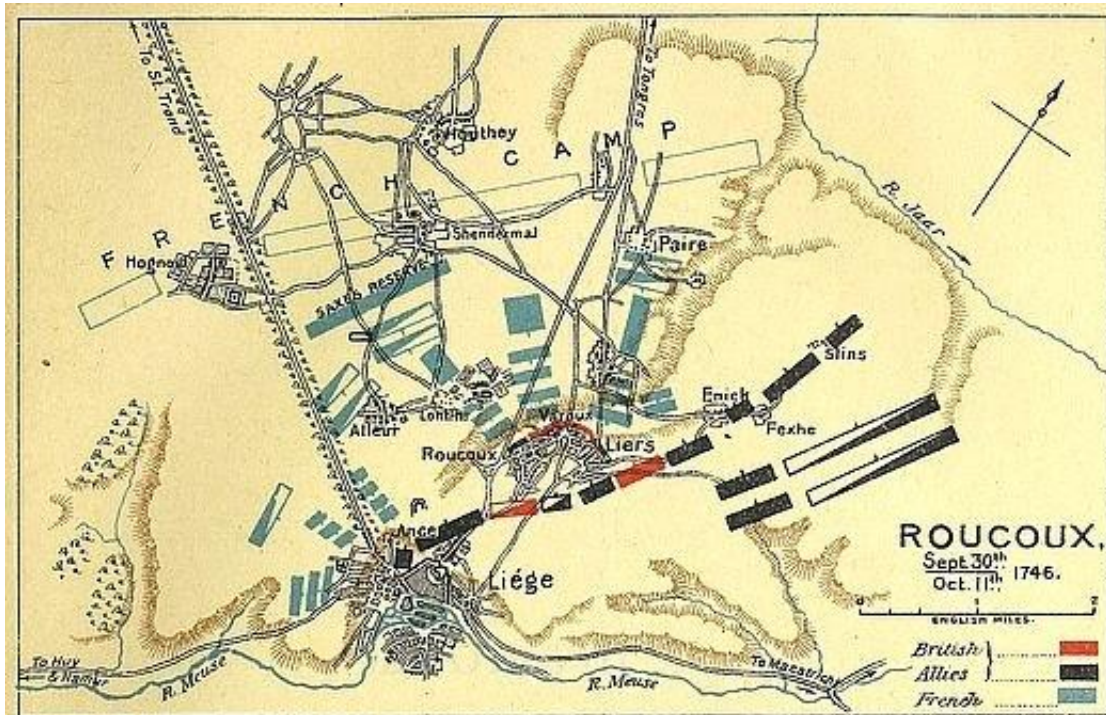
Октябрь.

К этому времени король Георг и его народ в Англии были совершенно сыты по горло войной. Британцы серьезно пострадали в каждом бою, но не добились никакого успеха, за исключением счастливой победы при Деттингене. Голландцы доказали, что они бесполезны и презираемы как союзники, их правительство слабо и коррумпировано в совете, их войска нестабильны, если не опасны в бою. Австрийцы, несмотря на щедрые субсидии, так и не предоставили обещанных войск и неизменно препятствовали операциям из-за упрямства своих генералов и эгоистичности своих целей. Начало кампании 1748 года было еще более бесперспективным для союзников. Саксен, обладавший превосходящими силами, держал Камберленд в напряжении, опасаясь за Бреду и Мейстрихт, и когданаконец он осадил Мейстрихт, то смог выставить сто пятнадцать тысяч человек против тридцати пяти тысяч Камберленда. Война на таких условиях против такого мастера, как Саксен, была нелепой. Более того, голландцы, несмотря на недавнюю революцию, были более пассивны, чем когда-либо; принц Оранский, который был новым правителем, фактически отозвал две тысячи своих солдат с поля боя, чтобы они могли украсить крещение одного из его младенцев. Перед лицом таких фактов Камберленд настойчиво добивался мира;^[234] и 30 апреля были подписаны предварительные условия, которые шесть месяцев спустя были расширены до конкретного мирного договора в Экс-ла-Шапель.

Мир оставил ситуацию практически такой, какой она была до войны, за существенным исключением того, что Фридрих Великий сохранил за собой Силезию. Ни слова не было сказано о регулировании торговли между Англией и Испанией, которая была первоначальной причиной ссоры; а что касается отношений между Англией и Францией, то было решено, что все захваченное должно быть взаимно возвращено. Однако это не могло поставить обе страны в то же положение, что и до войны. Французы были совершенно измотаны; но британцы, хотя и были немало измотаны расходами на содержание армий и получение субсидий, получили военную подготовку, которая должна была сослужить им хорошую службу в великой борьбе, которая им предстояла. Чтобы правильно понять эту борьбу, сначала нужно понять, что подразумевалось под взаимной реституцией всех захваченных территорий, поскольку среди

владений, перешедших из рук в руки во время войны, были Кейп-Бретон и Мадрас. Настало время понаблюдать за созданием империи в отдаленных землях на востоке и западе. Давайте сначала обратимся к великому полуострову Востока.

Власти.—Официальная переписка в архиве. F. O. Военно-вспомогательные экспедиции. Campagnes de Louis XV. Espagnas. Жизнь герцога Камберлендского. Некоторые полезные подробности о Лауффельде можно найти в журнале для джентльменов.

Уокер и Буталл дель.

Лицом к лицу со страницей 164.

ROUSCOUX. 30 сентября^{-го} октября 11^{-го} 1746 года.

ЛАУФФЕЛЬД. 21 Июня· July 2nd 1747 года.

КНИГА VIII

ГЛАВА I

1023.

1193.

1526,

20 апреля.

1672.

1680.

1687.

1707.

Как английская история для подавляющего большинства англичан начинается с норманнов, так и современная история Индии начинается с мусульманского завоевания. Уже в восьмом веке арабские завоеватели совершали вторжения в Синд вплоть до Хайдарабада, но были отброшены восстанием индусов; но только в одиннадцатом веке султан Махмуд, второй из Дома Газни, разместил мусульманский гарнизон к югу от Инда в Лахоре, и только в конце двенадцатого века Шахаб-уд-дин проник до Бенареса и установил резиденцию правительства в Дели. Именно после его смерти Индия приняла форму независимого королевства, отличного от правительств к северу от Инда; и только несколько лет спустя вторжение моголов под предводительством Зингисхана возвестило о приближении расы, которая первой объединила большую часть полуострова в единую империю и основала династию, которая должна была править ею. Битва при Дели привела к тому, что Бабер, первый представитель этой династии, овладел столицей и установил в ней трон Великого Могола. Внук Бабера, Акбар, после пятидесяти лет завоеваний, мудрой политики и неустанного труда подчинил весь Индостан и большую часть Декана империи Великих Моголов, разделив его в административных целях на восемнадцать провинций, каждая из которых находилась под властью губернатора или *субадара*. Но Декан никогда не был надежно защищен; и даже после того, как индусы покорились, были мусульманские вожди, которые отказывались признавать верховенство моголов. Однако, слишком ревнивые, чтобы объединиться в сопротивление, эти вожди позволили раздавить себя по частям; и в 1656 году император Шах Джехан, казалось, установил свою власть над всеми мусульманскими королевствами Декана. Но даже в этом случае работа

шаха Джехана не продолжалась. В правление его сына Аурунгзебе появилась новая сила, оспаривающая власть моголов на Декане. Раса индийских горцев, махратты, спустились из своих крепостей в Западных Гаутах и нанялись в качестве солдат-наемников к мусульманским вождям. Возглавляемые гениальным человеком, знаменитым Севаджи, махратты постоянно набирали силу и в конце концов честно разбили армию моголов в открытом поле. Только после смерти Севаджи Аурунгзебе смог изгнать своих последователей обратно в горы и продвинуть свою Империю до самых дальних пределов на юг, настолько далеко, что включил в нее даже часть Майсура. Никогда прежде, казалось бы, такая большая часть полуострова не объединялась под властью одного человека; но маратты, тем не менее, положили топор под корень Империи Великих Моголов, и после смерти Аурунгзебе дерево, которому было суждено шататься еще пятьдесят лет, уже было обречено. Теперь необходимо рассказать, как основание новой Индийской империи досталось не махраттам, а захватчикам из Европы.

1498.

1600,

31 декабря.

Первой из европейских наций, закрепившейся на полуострове, были, конечно, португальцы. В 1493 году Бартоломью Диас обогнул мыс Доброй Надежды, а пять лет спустя Васко да Гама прибыл на Западное, или Малабарское, побережье и после второго путешествия получил разрешение основать фабрику в Каликуте. Его дело было продолжено Альбукерке, под опекой которого португальская власть в Индии распространилась более широко, чем когда-либо до или после этого. Именно ему принадлежало то, что Гоа стал главным центром португальского влияния, а Цейлон стал данником короля Португалии. Однако было немыслимо, чтобы Португалии долго позволяли пользоваться монополией на этот прибыльный транспорт; и вскоре появились конкуренты из морских держав Европы. Более того, в 1580 году Португалия перешла под корону Испании, так что любое посягательство на ее торговлю с Ост-Индией наносило некоторый ущерб и ненавистному испанцу. В 1582 году англичанин Эдвард Фентон возглавил экспедицию, предприняв попытку отправиться прямо на восток. Это предприятие, однако, провалилось, как и вторая попытка, предпринятая Джеймсом Ланкастером в 1589 году. Наконец, голландец Джеймс Хоутманн отплыл с Текселя в 1595 году и представил себя первым соперником португальцев, основав фабрику в Бантаме на Яве. Но, хотя таким образом англичане на мгновение оторвались в борьбе за новый рынок сбыта, они быстро решили наверстать упущенное, и в 1599 году в Лондоне была создана ассоциация торговцев-авантюристов с целью предпринять путешествие в Ост-Индию. В следующем году они получили хартию от королевы Елизаветы, и таким образом возникла знаменитая Ост-Индская компания.

1607.

1611.

1612.

1628.

1651.

Два первых рейса новой Компании следовали по следам голландцев на Суматру и Яву, но в третьем корабли были загнаны штормовой погодой в Сьерра-Леоне, откуда одно из них под командованием капитана Хокинса направилось прямо в Сурат и нашло там хорошие перспективы для открытия торговли. В 1609 году Хокинс лично посетил Агру и получил

привилегии от правящего магната, старшего сына великого Акбара; но вскоре его влияние было подорвано португальскими иезуитами, и он был вынужден вернуться с небольшой прибылью. Однако два года спустя английское судно причалило к мысу Галле, проплыло вверх по Коромандельскому, или восточному, побережью Индии до Масулипатана и основало в Петаполи зародыш фабрики, из которой должна была вырасти торговля Англии в Бенгальском заливе. Зависть голландцев и португальцев к этому времени возросла настолько, что Компания была вынуждена применить против них силу. В 1612 году капитан Бест смело атаковал превосходящий португальский флот в заливе Сурат и нанес ему такое сокрушительное поражение, что правящий могол отклонил претензии Португалии на монополию в торговле, согласился на договор, предоставляющий важные привилегии англичанам, и согласился принять их посла при своем дворе. Таким образом, один грозный соперник был повержен, но с голландцами было не так-то легко справиться, особенно с тех пор, как смуты, последовавшие за воцарением Карла Первого в Англии, не позволили им опасаться вооруженных сил. Дела Компании начали приходить в упадок, но новые торговые точки, тем не менее, были востребованы. Одна фабрика определенно была основана в Масулипатане, вторая - на побережье дальше к северу, и, наконец, в 1640 году третья была основана в Мадрасе под названием форт Сент-Джордж. Это был единственный солнечный луч в тот период среди всех бед Англии дома и за границей. Затем, наконец, облако Гражданской войны рассеялось; могущество Англии начало возрождаться, и Компания обратилась с петицией в парламент о возмещении ущерба, нанесенного голландцами. Вслед за этим последовала голландская война и семь яростных акций Блейка и Монка, которые нанесли голландскому морскому господству удар, от которого оно так и не оправилось. Неожиданная удача, а именно выздоровление дочери шаха Джехана от опасной болезни под присмотром английского хирурга в Сурате, обеспечила Компании свободную торговлю с Бенгалией. К концу существования Протектората Компания разделила свои рынки на три подразделения. В Сурате было учреждено верховное президентство, отвечающее за персидскую торговлю, подчиненное президентство в Мадрасе с контролем над фабриками на восточном побережье и в Бенгалии, и третье президентство в Бантаме для руководства перевозками с Восточными островами.

1660.

1661.

Затем последовала Реставрация, а вместе с ней и новый устав, уполномочивающий Компанию отправлять военные корабли, людей и вооружение на свои заводы для защиты их самих, а также заключать мир или войну с любыми людьми, не являющимися христианами. Были также предоставлены полномочия на укрепление острова Святой Елены, который с 1651 года стал портом захода во время рейса в Индию, и были приняты строгие меры для поддержания монополии Компании. В следующем году Бомбей в качестве приданого перешел к британской короне, а в 1662 году сэр Абрахам Шипман был отправлен с четырьмя сотнями солдат, чтобы вступить во владение и остаться губернатором. Это были первые британские войска, высадившиеся в Индии, но поскольку возник спор с португальцами относительно того, означает ли слово "Бомбей", как оно вписано в брачный договор, только остров или включает также его владения, бедняг высадили на острове Анджедива, недалеко от Гоа, где они сразу же заболели. В 1664 году их перевели в Мадрас в связи с войной с Голландией; но к концу года матрос и огромное количество матросов погибли, и когда, наконец, они высадились в Бомбее в марте 1665 года, от четырехсот человек осталось только один офицер и сто тринадцать рядовых. Таков был первый опыт британской армии в Индии. [235]

1668.

В 1668 году Бомбей вместе со всеми его военными складами был передан Компании за арендную плату в размере десяти фунтов в год; и Компании также было дано право набирать офицеров и рядовых для собственной службы, а также вызывать определенные гарнизоны королевских войск в Бомбее и Мадрасе для заполнения вакансий. Кроме того, для формирования местного ополчения всем солдатам, которые поселятся на острове, было предоставлено половинное жалованье, из Англии были обещаны новые поселенцы, и было введено правило, что в Европу в течение одного года должно возвращаться не более двадцати солдат. Солдаты и офицеры королевских войск сразу же поступили на службу в Роту в соответствии с ее собственным военным кодексом и военными уставами, и таким образом было основано первое военное учреждение в Бомбее. Мужчины, похоже, согласились служить только три года, что придает им дополнительный интерес как первым английским солдатам, когда-либо зачисленным на краткосрочную службу. Обеспечив себя таким образом людьми, Компания приступила к благоустройству и фортификации самого Бомбея, причем с такой энергией, что к 1674 году для его защиты было установлено не менее ста пушек. Наконец, в 1683-84 годах гарнизон был увеличен с четырехсот до шестисот человек, две роты раджпутов были выделены в качестве вспомогательных сил, а Бомбей стал штаб-квартирой Компании в Индии.

1685.

Укрепившаяся таким образом Компания сразу же стала амбициозной. До сих пор оно обращалось к местным князьям с выражением смиренной покорности; теперь оно приняло тон равной и независимой державы, способной вызвать уважение силой оружия. Он также снарядил флот из двенадцати могущественных военных кораблей, который должен был сначала захватить Читтагонг, а затем подняться вверх по восточному рукаву Ганга, чтобы захватить Дакку. Военные действия были спровоцированы ссорой между английскими и местными солдатами на базаре в Хугли, в результате которой силы набоба провинции потерпели поражение. Набоб, однако, отомстил за себя, напав на британскую фабрику в Патне; а приближение Аурунгзебе вынудило британцев отступить из Хугли в Чуттамутти, на месте нынешней Калькутты. Таким образом, война с могилами закончилась полным унижением Компании. Период завоеваний еще не наступил.

1642.

1668.

1669.

1697.

1701.

Тем временем в Ост-Индии появился новый соперник. В 1609 году была образована Французская Ост-Индская компания, которая после тридцати лет безрезультатной жизни наконец-то продемонстрировала свою жизнеспособность, основав поселение на Мадагаскаре. Предприятие не увенчалось успехом; но великий министр Кольбер, быстро осознавший преимущества индийской торговли, заручился помощью правительства в создании новой компании, которая, потратив некоторое время и деньги на второй эксперимент на Мадагаскаре, отправила экспедицию в Сурат. Там в 1668 году была основана первая французская фабрика в Индии, за которой быстро последовало возведение второй в Масулипатаме. Но для

процветания Компании требовалось нечто большее, чем фабрика с соседним заводом-конкурентом; и эта потребность была восполнена основанием Пондишери Франсуа Мартином в 1674 году. Два или три года спустя французский флот вошел в Хугли и высадил группу поселенцев в Чандернагоре, который был окончательно предоставлен им Аурунгзебе в 1688 году. Тем временем глупая ссора Английской компании с моголами дала французам возможность получить свою долю в индийской торговле, которой они не преминули с пользой воспользоваться. Однако их дальнейший прогресс был на некоторое время остановлен захватом Пондишерри голландцами в 1693 году; но поселение было восстановлено по Рисвикскому мирному договору, и не было потеряно времени на его улучшение и укрепление. Вскоре после этого французы покинули свой завод в Сурате и перенесли штаб-квартиру в Пондишери. В целом они хорошо использовали свое время. Поселения Британской компании после ста лет существования были перечислены в современном написании следующим образом: Бомбей с фабриками в Сурате, Суалли, Броуче, Амадаваде, Агре и Лакхнау; на Малабарском побережье форты Карвар, Телличерри и Андженго с фабрикой в Каликуте; на Коромандельском побережье Чинхи, Орикса, Форт Сент-Джордж или Мадрас, форт Сент-Дэвид (который был приобретен в 1692 году в качестве противовеса Пондишери), а также заводы в Куддалоре, Порто-Ново, Петаполи, Масулипатаме, Мадаполламе и Визагапатаме; в Бенгалии - Форт-Уильям (Калькутта) с заводами в Баласоре, Коссимбазаре, Дакке, Хугли, Мулде, Раджахмауле и Патне. Французы могли бы показать Пондишери с фабрикой в Масулипатаме на восточном побережье, а также Чандернагор и Коссимбазар на реке Хугли как результат всего лишь тридцатипятилетней работы.

Такое соперничество, подобное этому, могло на первый взгляд не показаться англичанам серьезным, но сравнительную мощь соперничающих наций в Индии нельзя было измерить простым подсчетом фортов и фабрик. Франсуа Мартин проявил значительную ловкость в обращении с местными властями во время переговоров, в результате которых он приобрел Пондишери, и заложил хорошие традиции для ведения аналогичного бизнеса в будущем. У всех французов была и остается страсть к вмешательству во внутреннюю политику любых варварских или полудивилизованных рас, с которыми они могут соприкоснуться, и они не пожалеют усилий, чтобы удовлетворить ее. Эмиссары самой дерзкой нации в Европе обращались к индийским принцам, льстя их самолюбию, преклоняясь перед их авторитетом, уважая их предрассудки, подчиняясь их обычаям и подражая их привычкам; в то время как любовь французов к драматическому действию и показухе сразу же привела их в соприкосновение с восточным характером. Они выражали сочувствие, иногда на самом деле, всегда внешне; и они получали взамен не только терпимость, но дружбу и влияние. Англичанам было достаточно простой торговли; французам этого было недостаточно. Их честолюбие поднялось выше простого обмена товарами, чтобы управлять людьми и влиять на них с помощью тонкой политики во славу Франции. Это не было низменной целью и вполне могло привести к созданию, если не к сохранению, Империи.

1707.

1719.

Аурунгзебе после своей смерти разделил свои владения между тремя сыновьями, которые сразу же начали борьбу за наследование всего королевства. Через год исход состязания был решен в пользу старшего из них, Бахадур-шаха, который поспешил заключить соглашение с махраттами на юге, но обеспечил шаткий мир в этом квартале только для того, чтобы

столкнуться с восстанием раджпутов и внезапным и тревожным подъемом сикхов в Пенджабе. Он умер в 1712 году, когда после неизбежного спора престолонаследие перешло к его внуку Фарокширу, который преуспел в сокрушении сикхов, но мало что противопоставил махраттам, чья территория продолжала увеличиваться на юге. Наконец, после смерти Фарокшира в 1719 году Низам-уль-Мульк, губернатор Малвы, поднял восстание против своего преемника, заключил соглашение с махраттами и вскоре фактически стал хозяином Декана; в который после недолгого примирения с делийским двором он вернулся в 1724 году открыто как независимый монарх.

1725.

1735.

В этот период Английская компания приобрела у Фарокшира обширную территорию на реке Хугли, протяженностью почти в десять миль по обе стороны реки. Французы, с другой стороны, приходили в упадок из-за фактической несостоятельности Компании; и только в 1723 году, через пять лет после реконструкции новой Компании, их перспективы в Индии начали возрождаться. Но уже в 1720 году на высокий пост в Пондишерри был назначен человек, которому было суждено поднять французское влияние в Индии на высоту, о которой не могли мечтать ни друзья, ни враги. Это был Жозеф Франсуа Дюпле, сын директора Французской Ост-Индской компании, который, хотя в детстве питал отвращение к коммерческой жизни, морские путешествия пробудили в нем страсть к коммерческому предпринимательству и стремление к сфере, где можно было бы этому предаваться. Теперь, когда ему было не более двадцати трех лет, перед ним открылось такое поприще в Индии. Его идея состояла в том, чтобы расширить деятельность Компании за пределы простой торговли между Европой и Пондишерри и, открыв сообщение с городами как внутри страны, так и на побережье, сделать Пондишерри центром торговли Южной Индии. Чтобы показать на собственном примере, что такая схема осуществима, он вложил в торговлю свое собственное состояние и получил солидную прибыль. В 1731 году он был отправлен в Чандернагор, который тогда быстро погружался в застой и упадок, и благодаря своей энергии вскоре превратил его в самый важный европейский центр в Бенгалии. Одновременно с этим в 1725 году появился второй великий француз, которому также предстояло оставить свой след в Индии. Поводом послужил захват Маэ, небольшого городка на западном побережье, где французы хотели иметь порт в качестве компенсации за оставление Сурата. Этот подвиг совершил капитан французского военно-морского флота по имени Бертран де ла Бурдонне. Его следующая обязанность, хотя и не выполненная в Индии, была для нее не менее важной, а именно благоустройство острова Маврикий. Попытки французов колонизировать Мадагаскар были сорваны как климатом, так и враждебностью местных жителей, и поселенцам волей-неволей пришлось перебраться на соседний остров Бурбон. Ла Бурдонне считал Маврикий простым лесом, но в течение двух лет он превратил его в процветающее поселение, хорошо возделанное и хорошо управляемое, с арсеналами, складами, казармами, укреплениями, верфями и всем необходимым, чтобы превратить его не только в торговую станцию, но и в базу для военных операций в Индии.

Тем временем неразбериха, сопровождавшая постепенный распад Империи Великих Моголов, была с пользой использована еще одним французом, Дюма, губернатором Пондишерри. В 1732 году Карнатский набоб умер, и ему наследовал его племянник Дост Али, который, однако, был в таких плохих отношениях со своим начальником, вице-королем Декана Низам-уль-Мульком, что не смог получить от него достоверного подтверждения своей преемственности. Поэтому он

заручился поддержкой губернатора Пондишерри, уступив ему взамен существенные привилегии, и вскоре завязал с ним близкие отношения. Кроме того, у Дост Али был сын Суфдер Али и два зятя, Мортиз Али и Чунда Сахиб, из которых последний испытывал особое восхищение французами. Расширение французского влияния благодаря этим новым дружеским отношениям происходило быстрыми темпами. В 1735 году за смертью индийского раджи Тричинополи, как обычно, последовала ссора из-за престолонаследия. Вдова раджи, которая была одним из претендентов, предприняла роковой шаг, призвав на помощь Дост Али, который послал ей на помощь Чунду Сахиба с армией. Однако Чунда Сахиб, однажды допущенный в город, отказался покидать его, но принял правительство от имени Дост Али; и таким образом Тричинополь перешел в руки друга французов. К Тричинополису и между ним и восточным побережьем примыкало индуистское королевство Танджор; река Колрун, которая образовывала его северную границу, протекала в тридцати милях от Пондишери. И здесь смерть раджи в 1738 году снова привела к спору о престолонаследии, и один из конкурентов, по имени Сауходжи, предложил губернатору Дюма город Карикал в дельте Кавери и Колруна в качестве платы запомощь Франции. Дюма быстро снабдил его деньгами, оружием и амуницией; и когда Сауходжи, получив таким образом свое королевство, отказался выполнить свое соглашение, Чунда Сахиб без всякой просьбы вмешался, чтобы заставить его. Таким образом, Карикатура также была добавлена к французским поселениям в Индии.

1739.

1740.

1741,

март.

Но теперь махратты, завидуя продвижению мусульман на юг, собрались вместе для завоевания Карнатика, разбили и убили Дост Али и посеяли панику из конца в конец провинции. Суфдер Али, ставший таким образом Набобом, и Чунда Сахиб отступили от своих французских союзников и отправили свои семьи и имущество для безопасности в Пондишери. Дюма без колебаний предоставил им убежище, и все угрозы мараттов не смогли поколебать его преданности своим друзьям. Он ответил на их угрозы усилением обороны города, сформировал отряд европейской пехоты и, по счастливому наитию, вооружил четыре или пять тысяч туземцев-мусульман, обучил и муштровал их по европейскому образцу. Так в условиях опасности и крайней необходимости был зачат эмбрион сипайской армии, теперь выросший до такой могучей мужественности. Тем временем Суфдер Али, на восточный манер, преуспел в приобретении неприкосновенности у махраттов, тайно предав Чунда Сахиба в их руки; но, тем не менее, его благодарность французам была чрезвычайной. Он объявил, что отныне они должны быть такими же хозяевами Карнатика, как и он сам, и предоставил им дополнительную территорию на южных границах Пондишери. Махратты, согласно их соглашению с Суфдером Али, затем осадили Чунда Сахиба в Тричинополе, захватили город после трехмесячной осады и увезли его в качестве своего пленника. Сделав это, они снова обратились к Дюма и потребовали от него, среди прочих требований, передачи имущества Чунда Сахиба. Дюма принял посланника Маратты с учтивостью, но наотрез отказался подчиниться; и, показав ему приготовления, которые он сделал для защиты Пондишери, он отпустил его с заверением, что будет защищать город до тех пор, пока с ним останется хоть один человек. Это решительное поведение возымело свое действие. Дальнейший гнев вождя махраттов был смягчен подарком французских ликеров, и опасность миновала. Дюма, как человек, бросивший вызов ужасным махраттам, стал героем Южной Индии. Суфдер Али и Низам-уль-Мульк осыпали его подарками и

хвалебными речами; и даже изнеженный император моголов в Дели пожаловал ему титул Набоба, добавив к этому милость, оказанную по просьбе самого Дюма, чтобы этот титул перешел к его преемнику.

Октябрь.

Затем Дюма подал в отставку и вернулся во Францию, оставив Дюпле править вместо себя. Последний после десяти лет управления Чандернагором возвысил его до главы европейских поселений в Бенгалии и одновременно сколотил себе огромное состояние за счет частной торговли. Он сразу же принял на себя всю помпезность и обстоятельность своего звания набоба, с большой церемонией устроился в Чандернагоре и приложил все усилия, чтобы внушить соседним князьям, что он один из них и вооружен такой жевластью делийского двора. Он мог носить достоинство своего положения более естественно, поскольку у него была врожденная страсть к показухе, и он мог лучше использовать внешний блеск, потому что любил его сам по себе. Но у него не хватило духу довольствоваться простыми королевскими одеждами. Слабость делийского двора и его собственная удаленность от него сделали его свободным от всяких ограничений. У него была власть, и он знал, как ею воспользоваться; и она пришла к нему в самый последний момент, когда враждебные действия между Францией и Англией стремительно перерастали в открытую войну.

1742,
сентябрь
1744 года.

Но тем временем в Карнатике дела туземцев претерпели свои обычные быстрые изменения. Суфдер Али, когда-то ставший набобом, отказался выплачивать причитающийся с него доход вице-королю Низам-уль-Мульку и, не имея особых надежд на поддержку Франции в таком неповиновении властям, передал свои сокровища из Пондишери под опеку англичан в Мадрасе. Вскоре после этого он был убит своим шурином Мортизом Али, который после этого провозгласил себя Набобом. Затем его главные военачальники обратились к вождю махраттов Морари Рао с просьбой изгнать его, и Мортиз Али бежал, оставив малолетнего сына Суфдера Али править вместо себя. Вся провинция погрузилась в анархию, и в 1743 году вице-король Низам-уль-Мульк появился с большой армией, чтобы восстановить порядок. Поэтому маратты удалились из Тричинополи; и, поскольку с малолетним правителем было покончено, Анварудин, один из офицеров вице-короля, был назначен Набобом. К этому времени Дюпле получил разведданные о том, что между Францией и Англией объявлена война и что британская эскадра находится на пути к уничтожению Пондишери. Французская эскадра в водах Ост-Индии была отозвана во Францию; укрепления города были открыты для разрушения пушками военных кораблей; и в гарнизоне было менее пятисот европейцев, чтобы защитить его от совместной атаки с моря и суши. В этот кризис Дюпле обратился к Анварудину за защитой, ссылаясь на дружбу французов с набобами Карнатика в прошлом. Набоб ответил, отправив сообщение в Мадрас, что он намерен соблюдать строгий нейтралитет в своей провинции и не допустит нападения на французские владения на побережье Короманделя.

1745.
1746,
25 июня - 6 июля.

В конце 1745 года британская эскадра должным образом прибыла, но из-за действий Анварудина оказалась ограниченной исключительно операциями на море. Тем временем Ла Бурдонне, которому частично помогло прибытие нескольких слабых кораблей из Франции, но главным образом благодаря его собственной поразительной энергии и находчивости, снарядил эскадру на Маврикии, с которой он появился в июле 1746 года у южного побережья Цейлона. Последовало нерешительное сражение, по окончании которого британский командующий коммодор Пейтон со странным малодушием отплыл в Тринкомали, чтобы исправить незначительные повреждения, полученные в бою, оставив Пондишери нетронутым, а Мадрас незащищенным от нападения французов. Таким образом, французы выиграли первое и самое важное очко в игре: если удастся убедить Набоба позволить этой игре продолжаться без помех, окончательная победа должна быть за Францией.

18 августа 29 .

Сентябрь. 3 14 .

Сентябрь. 10 21 .

Город Мадрас в то время состоял из трех частей; та, что находилась на южной стороне, которая была известна как Белый город или форт Сент-Джордж, была заселена европейцами, та, что находилась к северу от него, была отдана более богатому классу индийских и армянских купцов, в то время как пригород к северу от всего этого был заполнен всеми другими классами туземцев. Из этих дивизий только Белый город, имевший около четырехсот ярдов в длину и сто в ширину, обладал оборонительными сооружениями, достойными этого названия, поскольку был окружен тонкой стеной с четырьмя бастионами и таким же количеством батарей. Общая численность англичан не превышала трехсот человек, две трети из которых составляли солдаты гарнизона. Директора Ост-Индской компании слишком часто пренебрегали обороной в прошлом и мало что улучшили в этом отношении за последние полвека. Они полагались на британский флот, и только на него. Губернатор, мистер Морс, был простым торговцем, специалистом по счетам и бухгалтерским книгам, мало разбиравшимся в делах, выходящих за рамки его бизнеса, и неосведомленным в самой азбуке общения с местными князьями. Правда, в его конторе работал клерк по имени Роберт Клайв, который прибыл в Индию два года назад; но этот клерк был известен только как тихий, лишенный друзей парень, не теряющий присутствия духа, когда его провоцируют, но одинокий и не гармонирующий со своим окружением, и благодарный за возможность сбежать от него в убежище губернаторской библиотеки. Получив разведданные о враждебных приготовлениях французов в Пондишери, губернатор Морс обратился к Набобу Анварудину с просьбой выполнить свое решение по обеспечению нейтралитета в пределах Карнатика; но его посланник, не будучи обеспечен необходимыми полномочиями в качестве подарка, не добился большого успеха в своей миссии. 29 августа французская эскадра появилась у Мадраса, некоторое время без особого эффекта обстреливала его из пушек и снова отплыла; но две недели спустя она появилась снова с тысячью сотнями европейских солдат и четырьмя сотнями обученных туземцев под командованием лично Ла Бурдонне. Войска были немедленно высажены, установлены батареи, и после короткой бомбардировки Мадрас был вынужден капитулировать. Согласованные условия заключались в том, что все жители Англии должны стать условно-досрочно освобожденными заключенными и что позже могут быть возобновлены переговоры о выкупе города.

3 Октября 14 .

10 октября 21 .

Как только Набоб Анварудин услышал, что французы действительно осаждают Мадрас, он отправил сообщение Дюпле, что, если дальнейшие операции не будут приостановлены, он положит им конец силой. Дюпле проникательно ответил, что он завоевывает город не для Франции, а для самого Набоба и передаст его ему немедленно после капитуляции. К счастью для Англии, взгляды Ла Бурдонне на будущее отношение к Мадрасу существенно отличались от взглядов Дюпле. Как завоеватель поселения, он утверждал, что окончательное распоряжение им лежит на нем самом: Дюпле, стремившийся прежде всего умиротворить набоба, столь же яростно утверждал, что его власть как генерал-губернатора является высшей в подобных вопросах. Два властных человека ожесточенно разошлись во мнениях по этому вопросу и упустили из виду все более важные интересы в остроте своей ссоры. Ла Бурдонне, полностью осознавая опасность ожидания на побережье, когда должен был начаться северный муссон, но, тем не менее, стремясь настоять на своем, все медлил и медлил перед Мадрасом, пока 14 октября муссон внезапно не обрушился на него с силой урагана, полностью уничтожил четыре из его восьми кораблей, а вывел из строя остальные. Неделью спустя он подписал договор о выкупе Мадраса и его последующей эвакуации французами; сделав это, он вернулся, как только его корабли смогли стать пригодными к плаванию, в Пондишери. Там ссора с Дюпле возобновилась лицом к лицу, и всего через десять дней Ла Бурдонне отплыл из Индии, чтобы никогда не возвращаться.

22 октября. 2.

24 октября. 4.

Теперь Дюпле остался единоличным и беспрепятственным командующим, более того, под его рукой были силы из трех тысяч обученных европейцев, часть из которых оставила Ла Бурдонне, часть взяла с французской эскадры. Такое усиление было очень важно для него, поскольку теперь ему приходилось считаться с набобом, который, начиная подозревать долгую задержку со сдачей Мадраса, послал десять тысяч человек под командованием своего сына Мафузе-хана, чтобы осадить город. Дюпле, который, если бы он когда-либо собирался сдаваться, решил сначала разобрать укрепления, отдал приказ Д'Эспремению, командующему войсками, удерживать город любой ценой. Д'Эспремений, оказавшись в затруднительном положении, предпринял вылазку с четырьмя сотнями человек из своего гарнизона и, смело встретившись с массой кавалерии противника, открыл по ним такой эффективный огонь из своих полевых орудий, что они стремительно бежали, предоставив свой лагерь победителю. Со своей неуклюжей артиллерией, еще не продвинувшейся дальше уровня, достигнутого европейскими народами в шестнадцатом веке, туземцы считали хорошей практикой, если из пушки стреляли четыре раза в час; и они были совершенно сбиты с толку и встревожены быстротой, с которой подавались французские ружья. Это был один из великих уроков для европейцев в войне с индейцами, но за ним должен был последовать второй, еще более важный. Задержавшись еще на день в окрестностях Мадраса, Мафузе двинулся к Сен-Томе, примерно в четырех милях к югу от него, чтобы перехватить французские войска, которые направлялись на помощь гарнизону Д'Эспремения. Утром 4 ноября появился ожидаемый отряд, всего лишь горстка из двухсот тридцати европейцев и семисот сипаев, которые были отправлены из Пондишери под командованием швейцарского офицера по имени Паради. Положение Паради было достаточно опасным, чтобы встревожить его. Ему было приказано открыть сообщение с Мадрасом; и вот

перед ним на берегу реки была выстроена армия в десять тысяч человек с артиллерией, чтобы преградить ему путь. Теперь, после полуторавековых боев в Индии, ни один британский офицер ни на минуту не растерялся бы относительно того, каким курсом следует следовать, но у Паради не было ни традиций, ни опыта, которые могли бы направлять его. Однако, то ли по вдохновению, то ли от отчаяния, он сделал именно то, что должен был. Зная, что реку можно перейти вброд, он без колебаний повел своих людей через нее прямо на врага, вскарабкался на берег, дал по ним один залп и атаковал штыком. Эффект от этой смелой атаки был мгновенным. Армия Набоба сразу же превратилась в дезорганизованную толпу, которая сломя голову бросилась в город Сен-Томе, но только для того, чтобы быть переполненной и застрявшей в безнадежном замешательстве на улицах. Паради, развивая свой успех, обрушивал залп за залпом на сопротивляющуюся массу; в то время как, чтобы довершить победу, отряд, который был выделен из Мадраса, чтобы присоединиться к нему, зашел беглецам в тыл и отрезал им путь к отступлению. Эта атака в тыл, которой всегда боялись восточные народы, завершила разгром. Мафузе-хан, сидевший верхом на слоне, пустился в бегство одним из первых; и его армия устремилась на запад, беспомощный, перепуганный сброд, не останавливаясь в своем бегстве, пока не достигла Арко.

Можно сказать, что этим действием было обеспечено господство европейской нации в Индии. До сих пор к местным армиям относились с уважением. Их численность производила впечатление подавляющей силы; и европейцам не приходило в голову, что с ними можно столкнуться иначе, как лицом к лицу. Следовательно, все отношения европейцев с местными князьями велись в духе смирения и благоговения. Даже Дюпле, выставя напоказ свое достоинство среди своих братьев Набобов, ухаживал за правителем Карнатика с почтением и покорностью. Теперь чары были разрушены, и Дюпле из придворного превратился в хозяина; столь важной была перемена, произведенная одним швейцарским офицером, само имя которого едва известно нации, которая сейчас правит Индией. Из всех плодов долгой дружбы, которую французы и швейцарцы скрепили кровью друг друга в яростной борьбе при Мариньяно, нет более замечательного, чем этот. Память Паради следует чтить в Англии, поскольку он открыл нам секрет завоевания Индии.

Ноябрь.

6 декабря 17 .

Победа одним ударом смела основные трудности Дюпле. Он немедленно назначил Паради главнокомандующим в Мадрасе и приказал ему издать манифест, отвергающий договор Ла Бурдонне как недействительный и объявляющий Мадрас принадлежащим французам по праву завоевания. Англичане протестовали, но тщетно. Морса и остальных официальных лиц препроводили в Пондишери. Лишь немногим удалось сбежать в форт Сент-Дэвид, среди них человек, который вскоре должен был наказать Дюпле за его недобросовестность, молодой писатель Роберт Клайв. Форт Сент-Дэвид, расположенный примерно в двенадцати милях к югу от Пондишери, теперь стал опорным пунктом англичан. После падения Мадраса тамошние власти взяли на себя общее управление британскими делами на побережье Короманделя; форт, хотя и небольшой, был самым сильным по своим размерам из всех, которыми британцы располагали в Индии; и они были полны решимости защищать его до последней крайности. Дюпле, со своей стороны, также был полон решимости нанести по нему удар без промедления, и с этой целью он приказал Паради вернуться в Пондишери, как только ему удастся уладить дела в Мадрасе. Эта обязанность, однако, задержала Паради до декабря; а тем временем

британские официальные лица обратились за помощью к Набобу Анварудину, который, страдая от поражения при Сен-Томе, согласился направить отряд под командованием Мафузе-хана и его брата Мохаммеда Али в форт Сент-Дэвид. Мафузе-хан, желая смыть свой позор, атаковал Паради во время его похода из Мадраса; но французы, хотя их было всего триста человек и они были обременены награбленным в Мадрасе, без особого труда отбили его атаку и с незначительными потерями добрались до места назначения - Арианкопанга, в полутора милях от Пондишери.

8 Декабря 19 .

1747.

Февраль.

Общая численность войск, собранных Дюпле в Арианкопанге для атаки на форт Сент-Дэвид, составляла около шестнадцати сотен человек, из них девятьсот европейцев, с шестью полевыми орудиями и таким же количеством минометов. Против них британский гарнизон мог выставить всего двести европейцев и вдвое меньше туземцев. Однако, к несчастью, для успеха планов Дюпле было несколько французских офицеров старше Паради, начальник из которых, генерал де Бюри, принял командование. 19 декабря Де Бери переправился через реку Пеннар и разбил лагерь в саду, обнесенном стеной, примерно в полутора милях от форта Сент-Дэвид. Хотя армия Набоба находилась менее чем в пяти милях, ни пикетов, ни часовых выставлено не было; и французы были рассеяны и готовили себе обед, когда их внезапно встревожило приближение врага. Охваченный паникой, весь отряд бросился из сада к реке, каждый стремился только к тому, чтобы вода была между ним и врагом; и если бы артиллерия не стояла стойко, войскам Де Бюри пришлось бы действительно плохо. В результате они спаслись бегством, потеряв дюжину европейцев убитыми и сто двадцать ранеными, и благополучно отступили в Арианкопанг. В течение трех недель после этого отступления французы бездействовали в своем лагере, но в январе 1747 года эскадра французских кораблей прибыла к побережью, и Дюпле воспользовался возможностью, предоставленной этой демонстрацией силы, чтобы возобновить переговоры с Набобом Анварудином. С присущей ему ловкостью он указал, что положение британцев безнадежно, и его доводы были не менее убедительны в дополнение к подаркам на сумму в пятнадцать тысяч фунтов стерлингов. Набоб, уже уставший от войны, заключил мир с французами и вывел свою армию из форта Сент-Дэвид.

Февраль. 19 Март. 2.

Март. 2 13 .

Казалось, что Дюпле теперь держит своих соперников в руках; и, несомненно, на данный момент перспективы у британцев были мрачными. Один или два отдельных корабля, отправленных Компанией, прибыли к побережью, но были либо захвачены, либо отпугнуты; и только в марте одному из них удалось высадить двадцать человек и шестьдесят тысяч фунтов серебром в форте Сент-Дэвид. Десять дней спустя французы предприняли вторую попытку штурма форта, но были вынуждены поспешно отступить из-за прибытия адмирала Гриффина с британской эскадрой на рейд. Гриффин высадил роту из ста солдат, а также предоставил в качестве временной меры морскую пехоту и матросы флота для усиления гарнизона, пока он плыл с флотом для блокады Пондишери. Свежие подкрепления прибыли в форт Сент-Дэвид как из Европы, так и из некоторых поселений Компании в течение мая и июня; и к июлю гарнизон,

включая военно-морскую бригаду, вырос до тысячи двухсот европейцев и восьмисот местных жителей.

11-22 июня .
1748 года.

Восстановление британского господства на море обернулось против Дюпле, но он, тем не менее, ухитрился отправить сообщение на Маврикий о подкреплении. Письмо достигло острова только в декабре, и до мая 1748 года не было возможности отправить эскадру, которая даже тогда уступала по численности блокирующему флоту под командованием Гриффина. Однако благодаря большой ловкости французский адмирал ухитрился выманить Гриффина в море и ночью проскользнуть мимо него в Мадрас, где, высадив триста европейских солдат и крупную сумму денег, он снова вышел в море, предоставив Гриффину охотиться за ним, где ему заблагорассудится. Вслед за этим Дюпле воспользовался возможностью, предоставленной отсутствием Гриффина, предпринять атаку на Куддалор, английскую укрепленную станцию примерно в двух милях к югу от форта Сент-Дэвид, которую он уже предпринял однажды, но безуспешно. Силы, которые он собрал для этого предприятия, были велики, если судить по мельчайшим масштабам армий, задействованных в этих ранних войнах с индейцами, и состояли из восьмисот европейцев и тысячи сипаев. Но к этому времени британцы были усилены не только подкреплениями предыдущего года, но и прибытием в январе компетентного командира. Этим офицером, чья слава далеко не по заслугам, был майор Стрингер Лоуренс.

17-28 июня .

Идея Дюпле состояла в том, чтобы застать Куддалор врасплох ночью, и с этой целью он направил свою армию круглым путем к холмам в трех милях от станции, приказав остановиться и оставаться в укрытии до тех пор, пока не придет время для атаки. Лоуренс, который был полностью осведомлен о замысле, демонстративно перевел гарнизон и орудия из Куддалора в форт Сент-Дэвид в течение дня; но с наступлением темноты отправил их обратно с должными предосторожностями, чтобы скрыть этот факт от французов, вместе с подкреплением в четыреста европейцев. В полночь французы подошли к стенам, не думая встретить сопротивление, но не успели установить свои штурмовые лестницы, как их приветствовали уничтожающим огнем из мушкетов и картечью. Всех мгновенно охватила паника. Большинство из них побросали оружие, не сделав ни единого выстрела, и все как один бросились наутек и бежали, не останавливаясь, пока не достигли Пондишери. Так закончилось первое столкновение между французскими и английскими войсками в Индии.

23 июня, 4 июля.
31 июля, 11 августа.

Результатом стал печальный удар по Дюпле, поскольку до них дошли вести о том, что из Англии направляется мощное вооружение. Фактически британское правительство решило помочь Ост-Индской компании как кораблями, так и людьми, и в ноябре 1747 года адмирал Боскавен отплыл с восемью военными кораблями и конвоем из тысячи четырехсот человек регулярных войск. По новому соглашению, несомненно, благодаря печальному опыту Картагены, адмирал единолично командовал как армией, так и флотом. Первой целью экспедиции был захват Маврикия и Бурбона, которые, находясь в месячном плавании от побережья Короманделя, представляли для французов неоценимую ценность как база для их операций в Индии. У

британцев такой станции не было. Остров Святой Елены находился слишком далеко, даже если предположить, что в нем можно было найти гавань, сравнимую с Порт-Луи, а мыс Доброй Надежды находился в руках голландцев. Боскавен прибыл к Порт-Луи 4 июля, но обнаружил, что Маврикий надежно защищен фортами и батареями в каждом месте, подходящем для высадки. После трех дней, проведенных в тщетных попытках обнаружить слабое место, адмирал решил без дальнейшей потери времени продвигаться к скрытой цели, назначенной ему его инструкциями, - Пондишери. Поэтому он отплыл в форт Сент-Дэвид и в начале августа совершил соединение с "Гриффином". Объединенные эскадрильи сформировали самое мощное вооружение, которое когда-либо видели в водах Восточной Индии.

19 августа, 8 августа .

Флот из тридцати кораблей обеспечил Боскавену беспрепятственное сообщение по морю; и поскольку в форте Сент-Дэвид были сделаны все приготовления к его прибытию, он смог в течение недели выступить на осаду Пондишери. Регулярные войска короля состояли из двенадцати независимых рот численностью по сто человек в каждой, восьмисот морских пехотинцев и восьмидесяти королевских артиллеристов, что, если добавить солдат Роты и морскую бригаду, довело общую численность до трех тысяч семисот европейцев. Экспедицию также сопровождали две тысячи сипаев, хотя они еще не были ни обучены, ни дисциплинированы. Но тем временем Дюпле не бездействовал. Каким бы отчаянным ни казалось его положение, он решил извлечь из него максимум пользы и не только укрепил оборону самого Пондишери, но и пристроил мощный форт в Арианкопанге, который был построен под присмотром неутомимого Паради. Эта последняя работа была первым препятствием, возникшим на пути продвижения Боскавена. Никто в его лагере ничего не знал об этом, потому что никто не приложил никаких усилий, чтобы это выяснить. Дезертир сообщил, что его удерживала всего сотня туземцев, и Боскавен без дальнейших церемоний решил взять его штурмом. Поэтому против него было брошено семьсот человек, но только для того, чтобы обнаружить, что оборона была явно внушительной, а гарнизон в четыре раза сильнее, чем предполагалось. Более того, из-за небрежности, которая после неудачи под Сен-Лазаро кажется совершенно непростительной, штурмующие не подготовили штурмовых лестниц. Поэтому войска, как и при Сан-Лазаро, упрямо пытались делать невозможное, пока почти четверть их числа не была убита или ранена, а затем отступили, не менее подавленные своим отпором.

26 августа, 6 сентября.

Тогда было решено осадить Арианкопанг по форме; но здесь, как и при Картагене, инженеры оказались совершенно неосведомленными в своем деле, и промах следовал за промахом. Паради, у которого был отряд из шестидесяти всадников в дополнение к пехоте его гарнизона, проникательно оценил моральный эффект, который кавалерия могла произвести на моряков, и послал горстку своих солдат при поддержке пехоты прямо на окопы морской бригады. Моряков охватила паника; паника перекинулась на регулярные войска, и все они сломя голову бросились обратно в лагерь, оставив своего лучшего офицера, Стрингера Лоуренса, взятым в плен. Случайность, однако, пришла на помощь англичанам. Склад в Арианкопанге загорелся и взорвался, выведя из строя более ста человек; и гарнизон, разобрав укрепления, отступил в Пондишери. Соответственно, Боскавен двинулся вперед из Арианкопанга и открыл свои окопы

против северо-западного угла города. Затем невежество инженеров снова привело к грубым ошибкам и пустой трате времени, поскольку они открыли свою первую параллель на расстоянии полутора тысяч ярдов, или вдвое большем расстояния, предписанного правилами и здравым смыслом, от крытого пути. И все же фортуна в настоящее время была благосклонна к британцам. Вылазка французов была блестяще отбита, и Паради, самый способный из французов как офицер, так и инженер, был смертельно ранен. Англичанину, наиболее отличившемуся в этом деле, удалось проявить себя как самому блестящему ученику Паради, прапорщику на службе Компании, Роберту Клайву, принятому всего двенадцать месяцев назад на должность клерка из конторы Компании.

Сентябрь. 26 Октября. 7.

Сентябрь. 30 Октября. 11.

Успех британцев теперь казался настолько несомненным, что набоб Анварудин, уступив неоднократным подаркам и мольбам Боскавена, решил разделить с ними свою судьбу и пообещал выделить отряд в две тысячи всадников. И все же Дюпле не был обескуражен. Со смертью Паради на его плечи легло главное бремя военного, а также гражданского командования, но он не уклонялся от этого. В конце концов, если он не был солдатом, то и Боскавен им не был. Ценой огромных усилий британские траншеи были перенесены на позицию, с которой они должны были открываться, в восьмистах ярдах от стены, и в начале октября две батареи, наконец, открыли огонь по городу. Им ответил вдвое более сильный огонь из орудий осажденных. Затем Боскавен приказал флоту открыть огонь с моря, но мелководье не позволяло кораблям подойти ближе, чем на тысячу ярдов от завода, и канонада была совершенно неэффективной. Огонь британских батарей на берегу продолжался в течение трех дней без особого результата, в то время как огонь осажденных скорее усилился, чем ослабел. Сезон дождей тогда начался раньше обычного; траншеи были затоплены, и в британском лагере свирепствовали болезни. Наконец, 11 октября Боскавен решил снять осаду, и британцы отступили, оставив за собой более тысячи убитых европейцев, в то время как Дюпле остался гордым и непокоренным в Пондишери.

Провал этого предприятия произошел по тем же причинам, которые привели к краху экспедицию в Карфагену. Во-первых, Боскавен прибыл на побережье слишком поздно. Во втором случае он потратил почти три недели на захват Арианкопанга, что не было существенным для захвата Пондишери. В третьем случае неумелость инженеров затянула операции и взвалила на войска обязанности, которые удерживали их от активной службы в окопах и изводили до смерти без всякой цели. Эксперимент по назначению военно-морского офицера ответственным за высокотехнические военные операции, вероятно, был вызван влиянием Вернона; к чему также можно отнести готовность Боскавена предпринять попытку штурма Арианкопанга в грубой манере Вернона. Против испанцев в Южной Америке такие методы могли бы увенчаться успехом; против французов они не могли, тем более когда ими командовал Дюпле, а его военным советником был Паради. Если бы неудача под Пондишери закончилась снятием осады, обратное было бы сравнительно пустяковым делом; но об этом говорили повсюду в Индии как об ударе по британскому влиянию и престижу, а Дюпле был не из тех людей, которые пренебрегают преувеличением успеха и величия своей нации.

Известие о заключении мира в Экс-ла-Шапель несколько месяцев спустя привело к прекращению открытых военных действий и возвращению Мадраса Боскавену; но война все

еще не закончилась. Как в Европе французы и англичане могли яростно сражаться как сторонники баварского курфюрста и венгерской королевы, так и в Азии они могли вести, как союзники местных князей, борьбу, которая должна была определить судьбу Индии.

ГЛАВА II

1749.

Первым из местных государств, в которых британцы начали свою новую политику вмешательства, было то, которым французы занимались десятью годами ранее, - королевство Танджор. Тамошний правитель, пользующийся благосклонностью губернатора Дюма, Сауходжи, после нескольких лет плохого правления был свергнут; теперь он обратился за помощью к Британской компании, предложив оплатить военные расходы и отдать форт и территорию Девикота в качестве платы за свое восстановление на троне. Соответственно, Компания выделила силы в пятьсот европейцев и полторы тысячи сипаев, которые в конце марта 1749 года отправились в Трихинополь. Сауходжи заверил, что его операции могут быть поддержаны генералом, выступающим в его пользу, но это обещание оказалось иллюзорным, и экспедиция вернулась, ничего не добившись. Не смущенная, однако, этой первой неудачей, Компания снарядила второй отряд и решила на этот раз стремиться прямо к призу, предложенному Сауходжи, - форту Девикота. Восемьсот европейцев и полторы тысячи сипаев под командованием майора Стрингера Лоуренса отправились в устье Колруна, и, высадившись на южном берегу реки, после нескольких дней канонады им удалось пробить брешь в стене форта. Затем корабельный плотник смастерил плот, на котором можно было переправить войска через реку, и Лоуренс решил немедленно взять форт штурмом. Клайв возглавлял штурмовой отряд, состоявший из тридцати четырех европейцев и семисот сипаев, но так как сипаи не смогли поддержать его, его маленький отряд британцев был разорван на куски кавалерией танджоринцев, а сам он чудом избежал смерти. Вслед за этим Лоуренс решил бросить в брешь всех своих европейцев. Танджоринская кавалерия снова атаковала их, когда они продвигались вперед, но была подавлена их огнем; и британцы, войдя в брешь, обнаружили, что форт опустел. Лоуренс, соответственно, вступил во владение фортом и территорией, а Компания, получив все, что она желала, пообещала Сауходжи пенсию, если он пообещает больше не создавать проблем в Танджоре. Ей было суждено дорого заплатить за этот дурной прецедент и за ничтожное приобретение, полученное столь бесчестным путем.

23 июля, 3 августа.

Тем временем важные события в других местах привели к новым осложнениям. В 1748 году Низам-уль-Мульк, вице-король Декана, умер, и за его смертью, как обычно, последовала ссора из-за наследования его трона. Преемником, назначенным умершим правителем, был его внук Мурзафа Юнг; соперником был его второй сын Насир Юнг; и, как это было естественно, оба претендента искали себе союзников. Уже рассказывалось о том, как Чунда Сахиб, преданный поклонник французов, был схвачен махраттами в Тричинополе в 1741 году. С тех пор его держали в тесном заключении в Сатаре; махратты, знавшие его по репутации самого

способного солдата, которого видели в Карнатике за многие годы, отказывались освободить его, за исключением невозможного выкупа. Однако у него был друг в Дюпле, который на протяжении всего своего заключения защищал его жену и семью в Пондишери и в дальнейшем умудрялся поддерживать с ним дружескую переписку. Мурзафа Юнг, путешествуя в поисках помощи от махратт, встретил Чунда Сахиба в Сатаре и сразу понял ценность такого человека как союзника. Был вызван Дюпле, который оценил всю ситуацию с первого взгляда. Если бы сила французского оружия могла возвести на престол Мурзафу Юнга в качестве вице-короля, не было бы ничего, что могло бы помешать французскому влиянию стать преобладающим на Декане, или, другими словами, помешать Дюпле стать практически, если не номинально, самым вице-королем. Он сразу же пообещал выплатить выкуп Чунда Сахибу и сразу же после его освобождения позволил ему взять в качестве жалованья две тысячи сипаев из гарнизона Пондишери; согласившись также, по получении дополнительной уступки территории близ города, предоставить ему в помощь четыреста европейских солдат. С ними и с собранными им войсками, всего около шести тысяч человек, Чунда Сахиб присоединился к тридцатитысячной армии Мурзафы Юнга и двинулся с ними против Арк. Захват этого города, столицы Карнатика, предоставил бы в их распоряжение ресурсы этой провинции и обеспечил бы им первый шаг к трону Декана. Старый Набоб Анварудин собрал силы, чтобы противостоять им, но он не мог выдвинуть вперед войска, способные сравниться с дисциплинированной французской пехотой. После ожесточенного сражения при Амуре он потерпел поражение и был убит: победоносная армия вошла в Аркот на следующий день, и Карнатик был завоеван.

Мурзафа Юнг, провозгласивший себя вице-королем Декана и предпринявший шаги по утверждению своего суверенитета, затем вместе с Чунда Сахибом отправился в Пондишери, где они были торжественно приняты Дюпле и взамен вознаградили его еще одним пожалованием соседней территории. Тем временем англичане наблюдали за происходящим, возмущенные, но беспомощные, поскольку их собственные глупые действия в Танджоре лишили их права на протест. Боскавен действительно воспользовался смертью Анварудина, чтобы водрузить британский флаг над Сен-Томе, как городом без хозяев, который мог принести пользу Компании; но в остальном рука британцев, казалось, была парализована. Мохаммед Али, сын погибшего Набоба Анварудина, бежавший с поля боя при Амуре в Тричинополи, обратился за помощью к Ост-Индской компании; но, хотя власти глубоко не доверяли дружбе между Чунда Сахибом и Дюпле, они послали ему на помощь всего сто двадцать человек. Сделав это, они фактически разрешили Боскавену вернуться в Англию со своим флотом и транспортами, оставив в Индии всего триста человек для усиления британского гарнизона. Это был момент, которого так жаждал Дюпле. Единственная сила, которой он боялся, была устранена. Мурзафе Юнгу и Чунда Сахибу оставалось только двинуться на Тричинополь и сокрушить Мохаммеда Али; и Южная Индия была завоевана раз и навсегда.

20 декабря 31 .

Дюпле не преминул настоять на этом шаге своих двух союзников; но они потратили столько денег на собственное развлечение в Пондишери, что израсходовали все сокровища, необходимые для решающей кампании. Решив, что самым простым и быстрым способом пополнить их опустевший кошелек было бы вымогательство средств у раджи Танджора, они повели свои армии против этого города и потребовали его капитуляции. Раджа Партаб Сингх выиграл время путем хитрых переговоров, чтобы призвать на помощь англичан и соперника Мурзафы Юнга, Насира Юнга; но англичане почти не отреагировали, и раджа, напуганный

атакой французской пехоты на укрепления города, согласился выплатить требуемую от него сумму. Тем не менее, постоянными торгами он продолжал удерживать своих врагов в бездействии перед стенами, пока известие о приближении Насира Юнга с превосходящими силами не заставило их в панике отступить к Пондишери.

1750.

1 Апреля 12 .

Благоприятный момент фактически был упущен, несмотря на настойчивые мольбы Дюпле о том, чтобы им воспользовались. Насир Юнг не только вторгся в Карнатик со своими собственными силами, но и призвал Мохаммеда Али и британцев под свои знамена; и Ост-Индская компания, воодушевленная внушительной численностью его армии, прислала ему шестьсот европейских солдат под командованием Стрингера Лоуренса лично. В конце марта вражеские армии стояли на расстоянии удара друг от друга на полпути между Пондишери и Аркотом, недалеко от крепости Джинджи; но никакого удара нанесено не было. Мятеж французских войск практически разбил армию Мурзафы Юнга; сам Мурзафа сдался Насиру Юнгу; и вся грандиозная комбинация Дюпле, казалось, была разрушена безвозвратно. Однако французский губернатор с неиссякаемой энергией взялся за восстановление дисциплины в войсках, а тем временем начал переговоры с Насиром Юнгом. Обнаружив, что его попытки отвергнуты, он смело напал ночью на его лагерь с горсткой людей, причем с таким успехом, что Насир Джанг поспешно отступил в Аркот. Покинутые таким образом британцы также отступили в форт Сент-Дэвид, и поле боя снова осталось открытым для амбиций Дюпле.

31 Августа сентября 11.

5 декабря 16 .

Прекрасно понимая восточный характер, он поспешил нанести вслед за этим первым ударом другой. Сначала он повернулся к Мохаммеду Али, который был оставлен в изоляции близ Пондишери, рассеял его армию, хотя и значительно превосходившую его собственную, почти без потерь, и обратил его в бегство на север. Затем он отправил одного из своих лучших офицеров, месье де Бюсси, с горсткой солдат против беглецов из отряда Мохаммеда Али, которые сплотились под стенами Джинджи; и Бюсси не только разгромил их на поле боя, но и фактически захватил сам форт Джинджи, который многие поколения считался неприступной твердыней, с помощью эскалады. Этот подвиг, один из самых блестящих и изумительных, когда-либо совершенных европейцами в Индии, побудил Насира Юнга снова попытать счастья в этой области и привел его к гибели. Несмотря на позднее время года, он собрал огромное неповоротливое войско в сто тысяч человек и двинулся к Джинджи, но только для того, чтобы обнаружить, что военные действия абсолютно невозможны из-за окончания муссонов. В течение трех месяцев он волей-неволей бездействовал, в то время как Дюпле усердно поощрял мятеж и заговоры в своем лагере. Наконец, в декабре французы атаковали и наголову разгромили его армию, в то время как заговорщики покончили с самим Насиром Юнгом. Мурзафа Юнг был немедленно провозглашен вице-королем Декана, а несколько дней спустя был торжественно возведен в качестве такового в Пондишери; Дюпле, во всем великолепии восточных одежд, сидел рядом с ним как человек равного ранга, чтобы вместе с ним принимать почести подчиненных князей. Французский губернатор был объявлен набобом всей страны к югу от Кистны до мыса Коморин, а Чунда Сахиб был назначен набобом Арко и подчиненных ему территорий; его бывший соперник, Мохаммед Али, был только рад снискать расположение

Дюпле, отказавшись от всех своих притязаний. Наконец, на Французскую Ост-Индскую компанию посыпались новые привилегии и концессии. Действительно, господство Франции достигло такой высоты, что Дюпле отдал приказ о возведении города с помпезным названием "Место победы при Дюпле".

1751.

4 января 15.

18 июня 29 .

Теперь ничего не оставалось, как сопроводить нового вице-короля Декана в его столицу Аурунгабад, и эта обязанность была возложена на Бюсси. В какой-то момент марша возникло некоторое сопротивление, которое, хотя и было легко отброшено французской артиллерией, оказалось фатальным для Мурзафы Юнга. Его мстительный нрав привел его к личному противостоянию человека с человеком, и, находясь фактически в пределах досягаемости цели своих амбиций, он был сражен насмерть. Этот инцидент, каким бы неприятным он ни казался в такое время, оказался незначительным. Одна марионетка могла бы служить вице-королю Декана так же хорошо, как и другая, так что фактический суверенитет принадлежал Дюпле. Салабат Юнг, младший брат Насира Юнга, был соответственно освобожден Бюсси из тюрьмы, в которой он содержался, и с общего одобрения был возведен на место властелина, карьера которого, к сожалению, оборвалась так быстро. Излишне говорить, что он сразу же подтвердил французам все прежние привилегии и добавил к ним еще другие. Наконец, в июне бедняга торжественно въехал в Аурунгабад в сопровождении Бюсси и его войск, которые не преминули обосноваться в столице на постоянной основе. Таким образом, от гор Виндхья до Кистны страна практически находилась под контролем Бюсси, в то время как от Кистны до мыса Коморин Дюпле правил как фактический наместник мусульманского суверена Декана. Этот момент знаменует собой зенит французского могущества в Индии.

Март.

Май.

На протяжении всех этих операций британцы хранили молчание и бездействовали, настолько бездействовали, что в октябре 1750 года разрешили своему самому способному солдату, Стрингеру Лоуренсу, вернуться в Англию. Глубоко встревоженная быстрым ростом влияния Дюпле и раздраженная демонстративной демонстрацией его суверенитета на своих границах, Компания, наконец, решила начать устойчивую политику противодействия французам во всех кругах. Был только один предлог для вмешательства. Мохаммед Али, сын покойного Набоба Анварудина, во время переговоров с Дюпле о сдаче Трихинополии не переставал жалобно взывать к британской помощи. Поэтому, вместо того чтобы позволить лишиться себя этого последнего предлога для вмешательства, британские власти согласились оказать ему помощь и в качестве первой партии отправили триста британцев и столько же сипаев в Трихинополис в феврале 1751 года. Теперь главный вопрос касался владения Трихинополией, и Дюпле не замедлил признать этот факт. Чунда Сахиб уже готовился выступить на город с туземной армией численностью около восьми тысяч человек, и к ним Дюпле добавил четыреста французских солдат под командованием способного офицера. Британцы ответили, снарядив дополнительные силы из пятисот европейцев, ста африканцев и тысячи сипаев под командованием капитана Джингена и лейтенанта Роберта Клайва в качестве офицера комиссариата. Не осмеливаясь выступить в роли главнокомандующего, поскольку Франция и Англия номинально все еще находились в

состоянии мира, Джинген ждал в форте Сент-Дэвид до середины мая, когда к нему присоединились тысяча шестьсот человек из войск Мохаммеда Али. Наделенный появлением этого сброда статусом законного вспомогательного войска, он затем двинулся на юг, чтобы захватить пагоду Вердачелум, которая контролировала коммуникации между фортом Сент-Дэвид и Трихинополем. Это было успешно выполнено; и, получив дальнейшее подкрепление, он двинулся на юго-запад к Волконде, по дороге между Аркотом и Тричинополи, чтобы перехватить наступающую армию Чунда Сахиба.

17 июля 28 .

Результат оказался катастрофическим для Гингена. После обмена несколькими пушечными выстрелами британские войска были охвачены паникой, побросали оружие, и даже сам Клайв не смог их собрать. Гинген, найдя их сильно потрясенными, вслед за этим отступил к Трихинополису. Чунда Сахиб немедленно последовал за ними, и после трехдневных перестрелок британцы переправились через реку Колрун и, наконец, укрылись под стенами города. Враг, не теряя времени, сомкнулся вокруг них, и теперь французы могли считать свой успех почти гарантированным. Почти все британские силы в Индии были заперты в городе перед ними; казалось, у них не было никакой перспективы получить помощь из каких-либо других источников, и поэтому было необходимо только держать их в строгой блокаде, чтобы сделать их пленниками в полном составе.

Британские власти в форте Сент-Дэвид видели опасность, но не могли предугадать, как ее предотвратить. Недавно из Англии прибыл небольшой отряд европейцев, но все военные офицеры были заперты в Трихинополисе, и под рукой не было никого, кто мог бы возглавить силы на подмогу. Тем не менее, в конце июля был снаряжен конвой и отправлен в путь в сопровождении восьмидесяти европейцев и трехсот сипаев под командованием гражданского лица, мистера Пигота, с Робертом Клайвом, вернувшимся из армии после отступления с Волконды, в качестве заместителя командира. Пигот благополучно довел свой конвой до Вердачелума и успешно пропустил подкрепление в Трихинополь, но и он, и Клайв были отрезаны при возвращении в форт Сент-Дэвид и лишь с величайшим трудом избежали поимки. Клайв, теперь произведенный в чин капитана, вскоре был отправлен в Танджор со вторым подкреплением, которое, как и его предшественник, ухитрилось проникнуть в Трихинополь и увеличило численность британского батальона в нем до шестисот человек. Но французы, со своей стороны, могли привести навстречу им девятьсот европейцев; и спасение Тричинополии и связанного с ней британского могущества в Индии казалось безнадежным.

Август.

26 августа, 6 сентября.

Клайв сразу понял значение ситуации и, не тратя больше времени на осмотр блокированного города, со всей поспешностью вернулся в Мадрас. Единственная надежда для Трихинополии, как он указывал, заключалась в энергичном отвлечении, которое должно было перенести войну в страну противника. Хотя основная часть британских войск могла быть заперта в Трихинополи, основная часть армии Чунда Сахиба была также скована перед ней, и поэтому столицу Карнатика пришлось оставить без охраны. Пусть смелый удар будет направлен на Аркот, и Чунда Сахиб должен будет либо снять осаду Трихинополи, чтобы спасти его, либо понести потери, за которые приобретение Трихинополи было бы плохой компенсацией. План был безмерно дерзким, но губернатор, мистер Сондерс, человек решительный и дальновидный,

оценил его достоинства; поэтому, сократив гарнизоны Мадраса и форта Сент-Дэвид до минимума, он снарядил отряд из двухсот европейцев и трехсот сипаев вместе с тремя полевыми орудиями и поставил Клайва командующим с неограниченными полномочиями. С этой горсткой солдат и восемью офицерами, из которых четверо, как и он сам, были уволены из-за стола и бухгалтерских книг, Клайв выступил 6 сентября из Мадраса.

Август. 31 Сентября. 11.

Аркот, столица Карнатика, а затем резиденция правительства Чунда Сахиба, расположен в шестидесяти четырех милях к юго-западу от Мадраса. Тогда это был открытый город с населением около ста тысяч человек, без каких-либо укреплений, кроме разрушенного форта, который удерживал гарнизон из тысячи туземцев. Пяти дней, включая однодневную остановку в Конджевераме, хватило, чтобы доставить Клайва на расстояние десяти миль от города. В этот момент он снова сделал короткую остановку, но в тот же вечер возобновил свой марш сквозь ужасающую грозу и двинулся к воротам. Слух о его приближении разнесся раньше него. Шпионы донесли, что британцы беззаботно продвигаются вперед сквозь молнии, дождь и бурю; и гарнизон, боясь противостоять человеку, бросившему вызов самой стихии, покинул форт без единого выстрела.

Сентябрь. 4 15 - 6 17 .

Сентябрь. 23 Октября. 4.

Клайв немедленно занял опустевший форт, отремонтировал оборонительные сооружения, установил найденные там орудия и сделал все возможное, чтобы противостоять осаде. Туземный гарнизон расположился лагерем примерно в шести милях от города, и Клайв совершил против них две успешные вылазки, чтобы держать их в состоянии растущей тревоги; и, услышав неделю спустя, что они получили подкрепление численностью в три тысячи человек, он внезапно ворвался ночью в их лагерь, убил нескольких, остальных обратил в бегство в паническом ужасе и вернулся в форт, не потеряв ни одного человека. Но к этому времени Чунда-сахиб услышал о несчастье, постигшем его столицу, и выделил четыре тысячи человек из-под Трихинополя, чтобы отбить форт. Дюпле, хотя сильно возражал против любого сокращения армии блокады, добавил к этому отряду сотню французских солдат, в то время как другие новобранцы увеличили его численность до десяти тысяч человек. С этим отрядом Раджу Сахиб, сын Чунда Сахиба, вошел в Аркот 4 октября и начал обход форта.

Сентябрь. 24 Октября. 5.

Сентябрь. 25 октября. 6.

Октябрь. 30 ноября. 10.

Ноябрь. 13 24 .

14 25 ноября .

Уже на следующий день Клайв предпринял смелую вылазку с целью выбить врага из города, но был отброшен с потерей, очень серьезной с учетом его численности, двух офицеров и тридцати одного европейского солдата убитыми и ранеными. На следующий день осаждающие получили дальнейшее подкрепление, которое увеличило их численность до одиннадцати тысяч туземцев и ста пятидесяти европейцев, тогда как гарнизон Клайва к этому времени сократился всего до шестидесяти европейцев и двухсот сипаев. Две недели спустя прибыл ударный эшелон противника, и 10 ноября, когда в стенах была пробита реальная брешь, Раджу Сахиб призвал

Клайва сдать. В ответ он получил послание, полное презрительного вызова; но, зная, что запасы продовольствия в форте на исходе, он не решался на штурм в надежде ослабить гарнизон голодной смертью. Однако тем временем губернатор Сондерс выдвинул подкрепление и побудил махраттов под командованием грозного Морари Рао связать свою судьбу с британцами. Известие об этом положило конец бездействию Раджу Сахиба, и 24 ноября он разработал свои планы штурма. Выбранным днем был праздник братьев Хасана и Хусейна, годовщина, в которую мусульманский фанатизм всегда разгорается с особой силой. К счастью, шпион предупредил Клайва о предполагаемом нападении и сделал все необходимые приготовления, направив пушки на брешь и держа несколько заряженных мушкетов для поддержания непрерывного огня. На рассвете вражеские войска хлынули к пролomu, в то время как слоны с головами, защищенными железными пластинами, были выдвинуты вперед, чтобы проломить ворота. Но огонь британцев был слишком яростным и смертоносным, чтобы его можно было выдержать, и слоны, истерзанные ранами, отступили назад и топтали все вокруг себя ногами. Один раз только штурмующий отряд, казалось, смог продвинуться вперед, и тогда Клайв, лично взяв на себя управление одним из полевых орудий, эффективно рассеял их тремя или четырьмя выстрелами. После часовой атаки противник отступил, потерпев поражение. Французы по какой-то причине держались в стороне, и самые храбрые из местных вождей были убиты. Насколько жарким было сражение, пока оно длилось, можно судить по тому факту, что гарнизон Клайва, хотя и сократился до восьмидесяти европейцев и ста двадцати сипаев, израсходовал за время штурма двенадцать тысяч патронов. Потери защитников составили всего шесть человек убитыми и ранеными; потери противника исчислялись не менее чем четырьмя сотнями. На следующий день Раджу Сахиб снял осаду и ушел, бросив несколько пушек и большое количество боеприпасов; и Клайв остался в Аркоте торжествующим. Осада длилась пятьдесят дней и стоила маленькому гарнизону только четверти его численности убитыми, не считая еще большего числа раненых; но это была не такая уж большая цена за восстановление британского престижа. Праздник Хасана и Хусейна по праву можно считать днем рождения нашей империи в Индии.

Вечером в день штурма к Клайву присоединилось подкрепление из людей и четырех орудий, что позволило ему, оставив гарнизон в форте, выступить в бой с двумясотнями европейцев и семьями сипаями. Армия Раджу Сахиба в значительной степени распалась во время его отступления, с ним не осталось никого, кроме небольшого отряда французов и людей, которых он привел с собой из Тричинополи. С ними он удалился на запад, в Веллор. Там подкрепление из Пондишери увеличило численность его французов до трехсот человек, в то время как успешное отражение опрометчивой атаки мараттов подняло дух его войск. Но Клайв, хотя и уступал им численностью, был не тем человеком, который позволил бы им уйти безнаказанными. Собрав шестьсот всадников-махраттов, он совершил форсированный марш в погоню за ними и поймал их, когда они собирались переправляться через реку Арни. Враг мог выставить триста европейцев против двухсот, полторы тысячи сипаев против семисот и три тысячи новобранцев-туземцев против махратской кавалерии; но они были перехитрены и разбиты, потеряв пятьдесят европейцев, втрое больше туземцев и всю свою артиллерию, в то время как потери Клайва не превысили восьми сипаев и пятидесяти махрат. После этой акции Клайв двинулся маршем на Конджеверам, захватил его после трехдневной осады и разобрал форт. Затем, бросив сильный гарнизон в Арко, он вернулся в конце декабря в форт Сент-Дэвид, чтобы согласовать меры по освобождению Трихинополи.

1752.

2 февраля 13 .

3 февраля 14 .

Как только он повернулся спиной, рассеянные отряды Раджу Сахиба собрались вновь; и, сначала восстановив оборону Конджеверама и перебросив в него гарнизон, чтобы перекрыть сообщение между Мадрасом и Аркотом, опустошили страну в радиусе нескольких миль от самого Мадраса. Эта диверсия, которая была произведена по наущению Дюпле, возымела желаемый им эффект. Приготовления к освобождению Тричинополи были приостановлены, и 13 февраля Клайв выступил из Мадраса с тремястами восьмьюдесятью европейцами и тысячью тремя сотнями сипаев, а также с шестью орудиями; войска были в значительной степени набраны из гарнизона в Арко. Враг, хотя и превосходил европейцев по численности и намного превосходил туземные войска и артиллерию, не стал дожидаться его прихода, а отступил в укрепленный лагерь в Вендалоре, примерно в двадцати пяти милях к юго-западу от Мадраса. Клайв поспешил за ними, но, прибыв в Вендалор в три часа дня, обнаружил, что они исчезли, и никто не знал, куда. Несколько часов спустя он получил определенную информацию о том, что они отправились в Конджеверам. Было уже девять часов вечера, и мужчины в тот день прошли уже двадцать пять миль, но Клайв, ни минуты не колеблясь, вызвал их на еще один форсированный марш, и к четырем часам следующего утра они достигли Конджеверама. Гарнизон форта сдался по первому зову, но сообщил плохие новости о том, что враг двинулся на Аркот. Войска Клайва были слишком измотаны, чтобы сразу последовать за ними, но в полдень марш возобновился. На закате Клайв достиг Коврепока, пройдя шестнадцать миль по дороге, когда его передовой отряд был застигнут врасплох внезапным огнем девяти полевых орудий по своему правому флангу. Враг, потерпев неудачу в своем замысле против форта Арко, вернулся форсированным маршем и устроил Клайву засаду; и Клайв, совершенно ничего не подозревая, направился прямо на нее.

Позиция, занятая противником, была хорошо приспособлена для их целей. Примерно в фарлонге к северу от дороги, или справа от Клайва, когда он продвигался вперед, была густая роща манго, прикрытая спереди рвом и насыпью; здесь были размещены девять полевых орудий французов при поддержке отряда пехоты. Слева от Клайва, или к югу от дороги, и примерно в ста пятидесяти ярдах от нее протекал пересохший ручей, в русле которого войска были хорошо защищены от огня; и здесь была сосредоточена остальная часть пехоты противника. Между дорогой и рекой и за рекой к югу была стянута вражеская кавалерия, всего около двух тысяч человек, готовая преградить британцам путь по фронту или ударить им в тыл. Опасность положения Клайва, и без того достаточно грозного, усугублялась его численным превосходством, поскольку французы могли выставить четыреста европейцев против его трехсот восьмидесяти и две тысячи сипаев против его полутора тысяч; в то время как против их двух тысяч всадников Клайв не мог выставить ни одного человека. Ни на мгновение не теряя присутствия духа, Клайв немедленно привел в действие три своих полевых орудия, чтобы ответить французской артиллерии, приказал основным силам своей пехоты укрыться в русле реки, приказал отвести обоз на полмили назад с одним орудием и небольшим караулом для его защиты, а два оставшихся орудия с сорока европейцами и двумя сотнями сипаев разместил к югу от русла реки, чтобы сдерживать кавалерию противника. Быстрота, с которой он оценил ситуацию, каким бы удивленным он ни был в сумерках, и готовность, с которой он принял решение встретить опасность, сами по себе достаточны, чтобы отличить Клайва от человека, почти не имеющего себе равных по стойкости и находчивости.

Тем временем солнце зашло, и луна засияла холодным белым светом, готовя сражающихся к битве. У реки французская пехота, по шесть человек в ряд, столкнулась с англичанами и открыла ожесточенный огонь с близкого расстояния; но обе стороны, измотанные долгим маршем, отказались от штыковой схватки. На другом фланге британские артиллеристы, хотя и были в меньшинстве три к одному, стояли у своих орудий и пали рядом с ними под непрекращающимся дождем огня французских частей. И все это время вражеская кавалерия беспокойно металась взад и вперед, то наступая на орудия к югу от русла реки, то налетая на пехоту, которая их охраняла, то бросаясь на обоз, но никогда не возвращаясь домой, потому что они не осмеливались встретиться лицом к лицу с белым человеком. Таким образом, бой продолжался порывисто в течение трех полных часов под серебристой луной, но красные вспышки не переставали вырываться из тени рощи, и британские артиллеристы, наконец, были настолько поредевшими, что их едва хватило для работы с орудиями. Было ясно, что, если не удастся заставить французскую батарею замолчать, битва будет проиграна. Клайв подумал, что манговая роща, хотя и защищена рвом спереди, может быть открытой с тыла, и послал сержанта-туземца на разведку. Сержант вернулся доложить, что задняя часть батареи не охраняется; и Клайв, отведя двести британцев от реки, незаметно двинулся во главе их, сопровождаемый сержантом в качестве проводника. Подобно Кромвелю при Данбаре, он хотел руководить поворотным движением, которое должно было решить исход дня; но как только он ушел, войска на берегу реки начали колебаться. Все они прекратили стрельбу и приготовились к бегству: некоторые из них действительно сбежали. Волей-неволей Клайв вернулся, чтобы сплотить их, и назначил лейтенанта Кина командовать поворотным движением вместо себя.

Сделав широкий круг, чтобы его не обнаружили, Кин прокрался к задней части манговой рощи, остановился в трехстах ярдах от нее и послал эсина Симмондса вперед изучить расположение французов. Симмондс не успел уйти далеко, как наткнулся на глубокую траншею, в которой укрывался отряд пехоты до тех пор, пока не придет время действовать. Когда он подошел ближе, ему бросили вызов, и он увидел направленные на него мушкеты, но, спокойно ответив по-французски, ему позволили пройти и войти в рощу в тылу французских орудий. За батареей стоял отряд из ста французских солдат, все они нетерпеливо смотрели на затихающий огонь британских пушек впереди, не принимая никаких мер предосторожности против нападения с тыла. Симмондс прокрался обратно к своим людям, избегая траншеи; и двести британцев бесшумно двинулись по пути его возвращения в рощу, остановились в густой тени манговых деревьев в тридцати ярдах от французского отряда и дали залп. Эффект был мгновенным. Многие французы пали, остальные разбились, артиллеристы побросали свои орудия, и все они в замешательстве бежали, сами не зная куда, сквозь деревья, преследуемые британцами. Здание в роще служило убежищем, и там беглецы столпились, не сознавая, что делают, один на другом, пока не сбились так плотно, что не могли пустить в ход оружие. Вскоре британцы догнали их и предложили пощаду, после чего все они сдались в плен. Тем временем тишина французской батареи сообщила Клайву об успехе Кина, и его войска на берегу реки вновь обрели уверенность в себе. Вскоре несколько беглых французов, избежавших плена, подбежали к своим товарищам с известием о катастрофе в роще, и после этого вся вражеская пехота, стоявшая у реки, немедленно обратилась в бегство. Местная кавалерия не замедлила последовать этому примеру, и очень скоро все признаки присутствия врага исчезли, и победа была одержана. Клайв собрал своих людей вместе, и измученная армия лежала с оружием в руках, пока луна не побледнела и не взошло солнце, чтобы показать, какую победу она одержала. На поле боя лежали убитыми пятьдесят французских солдат и триста сипаев; еще

шестьдесят французов были захвачены в плен в роще, а вся французская артиллерия была оставлена британцам. Из отряда Клайва сорок европейцев и тридцать сипаев были убиты и еще большее число ранено - не такая уж непомерная цена за столь далеко идущий успех.

Ибо Коврепауком была не только завершена работа, начатая в Арко, но и спасен Трихинополис; не только была установлена военная репутация Великобритании, но и у франции было вырвано господство на юге Индии. По сути, это был поступок генерала, поступок Клайва; и когда мы размышляем о часах, предшествовавших ему, часах непрерывного марша, сомнительной информации и непрекращающейся тревоги, мы можем только поражаться моральной и физической силе, которая позволила ему немедленно выступить смелым фронтом, поддерживать своих уставших солдат вместе в течение тех четырех часов боя при лунном свете, а также разработать и осуществить контрудар, который привел к победе в тот день.

Из Коврепока Клайв двинулся к Арко и оттуда двигался на юг, когда его отозвали в форт Сент-Дэвид, чтобы командовать экспедицией, которая готовилась к освобождению Тричинополи. По пути он миновал растущий город, который должен был ознаменовать победы Дюпле, и сравнял его с землей;^[236] но он не встретил никаких следов врага. Армия Раджу Сахиба рассеялась; французы и их сипаи были отозваны в Пондишери; а сам Раджу Сахиб, вернувшись туда с места своего поражения, был принят Дюпле с неудовольствием и презрением, которые показали, как глубоко ранила честолюбивого француза победа Клайва.

Тем временем все эти месяцы французы поддерживали осаду Трихинополи, пусть и слабо, но настойчиво. В сентябре 1751 года прибыл их ударный эшелон, и перед городом были установлены батареи, но, как и батареи Боскавена перед Пондишери, на слишком большом расстоянии, чтобы нанести реальный ущерб. На самом деле французский командующий Лоу, племянник знаменитого шотландского финансиста, проявил себя как не предприимчивый, так и некомпетентный. Силы, находившиеся под его командованием, составляли беспрецедентную численность - девятьсот французских солдат и две тысячи сипаев, сверх тридцати тысяч туземных рекрутов Чунда-сахиба; и все же он почти ничего не добился. Теперь ему предстояло пройти более суровое испытание, чем простая блокада подчиненных сил под руководством бездействующего лидера. Верховное командование экспедицией по освобождению Трихинополи действительно было отнято у Клайва в последний момент, но только для того, чтобы быть переданным Стрингеру Лоуренсу, который только что вернулся из Англии. Более того, Клайв должен был сопровождать Лоуренса в качестве доверенного подчиненного, так что изменение означало только присутствие двух офицеров с выдающимися способностями вместо одного. Инструкции Дюпле Ло были четкими: оставить как можно меньшее количество своих войск для продолжения блокады Трихинополи, а с остальными выступить на перехват армии, идущей на выручку.

17-28 марта .

28 марта Лоуренс выступил из форта Сент-Дэвид во главе четырехсот европейцев и тысячи ста сипаев, а также восьми пушек и большого обоза с припасами. Расстояние, которое предстояло преодолеть, составляло около ста пятидесяти миль, и путь им преграждали несколько рек. Самым важным из них был Колрун, который в нескольких милях выше Тричинополи разделяется на две ветви, северная из которых сохраняет название Колрун, а южная становится Кавери. Трихинополис расположен на южном берегу Кавери, примерно в трех милях ниже места слияния рек. Длинная узкая полоска суши между двумя ответвлениями называется островом

Серингем, на котором, примерно в пятнадцати милях ниже и к востоку от Тричинополи, стоял форт Койлади, преграждавший продвижение любого врага с этой стороны. Примерно в шести милях вверх по реке от Койлади Кавери снова разделяется на два рукава, и продвижение Лоуренса обязательно должно было происходить именно по узкой дельте между этими двумя рукавами. Обычная дорога проходила в пределах досягаемости орудий Койлади через Кавери; и Лоу, предполагая, что британцы непременно пойдут по ней, бросил всю свою армию на перехват в форт. Лоуренс, узнав о таком расположении сил, естественно, искал другой путь, и хотя из-за ошибки своих проводников британцы действительно попали под огонь Койлади и понесли некоторые потери, все же Лоу не воспользовался благоприятным моментом. Таким образом, Лоуренс смог переправиться через реку и в тот же вечер продвинуться на расстояние десяти миль от Тричинополи.

На следующий день Ло занял позицию вдоль прямой дороги на Тричинополи, протянувшейся наискось от деревни Чуклейполлам на южном берегу Кавери мимо скалистого возвышения, известного как Французская скала, на которой он установил кэannon, и оттуда к другой почти неприступной скале под названием Элимисерам. Лоуренс, осведомленный об этих диспозициях, сделал круг на юг, который вывел его за пределы Элимисерама, и в миле от него соединился с отрядом гарнизона, который был выслан ему навстречу под командованием капитана Далтона. Лоу предпринял слабую и нерешительную попытку атаковать; но вскоре сражение переросло в артиллерийскую дуэль, после которой французы отступили с большими потерями, оставив Лоуренса беспрепятственно войти в Трихинополь.

1 апреля 12 .

6 апреля 17 .

Несколько дней спустя Лоу, испугавшись угрожающего движения британцев против некоторых из его местных новобранцев, решил немедленно отступить с юга Кавери на остров Серингем. Он так поспешно привел в исполнение это малодушное решение, что бросил большую часть своего багажа, уничтожил огромное количество припасов и оставил небольшой гарнизон изолированным в Элимисераме, который был быстро захвачен британцами. Затем Клайв предложил сократить наступление, разделив британские силы на два отряда: одному оставаться к югу от Кавери, другому без промедления переправиться на северный берег Кольруна, чтобы перекрыть снабжение французов и разорвать их коммуникации с Пондишери. Лоуренс согласился, и ночью 17 апреля четыреста британцев, семьсот сипаев и четыре тысячи махраттской и танджоринской кавалерии вместе с шестью полевыми орудиями переправились через Кавери и Колрун под командованием самого Клайва и заняли позицию у Самиаверама, примерно в девяти милях к северу от Серингема, по дороге на Пондишери.

30 марта 10 апреля.

Апрель 15 26 - 16 27 .

Тем временем Дюпле с неукротимой энергией, получив известие об отступлении Ло, отправил к нему сто двадцать европейцев и четыреста сипаев под командованием г-на Д'Отейля. Покинув Пондишери 10 апреля, Д'Отей прошёл маршем на расстояние пятнадцати миль от позиции Клайва в Самиаверама и решил продвигаться оттуда кружным путем к Кольруну, чтобы избежать встречи с ним. Клайв, однако, перехватив одного из гонцов, отправленных Д'Отеем сообщить Лоу о его намерениях, двинулся ему навстречу; после чего Д'Отей, в свою очередь узнав о наступлении Клайва, отступил в Уттатур, в то время как Клайв со своей стороны поспешил

обратно в Самиаверам. Тем временем Лоу, узнав об отъезде Клайва из Самиаверамы, но не о его возвращении, послал отряд из восьмидесяти европейцев, сорок из которых были британскими дезертирами, и семьсот сипаев, чтобы напасть на его лагерь, как он предполагал, во время его отсутствия. В полночь 26 апреля отряд Лоу приблизился к английскому лагерю. Клайв, которому и в голову не могло прийти такое предприятие со стороны французского командующего, был в постели и спал. Когда французы подошли ближе, их окликнул часовой из британских сипаев; но офицер дезертиров, ирландец, выступил вперед и объяснил, что он прибыл с подкреплением от майора Лоуренса, и часовой, услышав, что дезертиры говорят по-английски, позволил им, после некоторого колебания, пройти. Британские войска в Самиавераме заняли две пагоды на расстоянии четверти мили друг от друга, а местные войска расположились лагерем вокруг них. Французы прошли через сердце лагеря туземцев и подошли к меньшей из двух пагод, возле которой под открытым навесом в своем паланкине спал Клайв. Здесь им снова бросили вызов. Они ответили залпом по пагоде и сараю, а затем, ворвавшись в пагоду, предали мечу всех, кто находился в ней.

16-27 апреля .

Клайв, пробудившись ото сна и не сомневаясь, что пожар был результатом ложной тревоги, побежал к большой пагоде, выгнал двести своих европейцев и поспешил с ними обратно в сарай. Здесь он обнаружил большой отряд французских сипаев, выстроившихся перед ним и непрерывно стрелявших неизвестно во что, но в направлении Серингема. Укрепленный этим обстоятельством в мысли, что это его собственные люди, поскольку темнота стирала все различия в одежде, он завел своих европейцев в тыл и вбежал к ним, упрекая и даже нанося удары за то, что, по его мнению, было их паникой. Несколько минут это абсурдное положение оставалось неизменным, пока один из сипаев, узнав наконец, что Клайв англичанин, не напал на него и не ранил в двух местах своим мечом. Клайв мгновенно повернулся к нему, и сипай, почувствовав, что его одолели, убежал в пагоду, преследуемый Клайвом, который теперь был в высшей степени раздражен тем, что, по его мнению, было мятежным поведением одного из его собственных людей. К своему изумлению, у ворот Клайва остановили шестеро французов, и тогда, наконец, он перестал обманываться. С поразительным хладнокровием он сказал им, что пришел предложить им условия, и пригласил их посмотреть, как вся его армия выстраивается, готовая напасть на них. Полностью обманутые его доверием французы капитулировали; и тогда Клайв приготовился атаковать сипаев, но обнаружил, что они уже отошли за пределы досягаемости его европейцев. Однако все еще оставались более крупные силы европейцев противника, включая британских дезертиров, которые оккупировали большую пагоду. Эти последние отказались сдаваться и оказали такое отчаянное сопротивление, что на рассвете Клайв подошел к ним, чтобы начать переговоры. Из-за слабости от потери крови ему пришлось опереться на плечи двух сержантов; но офицер дезертиров, то ли от отчаяния, то ли просто из жестокости, сразу же наставил на него мушкет и выстрелил. Пуля не попала в Клайва, но смертельно ранила обоих сержантов; после чего французские солдаты, опасаясь, что их явное попустительство такому акту может лишить их права на пощаду, немедленно сложили оружие. Когда все европейцы из отряда противника были теперь в безопасности, конница магратты была отправлена в погоню за отступающими сипаями, которых они настигли прежде, чем те достигли Кольруна, и зарубили до одного человека. Таким образом, во второй раз удивительное присутствие духа Клайва не только спасло его самого и его войска от смертельной опасности, но и обернуло замыслы его врагов ужасным возмездием на их собственную голову.

26 апреля 7 мая.

28 апреля 9 мая.

2 июня 13 .

После этого отражения войска быстро сомкнулись вокруг французов в Серингеме. 7 мая Лоуренс захватил форт Койлади вместе со всеми находящимися в нем припасами и отрезал Лоу от сообщения с востоком; и после этого мало что оставалось сделать, кроме как избавиться от Д'Отейля, который все еще оставался в Уттатуре, ожидая возможности соединиться с Лоу. 9 мая Лоуренс выделил капитана Далтона с пятью сотнями европейцев и сипаев и таким же количеством конницы маграттов, чтобы вытеснить его; задача, которую Далтон выполнил, продемонстрировав свои силы так, что Д'Отей, решив, что на него напала вся армия Клайва, отступил после слабого сопротивления в Волконду. В течение следующих нескольких дней Клайв захватил важный пост, который перерезал связь Лоу с севером, и командовал лагерем Серингем. После этого большая часть армии Чунда Сахиба дезертировала, некоторые мужчины даже перешли на службу к Клайву. Вскоре после этого британцы пересекли Кавери и закрепились на самом острове Серингем, тесня французов все ближе и ближе. Тогда д'Отейль, встревоженный отчаянным состоянием своего товарища, набрался храбрости и снова двинулся на юг от Волконды. Клайв был немедленно отправлен с войском в Уттатур, чтобы встретить его; но сердце д'Отейля снова дрогнуло, когда он оказался в семи милях от этой позиции, и он поспешно отступил к Волконде. Однако ему не суждено было так легко сбежать. Клайв немедленно выдвинул вперед махраттов, чтобы те преследовали его на марше; его сипаи, ветераны Арко, быстрее всех двинулись вслед за махраттами и сами открыли атаку; и последними к месту боя прибыли британцы, которые не могли поспевать за сипаями, когда Д'Отей, видя, что сопротивление безнадежно, сдался. Его отряд состоял всего из сотни европейцев и менее восьмисот сипаев и туземцев, из которых последние были немедленно разоружены и отпущены. Так исчезла последняя надежда Лоу на спасение. Чунда Сахиб тщетно убеждал его совершить вылазку против разделенных сил британцев и отрезать себе путь к Карикалу. Лоу не двигался с места. 13 июня он сдался, и восемьсот французских солдат и две тысячи сипаев стали военнопленными, в то время как сорок одно артиллерийское орудие перешло в руки победителей. Несколько дней спустя Чунда Сахиб, который сам выдвинул условия капитуляции, был предательски убит по приказу танджоринского генерала, и его голова была отправлена его успешному сопернику Мохаммеду Али. Таким образом, на данный момент закончилась долгая агония борьбы за Трихинополию. Судя по всему, Дюпле наконец был действительно разбит; но его ресурсы еще не были исчерпаны, и последнее сражение еще не состоялось перед городом на Кавери.

ГЛАВА III

1752.

7 Июня 18 .

Как только была одержана победа при Трихинополи, Набоб Мохаммед Али и его союзники майсурцы и махратты разошлись во мнениях по поводу раздела добычи. Это осложнение, возникшее в значительной степени из-за интриг Дюпле, полностью отвечало его целям, поскольку британцы, которые продвинулись на север до Уттатура, чтобы продолжить кампанию в Карнатике, оказались вынуждены вернуться в Трихинополи. Наконец, двести англичан и две тысячи сипаев под командованием капитана Далтона были оставлены в городе для поддержания мира; махратты и майсурцы все еще сохраняли свои прежние позиции к западу от города и заняли, с разрешения Мохаммеда Али, пагоду, которая представляла собой самый сильный пост на острове Серингем. Затем остальная часть британской армии возобновила свой марш на север, но все надежды на будущие операции были разбиты этим неблагоприятным уменьшением ее численности. Продвигаясь через Волконду и Вердачелум, Лоуренс 17 июля занял Тривади, который удерживался небольшим отрядом французских сипаев, и там оставил армию, чтобы вернуться в форт Сент-Дэвид на больничный. Клайв уже отправился туда по той же причине, и британские силы остались под командованием майора Гингена, офицера, признанного недееспособным.

Между тем деятельность Дюпле никогда не прекращалась. Пока местные конфедераты ссорились из-за успеха при Трихинополи, из Франции прибыло ежегодное подкрепление войск, и их численность, путем захвата матросов с кораблей, он увеличил до пяти сотен европейских солдат. Сделав это, он ждал только возможности восстановить репутацию французского оружия. Такая возможность вскоре представилась. Уступая причудливым представлениям Мохаммеда Али, но вопреки желаниям Лоуренса, губернатор Сондерс приказал Джингену направить часть своих сил против крепости Джинджи. Джинген, соответственно, выделил для выполнения этой задачи двести европейцев, полторы тысячи сипаев и шестьсот местных кавалеристов, командование которыми было поручено майору Киннеру, офицеру, лишь недавно прибывшему из Европы и совершенно не имевшему опыта работы в Индии. Трудно предугадать, какова могла быть цель такого предприятия. Джинджи, это правда, была превыше всех крепостей в Индии, связанных со славой Франции, и поэтому ее взятие нанесло бы удар по военной репутации Франции; но Джинджи, удерживаемый обученными войсками под командованием европейского командующего, не должен был быть взят снова, как это сделал Бюсси, когда его защищали только недисциплинированные туземцы. Приблизившись к крепости, Киннер понял, что его задача безнадежна, и, все еще колеблясь относительно своих действий, обнаружил, что Дюпле двинул французские войска под командованием его племянника, м. Кержана, в свой тыл, чтобы перерезать его коммуникации с Тривади. Неустрашимый Киннер развернулся и атаковал Кержин, но был отброшен с большими потерями; и местные принцы, обнаружив, что их вера в непобедимость британцев таким образом обманута, снова начали переходить на сторону французов. Весьма кстати и для него самого Дюпле получил в это время подтверждение из Дели своего назначения набобом страны к югу от Кистны. Со свойственной ему сообразительностью он выбрал Раджу Сахиба, сына Чунда Сахиба, на пост подчиненного себе, тем самым вновь утвердив себя в качестве Дюпле, создателя королей. Укрепленный этим обретением достоинства, он возобновил свои интриги с майсурцами и махраттами, которые обязались перейти на сторону французов, если Дюпле найдет средства отвлечь основную британскую армию от Трихинополи и предоставить им свободу делать с городом все, что они пожелают. Соответственно, Дюпле в качестве первого шага усилил Кержана численностью в две тысячи обученных людей, четверть из которых

европейцы, и пятьсот местных всадников, и послал его блокировать форт Сент-Дэвид и перерезать его коммуникации с Трихинополем.

17 августа 28 .

26 августа 6 сентября

Лоуренс, узнав об этом движении, немедленно отправился из форта Сент-Дэвид в Мадрас и выступил оттуда с силами, почти равными силам Кержана, чтобы атаковать его. Кержан, однако, отступал, Лоуренс следовал за ним по пятам, пока не оказался в лиге от Пондишери и на французской земле, где инструкции Лоуренса запрещали ему предпринимать агрессивные действия. Вслед за этим Лоуренс, словно опасаясь очередного сражения, поспешно отступил в Бахур, в двух милях от форта Сент-Дэвид, в надежде, что Кержин будет преследовать его. Кержан и его командир Дюпле вместе с ним оба попали в ловушку, и французские войска, двинувшиеся в погоню за британцами, разбили лагерь в двух милях от Бахура. В три часа следующего утра британские войска двинулись в атаку на него: сипаи численностью в тысячу семьсот человек в первой линии, англичане численностью в четыреста человек во второй, в то время как четыреста туземных всадников продвигались параллельно им по дальней стороне высокого берега, который тянулся справа от позиции Лоуренса к французскому лагерю. Незадолго до рассвета британские сипаи атаковали французские аванпосты и вели с ними перестрелку до рассвета, когда был обнаружен батальон французских солдат, численностью на пятьдесят человек превосходящий батальон британцев, расположившийся между берегом и большим прудом. Британцы остановились, чтобы расширить свой фронт до уровня французского, французская батарея из восьми орудий энергично атаковала их, пока они выполняли маневр, а затем продвигались вперед, ведя огонь взвод за взводом. Они подходили все ближе и ближе, продолжая стрелять; но французы не отступали ни на мгновение, пока, редчайший из редких случаев, штыки не скрестились и два батальона не вступили друг с другом в яростную рукопашную. В конце концов, однако, рота британских гренадер, отборных войск в Индии, прорвалась сквозь французский центр, после чего все французы отступили, бросили оружие и обратились в бегство. Если бы туземная кавалерия затем бросилась в атаку, как им было приказано, они бы полностью уничтожили войска Кержана, но, согласно своему обычаю, они предпочли разграбить французский лагерь. Потери французов убитыми и ранеными неизвестны, но сам Кержан с пятнадцатью другими офицерами и сотней человек были взяты в плен. Британский батальон потерял четырех офицеров и семьдесят восемь человек убитыми и ранеными, что является достаточным доказательством упорства боя.

Какой бы знаковой ни была эта победа, Лоуренс не считал благоразумным предпринимать дальнейшие операции, пока не сможет убедиться, присоединятся ли, наконец, маратты, которые всегда колебались после конфликта после изгнания французов из Тричинополи, к британцам или к их врагам. Поэтому он переехал в Тривади, намереваясь сократить территорию к северу от Пондишери и реки Палиар. Тем временем набоб Мохаммед Али потребовал, чтобы форты Чинглапет и Ковелонг, занимавшие значительную территорию к северу от Палиара, были захвачены. Единственными войсками, которые могли быть доставлены из Мадраса для этой цели, были двести английских рекрутов, зачистивших улицы Лондона, и пятьсот новобранцев-сипаев, таких же необученных, как англичане. Это был бесперспективный материал, но Клайв вызвался взять на себя командование, и Клайву была доверена эта задача. Соответственно, 10 сентября отряд выступил из Мадраса, взяв с собой четыре осадных орудия; его первым пунктом назначения был Ковелонг, обнесенный стеной форт на побережье, который

удерживали пятьдесят европейцев и триста сипаев. Прибыв к нему, Клайв послал передовой отряд в сад недалеко от форта, где он был атакован французами. К несчастью, офицер, командовавший британцами, был убит, после чего солдаты сразу же бросились наутек. По счастливой случайности, они столкнулись с Клайвом и основными силами в своем бегстве, и с помощью ударов и проклятий их с некоторым трудом собрали и привели обратно в сад, который был эвакуирован французами при их приближении. На следующий день Клайв приступил к возведению батареи, но только с величайшим трудом и постоянно подвергая себя вражескому огню, он смог заставить своих людей встать. На третий день осады до Клайва дошли сведения, что французские войска, немногим уступающие по численности его собственным, продвигаются из Чинглапета на выручку Ковелонгу. Со своей обычной дерзостью он немедленно повел половину своих жалких войск навстречу ему; но страха перед его именем было достаточно, чтобы внушить французскому командующему благоговейный страх и заставить его поспешно отступить. Вслед за этим гарнизон Ковелонга сдался, и Клайв, вступив во владение фортом, обнаружил в нем пятьдесят пушек, которые были вывезены из Мадраса Ла Бурдонне.

31 октября 11 ноября.

На рассвете следующего утра энсин Джозеф Смит обнаружил значительные силы, продвигающиеся к Ковелонгу, и, придя к выводу, что это, должно быть, французы, снова наступающие из Чинглапета, разместил те войска, которые были с ним, в засаде и поспешил сообщить об этом Клайву. Догадка оказалась верной. Французы двинулись прямо в засаду, где войска, которыми Клайв командовал менее недели назад как бездуховным, недисциплинированным сбродом, открыли такой смертоносный огонь, что в течение нескольких минут они сразили сотню человек. Атака была настолько неожиданной, что половина французских войск в страхе приросла к земле. Командующий офицер с еще десятком европейцев, двумястами пятьюдесятью сипаями и двумя пушками были взяты в плен, а остальные, побросав оружие, в ужасе бросились прочь, в Чинглапет. Клайв решил последовать за ними, пока паника еще не утихла. Форт Чинглапет, хотя и был построен местными жителями, был спроектирован с большим, чем обычно, мастерством; на нем было установлено пятнадцать орудий, и его удерживали сорок европейцев и пятьсот сипаев. Клайв поспешил преодолеть тридцать миль, отделявших его от Ковелонга, и после четырехдневной канонады ему действительно удалось пробить брешь, хотя и не такую, чтобы хоть в малейшей степени угрожать безопасности форта. Но ужас перед его именем снова возник, и гарнизон сдал крепость при условии, что он выйдет оттуда с боевыми почестями, условия, которые Клайв был очень рад выполнить. Таким образом, страна к северу от Палиара, от устья реки до Арко, была подчинена союзникам британии, и все это благодаря горстке людей, которые, начав как необузданные и злодейские рекруты, вернулись, под волшебным руководством Клайва, героями. Этот пример его могущества тем более примечателен, что на протяжении всей экспедиции у него было плохое здоровье, что действительно вынудило его отплыть в Англию, как только он завершил работу. Его отъезд из Индии был для Дюпле более ценным, чем победа.

1753.

3 января.

Между тем, несмотря на эти успехи и блестящие действия Лоуренса при Бауре, влияние Франции в целом явно возрастало. В течение шести недель после Бахура, благодаря

неутомимым интригам Дюпле, как майсурцы, так и махратты отделились от англичан и открыто присоединились к делу Франции. Далтон с самого начала был обеспокоен заговорами и другими коварными замыслами майсурцев в Серингеме, что вынудило его принимать меры предосторожности в Тричинополисе столь тщательно, как если бы он находился в присутствии врага. Дюпле, видя, что дела идут так, как он желает, пообещал прислать несколько европейцев на помощь майсурцам в Серингеме; и майсурцы, ободренные таким образом, продвинулись еще на шаг вперед и подговорили махраттов перекрыть поставки продовольствия из города. Теперь властям Мадраса больше не было смысла притворяться, что они относятся к майсурцам иначе, чем как к врагам. Соответственно, в начале января 1753 года Далтон предпринял попытку внезапного нападения на их лагерь в Серингеме, которая, хотя и была поначалу успешной, в конечном итоге была отбита с серьезными потерями семидесяти европейцев и трехсот лучших сипаев. Таким образом, борьба за Трихинополию, любимую цель амбиций Дюпле, была возобновлена, и возобновлена из-за поражения британцев. Далтон, не растерявшийся, хотя и полностью осознавший значение своей неудачи, теперь обратил все свое внимание на оборону города.

Марш.

Его положение действительно было самым критическим. Еще до своей вылазки он обнаружил, что у него осталось припасов всего на три недели, и убедил Лоуренса выступить к нему на помощь; и теперь не только его коммуникации с севером были перерезаны враждебной оккупацией Серингема, но и восьмитысячный отряд окопался в местечке под названием Факирс Топ, в четырех милях к юго-западу от города, чтобы перехватить все припасы с юга. Тем временем, чтобы отвлечь британцев от Трихинополи, Дюпле умело вовлек Лоуренса в кампанию мелких беспокоящих операций на реке Пеннар; в то время как маратты прочесывали каждую часть Карнатика от Палиара до Кольруна, нанося ущерб даже укреплениям форта Сент-Дэвид. Лоуренс тщетно пытался заставить французов действовать. Они следовали тактике Сакса в Нидерландах, всегда присутствуя и, следовательно, всегда представляя опасность, но всегда защищаясь до зубов от нападения. Наконец, после неудачной попытки штурма их укреплений Лоуренс решил последовать курсу, к которому так часто призывал Лигонье во Фландрии, перенести войну в какое-нибудь другое место. До сих пор его операции проваливались, и репутация британцев, соответственно, стала еще бледнее, чем когда-либо, в глазах местных принцев. Он все еще колебался относительно выбора нового театра военных действий, когда получение писем Далтона из Трихинополи окончательно утвердило его в этом решении.

21 апреля 2 мая.

6 мая 17 .

Бросив гарнизон из ста пятидесяти британцев и пятисот сипаев в качестве гарнизона в Тривади, он прошел с остальными через Чиллумбрум, Кондур и Танджор к Тричинополи и беспрепятственно вошел в город 17 мая. Далтон не был не активен во время перерыва, и сделал все возможное, чтобы расчистить путь для его пришествия, пугая противника со своей позиции на Факира в топе. Тем не менее люди Лоуренса сильно пострадали на марше. Несколько человек умерли от воздействия жары, других отправили обратно в форт Сент-Дэвид, и не менее сотни были доставлены прямо в госпиталь в Тричинополи. Наконец, было много дезертирства, в частности из роты швейцарцев, присланных из Бенгалии. Таким образом, даже включая тех людей из гарнизона, которые могли быть освобождены от несения службы в городе, он мог

набрать для службы в поле не более пятисот европейцев, двух тысяч сипаев и трех тысяч туземной конницы. Чтобы усугубить свои трудности, Дюпле, услышав о его походе, со своей обычной быстротой отправил месье Астрюка с двумя сотнями европейцев, пятьюстами сипаями и четырьмя орудиями присоединиться к махраттам и майсурцам в Серингеме, и эти силы прибыли к месту назначения всего на день позже, чем сам Лоуренс. Тем не менее, предоставив своим войскам трехдневный отдых, Лоуренс с присущей ему энергией перехватил инициативу, переправился через реку в Серингем только со своей пехотой и предпринял дерзкую попытку изгнать врага с острова. Успех был почти у него в руках, и французы действительно собирались отступить, когда по прискорбному стечению обстоятельств британские войска были отозваны как раз в критический момент, и противник, придя в себя, вынудил его отступить. Его потери были незначительными, но он увидел достаточно, чтобы убедить себя, что в настоящее время он должен ограничиться обороной.

Тем временем дела у британцев дальше на север шли неважно. Французы атаковали Тривади и, хотя дважды были отбиты, им удалось, благодаря мятежу среди гарнизона, захватить его. Британский отряд также был вынужден эвакуироваться из Чилламбрума из-за предательства местного губернатора. Таким образом, контроль над этими округами был утрачен, и сообщение между Тричинополем и фортом Сент-Дэвид было затруднено, в то время как шайки бандитов, выдавая себя за комиссионеров из Дюпле, взимали контрибуции и распространяли беззаконие по стране. Наконец, Мортиз Али, вызванный из небытия Дюпле, чтобы заменить Раджу Сахиба на посту набоба Карнатика, начал военные действия в окрестностях Арко и даже уничтожил небольшой британский отряд. От дальнейших операций в этом квартале его удержал только Дюпле, который, всегда следя за Трихинополем, убедил его направить в Серингем три тысячи своих махраттов и добавить к ним триста европейцев и тысячу сипаев. Общая численность войск на острове после прибытия этого подкрепления составляла четыреста пятьдесят европейцев, полторы тысячи хорошо обученных и более тысячи плохо обученных сипаев, восемь тысяч майсурцев и более трех тысяч махраттской конницы, а также пятнадцать тысяч туземной пехоты. После многих неудач казалось, что Дюпле наконец-то заполучил вождеденную Трихинополию в свои руки.

Как только эти войска присоединились к ним, французы оставили Серингем и, переправившись на южный берег Кавери, расположились лагерем на равнине в трех милях к северу от Факирс-Топ. В миле к югу от позиции Лоуренса на равнине возвышаются горы, известные как Пять Скал, на которых он всегда держал охрану, чтобы обеспечить доставку своих припасов с юга. К несчастью, Лоуренс был вынужден из-за болезни уйти из лагеря в город, и во время его отсутствия эта охрана была отозвана. Вслед за этим французы сразу же захватили Пять Скал и расположились там лагерем со всеми своими силами, таким образом отрезав Лоуренса не только от его припасов, но и от семисот его сипаев, которые направлялись к нему с юга с конвоем. Положение британского командующего теперь было почти отчаянным. Его войска пали духом перед превосходящей численностью, и дезертирство стало частым; Дюпле, казалось, был как никогда близок к взятию Трихинополи.

26 Июня 7 июля.

У Лоуренса теперь был только один пост для связи с югом - скалистое возвышение, известное как Золотая скала, примерно в полумиле к юго-западу от его лагеря, который он занял с двумя сотнями сипаев. 7 июля Астрюк выступил из французского лагеря со своими гренадерами и

большим отрядом сипаев, чтобы атаковать его, зная, что, если ему удастся захватить его, его артиллерия вынудит Лоуренса укрыться под стенами Трихинополи, где его капитуляция или отступление были бы лишь вопросом нескольких дней. Сипаи на Золотой Скале оказали упорное сопротивление, и вскоре Аструк приказал всей своей армии поддержать атаку. Лоуренс, заметив это, выделил сотню европейцев для охраны лагеря и двинулся маршем с остальными своими силами, всего тремя сотнями европейских пехотинцев, восьмьюдесятью британскими артиллеристами и пятью сотнями сипаев, чтобы занять позицию перед французской армией; но прежде чем он смог добраться до нее, Аструк отчаянным усилием овладел Золотой Скалой и убил или взял в плен всех сипаев из охраны. Лоуренс увидел, как на вершине развевается белый флаг Франции, и остановился. Перед самой скалой стояли французские сипаи с гренадерами в поддержке; по обоим флангам от них французская артиллерия вела огонь по его собственным войскам, в тылу у скалы находился батальон Френча, а вся майсурская армия находилась на расстоянии пушечного выстрела позади него, в то время как конница махратты рыскала по равнине небольшими отрядами, постоянно угрожая флангам и тылу Лоуренса. Храбрость британцев оказалась на высоте. После утомительной, разочаровывающей работы с французскими укреплениями на Пеннаре они не желали ничего лучшего, как схватиться со своим старым врагом в открытом поле. Лоуренс с радостью увидел дух, который был в них. Несколько его слов лишь усилили это чувство; а затем он отдал приказ своим гренадерам примкнуть штыки и штурмовать Золотую Скалу, в то время как он сам с остальными войсками должен вступить в бой со всей армией противника. Солдаты ответили троекратным "ура": штыки, сверкая, выскочили из ножен, и был дан приказ наступать.

Гренадеры двинулись вперед, с большой скоростью, но в идеальном порядке, с лучшими сипаями за ними, вперед к подножию Скалы, не обращая внимания на бьющий сверху огонь, вперед к восхождению на нее, вперед, не останавливаясь и не делая ни единого выстрела на вершину; в то время как враг, не осмеливаясь дожидаться шока от их натиска, в ужасе стремглав бросился вниз на равнину. Тем временем Лоуренс со своими людьми в прекрасном порядке двигался колонной вокруг западной стороны Скалы, намереваясь напасть на левый фланг французского батальона. Вслед за этим Аструк повернул фронт влево, чтобы встретить его, прижавшись правым флангом к Скале; но едва движение было завершено, как британская колонна с восхитительной точностью развернулась в линию слева от себя и остановилась прямо перед ним, не более чем в двадцати ярдах. Аструк приказал своим людям придержать огонь до тех пор, пока остальные его войска не развернутся и не окружают горстку пехоты Лоуренса; когда, к его изумлению, поскольку он не видел продвижения британских гренадер, шквальный огонь со Скалы полностью ударил по его правому флангу и отбросил его назад. Французская линия дрогнула. Люди Лоуренса нанесли один сокрушительный залп, и прежде чем ряды французов смогли сомкнуться, сквозь дым блеснули британские штыки, и батальон Аструка был разбит в безнадёжном замешательстве. Несколько картечин из британского полевого орудия довершили беспорядок, и вся французская пехота бежала в поисках убежища в тыл майсурцев, оставив свои ружья в руках победителей. Кавалерия махратты бросилась вперед, чтобы прикрыть их отступление, и зарубила нескольких британских гренадеров, которые побежали вперед, чтобы захватить захваченные орудия; но они тщетно пытались пронзить флангу штыков вокруг основных сил и были отброшены с большими потерями. Лоуренс остановился у подножия Скалы на три часа, стремясь лишь возобновить бой, а затем приготовился отступить в свой лагерь, предоставив французам снова занять Золотую Скалу, если они осмелятся.

Затем последовала решающая операция по отступлению через равнину среди скопищ вражеской конницы. Три захваченных орудия были размещены в центре, пехота была сформирована по взводам на каждом фланге, британские полевые орудия распределены спереди, сзади и в интервалах колонны. Против этих двух параллельных линий из восьмисот решительных людей не мог справиться даже натиск десятитысячной кавалерии. Пехота остановилась по команде с оружием в руках так же хладнокровно, как на параде, и артиллеристы спокойно ждали с ружьями в руках, в то время как дикие всадники развернулись к ним, пока не был подан сигнал и ливень из картечи не уложил людей и лошадей десятками на равнине. Опустошение, произведенное британской артиллерией, и вид твердой и неподвижной пехоты, сдерживающей свой огонь, были непосильны для туземной кавалерии. Они сломались и разбежались во все стороны, а Лоуренс гордо вернулся в свой лагерь, выиграв бой столь искусный, столь доблестный и отважный, какой когда-либо выигрывали британские офицеры на залитых кровью равнинах Индии.

Победа не только обеспечила безопасное прибытие конвоя Лоуренса с юга, но и поссорила французов и их союзников: майсурцы и французы взаимно упрекали друг друга, а махратты беспристрастно обвиняли обоих. Астрюк сложил с себя командование, и его сменил М. Бреннье, который продолжил блокаду Трихинополи. Лоуренс, будучи слаб численностью, решил не рисковать еще одним общим сражением, а двинулся со своей армией в Танджор с двойной целью - встретить подкрепление, которое направлялось из Мадраса, и убедить колеблющегося короля перейти на его сторону и снабдить его какой-нибудь местной лошадей. Он добился успеха в обоих делах и после месячного отсутствия повернул обратно к Трихинополи, получив три тысячи всадников и две тысячи пехотинцев из Танджора, а также сто семьдесят европейцев и триста сипаев из форта Сент-Дэвид.

9 20 августа .

Вступив на равнину с большим конвоем, Лоуренс был предупрежден сигналами из Трихинополи, что французы ожидают его. Их кавалерия была выстроена между Золотой Скалой и другим возвышением, называемым Скалой Сахарная голова, примерно в миле к востоку от нее. Сама Золотая Скала была занята отрядом, но основные силы пехоты противника и вся их артиллерия были сосредоточены у скалы Сахарная голова, где Лоуренс, наступавший с юго-востока, впервые оказался в пределах их досягаемости. Лоуренс, узнав об их расположении, решил продолжать свой курс прямо на запад, держа свой конвой широко на левом или незащищенном фланге, и таким образом обогнуть Золотую Скалу и двинуться на север, к городу. Однако было крайне важно, чтобы он захватил Золотую Скалу любой ценой, поскольку эта позиция контролировала все пространство между ней и Трихинополем. Чтобы скрыть свое намерение, он остановил армию в миле к юго-востоку от Сахарной головы и приказал конвою двигаться дальше в одиночку, в то же время выделив своих гренадер и восемьсот сипаев с приказом отступать на запад под прикрытием конвоя и в нужный момент как можно быстрее двинуться на штурм Золотой скалы.

Бреннье, не обращавший внимания ни на что, кроме угрожающего поведения Лоуренса перед Скалой Сахарная голова, поспешно отозвал большую часть отряда с Золотой Скалы на свою основную позицию. Затем, слишком поздно заметив продвижение британских гренадер, он послал тысячу туземных всадников галопом, чтобы остановить их, и послал триста пехотинцев на подкрепление отряду, расположившемуся на Скале. Но кавалерия не осмелилась атаковать

гренадеров, которые, ни на мгновение не замедляя шага, взобрались на скалу, изгнали врага и водрузили на вершине свой флаг. Французское подкрепление пало духом при виде этого и остановилось, и Бреннье, который наступал с основной армией, тоже остановился, давая время Лоуренсу подвести все свои силы к Золотой Скале. Затем Бреннье открыл разрушительный артиллерийский огонь по британцам, но по какой-то причине оставил подкрепление, которое не смогло добраться до Золотой скалы, все еще стоявшей одиноко и без поддержки. Поэтому Лоуренс выделил гренадеров и еще пятьсот европейцев и сипаев, чтобы отрезать этот изолированный отряд до того, как основные силы Бреннье смогут добраться до него, отдав приказ разбить его штыком. Эти войска сильно пострадали от огня французских пушек во время своего наступления, и командовавший ими офицер не решался атаковать; после чего сам Лоуренс поскакал им в голову, и французы, не желая дожидаться удара, развернулись и обратились в бегство. Далтон, наблюдавший за боем из Тричинополя, теперь зашел им в тыл с парой полевых орудий и довершил их разгром. Затем Бреннье слишком поздно привел в движение основные силы; но они, видя поражение своих товарищей, в замешательстве побежали к Пяти скалам, а британские орудия с Золотой Скалы всю дорогу били по ним. Это небольшое сражение стоило французам около ста человек, а англичанам около сорока убитыми и ранеными; но его моральный эффект был велик, поскольку оно показало, что Бреннье беспомощен, как ребенок, перед таким командиром, как Лоуренс.

Август. 24 Сентября. 4.

Август. 26 сентября. 6.

После сражения французы отступили к Вейконде, сильно укрепленному посту примерно в двух милях к западу от города, где они окопались; но оставили эту крепость в замешательстве при одной только угрозе нападения Лоуренса и отступили на южный берег Кавери. Еще несколько недель под командованием Бреннье, вероятно, довели бы французов до полной деморализации, что немало упростило бы задачу Лоуренса; но как раз в этот момент энергия Дюпле снова обернулась против британцев. Четыреста европейцев, две тысячи сипаев и несколько тысяч туземных войск прибыли на подкрепление французам, и, что еще более важно, Аструк прибыл вместе с ними, чтобы забрать командование из рук Бреннье. Таким образом, Лоуренсу снова пришлось перейти к обороне и вернуться на свою старую позицию у Факирс Топ. Французы также двинулись в обход к югу от него, заняв свою старую позицию между скалами Голден и Шугар-лоаф; и в таком положении оставались две армии, глядя друг на друга через две мили открытой равнины без единого выстрела. Наконец, 30 сентября Лоуренс двинулся к Френч-Рок, у юго-восточной окраины города, чтобы встретить подкрепление, которое направлялось к нему с востока, и успешно ввел его в город в тот же вечер. Подкрепление состояло из трехсот сипаев и двухсот тридцати семи европейцев, которые только что прибыли из Англии вместе с офицером, которому вскоре предстояло прославиться, капитаном Кайо. Каким бы незначительным он ни был и его было далеко не достаточно, чтобы уравнивать численное превосходство между британцами и противником, его прибытие немало подняло дух армии; и Лоуренс, испытывая нехватку припасов и топлива, решил привлечь врага к общим действиям и, при необходимости, атаковать их в их лагере.

Сентябрь. 20 Октября. 1.

Отправив свой багаж под покровом ночи в Тричинополь, он отозвал из гарнизона всех европейцев, которых только можно было пощадить, всего сотню человек, появился на рассвете

на своей старой позиции в Топе факира и предложил бой. Враг отказался встретиться с ним, и он решил атаковать их завтра. Французский лагерь был обращен фасадом на север, простираясь к востоку и западу от скалы Сахарная голова. Махратты расположились лагерем к востоку, а французы - почти к западу от Сахарной головы, в то время как за французами майсурцы растянули линию обороны на запад почти до Золотой Скалы. Задняя часть лагеря была покрыта джунглями и каменистой почвой; передняя часть французских кварталов была защищена окопом, как и у лагеря Магратта; но вдоль остальной линии полевые работы, хотя и обозначенные, были еще не закончены. Саму Золотую Скалу удерживали сто европейцев, шестьсот сипаев и две роты местной пехоты с двумя орудиями. Общая численность французских войск, по-видимому, составляла около шестисот европейцев, три тысячи сипаев и от двадцати до тридцати тысяч махраттов и майсурцев, как конных, так и пеших. Против них Лоуренс мог выставить равное количество европейцев, две тысячи сипаев и три тысячи танджорской конницы. Следовательно, битва, если она выиграна, должна быть выиграна Генералом.

21 сентября, 2 октября.

Луна ярко светила над равниной, когда армия Лоуренса построилась перед лагерем и в глубоком молчании двинулась к Золотой скале. Британский батальон численностью в пятьсот человек возглавлял авангард в колонне из трех дивизий, гренадеры шли впереди; в то время как шесть полевых орудий и сотня британских артиллеристов были распределены поровну на флангах каждой дивизии. В арьергарде британцев в две шеренги следовали сипаи, а эшелонированным слева позади сипаев ехал танджоринский конь. Войска не успели далеко продвинуться в походе, как тяжелая туча закрыла луну и окутала равнину темнотой. Колонны все так же молча продвигались сквозь мрак, и гренадеры подходили все ближе и ближе к знакомой Скале, которую они так часто штурмовали; но от врага не поступало никаких признаков, пока, наконец, когда они оказались на расстоянии пистолетного выстрела, вызов и вспышка не возвестили им, что они обнаружены. Сделав один залп, они ворвались на Скалу сразу с трех сторон, в то время как французы, едва успев схватиться за оружие, разряжали свои мушкеты слабым, беспорядочным огнем и поспешно бежали вниз, на равнину. Они так спешили, что оставили незаряженными два своих полевых орудия, хотя они были готовы и заряжены картечью. Оказавшись, таким образом, побежденным слева от французской позиции, Лоуренс приказал танджоринской кавалерии выдвинуться перед французскими окопами; затем, развернув свои три дивизии в линию слева, он выстроил сипаев эшеленом в тылу каждого фланга и приказал всем наступать через майсорский лагерь на левый фланг французского батальона. Солдаты встретили приказ громкими возгласами, и войска тронулись в путь, британские барабаны отбивали марш гренадеров, артиллеристы наступали с зажженными кострами по флангам дивизий, а сипаи вели дикую музыку на своих местных инструментах в тылу.

Майсурцы разбежались во все стороны под шум, а сипаи продолжали вести непрерывный огонь по толпам беглецов перед ними; но британцы, презиравшие такую низменную дичь, гордо маршировали дальше с найденным оружием и примкнутыми штыками. Но строй британцев вскоре был нарушен препятствиями, с которыми они столкнулись во время того мрачного марша через майсурский лагерь; и вскоре гренадеры, которые держали правый фланг строя,

отходили на свое старое место впереди, опередив вторую дивизию, в то время как вторая дивизия, в свою очередь, опередила третью. Сипаи, имевшие перед собой расчищенную территорию, также выступили вперед со своих мест в тылу, и артиллерия, не успевавшая за ними, была вынуждена трудиться изо всех сил. Затем широкие языки пламени вырвались из темноты впереди, и снаряды из французских орудий с жужжанием пролетели над головой далеко на западе, где дикие крики возвестили, что они пали среди несчастных майсурцев, их собственных союзников. Британцы продвигались вперед, и вскоре отблески портовых огней более ясно показали им, где находится их враг.

Тем временем Астрок, поняв по бегству беглецов, с какой стороны приближается атака, был занят сменой фронта слева от себя. Его французский батальон уже был развернут лицом на запад, и две дивизии, каждая по две тысячи сипаев, спешили на свои позиции, чтобы поддержать его с обоих флангов; но в темноте и неразберихе дивизия, предназначенная для его правого фланга, перепутала направление и заняла пост на скале Сахарная голова. И вот на востоке забрезжил рассвет, осветив белые мундиры французского батальона, выделявшиеся в боевом порядке, и алые мундиры британцев, выстроившихся не в линию, как им следовало бы быть, а разбитыми на эшелоны. Тыловые подразделения ускорили шаг, чтобы поравняться со своими товарищами впереди, но прежде чем построение успело завершиться, сипаи справа от них вступили в бой и смели противостоявших им сипаев с земли первым же залпом. Наконец, когда до противника оставалось не более двадцати ярдов, британский батальон построился в линию, в то время как Астрок, скача взад и вперед, снова и снова повторял приказ о том, что ни один французский мушкет не должен разряжаться, пока не выстрелят красномундирники. В последовавших залпах капитан Килпатрик, командовавший гренадерами справа, был смертельно ранен; но Кайо, мгновенно заняв его место, развернул гренадеров кругом и обрушился на левый фланг французов, который был оголен бегством их сипаев. Сокрушительный залп на этом фланге, за которым последовала штыковая атака, отбросил французских левых, теснившихся к центру, а второй смертоносный залп из британского центра и левого фланга довершил замешательство во всей линии. Астроку тщетно пытался сплотить своих людей; гренадеры, наступавшие штыками, не давали им передышки. Тем временем британские сипаи слева также продвинулись к скале Сахарная голова и рассеяли там французских сипаев, и вся французская армия рассеянна и в беспорядке бежала в сторону Серингема. Если бы танджоринская конница выполнила свой долг, враг бы давно оправился, но, как обычно, она была слишком занята добычей, чтобы думать о преследовании. Тем не менее потери французов были тяжелыми. Из их европейцев сотня была убита и ранена, и еще двести вместе с Астроком и десятью его офицерами были взяты в плен; в то время как все их палатки, багаж, боеприпасы и одиннадцать ружей остались в руках Лоуренса. Потери британцев составили не более сорока человек убитыми и ранеными, сам Лоуренс был слегка ранен в руку. Так закончилась его третья и самая важная победа перед Тричинополем.

Сентябрь. 22 Октября. 3.

Октябрь., конец.

В тот же вечер Лоуренс двинулся на запад, чтобы осадить укрепленный пост Вейконда, который был атакован на следующий день без приказа сипаев и осуществлен по приказу английского сержанта, принадлежащего к одной из их рот. Лоуренс вселил в них такой дух, что они подражали подвигам армии короля Гарри после Азенкура. Будучи уверенным в изобилии припасов после своей победы, Лоуренс теперь разместил свои войска в Койлади на время

сезона дождей, выделив четыреста сипаев и сто пятьдесят европейцев для усиления гарнизона Тричинополи. Примерно в то же время капитан Далтон вернулся в Европу, передав командование городом лейтенанту Харрисону.

Ноябрь, начало.

28 ноября, 9 декабря.

Французы в Серингеме были полностью запуганы, Дюпле, как обычно, прибегнул к интригам, чтобы вернуть утраченные позиции, и угрозами и обещаниями сумел отделить танджоринцев от британского союза. Следующим шагом было заручиться их активной помощью французам, и с этой целью он усилил войска в Серингеме подкреплением в триста европейцев и начал готовиться к удару, грандиозному и дерзкому по замыслу, который должен был нейтрализовать все успехи Лоуренса, а именно застать врасплох и взять штурмом Тричинополь ночью. Утром 9 декабря попытка была предпринята и была близка к успеху. Шестьсот французов взобрались на стены, застали врасплох сипаев, стоявших на страже, и закололи их штыками; и если бы они подчинились приказу не делать ни единого выстрела, то безошибочно взяли бы город. Но в приподнятом настроении от своего первого успеха они дали залп, который разбудил гарнизон. Лейтенант Харрисон, сохраняя полное присутствие духа, провел эффективную диспозицию, и атака была отбита с потерей французами сорока европейцев убитыми и почти четырехсот взятыми в плен.

1754.

Этот отказ стал смертельным ударом для Дюпле, поскольку, помимо потери столь большого количества европейцев, король Танджора решил отклонить его предложения и вернулся к своему первоначальному пристрастию к британцам. Поэтому в начале 1754 года Дюпле обратился к губернатору Сондерсу с предложениями о мире на Карнатике; ибо, несмотря на свои неудачи на юге, он получил, благодаря мастерству Бюсси, хорошую компенсацию в виде распространения французского влияния в северных провинциях Декана. Переговоры, однако, вскоре сорвались, и война возобновилась.

Между тем положение Лоуренса перед Тричинополем, несмотря на все его победы, по-прежнему было тревожным и критическим. Из-за большого количества французских пленных в городе он мог собрать для службы в полевых условиях всего шестьсот европейцев и тысячу восьмьсот сипаев; в то время как европейский батальон противника был таким же сильным, как его собственный, их сипаев было в три раза больше, а махратты и майсурцы все еще были с ними в неизменной силе. Более того, в феврале счастливый случай оживил упавший дух французов. Британский конвой, направлявшийся в Трихинополис, был атакован ими и их союзниками превосходящими силами и взят в плен, весь его эскорт был либо убит, либо ранен. Это было, безусловно, самое серьезное поражение, понесенное британцами за весь ход войны, поскольку среди погибших войск была вся рота гренадеров, которая оказала такую великолепную услугу при Трихинополисе. Это поражение значительно увеличило трудности Лоуренса с получением припасов. Он тщетно обращался за помощью к королю Танджора; и, потеряв треть своих европейцев и пятьсот сипаев, его положение стало крайне опасным.

12 мая 23 .

Последовало еще большее несчастье. Сам Лоуренс опасно заболел, и только после нескольких недель тревог, к тому времени армия едва могла удерживать свои позиции из-за нехватки припасов, у британцев наконец забрезжила надежда. Поскольку ожидался конвой с припасами, капитан Кайо был отправлен на юг в ночь на 23 мая со ста двадцатью европейцами, пятьюстами сипаями и двумя орудиями для сопровождения его в лагерь. Французы, заранее получив информацию об этом движении, отправили вдвое большее количество обученных войск и орудий вместе с четырьмя тысячами отборной майсурской конницы, чтобы занять позицию, которую Кайо наметил для себя, и затаиться там в ожидании его. К счастью, Кайо вовремя обнаружил их местонахождение и решил немедленно атаковать их, что он и сделал с успехом, изгнав их из танка, в котором они находились, и заняв его сам. Только на рассвете он осознал, с какими силами ему пришлось сражаться в темноте, и какая численность все еще представляла для него угрозу; но, к счастью, звуки стрельбы были слышны в Тричинополи, и капитан Полье, командовавший во время болезни Лоуренса, немедленно выступил со всеми, кого можно было выделить, на помощь Кайо. Одновременно с ним двинулся французский отряд, чтобы перехватить его; но Полье, опередив его, благополучно соединился с Кайо. Объединенные таким образом британские силы насчитывали всего триста шестьдесят европейцев и полторы тысячи сипаев при пяти орудиях: перед ними стояла задача пробиться обратно через равнину против семисот европейцев, пяти тысяч сипаев и десяти тысяч всадников, среди которых, к счастью, не было ни одного маратта. Образовав две стороны квадрата, небольшой отряд прошел маршем, не без потерь, но и без серьезных помех, милю по равнине до второго танка; и здесь враг сомкнулся вокруг него, сипаи и кавалерия с трех сторон, а французский батальон - с четвертой. Но когда французы двинулись в атаку, они были встречены картечным огнем, который за несколько минут уложил сотню из них на землю и так ошеломил остальных, что они дрогнули и остановились. "По-моему, никогда, - говорит Лоуренс, - два полевых блюда не подавались лучше, чем эти". Кайо, который снова получил командование из-за того, что Полье был выведен из строя двумя ранениями, воспользовался моментом, чтобы предпринять контратаку, и британцы дали такой смертоносный ружейный залп, что французы отступили и обратились в бегство. Их офицеры прилагали все усилия, чтобы сплотить их, но они не останавливались до тех пор, пока не оказывались за пределами досягаемости пушек, и даже тогда не возвращались в атаку. После этого для отступления Кайо не было никаких препятствий. Потери французов составили пятьсот убитых и раненых, из которых двести были европейцами; потери британцев немногим превысили двести, из которых европейцами были чуть более трети. Таким образом, столь необходимый конвой был благополучно доставлен в лагерь, и французы были немало обескуражены таким отпором.

Лоуренс, соответственно, воспользовался возможностью выступить в Танджор, чтобы сразу же утвердить колеблющегося короля в его верности и получить небольшое подкрепление, которое ожидало его в Девикоте. Вслед за этим французы, как обычно, двинулись в обход к южной стороне Трихинополи, чтобы перекрыть его снабжение. К счастью, теперь у гарнизона было провизии на три месяца, поскольку танджоринцы, хотя и быстро перешедшие на сторону британцев, не проявляли желания оказывать активную помощь; и только 17 августа Лоуренс снова вступил на равнину Трихинополи с тысячью шестью сотнями европейцев, тремя тысячами сипаев и пятью тысячами своих с трудом завоеванных союзников. В четвертый раз французы приготовились сразиться с ним, но не стали выходить за рамки артиллерийской дуэли, в которой они сильно пострадали от превосходства британского огня. Через несколько дней их снова заперли в Серингеме, а Лоуренс отправился в военный городок на сезон дождей.

11 октября.
1755 года.

В это время к побережью из Англии прибыла эскадра под командованием адмирала Уотсона, имея на борту Тридцать девятый пехотный полк, небольшой отряд Королевской артиллерии и новобранцев для войск Компании. Французы также получали подкрепления из Европы; но тем временем они потеряли жизнь и душу своего предприятия в Индии. В начале августа Дюпле был отозван во Францию, а три месяца спустя, в соответствии с приказами, полученными из Лондона и Парижа, губернатор Сондерс и М. Годехо, преемник Дюпле, согласились на приостановку вооружений, которая в январе следующего года была расширена до условного договора. Доход от территории, приобретенной Францией во время войны, оценивался более чем в восемьсот тысяч фунтов стерлингов; доходы англичан составляли менее десятой части этой суммы. Не могло быть никаких сомнений в том, какая сторона добилась большего преимущества благодаря энергии Бюсси и Дюпле.

Однако теперь Дюпле был отозван; он сам, самый неутомимый из интриганов, пал жертвой темных интриг и зависти в Версале. Здесь не место рассказывать о величии его честолюбия, обширности его замыслов, несравненной ловкости, с которой он обращался с местными принцами, проницательности, с которой он предвидел любую опасность, постоянстве, с которым он встречал любую неудачу, средствах, с помощью которых он устранял все неудачи, и неизменном упорстве, с которым он цеплялся за свою цель. За исключением Наполеона, Англия не знала такого опасного и бескомпромиссного врага, и нельзя сказать, что он был разбит даже в последний момент. И все же, прочитав историю долгой борьбы за Трихинополию, трудно поверить, что его не победили бы, даже если бы он остался в Индии. Его панегиристы не без основания жалуются, что ему мешала нехватка способных подчиненных. Было бы ближе к истине сказать, что его сдерживало необычайное количество способных британских офицеров, ни один из которых не имел высокого звания; клерки, такие как Клайв, майоры, такие как Лоуренс, капитаны, такие как Далтон, Килпатрик и Кайо, лейтенанты, такие как Харрисон, прапорщики, такие как Джозеф Смит. Это были люди, которые отнимали чашу успеха от его губ так же часто, как он поднимал ее, чтобы испытать, пока его собственные соотечественники наконец не выбили ее у него из рук. И в этом истинное значение наших ранних войн в Индии для изучающего британскую военную историю — огромное богатство способностей, которые были скрыты и, несомненно, все еще скрыты среди младших офицеров британской армии.

Авторитеты. — "Военные операции" Орма является основным авторитетом по истории войны с английской стороны, рядом с которым "Мемуары Стрингера Лоуренса" и "История Майсура" Уилкса являются наиболее ценными работами по разъяснению. Полковник Маллесон рассматривал этот вопрос с французской стороны в книге "Французы в Индии", к которой можно добавить две его короткие жизни Клайва и Дюпле, а также его решающие битвы в Индии. Работа Маллесона, однако, требует тщательной проверки, поскольку она содержит немало неточностей в деталях и выдает признаки спешки, если не небрежности. Он перечисляет французские источники информации.

КНИГА IX

ГЛАВА I

1506.

1535.

1608.

С Востока ход нашей истории ведет нас быстрым переходом на великий континент Запада. Претензии Англии на суверенитет над Северной Америкой восходят ко времени правления Генриха Седьмого, под покровительством которого Себастьян Кабот совершил свои великие открытия; но именно испанцы первыми приблизились к неизвестной земле и дали ей название Флорида, а француз Дени Онфлерский первым исследовал залив Святого Лаврентия. Точно так же именно француз Жак Картье дал название этой благородной реке, а название Маунт-Ройял или Монреаль - холму, на котором сейчас стоит город. Прошло целых шестьдесят лет, прежде чем была предпринята дальнейшая попытка основать европейские поселения на североамериканском континенте, а затем англичане и французы почти одновременно взялись за эту работу. В 1603 году де Монс получил разрешение французского короля колонизировать Акадию,[\[237\]](#) открыл и заложил гавань, названную им Порт-Рояль, а англичанами позже Аннаполис-Рояль, и исследовал побережье в южном направлении до Плимута, где Отцы-Пилигримы должны были высадиться в 1621 году. Попытка Де Монта провалилась, и Сэмюэлю Шамплону пришлось начать работу заново, основав Квебек и одновременно сделав Монреаль воротами для индийской торговли и оплотом против вторжения индейцев. Ему было поручено исследование реки Ришелье и озера, носящего его имя, вплоть до двух мысов, которые впоследствии прославились под названиями Тикондерога и Краун-Пойнт. Вслед за Шампленом последовали миссионеры-иезуиты, история которых представляет собой столь любопытную смесь высшего и низменного в человеческой природе. Наконец, Шамплону следует приписать не только окончательное поселение французов в Канаде, но и начало французской политики вмешательства во внутреннюю политику индейских племен.

1613.

Тем временем Английская компания искателей приключений из Виргинии основала первое поселение на реке Джеймс, всего через двадцать три года после неудачной попытки Роли совершить тот же подвиг. Соперничающие нации не успели заселить Северную Америку и за пять лет до того, как столкнулись. Англичане претендовали на весь континент в силу открытий Кэбота, и английский губернатор Вирджинии подкрепил свои претензии, отправив в Акадию корабль, который разрушил поселение иезуитов в Порт-Ройале и перевез пленных поселенцев в Джеймстаун.

1621.

Несколько лет спустя шотландский дворянин сэр Уильям Александер, впоследствии граф Стерлинг, получил в дар от Якова Первого территорию, которую в знак уважения к своей родной земле он окрестил Новой Шотландией, и основал там колонию. Наконец, в 1627 году, во время войны с Францией, компания лондонских купцов, вдохновляемая главным образом двумя братьями по имени Кирк, отправила экспедицию вверх по реке Святого Лаврентия, которая захватила Квебек, основала поселения на Кейп-Бретоне и, одним словом, совершила завоевание Канады. Однако, к несчастью, Карл Первый, тогда как всегда безденежный, позволил вернуть эти важные приобретения Франции по Мирному договору 1632 года за ничтожную сумму в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Торговцы-завоеватели протестовали, но тщетно, страстно умоляя во что бы то ни стало сохранить Квебек. "Если король сохранит его, - писали они, - нам все равно, что могут сделать французы или кто-либо другой, хотя у них сто кораблей и десять тысяч человек".^[238] Даже в семнадцатом веке так верно оценивалась стратегическая ценность этой знаменитой и романтической крепости.

1654.

1667.

Тем не менее, несмотря на это, Акадия^[239] еще не была потеряна окончательно, поскольку в 1654 году майор Седжвик, посланный Кромвелем атаковать голландские поселения на Гудзоне, воспользовался возможностью захватить французские порты Сент-Джонс, Порт-Ройял и Пенобскот, и снова вернул Акадию Англии. С Англией он оставался до 1667 года, когда был окончательно передан Франции по Бредскому мирному договору. Так было установлено французское доминионство на территории, которая сейчас называется Канадой.

1621.

Между тем, в тот же год, когда появилось первое британское поселение в Новой Шотландии, английские эмигранты высадились в Нью-Плимуте и основали Новую Англию, которой было суждено поглотить Новую Францию. Король Яков даровал зарождающемуся поселению устав об инкорпорации, поощрял его и в 1625 году провозгласил прокламацией, что территории Вирджинии и Новой Англии должны стать частью его империи.^[240] Следующим шагом стало основание отдельной колонии в Массачусетском заливе в 1628 году, которая два года спустя была преобразована в корпорацию и вскоре увеличилась до тысячи человек. В 1635 году эмигрантами из Массачусетса в Коннектикуте было основано еще одно поселение; и в том же году нетерпимость его соплеменников-поселенцев в Массачусетсе вынудила Роджера Уильямса уехать и основать колонию Род-Айленд. Наконец, в 1638 году очередной раскол привел к созданию Нью-Хейвена. Поселенцы покинули Англию, как они и просили, чтобы обрести свободу совести; но поскольку большинство понимало под этой фразой не более чем позволение принуждать совесть других, те немногие, кто действительно искал религиозной свободы, долго блуждали, прежде чем нашли ее.

1644.

Всего нескольких лет хватило, чтобы обеспечить преобладание Массачусетса в Северных колониях. Он расширил свои границы, поглотил разрозненные поселения Нью-Гэмпшира и

Мэна и в 1644 году занял свое место во главе четырех федеративных колоний Новой Англии.^[241] Отвлечение внимания, вызванное Гражданской войной в Великобритании, оставило колонии практически свободными от всякого контроля со стороны метрополии, и Массачусетс воспользовался возможностью установить теократию, которая полностью противоречила условиям ее устава, и принять, вместе с конфедерацией Новой Англии, вид и привилегии независимого государства. Амбициозная маленькая община чеканила собственные деньги, вела переговоры с французами в Акадии без оглядки на Англию, отказывалась торговать с другими колониями, лояльными делу короля, возмущалась назначением Долгим парламентом уполномоченных по управлению колониями и намекала Кромвелю, что сторона, которую она может занять в голландской войне 1653 года, будет полностью зависеть от обращения, которое она может получить от него. В качестве награды она получила привилегию освобождения от ограничений, предусмотренных Законами о судоходстве.

1660.

1684.

Затем наступила Реставрация, и конфедерация Новой Англии быстро распалась на куски. Коннектикут получил отдельный устав, в соответствии с которым он поглотил Нью-Хейвен; и Род-Айленд также получил отдельный устав. Оказавшись, таким образом, в изоляции от Массачусетса, Карл Второй решил расследовать многочисленные жалобы, поданные на нее в связи с нарушением ее устава. Колонисты ответили, приведя свое ополчение в порядок, как будто для вооруженного сопротивления; но, передумав, решили прибегнуть к мягким словам, лживым обещаниям, ложным заявлениям и искусному затягиванию событий. Такие методы на первый взгляд могут показаться неуместными в сообществе святых, каким себя считала Массачусетс, но, по крайней мере, они никогда не применялись без предварительного обращения к Божественному руководству. В течение двадцати лет колонистам удавалось удерживать королевскую власть на расстоянии вытянутой руки, пока, наконец, после долгого терпения со стороны Уайтхолла хартия не была аннулирована в судебном порядке, и Массачусетс был восстановлен в своей зависимости от метрополии.

В течение этих лет количество английских поселений в Северной Америке быстро увеличивалось. Мэриленд был пожалован лорду Балтимору в 1632 году; Каролина была посажена компанией в 1663 году; Делавэр с Нью-Джерси были переданы по патенту герцогу Йоркскому, впоследствии Джеймсу Второму, в 1664 году, а Пенсильвания Уильяму Пенну в 1680 году. Фактически, к концу правления Карла Второго британское побережье в Северной Америке простиралось от реки Сент-Круа^[242] на севере до реки Саванна на юге. Но из всех приобретений Англии в этот период самым важным было приобретение голландских поселений на Гудзоне, захваченных в 1664 году полковником Николлсом, который дал городу Нью-Амстердам его ныне знаменитое название Нью-Йорк.^[243] Одним из главных преимуществ Нью-Йорка было то, что он обладал прямым путем на запад из Олбани, на Гудзоне, вверх по реке Мохок к озеру Онейда и, следовательно, к озеру Онтарио, благодаря чему у него был доступ к крупной торговле мехом с индейцами. Но это соображение, каким бы важным оно ни было с коммерческой точки зрения, меркло перед стратегическим значением порта Нью-Йорк. Нельзя найти более простого способа объяснить это, чем процитировать убеждение, которого придерживались многие английские эмигранты до своего отплытия, что Новая Англия - это остров. В каком-то смысле это почти верно, поскольку страна окружена морем на севере, востоке и юге, а также реками Гудзон и Святого Лаврентия на западе. Шамплен уже поднялся по

реке Ришелье к озеру Шамплейн с намерением пройти через озеро Джордж, доставить свои каноэ к верховьям Гудзона и снова отправиться в путешествие вниз по реке к морю. Фактически он выбрал дорогу озер и рек, на которой должны были разыгаться главные сражения за обладание Новым Светом. Северной частью этого шоссе был Квебек, южной - Нью-Йорк. Франция владела одним, а Англия - другим. Сила, которая должна удерживать и то, и другое, удержит весь континент.

1670.

1673.

1678.

1680.

Давайте теперь на минуту обратимся к действиям французов в те же годы. В отличие от англичан, которые усердно занимались тем, чтобы сделать свое поселение самокупаемым за счет сельского хозяйства, они были сосредоточены скорее на торговле с индейцами мехами и исследовании обширной территории, лежащей к югу и западу от них. К этим целям можно добавить спасение душ индейских племен; ибо, вне всякого сомнения, именно рвение к обращению или, по крайней мере, к крещению этих дикарей привело иезуитов через бесконечные лишения и опасности в сердце континента. Еще в 1613 году Шамплен путешествовал вверх по Оттаве через озеро Ниписсинг и Френч-Ривер к озеру Гурон, возвращаясь через озеро Симко и озеро Онтарио. Миссионеры-иезуиты пошли по тому же пути в 1634 году и основали миссию на полуострове, выступающем из восточного берега озера Гурон. Оттуда они распространились к озерам Верхнее и Мичиган, построив дома миссий и завладев обширными участками земли и воды от имени короля Людовика Четырнадцатого. Вскоре после реставрации короля Карла Второго Жан Талон, интендант Канады, принял решение зайти в тыл английским поселениям и ограничить поселенцев узкой полосой морского побережья; его план состоял в том, чтобы обезопасить реки, образующие магистрали во внутренних районах страны, и следовать по ним, если окажется, что они текут туда, к Мексиканскому заливу, чтобы держать в узде как британцев, так и испанцев. Молодой авантюрист по имени Роберт Ласалль появился в нужный момент как подходящий инструмент в его руках. В 1670 году Ласалль прошел через пролив, до сих пор называемый Детройтским, который ведет от озера Гурон к озеру Эри, достиг ответвления Огайо и прошел некоторое расстояние вниз по этой реке. Три года спустя иезуит Джолиет, двинувшись на запад от западного берега озера Мичиган, спустился по Висконсину и последовал вдоль Миссисипи до впадения в Арканзас. В 1678 году экспедиция под руководством Ласалля исследовала проход от озера Онтарио к озеру Эри и обнаружила Ниагарский водопад, где Ласалль, сразу оценив стратегическое значение этой позиции, приступил к строительству форта. Наконец, в 1680 году Ласалль проник с территории нынешнего Чикаго на озеро Мичиган к северному ответвлению реки Иллинойс, доплыл до Миссисипи и после пяти месяцев путешествия вышел в Мексиканский залив. Он вступил в номинальное владение всей страной, через которую проезжал; и обширная территория между Аллегани и Скалистыми горами от Рио-Гранде и Мексиканского залива до верховьев Миссури была присоединена к французской короне под названием Луизиана.

Следующим шагом было закрепление преимуществ, которые должны были стать результатом открытий Lasalle. С этой целью уже был построен форт на Ниагаре, а следующим был возведен форт Фронтенак у северного выхода из озера Онтарио, чтобы отрезать англичан от торговли с

индейцами. В проливе Мичиллимакинак, между озерами Гурон и Мичиган, миссия иезуитов в достаточной степени позаботилась о той же цели. Кроме того, были основаны Форт Миамис на юго-восточном берегу озера Мичиган, чтобы перекрыть проход из озера в Верхний Иллинойс, форт Сент-Луис, недалеко от нынешнего места Ютики, для обеспечения торговли с племенами на равнинах Иллинойса, и еще один форт в Нижнем течении Миссисипи.

1682.

1687.

1688.

1689.

Такая монополия на индийскую торговлю была отнюдь не по вкусу ни британцам и голландцам, ни Пяти индейским народам, более известным под французским названием ирокезов, которых они взяли под свое особое покровительство. Тем не менее, в своем простом трудолюбии, своем рвении к религиозным спорам и нескончаемых распрях из-за своих границ английские колонии мало обращали внимания на то, что происходило на континенте позади них. Только один человек с самого начала увидел опасность, а именно полковник Томас Донган, офицер, который начал свою карьеру во французской армии, но оставил ее ради британцев и после некоторой службы в Танжере был направлен губернатором в Нью-Йорк. Однако поначалу Донган не получил поддержки ни со стороны правительства в Уайтхолле, ни со стороны соседних колоний. Его протесты были энергичными до невежливости, но у него было мало средств для их проведения. Одним ресурсом он действительно обладал, а именно дружбой ирокезов, которые были доминирующими племенами континента; ибо при всей их тонкой политике и страсти к вмешательству в дела коренных народов французам так и не удалось оттолкнуть ирокезов, которые прикрывали фланг Нью—Йорка и Новой Англии по направлению к Канаде, от их союза с британцами. Поэтому Донган усердно поддерживал хорошее взаимопонимание с этими индейцами до того момента, когда ему должно было быть позволено действовать. Тем временем французы пошли еще дальше в агрессии. Они разрушили фабрики Компании Гудзонова залива; они вероломно заманили в ловушку и взяли в плен несколько ирокезов в форте Фронтенак, грабили английских торговцев и ремонтировали и укрепляли форт, построенный Ласаллем на Ниагаре. Негодование Донгана достигло опасной высоты; и вот, наконец, пришел ответ из Англии на его предыдущие сообщения и приказ отразить дальнейшую агрессию против ирокезов силой. Собрав силы местного ополчения в Олбани, он сначала настоял на разрушении форта на Ниагаре; а затем ирокезы ворвались в Канаду и посеяли ужас у самых ворот Монреаля. Как раз в этот кризис Вильгельм Оранский сместил Якова Второго на английском троне, и между Англией и Францией разразилась война. После этого Новая Англия и Новая Франция вступили в конфликт, который должен был длиться с небольшими перерывами в течение следующих семидесяти лет.

Судя по простым цифрам, соперничество между соперничающими колониями должно было быть непродолжительным, поскольку население Новой Англии составляло более девяноста тысяч человек, тогда как население Канады не превышало двенадцати тысяч. Но это неравенство с лихвой компенсировалось другими преимуществами французов. Во-первых, они были компактными, сплоченными и находились под командованием одного человека, который был способным и опытным солдатом. Во втором случае значительная часть жителей прошла длительную военную подготовку, и французский король предложил щедрые пожертвования как деньгами, так и землями офицерам и солдатам, которые согласятся остаться в колонии.

Главным удовольствием мужского населения была не обработка земли; они скорее любили охотиться и ловить рыбу, а также вести свободную и увлекательную жизнь индейца в лесу. Таким образом, каждый мужчина был искусным лесничим, хорошим стрелком, умелым гребцом на каноэ и, одним словом, превосходно подготовленным к лесным боям. Наконец, существовал постоянный гарнизон регулярных войск, численность которого никогда не опускалась ниже, а очень часто и превышала полторы тысячи человек.

Английский поселенец, с другой стороны, мало что знал о лесах. Когда он не занимался земледелием, он был рыбаком в своем родном наследии, на море. В каждой колонии было свое ополчение, в которое по закону входило, как правило, все мужское население в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. В первые дни заселения Северной Америки колонисты прилагали все усилия, чтобы привезти с собой подготовленных офицеров, которые могли бы обучить их военному искусству. Таким офицером был Майлз Стэндиш, служивший в английских войсках на голландской службе; другим таким офицером был капитан Джон Андерхилл, воевавший в Ирландии, Испании и Нидерландах и считавшийся другом Мориса Нассауского. Под руководством таких лидеров в 1637 году семьдесят семь колонистов смело атаковали лагерь из четырехсот индейских воинов и практически уничтожили их; фактически, это самое прекрасное изложение принципов ведения дикой войны, какое только можно найти в нашей истории.^[244] В 1653 году Новая Англия, однажды уверенная в благосклонности Кромвеля, снова провела масштабные и дорогостоящие приготовления к нападению на голландцев; а Массачусетс предоставил Николлсу двести добровольцев для захвата Нью-Йорка в 1664 году.

1680.

1686.

Но с течением времени военная эффективность колоний снижалась, и в войне против индейского вождя Филиппа в 1671 году поселенцы терпели бедствие за бедствием. Офицеры не обладали ни мастерством, ни знаниями, а солдаты, хотя и не проявляли недостатка в храбрости и упорстве, были совершенно лишены дисциплины. Более того, они разделяли неудачу английского ополчения того же периода, заключавшуюся в том, что они не желали уходить далеко от своих собственных домов. Опять же, с тех пор как конфедерация Новой Англии была распущена, зависть и эгоизм нескольких провинций ослабили их военную эффективность. В великой опасности 1671 года Род-Айленд, полный квакеров, и пальцем не пошевелил, чтобы помочь своим соседям, а Коннектикут, раздраженный крайней провокацией, фактически вооружился несколько лет спустя, чтобы наказать сварливую маленькую общину.^[245] В нескольких провинциях снова не было большого единодушия, и фактически в случае войны с Францией все преимущества мастерства, единства и быстрых действий были на стороне французов. Джеймс Второй, осознавший опасность ситуации, изо всех сил пытался исправить положение во время своего короткого правления, объединив Новую Англию, Нью-Йорк и Нью-Джерси под властью одного губернатора, сэра Эдмунда Андроса, офицера гвардии. Эксперимент, с одной точки зрения, был достаточно государственным, но поскольку его нельзя было провести без упразднения представительных собраний различных штатов, он не соответствовал своей цели из-за своей крайней непопулярности.

Военная помощь, оказываемая американским колониям из дома на протяжении всего этого раннего периода, была бесконечно мала. Новая Англия никогда не обращалась к метрополии за

помощью, даже когда она в ней очень нуждалась. Независимая рота регулярных войск была сформирована для гарнизона Нью-Йорка, пока герцог Йоркский был владельцем, и еще одна рота также некоторое время содержалась в Вирджинии; но первыми войсками постоянной армии, посетившими Америку, был смешанный батальон Первой гвардии и Колдстрим-гвардии, который пересек Атлантику для подавления Виргинского восстания 1677 года. Когда Андрос вступил в должность своего правительства в 1686 году, он привел с собой вторую роту солдат из Англии. Это были первые красные мундиры, которых когда-либо видели в Бостоне, и им принадлежит заслуга в том, что они научили Новую Англию "бездельничать, пить, богохульствовать, проклинать" - урок, который, как я понимаю, не был забыт. Таким образом, хотя ополчение колоний под командованием Андроса могло насчитывать номинально десять или двенадцать тысяч человек, эти две роты были всем, что он мог выставить против тридцати двух или более рот регулярных войск в Монреале и Квебеке.

1689.

Начало войны в 1689 году вернуло правительству Канады боеспособного солдата, графа Фронтенака. Он хорошо знал страну, поскольку уже служил там губернатором с 1672 по 1682 год и в этом качестве поддерживал великие проекты Ласалля. По прибытии он сразу же начал подготовку к наступлению на Олбани со стороны озер Шамплейн и Джордж и к быстрому наступлению на Нью-Йорк. Проект, к счастью, закончился не более чем всеобщей резней жителей на северной границе Нью-Йорка; но когда эта провинция в тревоге обратилась к Новой Англии за помощью, выяснилось, что Массачусетс поднял революцию при известии о падении короля Якова, заключил Андроса в тюрьму и из-за явного упрямства отменил все свои военные действия для защиты Нью-Гэмпшира и Мэна. Соответственно, индейцы обрушились на беззащитные границы и произвели ужасное опустошение огнем и мечом.

1690.

1691.

В следующем году колонии Нью-Йорк и Новая Англия встретились в конгрессе и договорились нанести ответный удар по Канаде. Что еще более примечательно, Массачусетс впервые обратился к Англии за военной помощью в продвижении этого предприятия; хотя, как могут догадаться те, кто следил за моим рассказом о трудностях, с которыми столкнулся король Вильгельм, призыв был волей-неволей отклонен. Поэтому колонии решили действовать в одиночку и отправили полторы тысячи солдат обычным путем по внутренним водным путям против Монреаля и тридцать два корабля под командованием сэра Уильяма Фипса против Квебека. Сухопутная экспедиция вскоре потерпела неудачу из-за разногласий, недисциплинированности и болезней; и флот, хотя и легко завоевал Акадию, потерпел сокрушительную неудачу перед Квебеком. В следующем году небольшой отряд из Нью-Йорка совершил второй тщетный рейд в Канаду; но по большей части английские колонии довольствовались тем, что травили своих индийских союзников против французов. Французы, со своей стороны, ответили тем же и, когда обстоятельства предоставили им возможность, с еще большим варварством. Таким образом, сотни беззащитных поселенцев на границе были вырезаны без малейшего военного преимущества. Фронтенак неоднократно писал письма своему хозяину, убеждая его раз и навсегда установить владение континентом, послав флот для захвата Нью-Йорка; но либо у Льюиса были слишком заняты руки, либо он не смог оценить

мудрость совета Фронтенака, ибо в любом случае, к счастью, он покинул Нью-Йорк целым и невредимым.

1697.

Сфера боевых действий расширилась за счет Акадии и Ньюфаундленда, и война тянулась бессистемно, с рейдами и контратаками, в целом в пользу французов. До последнего английские колонии были слепы к важности поставленного на карту вопроса. Ревнивые, эгоцентричные и недисциплинированные, многие из них вообще не принимали участия в войне; только две страны, Новая Англия и Нью-Йорк, предприняли агрессивные действия, которые, хотя удар был мудро направлен против стержневого корня французского могущества, потерпели полный провал из-за отсутствия организации и дисциплины. Французы всегда наносили удары в стратегических точках, где их удар был бы нанесен с полной силой и весомостью. Колонисты в своей безумной ревности к короне пренебрегли обороной этих стратегических пунктов просто потому, что это было предписано метрополией, и отказались предоставить контингенты войск, запрошенные английским главнокомандующим.^[246] В общем, когда Рисвикский мирный договор положил конец войне, французы могли считать, что добились одного большого успеха; они сломили мощь самых грозных индейцев, ирокезов.

Массачусетс, сильно пострадавший от войны, по ее окончании оказался вынужденным еще раз обратиться за помощью к Англии. В обращении к королю она молилась о том, чтобы он приказал нескольким колониальным правительствам оказать помощь против французов и индейцев, о поставках боеприпасов, о защите флота и о помощи в освобождении Канады, "несчастливого источника", как они писали, "из которого исходят все наши несчастья". Таким образом, до сих пор война преподносила один полезный урок; но, действительно, даже во времена своей величайшей нелояльности английской короне Массачусетс всегда искренне ненавидел французов. Очевидно, что более тесный союз колоний в военных целях не мог не послужить общему благу, и были подготовлены различные планы, способствующие этому; но все они одинаково не увенчались успехом, хотя ничто не могло быть более определенным, чем то, что впереди были дальнейшие неприятности.

1702.

1707.

1709.

Возобновление войны в 1702 году привело к обычным набегам индейцев, подстрекаемых французами, на границы английских колоний. Эти варварские набеги, которые означали массовое убийство и пытки ни в чем не повинных поселенцев, не могли служить никакой военной цели, кроме как склонить индейцев к вражде с англичанами, и, естественно, вызвали самое яростное негодование. Однако колонии в очередной раз не проявили ни единства, ни рвения к общему делу. Нью-Йорк демонстрировал апатию, которая мало чем отличалась от преступной, Коннектикут долгое время держался в стороне, Род-Айленд только после бесконечных торгов неохотно предоставлял людей и деньги. Только Массачусетс, верный своим традициям, проявил некоторую энергию и дух и фактически предпринял атаку на Порт-Ройял в Акадии, выбрав эту точку, потому что до нее можно было добраться морем. Экспедиция, однако, провалилась с большей, чем обычно, дискредитацией из-за невежества и неумелости командиров и крайней недисциплинированности в войсках. Тогда колонии мудро решили, что бесполезно пытаться заглушить источник всех их несчастий, кроме как в самом начале.

Королеве Анне было отправлено обращение с просьбой о помощи в завоевании Новой Шотландии и Канады, которое было благосклонно принято; и впервые были согласованы операции по совместному нападению имперских и колониальных войск на французов в Северной Америке. Англия должна была предоставить флот и пять полков регулярной армии, Массачусетс и Род-Айленд должны были предоставить еще тысячу двести человек, и эти объединенные силы должны были атаковать Квебек; в то время как полторы тысячи человек из других колоний, за исключением Нью-Джерси и Пенсильвании, которые эгоистично держались особняком, должны были наступать на Монреаль со стороны озера Шамплейн. Войска Массачусетса были собраны и обучены британскими офицерами, посланными с этой целью через Атлантику, и все признаки указывали на большие и решительные усилия. В назначенное время западный контингент продвинулся к озеру Шамплейн через Олбани и Гудзон, построив по пути форт на перевале из Гудзона, который мы будем лучше знать как форт Эдвард, и второй форт на Вуд-Крик, откуда возобновилось путешествие по воде к озеру Джордж, названный Форт Энн. Там маленькая колонна остановилась, поскольку основная тяжесть работ должна была лечь на флот, который ожидался из Англии. Проходили недели, но флот так и не появился. Катастрофа при Альманзе расстроила все расчеты и все приготовления, и великое предприятие было волей-неволей заброшено.

1710.

1711.

Однако в июле следующего года экспедиция меньшего масштаба увенчалась большим успехом. Объединенный флот Королевского военно-морского флота и колониальных судов, вместе с четырьмя полками из Новой Англии и одним из британских морских пехотинцев, напал на Порт-Ройял, захватил его после незначительного сопротивления и изменил его название на то, которое он носит до сих пор, - Аннаполис-Ройял. Новая Шотландия много раз переходила из рук в руки, но отныне она должна была оставаться британской. Таким образом, впервые британское вооружение серьезно вмешалось в длительную борьбу между французами и англичанами в Америке. Это было началом конца, причем конца не только французского владычества на континенте. "Если французские колонии падут, - писал в то время французский офицер, - Старая Англия и представить себе не может, что эти различные провинции объединятся, сбросят иго английской монархии и возвысятся до демократии".^[247] Идея захвата Канады, однако, пустила корни как раз в это время в новом английском министерстве, где Болингброку и Харли удалось сместить Мальборо с поста. Завоевание Новой Франции, по их мнению, было бы прекрасным подвигом, способным противопоставить победы великого герцога. Массачусетс поддержал проект с необычайным рвением, и в июле 1711 года британский флот с семью регулярными полками на борту вошел в гавань Бостона. О катастрофических последствиях этого предприятия уже говорилось. Плохое морское дело выбросило восемь транспортов на скалы в реке Святого Лаврентия, и семьсот солдат утонули. Генерал Хилл и адмирал Уокер были не из тех людей, которые стали бы упорствовать перед лицом такой неудачи, и весь проект был заброшен с позорной поспешностью. Экспедиция на самом деле была просто политическим ходом, задуманным фракционными политиками для фракционных целей, а не военными на благо страны, и, соответственно, она завершилась так, как неизбежно должны завершаться подобные экспедиции.

1713.

Наконец был заключен Утрехтский мир, по которому Англия получила в постоянное владение Ньюфаундленд и Акадию, хотя все еще без урегулирования спорного вопроса о границах уступленной провинции. Эти приобретения повлекли за собой увеличение британских гарнизонов в Америке, как уже говорилось; но общая численность британских регулярных войск в Нью-Йорке, Новой Шотландии и Ньюфаундленде не превышала девятисот человек. Французы, со своей стороны, после потери Акадии направились к Кейп-Бретону, или, как они его называли, Королевскому острову, и немедленно приступили к созданию в одной из гаваней поста, который контролировал бы доступ в Канаду и сформировал базу для будущей агрессии против Новой Англии и Новой Шотландии. Было выбрано убежище под названием Порт-а-л'Англе на восточном побережье, и там был построен форт Луисбург, самый сильный на атлантическом побережье, и, как любили называть его французы, американский Дюнкерк. Создание этой крепости было одним из тех дорогостоящих безумств, к которым склонны французы, когда неудачи и поражения не дают им выхода их досаде и злобе. Климат абсолютно не позволял возводить тщательно продуманную крепость из каменной кладки. Туман и дожди не давали раствору схватываться всю короткую весну и лето, туман и мороз раскалывали раствор и камни и разрушали стены каждую зиму. Ремонты тянулись бесконечно, но крепость никогда не была в хорошем состоянии, а расходы были невыносимыми. Наконец, такая крепость ничего не стоила без превосходства на море.

1724.

Но французы на этом не остановились. Они не упускали возможности возбудить недовольство жителей Акадии и настроить индейцев против британцев как в Акадии, так и в Новой Англии. Результатом стала серия рейдов на Кеннебек, где французы, чтобы охранять линию наступления на Квебек у этой реки и озера Шодьер, основали сеть миссионерских пунктов. Доведенные до отчаяния колонисты, в конце концов, силой ликвидировали эти миссии, хотя и после длительной задержки из-за упрямства Ассамблеи Массачусетса, которая, всегда завидовавшая английскому губернатору, пожелала передать контроль над операциями из его рук в свои собственные, никогда не сомневаясь, что их деревенское невежество будет столь же эффективным, как испытанное мастерство одного из ветеранов Мальборо.

1727.

Итак, это состояние внешнего мира и скрытой войны продолжалось. Франция, несмотря на уступки, сделанные по Утрехтскому мирному договору, по-прежнему претендовала на весь Североамериканский континент, за некоторыми незначительными исключениями, и принимала все меры, чтобы оправдать свои притязания. На Ниагаре был возведен новый форт; еще один форт был построен в Чамбли, чтобы прикрыть Монреаль от любого нападения англичан со стороны озера Шамплейн, а в 1731 году в Краун-Пойнте, на западном берегу того же озера, была построена массивная каменная крепость, получившая название Форт Фредерик. Территория, на которой стоял этот последний форт, находилась в пределах границ, на которые претендовал Нью-Йорк, но провинция была слишком занята ссорами со своим соседом, Нью-Джерси, чтобы вмешиваться. Таким образом, хотя Нью-Йорк и Новая Англия одинаково яростно осуждали это вторжение, ни тот, ни другой и пальцем не пошевелили, чтобы предотвратить его. Единственным шагом, предпринятым колонистами в противовес непрекращающейся активности французов, было создание укрепленной торговой станции в Освего на озере

Онтарио в качестве конкурента французскому посту на Ниагаре. Даже эта работа была выполнена не колонистами, а губернатором Нью-Йорка Бернетом за его собственный счет; и долг, причитающийся ему от провинции по этому поводу, так и не был погашен по сей день.

1744.

1745.

17 Июня.

Таким образом, дело продолжалось до войны за австрийское наследство. Затем, как обычно, французы в Луисбурге получили предупреждение о восстании раньше англичан в Бостоне, и имперские гарнизоны в Королевском Аннаполисе и в Кансо были разгромлены и взяты в плен французами без особых усилий. Но теперь колонисты с великолепной дерзостью решили взять быка за рога и атаковать французов в самой грозной из их цитаделей, самом Луисбурге. Движущей силой этого предприятия был губернатор Массачусетса Уильям Ширли, англичанин по национальности и юрист по образованию, считавший себя прирожденным стратегом; а командиром, которого он выбрал, был некто Уильям Пепперрелл, преуспевающий торговец из Новой Англии, чей отец бедняком эмигрировал из своего родного Девона и сколотил свое состояние. У Пепперрелла не было ни образования, ни опыта в военных делах, но он обладал пронизательным здравым смыслом; будучи популярным, он, вероятно, вызывал уважение и повиновение своих недисциплинированных войск. После некоторых затруднений провинциальные собрания были уговорены одобрить этот план; в Новой Англии набрали четыре тысячи человек, собрали небольшой флот вооруженных судов для защиты транспортов, и маленькая экспедиция отправилась на место встречи в Кансо, примерно в пятидесяти милях от Луисбурга. Здесь, по счастливой случайности, к ней присоединилась британская эскадра под командованием коммодора Уоррена, которая разделила с ней свою судьбу; и армия любителей в сопровождении отважных моряков с легким сердцем приступила к осаде американского Дюнкерка. Отчет об этих операциях в высшей степени смехотворен, хотя французы сочли, что они не вызывают смеха. Опытных инженеров у осаждающих не было, и почти не было опытных артиллеристов, если они вообще были, но они приступили к работе в приподнятом настроении и хорошем настроении в своей обычной непринужденной манере, что озадачило французов гораздо больше, чем обычная осада по форме. Короче говоря, с помощью артиллеристов флота и необычайной удачи им удалось захватить крепость после шестинедельной осады. Это представление, безусловно, является одним из курьезов военной истории, но здесь о нем следует умолчать, поскольку оно не является частью истории британской армии.^[248] Колонисты немало гордились своим подвигом, и на то были веские причины. Их доблестные усилия также не остались без признания в Англии. Пепперрелл, который полностью оправдал выбор Ширли, был произведен в баронеты; и по предложению Уоррена^[249] остатки колониальных войск были переведены на английское жалованье и сформированы в два полка, полковниками которых были Пепперрелл и Ширли.

1746.

Хотя колониальный гарнизон ужасно пострадал от эпидемии в течение последующей зимы,^[250] Ширли стремился завершить завоевание Канады в 1746 году; и Ньюкасл с воодушевлением принял его предложения в Уайтхолле. Три британских полка — двадцать девятый, тридцатый и сорок пятый — прибыли в апреле, чтобы занять Луисбург, и Ньюкасл пообещал добавить еще пять батальонов под командованием генерал-лейтенанта Сент-Клера

вместе с флотом под командованием Уоррена для оказания помощи в операциях. Было решено, что британцы и новобранцы Новой Англии должны плыть вверх по реке Святого Лаврентия, чтобы атаковать Квебек, в то время как остальные должны, как обычно, выступить на Монреаль через озеро Шамплейн. Колонисты взялись за это предприятие с большим энтузиазмом, и провинциальные ассамблеи семи колоний проголосовали за то, чтобы общая численность войск составляла сорок триста человек. Французы в Канаде подняли тревогу и предприняли лихорадочные приготовления к обороне; но хотя колонисты были готовы и рвались в назначенное время, британские войска так и не появились; Ньюкасл задержал их в Европе за нелепый спуск, уже описанный в другом месте, на Ориент. Затем Ширли, ничуть не смутившись, решил повернуть свой небольшой отряд против Краун-Пойнта, когда вся Новая Англия была встревожена известием об огромном французском вооружении, направляющемся отбить Луисбург, отбить Акадию и сжечь Бостон. Тогда колонисты, в свою очередь, испугались и с отчаянной энергией приготовились к обороне; но и на этот раз повода для паники не было. Французский флот действительно вышел в море, но после полного катастроф плавания достиг берегов Новой Шотландии только для того, чтобы быть разбитым и рассеянным ужасным штормом. Главнокомандующий умер от разрыва сердца, его преемник в отчаянии бросился на собственный меч, и после нескольких недель беспомощного стояния в гавани, которая теперь носит название Галифакс, остатки французского флота вернулись во Францию почти в состоянии голода.

1747.

Не обескураженное этим ужасным поражением, французское правительство в следующем году отправило второй флот, который был встречен у Рошели превосходящим флотом под командованием адмиралов Энсона и Уоррена и наголову разбит. Это было к счастью, поскольку британское правительство во главе с Ньюкаслем больше не оказывало американцам помощи. Триста солдат действительно были отправлены в Аннаполис, но более половины из них погибли во время путешествия, а многие из оставшихся, будучи заключенными в тюрьму и ирландскими папистами, дезертировали к французам. Ситуация в Акадии была опасной, поскольку французское население не любило своих новых хозяев, а канадцы, особенно священники-иезуиты, никогда не переставали подстрекать их к восстанию. Ширли решила, что, хотя безопасность Акадии находится в ведении метрополии, колонисты должны сами защитить провинцию, прежде чем покинуть ее. Массачусетс откликнулся на его призыв со своим обычным настроением, и, несмотря на одно серьезное поражение колониальных войск, к концу войны Акадия все еще была в безопасности. В остальном французы продолжали свой старый метод травли индейцев против британцев, и мелкие, но варварские войны на границах никогда не прекращались. На этот раз эта война также привела, хотя и косвенно, к важному результату, поскольку она привела на фронт молодого ирландца по имени Уильям Джонсон, который, продемонстрировав необычайную силу и превосходство над индейцами, был выбран агентом Нью-Йорка во всех отношениях британцев с ними. В ближайшие годы мы еще увидим этого Джонсона. Наконец наступил мир в Экс-ла-Шапель, когда американцы, к своему огромному отвращению, узнали, что Луисбург, их собственная добыча, был возвращен Франции в обмен на сохранение незначительной фабрики под названием Мадрас.

ГЛАВА II

1748.

За заключением Экс-ла-Шапельского мира последовало обычное сокращение вооруженных сил Великобритании. Десять новых полков и несколько других корпусов были расформированы, оставив для кавалерии все полки, которые сейчас есть в армейском списке, вплоть до Четырнадцатого гусарского, а в пехоте - пехотную гвардию и с Первого по Сорок девятый линейный полки. Численность всех корпусов, конечно, была уменьшена, и численность британского истеблишмента была зафиксирована на уровне тридцати тысяч человек, две трети из которых предназначались для службы дома, а одна треть - для колониальных гарнизонов. Остальная часть армии, всего тридцать семь полков, но очень слабых по численности, была, как обычно, передана ирландскому истеблишменту. Разумеется, в обеих палатах парламента были предприняты усилия сократить численность армии до еще более низкой цифры, и устаревшие аргументы в пользу такого шага повторялись так, как будто они не выполняли свой долг уже тысячу раз за последние сорок лет. Более того, старость безумия и фракционности так сильна, что, когда был выдвинут Закон о мятеже, все еще находились люди, настаивавшие на ненужности военных трибуналов в мирное время. Эти детские представления, однако, не получили особого внимания или поощрения; в то время как, с другой стороны, были выдвинуты различные проекты реформы в армии, которые, хотя и не привели ни к какому результату, получили, по крайней мере, пристальное внимание и разумные дебаты. Об этих вопросах будет удобнее говорить, когда повествование о войне будет завершено. Ибо, хотя был провозглашен мир, а сметы и учреждение были соответственно сокращены, борьба с Францией не только не была прекращена, но даже не была приостановлена за границей. Казалось бы, немало членов обеих палат были осведомлены об этом факте; в то время как беглые заметки в газетах сообщали, что "мистер Клайву, добровольцу, был дан приказ атаковать местечко под названием Аркур", - возможно, подсказали это даже сплетникам в кофейнях. Правительство, однако, было не из тех, от которых можно было ожидать, что они будут думать о завтрашнем дне или вообще о чем-либо, кроме сохранения власти. Именно эта администрация была сформирована Генри Пелхэмом в 1744 году и обычно отождествляется с именем его брата, герцога Ньюкаслского, которого помнят главным образом из-за его незнания того факта, что Кейп-Бретон - это остров. Эта достойная сожаления личность не обладала никаким талантом, кроме бесконечной способности к интригам, которые возводят некомпетентных людей на высокие посты, и была для Англии лишь меньшим проклятием, чем мадам де Помпадур для Франции. Однако в низших эшелонах Администрации был один способный человек, Уильям Питт, который после тщетных попыток стать военным министром принял пост казначея Вооруженных сил. Теперь он лежал тихо, хотя и не без периодических вспышек бунта, отсиживая положенное время и выполняя обязанности на своем месте с честностью, доселе неизвестной в Казначействе.

1749.

Тем временем правительство все же предприняло одну важную военную меру. Число людей, уволенных из флота и армии, было настолько велико, что было сочтено благоразумным, как в интересах человечества, так и общественной безопасности, выделить для них какие-то средства. Соответственно, пятьдесят акров свободной земли с дополнительными десятью акрами на каждого ребенка были предложены всем ветеранам, которые хотели эмигрировать в

качестве поселенцев в Новую Шотландию; их проезд за границу также оплачивался, и им гарантировался иммунитет от налогообложения на десять лет. Система была скопирована с модели, предложенной французами в Канаде, и ими, несомненно, заимствована из древнего Рима; но она оказалась успешной. Четыре тысячи человек со своими семьями воспользовались этим предложением, погрузились на корабль под командованием полковника Корнуоллиса и высадились в гавани Чебукто, с тех пор называемой в честь президента Совета по торговле и плантациям Галифаксом. Для обороны поселения были сформированы три роты рейнджеров, в дополнение к которым два батальона регулярных войск были направлены в гарнизоны Новой Шотландии и Ньюфаундленда. Ибо предполагалось, что Галифакс станет не только убежищем для распущенных солдат, но и укрепленным пунктом в противовес французской крепости Луисбург.

Французы в Канаде немедленно подняли тревогу и в своей беспринципной манере подстрекали индейцев убивать поселенцев, не жалея при этом сил, чтобы отвратить сердца жителей Акадии от британцев. Священники были их орудиями в этой предательской политике, и их действия были полностью одобрены в Версале. То, что называлось войной с индейцами, было, по прямым словам губернатора Новой Шотландии Хопсона, не чем иным, как предлогом для французов начать военные действия против британских подданных. Тем не менее, в последующие трудные годы британские официальные лица всегда вели себя с образцовым терпением и выдержкой, хотя из-за непрекращающихся интриг французов случайные стычки между французами и англичанами были неизбежны. Но британские поселенцы затронули французскую Америку в другом месте даже более болезненно, чем в Акадии. Британские торговцы проложили себе путь через Аллегани в Огайо и похитили сердца индейцев на реке у своих французских конкурентов. Для Канады это было серьезным вопросом, поскольку цепь французских постов, предназначенная для отсечения британцев от внутренних районов Страны, тянулась от залива Святого Лаврентия до Мексиканского залива, и если британцы разорвут эту цепь у Огайо, французская Америка расколется надвое. В 1749 году из Монреаля был отправлен французский эмиссар, чтобы отстоять права Франции на реку и предложить английским торговцам покинуть ее. Его прием индейцами не был обнадеживающим, и даже когда он был на месте, некоторые капиталисты в Вирджинии основали компанию для заселения территории вокруг Огайо. Губернаторы Пенсильвании и Виргинии быстро осознали важность позиции на развилке реки, где сейчас стоит Питтсбург, и стремились обезопасить ее укрепленной станцией; но, к сожалению, общественный дух колоний был менее разумным, чем частное предпринимательство. Собрания провинций перессорились со своими губернаторами и друг с другом и отказались проголосовать ни за один фартинг ни за строительство форта, ни за подарки для умиротворения индейцев в долине реки Огайо.

1752-1753.

Затем, как обычно, пока колонии обсуждали и откладывали решение, французы предприняли быстрые и решительные действия. Летом 1752 года в Канаду прибыл новый губернатор Дюкесне, который, как только наступила весна 1753 года, отправил экспедицию из полутора тысяч человек через озеро Онтарио к озеру Эри, где они высадились на восточном берегу и построили форт из бревен в Прескиле, на месте нынешнего Эри. Оттуда проложив дорогу на несколько лиг к югу до Френч-Крик (тогда называвшегося Ривьер-о-Бюф), они построили там второй форт, названный Форт-ле-Бюф, из которого, когда вода была высокой, они могли спустить свои каноэ на воду и следовать по течению вниз к Аллегани и Огайо. Экспедиция

должна была построить третий форт на пересечении Френч-Крик и Аллегани и спуститься по реке Огайо, чтобы запугать индейцев, но проект был сорван из-за слабости войск. Поэтому гарнизоны были оставлены в фортах ле Бюф и Пресквиль, а остальные силы вернулись в Монреаль, обеспечив, таким образом, сообщение между реками Святого Лаврентия и Огайо.

1753.

11 декабря.

Губернатор Виргинии Динвидди, как только услышал об этом движении французов, направил командирам фортов приказ немедленно покинуть территорию короля Англии. Доставителем послания был генерал-адъютант виргинского ополчения, молодой человек двадцати одного года от роду, которому предстояла великая судьба, Джордж Вашингтон. На реке Огайо находились две британские фактории: Венанго, на пересечении Френч-Крик и Аллегани, и Логстаун, в нескольких милях ниже Питтсбурга. По прибытии в Венанго Вашингтон обнаружил, что он превращен во французскую военную базу, офицеры которой приняли его гостеприимно, но сказали ему, что у них есть приказ овладеть "Огайо" и что "клянусь Богом, они это сделают". Направляясь оттуда в форт ле Бюф, Вашингтон передал письмо Динвидди и вернулся с ответом, что его следует переслать в Монреаль, но что гарнизоны не намерены выдвигаться, пока оттуда не поступит приказ. Тем временем Динвидди снова обратился к Ассамблее Вирджинии с просьбой выделить деньги на строительство фортов на реке Огайо. Он мог бы показать письмо от Совета по вооружениям Англии, одобряющее проект и предлагающее оружие и боеприпасы, а также письмо от короля, разрешающее выполнение работ за счет колонии и отражение применения силы силой; но Ассамблея, хотя и осознала опасность, не проголосовала бы и за шесть пенсов.

1754.

Февраль.

Такого упрямства было достаточно, чтобы довести губернатора до отчаяния, но Динвидди был наделен немалым упорством в достижении цели. Повторное рассмотрение его апелляции на следующей сессии было более успешным, и Ассамблея неохотно проголосовала за небольшую и недостаточную сумму, которой губернатор был вынужден довольствоваться. Срочные обращения к соседним колониям за помощью не получили особого отклика. Более отдаленные провинции считали, что их это никоим образом не касается; те, что находились ближе, отказывались от помощи главным образом потому, что об этом просили их губернаторы. Фактически, у провинциальных ассамблей был принцип мешать своему губернатору, независимо от того, прав он или нет, при каждом возможном случае; они, как это часто бывает в представительных органах, больше стремились утвердить свою власть и независимость, чем свою полезность и здравый смысл. Только Северная Каролина выделила денег, которых хватило бы на триста или четыреста человек. Однако британское правительство разрешило нанять обычные роты в Нью-Йорке и Каролине, и Динвидди, набрав триста человек в Вирджинии, отправил их на станцию компании Огайо в Уиллс-Крик, которая должна была стать базой операций. Тем временем он немедленно отправил группу жителей лесной глуши в Форкс на реке Огайо, чтобы построить там на месте, выбранном Вашингтоном, форт, о котором он так долго просил. Сорок человек действительно работали над этим, когда 17 апреля флотилия небольших судов хлынула на "Аллегани" с отрядом из пятисот французов на борту. Войска высадились, навели пушки на недостроенный часток и призвали британцев сдаться.

Соппротивление было безнадежным. Жители лесной глуши волей-неволей уступили, и французы, разрушив их укрепления, возвели на том же месте гораздо больший и лучший форт и назвали его Форт Дюкен. Вскоре название должно было измениться на Питтсбург, но это изменение пока было скрыто за завесой лет. На данный момент французы украли марш у британцев, и Динвидди был огорчен до глубины души. "Если бы Ассамблея проголосовала за выделение денег в ноябре, что они и сделали в феврале, - писал он, - форт был бы построен и расквартирован до подхода французов".

Губернатор, однако, отнюдь не был расположен безропотно смириться с этим поражением. Французы силой оружия изгнали британскую партию с британской территории, и он, и Вашингтон отнеслись к этому инциденту как к объявлению войны. Вашингтон, хотя к нему присоединилась еще только половина его войск, вскоре продвинулся через Аллегани к Югиогани, притоку Мононгахелы; и там 27 мая он наткнулся на небольшой отряд французов и произвел выстрелы, положившие начало войне. Несколько недель спустя он со своим небольшим отрядом, чуть менее четырехсот человек, был окружен вдвое большим числом французов и после девятичасового боя и потери четвертой части своих людей был вынужден капитулировать.

Динвидди был безмерно раздосадован этим вторым поражением и вызвавшей его задержкой с прибытием подкреплений. Две роты регулярных войск из Нью-Йорка приползли к месту действия в позорном состоянии. Их ряды были поредевшими, поскольку их списки были сфальсифицированы с помощью "хвороста"; они были недисциплинированными; у них не было с собой ни палаток, ни одеял, ни ранцев, ни боеприпасов, фактически ничего, кроме оружия и тридцати женщин и детей.^[251] Войска из Северной Каролины были еще хуже этих в плане дисциплины, настолько, что они взбунтовались и разошлись по домам, еще находясь на марше к месту встречи. Опасность была велика, и все же колонии оставались бездействующими. Ассамблея Виргинии только после ожесточенной борьбы выделила Динвидди приличную сумму; ассамблея Пенсильвании, состоящая в основном из квакеров и немецких поселенцев, которые стремились только жить в мире и возделывать свои фермы, отказалась внести практически ни фартинга. Нью-Йорк был неспособен понять, пока Вашингтон фактически не потерпел поражения, что имело место какое-либо французское вторжение на британскую территорию; Мэриленд внес свою лепту только после долгой задержки; а Нью-Джерси, надежно укрывшийся за убежищем своих соседей, наотрез отказался оказывать какую бы то ни было помощь. Только Новая Англия, возглавляемая, как обычно, Массачусетсом, продемонстрировала не только готовность, но и рвение отбросить ненавистных французов. Объединенные действия были пока немыслимы для колонистов, или, как более правильно называли их англичане, провинциалов. Только из уважения к представлениям британского правительства Нью-Йорк, Пенсильвания, Мэриленд и четыре колонии Новой Англии встретились в конгрессе, чтобы договориться о совместных действиях по обеспечению нестабильных симпатий индейцев. Проект союза колоний, выдвинутый Бенджамином Франклином на том же конгрессе, потерпел крах из-за ревности Короны и колоний к взаимной уступке власти.

Сентябрь.

В таких обстоятельствах единственная надежда заключалась в помощи со стороны метрополии; и соответственно Динвидди неоднократно обращался в Англию с просьбами о припасах,

боеприпасах и двух полках регулярной пехоты. Внутреннее служение было не из тех, что способны справиться с большим кризисом. Генри Пелхэм был мертв, а нелепый Ньюкасл в качестве премьер-министра преуспел в том, что нашел глупца еще большего, чем он сам, сэра Т. Робинсона, на пост государственного секретаря, отвечающего за колонии. Тем не менее, в июле десять тысяч фунтов наличными и две тысячи единиц оружия были отправлены на службу колониям,^[252] а 30 сентября были отданы приказы Сорок четвертому и Сорок восьмому полкам, которые находились на вооружении ирландского истребительного полка, погрузиться в Корк. Каждому из этих полков было назначено состоять всего из трехсот сорока человек и взять с собой семьсот единиц оружия, чтобы пополнить свою численность американскими рекрутами.^[253] Но ядро британских солдат в настоящее время увеличилось до пятисот человек, пополнение производилось, как обычно, за счет призывников из других полков; не без трудностей, однако, поскольку служба была непопулярна, и, следовательно, было много дезертирства. Следующим шагом было назначение командира, и выбор пал на генерала Эдварда Брэддока, когда-то служившего в гвардии Колдстрима. Он был человеком того же склада, что и Хоули, и, следовательно, пришелся по сердцу самому герцогу Камберлендскому, — офицером с сорокапятилетней службой, грубым, брутальным,^[254] и наглым, солдафоном самого узкого толка, но не лишенным ни духа, ни способностей, и храбрым как лев. Его инструкции были достаточно широкими и охватывали операции против французов в четырех различных районах. Французы должны были быть изгнаны из Огайо, и гарнизон должен был быть оставлен для удержания страны в случае ее захвата; подобное должно было быть сделано на Ниагаре, в Краун-Пойнте и в форте Босежур, сооружении, возведенном французами на перешейке, соединяющем Новую Шотландию с Континентом. Этот план был предложен губернатором Массачусетса Ширли; и в развитие его британское правительство приказало сформировать в Америке два полка численностью в тысячу человек каждый под командованием полковников ветеранов Ширли и Пепперелла и принять их на жалованье Великобритании.^[255] Вполне могут возникнуть сомнения в том, что предоставленных средств будет достаточно для реализации схемы.

1755.

Апрель.

Сорок четвертый и Сорок восьмой корабли были отправлены в Корк в январе 1755 года, и миновала середина марта, прежде чем все транспорты прибыли на Хэмптон-Роудс. По-видимому, во время путешествия о войсках позаботились должным образом, поскольку Брэддок смог сообщить, что среди них не было ни одного больного.^[256] Транспортам было приказано подняться по Потوماку до Александрии, где должен был быть разбит лагерь; и там 14 апреля несколько губернаторов встретились с Брэддоком на совете, чтобы решить, как распределить стоявшую перед ними работу. Вскоре все было улажено. Брэддок с двумя вновь прибывшими полками должен был наступать на форт Дюкесн; Ширли со своим собственным полком и полком Пепперелла должен был атаковать Ниагару; Уильям Джонсон, благодаря своему влиянию на индейцев, был выбран возглавить отряд провинциальных войск из Новой Англии, Нью-Джерси и Нью-Йорка против Краун-Пойнта; а подполковнику Монктому, офицеру, о котором мы еще услышим, была поручена задача овладеть фортом Босежур. Первая и вторая из этих операций были направлены на то, чтобы перерезать цепь французских постов между реками Святого Лаврентия и Огайо, и могут быть охарактеризованы как чисто наступательные. Однако, почему было сочтено необходимым разорвать эту цепь в двух точках, когда было бы достаточно одной точки, и почему, следовательно, вся сила удара не была направлена на

Ниагару, на эти вопросы нелегко ответить. Захват Краун-Пойнта послужил бы как для того, чтобы помешать французскому продвижению на юг у озера Шамплейн, так и для дальнейшего наступления британцев на Монреаль, и, следовательно, объединил бы объекты как наступательные, так и оборонительные. Взятие форта Босежур, не имевшее никакой другой цели, кроме обеспечения безопасности Акадии, было мерой исключительно оборонительной.

Совет разошелся; командиры разошлись по своим подопечным, и Брэддок остался справляться со своей задачей. Военные власти Англии совершили большую первоначальную ошибку, отправив войска в Виргинию и приказав им наступать на Огайо кружным путем от Уиллс-Крик. Это была, правда, линия, которой придерживался Вашингтон; но Вашингтон, как и Ширли, был всего лишь любителем, и более здравый военный взгляд показал бы, что предложения обоих были ошибочными. Высадка в Филадельфии и марш прямо оттуда на запад сэкономили бы не только расстояние и время, но и много хлопот и расходов, поскольку Пенсильвания, в отличие от Мэриленда и Вирджинии, была страной, богатой фуражом и транспортными средствами. Первой серьезной трудностью Брэджока был сбор транспорта. Пенсильванцы проявили апатию и нежелание, которые спровоцировали даже Вашингтон на замечание, что их следует наказывать. Только благодаря посредничеству Бенджамина Франклина, из всех людей, Брэддок наконец раздобыл фургоны и лошадей, достаточных для его нужд. Испытания, выпавшие на долю генерала, несомненно, были тяжелыми, но его властный нрав и наглое превосходство, которое он демонстрировал как англичанин над американцами и как кадровый офицер над колониальными ополченцами, не могли ослабить общие трения между британцами и провинциалами. Его примеру, несомненно, последовали его офицеры, тем более что было установлено, что королевское поручение должно давать превосходство во всех званиях и что провинциальные полевые офицеры и генералы не должны были иметь звания рядом с имперскими офицерами того же ранга. Тем не менее Брэддок был слишком способным человеком, чтобы закрывать глаза на заслуги самого способного из своих помощников; и то, что он пригласил в свой штаб полковника Джорджа Вашингтона и заручился его услугами, было благородно для него самого.

Май.

10 мая Брэддок достиг своей базы на слиянии Уиллс-Крик с Потомаком, где бывшая фактория была заменена фортом, построенным из бревен и названным в честь главнокомандующего Форт Камберленд. Это была простая поляна в огромном лесу, оазис, как его удачно назвали, в зарослях листвы.^[257] Здесь уже были собраны войска, Сорок четвертый и сорок восьмой, каждый из которых теперь укомплектован рекрутами из Вирджинии численностью в семьсот человек, отделение королевской артиллерии численностью в сто человек, тридцать моряков, присланных коммодором Кеппелем, полезные люди, как и все в их роде, и четыреста пятьдесят виргинских ополченцев, превосходно подготовленных для предстоящей им работы, но гораздо более подготовленных. презираемый регулярными войсками. Все силы насчитывали около двух тысяч двухсот человек. Пятьдесят индейских воинов, вызывавших неизменный интерес у буколических британских солдат, также были замечены в лагере во всем их варварском убранстве из красок и перьев; ибо Брэддок, каким бы фанатичным ни было его отношение к пластилину для курительных трубок, был слишком умен, чтобы недооценивать ценность индейских разведчиков.

3 мая.

7 июня.

Последовал долгий месяц задержки, поскольку пушки прибыли только на неделю позже Брэddока, а приготовления все еще были запоздалыми и запутанными. Генерал, несомненно, не без оснований, яростно ругал мошенничество и недобросовестность подрядчиков; но достаточно очевидно, что в штабе не хватало организаторского таланта. А тем временем, хотя Брэddок и не знал этого, в течение тех самых недель в других местах происходили события необычайной важности. Французы не преминули принять к сведению подкрепление, отправленное Англией в Америку, и ответили снаряжением флота из восемнадцати кораблей и отправкой трех тысяч солдат под своим конвоем в Канаду. Отплытие этого флота долго откладывалось, и у медлительного британского правительства было время направить две эскадры на его перехват; но французы, выйдя в море наконец в мае, ухитрились ускользнуть от британских крейсеров и благополучно прибыли в Луисбург и Квебек. Только три их корабля, отстав от остальных, оказались у мыса Рейс в присутствии эскадры адмирала Боскавена. Номинально между двумя странами царил мир, но флоты открыли огонь, и сражение закончилось захватом двух французских кораблей. Хотел того Ньюкасл или нет, Англия этим актом была бесповоротно втянута в войну.

10 июня.

16 июня.

Всего через три дня после этой акции отряд Брэddока выступил из форта Камберленд для своего утомительного марша через лес. Триста воинов с топорами первыми прорубили и расчистили дорогу, которая шириной всего в двенадцать футов была забита повозками, вьючными лошадьми и артиллерией, так что войскам пришлось идти по лесу с обеих сторон. Разведчики заранее прочесали местность, и фланговые группы были брошены на случай внезапности, поскольку Брэddок был не простым солдатом на плацу. Марш был невыносимо медленным, лошади ослабели от недостатка фуража, и колонна устало тащилась во всю длину, "двигаясь всегда в сырости и тени", [258] через мрачный бесконечный лес. Кто может оценить моральный эффект, произведенный на невежественные и суеверные умы простых английских парней этой унылой тропой через сердце дикой природы? День за днем они трудились, не видя солнца, и ночь за ночью у лагерного костра провинциалы рассказывали им отвратительные истории о свирепости индейцев и в шутку уверяли, что их побьют. [259] Сорок восьмой выстоял при Фолкерке; но Сорок четвертый сильно пострадал при Престонпансе, и такая подготовка не могла принести пользы ни одному полку. За восемь дней марша колонна продвинулась всего на тридцать миль, многие люди были больны, а большинство лошадей измотаны, и впереди не было никаких перспектив, кроме того, что дорога будет еще хуже, чем когда-либо. Затем пришло сообщение, что пятьсот французов направляются на усиление форта Дюкесн; и по совету Вашингтона Брэddок решил оставить тяжелый обоз вместе с охраной под командованием полковника Данбара, чтобы следовать за ними, насколько это возможно, а сам двинуться дальше с отборным отрядом войск. Соответственно были отобраны тысяча двести человек, и с ними, а также с конвоем, уменьшенным до десяти орудий, тридцати фургонов и нескольких вьючных лошадей, наступление возобновилось. Тем не менее продвижение продолжалось удивительно медленно. Традиции Фландрии были сильны в Брэddоке, и, останавливаясь, как сказал Вашингтон, чтобы сровнять с землей каждую кротовую нору и

перекинуть мост через каждый ручей, он потратил целых четыре дня на преодоление следующих двенадцати миль.

Июль.

Наконец, 7 июля колонна достигла устья Черепашьего ручья, который впадает в Мононгахелу примерно в восьми милях от ее слияния с Аллегани, или, другими словами, от форта Дюкен. Прямой путь, хотя и более короткий, лежал через труднопроходимую местность и опасное ущелье, поэтому Брэddок решил перейти Мононгахелу вброд, взять компас и еще раз перейти ее вброд, чтобы добраться до места назначения. Французы тем временем получили сведения о его наступлении 5-го числа и были немало встревожены. Силы, находившиеся в распоряжении месье Контрекера, коменданта форта Дюкесн, состояли всего из нескольких рот регулярных войск, со значительным количеством канадцев и почти девятью сотнями индейцев. Однако он решил послать отряд под командованием капитана Божье встретить британцев на марше и выделил этому офицеру отряд численностью около семидесяти регулярных войск, вдвое больше канадцев и шестисот пятьдесят индейцев, или всего около девятисот человек. Ранним утром 8-го этот отряд выступил из форта Дюкесн, намереваясь поджидать британцев в засаде в каком-нибудь удобном месте, предпочтительно у второго брода через Мононгахелу.

8 июля.

Брэddок тоже двинулся в путь рано утром того же дня, но было почти час дня, когда он перешел Мононгахелу во второй раз. Сам он полностью ожидал, что в этом месте его атакуют, и послал вперед сильный передовой отряд под командованием подполковника Гейджа, чтобы очистить противоположный берег. Однако никакого врага они не встретили, так как Божье задержали какие-то неприятности с его индейцами, и он не смог вовремя добраться до брода. Таким образом, основные силы британцев переправились через реку с идеальной регулярностью и порядком, поскольку Брэddок хотел внушить всем французам, которые могли наблюдать за ним, чувство своего превосходства. Небо было безоблачным, и солдаты, полные уверенности и духа, гордились движением, более похожим, чем любое другое во время их утомительного марша, на показательные выступления на плацу, на котором они проходили подготовку. Достигнув дальнего берега, колонна сделала короткую остановку для отдыха, а затем возобновила марш по узкой тропе, идущей параллельно реке у подножия крутой гряды холмов. Со всех сторон его окружал густой и непроходимый лес, и Брэddок принял все возможные меры предосторожности, чтобы избежать неожиданности. Несколько проводников с шестью вирджинскими легкими всадниками шли впереди; на мушкетный выстрел позади них появился передовой отряд авангарда Гейджа, за которым следовал сам авангард, а затем последовательно отряд топорников для расчистки дороги, две пушки с повозками боеприпасов и арьергард. Затем без какого-либо интервала появился обоз, возглавляемый несколькими легкими всадниками, рабочей группой и тремя орудиями; повозки, как и прежде, следовали по дороге, а войска пробирались через лес справа и слева, причем многочисленные отряды были значительно вытеснены с обоих флангов.

На небольшом расстоянии от брода тропа проходила над широким, поросшим кустарником оврагом. Гейдж пересек этот овраг со своим передовым отрядом, и основные силы как раз спускались к нему, когда проводники и всадники Гейджа внезапно отступили, и было видно человека, одетого как индеец, но с офицерским воротником, спешащего по тропинке. При виде британцев Божье (ибо фигура, столь странно одетая, похоже, была не кем иным) внезапно

обернулся и взмахнул шляпой. За сигналом последовал дикий боевой клич его индейцев и резкий огонь по наступающим британцам из-за деревьев впереди них. Люди Гейджа сразу же развернулись с большой стойкостью и открыли ответный огонь серией неторопливых залпов. Они не могли видеть ни одного человека из числа врагов, так что стреляли по необходимости наугад, но одного звука мушкетного выстрела было достаточно, чтобы напугать канадцев Божье, которые с позором бежали в форт Дюкен. Третий залп уложил Божье мертвым на землю, и два полевых орудия Гейджа, вступив в бой, быстро отбросили индейцев с британского фронта.

Тем временем красные мундиры неуклонно продвигались вперед, люди громко аплодировали и выкрикивали "Боже, храни короля", а капитан Дюма, сменивший Божье на посту командующего французами, почти счел день проигранным. Однако горстка его регулярных войск выстояла, и ему и его братьям-офицерам отчаянными усилиями удалось сплотить индейцев. Регулярные войска и те немногие канадцы, которые стояли рядом с ними, стойко стояли на своих позициях и открыли огонь из взводов, который умерил пыл людей Гейджа; в то время как индейцы, вопя, как демоны, но всегда невидимые, устремились прочь через лес вдоль обоих флангов британцев и оттуда, со всех удобных мест, какие только могли найти опытные бушмены, поливали смертельным огнем незадачливых краснорубашечников. Радостные крики смолкли, потому что люди начали быстро падать. Какое-то время они держали свои ряды и обрушивали на ничего не замечающий лес залп за залпом, которые не задевали ни одного врага за деревьями. Они не видели противника, и все же пули непрерывно и безжалостно сыпались на них спереди, с флангов и тыла, как ливень с безоблачного неба. Наконец-то испытание оказалось более тяжким, чем они могли вынести. Они побросали ружья, сломали строй и, сбившись в кучу, как стадо ланей, в беспорядке отступили, превратившись в беспомощную массу перепуганных людей.

Как раз в этот момент Брэддок вышел вперед. Услышав стрельбу, он оставил четыреста человек под командованием полковника сэра Питера Хэлкета из Сорок четвертого полка охранять багаж, а с остальными двинулся на помощь Гейджу. Когда подошли свежие войска, разгромленная пехота Гейджа вслепую бросилась к ним, ища укрытия от вечного града пуль, и также привела их в замешательство. За короткое время все силы Брэддока, за исключением виргинцев и охраны обоза Хэлкета, были разбиты на череду бушующих групп, без порядка и сплоченности, одни смотрели в одну сторону, другие - в ту, сознавая только отвратительные крики индейцев, пули, густо сыпавшиеся на них неизвестно откуда, и то, что они не могли ни атаковать, ни открыть ответный огонь. Только виргинцы, привыкшие к такой работе, сохранили присутствие духа и, укрывшись за деревьями, начали отвечать на огонь индейцев на индейский манер. Некоторые британцы пытались подражать им настолько, насколько позволяла их неопытность, но Брэддок не желал ничего подобного. Такие боевые действия не были ни предписаны в учебном пособии, ни привычны на полях сражений Фландрии,^[260] и он не потерпел бы такого пренебрежения порядком и дисциплиной. Неистово ругаясь, он своим мечом отогнал британцев и виргинцев обратно к их товарищам; а затем, заметив, что самый сильный огонь велся с холма на правом фланге его наступления, он приказал подполковнику Бертону атаковать его Сорок восьмым полком. Паника уже распространилась далеко, и Бертону лишь с огромным трудом удалось убедить сотню человек последовать за ним. Вскоре он был застрелен, и при его падении все его люди повернули назад. Теперь сцена стала ужасающей. Артиллеристы некоторое время стояли у своих орудий и посылали снаряд за снарядом, бесполезно врезаясь в лес; но пехота стояла, сбившись в кучу в полном ужасе, продолжая заряжать и стрелять, то в воздух, то в своих товарищей, то яростно сражаясь с офицерами,

которые пытались заставить их построиться. Брэddок скакал взад и вперед сквозь огонь, вскакивая на свежих лошадях так же быстро, как они погибали под ним, и бросался в атаку, словно в полевой день. Вашингтон, чудом не пострадавший, хотя его одежда была изодрана пулями, поддержал его с таким же благородным примером мужества и преданности; но было слишком ясно, что день потерян. Шестьдесят из восьмидесяти шести офицеров пали, и Брэddок, после того как бойня продолжалась три часа, приказал остаткам своих войск отступать.

Он все еще пытался привести людей в какое-то подобие порядка, когда упал с лошади, пятой по счету, на которую огонь индейцев заставил его сесть в тот день, пронзенный пулей в руку и легкие. Невредимые остатки его войск мгновенно вырвались на свободу и обратились в бегство. Тщетно Вашингтон и другие пытались сплотить их у брода; с таким же успехом они могли бы попытаться остановить диких медведей в горах.^[261] они выплеснулись через реку исчерпана хотя они были, и побежал на крики индейцев, все еще звучали в их ушах. Гейджу удалось набрать около восьмидесяти очков у второго брода, но остальных было не остановить. Брэddок, пораженный насмерть, умолял оставить его на поле боя, но несколько офицеров подняли его и унесли, потому что ни один солдат не поднял на него руки. Каким бы слабым он ни был, измученный болью от раны и горечью от поражения, доблестный человек все еще командовал и все еще отдавал свои приказы. Миновав Мононгахелу, он приказал своим носильщикам остановиться и, отправив Вашингтона в Данбар за провизией и транспортом, провел ночь среди горстки людей, собранных Гейджем.

9 июля.

10 июля.

На следующее утро некоторый порядок был восстановлен, и отступление продолжилось. Тем временем отставшие уже достигли лагеря Данбара с дикими вестями о катастрофе и поражении, и многие погонщики уже пустились наутек. После еще одного дня пыток самого Брэddока доставили в лагерь. На марше он отдал распоряжения о сборе и помощи отставшим, а теперь отдал, или, как говорят, отдал, свой последний приказ об уничтожении всех повозок и припасов, которые нельзя было доставить обратно в форт Камберленд. Соответственно, были сожжены десятки фургонов, провизия уничтожена, а оружие и боеприпасы, которые нелегко заменить в колониях, были взорваны или испорчены. Затем остатки армии в позоре и смятении отправились в обратный шестидесятимильный марш-бросок в форт Камберленд. Брэddок прошел с ними совсем небольшое расстояние. Его верный адъютант капитан Орм, хотя сам был тяжело ранен, оставался с ним до конца и записал его последние слова; но теперь у грубого, задиристого солдафона, чьи уста когда-то были так полны ругательств, и чей голос наводил ужас на каждого солдата, почти не осталось дара речи. Дело было не только в том, что его легкие были прострелены насквозь, но и в том, что его сердце было разбито. В течение всего первого дня перехода он лежал бледный и безмолвный, с пузырящейся кровью на губах, и только к вечеру его страдания нашли выход в почти женском восклицании: "Кто бы мог подумать"? И снова весь следующий день он хранил молчание, пока ближе к закату, словно подводя итог раскаянию в прошлых неудачах и доброй надежде на будущее, он мягко не пробормотал: "В другой раз мы будем лучше знать, как с ними поступить". И так, усвоив свой урок, он лежал неподвижно, а через несколько минут был мертв.

При всех его недостатках этот грубый неукротимый дух непреодолимо вызывает наше сочувствие. Он был выбран герцогом Камберлендским, чьи представления об офицере, по словам Горация Уолпола, были почерпнуты из чистейшей немецкой классики, классики, инициированной Фридрихом Вильгельмом и освященной Фридрихом Великим. Гогенцоллерны, какими бы великими солдатами они ни были, страстно желали одевать своих солдат как кукол и манипулировать ими, как марионетками; но, как бы сильно они ни любили механические упражнения на плацу, они знали, что тщательность тренировок и суровость дисциплины, вытекающие из этого, были всего лишь средствами для достижения цели. В глазах Камберленда, хотя он был очень далек от слепоты или глупости, порох, трубочный пластилин и точность имели такое большое значение, что казались самоцелью. Он мог бы также указать на первоначальный успех своей атаки при Фонтенуа, которая была просто тщательно продуманным парадным движением; но он забыл, что поля сражений прусской армии и противников прусского генерала можно было найти на знакомых землях Силезии, Бранденбурга и Саксонии, в то время как поля сражений британцев были разбросаны далеко и широко среди отдаленных и нехоженных стран, а их враги были такими, с какими нельзя было встречаться в соответствии с наставлениями Монтекукули и Тюренна. Брэddок был отправлен в Северную Америку как излюбленный представитель военного кредо Камберленда. Он был рожден и обучен для таких действий, как Фонтенуа; и ему было суждено столкнуться с трудной проблемой в условиях дикой войны. Его задачей было то, что с тех пор неоднократно ставилось перед британскими офицерами, а именно: симпровизировать новую систему ведения боя, с помощью которой можно противостоять своеобразной тактике незнакомого врага в незнакомой стране. Слишком ограниченный, слишком жесткий и слишком гордый, чтобы осознать свое положение, он применил освященные веками методы Фландрии и потерпел неудачу. Другие офицеры с тех пор впали в подобную ошибку, в немалой степени из-за ложной системы обучения, и потерпели аналогичную неудачу; и как ни велик наш опыт ведения жестоких войн, возможно, история таких офицеров еще не рассказана полностью. Тем не менее, хотя идеал Брэddока о британском офицере, возможно, был ошибочным, его нельзя назвать низким. В разгроме, разорении и позоре, когда рука смерти крепко сжимала его горло, его упрямая решимость никогда не колебалась, и его неукротимый дух никогда не был сломлен. Он не терял голову и делал свою работу до последнего, и думал о своем долге, пока в нем оставались мысли. Его тело было похоронено под дорогой, чтобы прохождение войск по ней могло стереть с лица земли его могилу и спасти ее от осквернения индейцами. Но урок, который он усвоил слишком поздно, не прошел даром для его преемников, и можно с уверенностью сказать, что именно на костях Брэddока британцы снова двинулись к завоеванию Канады.

Потери в этой катастрофической операции были очень тяжелыми; преданность офицеров, поведение которых было выше всяких похвал, привела их почти к уничтожению. Среди раненых были двое мужчин, которым предстояло стать заметными позже: Гейдж, командир передового отряда, и капитан Горацио Гейтс из гарнизона Нью-Йорка. Из тысячи трехсот семидесяти трех унтер-офицеров и рядовых только четыреста пятьдесят девять вышли невредимыми; а раненые, которые остались на поле боя, были замучены и убиты индейцами в их варварской манере. Потери французов были незначительными. Три офицера были убиты и четверо ранены, все они в критический момент, когда их люди колебались; также были убиты и ранены девять белых мужчин и большее, но незначительное число индейцев. На самом деле это было полное и сокрушительное поражение. И все же граф Дискау, высокопоставленный офицер французской службы в Канаде, не выразил удивления, когда услышал об этом, поскольку французское

правило, основанное на горьком опыте, никогда не высаживать регулярные войска в лесу без достаточного количества индейцев и иррегулярных войск для их прикрытия. Вирджинцы, чье замечательное поведение было единственной похвальной чертой в ходе боевых действий, показали, что в Америке можно найти множество хороших иррегулярных войск; и было очевидно, что британцам нужно было только учиться у своих врагов, чтобы победить их.

ГЛАВА III

1755.

16 Июня.

Первый удар по французам в Америке провалился; теперь следует увидеть, как обстояли дела с операциями, порученными Ширли, Джонсону и Монктону. Ширли из Массачусетса с начала года была занята тем, что призывала северные провинции к оружию, и они благородно отреагировали: только в Массачусетсе собралось сорок пять сотен человек, а в остальной Новой Англии и Нью-Йорке - еще почти три тысячи. Первым пунктом для атаки был выбран форт Босежур на Акадийском перешейке, для чего в Монктон были направлены две тысячи добровольцев из Новой Англии. Добавив к ним горстку регулярных войск из гарнизона,^[262] Монктон без промедления отправился на свою работу. 1 июня экспедиция бросила якорь в бухте перед фортом Босежур, который после двухнедельной осады и самой слабой обороны перешел вместе с фортом поменьше, называемым Форт Гасперо, в руки Монктона. За этим успехом последовало изгнание большей части французского населения из Акадии - суровая мера, полностью вызванная двуличием священников-иезуитов и канадского правительства, которые никогда не переставали подстрекать несчастных крестьян к восстанию. Таким образом, отныне Acadia может быть выведена из сферы активных операций.

Атака на Краун-Пойнт была более серьезным делом, для выполнения которого силы, вверенные Уильяму Джонсону, включали около трех тысяч провинциальных военнослужащих из Новой Англии и Нью-Гэмпшира и триста индейцев. Джонсон не служил и не имел ни малейшего представления о войне, но его влияние на индейцев было очень велико, и поскольку он прибыл из Нью-Йорка, его назначение не могло не понравиться этой провинции. Его люди были фермерами и сыновьями фермеров, из превосходного материала, но не обучены. За исключением одного полка, все носили свою собственную одежду, и гораздо большее число привезло с собой собственное оружие. После долгой задержки, вызванной завистью различных провинций и несовершенной организацией, силы были собраны в Олбани и в августе начали продвигаться вверх по Гудзону к озеру Джордж - новому названию, присвоенному Джонсоном в честь своего монарха. На перевалочном пункте, где линия наступления отходила от Гудзона, был построен форт, который сначала назывался Форт Лайман, но впоследствии Форт Эдвард, под последним названием читатель должен его запомнить. Здесь было оставлено пятьсот человек для завершения работ, в то время как остальные, двигаясь небрежно и не спеша, продвинулись к озеру и расположились лагерем на его южной границе.

Тем временем французы, предупрежденные захваченными у Брэддока документами о замысле нападения на Краун-Пойнт, послали туда 3 с половиной тысячи регулярных войск, канадцев и индейцев, под командованием графа Дискау, офицера, служившего ранее под командованием маршала Сакса. Было две линии, по которым Джонсон мог наступать против них: одна прямо вверх по озеру Джордж, другая вдоль ручья под названием Вуд-Крик, который впадает параллельно ему в озеро Шамплейн. Над пересечением обоих проливов возвышается мыс на западной стороне озера Шамплейн, названный французским Карильоном, но более известный под своим родным названием Тикондерога. К этому месту Дискау продвинулся со смешанным отрядом в полторы тысячи человек, а оттуда двинулся вперед, чтобы атаковать Джонсона в его лагере. Можно кратко рассказать о дальнейшем. Джонсон неосторожно выделил пятьсот человек с какой-то смутной мыслью отрезать Дискау путь к отступлению; они попали в засаду и с ними очень грубо обошлись. Но когда, окрыленный этим успехом, Дискау двинулся против лагеря Джонсона, он встретил самое упорное сопротивление; и в конце концов его войска были в беспорядке отброшены назад, а сам он ранен и взят в плен. Джонсон, однако, не стал развивать этот удачный успех. Ширли неоднократно умоляла его наступать на Тикондерогу, но получала ответ, что войска не могут двигаться из-за болезней, недисциплинированности, плохой еды и плохой одежды. Джонсон оставался в своем лагере до конца ноября, когда его люди были на грани мятежа, и, построив форт на южной оконечности озера, который он назвал Форт Уильям Генри, отступил к Гудзону. За свою победу он был вознагражден пятью тысячами фунтов стерлингов от британского парламента и титулом баронета от короля; но, тем не менее, его предприятие провалилось, и Краун-Пойнт благополучно остался в руках французов.

Экспедицию против Ниагары предпринял сам Ширли со всей гордостью юриста, ставшего генералом. До сих пор он планировал кампании только на бумаге; теперь ему предстояло осуществить одну из них в полевых условиях. Его оперативной базой, как и у Джонсона, был город Олбани, а его силы состояли из его собственного полка и полка Пепперелла, который, хотя и принадлежал королевским войскам и носил королевскую форму, состоял, тем не менее, из необученных провинциальных рекрутов, вместе с одним полком ополчения Нью-Джерси, всего в две с половиной тысячи человек. Из Олбани отряд поднялся по реке Мохок в Бато до большого перевалочного пункта, где сейчас стоит город Рим; с этого места бато были перевезены по суше на санях в Вуд-Крик, [263], где их снова спустили на воду и отправили вниз по течению к озеру Онейда и, таким образом, к маленькому форту Освего на озере Онтарио. Как и следовало ожидать от любителя, отряд Ширли прибыл к месту назначения задолго до его припасов, так что его отряд был вынужден некоторое время бездействовать и питаться скудными пайками. Французы, также узнав об этом плане из документов, взятых в Мононгахеле, усилили свои гарнизоны не только на Ниагаре, но и в форте Фронтенак на северо-восточном выходе из озера. Это существенно увеличивало трудности Ширли, поскольку, если он сначала не захватит Фронтенак, французы смогут переправиться через озеро как раз тогда, когда он будет на пути к Ниагаре, захватить Освиго и отрезать его от базы. Короче говоря, задача, ставшая вдвойне трудной из-за нехватки провизии, была слишком велика для сил Ширли; и в конце октября он отказался от предприятия, добившись не более чем переброски гарнизона в семьсот человек в Освиго.

Так на фоне общего разочарования закончилась американская кампания. Из четырех экспедиций только одна увенчалась успехом; все остальные потерпели неудачу, одна из них закончилась катастрофой. Эта катастрофа не закончилась и с отступлением из Мононгахелы, ибо как только Данбар отошел от границы, индейцы, по наущению французов, хлынули в

Виргинию, Мэриленд и Пенсильванию, чтобы устроить резню и разграбление разбросанных по границе поселений. Вашингтон с пятнадцатью сотнями виргинских ополченцев делал все, что мог, чтобы защитить триста миль границы, но с такими небольшими силами выполнение этого долга было далеко за пределами его сил или сил любого другого человека. Однако Ассамблея Пенсильвании не поддержала его. Они закрыли уши даже на крики своих собственных поселенцев об оружии и боеприпасах, а также о принятии законодательства, позволяющего им организовать оборону. Собрание было настроено только на борьбу с губернатором. Члены парламента не уступили ни его представлениям, ни мольбам своих сограждан; и только после того, как враг продвинулся на расстояние шестидесяти миль от Филадельфии, они неохотно и с опозданием снабдили губернатора полномочиями для сдерживания вторжения индейцев. Это было не слишком скоро, поскольку французы обратили внимание на большое количество обнищавших немцев, ирландцев, "белых слуг" и перевозимых преступников в Пенсильвании и готовились превратить ее в пункт вербовки для французской службы. [264]

Таким образом, завершился 1755 год, когда военные действия между англичанами и французами в Северной Америке были в самом разгаре. Однако война не была объявлена, и, хотя она наверняка должна была начаться, к ней не было сделано никаких приготовлений. Меры, принятые в начале 1755 года, достаточно свидетельствуют о слабости и колебаниях глупой и изнеженной администрации. В феврале было произведено некоторое пополнение пехоты за счет увеличения численности гвардии и семи линейных полков; а в марте король направил парламенту послание с просьбой увеличить численность войск на суше и на море. Министерство использовало данные ему таким образом полномочия для формирования пяти тысяч морских пехотинцев в пятьдесят независимых рот и передачи их в прямое подчинение лорду верховному адмиралу. Сказано [265], что Ньюкасл отказался набирать новые полки из ревности к назначению офицеров герцогом Камберлендским, и в этом утверждении нет ничего невероятного. Но хотя эта мера указывала, по крайней мере, на активность флота, никогда британские корабли не использовались с меньшей целью. Эскадра, отправленная под командованием Боскавена для перехвата французского подкрепления на пути в Луисбург, значительно уступала флоту противника и нуждалась в усилении, конечно, ценой неразберихи и задержек, прежде чем она была пригодна для выполнения своего долга. Новые неприятности возникли в мае из-за отъезда короля в Ганновер - удовольствия, в котором он отказался себе отказать, несмотря на критическое положение дел в Англии. Во время его отсутствия его власть была делегирована, как это было принято, Регентскому совету, органу, который всегда был склонен оставлять важные вопросы на усмотрение короля и был вдвойне нецелесообразен, когда среди правящих духов было такое создание, как Ньюкасл. Мощный флот под командованием сэра Эдварда Хоука был готов к выходу в море и к действию; и герцог Камберлендский, помня о последствиях мирной вражды в 1742 и 1743 годах, был за то, чтобы сбросить маску, объявить открытую войну и нанести быстрый удар. Однако его решение было отклонено, и флот Хоука был отправлен в море с инструкциями, которые связывали его с нарушением мира и пародией на войну. Король тем временем превыше всего заботился о безопасности Ганновера. Вспомогательные договоры с Баварией и Саксонией о защите электората существовали в течение некоторого времени, но срок их действия истек; и теперь, когда, по-видимому, требовалась некоторая компенсация за субсидии прошлых лет, договаривающиеся государства настаивали на более выгодных условиях. Поэтому король заключил новый договор с Гессен-Касселем о поставке восьми тысяч человек, а с Россией - еще сорока тысяч на случай вторжения в Ганновер.

15 сентября.

С этими договорами в кармане он вернулся в Англию и застал нацию полной тревоги и недовольства. Нация также не была виновата в своих чувствах. В августе пришло известие о поражении Брэддока, которое было встречено с бессильной тревогой. Однако ничего не было сделано для устранения последствий катастрофы, и прошло целых два месяца, прежде чем ко всем трем родам войск добавилось несколько тысяч человек.^[266] Тем временем Ньюкасл, после тщетных попыток убедить Питта служить под его началом, несколько усилил свое министерство, добившись восшествия на престол Генри Фокса; и 13 ноября король открыл парламент, объявив, насколько это было возможно, о скором приближении войны. Последовали долгие дебаты, в ходе которых Питт превзошел самого себя в денонсации вспомогательных договоров и презрительном осуждении Ньюкасла; но партия Суда была слишком сильна для него, и договоры были подтверждены подавляющим большинством. Питт был уволен с должности казначея, а Фокса, получившего повышение до государственного секретаря, сменил лорд Баррингтон на посту военного министра. Наконец, несколько недель спустя генерал Лигонье был самым несправедливым образом смещен с поста главного артиллериста, чтобы освободить место для охотника за территорией, который не постеснялся таким образом опозорить свой почетный титул герцога Мальборо. На самом деле казалось, что существовал всеобщий заговор с целью изгнать способности с высокого положения.

27 ноября.

5 декабря.

8 декабря.

Через две недели смета расходов на армию была представлена в парламент. Несмотря на чрезвычайную опасность ситуации, число людей, предложенных британским истеблишментом, немногим превышало тридцать четыре тысячи человек для Великобритании и тринадцать тысяч для колоний. Несколько дней спустя этот вопрос обсуждался, и Баррингтон объявил о дальнейшем увеличении численности войск; после чего Питт весьма уместно задал вопрос, на который не было ответа, почему все эти усиления были произведены так поздно. Палата представителей, однако, всерьез относилась к военным недостаткам страны. Фокс насмеялся над Питтом, призывая его выдвинуть законопроект об ополчении, и Питт воспользовался возможностью, предоставленной дебатами об ополчении, чтобы изложить в общих чертах схему повышения эффективности этих сил. Его предложения были воплощены в законопроект, который лег в основу Закона о милиции, который должен был быть принят, как мы увидим, в следующем году. Таким образом, до сих пор Палата общин навязывала правительству и стране, по крайней мере, рассмотрение действительно ценной работы.

1756.

На повторном собрании парламента после Рождества была представлена смета на формирование десяти новых полков, которые должны были быть частично сформированы за счет определенных дополнительных рот, которые были добавлены к существующим батальонам в 1755 году. Эти новые полки были, в порядке старшинства, полками Аберкромби, Нейпира, Лэмбтона, Уитмора, Кэмпбелла, Перри, лорда Чарльза Мэннера, Эйрбина, Анструтера и Монтегю, и они все еще у нас пронумерованы последовательно с Пятидесятого по Пятьдесят девятый.^[267] В то же время был произведен новый отход, к одиннадцати драгунским полкам добавили по легкому отряду на каждого, причем как люди, так и лошади были специально

экипированы для работы, которая теперь ожидается от всей кавалерии, но которая тогда была поручена главным образом иррегулярной кавалерии, сформированной по образцу австрийских гусар. Еще одно новшество было предвещено в феврале, когда был внесен законопроект, позволяющий королю предоставлять комиссионные иностранным протестантам в Америке. Источником этой меры, по словам Горация Уолпола, было предложение некоего Прево, беженца-протестанта, собрать в Америке четыре батальона швейцарцев и провинциалов с британским офицером в качестве главнокомандующего, но с изрядным количеством иностранцев, занимающих другие должности. Вполне вероятно, что этот новый шаг был ускорен, если не подсказан, известием о том, что французы рассматривают возможность набора рекрутов среди иностранного населения Британской Америки. Голосование за эти четыре батальона было проведено без разделения, хотя Питт всеми силами выступал против законопроекта и был поддержан петицией от агента Массачусетса. Он яростно выступал за привлечение британских солдат для участия в британских сражениях, в то время как до сих пор самой важной военной мерой короля и министров был наем немцев. Тем не менее законопроект был принят, и 4 марта был отдан приказ о наборе четырех батальонов. Лорд Лоудун должен был стать их главнокомандующим, Пенсильвания - местом вербовки, а их титул "Королевские американцы" - название, давно вытесненное знаменитым Шестидесятым числом.

23 марта.

Однако на фоне всех этих приготовлений нация в течение первых месяцев 1756 года жила в ужасе перед вторжением. Франция, со своей стороны, не отставала в подготовке к приближающемуся соревнованию. За большой активностью в Тулоне последовала такая же активность в Дюнкерке, и, несмотря на хорошую информацию относительно истинной цели вооружений, размещенных в этих двух портах, народ, естественно, и правительство, что наиболее важно, упорствовали в убеждении, что они были предназначены для нападения на саму Великобританию. Немногие войска были готовы к такому падению, поскольку голосование не может импровизировать с обученными офицерами и солдатами, а глупость администрации сделала все возможное, чтобы отбить охоту к призыву. Когда опасность казалась близкой, многие крупные землевладельцы лично и с большим успехом заинтересовались вербовкой рекрутов; и среди прочих лорд Илчестер и лорд Дигби в Сомерсете привлекли лучших людей, которых можно было найти в сельской Англии, пообещав, что от завербованных таким образом мужчин не потребуется служить за пределами Королевства. Однако, несмотря на это обещание, эти новобранцы по приказу министерства были насильно погружены на борт транспортных средств и отправлены в Гибралтар. Никогда еще не было более жестокого и бессердечного примера недоброжелательного отношения британского правительства к британскому солдату. Остановив таким образом поток новобранцев на родине, министерство обратилось к Голландии с просьбой предоставить войска, которые она была обязана предоставить по договору. Просьба была отклонена; после чего в парламент было отправлено королевское послание, в котором объявлялось, что король в условиях нынешней опасности направил из Германии свой контингент гессенских войск для защиты Англии. Это сообщение было встречено ропотом в Палате общин, как и следовало ожидать, но возражений не последовало; и действительно, кульминация позора еще не была достигнута. То ли из желания поставить в неловкое положение Ньюкасл, то ли из желания поухаживать за королем, лорд Джордж Саквилл, офицер, которого мы вскоре узнаем слишком хорошо, выразил предпочтение ганноверцам, а не гессенцам, и предложил обращение с просьбой к королю привести свои собственные выборные войска. Питт встал с постели больного и, каким бы больным он ни был, спустился в Палату представителей,

чтобы воззвать к истории прошлого и к гордости каждого англичанина против этого предложения; однако оно было принято большинством почти три к одному. Лорды согласились присоединиться к Палате общин в этом обращении, король удовлетворил их молитву, и результатом стало то, что и ганноверцы, и гессенцы были завезены для защиты этого бедного острова, который не мог защитить себя сам.

16 Января.

Следующее дело, переданное на рассмотрение парламента, стало новым доказательством общей неразберихи в делах. Как можно было предвидеть, Фридрих Прусский отнюдь не дружелюбно отнесся к договору, заключенному королем Георгом с Россией; и теперь он предложил, в качестве альтернативы, чтобы Ганновер и Англия объединились с Пруссией, чтобы не допустить ввода каких бы то ни было войск на территорию Германской империи. Поскольку Фридрих уже объявил о своем намерении напасть на русских, если они перейдут границу, и поскольку были веские основания опасаться, что, доведенный до отчаяния, он может присоединиться к французам для захвата Ганновера, русский договор был отменен, и король Георг принял новое соглашение. Финансовые условия, прилагаемые к соглашению, были должным образом ратифицированы Палатой общин в мае, что привело к результатам, о которых еще можно было мечтать. Затем, наконец, очевидно, в качестве запоздалого размышления, война была официально объявлена. Таким образом, страна была определенно настроена на борьбу не на жизнь, а на смерть, и лорды, поддерживаемые Ньюкаслем, воспользовались возможностью отклонить законопроект об ополчении, который был единственной важной военной мерой, выдвинутой на данный момент. Общая беспомощность в данный момент из-за отсутствия сильной руки у руля почти невероятна.

8апреля.

18апреля.

Тем временем французы нанесли свой первый удар не у берегов Британии, а на Менорке. Уже в январе министерство получило достоверные разведданные об истинном предназначении вооружений противника, но не сделало достаточной подготовки к встрече с опасностью; и только 7 апреля оно отправило в Средиземное море флот из десяти кораблей, плохо укомплектованных и плохо обнаруженных, под командованием адмирала Бинга. На следующий день после отъезда Бинга двенадцать линейных кораблей под командованием г-на де ла Галиссоньера с транспортами, содержащими шестнадцать тысяч солдат под командованием герцога Ришелье, вышли из Тулона и 18-го бросили якорь у порта Сиудаделла, на северо-западной оконечности Менорки. Генерал Блейкни, губернатор, получил предупреждение о готовящемся нападении за два дня до этого и предпринял все возможные приготовления к обороне, но имевшиеся в его распоряжении средства были весьма скудны. У него было четыре линейных полка: Четвертый, Двадцать третий, Двадцать четвертый и Тридцать четвертый; к ним commodore Эджкамб, стоявший у Маона с эскадрой, слишком слабой, чтобы противостоять французам, добавил всех морских пехотинцев, которых мог выделить, прежде чем отплыть в Гибралтар. Однако даже в этом случае Блейкни мог собрать немногим более двух тысяч восьмисот человек. Но самой серьезной его трудностью была нехватка офицеров. Сам он получил звание прапорщика под командованием Каттса Саламандра при Венлоо и сохранил репутацию стойкого и отважного человека при Стирлинге в 1745 году, но сейчас ему было за восемьдесят, он был искалечен подагрой и не мог выносить непрерывных трудов осады. Тем не

менее он был вынужден взвалить на себя это бремя из-за явной нехватки старших офицеров. Вице-губернатор острова, начальник главного управления обороны форта Филип и полковники всех четырех полков отсутствовали; девятнадцать младших офицеров еще не вступили в свои соответствующие корпуса, и еще девять офицеров отсутствовали на рекрутских сборах. Всего на своих постах не хватало тридцати пяти офицеров. Это было старое зло, с которым напрасно боролся Георг Первый, и теперь оно вот-вот должно было принести горькие плоды.

Апрель.

Май.

Ришелье высадился 18-го, и Блейкни немедленно отвел все свои силы в форт Сент-Филип, чтобы закрепиться там. Эта крепость, господствовавшая над городом и гаванью Маон, была, вероятно, самой сложной из всех, которыми владели британцы, и уступала по прочности немногим твердыням в Европе. Помимо обычных разработок школы Вобана, он был укреплен бесчисленными шахтами и галереями, вырубленными в цельной скале, которые обеспечивали защитникам необычную защиту. У Блейкни было мало времени, чтобы разбить дороги или иным образом воспрепятствовать наступлению французов; и Ришелье, вошедший в город Маон 19-го числа, смог несколькими днями позже начать осаду. Его операции, однако, проводились неумело, и гарнизон защищался с большим рвением. Офицер инженерных войск, майор Каннингем по имени, направляясь в Англию с Менорки в отпуск, услышал о замыслах французов на острове и немедленно поспешил вернуться на свой старый пост, чтобы помочь в обороне; и его мастерство и ресурсы имели неоценимую ценность. Французы настолько неуклюже руководили своими операциями, что только 8 мая их батареи начали давать хоть малейший эффект.

Тем временем Бинг прибыл в Гибралтар и узнал, что происходит дальше. Он взял Седьмой стрелковый полк на борт своего флота, направлявшегося на Менорку, и получил приказ отправить еще один батальон из Гибралтара в качестве дальнейшего усиления. Генерал Фоук, однако, командовавший "Скалой", настаивал на том, что его инструкции по этому последнему пункту носят исключительно дискреционный характер и что он не может выделить батальон, поскольку у него едва хватает людей для оказания помощи обычным гвардейцам. Поэтому он отказался выделить более двухсот пятидесяти человек для замены морских пехотинцев, высаженных с флота коммодором Эджкамб. Поучительно отметить трудности, возникшие у командиров из-за пренебрежения правительства. До сих пор одной из первых мер, принятых в преддверии войны, было усиление средиземноморских гарнизонов. Теперь, после целого года предупреждений, они остались без поддержки. Более того, Ришелье простоял перед фортом Сен-Филип целых три недели, прежде чем трем батальонам наконец был отдан приказ отправиться в Гибралтар. [268] Флот Бинга был настолько слаб, что ему потребовался Седьмой стрелковый полк для несения службы на борту корабля, и поэтому он попросил у Фоуке батальон для Минорки; Позиция Фоуке была настолько слабой, что он не осмелился подчиниться; а силы Блейкни были настолько неадекватны, что, хотя он действительно мог удержаться в крепости, он осмелился не рисковать своими войсками в вылазке.

6 Июня.

9 июня.

14 июня.

27 июня.

28 Июня.

Наконец, 19 мая Бинг появился в поле зрения форта Сент-Филип, а на следующий день предпринял нерешительные действия и неудачное отступление, которое стало памятным благодаря его последующей судьбе. Осажденные, хотя и были сильно разочарованы его отступлением, все же защищались стойко и с прекрасным духом. Крепость была хорошо укреплена, а батареи хорошо и эффективно обслуживались. Теперь к Ришелье были отправлены еще шесть батальонов, и французский план атаки был изменен. Были построены новые батареи, которые 6 июня открыли огонь из более чем ста орудий и минометов, причинив большой ущерб и проделав значительную брешь. Британцы починили поврежденные укрепления и стояли у своих орудий так же стойко, как и всегда; но 9-го числа французы вновь открыли более ожесточенный огонь, чем раньше, и пробили две новые бреши. Теперь положение становилось все серьезнее; и 14-го числа отряд гарнизона предпринял вылазку, выбил французов с нескольких их батарей и укрепил орудия, но, развивая свой успех слишком далеко, был окружен и взят в плен почти до одного человека. Ришелье все еще колебался перед штурмом; и только ночью 27-го он собрался с духом для последнего усилия и предпринял грандиозную атаку на несколько кварталов крепости одновременно. Оборона была самой упорной, и удачный взрыв мины поднял в воздух три роты французских гренадер; но три главных фортификационных сооружения были захвачены, и самый способный офицер гарнизона, подполковник Джеффрис, спешивший вниз, чтобы спасти одну из них, был отрезан и взят в плен вместе с сотней своих людей. Каннингем также был тяжело ранен и признан непригодным к несению службы. Имея в запасе едва ли достаточно людей, чтобы управлять орудиями, Блейкни 28-го числа капитулировал с почестями войны, и гарнизон был отправлен в Гибралтар. Осада длилась семьдесят дней и стоила французам по меньшей мере двух тысяч человек. Потери гарнизона были относительно невелики, составив менее четырехсот человек убитыми и ранеными, и капитуляция не была позором для британской армии; но невозможно было скрыть тот позорный факт, что Менорка исчезла.

Июль.

14 июля новость достигла Англии, и нация, обезумев от ярости и стыда, яростно искала козла отпущения. Ожесточенные нападки были нанесены даже бедному старому Блейкни, который за все свои восемьдесят лет ни разу не переоделся и не ложился спать в течение десяти недель осады. Фоук предстал перед военным трибуналом за неподчинение приказам, выразившееся в отказе отправить требуемый от него батальон из Гибралтара, и, хотя его оправдали во всем, кроме ошибки в суждении, и приговорили только к годичному отстранению от службы, король уволил его со службы. В конце концов, как хорошо известно, общественное негодование обрушилось на Бинга, и несчастный адмирал был застрелен, потому что Ньюкасл заслуживал повешения. Один только старый Блейкни, как и его предки, стал героем и был награжден званием ирландского пэра. Среди всего позора того жалкого времени люди находили время, чтобы с насмешкой отмечать, что ветеран отправился ко двору в наемной карете с пехотинцем позади. Сент-Джеймс был бы не хуже, если бы в нем было еще несколько придворных и лакеев того же сурового вида.

23 июля.

Надвигались новые бедствия; но общий паралич в Англии продолжался. Те войска, которыми располагала страна, все еще были распределены так, как будто вторжение было неминуемо. Был лагерь в Челтенхеме под командованием лорда Джорджа Саквилла и еще один в Дорсетшире; гессенцы стояли под Винчестером, ганноверцы - под Мейдстоуном, артиллерия под командованием герцога Мальборо сосредоточилась в Байфлите; все они ничего не делали, когда так много нужно было сделать. Известие о поражении Брэддока пришло почти восемь месяцев назад, когда Бинг отплыл в Средиземное море, но ни один человек не отправился в Америку. До конца марта единственным предпринятым шагом была отправка полковника Уэбба с просьбой заменить Ширли на посту главнокомандующего, но с инструкциями передать командование генералу Аберкромби, который также был отправлен в Америку по прибытии; в то время как Аберкромби, в свою очередь, должен был уступить место лорду Лаудуну. Наконец, к концу апреля Тридцать пятый пехотный и сорок второй горцы были погружены на борт и прибыли в Нью-Йорк в конце июня; а месяц спустя прибыл лорд Лаудун и принял командование. Питт перед своим отбытием описал силы, находившиеся под командованием Лоудуна, как свиток бумаги, и это описание было немногим далеко от истины. Из Шестидесятого полка едва ли был сформирован один батальон; полки Ширли и Пепперелла, или то, что от них осталось, находились в гарнизоне в Освиге; а рекруты из различных колоний, как обычно, долго не набирались, поздно прибывали и не слишком хорошо снабжались. Наконец, каждый из нескольких контингентов ревностно удерживался своей провинцией под своими собственными приказами и контролем.

Ширли, не смущенный неудачами предыдущего года, обдумывал дальнейшие операции в направлении форта Фронтенак и Ниагары, а также против Краун-Пойнта; и с этой целью он накопил припасы по пути к Освиге, с одной стороны, и у фортов Эдвард и Уильям Генри - с другой. Войска, которые он назначил для Ниагары, состояли из разбитых остатков Сорок четвертого и сорок восьмого полков, части его собственного и Пепперелла полков, четырех независимых регулярных рот из Нью-Йорка и небольшого отряда провинциалов. Операция против Краун-Пойнта была поручена провинциальным силам Новой Англии и Нью-Йорка. Инструкции Лудуна, по-видимому, предписывали ему во многом ту же линию поведения, которую наметил для себя Ширли; но новый главнокомандующий проникся огромным и не совсем необоснованным презрением к Ширли и ко всем его работам. Во-первых, он обнаружил, что его предшественник опустошил военную казну и что на эти расходы было на удивление мало средств. Освего, после проверки компетентным инженером, был признан неспособным к обороне, поскольку был плохо спроектирован и неполон, в то время как гарнизон из-за болезней и пренебрежения находился в ужасающем состоянии.^[269] Факт заключался в том, что королевские лодки использовались для перевозки товаров для продажи частными спекулянтами индейцам, вместо продовольствия для питания королевских войск. Форт Уильям Генри снова был обнаружен в неопишимо грязном состоянии. Могилы, бойни и отхожие места были беспорядочно разбросаны по лагерю; дисциплина не поддерживалась; провизия скандально расходовалась впустую; и люди умирали со скоростью тридцати человек в неделю. Лудун почти сразу решил отказаться от атаки на Ниагару и направить все свои силы против Тикондероги и Краун-Пойнта.

12 августа.

9августа.

14августа.

Тем временем поползли зловещие слухи о том, что французы, вероятно, нападут на Освигу, и Лудун послал полковника Уэбба с сорок четвертым полком на усиление гарнизона. Едва Уэбб добрался по пути до Большого Перевалочного пункта, как его настигла весть, что Освигу уже схвачен. В ночь на 9-е маркиз Монкальм, энергичный офицер, прибывший в Канаду в мае 1755 года, быстро и скрытно напал на форт с тремя тысячами человек и после трехдневной канонады вынудил его сдаться. Уэбб сразу же поспешно ретировался и, встревоженный сообщением о том, что французы наступают на Нью-Йорк, сжег форт на Большом Перевалочном пункте и отступил вниз по реке Мохок. Такая робость была достойна кандидата от "Ньюкасла", и эта катастрофа остановила все операции. Монкальм, сожгший Освигу, отступил в Тикондерогу, где с пятью тысячами человек занял позицию, с которой Лудун не мог надеяться выбить его с имевшимися в его распоряжении войсками. Поэтому британский генерал удовлетворился улучшением обороны форта Эдвард; и этим завершилась кампания 1756 года в Северной Америке. Все шло настолько плохо, насколько это было возможно. Лудун проявлял большое нетерпение по отношению к провинциалам, а провинциалы не прилагали никаких усилий, чтобы помочь ему. В Пенсильвании на пути вербовки были воздвигнуты все мыслимые препятствия; в Нью-Йорке было не меньше трений по поводу расквартирования королевских войск. В ревности, неопытности, а иногда и развращенности провинциалов было достаточно причин, чтобы оправдать нетерпимость генерала, но Лудун не был склонен к примирению и не обладал способностями, вызывающими доверие. Фактически, он был еще одним из некомпетентных людей, назначенных некомпетентной администрацией. Все, что он смог показать в своей первой кампании, - это потеря Освигу, станции, которая связывала британские колонии с крупной индийской торговлей с Западом, оружейного пункта, от которого цепь французских постов должна была быть разрезана надвое, одним словом, самого острого и смертоносного оружия в арсенале британской Северной Америки. Неудивительно, что французы были полны триумфа, а британские колонии - смятения.

Известие об очередном поражении подлило масла в огонь национального негодования против Ньюкасла; но тем временем туча войны, которая так долго угрожающе нависала над Европой, наконец разразилась страшной бурей. В течение нескольких месяцев между Францией, Австрией, Саксонией, Россией и Швецией формировался союз с целью сокрушить Фридриха Великого и разделить Пруссию. Мадам де Помпадур вовлекла Францию в этот странный союз в отместку за пренебрежительный отказ Фридриха принять дружеское послание; царица аналогичным образом стремилась отомстить за эпиграмму; Австрия горела желанием вернуть Силезию; Австрия соблазнила Саксонию долей в разделенной Пруссии; а Швеция попала на удочку Померании. Фридрих, полностью осведомленный обо всем, что происходило в будущем, решил встретить опасность лицом к лицу, а не ждать ее, и, смело вторгшись в Саксонию, начал Семилетнюю войну. Когда это должно закончиться, никто не мог предугадать. Единственное, что было несомненно, так это то, что Фридриху, далекому от защиты Ганновера, придется немало повозиться, чтобы защитить себя. Таким образом, с одной стороны, Ганновер был открыт для нападения, а с другой - потеряна Менорка, британская военно-морская репутация запятнана, а Франция торжествовала в Америке. Более того, хотя люди еще не знали об этом, весть о потере Калькутты и о трагедии с Черной дырой уже тогда разнеслась по океану. Возмущение против правительства достигло опасной высоты; Фокс покинул Ньюкасл и подал в отставку; и, наконец, в ноябре сам старый жулик после бесконечных интриг, направленных на сохранение должности, неохотно и нелюбезно уступил место, номинально герцогу Девонширскому, но на самом деле Уильяму Питту.

2 декабря.
1757 г.
Январь.

2 декабря состоялось заседание парламента, и дух нового министра сразу проявился в речи, произнесенной с трона. Войска выборщиков и жители Гессена должны были быть немедленно отправлены обратно в Германию; и теперь королевское желание, которого не было до вступления Питта в должность, состояло в том, чтобы сделать ополчение более боеспособным. Одним словом, отныне Англия должна была вести свои сражения за себя. Двумя днями позже был предоставлен отпуск для внесения законопроекта об ополчении, а 15-го были представлены сметы численности британского подразделения в тридцать тысяч человек для службы Великобритании и девятнадцать тысяч для колоний, не считая двух тысяч артиллеристов и инженеров; отсутствие Менорки на ее обычном месте в списке гарнизонов дает важный комментарий к ситуации в целом. Из дополнительных войск пятнадцать тысяч были уже назначены на службу в сентябре, когда был отдан приказ о придании второго батальона каждому из пятнадцати Линейных полков.^[270] Эти батальоны двумя годами позже были преобразованы в отдельные полки, из которых десять до сих пор остаются с нами, пронумерованные с Шестьдесят первого по Семидесятый. Это пополнение показало признаки влияния Питта, но после рождественских каникул дело его рук проявилось в новом и смелом эксперименте, а именно в формировании двух полков горцев численностью по тысяче сто человек в каждом, которые, хотя впоследствии и были расформированы, прославились под именами своих полковников Фрейзера и Монтгомери.^[271] Идея была смелой, поскольку она вырвала последнее оружие из умирающих рук якобитизма и обратила его против самого себя; и результат вскоре подтвердил ее успех. Существующие шотландские полки должны были предоставить восемьдесят унтер-офицеров, говорящих по-гэльски;^[272] и горец отныне занял свое место не как ниспровергатель тронов, а как строитель империй. В то же время примечательно отметить внезапную волну энергии, захлестнувшую всю военную администрацию в первые недели 1757 года, когда дыхание одного великого человека однажды пробило родники и подняло стоячие воды. Полки Ширли и Пепперелла, которые были разбиты при Освиго, были вычеркнуты из списков армии, чтобы освободить место для более боеспособных корпусов.^[273] Немоштные министры Ньюкасла распорядились отправить в Америку только один батальон, помимо призывников: Питт, не отдавая встречных приказов, приказал усилить и отправить еще семь батальонов.^[274] Сорок девятый полк, служивший на Ямайке, был увеличен почти вдвое по сравнению с прежней численностью, чтобы подбодрить колонистов на этом острове. Королевская артиллерия была увеличена в общей сложности до двадцати четырех рот и разделена на два батальона, и к ней была присоединена рота минеров, впервые сформированная шесть месяцев назад.^[275] Наконец, морская пехота, численность которой постепенно увеличивалась с начала войны, была увеличена со ста до ста тридцати рот, так что недостатка в людях для флота быть не должно. Дух мастера проявлялся не только в простой деятельности подразделений и повсеместном наборе сержантов. Нация была взбудоражена таким военным рвением, какого она не испытывала со времен Гражданской войны, и в армии царил ажиотаж по поводу получения чинов.^[276]

При повторном созыве парламента Законопроект о милиции был снова внесен на рассмотрение, и, хотя он не был принят Палатами лордов до июня, был настолько важной чертой первого короткого правления Питта, что с ним можно разобраться здесь раз и навсегда. Эта мера была введена Джорджем Таунсендом и была практически идентична той, которая

была отклонена в предыдущем году, хотя Генри Конвей, видный офицер, подготовил альтернативную схему, которая многим понравилась. Принятый в конечном итоге законопроект определял количество людей для ополчения в каждом графстве Англии и Уэльса, от Девоншира и Миддлсекса, которые должны были предоставить по тысяче шестьсот человек на каждого, до Англси, где требовалось не более восьмидесяти. Эти люди должны были быть выбраны по жребию из списков, составленных приходскими властями для лордов-лейтенантов и их заместителей; и каждый выбранный таким образом человек должен был служить в течение трех лет, по истечении которых он должен был пользоваться освобождением до тех пор, пока снова не придет его время. Таким образом, было задумано, что каждый подходящий мужчина по очереди должен проходить служебную карьеру и служить в течение определенного срока. Судьям и заместителям лейтенантов были предоставлены особые полномочия отстранять мужчин от службы по достаточно веской причине или после двух лет службы, если им было больше тридцати пяти лет. Обладание определенным имуществом требовалось в качестве квалификации для офицеров, которые также имели право уволиться после четырехлетней службы при условии, что на их место можно было найти других. Было также предусмотрено назначение королем адъютанта из регулярной армии в каждый полк и сержанта на каждые двадцать человек. Организация состояла из полков численностью от семи до двенадцати рот, в которых ни одна рота не должна была быть меньше восьмидесяти человек. Лорд-лейтенант каждого графства командовал ополчением этого графства; и в случае острой опасности король был уполномочен задействовать все силы, доводя свои доводы до сведения парламента, если тот заседал, когда офицеры и рядовые получали право на жалование, соответствующее их званию в армии, и подчинялись статьям военного устава. Частью первоначального замысла, одобренного с оговорками самим Питтом, было то, что воскресенье должно быть днем физических упражнений, как в Швейцарии и других протестантских странах; но этот пункт был исключен в связи с петициями нескольких несогласных сект, и в конце концов было принято решение, что солдаты должны проходить муштру полротами и целыми ротами попеременно каждый понедельник с апреля по октябрь. Закон был принят не без особого сопротивления со стороны лордов, которые действительно сократили численность вооруженных сил до тридцати двух тысяч человек, или половины от численности, за которую проголосовала Палата общин, и добавили пункты, затруднявшие реализацию этой меры. Поначалу это не обошлось без опасных беспорядков в некоторых кругах, главным образом из-за недобросовестного использования, о котором уже говорилось, людей, призванных на службу дома на дипломатической службе. Тем не менее важный шаг был сделан. Для внутренней обороны были созданы местные силы, а регулярная армия была освобождена для службы за границей, или, точнее, для завоевательной службы.

Во время первых дебатов по законопроекту об ополчении сам Питт отсутствовал, будучи прикован к своему дому из-за подагры; и только 17 февраля он появился на своем месте, чтобы поддержать королевскую просьбу о субсидиях Ганноверу и королю Пруссии. Этот случай вызвал в его адрес немало сарказмов, поскольку никто так яростно не осуждал превращение Великобритании в дойную корову для электората; но он в своей обычной властной манере отмел насмешки в сторону, поскольку, последовательный или непоследовательный, он, по крайней мере, знал, что у него на уме. Одно дело, когда британские интересы были подчинены ганноверским, но совсем другое - когда Британия и Ганновер шли плечом к плечу против общего врага ради их общей выгоды. Завоевание Америки Германией было, как мы увидим, не праздной фразой, хотя немногие пока могли понять ее смысл. Но внезапно в этот момент

карьера Питта была на мгновение остановлена. Несмотря на это доказательство своей преданности делу Ганновера, король по-прежнему недружелюбно относился к своему новому министру и фактически нашел в опасности, которая угрожала его любимому электорату, предлог для отстранения его от должности. В марте 1757 года французская армия численностью в сто тысяч человек перешла Рейн, и для противодействия ей пришлось вызвать ганноверские войска. Король настаивал на том, чтобы герцог Камберлендский командовал этими войсками, но герцог ни в коем случае не стремился принять это доверие. Воспоминание о прошлых неудачах угнетало его; и поскольку он ненавидел Питта, то не желал переписываться с ним или зависеть от него в получении инструкций и припасов. Чтобы устранить эту трудность, король согласился сместить Питта, и таким образом гениальный министр был отброшен, чтобы на поле боя мог выйти неумелый командир. Это было мероприятие, более достойное Версаля, чем Сент-Джеймса.

5 апреля Питт, отказавшийся подать в отставку, получил уведомление о своем увольнении; но к этому времени нация была взбудоражена до такой степени, что не потерпела возврата к идиотской и позорной администрации последних двух лет. Акции упали; все крупнейшие города Англии передали свободу своих корпораций Питту, и, по выражению Уолпола, в течение нескольких недель сыпались ящики с золотом. Король обратился к Ньюкаслу, но презренный старый интриган тщетно пытался сформировать правительство с Питтом или без него. Целых одиннадцать недель продолжались переговоры, и страна осталась фактически без какого-либо правительства, пока, наконец, не стало ясно, что возвращение Питта к власти неизбежно, и 27 июля, хотя Ньюкасл все еще сохранял пост первого лорда казначейства, Питт был, наконец, восстановлен в должности государственного секретаря на его собственных условиях, то есть с полным контролем над войной и иностранными делами. "Я воспользуюсь большинством голосов герцога, чтобы продолжить правление, - сказал он. - Я уверен, что смогу спасти эту страну и что никто другой не сможет".

9 Июля.

Это был поворотный пункт всей войны; но во время политической борьбы было упущено много драгоценного времени, все предприятия были парализованы, а все приготовления расстроены. Таким образом, новые несчастья все еще были под рукой, чтобы усугубить трудности нового министра. В январе Лудун получил Двадцать второй полк и призывной лист, присланный ему правительством Ньюкасла; но в апреле он все еще ожидал инструкций относительно предстоящей кампании, а пока мало что мог сообщить, кроме трудностей, создаваемых провинциальными властями на пути набора.^[277] Намерение Питта, согласно собственным заявлениям Лудуна, состояло в том, что он должен атаковать Луисбург; и семи батальонам, о которых уже говорилось, было приказано отправиться с этой целью в Галифакс. Эти войска были погружены на борт 17 марта, но были задержаны встречными ветрами до дня увольнения Питта; и хотя, по-видимому, были предприняты некоторые усилия, чтобы вывести их в море несколькими днями позже, тем не менее несомненно, что по той или иной причине они достигли Галифакса только в июле.^[278] Между тем положение Лудуна было крайне затруднительным. Он отвел все свои войска от границы в Нью-Йорк и ждал только известий об эскадре адмирала Холберна и подкреплении, чтобы сесть на корабль и отплыть в Галифакс, чтобы присоединиться к ним. До него не дошло ни слова о Холберне, и все, что он смог выяснить, - это неприятный факт, что у побережья был замечен французский флот, достаточно сильный, чтобы уничтожить его собственный эскорт и потопить все его транспорты.^[279]

Наконец он решил, что следует рискнуть, погрузил свои войска и благополучно прибыл в Галифакс, где десять дней спустя к нему присоединилась эскадра Холберна. Войска были высажены, и затем, но не раньше, были предприняты шаги для получения разведданных о состоянии Луисбурга. Один этот факт позволяет нам судить об эффективности Лудуна как командира. Первые полученные донесения, хотя и скудные, были обнадеживающими, и войска были вновь отправлены в бой; но сразу после этого из перехваченного письма стало известно, что двадцать два французских линейных корабля находятся в гавани Луисбурга и что гарнизон увеличен до семи тысяч человек. Французские военно-морские силы настолько превосходили силы Холберна, что любая попытка преследовать "Энтерпрайз" была безнадежной. Поэтому экспедиция была прекращена, и войска отплыли обратно в Нью-Йорк.

31 июля.

4 августа.

9 августа.

Тем временем разоружение границы предоставило Монкальму возможность нанести решающий удар. В конце июля восемь тысяч французов, канадцев и индейцев были собраны в Тикондероге, а 30-го числа две с половиной тысячи из них под командованием офицера по имени Леви двинулись маршем к северо-Западной бухте на западном берегу озера Джордж, в то время как Монкальм с еще пятью тысячами человек сел в бато на озере Шамплен. На следующий день обе дивизии объединились недалеко от форта Уильям-Генри, а 3 августа Монкальм, помня о поражении при Дискау, осадил форт по форме. Форт Уильям Генри представлял собой квадратный бастион неправильной формы, построенный из перекрещенных бревен, засыпанных землей, и с семнадцатью орудиями. С северной стороны он был защищен озером, с восточной - болотом, а с юга и запада - рвами и *шево-де-фризе*. Гарнизон, который был усилен несколькими днями ранее в связи с надвигающимися неприятностями, насчитывал в общей сложности две тысячи двести человек, включая регулярные войска, матросов и механиков, под командованием шотландского офицера-ветерана, подполковника тридцать пятого пехотного полка Монро. В ночь на 4-е были открыты траншеи на западной стороне форта, а два дня спустя французские батареи открыли огонь. Форт энергично отвечал огнем, но было очевидно, что, если его не освободить быстро, его падение может быть только вопросом времени. Полковник Уэбб находился всего в четырнадцати милях отсюда, в форте Эдвард, и, поспешно вызвав войска из Нью-Йорка и с постов на Могавке, собрал силы численностью более четырех тысяч человек; но у Монкальма, как сообщалось, было двенадцать тысяч человек, и Уэбб не считал благоразумным продвигаться к Лейк-Джорджу до получения дополнительных подкреплений. Поэтому он отправил Монро письмо, в котором советовал ему выдвинуть наилучшие условия, какие только мог, которое было перехвачено Монкальмом и вежливо переслано им по назначению. Осада энергично продвигалась вперед, и к 8-му числу осажденные оказались в отчаянном положении. Более трехсот человек были убиты и ранены, все орудия, за исключением нескольких небольших частей, были выведены из строя, и, что хуже всего, в форте свирепствовала оспа. Таким образом, 9-го числа Монро капитулировал на почетных условиях, которые предусматривали, среди прочих условий, что французы должны сопровождать гарнизон в форт Эдвард. На марше индийские союзники французов ворвались в ряды безоружных британцев, не остановленные канадским ополчением, и, несмотря на усилия Монкальма и его офицеров, убили восемьдесят из них и жестоко обращались со многими

другими. Однако это, хотя и могло бы возбудить мстительные чувства британцев, было всего лишь эпизодом. Серьезными фактами были потеря поста на Лейк-Джордж и еще одно поражение Британии в Северной Америке.

26 июля.

5 сентября.

Таково было одно из последних наследий, оставленных слабостью Ньюкасла; а тем временем упрямство короля, сместившего Питта с поста, навлекло скорый суд на него самого и на Камберленда. Герцог потерпел поражение от французов в битве при Хастенбеке и, отступая к Штаде, заключил, или, скорее, счел заключенным за себя Клостерцевенскую конвенцию, по которой он согласился эвакуировать страну. Таковы были разочарования, с которыми столкнулся Питт, вернувшись к исполнению своих обязанностей. Было трудно понять, как он мог начать какие-либо ценные операции в столь позднее время года, но был один вид диверсии, который, хотя и мало рекомендованный опытом прошлого, все еще оставался для него открытым, а именно высадка на побережье Франции. Молодой шотландский офицер, путешествовавший по Франции, сообщил разведданные, основанные на не очень тщательных или недавних наблюдениях, о том, что укрепления Рошфора легко атаковать; и Питт, получив эти разведданные, сразу же задумал напасть на Рошфор врасплох и сжечь корабли в Шаранте под ним. Несколько поспешно было решено направить на это предприятие десять лучших батальонов и мощный флот, и военное командование было предложено лорду Джорджу Саквиллу, который, не придя в восторг от этой задачи, нашел предлог для отказа. Питт был тогда за то, чтобы доверить это дело генералу Генри Конвею, но король возражал против этого офицера из-за его молодости и настоял на том, чтобы поставить над ним сэра Джона Мордонта, ветерана, который в прошлом проявил заслуги, но теперь потерял самообладание и сознавал, что потерял его. И он, и Конвей одинаково возражали против проекта, поскольку он основывался на надуманной и недостаточной информации, но оба считали себя обязанными честью принять оказанное им доверие.

Сентябрь. 8.

Октябрь.

Хотя решение об экспедиции было принято в июле, только два месяца спустя она отплыла из Англии, а тем временем войска, как обычно, ждали на острове Уайт.^[280] С обеспечением транспортов произошла большая задержка, а посадка была настолько плохо организована, что войскам пришлось грести целую милю до своих кораблей. Однако 8 сентября суда вышли в море под конвоем из шестнадцати линейных кораблей под командованием сэра Эдварда Хоука и после долгой задержки из-за сильного ветра и штиля бросили якорь на Баскских дорогах, в гавани, которой полвека спустя суждено было прославиться нападением совсем другого рода. 23-го числа укрепления острова Экс были разгромлены флотом, а сам остров захвачен; но на этом операции резко прекратились. Свежая информация показала, что французы были полностью готовы отразить атаку на Рошфор; и военный совет решил, что любая попытка взять его эскаладой будет безнадежной. Поэтому было решено атаковать форты в устье Шаранты, но Мордонт отменил этот приказ; и после недельной задержки Хоук дал генералу понять, что, если операции не будут продолжены немедленно, он вернется с флотом в Англию. Вслед за этим военное командование решило, что они вернутся вместе с ним, что они и сделали 1 октября, к

огромному возмущению как флота, так и армии. Из-за столь обширных и дорогостоящих приготовлений по этому абсурдному вопросу было проведено судебное расследование, и сэр Джон Мордонт предстал перед военным трибуналом, но был с честью оправдан. Этот инцидент вызвал ожесточенную войну памфлетов. Несомненно, что Мордонт проявил поразительную пассивность, и его заподозрили в желании подорвать влияние Питта, превратив предприятие в посмешище; но учитывая, что среди старших офицеров были такие люди, как Вульф, Конвей и Корнуоллис, единственный вывод состоит в том, что, по мнению военных, ни одна операция не могла иметь ни малейшей ценности. Военное мнение с самого начала было против экспедиции. Лигонье, отважный офицер, но обладавший большим опытом и здравомыслием, писал о ней в самых вялых выражениях, как о том, что она, скорее всего, ни к чему не приведет. В целом складывается впечатление, что войска были посланы с дурацким поручением, и что вина лежит исключительно на Питте. Нация была в ярости, и король проявил заметную холодность по отношению к генералам, участвовавшим в провале; но Питт, который был обижен и разочарован больше, чем кто-либо другой, не предпринял ничего, кроме как продвинул Вулфа, который выступал за активные меры, через головы нескольких других офицеров, и таким образом, по крайней мере, одним способом отделил добро от зла.

Так закончился предвыборный сезон 1757 года с неизменным рекордом неудач в каждом квартале. Но теперь во главе дела стоял правильный человек, который искал вокруг себя нужные инструменты. Долгий период темноты подошел к концу, и свет вот-вот должен был пробиться, сначала мерцающими ломаными лучами, но вскоре засиять единым сиянием ослепительного и превосходящего великолепия.

КНИГА X

ГЛАВА I

1757.

Теперь у Питта были развязаны руки для осуществления тех предприятий, которые он мог пожелать, - действительно, более развязанные руки, чем у любого из его предшественников за последние десять лет; поскольку Камберленд, плохо принятый королем по возвращении из Хастенбека, отказался от должности главнокомандующего и всех своих военных назначений любого рода. Питт, сознавая, что с герцогом обошлись жестоко, не скрывал своей симпатии к нему; но не может быть сомнений в том, что Лигонье, сменивший его на посту главнокомандующего, был бесконечно более компетентным военным советником и более

отзывчивым коллегой по военной службе. И был необходим солидный военный потенциал, чтобы справиться со всеми проектами, которые зрели в бурлящем мозгу министра.

23 июня.

Декабрь.

Парламент собрался 1 декабря, и в речи короля, после объявления энергичного продолжения войны в Америке и других местах, содержалась просьба поддержать короля Пруссии. К счастью, именно в этот момент Фридрих достиг наивысшего положения в глазах общественности благодаря своим двум мастерским победам при Россбахе и Лойтене; и парламент без колебаний утвердил субсидию ему, чтобы он мог продолжать борьбу. Но в других отношениях Питту было нечем похвастаться за прошедший год, и он был вынужден ограничиться восхвалением Фредерика и Клайва, чья победа при Плесси, только что ставшая известной в Англии, не могла быть приписана каким-либо экстраординарным усилиям со стороны британского министерства. Слово "в другом месте" в речи короля было понято как обозначающее Ганновер, хотя Питт горячо отверг любое подобное толкование термина; но Палата общин не стала спорить ни с ним, ни с оценками, которые были представлены в поддержку политики. Они были представлены 7 декабря и демонстрировали силы британского истеблишмента в восемьдесят шесть тысяч пятьсот человек, тридцать тысяч из них - для Гибралтара и колоний, а остальные номинально для службы дома. Однако четыре тысячи из этого числа были инвалидами, которых держали только для несения службы в гарнизоне - система, мудро скопированная с прежних времен и применявшаяся с начала и до конца войны. Со времени формирования горцев Фрейзера и Монтгомери был сформирован только один новый полк, а именно полк полковника Дрейпера, который был создан для службы в Индии и который довел количество Линейных полков до семидесяти девяти. Добавляя войска ирландцев к войскам британского истеблишмента, полную численность армии можно определить примерно в сто тысяч человек. Вскоре стало ясно, чего Питт сможет добиться с их помощью, когда найдет офицеров, которые будут выполнять его инструкции.

Сначала его внимание привлекла Америка, и с ней разобрались вкратце. Первое, что нужно было сделать, это отозвать лорда Лоудуна из командования, решение, которое было выполнено до конца года,^[281] и назначить на его место нового генерала. Выбор пал на генерала Джеймса Аберкромби, которого направила администрация Ньюкасла; и выбор был неудачным. Следующим шагом было вызвать полковника Джеффри Амхерста из Германии, где он работал с 1756 года комиссаром гессенских войск на жалованье Англии. Амхерст, как следует помнить, был гвардейцем, и в последний раз мы видели его адъютантом Лигонье на поле Фонтенуа; так что, по крайней мере, вероятно, что его назначение произошло благодаря влиянию Лигонье. Для службы под его началом были назначены три новых бригадира: Лоуренс, Уитмор и Джеймс Вулф. Операции, которые предстояло провести в Америке, были тройственными. В первую очередь предстояло осадить Луисбург, и эта обязанность была возложена на Амхерст с четырнадцатью тысячами регулярных войск. Одновременно должно было быть предпринято наступление на Краун-Пойнт и, по возможности, продвигаться к Монреалю и Квебеку; обслуживание этого было поручено Аберкромби, которому помогал бригадный генерал Лорд Хоу, с примерно десятью тысячами регулярных войск и двадцатью тысячами провинциальных войск. Наконец, тысяча девятьсот регулярных войск и пять тысяч провинциалов под командованием бригадного генерала Форбса должны были исправить неудачу Брэддока и захватить форт Дюкесн.^[282] Количество задействованных провинциальных войск было в пять

раз больше, чем предоставлено колониями в любом предыдущем году; но Питт, запрашивая столь внушительные силы, согласился снабдить войска палатками, провизией, оружием и амуницией, оставив провинции расходы на содержание, одежду и выплату только им. Более того, он скорректировал прежние правила относительно старшинства провинциальных и имперских офицеров, которые вызывали много оскорблений, в духе, несколько менее ущемляющем интересы провинциалов. Верный своему принципу, что в битвах за Британию должны участвовать британские подданные, он не жалел средств, чтобы набрать рекрутов из новых британских войск за морем.

Войска должны были сопровождаться в Америку флотом под командованием адмирала Боскавена, который был достаточно силен, чтобы одолеть любой французский флот в американских водах. Эскадра под командованием адмирала Осборна также была отправлена в Средиземное море для перехвата любых французских подкреплений из Тулона, в то время как еще одна эскадра под командованием сэра Эдварда Хоука крейсировала с аналогичной целью перед Рошфором. Имя Осборна было забыто, а меньшие заслуги Хоука были поглощены славой его действий при Кибероне; но здесь можно сказать раз и навсегда, что оба офицера исполнили свою роль с замечательными способностями и знаменательным успехом. Читатель теперь может начать судить о таланте Питта организовывать победы.

1758.

19 февраля.

Боскавен с двадцатью тремя линейными кораблями и несколькими судами меньшего размера вышел в море со своим конвоем транспортов 19 февраля. Питт надеялся, что осада Луисбурга должна была начаться к 20 апреля;^[283] но судьба была против него, и адмирал добрался до Галифакса только 9 мая. Амхерсту, который плавал с капитаном Джорджем Родни в *Дублине* 16 марта, не меньше не повезло в пути; а Боскавен, прождав его прибытия в Галифакс до 28 мая, наконец вышел в море без него, но, к счастью, встретил *Дублин* сразу за гаванью. Огромный флот, всего сто пятьдесят семь судов, с одиннадцатью тысячами солдат на борту, затем взял курс на восток и 2 июня вошел в залив Габарус, непосредственно к западу от мыса суши, на котором стоял Луисбург. Здесь было три возможных места высадки: Пресноводная бухта в четырех милях от города; Флэт-Пойнт, который был несколько ближе; и Уайт-Пойнт, который находился в миле от крепостных валов. К востоку от крепости находилось еще одно место высадки, называвшееся Лорамбек. Было решено угрожать всем этим пунктам одновременно: Лоуренс и Уитмор со своими соответствующими бригадами продвигались к Уайт-Пойнту и Флэт-Пойнту, один полк был выделен против Лорамбека, в то время как бригада Вулфа должна была предпринять настоящую атаку на Пресноводную бухту.^[284] Ничего особенно ясного не было известно о французских оборонительных сооружениях, возведенных для прикрытия этих мест высадки, и случилось так, что пункт, выбранный для атаки, был наиболее хорошо защищен из всех.

8Июня.

В течение пяти дней все попытки высадки были сорваны туманом и штормом; но в два часа ночи 8-го числа войска были рассажены по шлюпкам, а на рассвете фрегаты флота подошли и открыли ожесточенный огонь по французским укреплениям во всех угрожаемых точках. Четверть часа спустя лодки отчалили и поплыли к берегу. Отряд Вулфа состоял из пяти рот гренадеров, отряда из пятисот пятидесяти стрелков, набранных из разных полков и известных

как Легкая пехота, и отряда американских рейнджеров, при поддержке горцев Фрейзера и еще восьми рот гренадеров. Пляж в Пресноводной бухте, который они готовили, был длиной в четверть мили, со скалами по обоим концам; а на берегу над ним более тысячи французов залегли за окопами, которые были дополнительно прикрыты абати. Восемь пушек и вертлюжных установок были установлены для прочесывания каждого участка пляжа и подходов к нему, но были хитро замаскированы молодыми вечнозелеными кустарниками, посаженными перед ними. Французы не были виноваты, когда выбрали точку, наиболее удаленную от города, как наиболее вероятную для нападения противника.

Лодки были уже близко к берегу, прежде чем французы подали какой-либо знак, когда они внезапно открыли смертельный огонь из картечи и мушкетов. Вулф, видя, что высадка перед лицом такого шквала обстрелов была бы безнадежной, дал сигнал шлюпкам отваливать; но три из них, заполненные легкой пехотой на крайнем правом фланге, будучи практически незащищенными от огня, подтянулись к скалистому выступу чуть восточнее пляжа, который был защищен от вражеских пушек небольшой выступающей косой. Там три дежурных офицера спрыгнули на берег в сопровождении своих людей, и Вулф поспешил на остальных своих лодках к тому же месту. Майор Скотт, командовавший легкой пехотой, первым достиг берега; и хотя его лодка разбилась о скалы, он выбрался на берег и, имея не более десяти человек, выстоял против шестеро превосходящих его по численности французов и индейцев, пока ему на помощь не пришли другие войска. Остальные лодки следовали вплотную за ним. Многих затопило, и немало перевернулось; некоторые из мужчин тоже были подхвачены прибоем и утонули; но большая часть выбралась на берег мокрая или сухая, Вулф, вооруженный только тростью, прыгал в прибой и карабкался по скалам вместе с первым. Оказавшись на твердой земле, солдаты построились, атаковали ближайшую французскую батарею с фланга и быстро разнесли ее штыком. Бригада Лоуренса подплыла к берегу и, обнаружив, что французы полностью заняты Вулфом, высадилась на западной оконечности пляжа без особых трудностей и потерь. Амхерст последовал за ним; и французы, видя, что их атакуют справа и слева, и опасаясь быть отрезанными от города, побросали все свои орудия, около тридцати трех больших и малых орудий, и бежали в лес в тыл своих окопов. Британцы преследовали их до тех пор, пока, выйдя из леса, они не оказались на расчищенном пространстве, и пушки Луисбурга открыли по ним огонь. Затем преследование прекратилось, поскольку была достигнута первая крупная цель. Общие потери британцев немногим превысили сотню убитыми, ранеными и утонувшими; французов было ненамного больше, но британцы добились солидного успеха.

Амхерст разбил свой лагерь сразу за пределами досягаемости орудий крепости и выбрал бухту Флэт-Пойнт-Коув в качестве места для высадки своих орудий и припасов. Выгрузка материалов была задачей чрезвычайной сложности и опасности из-за прибоя, настолько сильной, что за время осады было затоплено более ста лодок. Поэтому у генерала было достаточно времени, чтобы осмотреть местность перед собой. Гавань Луисбурга представляет собой не имеющий выхода к морю залив с предельной шириной с северо-востока на юго-запад около двух с половиной миль. Вход в него имеет ширину чуть больше мили, но сужается менее чем наполовину из-за цепи скалистых островков. Обороной входа служили батарея на небольшом острове на западной стороне ла-манша и форт на восточном берегу на мысе Маяк-Пойнт. В пределах гавани на северном берегу стояла батарея, известная как Большая батарея, но она была разрушена французами в ночь высадки Амхерста; а на западном берегу на треугольном полуострове стоял сам Луисбург, американский Дюнкерк, вершина треугольника указывала в сторону гавани, основание - на землю, где сейчас стояли лагерем войска Амхерста. Полный

контур его укреплений составлял около полутора миль, а количество орудий и мортир, установленных на нем и на внешних укреплениях, превышало двести. Гарнизон состоял из пяти батальонов регулярных войск численностью около четырех тысяч человек, а также нескольких рот колониальных войск из Канады; всем этим командовал доблестный офицер по имени Друкур. Наконец, в гавани на якоре стояли пять линейных кораблей и семь фрегатов. Самый сильный фасад крепости находился на стороне суши, протянувшейся от моря на юге до гавани на севере: он состоял из четырех бастионов, которые последовательно назывались с севера на юг бастионами дофина, короля, королевы и принцессы. Королевский бастион составлял часть цитадели, и перед ним гласис спускался к болоту, которое полностью защищало его; но на обоих концах линии были возвышенности, благоприятные для действий осаждающих. Свою первую атаку Амхерст решил провести с северной оконечности, с холма на краю болота.

25 июня.

29 июня.

Между тем работа, которую предстояло выполнить, прежде чем оружие и припасы могли быть доставлены на место, была огромной. Расстояние от места высадки составляло полторы мили, причем каждый ярд его состоял из глубокой грязи, покрытой мхом и водорослями, через которые нужно было прокладывать не только дорогу, но и эполеты для защиты дороги; ибо французский фрегат "*Артюза*" стоял в лагуне, называемой Барашуа, в крайнем западном углу гавани и прочесал всю землю перед крепостными валами фланговым огнем. Таким образом, пока продвигалась эта работа, Вулфу было приказано с тысячей сотнями человек и артиллерией отправиться на батарею в Маяк-Пойнт, которая была оставлена французами, чтобы обстрелять Островную батарею и корабли в гавани. Через несколько дней островная батарея была заставлена замолчать с помощью флота, и военные были загнаны под орудия главной крепости. Таким образом, вход в гавань был открыт для британского флота, и французский командующий под покровом туманной ночи потопил шесть больших кораблей в канале, чтобы снова перекрыть проход.

9 июля.

14 июля.

21 июля.

В тот самый день, когда Вулфу удалось заставить замолчать островную батарею, приготовления Амхерста были наконец завершены, и британцы начали обустраиваться на назначенном холме. Оттуда траншеи были проложены, несмотря на огонь "*Артузы*", в направлении Барашуа; и вскоре стало очевидно, что фрегат будет вознагражден за все причиненное им зло. В то же время Вульф прокладывал путь к югу, противоположному бастиону Принцессы, и, несмотря на ожесточенную вылазку, предпринятую пьяной компанией гарнизона, неуклонно продвигал свои укрепления к нему. Еще через три недели сеть смыкалась все туже, а огонь все яростнее обрушивался на обреченную крепость. "*Артюза*", доблестно стоявшая на якоре под все усиливающимся огнем, была вынуждена, наконец, сменить позицию. Два дня спустя Вулф, столь же энергичный при атаке слева, как и при атаке справа, с наступлением темноты бросился на возвышенность всего в трехстах ярдах от бастиона Дофина, выбил занявших его французов и не был вынужден отступить под самым яростным огнем с крепостных валов. 21-го числа удачный снаряд попал в один из французских линейных кораблей и поджег его. Немногочисленная команда, оставшаяся на борту, не смогла остановить пламя. Она снялась со

своего причала на двух своих супругах и тоже подожгла их; и все трое сгорели до кромки воды. Два оставшихся линейных корабля пережили их лишь ненадолго, потому что несколько ночей спустя шестьсот моряков бесшумно вошли на веслах в гавань, застали врасплох и взяли в плен оба корабля. Один из них, оказавшись на мели, сгорел, а другой, не обращая внимания на пожар, был отбуксирован из крепости на безопасную якорную стоянку.

27 июля.

К этому времени батареи Амхерста сделали Луисбург почти беззащитным. Каменная кладка крепости рассыпалась под ударами ее собственных орудий и была мало способна выдержать обстрел англичан. Новая батарея, возведенная на холме к северу от Барашуа, простреливала западный фронт французских укреплений из конца в конец, и противостоять ее огню было невозможно. 26 июля замолчало последнее орудие на этом фронте, и была пробита реальная брешь. Затем Друкур предпринял попытки к капитуляции. Ответ Амхерста был коротким и суровым: гарнизон должен сдаться как военнопленный, и определенный ответ должен быть получен в течение одного часа. Друкур сначала ответил вызовом, но прежде чем его посланец успел добраться до Амхерста, он отправил второго эmissара принять условия; и на следующий день британцы заняли крепость. Потери осаждающих были невелики, немногим превышая пятьсот убитых и раненых всех званий. Потери французов неизвестны, но, должно быть, были очень велики, от болезней не меньше, чем от пуль и снарядов. Число солдат и матросов, попавших в плен, составило пятьдесят шестьсот человек, в то время как вместе с крепостью было сдано более двухсот пушек и большое количество боеприпасов и припасов. Таким образом, Кейп-Бретон, а вместе с ним и остров принца Эдуарда, навсегда перешли под власть британцев.

Когда осада закончилась, Амхерст предложил Боскавену проследовать в Квебек, но адмирал не счел это предприятие осуществимым. Доблестная защита Друкура, действительно, достигла одной цели - не позволила Амхерсту сотрудничать с Аберкромби в нападении на Канаду; хотя, если бы осада была начата в день, установленный Питтом, его усилия были бы малоэффективны. Поэтому Амхерст оставил четыре батальона для гарнизона Луисбурга,^[285] и отправил полковника Монктона, полковника лорда Ролло и Вулфа, каждого с достаточными силами, для завершения работы по покорению острова принца Эдуарда, залива Фанди и залива Святого Лаврентия. Вулф, выполнив свою часть задачи, отправился домой на больничный, а Амхерст отплыл с пятью батальонами^[286] в Бостон, куда он прибыл 14 сентября и был принят жителями с огромным, хотя и довольно неудобным энтузиазмом.^[287] Его присутствие было слишком остро необходимо, чтобы исправить ущерб, причиненный недееспособностью Аберкромби.

Перспективы Аберкромби в начале кампании были такими, что могли бы воодушевить любого генерала. Водрейль, губернатор Канады, коррумпированный и неспособный человек, зная о планируемом наступлении британцев со стороны озер Джордж и Шамплейн на Тикондерогу и Краун-Пойнт, предложил предотвратить это контрнаступлением вдоль реки Мохок на Гудзоне. Этот план, будучи расплывчатым и фактически невыполнимым, был оставлен; и защита подступов к Монреалю была поручена Монкальму, который был расквартирован в Тикондероге с недостаточными силами численностью около четырех тысяч человек и без поддержки со стороны постов выше по озеру. Для Аберкромби, располагавшего семью тысячами регулярных войск и девятью тысячами провинциалов, разоблачение этих слабых и изолированных сил

должно было быть желанным решением всех его трудностей. Теперь надо посмотреть, с какой целью он воспользовался столь прекрасной возможностью.

Первые месяцы лета были заняты задачей, всегда неприятной и хлопотной, - сбором провинциальных войск и отправкой припасов вверх по Могавку и Гудзону в форт Эдвард. Последняя работа была утомительной и изматывающей, несмотря на удобства перевозки по воде, поскольку между Олбани и Форт-Эдвардом было три волокуши, на каждой из которых все лодки приходилось разгружать и тащить вместе с припасами три или даже более миль по суше, прежде чем их можно было снова спустить на воду для облегчения продвижения. Тем не менее дело продвигалось с большой энергией; и, несмотря на опасность, грозившую конвоям из-за нападения индейцев при прохождении через лес, работа по сопровождению была организована настолько безупречно, что ни один из них не пострадал. Этими замечательными мероприятиями мы обязаны бригадному генералу лорду Хоу, старшему из трех братьев, каждому из которых было суждено оставить след в истории Англии, добрый или злой.

Питт назначил Хоу для устранения недостатков, которые подозревались в Аберкромби. Сейчас ему было тридцать четыре года, и, прибыв в прошлом году в Америку со своим Пятьдесят пятым полком, он приложил немало усилий, чтобы научиться искусству ведения войны в лесу у самого известного лидера провинциальных иррегулярных войск. Он отбросил все тренировки и предрассудки казарменного двора, присоединился к иррегулярным войскам в их разведывательных отрядах, разделил трудности, перенял одежду своих грубых товарищей и стал одним из них. Обучив себя таким образом, он начал передавать полученные уроки своим людям. Он заставил офицеров и рядовых, как регулярных, так и провинциальных войск, сбросить все бесполезные обузы; он обрезал полы их мундиров и волосы с их голов, подрумянил стволы их мушкетов, надел на нижние конечности гетры, чтобы защитить их от шиповника, и наполнил пустое пространство в их рюкзаках тридцатью фунтами муки, чтобы на несколько недель сделать их независимыми от конвоев с припасами. Одним словом, он возглавил реакцию против жесткой непрактичной немецкой школы, столь любимой Камберлендом, и пытался разумно подготовить людей к той грубой работе, которая им предстояла. Подобные идеи приходили в голову другим мужчинам, кроме него. Полковник Шестидесятого полка Бауке пожелал одеть своих людей как индейцев, и бригадный генерал Форбс сердечно согласился с ним, поскольку, как он выразительно писал, "Мы должны учиться военному искусству у индейцев". Вашингтон снова сказал, что, если бы дело было предоставлено его воле, он переделал бы и солдат, и офицеров в индийскую одежду и сам подал бы пример.^[288] Фактически имело место всеобщее восстание всех практичных людей против пороха и трубок для борьбы с кустарниками, и Хоу, к счастью, был в состоянии обратить это в свою пользу. Возможно, именно под его влиянием в том же году был сформирован полк, который, будучи предназначен только для разведки и перестрелок, был одет в темно-коричневые сюртуки без юбок, без каких-либо описаний. Какое-то время этот корпус считался восьмидесятым в строю и был известен как Легкая пехота Гейджа.^[289] Не следует предполагать, что эти реформы были приняты без возражений. Офицеры были встревожены, обнаружив, что от них требовалось стирать свою одежду самостоятельно, без помощи полковых женщин, и носить с собой собственные ножи и вилки по примеру Хоу; а немецкие солдаты, которых было много в Шестидесятом полку, были крайне возмущены стрижкой своих голов. Но Хоу был строгим приверженцем дисциплины, и за это его не меньше, а скорее даже больше обожали мужчины.^[290]

5 июля.

К концу июня все силы Аберкромби со всеми их припасами были собраны в верховьях озера Джордж. 4 июля припасы были отправлены, а на следующий день мужчины погрузились на борт. Приготовления были идеальными: каждый корпус прошел маршем к назначенному месту на берегу без малейшей путаницы, и еще до того, как солнце хорошо взошло, вся армия была на плаву. Сцена была неописуемо красивой. Небо над головой было голубым и безоблачным; солнце только что поднялось над вершинами гор, и его лучи косо падали на обширный лесной склон, ведущий к озеру. Ни малейшее дуновение воздуха не взбаламутило неподвижную голубую воду и не пошевелило зеленые листья вокруг нее, когда двенадцать сотен лодок пронеслись по стеклянной глади. Роберт Роджерс, самый известный из американских партизан и инструктор Хоу, со своими рейнджерами, и Гейдж с частью своей новой легкой пехоты шли впереди. Следующим следовал Джон Брэдстрит из Новой Англии с лодочниками, сам лучший лодочник среди них; а затем тремя длинными параллельными колоннами двинулись основные силы армии. Справа и слева синие мундиры обозначали присутствие провинциальных войск Новой Англии и Нью-Йорка, а в центре вспыхивал хорошо известный английский алый цвет. Хоу возглавлял эту центральную колонну с Пятьдесят пятым, его собственным полком; а за ним следовали первый и четвертый батальоны Шестидесятого, Двадцать седьмого, Сорок четвертого, Сорок шестого и, наконец, Сорок второй в их темной шотландке, каждый полк был отмечен своими флагами зеленого, желто-бурого, желтого или малинового цветов. Затем, не отмеченные никаким флагом, поскольку цветов у них не было, появились новые коричневые куртки Гейджа. Две "плавающие крепости", вооруженные артиллерией, также сопровождали эту колонну, высоко возвышаясь над стройными каноэ и вельботами; а в арьергарде шли бато, нагруженные припасами и багажом, с арьергардом, состоящим из красных и синих мундиров. Так огромное войско, растянувшееся почти от берега до берега, ползло по озеру, звуки флейт и барабанов смешивались с плеском десяти тысяч весел, пока не достигли узкого пролива и широкий фронт не превратился в стройную процессию длиной в шесть миль, все еще ползущую, как огромная извилистая змея, несущая разрушение и смерть.

6 июля.

К пяти часам пополудни флотилия прошла двадцать пять миль, и был сделан привал для обоза и артиллерии, которые отстали. В одиннадцать часов он тронулся снова и на рассвете достиг узкого канала, который ведет в озеро Шамплейн у мыса Тикондерога. Небольшой передовой пост французов на берегу был отброшен, и работа по высадке была начата. К полудню вся армия была высажена на западном берегу озера; Роджерс со своими рейнджерами был отправлен вперед на разведку, и войска были выстроены в четыре колонны для марша. Предложенный маршрут состоял в том, чтобы следовать по западному берегу канала, соединяющего озеро Джордж с озером Шамплейн, поскольку французы разрушили мост через него, и напасть на Тикондерогу с тыла. Путь лежал через девственный лес, заросший густым подлеском и усыпанный гниющими стволами и сучьями упавших деревьев. Всякий порядок стал невозможен; люди пробивались вперед изо всех сил; колонны смешались друг с другом; проводники потеряли всякое представление о своем направлении в лабиринте; и армия на какое-то время заблудилась в лесу.

Тем временем передовой французский отряд, около трехсот пятидесяти человек, отступивший перед британцами, обнаружил, что его отступление отрезано, и у него не было иного выхода,

кроме как скрыться в лесу. Они тоже затерялись среди деревьев, и два вражеских отряда беспомощно пробирались вперед ощупью, когда правая центральная колонна британцев во главе с лордом Хоу и несколькими рейнджерами неожиданно налетела на французский отряд. Последовала острая перестрелка, и в общей неразберихе основные силы британцев, слышавшие залпы, но ничего не видевшие, сильно пошатнулись. К счастью, рейнджеры выстояли, и передовой отряд Роджерса, повернув назад на звуки выстрелов, поймал французов между двух огней и практически уничтожил их. Потери британцев в этом деле были незначительными по численности, но от этого не менее фатальными для экспедиции, ибо лорд Хоу лежал мертвый с пулей в сердце, и с его смертью испустила дух вся армия.

7 июля.

Силы Аберкромби были на мгновение парализованы. Половина его армии была потеряна, и он не знал, где ее найти. Столько оружия, сколько он смог собрать, он держал при себе всю ночь, а на следующее утро вернулся к месту высадки, где, к своему великому облегчению, обнаружил ожидающие его остальные войска. Монкальм тем временем был охвачен тревогой. Канал между озерами Джордж и Шамплейн был непроходим для лодок из-за порогов, поэтому обычный путь в Тикондерогу лежал через него мимо нескольких лесопильных заводов у подножия порогов, где он уже разрушил мост. Тем не менее, он решил укрепиться не у этих лесопилок, а на западном берегу ла-Манша; и только вечером 6-го, уступив совету двух своих офицеров, он решил отступить в Тикондерогу. Соответственно, в полдень 7-го Аберкромби послал Роджерса вперед с отрядом для занятия лесопилок. Мост был восстановлен, и армия, переправившись через ла-Манш ближе к вечеру, заняла лагерь, покинутый французами. Аберкромби находился теперь в двух милях от Тикондероги.

Но тем временем Монкальм не бездействовал. Полуостров Тикондерога состоит из скалистого плато с низинами по обе стороны, стоящего на стыке озер Джордж и Шамплейн. Форт стоял недалеко от конечности этого полуострова, а в полумиле к западу от этого места земля поднимается и образует хребет, пересекающий плато. На этом гребне Монкальм в последний момент решил бросить абатис и принять бой. План работ уже был намечен, и на рассвете 7-го каждый человек из его отряда был на работе, вырубая деревья, покрывавшие землю. Верхушки были срезаны, и бревна сложены в массивный бруствер высотой в девять футов, в котором были тщательно проделаны отверстия для петель. Лес перед бруствером также был вырублен и остался лежать верхушками наружу, как будто, по словам очевидца, он был повален ураганом. Между этими срубленными деревьями и бруствером земля была покрыта тяжелыми сучьями, концы которых были заострены, а ветви переплетены так, что представляли собой почти непреодолимое препятствие. Сами французские офицеры были поражены работой, проделанной за один день.

8 июля.

Тем не менее позиция не была неудачной, и у Аберкромби не было причин ее опасаться. У него была возможность либо атаковать Монкальма с флангов, которые не были укреплены; либо подтянуть свою артиллерию и разнести бруствер в щепки вокруг ушей; или, что еще лучше, разместить свои орудия на высоте, называемой Маунт Дефианс, которая господствовала над позицией, и прочесать бруствер из конца в конец; или, что лучше всего, замаскировать эту импровизированную крепость частью своих сил, а с остальными продвигаться на север вверх по озеру Шамплейн и таким образом сразу отрезать Монкальму припасы и его отступление. У

французского генерала было при себе всего три тысячи шестьсот человек и провизии всего на восемь дней, так что это движение обеспечило бы ему капитуляцию без единого выстрела. Разведданные Аберкромби, однако, сообщили ему, что французов было шесть тысяч человек и что ожидается, что еще три тысячи присоединятся к ним в любой час; и он нервничал, стремясь начать атаку до того, как это подкрепление, которого в действительности не существовало, прибудет на место. Соответственно, на рассвете 8-го Аберкромби послал своих инженеров на разведку позиций противника с горы Дефианс. Обязанность была выполнена крайне небрежно, и главный инженер, подполковник Кларк, доложил, что объекты могут быть захвачены прямым штурмом. Для Аберкромби этого было достаточно. Без дальнейших расспросов он постановил, что артиллерию следует оставить без дела на том месте, где она была высажена, и что абати следует разносить штыком.

Был полдень, и французы все еще деловито укрепляли свои деревянные укрепления землей и мешками с песком, когда выстрелы в лесу перед ними предупредили, что передовые отряды британцев нанесли удар по их пикетам. Они мгновенно окружили бруствер в три ряда: восемь батальонов регулярных войск и четыреста пятьдесят канадцев, всего немногим более четверти британских сил. Наступление британцев прикрывалось легкой пехотой и рейнджерами, в то время как атакующие колонны формировались под прикрытием леса. Затем стрелки расчистили фронт, и массы алых двинулись вперед, сплоченно и неуклонно; пикеты впереди, гренадеры в поддержке, батальоны основного корпуса за гренадерами, а пятьдесят пятый и сорок второй горские полки в резерве. Они мало что могли разглядеть сквозь заросли упавших деревьев и увядающих листьев; возможно, они мельком увидели верхушку бруствера, но не белые мундиры защитников за ним. Они продвигались вперед в полной уверенности, ничего не зная о стоящих перед ними препятствиях, как вдруг бруствер превратился в полосу пламени, и шквал картечи и ружейных залпов пронесся по рядам из конца в конец. Инструкции Аберкромби заключались в том, что позицию следует брать штыком, но весь порядок был потерян в лабиринте поваленных деревьев, и очень скоро солдаты начали открывать ответный огонь по мере продвижения, но без особого эффекта, поскольку они не могли видеть противника. Тем не менее, изрешеченные насквозь, они карабкались по поверженным стволам прямо на бруствер, когда их остановили спутанная живая изгородь и заостренные сучья внутренних убежищ. Как они ни старались, они не могли пробиться сквозь это под ужасным огнем, который обрушивался на них спереди и с флангов с углов укрепления; и после часовой борьбы они отступили, восклицая, что позиция неприступна. Отчеты были отправлены Аберкромби, который на протяжении всего боя ни разу не отошел от лесопилок, расположенных в двух милях от него, и на все ответы приходил простой приказ атаковать снова.

И тут разыгралась такая сцена, какой не было со времен Мальплаке и которую не предстояло увидеть снова до Бадахоса. Мужчины снова бросились вперед, вне себя от ярости, не обращая внимания ни на пули, ни на картечь, сквозь сеть стволов и сучьев навстречу своему невидимому врагу. За бруствером французы громко приветствовали противника, время от времени поднимая шляпы над бруствером и смеясь, когда их разносило на куски, но они всегда вели смертоносный и неугасимый огонь; в то время как британцы продолжали сражаться, покрытые потом и дымом, клянясь, что они отвоюют эту деревянную стену любой ценой. Горцы вырвались из резерва с клейморами наперевес и прорубили себе путь сквозь ветви к брустверу, а британцы бросились за ними к его подножию, но дальше продвинуться не смогли. У них не было лестниц, и как только они подняли друг друга на вершину бруствера, их сбили с ног. Монкальм, хладнокровный и собранный, расхаживал взад и вперед среди своих людей без пиджаков,

всегда в момент наибольшей опасности, чтобы подбодрить их и поддержать в бою. Французский пожар был ужасающим по своим разрушениям. Люди, прошедшие через испытание при Фонтенуа, заявили, что это была детская игра по сравнению с Тикондерогой. Тем не менее, не один раз, а еще трижды британцы и американцы вместе с ними отчаянно бросались на французскую цитадель, но раз за разом их отбрасывали, пока внутренние убежища не были увешаны алыми ключьями, похожими на маки, пробивающиеся сквозь колючую изгородь, некоторые раскачивались в конвульсиях, свидетельствующих о живой агонии, некоторые обмякли и замерли в милосердной тишине смерти. Бой продолжался пять часов, когда какой-то офицер, более сообразительный, чем его товарищи, построился в две колонны и предпринял пятую атаку на крайний правый край французской позиции. Мужчины прорубили себе дорогу к укреплениям, и какое-то время судьба этого неравного дня висела на волоске. Монкальм поспешил к месту, которому угрожали, со своими резервами, но только отчаянным усилием удержал свои позиции, ибо горцы сражались с яростью, которая не уступала ни дисциплине, ни смерти. Капитан Джон Кэмпбелл и несколько его людей действительно взобрались на деревянную стену и спрыгнули за нее, но только для того, чтобы быть сразу же пронзенными десятком штыков. Наконец, в шесть часов была предпринята последняя атака, столь же героическая, столь же безнадежная и бесплодная, как и остальные; а затем был отдан приказ отступать. Горцев с большим трудом отбросили от их павших товарищей, и под прикрытием огня стрелков британцы отступили, разбитые, измученные и деморализованные.

А затем произошла одна из тех странных и ужасных сцен, которые разбивают офицеру сердце. Едва прозвучал сигнал к отступлению, как те самые люди, которые в течение шести часов без дрожи смотрели в пасть ада, были охвачены паникой и в диком беспорядке бежали через леса и болота к месту высадки, оставив свое оружие, амуницию и даже обувь со своих ног, чтобы отметить путь своего бегства. К счастью, Брэдстрит и его вооруженные лодочники установили охрану у лодок и не дали беглецам спастись на плаву. Аберкромби поднялся, униженный до крайности, отдал приказ об отправке раненых и тяжелой артиллерии обратно в Нью-Йорк, а сам так быстро последовал за своими униженными войсками, что прибыл в устье озера Джордж раньше своего посыльного. Там он окопался и сидел неподвижно, пока не пришел конец его невежеству и глупости. Из провинциальных войск под Тикондерогой пало триста тридцать четыре человека; из семи британских батальонов - не менее тысячи шестисот. Сорок второй потерял около пятисот солдат и офицеров убитыми и ранеными, Сорок четвертый и Сорок шестой - по двести, Пятьдесят пятый и четвертый батальоны Шестидесятого полка - по сто пятьдесят, Двадцать седьмой и первый батальоны Шестидесятого полка - по сто. Потери французов составили менее трехсот пятидесяти человек, и Монкальм вполне мог похвалить своих доблестных солдат и порадоваться своей победе, поскольку он отражал нападение на Канаду по меньшей мере один год.

Август.

Французский генерал удовлетворился укреплением обороны Тикондероги и отправкой отрядов иррегулярных войск для нарушения связи Аберкромби с фортом Эдвард. Аберкромби, со своей стороны, оставался весь июль и первые дни августа в своем лагере в верховьях озера Джордж, потеряв много людей от дизентерии, но ничего не предпринимая. Наконец он направил на Брэдстрит отряд в две с половиной тысячи человек, по большей части провинциальные войска, и послал его атаковать французский пост Форт Фронтенак, который охранял выход из озера

Онтарио в реку Святого Лаврентия. Проект принадлежал самому Брэдстриту, и некоторое время назад Лаудун благосклонно отнесся к нему; но согласие Аберкромби на него было вырвано только под давлением военного совета. Соответственно, Брэдстрит высадился в Олбани и продвинулся на "Могавке" и Онандаге к месту расположения Освего, откуда 22 августа вышел к озеру, а 25-го благополучно приземлился возле форта Фронтенак. Французский гарнизон численностью немногим более ста человек смог оказать небольшое сопротивление и 27-го числа сдался в плен, оставив в руках Брэдстрита девять судов, которые составляли все военно-морские силы французов на озере. Форт был разобран, два корабля унесены, остальные сожжены, поскольку в Освего не было форта, который мог бы их защитить, и Брэдстрит с триумфом вернулся в Олбани. Услуга, которую он оказал, имела огромное значение. Французы потеряли контроль над озером Онтарио, их коммуникации на севере и юге были разорваны, союз ряда колеблющихся индейских племен перешел к британцам, а форт Дюкесн, точка, по которой Питт нанес свой третий удар, остался изолированным и одиноким.

Воодушевленный этим успехом и новостями из Луисбурга, Аберкромби начал туманно писать о второй попытке штурма Тикондероги[291], как только Амхерст должен был подкрепить его; но только в октябре завоеватель Луисбурга достиг Лейк-Джорджа, и тогда оба командующих согласились, что сезон слишком затянулся для дальнейших операций. Соответственно, войска были отправлены на зимние квартиры, и Канада была сохранена еще на один год. Теперь остается выяснить, как обстоят дела у бригадира Форбса в форте Дюкен.

Сам Форбс прибыл в Филадельфию в начале апреля и обнаружил, что никакая армия не готова принять его. Выделенные ему провинциальные войска из Пенсильвании, Вирджинии, Мэриленда и Северной Каролины даже не были зачислены в армию; горцы Монтгомери находились на юге, и только половина шестидесятого батальона полковника Буке находилась в пределах досягаемости. Был конец июня, когда различные части его войск выступили в поход, а тем временем генерала охватила опасная и мучительная внутренняя болезнь, с которой он боролся с мужеством и решимостью, столь же достойными восхищения, сколь и трогательными. Карьера Форбса была несколько необычной. Он был родом из графства Файф и начинал жизнь студентом-медиком, но поступил в шотландские серые войска корнетом и дослужился до командования полком. Он служил во Фландрии и Германии в штабе Стэра, Лигонье и генерала Кэмпбелла и, наконец, в качестве генерал-квартирмейстера Камберленда.[292] Но, хотя все его обучение проходило в старой формальной школе, он понимал, как уже было видно, что в Америке он должен научиться новому военному искусству. Он изучил неудачу Брэдокка и понял, что даже если бы Брэдокк преуспел, он неизбежно должен был уйти из форта Дюкесн из-за нехватки припасов. Поэтому вместо того, чтобы совершать один долгий марш с неподъемным обозом повозок, он решил продвигаться короткими этапами, устанавливая укрепленные склады через каждые сорок миль, и, наконец, когда окажется в пределах досягаемости своей цели, двинуться на нее всеми своими силами и с как можно меньшим количеством препятствий. Этот план он почерпнул из французского трактата,[293] хотя он мог бы почерпнуть его из изучения кампании Монка в Высокогорье, если бы у него была такая возможность. Не был менее усердным и Буке, швейцарец по национальности, в разработке новых методов. Его взгляды на снаряжение уже были замечены; но, зная ценность меткой стрельбы в лесу, Буке раздобыл некоторое количество нарезных карабинов для своего собственного батальона и, таким образом, досрочно превратил часть Шестидесятого в стрелков.[294] Он также ввел новую систему муштры для работы в лесу, построив своих людей в

небольшие колонны по два человека в ряд, которые могли развернуться в линию за две минуты. При таких командирах ошибки Брэдока вряд ли могли повториться.^[295]

Июль.

Затем возник вопрос, следует ли следовать маршруту Брэдока или выбрать новый, но более короткий путь продвижения из Пенсильвании. Вирджиния яростно завидовала тому, что Пенсильвания получит преимущество прямой дороги к фактории на реке Огайо, а Вашингтон настойчиво рекомендовал старую дорогу; но Форбс не уважал провинциальные дразги и остановил свой выбор на Пенсильвании. Ему было очень трудно сделать из провинциалов солдат, поскольку материал, который ему доставляли, был самым сырым и лишенным малейшего представления о дисциплине. Только в начале июля Буке с передовым отрядом расположился лагерем в Рейстауне, ныне городе Бедфорд, на восточном склоне Аллегани, и Форбс смог продвинуться к пограничной деревне Карлайл, а оттуда к Шиппенсбургу. Там его болезнь усилилась, боли были настолько мучительными, что он не мог продвигаться дальше до сентября. Тем временем Буке с огромным трудом и огромными трудностями продвигал строительство дороги через Аллегани. Дикость и запустение страны, похоже, в какой-то степени повергли в трепет даже суровую решимость журнала *Forbes*. "Это огромная необитаемая пустыня, - писал он Питту, - повсюду заросшая деревьями или кустарником, так что нигде ничего не видно на двадцать ярдов". Мужчины Букета прокладывали себе путь сквозь бесконечные препятствия в виде джунглей, оврагов и болот. Первый укрепленный склад был создан в Рейстауне и получил название Форт Бедфорд; следующий должен был находиться на западном берегу главной реки Аллегани у ручья под названием Лоялханнон-Крик. Прогресс неизбежно был медленным, но продвижение Форбса вперед не было таким неторопливым без определенной цели. Французы собрали определенное количество индейцев для защиты форта Дюкесн; но если атака затянется, было вполне очевидно, что эти непостоянные союзники устанут ждать и разойдутся по своим домам. Форбс тем временем не упускал возможности примирить этих туземцев, и усилиями его эмиссаров самые могущественные племена были уговорены перейти на сторону англичан и с презрением отвергнуть соперничающие попытки французов.

Но в этот критический момент опрометчивый поступок одного из офицеров Bouquet едва не привел к краху все предприятие. Майор Грант из горцев умолял разрешения отправиться вперед с небольшим отрядом для разведки форта Дюкен, захватить несколько пленных и нанести какой-нибудь удар, который мог бы обескуражить и ослабить французов. Соответственно, ему были переданы восемьсот человек из шестидесяти горцев и провинциальных войск; итак, отправившись с ними из Лоялханнона, он прибыл перед рассветом 14 сентября к холму, с тех пор названному Грантс-хилл, в полумиле от форта. С невероятной поспешностью он рассеял свои силы во всех направлениях. Оставив четвертую часть своих людей охранять обоз, он разослал отряды направо и налево, сам занял пост в двух милях впереди обоза с сотней человек и послал офицера с ротой горцев вперед, на открытую равнину, чтобы нарисовать карту форта. Наконец, словно желая привлечь внимание к собственной глупости, он приказал избить *пробуждение* со всей возможной торжественностью. Французы и индейцы немедленно хлынули из форта и в замешательстве оттеснили все отряды друг на друга. Услышав крики индейцев, горцев охватила паника, и они бросились наутек, и, если бы не стойкость виргинцев из охраны обоза, весь отряд, вероятно, был бы разбит на куски. Как бы то ни было, почти триста человек были убиты, ранены или взяты в плен, и сам Грант был среди пленных. Форбс, который

среди всех мучений, неприятностей и неудач всегда сохранял острое чувство смешного, заявил, что он ничего не может понять в этом деле, кроме того, что его друг Грант сошел с ума; что действительно было кратким и точным изложением всего происходящего.

18 ноября.

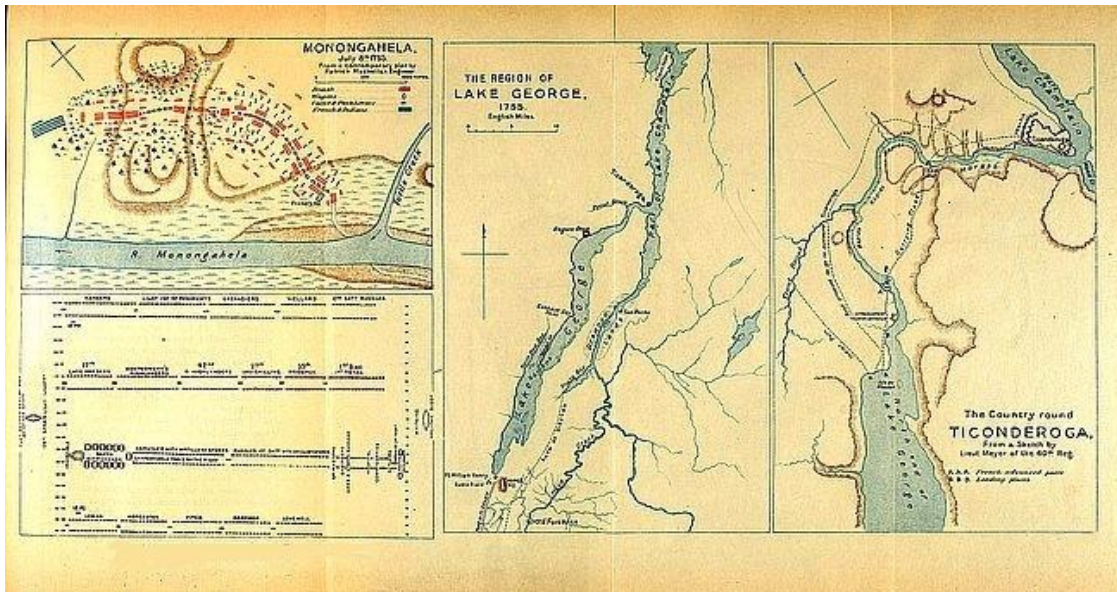
25 ноября.

Но такой ничтожный успех мало что мог принести французам, поскольку взятие Брэдстри форта Фронтенак уже решило судьбу форта Дюкен. Французский командующий, у которого прекратились поставки, был вынужден уволить большую часть своих людей; в противном случае Форбс вряд ли смог бы проникнуть в Огайо в тот год. Стихия сражалась на стороне французов. Сильный дождь разрушил новую дорогу Vouquet; лошади, которых недокармливали и переутомляли, быстро выходили из строя; склады в Рейстауне и Лоялханноне опустошались быстрее, чем их можно было пополнить; и Форбс был в отчаянии. Весь октябрь продолжались дожди, пока, наконец, они не сменились снегом, и дороги превратились в море грязи, по которому отступление и наступление были одинаково невозможны. В начале ноября генерал, хотя и был смертельно болен, был перевезен в Лоялханнон, где он решил, что в это время года атаковать нельзя. Однако были получены сведения, что французы настолько малочисленны, что беззащитны; и 18-го числа две с половиной тысячи отборных солдат выступили в поход без палаток и багажа, сам Форбс ехал на носилках во главе их. В полночь 24-го часовые услышали звук отдаленного взрыва, и на следующий день в сумерках войска достигли почерневших руин того, что когда-то было фортом Дюкен. Укрепления были взорваны; казармы и склады лежали в пепле; не было никаких признаков чего-либо человеческого, кроме голов горцев, погибших в бою при Гранте, насаженных на шесты, а вокруг них в насмешку были развешаны их килты. Их товарищи-горцы обезумели от ярости при виде этого зрелища; но французы и их союзники ушли, эвакуировав и разрушив форт и отступив в форт Венанго, расположенный дальше вверх по реке Аллегани. Форбс обнес частоколом группу хижин, которые все еще не были разрушены, и назвал его Питтсбург в честь министра. Затем были приняты меры к тому, чтобы оставить гарнизон из двух сотен провинциалов для удержания этого поста, поскольку не могло быть никаких сомнений в том, что французы соберут силы из Венанго и Ниагары, чтобы попытаться вернуть его. Гарнизон действительно был слишком мал, но еды не хватило на большее количество человек; так что этой горстке бедняков волей-неволей пришлось наслаждаться одиночеством в унылые зимние дни.

До того, как колонна Форбса отправится домой, оставалось выполнить еще одну задачу — найти кости тех, кто погиб вместе с Брэддоком. Группа пенсильванцев пробиралась через лес к Мононгахеле, майор Хэлкет из штаба Форбса сопровождал их. Среди множества ужасных реликвий были найдены два скелета, лежащих рядом под одним деревом. Хэлкет узнал в одном из них по особенностям зубов своего отца, сэра Питера Хэлкета из Сорок четвертого полка; а в другом ему показалось, что он видит своего брата, который пал рядом с ним. Эти двое были завернуты в шотландку горца и похоронены в одной могиле под залпом пенсильванцев. Остальные останки были захоронены вместе в одной глубокой траншее, а затем, в начале декабря, войска двинулись маршем обратно в Пенсильванию с умирающим Форбсом среди них. С большим трудом генерала доставили еще живым в Филадельфию, где он продержался всю зиму и умер в марте следующего года. Хотя его продвижение к Огайо не ознаменовалось

блестящими действиями, он выполнил свою работу, несмотря на бесконечные трудности и крайние физические пытки; и этой работой был вывод из Франции половины ее союзников-индейцев, освобождение западной границы от набегов индейцев от Пенсильвании до Мэриленда и открытие для британцев обширных регионов Запада.

Так закончилась американская кампания 1758 года. Французам нанесли сильный удар с обоих флангов, у Луисбурга на севере и у реки Огайо на юге, но в центре они выстояли. Две части из трех плана Питта были выполнены; но самым важным успехом из всех был тот, которого добился Брэдстрит, перерезав французские коммуникации в форте Фронтенак. Возможно, Питт считал за лучшее придерживаться плана операций, разработанного для него Лудуном, или, возможно, он хотел восстановить репутацию, утраченную из-за поражения Брэддока; но факт остается фактом: он не планировал атаковать Ниагару или форт Фронтенак, захват любого из которых повлек бы за собой захват форта Дюкесн, и что, несмотря на трудолюбие Буке и упорство Форбса, продвижение к Огайо было бы невозможным, если бы не блестящее и успешное предприятие Брэдстрита.

лицом к лицу со страницей 338

МОНОНГАХЕЛА, 8 июля 1755 года.

ФОРМИРОВАНИЕ ФЛОТИЛИИ АМХЕРСТА В июле 1759 года.

Из современного плана.

РАЙОН ОЗЕРА ДЖОРДЖ, 1755 ГОД.

Местность вокруг ТИКОНДЕРОГИ,

Из наброска лейтенанта. Мейер из 60-й армии

ГЛАВА II

1757.

1758.

15 февраля.

31 марта.

Читатель, вероятно, был поражен во время повествования об американской кампании 1758 года численным превосходством французов по сравнению с британцами на каждом этапе.

Французским колониям фактически позволили воспользоваться своим шансом, в то время как французские солдаты сотнями тысяч хлынули в Германию, чтобы отомстить за сарказм короля Фридриха в адрес мадам де Помпадур. Вряд ли требовался Питт, чтобы понять, что чем больше работы можно было найти для французских армий в Европе, тем меньше было людей, которых можно было выделить для службы французским владениям за морем; и Питт решил соответственно держать эти армии полностью занятыми. На Клостерцевенском съезде, как уже говорилось, было решено, что ганноверская армия должна быть разбита; но еще до возвращения Камберленда в Англию был поднят вопрос об отказе от этого соглашения, и двумя неделями позже Фридриху было отправлено послание, в котором объявлялось, что армия снова выйдет на поле боя, и содержалась просьба об услугах принца Фердинанда Брауншвейгского в качестве главнокомандующего. Фридрих согласился, и 24 ноября Фердинанд прибыл в Штаде, только что одержавший победу при Россбахе, в которой он принимал участие три недели назад, чтобы принять командование. Весь аспект происходящего изменился мгновенно, словно по мановению волшебной палочки. Немедленно приведя в движение свои войска, Фердинанд к концу года отбросил французов к Аллеру и, возобновив боевые действия после шести недель, проведенных на зимних квартирах, отбросил врага еще дальше назад, даже за Рейн.

5 июня.

7 июня.

29 июня.

1 июля.

Говорят, что еще до того, как Фердинанд добился этого успеха, Питт решил усилить его британскими войсками, но в настоящее время министр вернулся к своему старому плану высадки на французском побережье, который мог бы послужить цели отвлечения французских войск как из Америки, так и из Германии. Первые признаки его намерения были замечены в апреле, когда офицеры шестнадцати батальонов получили приказ перебраться на остров Уайт к середине мая. Такое долгое уведомление было странной подготовкой к секретной экспедиции, поскольку сами войска получили приказы только 20 мая; и только в конце месяца все они, около тринадцати тысяч человек, [296] расположились лагерем на острове. Для командования был выбран герцог Мальборо, и, поскольку его военный талант вызывал сомнения, лорд Джордж Саквилл, чьи способности не вызывали сомнений, был назначен его заместителем с обязанностью организовать все операции. Для сопровождения транспортов были выделены две эскадрильи, состоящие из двадцати четырех линейных кораблей под командованием лорда Энсона, сэра Эдварда Хоука и коммодора Хоу, и 1 июня вооружение отправилось в плавание, прибыв 5 июня в бухту Канкалле, примерно в восьми милях от Сен-Мало. Французская батарея, возведенная для обороны бухты, была быстро заставлена кораблями замолчать, и на

следующий день вся армия была высажена. Одна бригада была оставлена охранять место высадки, а остальные силы двинулись к Сен-Мало, где легкие драгуны под покровом ночи проскользнули в гавань и сожгли более сотни каперов и торговых судов. Затем герцог Мальборо составил диспозицию, как будто готовился к осаде Сен-Мало, но, услышав, что превосходящие силы находятся на марше, чтобы отрезать ему путь к отступлению, отступил в бухту Канкалле, вновь погрузил войска и отплыл против Гранвилля, маленького городка примерно в двадцати милях к северо-востоку от Сен-Мало. Плохая погода помешала намеченным операциям, и 27-го числа экспедиция прибыла из Гавр-де-Грас. Были предприняты приготовления к высадке, но после двух дней бездействия Мальборо решил не нападать, и флот двинулся к Шербуру. Там снова все было подготовлено к высадке, но погода была неблагоприятной, фураж и провизия начали подходить к концу, и все предприятие против побережья было заброшено. Таким образом, дорогостоящее вооружение вернулось в Портсмут, абсолютно ничего не добившись. Однако сомнительно, можно ли винить в неудаче офицеров, как военно-морских, так и военных. Питт не получил никаких разведданных о расположении французов для защиты угрожаемых портов, так что генерал вполне мог колебаться, стоит ли рисковать высадкой, когда он не мог сказать, как скоро он может оказаться отрезанным превосходящими силами с моря.

23 июня.

21 августа.

Тем временем Фердинанд, развивая свой успех, преследовал французов за Рейном и одержал над ними знаменательную победу при Кревельде. Это действие, по-видимому, ускорило принятие Питтом решения, поскольку в течение четырех дней он объявил британскому комиссару в ставке Фердинанда о намерении короля усилить принца двумя тысячами британских кавалеристов. Войска были приведены в боевую готовность в тот же день; но в течение трех дней было решено увеличить подкрепление до шести тысяч человек,^[297] как конные, так и пешие, а неделю спустя силы были дополнительно увеличены тремя батальонами. Первая дивизия войск была отправлена в Эмден 11 июля, а ко второй неделе августа все подкрепление высадилось в том же порту под командованием герцога Мальборо, присоединившись к армии принца Фердинанда в Косфельде 21-го.^[298] Там мы пока должны их оставить, пока не придет время для того, чтобы операции Фердинанда привлекли наше все внимание. Между тем читателю следует иметь в виду только то, что британская армия определенно нацелена на еще один театр военных действий.

Август.

Однако, несмотря на это, Питт остался неудовлетворенным, не нанеся еще одного удара по французскому побережью. Пока войска отправлялись в Германию, он разбил новый лагерь на острове Уайт и намеревался совершить рейд на Шербур. Офицерам армии эти экспедиции были настолько неприятны, что герцог Мальборо и лорд Джордж Саквилл использовали свои интересы для получения назначения в армию в Германии, чтобы избавиться от них раз и навсегда. В результате, когда генерал-лейтенант Блай, который первоначально был выбран для службы под началом принца Фердинанда, прибыл в Лондон из Ирландии, чтобы отплыть в Эмден, он, к своему ужасу, обнаружил, что пункт его назначения изменен и что он должен готовиться отправиться во Францию. Он принял командование как обязанный долгу, тем более что принц Эдуард должен был сопровождать экспедицию, но он был мало пригоден для службы, не имея никаких качеств, кроме личной храбрости и одной большой дисквалификации

в преклонном возрасте. Соответственно, послушный, но неохотно, он отплыл 1 августа с двенадцатью батальонами[299] и девятью отрядами легких драгун в сопровождении эскадрильи под командованием коммодора Хоу. Доблестный моряк еще не узнал о том, что унаследовал титул после гибели своего брата лорда Хоу у истоков озера Шамплейн.

16 августа.

Сентябрь.

Экспедиция началась достаточно успешно. Флот прибыл к Шербуру 6-го и сразу же начал бомбардировку города. Рано утром следующего дня он отплыл в бухту Сен-Марэ, в двух лье от Шербура, где гвардейцы и гренадерские роты, высадившись под огнем кораблей, атаковали и прогнали трехтысячный отряд французов, который был выдвинут им навстречу. Остальные войска беспрепятственно высадились на следующий день и двинулись на Шербур, который, будучи не укрепленным с суши, сразу же сдался. После этого Блай приступил к разрушению доков и оборонительных сооружений гавани и поджогу судов, в то время как легкая кавалерия прочесывала окрестности и взимала контрибуцию. После этого войска были вновь погружены на борт; и после долгой задержки из-за сильного ветра флот 3 сентября бросил якорь в бухте Сен-Люнер, примерно в двенадцати милях к востоку от Сен-Мало. Лунер, примерно в двенадцати милях к востоку от Сен-Мало. Там войска были снова высажены в течение двух следующих дней, хотя и не без трудностей и потери нескольких человек утонувшими. Инструкции Блая предписывали ему продолжать операции против Морле или любого другого пункта на побережье, который он мог предпочесть этому, и у него был какой-то смутный план штурма Сен-Мало со стороны суши. Это, однако, оказалось невыполнимым с имеющимися в его распоряжении силами; и теперь возникло неловкое осложнение. Погода неуклонно ухудшалась, и Хоу был вынужден предупредить генерала, что флот должен покинуть опасную якорную стоянку в Сен-Лунаре и что для него будет невозможно повторно погрузить войска в любом месте ближе, чем бухта Сен-Каст, в нескольких милях к западу. Соответственно, он отплыл в Сент-Кастом, в то время как Блай, теперь полностью полагавшийся на свои силы на берегу, двинулся к тому же месту назначения по суше.

9 сентября.

Армия выступила утром 7 сентября и после некоторых неприятностей с небольшими отрядами французов на марше тем же вечером разбила лагерь у реки Эквернон, намереваясь перейти ее вброд на следующее утро. О неспособности Блая и его сотрудников красноречиво говорит тот факт, что переправа через реку была фактически назначена на шесть часов утра, хотя это был час прилива. Конечно, необходимо было дожидаться отлива; так что только в три часа дня войска перешли реку вброд, уже тогда по пояс в воде, под ожесточенным огнем небольших групп французских крестьян и регулярных войск. Из-за позднего часа дальнейшее продвижение в тот день было невозможно; и, возобновив марш на следующее утро, передовой отряд столкнулся с отрядом численностью около пятисот французских солдат. Враг был отброшен со значительными потерями, но его пленные сообщили о продвижении по меньшей мере десяти тысяч французов из Бреста. Прибыв в Матиньон, Блай разбил лагерь и послал своих инженеров разведать берег у Сен-Каста на случай, если он будет вынужден отступить. Дезертиры, прибывшие ночью, сообщили, что французы собирают дополнительные силы из соседних гарнизонов; и утром Блай отправил сообщение Хоу, что намерен выступить на следующий день.

11 сентября.

Постоянные тревоги в течение ночи показывали, что враг совсем рядом; и можно было бы подумать, что Блай, приняв решение отступать, в таком критическом положении отступил бы как можно быстрее и бесшумнее. Напротив, в три часа утра 11-го числа барабаны, как обычно, ударили по собранию, чтобы сообщить французам всю информацию, которую они желали; в то время как войска двинулись единой колонной, чтобы потратить на марш как можно больше времени. Было девять часов, прежде чем началась погрузка, а в одиннадцать, когда две трети сил были отправлены, враг появился в полном составе на холмах над пляжем. Некоторое время французов держали на расстоянии орудия флота, но через час они нашли укрытие и открыли резкий и разрушительный огонь. Генерал Друри, командовавший арьергардом, состоявшим из тысячи четырехсот человек гвардии и гренадер, был вынужден выстроить своих людей на берегу, чтобы прикрывать высадку. Дважды он оттеснял врага, но из-за недостатка боеприпасов он, в свою очередь, был вынужден отступить, и ему ничего не оставалось, как броситься к лодкам. Французы, подтянувшие свою артиллерию, открыли яростный огонь; и воцарилось замешательство. Было уничтожено так много лодок, что моряки боялись приближаться к берегу и продолжали свою работу только благодаря личному примеру Хоу. Всего было убито и ранено семьсот пятьдесят офицеров и рядовых, среди убитых был генерал Друри, а остальные из арьергарда попали в плен. Флот и транспорты вернулись в Англию не в лучшем расположении духа, поскольку французы, естественно, максимально преувеличили свой успех; так закончилось третье предприятие Питта у берегов Франции.

Не может быть никаких сомнений в том, что Блай должен быть привлечен к ответственности за неудачу. Действительно, должно показаться, что он не знал об элементах своего долга, даже о поддержании дисциплины в войсках, которые при первой высадке близ Шербурга вели себя недостойно. Герцог Мальборо столкнулся с такой же проблемой в заливе Канкаль, но у него, по крайней мере, хватило сил повесить солдата-мародера в первый же день и таким образом восстановить порядок. Но, в конце концов, Питт, по-видимому, был ответственен за выбор Блая; или, если бы он знал, что не может назначить подходящего человека для такой службы, ему было бы лучше вообще отказаться от этих рейдов на побережье Франции. Поведение Мальборо и Сэквилла, уклонявшихся от исполнения долга потому, что это было им неприятно, не кажется похвальным; но Сэквилл, во всяком случае, не был дураком, и Питт мог бы, по крайней мере, распознать возражения военных, которые выдвигались против его планов. Истина в том, как лорд Кокрейн доказал пятьдесят лет спустя, что спорадические нападения на французское побережье лучше оставить на усмотрение военно-морского флота; ибо один фрегат под командованием смелого и решительного офицера может парализовать больше войск, чем экспедиция в десять или пятнадцать тысяч человек, с бесконечно меньшим риском и затратами. Питт еще не закончил со своими любимыми спусками, но его следующее предприятие такого рода должно было быть направлено против острова, а не материка, когда британский флот мог бы встать между его горсткой батальонов и всем населением Франции. Тем временем Шербур, во всяком случае, был разрушен, поэтому министр, как мудрый человек, максимально воспользовался этим успехом, отправив часть захваченных орудий с большим парадом через Гайд-парк в Тауэр.

30 апреля.

26 октября.

29 декабря.

Уже описанные операции 1758 года имели значительный размах, включая наступление трех отдельных армий в Америке, два рейда на побережье Франции и отправку британских войск в Германию; но этим рассказ ни в коем случае не исчерпывается. Было мало уголков земного шара, в которых британцам не приходилось жаловаться на французское вторжение, и этой коварной враждебности Питт решил положить конец раз и навсегда. Пять лет назад африканские купцы осудили недружелюбие французов в Гамбии, которые строили крепости и настраивали против них местных жителей. Королевская африканская компания, обладавшая монополией на работорговлю, также беспокоилась о своей линии укрепленных складов на Западном побережье и молилась о том, чтобы ее избавили от беспокойных соседей в Сенегале и на острове Гори.[300] Одним из первых действий Питта в 1758 году был приказ о подготовке экспедиции против Сенегала, для выполнения которой двести морских пехотинцев и двадцать пять артиллеристов считались достаточной силой. 23 апреля капитан Королевского военно-морского флота Марш вошел в реку Сенегал, а 30-го Форт-Луи сдался и поднимал британский флаг. Двести человек полка Тэлбота[301] были немедленно отправлены для размещения гарнизона в новых владениях, а затем на несколько месяцев наступила пауза, пока войска для Германии и Шербура отправлялись к месту назначения. Но как только экспедиция Блая вернулась, было начато новое предприятие, и капитан Королевского военно-морского флота Кеппел получил секретные инструкции сопроводить подполковника Ворджа с полком Форбса[302] и две роты Шестьдесят шестого на Западное побережье.[303] В течение трех недель войска были высажены в Кинсейле, и к 28 декабря эскадрилья Кеппела стояла у Гори. На следующий день корабли открыли огонь по французским батареям, и с наступлением темноты остров сдался, сдав более трехсот пленных и почти сотню орудий. Так без особых проблем французы завоевали западноафриканские поселения.

1759.

13 января.

15 января.

Но еще до того, как Кеппел получил свои инструкции, еще шесть батальонов[304] получили приказ отправиться на дипломатическую службу; и едва его эскадра вышла в море, как в Портсмуте собралась другая флотилия транспортов. Генерал-майор Перегрин Хопсон, который был губернатором Новой Шотландии в трудные годы, предшествовавшие началу войны, был назначен главнокомандующим, а полковник Баррингтон, младший офицер, был, несмотря на почетные протесты своего брата, военного секретаря, выбран его заместителем. Отправление экспедиции было отложено сверх установленного срока из-за плохой погоды, но, наконец, 12 ноября транспорты в сопровождении восьми линейных кораблей под командованием commodора Хьюза тронулись в путь и при попутном ветре направились на запад. 3 января 1759 года они достигли Барбадоса, освященной веками базы всех британских операций в Вест-Индии, и там их ждал commodор Мур с еще двумя линейными кораблями, чтобы присоединиться к ним и принять командование флотом. После десятидневного пребывания они снова поплыли на северо-запад при попутном ветре. За их кормой, словно бледно-голубое облако, нависали горы Сент-Винсент; впереди две высокие вершины, по форме напоминающие гигантские сахарные буханки, поднимались все выше и выше из моря и отмечали южную оконечность Сент-Люсии. Затем на траверзе показалась Сент-Люсия, скалистая гряда вулканических гор, густо покрытых тропическим лесом, а недалеко от них, в нескольких лигах впереди, возвышался другой остров, широкий и голубой, остров, на который люди столпились посмотреть, так как им сказали, что это Мартиника. Флот все еще держался; Сент-Люсия осталась за кормой, а

впереди все больше и смелее вырисовывалась Мартиника; затем по правому борту промелькнул островок, похожий на пирамиду, Даймонд-Рок, еще не корабль Его Величества; еще немного - и флот оказался с подветренной стороны острова; еще немного - и суша отступила к востоку, превратившись в глубокую бухту, окруженную высокими вулканическими холмами, и несколько бесполезных пушечных выстрелов со скалистого островка у входа возвестили, что французы готовы встретить их в бухте Форт-Ройял.[305]

16 Января.

17 января.

Корабли покинули залив до следующего дня, пока Хопсон обдумывал свой план действий. Город и крепость Форт-Ройял расположены далеко в заливе на северном берегу, поэтому местом высадки был выбран Негро-Пойнт, который отмечает вход в гавань на севере. На следующее утро корабли вошли в порт и заставили замолчать две небольшие батареи, установленные на Мысе, а во второй половине дня войска беспрепятственно высадились в небольшой бухте, примыкающей к нему. Место для лагеря было выбрано на единственном открытом пространстве, которое удалось найти, между двумя оврагами, и там армия провела ночь, построившись в каре, чтобы быть готовой к любому внезапному нападению. На рассвете следующего утра были слышны выстрелы, и аванпосты доложили, что противник продвигается вперед и укрепляет дом недалеко от британских позиций. Гренадеры были посланы вперед, чтобы выбить их, и ловкая перестрелка закончилась отступлением французов. Хопсон с радостью бросил бы в бой больше своих людей, но джунгли были такими густыми, что они не могли найти врага. "Никогда не было такой страны, - жалобно писал генерал, - высокогорье Шотландии с его лесами, горами и продолжающимися оврагами - ничто по сравнению с ней".[306] Поскольку о попытке подтащить тяжелую артиллерию к Форт-Роялю по такой местности не могло быть и речи, было решено немедленно перебросить войска. В утренней стычке было убито и ранено около ста человек, но погрузка прошла без дальнейших потерь.

18 Января.

На следующий день флот двинулся вдоль побережья острова на север и к вечеру остановился у Сен-Пьера, второго города на Мартинике, приютившегося на небольшой равнине в начале мелководного залива. Военные корабли стояли на следующее утро, чтобы понаблюдать за обороной этого места, и огонь французских батарей с высот справа и слева вскоре убедил commodora, что город не может быть взят без таких повреждений его кораблей, которые выведут их из строя для дальнейшей службы. Поэтому было решено, что Мартинику следует пока оставить в покое и что экспедиция направится к Гваделупе, которая была не только самым богатым из французских островов, но и главным гнездом французских каперов в Вест-Индии. Итак, флот снова направился на север мимо Доминики, где белый флаг Бурбонов все еще развевался над фортом Розо; в то время как вперед был послан единственный корабль с главным военным инженером на борту для разведки города Бастер, который находится на западном или подветренном побережье в нескольких милях к северу от самой южной точки Гваделупы.

23 января.

24 января.

Января.

Инженер вернулся с не слишком обнадеживающим отчетом. Город, хотя и лежал на открытом рейде, был хорошо укреплен, и все подходы к нему вдоль побережья были хорошо защищены, в то время как форт Бастер, расположенный на высоком холме у южной оконечности, был объявлен неприступным для атаки одних только кораблей. Мур, однако, был полон решимости взять город, и в десять часов утра 23-го линейные корабли и бомбардировщики открыли шквальный огонь по форту и батареям. Через несколько часов город, напичканный сахаром и ромом прошлого урожая, яростно пылал, и к наступлению ночи все батареи замолчали, и город превратился в груды почерневших руин. На рассвете следующего дня войска были высажены и обнаружили, что тщательно продуманные линии обороны в глубине страны опустели и все орудия на прицеле, в то время как беспорядочные выстрелы из сахарных тростников сами по себе говорили о присутствии врага. Армия расположилась лагерем в Бастере, но стрельба с тростниковых полей усилилась, а пикеты и передовые посты были до смерти измотаны непрерывающимися тревогами и мелкими атаками. Хопсон отправил французскому губернатору повестку с требованием сдаться, но получил лишь ответ неповиновения. Губернатор фактически отвел свои войска примерно на шесть миль от Бастера на неприступную позицию, какую можно найти только в суровой, гористой и необузданной местности. Каждый фланг был покрыт неприступными холмами, покрытыми непроходимым лесом; впереди его протекала река Галеон с высокими и обрывистыми берегами, а за рекой тянулся овраг, такой крутой, что французы сами пользовались лестницами, чтобы пересечь его. Позиция была дополнительно укреплена окопами и пушками. Атаковать ее с фронта было невозможно. Единственный практически осуществимый доступ был по узкой дороге, которая вела через густой лес с одной стороны; и это место охранялось самым тщательным образом. Поэтому французский командующий лежал здесь, отказываясь вступать в бой, но посылая небольшие отряды беспокоить британские аванпосты в надежде, что климат сделает за него работу по отражению нападения врага.

14 февраля.

И у него не было серьезных оснований для такой надежды, поскольку Хопсон сильно сомневался, не будет ли для него целесообразнее снова сесть на корабль. Его собственное здоровье быстро ухудшалось, и люди начали быстро падать духом из-за непрерывающейся работы на передовых постах и усталости от доставки на них провизии. Со дня высадки было сочтено необходимым отодвигать эти передовые посты все дальше и дальше вглубь суши и делать их все сильнее и сильнее, пока, наконец, они не охватили кольцо протяженностью в полных три мили. К концу января в списке больных числилось полторы тысячи человек, или почти четверть личного состава. Хопсон отправил шестисотинвалидов на Антигуа в надежде спасти хотя бы некоторых из них, но на этом его усилия подошли к концу, и все заявления Баррингтона не смогли побудить его к дальнейшим действиям. Тем не менее, новые операции ни в коей мере не были сложными ни с точки зрения замысла, ни с точки зрения исполнения. На самом деле Гваделупа - это не один остров, а два, разделенных узким проливом, известным как Солт-Ривер. Он очень похож на бабочку с распростертыми крыльями, летящую на юг; западное крыло известно как собственно Гваделупа, а восточное - как Гранд-Терре, в то время как на месте тела бабочки протекает Соленая река. Гранд-Терре, самая плодородная часть острова, все еще была открыта для нападения, с превосходной гаванью в Пойнт-а-Питре, главная защита которой, форт-Луи, могла быть обстреляна из корабельных пушек. Мур, к счастью, не зависевший от Хопсона в отношении военно-морских операций, направил корабли к Форт-Луи, которые быстро принудили его к капитуляции и разместили в нем гарнизон из трехсот горцев и морских

пехотинцев. Но даже получив в свое распоряжение эту новую базу, Хопсон отказался переезжать. Он действительно был смертельно болен и 27 февраля скончался, оставив командование Баррингтону.

6 марта.

11 марта.

Март.

Его смерть наступила не слишком скоро, ибо сила была на грани уничтожения. Число погибших установить невозможно, но помимо шестисот инвалидов, отправленных на Антигуа, в списке больных значилось более шестнадцати сотен человек, а остальные умирали так быстро, что едва ли можно было найти достаточное количество людей для выполнения ежедневных обязанностей. Баррингтон решил немедленно покончить с этим фатальным периодом бездействия. Оборона форта Бастер уже была отремонтирована и защищена от нападения, поэтому Шестьдесят третий полк был оставлен удерживать его, пока остальные войска грузились на транспорты. После пяти дней утомительной борьбы с пассатом часть кораблей встала на якорь перед Форт-Луи; но более половины из них оказались с подветренной стороны. Следующий день Баррингтон провел в открытой лодке, разведывая побережье, но по возвращении вечером его встретили плохие новости о том, что к северу от Барбадоса была замечена французская эскадра и что Мур счел своим долгом отступить со своей эскадрой к заливу Принца Руперта, Доминика, чтобы прикрыть Бастер и британские подветренные острова. Наконец, поскольку болезнь причинила флоту не меньший ущерб, чем армии, коммодор попросил выделить войска для пополнения его экипажей.

Мало найдется ситуаций более неловких, чем та, в которой сейчас оказался Баррингтон. Он преданно дал Муру триста солдат для своих кораблей и наблюдал, как флот, от которого зависели его коммуникации, исчезает из виду. Почти, если не совсем половина его отряда погибла или была непригодна к несению службы; в то время как остальная часть была изолирована в Бастере, и полностью одна часть находилась в море, стремясь пробиться в Пойнт-а-Питр. Форт-Луи, единственная сильная позиция, на которой он мог надеяться переждать в безопасности, был признан неприступным, и французы уже готовились к его осаде. Тем не менее, с решимостью, которая делает его необычным человеком, он решил, несмотря на все трудности, немедленно начать наступательные операции. Во всяком случае, у него были транспорты, хотя и не было боевых кораблей, и он решил использовать их; его план состоял в том, чтобы, если ему не удастся вызвать врага к действию, опустошить весь остров и истощить его голодом. Возделываемая земля в таком нагромождении гор могла располагаться только в долинах, а поселения должны были обязательно располагаться в устьях тех долин, где существовало сообщение с другими частями острова по морю или дорогам, идущим вдоль побережья. Французы возвели множество батарей и окопов для защиты этих поселений, но такое количество оборонительных сооружений неизбежно предполагало распыление сил. Войска Баррингтона, какими бы немногочисленными они ни были, были, во всяком случае, до некоторой степени сосредоточены; и в его силах было выделить людей, достаточных для штурма любого из этих изолированных поселений, и таким образом детально разрушить оборону. Операции на самом деле были несложными, когда человек однажды продумал метод их проведения, но именно в этом отношении Хопсон потерпел неудачу....."

27 марта.

29 марта.

Две недели ушло на укрепление обороны Порт-Луи; и 27 марта шестьсот человек были погружены на борт под командованием полковника Крампа и отправлены к южному побережью Гранд-Терре с приказом высадиться между городами Сент-Анна и Сен-Франсуа, уничтожить их оба и разрушить батареи, возведенные для их защиты. Крамп, превосходный офицер, выполнил свой долг пунктуально и с небольшими потерями; и 29-го числа Баррингтон, предположив, что французы наверняка отвели часть своих войск из Гозье, порта в нескольких милях к западу от Сент-Анны, выступил против него с тремя сотнями человек и на рассвете напал на врага в его окопах. Войска, жаждущие работы после долгого бездействия, атаковали с большим рвением, выбили врага с небольшими трудностями и потерями, а затем приготовились пробиваться обратно в Форт-Луи по суше. Баррингтон приказал гарнизону совершить две отдельные вылазки на линии, возведенные французами против форта, но из-за какой-то ошибки была предпринята только одна. Тем не менее его собственный маленький отряд справился с работой без посторонней помощи, захватил батарею из двадцати четырех фунтовых орудий, которая была установлена противником для обстрела форта на следующий день, и с триумфом вернулся в свои покои.

12 апреля.

13 апреля.

К этому времени пропавшие транспорты успешно подошли к Пойнт-а-Питр; но в противовес этому преимуществу из Бастера пришло известие, что командовавший ими полковник, ценный офицер, был убит вместе с одним или двумя своими людьми случайным взрывом и что французы строят батареи для бомбардировки форта. Баррингтон назначил нового командира с приказом совершить вылазку и захватить эти батареи без лишних церемоний; и задача, поскольку он подобрал для ее выполнения подходящих людей, была выполнена без особых проблем или потерь. Более того, теперь, разрушив самые важные поселения на Гранд-Терре, он решил применить те же принципы ведения войны к Гваделупе. Соответственно, 12 апреля бригадный генерал Клаверинг с тысячью сотнями человек и шестью орудиями был отправлен в бухту недалеко от Арнувиля,^[307] где они высадились, не встретив сопротивления, противник отступил на сильную позицию в тылу реки Единорог. Эта позиция была чрезвычайно важна для французов, поскольку она прикрывала залив Мао, который был портом, через который голландцы снабжали Гваделупу провизией с острова Сент-Эстатия. Он был настолько силен от природы, что почти не нуждался в искусном укреплении; доступ к реке преграждало мангровое болото, через которое было всего два узких подхода, оба они были защищены редутами, частоколом и пушками. Тем не менее Клаверинг решил атаковать. Прикрываемые шквальным огнем артиллерии, Четвертый и Сорок второй полки двинулись против левого фланга французов, ведя огонь взводами так хладнокровно, словно на параде, пока горцы, обнажив свои клейморы, не бросились в атаку, и Четвертый, бросившись вперед со штыком, не выбил французов из редута. Затем, обойдя с тыла окопы справа от французов, они вынудили противника эвакуировать и их, захватив семьдесят пленных. Затем французы отступили на юг, поджигая по пути тростниковые заросли, чтобы остановить британское преследование, и заняли пост за рекой Лезард, разрушив мост позади себя. Клаверингу было слишком поздно атаковать их в тот день, поскольку единственный брод на реке был защищен редутами и четырьмя орудиями; но, поддерживая артиллерийский огонь всю ночь, чтобы отвлечь внимание

противника, он переправил отряд на каноэ через реку ниже позиций французов, которые, как только увидели, что их правый фланг повернут, поспешно отступили, бросив все свои орудия. Следуя вдоль побережья на юг, к Пти-Бургу, где они подготовили укрепленные линии и вооруженные редуты, французы снова попытались оказать сопротивление; но Баррингтон выслал бомбардировочное судно, чтобы поджидать их у берега, которое открыло артиллерийский огонь и снова отбросило их назад, прежде чем они смогли вытащить свои орудия из окопов.

14 апреля.

18апреля.

19апреля.

1 мая.

Тогда и только после этого Клаверинг разрешил своим людям сделать привал после их тяжелой работы под тропическим солнцем; но 15-го он снова был в движении, и отряд из ста человек был отправлен для захвата следующей батареи южнее, в городе Гуяве. Французы, теперь уже совершенно обескураженные, дождались только одного выстрела, а затем бежали, оставив после себя семь орудий, когда британцы, оснатив пушки новыми, отступили в Пти-Бур. В тот же день полковник Крамп был отправлен с семьями солдатами в залив Махо, где он обнаружил, что французские укрепления брошены. Уничтожив их вместе с огромным количеством припасов, он двинулся маршем, чтобы присоединиться к Клаверингу в Пти-Бурге и помочь в опустошении окрестностей. Сильный дождь приостановил боевые действия на два следующих дня; но 18-го все силы, за исключением гарнизона в двести пятьдесят человек, оставленного в Пти-Бурге, возобновили наступление на юг, на Сен-Мари, где все французские войска на острове были собраны, чтобы противостоять ему. Французская позиция, как обычно, была прочно укреплена, но тропы, ведущие в тыл, были признаны непроходимыми и оставлены без охраны. Поэтому был послан отряд, чтобы обойти окопы по этим тропинкам, и артиллерия поспешила на фронт; но едва орудия открыли огонь, как французы, заметив движение у себя в тылу, покинули свои укрепления и бежали на другую укрепленную позицию на высотах за Сен-Мари. Британцы преследовали их; и, пока расчищалась местность для вступления в дело артиллерии, часть пехоты пыталась пробиться через лес и пропасти на фланге земляных укреплений. Французы, устав отвоевывать позицию за позицией, оставили свои укрепленные рубежи, чтобы встретить эту атаку, после чего Клаверинг немедленно направил остатки своих войск прямо на эти рубежи и, несмотря на шквальный огонь артиллерии и мушкетной стрельбы, выбил врага из этого последнего убежища. На следующий день армия вступила в округ Капестерре, считавшийся самым богатым во всей Вест-Индии; и жители, опасаясь, как бы его не постигла участь остальных, пришли и стали просить об условиях. Поэтому капитуляция была предоставлена на либеральных условиях, и Гваделупа, один из богатейших Антильских островов, с гаванью, достаточно большой, чтобы укрыть весь флот Англии от ураганов, перешла в настоящее время к британской короне.

26 мая.

Капитуляция была оформлена в самый последний момент, поскольку едва успели высохнуть чернила для подписей, как пришло известие о прибытии генерала Богарне с Мартиники с шестьюстами французскими регулярными войсками и двумя тысячами буканьеров. Днем раньше это подкрепление спасло бы Гваделупу, но, услышав о капитуляции, Богарне вновь

погрузил свои войска на корабль и отплыл. Поэтому Баррингтону ничего не оставалось, как уладить дела с администрацией, укрепить гавань и оставить достаточный гарнизон для ее удержания. Остров Мариегаланте, который не был включен в капитуляцию, проявил некоторое неповиновение, но сдался при первой демонстрации силы. Крамп был назначен губернатором; Четвертый, Шестьдесят третий и Шестьдесят пятый были оставлены за ним; Тридцать восьмой вернулся в свои старые помещения на Подветренных островах, "Горцев" отправили в Америку, а в июне Баррингтон с остатками шестьдесятпервого и шестьдесят четвертого "Баффов" вернулся в Англию.

Так закончилась Гваделупская кампания. Эта история малоизвестна, и имя Джона Баррингтона - одно из тех, о которых мало кто слышал; и все же, несомненно, достижения его самого и его войск таковы, что их не следует забывать. Баррингтон принял от Хопсона армию, ослабленную болезнями, до смерти измотанную оборонительной войной самого изматывающего рода и обескураженную сознанием того, что все это работает напрасно. Он сразу же сменил свою базу для более активных операций, но, к своему великому огорчению, обнаружил, что половина его войск буквально в море, а флот у него забрали для выполнения других обязанностей. Тем не менее, он сразу же приступил к работе и, зная, что не сможет захватить остров силой, принудил его к покорности, отрезав и уничтожив его запасы. Я без колебаний описал мелкие стычки, которые последовали за этим, поскольку не было ни одной, которая не демонстрировала бы предусмотрительности в планировании и мастерства в исполнении. Это правда, что французских регулярных войск на острове было немного, и что враг, который так легко покинул свои окопы, состоял в основном из необстрелянных ополченцев и вооруженных гражданских лиц; но они никогда не сражались иначе, как на сильных позициях, защищенных артиллерией. Верно также, что фактическую работу в полевых условиях выполняли Крамп и Клаверинг, два отличных офицера, поскольку Баррингтон был настолько искалечен подагрой, что с трудом мог покинуть Форт-Луи. Тем не менее вся схема операций принадлежала Баррингтону, и никто так сердечно не признавал этот факт, как сам Клаверинг. Число британцев, убитых и раненых в бою, к сожалению, не подлежит уточнению, но, судя по потерям офицеров, из которых одиннадцать были убиты и двадцать один ранен, оно было не очень велико. Но не свинец и сталь наиболее опасны в тропической экспедиции, и не в убитых и раненых следует оценивать ее стоимость. Остров был завоеван, но климат - нет; и климат взял реванш. К концу семи месяцев, оставшихся до 1759 года, почти восемьсот офицеров и рядовых гарнизона нашли свои могилы в Гваделупе.

Власти.—Об экспедициях в залив Канкаль и Шербур см. Отчет сотрудника последней экспедиции. Entick также приводит подробности из официальных документов. Информацию о деятельности Goree смотрите в Государственных документах (Record Office), С.О., Col. Соответственно, Сьерра-Леоне, 2, 3. О Гваделупе см. Государственные документы, С. О., Америка и Вест-Индия, 100, 101; WO, ориг. Соответственно., 26. Entick снова приводит путаное утверждение.

ГЛАВА III

1758.

1 декабря.

Был конец ноября, когда парламент собрался вновь и выслушал тронную речь, в которой он ликовавал по поводу взятия Луисбурга, форта Фронтенак и Сенегала, но скромно сожалел о неизбежных расходах на войну. Палата общин, однако, была практически единодушна в том, чтобы предоставить Питту полную свободу действий, хотя сам министр был поражен, когда его поставили лицом к лицу с оценками. Данные для Армии были представлены неделю спустя и свидетельствовали лишь о незначительном увеличении британского истеблишмента, общая численность которого не превышала восьмидесяти пяти тысяч человек. Тем не менее, основные операции предстоящего года должны были проводиться в большем масштабе, чем раньше, и в то же время требовались ассигнования для возмещения огромных потерь, вызванных тропическими экспедициями. До фактического начала операций 1759 года были сформированы только два новых полка, один из них, полковника Эйра Кута,^[308] служащий напомним о том, что одновременно со всеми другими предприятиями шла борьба, о которой сейчас пойдет речь, за господство в Ост-Индии.

1759.

Основные усилия Питта, как и в предыдущем году, были направлены против Канады, и предписанные операции были немногим менее сложными, чем в прошлой кампании. В первую очередь предполагалось прямое наступление на Квебек, для чего Амхерст должен был передать генералу Вулфу более десяти батальонов. Во втором случае должна была быть возобновлена попытка проникнуть в Канаду через Тикондерогу и Краун-Пойнт. Сам Амхерст должен был взять на себя эту обязанность, поскольку Аберкромби был справедливо отозван; и была надежда, что он сможет присоединиться к Вулфу в столице Канады или, по крайней мере, совершить мощный отвлекающий маневр в его пользу. В то же время Амхерсту было приказано обеспечить безопасность Освиго и Питтсбурга и уполномочено проводить любые дальнейшие операции по своему усмотрению, без ущерба для основных целей кампании. Поскольку генерал уже располагал двадцатью тремя батальонами королевских войск в Америке, считалось, что с полками, которые Хопсон должен был направить ему из Вест-Индии, у него будет достаточно сил для этой работы. Поэтому никаких свежих батальонов ему из Англии не присылали.^[309]

Выбор Джеймса Вулфа для командования экспедицией против Квебека стал неожиданностью для многих. Сейчас ему было тридцать два года, и он служил в армии с четырнадцати лет, достигнув звания капитана в семнадцать и майора в двадцать. Он служил во Фландрии и отличился в звании бригад-майора при Лауффельде, но наиболее компетентно проявил себя в звании подполковника, командовавшего Двадцатым пехотным полком. Он был замечательным полковым офицером, увлеченным своей профессией и хорошо знакомым со своими обязанностями, строгим приверженцем дисциплины, но преданным своим людям, а также утонченным и образованным джентльменом. Короче говоря, он был командиром, которому можно было доверить поднять тонус любого корпуса.^[310] Он привлек внимание Питта своей постоянной, хотя и бесплодной пропагандой действий во время неудачного штурма Рошфора в 1757 году и стал замечен в глазах общественности своим поведением в Луисбурге. Однако его отношения с Амхерстом, по-видимому, были не очень дружескими и не улучшились после его возвращения домой с Кейп-Бретона в 1758 году; действительно, как только Вулф прибыл в

Англию, ему сделали выговор за то, что он вернулся без приказа короля, неправильно поняв его служебное письмо.^[311] Возможно, именно под влиянием этого порицания он написал Питту, заявив о своей готовности служить в Америке и "особенно на реке Святого Лаврентия"; но, как бы то ни было, он получил назначение. Существует анекдот о том, что он привел великого министра в смятение каким-то необычным гасконнадом на обеде, на который он был приглашен незадолго до своего отъезда; но даже если в момент приподнятого настроения,^[312] он, возможно, на какое-то время поддался возбужденной болтовне, все же подобные вспышки не были обычными для него, потому что он был главным самым тихий и скромный из людей. Настоящим возражением против его назначения было состояние его здоровья. Он никогда не был сильным и стал мучеником от ревматизма и камней, но он был так же мужествен перед болью, как и перед пулями врага; на самом деле, подобно королю Вильгельму Третьему, он никогда не был так счастлив, как под огнем. В остальном природа наградила его чрезвычайно уродливым лицом, на его портретах изображен профиль, который нелепо изгибается ото лба к кончику носа и столь же нелепо изгибается от носа к шее. Копна рыжих волос, собранных в косичку, и высокая, худощавая, нескладная фигура не добавляли ни изящества, ни красоты его внешности; но за этим некрасивым телосложением скрывалась страстная привязанность к британскому солдату и неукротимый дух, противостоящий трудностям и опасности.

Февраль.

Май.

Была середина февраля, когда Вулф отплыл из Англии на корабле его величества "*Нептун*", флагманском корабле флота из двадцати одного корабля под командованием адмиралов Сондерса, Холмса и Дарелла. Путешествие было долгим и утомительным, и когда, наконец, достигли Луисбурга, оказалось, что гавань закупорена льдом, так что флоту пришлось направиться в Галифакс. Оттуда Дюрелл был отправлен, слишком поздно, как вскоре было доказано, к устью реки Святого Лаврентия, чтобы перехватить некоторые транспорты, которые ожидались с припасами из Франции; Холмса послали сопровождать войска, которые должны были отплыть из Нью-Йорка; а в мае все вооружение для взятия Квебека было собрано в Луисбурге. Вулф ожидал, что силы составят двенадцать тысяч человек; но полки, которые следовало бы выделить из Гваделупы, еще не могли быть пощажены, а те, что были набраны из гарнизонов Новой Шотландии, значительно сократились из-за болезней зимой. Качество войск, однако, было превосходным, и Вульф рассчитывал восполнить серьезный численный недостаток. Силы были разделены на три бригады под командованием бригадиров Монктона, Таунсенда и Мюррея, все трое были молодыми, энергичными и талантливыми людьми, хорошо подготовленными для службы под началом такого командира, как Вульф.^[313] Гренадеры армии были, как теперь стало обычным, собраны вместе и организованы в две дивизии, причем полки гарнизона в Луисбурге были известны как луисбургские гренадеры.^[314] Другой отдельный корпус состоял из лучших стрелков нескольких полков и назывался Легкой пехотой, в то время как шесть рот провинциальных рейнджеров составляли часть иррегулярных войск. Таким образом, общая численность отряда была доведена примерно до восьми тысяч пятисот человек. Двух недель хватило на окончательные приготовления, поскольку Амхерст и его штаб приложили все усилия, чтобы обеспечить все необходимое;^[315] и 6 июня последнее подразделение транспортов, под одобрительные крики матросов, отплыло из Луисбурга на "Сент-Лоуренс".

Французское командование тем временем с тревогой готовилось к обороне. Не могло быть никаких сомнений в том, что британцы предпримут по меньшей мере двойную атаку на Канаду, со стороны озера Шамплейн на юге и озера Онтарио на западе, и каждый трудоспособный мужчина в колонии был призван отразить ее. Не успела диспозиция быть улаженной, как пришло известие о предполагаемом наступлении "Святого Лаврентия", которое повергло в ужас всю колонию. В Квебек были вызваны пять регулярных батальонов и ополчение со всех концов Канады вместе с тысячей индейцев; и после долгих дебатов Монкальм, который командовал войсками при губернаторе города, принял решение о своем плане обороны. Квебек с его укреплениями стоит на северном берегу реки Святого Лаврентия, будучи расположенным на скалистом мысу, который отмечает сужение реки от пятнадцати или двадцати миль в ширину до пролива, едва превышающего одну. Непосредственно к северу от этого хребта река Сент-Чарльз впадает в реку Святого Лаврентия; а в семи милях к востоку от реки Сент-Чарльз берег прорезан скалистым ущельем, через которое изливается порог Монморанси. Именно между этими двумя реками Монкальм расположил свою армию, расположив ее справа от себя на реке Сен-Шарль, слева - на реке Монморанси, со своей штаб-квартирой на маленькой речке Бопор на полпути между ними и фронтом к реке Святого Лаврентия. По всему берегу великой реки были возведены окопы, батареи и редуты. От Монморанси до Бопора крутые и скалистые возвышенности поднимали эти оборонительные сооружения слишком высоко над водой, чтобы их могли достать корабельные пушки. От Бопорта до Сент-Чарльза тянулись широкие илистые равнины, под контролем которых находились батареи как на плаву, так и на берегу, а также пушки Квебека. На стенах самого города было установлено более ста пушек; мост из лодок с мощным форштевнем на восточной стороне сохранял сообщение между городом и лагерем; а для защиты самой реки имелась плавучая батарея из двенадцати тяжелых орудий, помимо нескольких канонерских лодок и брандеров. Суда конвоя, которые Дюреллу не удалось перехватить, вместе с сопровождавшими их фрегатами были отправлены вверх по реке за Квебек, чтобы оказаться вне опасности; а моряков забрали для укомплектования береговых батарей. Укрепившись таким образом с четырнадцатью тысячами человек того или иного типа и твердо веря, что ни одно иностранное судно не осмелится совершить попытку сложного плавания по реке Святого Лаврентия, Монкальм ждал прихода англичан.

Июнь.

Только 21 июня были замечены первые верхушки мачт флота. В течение нескольких дней британцы ощупью пробирались вверх по реке, отчасти им помогал пленный канадский пилот, чаще всего благодаря их собственному мастерству и опыту. "Будь я проклят, если на Темзе нет тысячи мест, в пятьдесят раз более опасных, чем это", - проворчал старый шкипер одного из транспортов, презрительно отмахиваясь от лоцмана. Итак, огромный флот пополз вверх по течению, линейные корабли прошли там, где французы опасались наткнуться на каботажную шхуну, и, наконец, 26 июня все они были в безопасности брошены на якорь у южного берега острова Орлеан, в нескольких милях ниже Квебека. Ни одно несчастье не омрачило этого виртуозного и превосходного лоцманского подвига.

27Июня.

28 Июня.

29 июня.

Июль.

На следующий день войска без сопротивления высадились на острове Орлеан, и в тот же день внезапный шквал выбросил многие корабли на берег и уничтожил несколько плоскодонок, подготовленных для высадки. Буря вселила во французов большие надежды на спасение providения, которые, однако, были быстро разрушены, поскольку буря утихла так же внезапно, как и возникла. Поэтому на следующий день губернатор Квебека решил пустить свои брандеры вниз по реке против флота. Попытка была предпринята должным образом, но с кораблями плохо обращались, а служба осуществлялась некачественно. Британские моряки хладнокровно гребли, зацепили горящие суда и отбуксировали их на берег, в то время как войска, построившись в боевом порядке, смотрели на самое впечатляющее зрелище фейерверка, которое они когда-либо видели. Тем временем Вульф провел рекогносцировку французских позиций и города, но не увидел возможности для успешной атаки. Единственное, что казалось возможным, - занять высоты Пойнт-Леви напротив Квебека на южном берегу и обстреливать город через эту, самую узкую часть реки. Бригада Монктона соответственно закрепились на этих высотах, установила батареи и 12 июля открыла огонь, который вызвал опустошение среди зданий Квебека. Но как бы эта канонада ни действовала на нервы жителей, она, как хорошо знал Вульф, мало способствовала продвижению настоящей работы.

Соответственно, пока строились батареи на мысе Леви, английский генерал решил посмотреть, нельзя ли найти уязвимое место на левом фланге Монкальма. 8 июля, оставив отряд удерживать лагерь на острове Орлеан, он отправил бригады Таунсенда и Мюррея на северный берег реки Святого Лаврентия, где они продолжили укрепляться на восточном берегу Монморанси. Движение было в высшей степени опасным, поскольку оно разделило его силы на три части, ни одна из которых не могла поддержать другую; но французы упорно держали оборону, хотя британцы находились всего в ружейном выстреле от них через скалистое ущелье Монморанси и немало досаждали их лагерю своей артиллерией. И все же Вульф не мог добиться ничего решающего. Известие о том, что Амхерст наступает на Тикондерогу, действительно обескуражило канадцев и привело к росту дезертирства среди них; но во всех других отношениях операции перед Квебеком зашли в тупик.

18 июля.

28 июля.

Теперь, однако, флот, который уже преодолел трудности в навигации по "Святому Лаврентию", снова выступил вперед, чтобы указать путь. Французы считали, что ни одно судно не могло пройти мимо батарей Квебека без разрушения; но в ночь на 18 июля его превосходительство *Сазерлендс* пятьюдесятью орудиями и несколькими меньшими судами благополучно поднялся вверх по реке, прикрываемый огнем орудий с мыса Леви, уничтожил несколько небольших судов, которые они нашли там и бросили якорь над городом. Это была первая угроза попытки взять Квебек в обратном направлении и вынудила Монкальма выделить шестьсот человек из лагеря Бопорт для защиты нескольких доступных пунктов между городом и Кап-Руж, примерно в восьми милях выше него. Вульф также воспользовался этим движением, чтобы послать отряд опустошать местность к западу от Квебека; но хотя он таким образом добавил четвертую к трем изолированным дивизиям, на которые он разбил свою армию, Монкальм по-прежнему отказывался двигаться. Действительно, была предпринята вторая попытка уничтожить британские суда брандерами, которая, как и первая, была сорвана хладнокровием и доблестью британских моряков; но дальше этого французская агрессия не

пошла. Монкальм был полон решимости сыграть роль Фабиуса, и, похоже, он сыграет ее с успехом.

Сезон подходил к концу, и Вулф был ни на йоту не ближе к своей цели, чем при первой высадке. Подавленный своим неудачным выступлением, он решил атаковать лагерь Монкальма с фронта. Опасность была отчаянной, поскольку, оставив войска удерживать мыс Леви и окопы на Монморанси, он мог собрать немногим более пяти тысяч человек, чтобы атаковать силы, более чем вдвое превосходящие его по численности, на очень опасной позиции. В миле к западу от водопада Монморанси между этой рекой и подножием утесов есть отмель шириной около фарлонга в прилив и полмили в отлив. Французы построили на этом берегу редуты выше отметки прилива, которые контролировались, хотя Вулф и не мог этого видеть, ружейным огнем из окопов выше. Вулф надеялся, что захватом одного из этих редутов он сможет соблазнить французов вернуть его и таким образом начать генеральные действия или, по крайней мере, найти возможность произвести рекогносцировку самого укрепленного лагеря. Более того, ниже водопада Монморанси был брод, по которому по крайней мере часть его войск на этой реке могла присоединиться к атаке и таким образом в некоторой степени уменьшить численное превосходство. Но Вулф относился к канадскому ополчению с таким презрением, что не побоялся противопоставить им, несмотря ни на что, доблесть своих собственных дисциплинированных солдат.

31 июля.

Соответственно, утром 31 июля его превосходительство "*Центурион*" подошел вплотную к "Монморанси", бросил якорь и открыл огонь по редутам. Два вооруженных транспорта последовали за ней и также открыли огонь по ближайшему редуту, сев на мель во время отлива, пока, наконец, не легли высоко и сухо на ил. Одновременно батареи на другом берегу Монморанси открыли яростный огонь по флангу окопов Монкальма, и в одиннадцать часов несколько лодок, наполненных солдатами, переправились через мыс Леви и зависли над рекой напротив Бопора, как будто собираясь атаковать в этом месте. Время, однако, показало Монкальму, где следует опасаться реальной опасности, и он сосредоточил все свои двенадцать тысяч человек между Бопором и Монморанси. В половине шестого британские батареи на плаву и на берегу открыли огонь с удвоенной яростью, и лодки бросились к берегу. К сожалению, некоторые из них сели на выступ недалеко от отмели, что вызвало некоторую путаницу и задержку, но в конце концов все они добрались до берега и высадили людей на берег. Первыми высадились тринадцать рот гренадеров, а за ними двести человек из Шестидесятой; на некотором расстоянии за ними следовали Пятнадцатая и горцы Фрейзера в качестве поддержки. Не успели они сойти на берег, как гренадеры, самые надежные войска в армии, по какой-то причине вышли из-под контроля. Несмотря на усилия своих офицеров, они не стали дожидаться, пока выстроится подкрепление, а в величайшем беспорядке и неразберихе бросились к редуту и выбили французов из него. В тот же миг из окопов наверху по ним был открыт сильный огонь. Гренадеры на мгновение отшатнулись; затем, придя в себя, они снова побежали вперед и предприняли безумную попытку пробраться по крутому, скользкому от травы подъему, но только для того, чтобы десятками скатиться вниз, убитые или раненые под градом мушкетной стрельбы с французских позиций. Трудно сказать, чем бы закончилось это дело, если бы тучи летней грозы, которые висели над рекой всю вторую половину дня, внезапно не разразились как раз в этот момент проливным дождем. Все боеприпасы с обеих сторон были пропитаны водой, так что дальнейшая стрельба стала невозможной, а травянистый склон стал

настолько коварным, что пытаться взобраться на него было безнадежно. Вулф, видя, что все пошло наперекосяк, приказал отступать; и войска отступили и снова погрузились на борт, гренадеры и шестидесятая дивизия потеряли пятьсот офицеров и рядовых, или почти половину своей численности, убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

5августа.

Вулф был крайне возмущен недостойным поведением гренадеров и резко отчитал их в общих приказах за их стремительные, нерегулярные и не подходящие солдатам действия. Французы, с другой стороны, естественно, были в приподнятом настроении и льстили себе мыслью, что кампания практически подошла к концу. Не сильно отличался от них и Вульф. Действительно, говорят, что у него возникла идея оставить часть своих войск на укрепленной позиции перед Квебеком, чтобы быть готовым к новой попытке следующей весной. Между тем в настоящее время он вернулся к тактике, которую Баррингтон так успешно применил на Гваделупе, опустошив все поселения вокруг Квебека с целью спровоцировать дезертирство среди ополченцев и истощить колонию в целом. Монкальма, однако, не удалось выманить из его рядов; с ним было достаточно индейцев, чтобы учинить ужасные расправы за опустошение, произведенное Вулфом, и Канаду нельзя было завоевать сожжением деревень. Поэтому Вулф теперь перенес свои операции туда, куда привело его предприятие флота, выше и на обратной стороне Квебека. С каждым попутным ветром все больше и больше кораблей выдерживали огонь батарей и проходили сквозь него в безопасности; и теперь флотилия плоскодонок отважилась пройти тот же путь, в то время как тысяча двести человек под командованием бригадного генерала Мюррея прошли по суше вверх по южному берегу Святого Лаврентия, чтобы нести на них службу. Это движение вынудило Монкальма отозвать еще полторы тысячи человек из лагеря в Бопоре, чтобы пресечь любую попытку высадки десанта над городом. Обязанность, возложенная таким образом на этот небольшой отряд французов, была самой тяжелой, поскольку включала в себя тревожное наблюдение за пятнадцатью или двадцатью милями берега. Однако под руководством Бугенвиля, офицера, впоследствии прославившегося как великий мореплаватель, операция была проведена настолько успешно, что только после двух отражений Мюррею удалось сжечь большой склад французских припасов. Тревога, вызванная этим ударом, была настолько велика, что Монкальм поспешил из Бопорта лично принять командование; но когда он прибыл, британцы уже отступили, довольные своим успехом.

Тем не менее французы от высшего до низшего звена теперь серьезно беспокоились. Их армия была на скудном пайке. Все его припасы доставлялись из районов Трех Рек и Монреалья; и из-за отсутствия возможности транспортировки по суше они были волей-неволей отправлены вниз по реке, где стояли британские корабли, готовые перехватить их. Теперь стало очевидной ошибкой посылать фрегаты вверх по реке и позволять британской эскадре собираться небольшими отрядами над Квебеком; но было слишком поздно исправлять это. Британский флот открыл истинный метод захвата города, перерезав его коммуникации как вверху, так и внизу. Единственной надеждой для французов было то, что зима остановит судоходство по реке Святого Лаврентия и положит конец кампании, прежде чем Квебек умрет от голода.

15 июня.

Июль.

24 июля.

Тем временем операции Амхерста на юге и западе также начали сказываться на ситуации. Воспользовавшись широтой, предоставленной ему Питтом, он решил добавить сокращение Ниагары к предписанным ему предприятиям. Эту обязанность он возложил на бригадира Придо с пятью тысячами человек;[316] Бригадному генералу Стэнвиксу было поручено освободить Питтсбург; а Амхерст лично возглавил грандиозное наступление у озер Джордж и Шамплейн. Операции Придо и Стэнвикса должны были проводиться совместно; предполагалось, что, пока Придо будет занят Ниагарой, Стэнвикс двинет войска на север, против французских постов на озере Эри, а оттуда к самой Ниагаре, освободив таким образом Придо для наступления к реке Святого Лаврентия. Придо первым вышел на поле. Собрав свои силы на реке Мохок в Сенектади, он двинулся вверх по течению, оставил сильный гарнизон в форте Стэнвикс для охраны Большого Перевалочного пункта и двинулся вперед мимо озера Онейда и реки Онандага к Освего. Там, оставив почти половину своего отряда под командованием полковника Холдиманда для обеспечения своего отступления, он с остальными отплыл по озеру к Ниагаре. Форт стоял под углом, образованным рекой Ниагара и озером Онтарио, и насчитывал около шестисот человек гарнизона. Придо сразу же приступил к осаде, хотя траншеи поначалу были так неумело проложены инженерами, что потребовалась почти полная реконструкция. Однако, в конце концов, батареи открыли огонь. К несчастью, Придо был убит почти сразу в результате преждевременного взрыва снаряда из одного из его собственных орудий, но сэр Уильям Джонсон, присоединившийся к отряду с отрядом индейцев, принял командование вместо него и с большой энергией продолжил осаду. Форт после двух или трех недель штурма был на пределе, когда отряд из тысячи трехсот французских рейнджеров и индейцев, который был отозван с работы по преследованию англичан на реке Огайо для освобождения Ниагары, появился на сцене в самый последний момент. Джонсон достойно справился с этой задачей. Оставив треть своего отряда в траншеях и еще треть для охраны своих лодок, он с оставшимися силами совершил вылазку навстречу сменяющему отряду и после оживленного боя полностью разгромил его. Выжившие поспешно бежали обратно к озеру Эри, сожгли Венанго и посты на озере и удалились в Детройт. "Ниагара" сдалась вечером того же дня, и таким образом были одним махом достигнуты наиболее важные цели, которые должны были быть достигнуты Стэнвиксом и Придо. Весь регион Верхнего Огайо был оставлен в бесспорном владении британцев, а французские посты на Западе были безнадежно отрезаны от Канады. Таким образом, теперь была открыта почва для наступления на Монреаль со стороны озера Онтарио; и Амхерст, не теряя времени, послал генерала Гейджа принять командование силами Придо с приказом атаковать французский пост Ла Галетт, расположенный у истоков порогов Святого Лаврентия, и оттуда продвигаться как можно ближе к Монреалю. "Настало время, - написал ему Амхерст, - и мы должны им воспользоваться".[317]

21 июля.

26июля.

Август.

Сам Амхерст собрал свою армию в конце июня на обычном месте встречи у истоков озера Джордж. Его силы насчитывали около одиннадцати тысяч пятисот человек, пять тысяч из которых были провинциалами, а остальные британцами.[318] Как теперь стало правилом, он объединил гренадеров армии в один корпус, а также сформировал легкую пехоту, которую он соответствующим образом оснастил для ее работы.[319] Однако только 21 июля войска были погружены на борт, и флотилия, немного менее внушительная, чем "Аберкромби", вышла в море при попутном ветре по озеру Джордж. Она была выстроена в четыре колонны: легкие войска и

провинциалы на обоих флангах, регулярные войска в правом центре, а артиллерия и обоз - в левом центре. Передовой отряд и аррьергард в линии прикрывали голову и хвост колонны, а вооруженный шлюп следовал в аррьергарде за всеми. Еще до наступления темноты они достигли Нэрроуза, а на рассвете следующего утра отряд высадился и двинулся маршем, не встречая особого сопротивления, по маршруту второго наступления Аберкромби на Тикондерогу. Укрепления, которые помешали британцам в предыдущем году, были восстановлены, но оказались заброшенными; французский командующий Бурламак отвел свой гарнизон, всего около трех с половиной тысяч человек, в форт. Амхерст подтянул свою артиллерию, чтобы организовать осаду, но в ночь на 26-е громкий взрыв возвестил о том, что французы оставили Тикондерогу и взорвали завод. Однако это был всего лишь один разрушенный бастион, поэтому Амхерст немедленно восстановил повреждения и начал подготовку к наступлению на Краун-Пойнт. 1 августа он узнал, что Бурламак также оставил эту крепость и отступил на укрепленную позицию на острове о-Нуа у северного выхода из озера Шамплен. Теперь Амхерст был поставлен в тупик, поскольку у французов на озере было четыре вооруженных судна, и ему необходимо было построить аналогичные суда для защиты флотилии, прежде чем он сможет продвинуться дальше. Он сразу же приступил к этой работе, одновременно с возведением мощного форта в Краун-Пойнте, но, к сожалению, начал слишком поздно. Амхерст был прежде всего методичным человеком, чей принцип состоял в том, чтобы хорошо делать каждый достигнутый шаг, прежде чем пытаться двигаться снова. Возможно, он не ожидал столь легкого продвижения к Краун-Пойнту, но, как бы то ни было, он не предусмотрел продвижения дальше, и когда, наконец, к середине сентября его корабли были готовы, сезон был слишком поздним для дальнейших операций. Он пытался подтолкнуть Гейджа поторопиться с атакой на Ла Галетт, но безуспешно. Фактически к середине августа кампания армий юга и запада была практически завершена.

Август.

Тем не менее на данный момент известие о продвижении Амхерста к Краун-Пойнту вызвало большую тревогу в Квебеке, и Монкальм счел себя обязанным послать Леви, одного из своих лучших офицеров, руководить обороной Монреаля. Однако постепенно, по мере того как бездействие Амхерста затягивалось, гарнизон вновь обрел уверенность в себе; а тем временем британцы впали в глубокое уныние. 20 августа Вулф, сильно измученный тяжелой работой, тревогами и унижением, серьезно заболел и был вынужден делегировать проведение операций совету своих бригадиров. Им было предложено несколько планов, все из которых они отвергли в пользу попытки закрепиться на горном хребте над городом, отрезать поставки Монкальма из Монреаля и вынудить его сражаться или сдаться. Курс был таким, какой был проложен флотом с того момента, как корабли прошли над Квебеком. Это действительно было и трудно, и рискованно, но это был единственный план, который сулил хоть какую-то надежду на успех; и успех, если бы он был достигнут, был бы окончательным. Вулф принял его немедленно и без возражений. Армия потеряла более восьмисот человек убитыми и ранеными с начала боевых действий и была еще более серьезно ослаблена болезнями; но генерал был доведен до отчаяния болезнью и разочарованием и был готов предпринять любое предприятие, которое представлялось по силам его офицерам. В последний день августа он достаточно оправился, чтобы снова уехать за границу, а 2 сентября написал Питту историю своих сегодняшних неудач и о своих решениях на будущее, и все это в состоянии уныния, доходящем почти до отчаяния.

3 сентября.

На следующий день войска были умело выведены без потерь из лагеря на Монморанси. Ночью 4-го флотилия плоскодонок с багажом и припасами успешно прошла над городом, а 5-го семь батальонов прошли маршем на запад по суше от Пойнт-Леви и вместе с самим Вулфом погрузились на корабли адмирала Холмса. Вслед за этим Монкальм усилил Бугенвиля до трех тысяч человек и поручил ему следить за передвижениями флота с предельной бдительностью. Штаб Бугенвиля находился в Кап-Руж, с отдельными укрепленными постами в Силлери, в шести милях вниз по реке, на Самосе еще ниже и в Анс-дю-Фулоне, ныне называемом Бухтой Вулфа, в полутора милях над Квебеком. Именно благодаря этому последнему Вульф, милю за милей осматривавший высоты в свою подзорную трубу, заметил узкую тропинку, взбегавшую по краю пропасти. С тропинки он перевел подзорную трубу на столб над ней и, увидев всего десять или двенадцать палаток, пришел к выводу, что стража немногочисленна и ее можно одолеть. Затем был найден способ подняться на скалы со стороны реки: следующая проблема заключалась в том, как обратить открытие во благо.

Утром 7 сентября эскадра Холмса снялась с якоря и отплыла в Кап-Руж. Французы немедленно развернулись, чтобы занять свои окопы; и Вульф, продержав их в напряжении достаточное время, приказал войскам садиться в лодки и велел им грести взад и вперед, как будто в поисках места для высадки. Последующие дни были потрачены на серию подобных маневров: корабли ежедневно подходили к Кап-Руж с приливом и опускались в Квебек с отливом, пока Бугенвиль, который следил за каждым движением с возрастающей тревогой и недоумением, не измотал свои войска непрерывными маршами туда-сюда.

12 сентября.

Наконец 12 сентября Вулфу представилась возможность. Двое дезертиров прибыли из лагеря Бугенвиля с разведанными, что со следующим отливом конвой с провизией отправится вниз по реке в Квебек. Вульф отдал приказ полковнику Бертону, командовавшему постоянными лагерями, чтобы все люди, которых он мог выделить из них, с наступлением темноты прошли вдоль южного берега реки и ждали в выбранном месте посадки. С наступлением ночи адмирал Сондерс вышел из бассейна Орлеана вместе с основным флотом и расставил корабли по всей длине лагеря в Бопоре. Затем шлюпки были спущены на воду и укомплектованы морскими пехотинцами, матросами и теми немногими солдатами, которые остались ниже Квебека, в то время как корабли открыли огонь по пляжу, как бы расчищая его для высадки. Монкальм, полностью обманутый, сосредоточил все свои войска в Бопоре и держал их при оружии, чтобы отразить угрожавшую атаку. Тем временем эскадра Холмса со шлюпками, пришвартованными рядом с транспортом, спокойно стояла на якоре у Кап-Руж и не подавала признаков жизни до поздних сумерек, когда тысяча семьсот человек[320] заняли свои места в шлюпках и с течением прошли некоторое расстояние вверх по течению. Бугенвиль заметил это движение и не сомневался, что нападение было спланировано на его штаб. Наступила ночь, темная и безлунная, и все было тихо. Месье Вержор, командовавший постом в Анс-дю-Фулон, отпустил большую часть своей канадской гвардии на уборку урожая и не видел причин, почему бы ему самому не отправиться с комфортом спать. Бугенвиль оставался настороже, несомненно, с нетерпением ожидая поворота событий, который унес бы британцев из его квартиры и оставил его в покое. Он не знал, что Вульф уже тогда находился на борту флагманского корабля, делая последние приготовления к завтрашнему сражению, и что он передал портрет своей невесты

капитану Джервису[321] работы Н.М.S. *Porcupine*, который должен быть возвращен ей в случае его смерти.

13 сентября.

Наконец, в два часа ночи прилив пошел на убыль. Два фонаря, мерцая, поднялись на ванты грот-мачты "Сазерленда"; Вульф и его офицеры сели в шлюпку и вместе со всей флотилией за кормой бесшумно поплыли вниз по реке. Через должное время последовали шлюпы и фрегаты со второй дивизией войск на борту;[322] и Бугенвиль со вздохом облегчения решил не беспокоить своих людей бесплодным маршем за ними. В течение полных двух часов лодки продолжали свой путь, когда тишину нарушил оклик французского часового. "Франция", - ответил офицер-шотландец, выучивший французский язык на дипломатической службе. - Какого полка? - спросил часовой. "Королевы" (*королевы*) ответил офицер, назвав корпус, входивший в состав вооруженных сил Бугенвиля. Часовой, зная, что ожидается конвой с провизией, позволил лодкам пройти; ибо, хотя Бугенвиль фактически отменил приказ конвою, охрана не была уведомлена об отмене приказа. У Самоса другой часовой, видимый на расстоянии пистолетного выстрела от лодок, снова бросил вызов. "Шлюпки с провизией, - ответил тот же офицер, - не шумите, а то англичане услышат". Лодкам снова позволили пройти. Вскоре они обогнули мыс Анс-дю-Фулон, но часового там не было видно. Передовые лодки отнесло течением несколько ниже предполагаемого места высадки, и войска высадились ниже тропы, на узкой полосе у подножия высот. Затем двадцать четыре человека легкой пехоты, добровольно вызвавшиеся на некую неизвестную, но опасную службу под командованием полковника Хоу, вскинули мушкеты, бросились на скалу и начали продираться сквозь двести футов чахлого кустарника, отделявшего их от врага.

Когда они добрались до вершины, рассвет только начинался, и в тусклом свете они могли различить группу палаток, составлявших лагерь Вергора. Они мгновенно бросились на них, и французы, совершенно удивленные, тут же обратились в бегство. Вергор, слывший трусом, стоял твердо и стрелял из своих пистолетов; и выстрел трех британских мушкетов вместе с радостными криками безнадёжного Хоу подал Вулфу сигнал, которого он ждал. Он скомандовал наступать, и остальные солдаты, как могли, устремились вверх по утесу к своим товарищам. Оказалось, что зигзагообразная тропа, которая сначала привлекла внимание Вульфа, перегорожена траншеями и укрытиями, но эти препятствия были устранены, и подъем стал легче. Вскоре с верховьев реки донесся пушечный залп: батареи Силлери и Самоса вели огонь по крайней из лодок и по эскадре Холмса. Хоу и его легкая пехота были выделены, чтобы заставить их замолчать, что они успешно и сделали; а тем временем высадка продолжалась быстро. Как только лодки опустели, они вернулись, чтобы забрать вторую дивизию с кораблей и людей Бертон с противоположного берега. Еще до того, как солнце взошло достаточно высоко, все силы в количестве сорока пяти сот человек завершили восхождение и гуськом пересекли равнину на вершине холмов.

Вульф пошел вперед на разведку. Местность, на которой он стоял, составляла часть высокого плато, заканчивающегося Квебекским мысом. Примерно в миле к востоку от места высадки находился заросший травой участок, известный как равнины Абрахама, по большей части довольно ровный, хотя и перемежающийся участками кукурузы и зарослями кустарника, и ограниченный с юга высотами Святого Лаврентия, а с севера высотами Святого Чарльза. На этих равнинах, где плато имеет ширину менее мили, Вульф выбрал свою позицию для

ожидаемого сражения. Его положение, несмотря на умелое выполнение маневра, который привел его армию через линию коммуникаций Монкальма, не было ни безопасным, ни завидным, поскольку помимо армии Монкальма и квебекского гарнизона на его фронте, ему приходилось также считаться с отрядом Бугенвиля в своем тылу. Его единственным шансом на успех было то, что французы позволят ему разбить их по частям, что, по сути, они должны вывести свою основную армию и дать ему возможность разгромить ее спереди, прежде чем у Бугенвиля появится время эффективно действовать у него в тылу. Но не было никаких причин, по которым французы должны были делать что-либо подобное; и диспозиции Вулфа нуждались в соответствующем регулировании. Протяженность местности была слишком велика, чтобы позволить построить боевой порядок более чем в одну линию; и именно в одной линии он приготовился встретить основные силы со стороны Квебека. Правое крыло располагалось на краю высот над рекой Святого Лаврентия, и здесь был расквартирован единственный взвод Двадцать восьмого полка. За ним, последовательно справа налево, стояли Тридцать пятый, три роты луисбургских гренадеров,[323] остальные части Двадцать восьмого, Сорок третьего, Сорок седьмого, горцев Фрейзера и Пятьдесят восьмого. Прямо через центр позиции, на полпути между Сорок седьмой и Фрейзеровской, проходила дорога из Силлери в Квебек, и здесь была размещена единственная легкая полевая пушка[324], которую вытащили из бухты Вулфа. Крайним слева, за флангом Пятьдесят восьмой, проходила дорога из Сент-Фуа в Квебек, с несколькими разбросанными домами на южной стороне и участками кустарника и перелеска за ней. Линия обороны, имевшая ширину в три шеренги, была недостаточно длинной, чтобы опереться левым флангом на эту дорогу, не говоря уже о высотах над Сент-Чарльзом, поэтому Пятнадцатый пехотный полк был отброшен назад *в мощи*, чтобы предотвратить поворот левого фланга. Второй батальон Шестидесятого и Сорок восьмой пехотного были размещены в тылу, один слева, а другой справа, восемью подразделениями, с большими интервалами. Две роты Пятьдесят восьмого были оставлены охранять место высадки, третий батальон Шестидесятого был отведен в правый тыл, чтобы сохранить с ним связь; и, наконец, легкая пехота Хоу заняла лес далеко в тылу, очевидно, чтобы сдерживать Бугенвиль. Монктон командовал правой, а Мюррей - левой линией фронта, в то время как Таунсенд взял на себя командование разрозненными войсками, которые несли службу в резерве. Вульф лично остался с бригадой Монктона.[325] Вероятно, он ожидал, что Монкальм попытается повернуть направо и таким образом отрезать ему путь к отступлению.

Тем временем Монкальм провел беспокойную ночь. Ложная атака флота на Бопорт держала его в постоянном беспокойстве; и еще больше он встревожился на рассвете, услышав над городом грохот пушек Самоса и Силлери. Он послал офицера в резиденцию губернатора Квебека за информацией, но ответа не получил; поэтому в шесть часов он поехал посмотреть сам, когда, подъехав справа от своего лагеря, увидел над Сент-Чарльзом зловещую алую полосу, протянувшуюся через высоты в двух милях от него. Его лицо вытянулось. "Это серьезное дело", - сказал он и послал адъютанта во весь опор подтягивать войска справа и в центре лагеря Бопор. Солдаты, лишь недавно освобожденные от несения службы в окопах, взяли под руки оружие и в лихорадочной спешке устремились прочь по мосту Святого Чарльза и по узким улочкам города — индийцы, канадцы и обычные солдаты, одинаково встревоженные внезапным приближением опасности. Дальнейшая разведка привела Монкальма в еще большее смятение. Это был не просто отряд, а практически вся британская армия, пробившаяся к высотам между ним и Монреалем. Между тем Водрейля, губернатора Квебека, который был также главнокомандующим, нигде не было видно; и не было единства ни в руководстве, ни в

повиновении. Монкальм обратился к Рамзи, командовавшему гарнизоном Квебека, с просьбой о двадцати пяти полевых орудиях, которые были установлены на одной из батарей: Рамзи заявил, что они нужны ему для собственной обороны и он выделит только три. Затем последовало тревожное ожидание войск слева от лагеря Бопорта, которые по какой-то причине так и не пришли. Все было в замешательстве, растерянности и рассеянности.

В таких обстоятельствах Монкальм, по-видимому, поддался нервному перенапряжению и потерял рассудок. Он провел поспешный военный совет со своими главными офицерами и решил немедленно вступить в бой. Похоже, он боялся, что Вульф придут на помощь или что он может окопаться сам. И все же не было повода для чрезвычайной спешки. Еще двух часов хватило бы, если не на то, чтобы подтянуть недостающие войска из Бопорта, то, во всяком случае, на то, чтобы раздобыть больше ружей и послать гонца безопасным путем для согласования мер с Бугенвилем; а день еще только начинался. Снабжение французов подходило к концу, это правда, но их армия не голодала; и откуда сам Вулф, имея в тылу Бугенвиля, мог черпать припасы, даже если предположить, что он действительно окопался? У британцев был с собой запас провизии на два дня, но все дальнейшее снабжение они должны были осуществлять по единственной зигзагообразной тропе, достаточно широкой, чтобы в ряд мог пройти только один человек. Даже предположив, что Монкальму не удалось бы раздобыть тридцать полевых орудий, о которых он просил, и которые в случае получения почти неизбежно выбили бы британскую армию с поля боя, ничто не мешало ему маневрировать превосходящими силами, чтобы держать британцев при оружии до наступления ночи, в то время как его индейцы и иррегулярные части, которых у него было в избытке, теснили британский правый фланг спереди и сзади под прикрытием кустарника и препятствовали подвозу дополнительных припасов. В каком состоянии была бы армия Вулфа на следующее утро после второй ночи под ружьем, и каких возможностей могло бы не быть для успешной атаки? Но этому не суждено было случиться. То ли Монкальма подстегивало нетерпение его собственных наполовину отвлеченных сил, то ли он просто поддался нервному истощению, должно оставаться неясным. Во всяком случае, он решил с пятью тысячами солдат, которые были с ним, немедленно принять бой.

К девяти часам его боевая линия была сформирована примерно в шестистах ярдах от британских позиций. Справа от него, у дороги на Сент-Фуа, располагался батальон канадского ополчения, а рядом с ним последовательно располагались регулярные полки Беарна и Ла Сарра. Рядом с ними, в колонне по обе стороны дороги на Силлери, шли полки Гиенны и Лангедока, а слева от них полк Руссильона и еще один батальон ополчения. На крайних правых и левых позициях около двух тысяч индейцев и канадцев бросились вперед в боевом порядке перед линией фронта. Именно под огнем этих снайперов начались боевые действия. У них было хорошеекрытие не только с флангов, но и среди разбросанных кустов спереди. Вулф бросил им навстречу стрелков, и стрельба стала оживленной, особенно на левом фланге британцев, где люди Таунсенда начали быстро падать. Давление слева стало настолько сильным, что Таунсенд, встревоженный за свой фланг, вывел второй батальон Шестидесятого слева от Пятдесят восьмого, выделил часть из них, чтобы выбить канадцев из домов у дороги, а оставшуюся часть удвоил силу на линии с Пятнадцатым; в то же время легкая пехота была вызвана в поддержку Пятнадцатого, чтобы еще больше усилить фланг. Таким образом, еще до начала боевых действий арьергард и половина резерва были практически втянуты в боевую линию. На правом фланге британцев, где французские стрелки не могли обойти их с фланга, их огонь ни в коем случае не был столь смертоносным; но не похоже, что ни одна из этих атак не входила в какой-

либо продуманный план Монкальма, поскольку, бросив массу своих стрелков против левого фланга британцев, он мог бы сделать их очень грозными.

Тем временем три полевых орудия Монкальма открыли огонь, и им с большим эффектом ответило единственное орудие на Силлери-роуд. Так тянулись минуты, пока незадолго до десяти французская линия с громкими криками не двинулась в настоящую атаку, регулярные войска в центре двигались неуклонно, длинная полоса белого цвета была окаймлена с обеих сторон красным и синим, а ополчение стремилось так же неуклонно продвигаться на флангах. Англичане, которые до сих пор лежали, затем вскочили на ноги и твердо стояли, опираясь на восстановленные руки. На расстоянии двухсот ярдов французские мушкеты открыли огонь, но без особого эффекта, в то время как канадские ополченцы вызвали большое замешательство и задержку, которые, верные своим инстинктам застрельщиков, бросились плашмя на землю, чтобы перезарядить оружие. Вулф был ранен в запястье, но он просто обернул рану своим носовым платком и крикнул солдатам, чтобы они держались смирно и не открывали огня. Французы немного восстановили свой порядок и снова пошли в наступление, оглашая воздух своими криками, в то время как британцы стояли спокойно, безмолвно и непоколебимо, зная своего вождя и доверяя ему.^[326] Все ближе и ближе приближалась разноцветная линия, все ярче и ярче по мере того, как становились видны синие и алые накладки на белых халатах, все ярче и ярче по мере того, как вдали проступали детали металлических пуговиц и снаряжения, пока, наконец, не пришло время. Всего тридцать пять ярдов разделяли ряды противников, когда прозвучал приказ, неподвижная красная линия ожила, восстановленные мушкеты вытянулись длинной ошетилившейся полосой, и с одним оглушительным треском самый совершенный залп, когда-либо производившийся на поле боя, разразился, словно из единого чудовищного оружия, из конца в конец британской линии. Густой столб дыма скрыл французов из виду, и из-за него поднялся ужасный грохот бряцания оружия, диких ругательств и криков агонии. Резкий звон шомполов прервал этот звук, когда британцы перезаряжали оружие; и когда рассеялся дым, было видно, что веселая шеренга разлетелась на куски, в то время как яркие мундиры устилали землю, как гирлянды ярких цветов. Едва ли в том залпе была хоть одна пуля, которая не попала бы в цель.

Монкальм, сам невредимый и заметный на черном коне, отчаянно скакал назад и вперед по своим разбитым рядам в тщетной попытке восстановить порядок. Вулф отдал приказ наступать, и после еще одного залпа алая шеренга двинулась вперед со штыком и клеймором, чтобы завершить разгром. Ничто не могло остановить британцев, ничто даже разозлило их, кроме огня нескольких снайперов, спрятавшихся в кустарнике. Вулф сам повел их во главе Двадцать восьмого. Пуля попала ему в пах, но он ни на секунду не остановился и продолжал шагать дальше, когда еще одна пуля прошла через его легкие. Он, пошатываясь, двинулся вперед, все еще тщетно пытаясь удержаться на ногах. "Поддержите меня, поддержите меня, - задыхаясь, кричал он офицеру, стоявшему рядом с ним, - чтобы мои доблестные товарищи не увидели, как я падаю". Двое или трое мужчин выскочили из машины и отнесли его в тыл, но его падение мало кто заметил, и победоносный строй двинулся дальше. Некоторые снайперы продолжали вести огонь из-за кустов и требовали, чтобы их выгнали. Другие, укрывшиеся ближе к городу, открыли яростный огонь по горцам, которые, как обычно, атаковали только из клеймор, понеся большие потери в попытке вытеснить столь коварного врага из кустарника. Но подошли другие полки и сделали за них всю работу из мушкетов, и с тех пор французы больше не сопротивлялись, но все силы Монкальма были разбиты и в диком замешательстве бежали к городу. Сам он, унесенный толпой беглецов, был ранен в туловище, но, удерживаемый в седле,

въехал в ворота. "Это ничего, ничего, - крикнул он визжащим женщинам, увидевшим красные пятна на его белой форме. - не расстраивайтесь из-за меня, добрые люди". Его сняли с лошади и отнесли в дом хирурга умирать. Паника среди французов усилилась. Их предводитель умирал, второй был смертельно ранен; и среди перепуганной толпы, бежавшей на "Сент-Чарльзе", поднялся крик о разрушении лодочного моста, чтобы англичане не ворвались в лагерь Бопорта. Это безумное движение, которое привело бы к гибели всех беглецов, еще не переправившихся через реку, было остановлено одним или двумя офицерами, которые еще сохраняли рассудок; но, тем не менее, французы были не только разбиты, но и деморализованы, и победа британцев была полной.

Но победители также лишились услуг как своего генерала, так и его заместителя. Монктон был тяжело ранен мушкетным выстрелом, который на время вывел его из строя, а Вульфа отнесли в тыл скорее мертвым, чем живым. Он попросил носильщиков опустить его и отказался обратиться к хирургу. "В этом нет необходимости", - сказал он, "со мной все кончено"; и он потерял сознание. "Как они бегут!" - воскликнул один из сопровождающих, наблюдая, как французы убегают от красных мундиров. "Кто бежит?" - спросил Вульф, внезапно пробуждаясь к жизни. - Враг, сэр, они везде уступают дорогу. "Отправляйтесь кто-нибудь из вас к полковнику Бертону, - с большой серьезностью приказал умирающий генерал, - и скажите ему, чтобы он повел полк Уэбба[327] вниз по реке Чарльз, чтобы отрезать пути отступления от моста". Он замолчал и повернулся на бок. "Теперь, слава Богу, я умру с миром", - пробормотал он и так умер.

С его смертью и выведением из строя Монктона командование перешло к Таунсенду, который не успел принять его на себя, как обнаружил, что тылу армии угрожает Бугенвиль. Повернув против этого нового врага два батальона и два полевых орудия, он вскоре заставил его отступить; а затем, когда преследование было прекращено, он приступил к закреплению на поле боя. Потери британцев были незначительными по сравнению с масштабом успеха, составив не более шестисот тридцати человек всех званий убитыми и ранеными.[328] Больше всего пострадали горцы во время их атаки с "клеймором", а также Пятнадцатый, Пятьдесят восьмой и второй батальоны Шестидесятого полка, которые приняли на себя основную тяжесть меткой стрельбы на левом фланге. К полуночи укрепления значительно продвинулись вперед, и для их защиты были подогнаны пушки. Кроме того, на северной окраине города была установлена батарея, и был взят французский госпиталь, полный больных и раненых. Ничего не говорится об истощении войск, которые непрерывно несли службу не менее тридцати часов.

Тем временем во французском лагере царил полное замешательство. Водрей созвал военный совет, и начались бурные дебаты. К умирающему Монкальму был послан гонец за советом и вернулся с ответом, что открыто три пути: отступить вверх по реке, снова вступить в бой или сдать колонию. Много можно было сказать в пользу сражения, поскольку с силами Бугенвиля французы все еще могли ввести в бой численное превосходство; еще больше можно было сказать в пользу обороны Квебека; но деморализация была слишком глубокой, чтобы допустить какие-либо смелые действия. В девять часов вечера Водрейль отдал приказ отступить, и, едва прозвучало это слово, все французские войска обратились в беспорядочное и позорное бегство к посту Жака Картье, расположенному в тридцати милях вверх по реке Святого Лаврентия. Единственные инструкции, оставленные гарнизону Квебека, заключались в том, чтобы сдаться, как только закончатся запасы провизии. Хорошо было для Монкальма, всегда храброго и верного солдата, что избавление пришло к нему до рассвета следующего дня.

17 сентября.

Таунсенд, со своей стороны, с величайшей энергией продвигал свои окопы против Квебека. Французы, несмотря на их поспешное отступление, все еще имели превосходящие силы в его тылу; и хотя они, несомненно, были деморализованы, они могли сплотиться, присоединившись к непобедимым войскам Леви, и набраться нового мужества под руководством этого превосходного офицера. Поэтому было крайне важно оказать сильное давление на гарнизон, пока его все еще одолевало отчаянное чувство его изоляции. 17 сентября британские военные корабли двинулись к Нижнему городу, и алая колонна приблизилась к стенам со стороны лугов реки Сент-Чарльз. Французские барабаны били к оружию, но канадское ополчение отказалось выступить, и был поднят белый флаг. В квартиру Таунсенда был послан офицер, чтобы выиграть время, по возможности, продлив переговоры. Ответ Таунсенда был категоричен: если город не будет сдан к одиннадцати часам, он возьмет его штурмом; и на этом Рамзи подписал капитуляцию. Это было не слишком скоро. Прежде чем гонец с подписанными документами достиг Таунсенда, прибыли канадские всадники с провизией и радостным сообщением о том, что помощь под рукой; и уже на следующее утро Леви выступил от Жака Картье, только чтобы узнать, что он опоздал.

18 сентября.

Во второй половине дня 18-го британцы вошли в город и в течение следующих недель были заняты укреплением оборонительных сооружений и приготовлением провизии на зиму, поскольку было решено, что крепость должна удерживаться любым риском. Монктон был еще слишком нетрудоспособен, чтобы принять командование; Таунсенд, только что вышедший из Палаты общин, не возражал против такой унылой обязанности, как зимние квартиры; поэтому бригадир Мюррей был оставлен губернатором с гарнизоном в семь тысяч пятьсот человек, его батальоны были усилены призывниками из Шестьдесят второго и шестьдесят девятого полков, которые несли службу на борту флота. В конце октября адмирал Сондерс отдал прощальный салют и спустился вниз по реке со своим флотом, унося с собой забальзамированные останки Вулфа, которые будут положены рядом с телом его отца в приходской церкви Гринвича.

Так закончился первый этап завоевания Канады, причем с большей удачей, чем можно было ожидать; ибо нельзя отрицать тот факт, что план операций, задуманный Питтом и разработанный Амхерстом, потерпел крах. Действительно, должно было показаться, что схема была слишком сложной, что слишком многое было предпринято с использованием имеющихся в распоряжении ресурсов, что комбинация различных предприятий была слишком сложной, чтобы обеспечить полный успех в дикой и отдаленной стране, где сезон кампании был так строго ограничен климатом. Деятельность Амхерста в значительной степени зависела от помощи, оказываемой ему жителями Провинции, а колониальные ассамблеи, независимо от их доброй воли, всегда проявляли нерешительность, хотя иногда, как в случае с Пенсильванией, они были невыносимо непокорными. Опять же, хотя генералу были отправлены черновики, чтобы восполнить потери предыдущей кампании, [329] их было явно недостаточно, чтобы заполнить пробелы, образовавшиеся в результате бойни на Тикондероге и пронизывающих холодов канадской зимы. Примечательно также, что гарнизон Луисбурга, самого арктического из кварталов, не был обеспечен даже покрывалами, так что потери зимой были намного больше, чем следовало. [330] Опять же, было решено, что Хопсон должен усилить Амхерст после

завершения своей работы на Мартинике, но эта договоренность также нарушилась; и малейшая предусмотрительность относительно бесполезности тропической кампании показала бы, что на это не следовало рассчитывать. Результатом было то, что Амхерст и Вулф оказались с недостаточным количеством войск, и что, как естественное следствие, первый был вынужден слишком сильно сократить отрыв от своих нескольких операций. Смерть Придо, отличного офицера, стала большим несчастьем, хотя Джонсон закончил свою работу на Ниагаре достаточно эффективно. Стенвиксу также, преодолев огромные транспортные трудности, удалось проникнуть в Питтсбург; но здесь операции обеих колонн подошли к концу. Уровень воды в Огайо оказался настолько низким, что Стэнвикс не смог послать батальон, как ему было приказано, на подкрепление Гейджу для его наступления на Ла-Галетт; и Гейдж, который не был очень предприимчивым человеком, к великому разочарованию Амхерста, посчитал себя недостаточно сильным, чтобы вследствие этого двинуться в путь. Комментарий по поводу того, что Амхерсту не удалось добраться до Монреаля, уже был передан; но следует помнить, что все бремя подготовки к экспедиции Вулфа было возложено на него, и что Вулф с благодарностью признал тщательность проделанной работы. И все же факт остается фактом: диверсии с юга и запада потерпели почти полный провал, и, следовательно, Вулфу пришлось выполнять свою трудную задачу без посторонней помощи.

Удача была против британцев в том, что погода задержала сбор армии Вулфа в Луисбурге; ибо эти несколько потерянных недель могли легко изменить ход кампании в корне. Вулф, располагавший недостаточными силами, был вынужден из всех сил пытаться решить поставленную перед ним задачу; и совершенно неоспоримо, что заслуга в падении Квебека принадлежит скорее военно-морскому флоту, чем армии. Имена Сондерса и Холмса мало кто помнит, а слава Джеймса Кука-мастера, чье мастерство и усердие во многом способствовали открытию неизвестного русла реки Святого Лаврентия, поглощена славой капитана Джеймса Кука-штурмана. И все же факт остается неизменным. Именно смелость Холмса и его эскадрильи, бросивших вызов батареям Квебека, впервые поставила под угрозу снабжение и коммуникации города и вынудила Монкальма ослабить свою главную армию, сняв войска с Бугенвиля. Это была ужасная неугомонная энергия одной и той же эскадры, постоянно двигавшейся вверх и вниз по реке, которая измотала конечности французских солдат и нервы их офицеров; и Военно-морскому флоту в такой же степени, как и армии, следует воздать должное за движение, которое в конце концов привело Вулфа и его батальоны на высоты Абрахама. Но на самом деле эта последняя, наиболее деликатная и ответственная операция была настолько превосходно продумана и выполнена офицерами обеих служб, что она навсегда останется шедевром в своем роде. Британский военно-морской флот и армию, работающие, как и в Квебеке, в согласии под руководством лояльных и способных начальников, действительно нелегко сбить с толку.

Остается выяснить, почему Вульф раньше не воспользовался возможностями, открывшимися перед ним флотом; и даже после того, как были сделаны поправки на его постоянную болезнь, ответ найти нелегко. Меры, которые привели к решительным действиям, были, как уже было сказано, приняты по совету его бригадиров, и, если бы Монкальм не поддавался прямо-таки безумному увлечению, весьма вероятно, Вульф предстал бы перед военным трибуналом. Но если бы вместо того, чтобы тратить весь август на бесплодные усилия под Квебеком, Вулф немедленно перенес свои операции к западу от города, представляется по меньшей мере

вероятным, что он мог бы достичь своей цели, не рискуя предпринять этот отчаянный бросок на равнины Абрахама. Предположительно, у него была возможность овладеть высотами так, как он овладел ими в конечном итоге, сокрушить позиции Бугенвиля по частям, как это было сделано небольшим отрядом до Силлери утром в день сражения, и закрепиться в наиболее подходящем из них. Затем, перерезав французские коммуникации по суше и воде, он мог бы заставить Монкальма либо покинуть Квебек, либо сражаться на своих собственных условиях. Но легко быть мудрым после события; и блестящий успех, каким бы удачливым он ни был, справедливо считается заслоняющим все ошибки. Более того, похвала за безупречную выучку и дисциплину, которая принесла победу одним залпом, принадлежит исключительно Вулфу. Тем не менее, кажется справедливым упрек в том, что генерал не сразу осознал реальную слабость позиции Монкальма и жизненно важное место, открытое ему флотом для смертельного удара. Следствием этого было то, что работа была выполнена лишь наполовину и, как сейчас будет видно, лишь чудом избежала уничтожения.

ГЛАВА IV

1759.

Город Квебек, когда им овладели британцы, представлял собой немногим лучше бесформенной массы руин, до такого состояния его довели орудия флота. Население было полностью деморализовано и предавалось воровству и мародерству; спиртное было в изобилии, а британских солдат мучила жажда; фактически, потребовалась вся твердость Мюррея, чтобы восстановить какой-либо порядок.^[331] В декабре суровая погода разразилась всерьез, и последствия плохих условий содержания, плохого питания, нехватки одежды и топлива быстро дали о себе знать. Часовых сменяли каждый час, но уберечь их от обморожения было невозможно. Горцы, несмотря на свою природную выносливость, пострадали больше своих товарищей, килт был всего лишь жалкой защитой от канадской зимы; и они получили облегчение только от того, что городские монахини связали для них длинные шерстяные чулки, возможно, не столько из соображений приличия, сколько из милосердия. И все же люди оставались бодрыми, потому что их постоянно заставляли работать, рубя дрова и перетаскивая их на санях в свои жилища, - поручение, на которое они всегда отправлялись с мушкетами, а также с топорами, из страха перед индейцами и бушрейнджерами. Тем не менее их страдания были велики. Пятьдесят человек были обморожены за один день во время выполнения этой обязанности; три дня спустя еще шестьдесят пять человек заболели таким же недугом, а перед Рождеством было зарегистрировано более ста пятидесяти случаев.^[332] Это, однако, было бы мелочью, если бы к ней не добавилась более смертоносная напасть. Гарнизон был полностью обеспечен солеными припасами; раздобыть для солдат свежее мясо было невозможно; а цинга все усиливалась и усиливалась, пока в строю не осталось почти ни одного солдата, даже среди тех, кто считался годным к службе, который был бы полностью свободен от этой болезни.

1760.

С такой эпидемией среди своих Мюррей вполне мог опасаться за безопасность Квебека от врага за стенами, поскольку с момента британской оккупации города французы не скрывали своего намерения вернуть его. Мюррей установил два укрепленных поста в нескольких милях к западу от Квебека в Сент-Фуа и Олд-Лоретте, в то время как французы обосновались в Сент-Августин, всего в двух днях пути от ворот, с которых вскоре пришлось их выбить. Мелкие стычки, подобные этой, были частыми, но всегда заканчивались с таким легким преимуществом британцев, что войска начинали считать себя непобедимыми. Однако по-прежнему поступали неоднократные сведения о замыслах французов против Квебека, поначалу достаточно расплывчатых, но с течением зимы постепенно приобретающих более определенные формы. Леви, самый способный офицер, оставшийся у французов после падения Монкальма, на самом деле напрягал все силы, чтобы организовать и вооружить превосходящие силы для достижения этой цели. Он располагал полной информацией о состоянии армии Мюррея и знал, что ему остается только дожидаться цинги, чтобы выполнить за него большую часть работы. В конце марта он услышал, что половина британцев была на больничном, и это сообщение было недалеко от истины. К середине апреля у Мюррея было едва ли три тысячи человек, годных к несению службы, в то время как не менее семисот лежали в снежных заносах, ожидая, пока весна разморозит мерзлую землю, чтобы сделать им могилу.

21 апреля.

26 апреля.

27 апреля.

17 апреля Мюррей, узнав, что приготовления французов завершены, занял устье реки Кап-Руж, чтобы предотвратить высадку в этом месте. Четыре дня спустя Леви выступил в поход примерно с семью тысячами человек, половина из которых была регулярными войсками, и флотом бато в сопровождении двух фрегатов и нескольких судов поменьше. Река еще не освободилась ото льда, погода была плохой, и навигация была затруднена; но 26-го армия, усиленная гарнизонами нескольких отдаленных станций численностью почти в девять тысяч человек, высадилась в Сент-Луисе. Августин и двинулись на передовые посты британцев. Британцы сразу же отступили от Кап-Руж и Олд-Лоретт к Сент-Фуа. Леви следовал за ними всю ночь, несмотря на трудности, связанные с наполовину растаявшим льдом, проливным дождем и бурей, а на рассвете прибыл к Сент-Фуа и обнаружил, что каждый дом занят англичанами, а их пушки стреляют по его колоннам, когда они выходят из леса. Мюррей, предупрежденный информацией французского артиллериста, которого подобрали полумертвым с плавучего льда в реке Святого Лаврентия, выступил с половиной гарнизона, чтобы прикрыть отступление своих передовых отрядов. Позиция, которую он занимал, была сильной, и Леви, не зная о слабости своей численности, не рискнул атаковать, но решил дожидаться наступления ночи, а затем обойти левый фланг британцев. Таким образом, Мюррей смог безопасно отступить в Квебек, в то время как Леви занял Сент-Фуа и выдвинул свои легкие войска к Силлери.

28 апреля.

Положение Мюррея сейчас было не из самых приятных. Укрепления Квебека были не в том состоянии, чтобы выдержать энергичную канонаду, а земля все еще была настолько промерзшей, что он не мог построить окопы, как давно желал, за стенами. Единственной альтернативой, которая была у него, было совершить вылазку и сразиться с Левисом, имея шансы один против двух, и победить его, если он сможет. Мюррей был молод, отважен и

стрелял по примеру Вулфа; его армия, по его словам, имела привычку бить врага;^[333] и у него был прекрасный артиллерийский эшелон. Поэтому он решил выйти и сражаться. Соответственно, в половине седьмого утра 28-го он выступил из Квебека во главе всех войск, которые смог собрать, всего трех тысяч человек, с тремя гаубицами и двадцатью полевыми орудиями, и расположил их на территории, которую Монкальм занял знаменитым 13 сентября. Силы были сформированы в одну линию из двух бригад: правая, или бригада Бертона, состоящая справа налево из Пятнадцатого, Пятьдесят восьмого, второго батальона Шестидесятого и Сорок восьмого полков; левая, или бригада Фрейзера, из сорок третьего, Сорок седьмого, горцев Фрейзера и Двадцать восьмого. Тридцать пятый и третий батальоны Шестидесятого были размещены в резерве позади центра, в то время как легкая пехота и провинциальные рейнджеры стояли широко на правом и левом флангах. Полевые орудия были распределены попарно по каждому батальону.

Двинувшись вперед на рекогносцировку, Мюррей заметил, что французская линия еще не сформирована. То, что Леви выбрал свою позицию, было ясно, поскольку он занял два блокпоста, построенных британцами над Анс-дю-Фулон на южном краю плато, а также жилой дом и укрепленную ветряную мельницу на северном краю, и растянул свой авангард вдоль хребта между этими двумя точками. Но основные силы все еще выходили колоннами из Силлери-Вуда, в миле или больше в тылу, и только две бригады были пока развернуты блокгаузом, чтобы сформировать правое крыло французов. Сочтя возможность благоприятной, Мюррей приказал немедленно наступать; и вся его линия двинулась вперед, солдаты тащили с собой свои ружья в промежутках между батальонами. Земля по большей части все еще была покрыта снегом, который кое-где лежал сугробами и повсюду был мягким и размокшим от дождя; и топот трех тысяч человек вскоре превратил почву в море грязи. Прибыв к месту, где стояла армия Вулфа, шеренга остановилась, и орудия открыли такой разрушительный огонь по французским колоннам, что Леви приказал левым батальонам отступить в лес. Маневр не прошел без замешательства, и Мюррей, воодушевленный своим очевидным успехом, приказал шеренге возобновить наступление, отклонившись вправо. Это движение, однако, привело бригаду Бертона на низину, где тающий снег был по колено и орудия не могли работать эффективно. Британская легкая пехота с большим рвением атаковала ветряную мельницу и дома слева от французов, захватила их, несмотря на отчаянное сопротивление, и продолжила преследование отступающих французов. Но теперь оставленные французами батальоны, больше не сдерживаемые огнем артиллерии, выскочили из леса в боевом порядке и, обрушившись на опрометчивых преследователей, изрядно подавили их. Более двухсот человек легкой пехоты были убиты и ранены, а немногие выжившие, в замешательстве поспешившие назад к бригаде Бертона, помешали ей открыть огонь по наступающему врагу. Французы воспользовались возможностью перестроить свои прорванные ряды, и ожесточенный бой продолжался более часа, пока не закончились боеприпасы для британской артиллерии, поскольку тумбочки были неподвижно закреплены в снежных заносах.

Слева от Мюррея его поспешное наступление было чуть менее катастрофичным. Блок-хаусы действительно были захвачены и удерживались некоторое время, но французы отступили в лес только для того, чтобы снова наступать превосходящими силами, когда огонь британской артиллерии прекратился, и растянуться вдоль британского фронта и фланга. Были вызваны два батальона резерва, и бой велся с неукротимым упорством; но с обоими обойденными флангами усилия британцев были безнадежны, и Мюррей отдал приказ отступать. Солдаты, хотя только двое из трех остались невредимыми, были в ярости от этого приказа. "Черт возьми, что значит

отступать, как не отступление!" - говорили они; но ничего не могли поделать. Итак, сначала левая бригада, а затем и правая отступили, ругаясь на ходу. Некоторые полки пытались унести с собой свои орудия, но, обнаружив, что это невозможно из-за глубокого снега и грязи, бросили их. Французы бросились в погоню, надеясь отрезать их от города; но Леви, видя организованность отступления, счел более благоразумным отозвать свои войска, и Мюррей благополучно вернул остатки своих войск в Квебек.

Так закончилась битва при Сент-Фуа после двух часов суровой и кровавой работы. Потери британцев составили тысячу убитых и раненых, или полную треть всех сил. Пятнадцатый, Двадцать восьмой и "Хайлендерс"[334] После легкой пехоты больше всего пострадали "Хайлендерс" и "Хайлендерс", но из-за ослабленного состояния батальонов, вероятно, в семи из десяти пал по крайней мере один человек из трех. Было признано, что потери французов превысили восемьсот человек. В целом это было неудачное дело, хотя его нельзя назвать дискредитирующим войска. Мюррей был введен в заблуждение чрезмерной уверенностью в своих людях и неверным расчетом духа французов. Его прошлый опыт, несомненно, отчасти оправдывал эту ошибку; но даже если бы он не понял, что Леви был человеком, способным вернуть уверенность деморализованным войскам, он мог бы, по крайней мере, догадаться, что тот выставит ему навстречу свежие полки, которые не научились бояться красных мундиров. Как бы то ни было, он пожертвовал преимуществами своей позиции и превосходством в артиллерии и оказался запертым в жалких укреплениях Квебека, а его силы сократились до двух тысяч четырехсот человек, номинально годных к службе, но на самом деле, по выразительному выражению одного из них, "полуголодных скорбящих скелетов".

9 мая.

16 мая.

Мюррей, однако, отреагировал на чрезвычайную ситуацию с мужеством, достойным британского офицера. Войска поначалу были склонны нарушить дисциплину, но Мюррей повесил главного нарушителя, заколол все бочки с ромом "сатлерс" и быстро восстановил порядок. Затем каждая душа гарнизона бросилась на работу по укреплению обороны. Офицеры впрягались в пушки и орудовали кирками и лопатами, а солдаты, видевшие перед собой такой пример, напрягались до предела. За короткое время на стенах Квебека были установлены и работали сто пятьдесят орудий, в то время как французы, как бы они ни трудились над своими траншеями в неподатливой почве плато, едва ли подтянули хоть одно орудие, чтобы ответить им. Тем не менее, непрестанный труд и плохая пища сильно сказывались на ослабленной силе гарнизона, когда 9 мая фрегат "*Лоустофт*" отплыл в Квебек с известием, что эскадра находится в устье реки и прибудет через несколько дней. Эта весть придала осажденным новый импульс, хотя, если бы Леви отважился на штурм, им было бы трудно отразить его. 15-го в Квебек прибыли еще два британских военных корабля, а на следующее утро два фрегата проплыли над городом, атаковали и уничтожили корабли Леви, а вместе с ними французские запасы продовольствия и боеприпасов. В тот же вечер Леви снял осаду и стремительно отступил, оставив после себя сорок пушек, все необходимое для осады снаряжение и всех своих больных и раненых. Мюррей выступил на рассвете, чтобы напасть ему в тыл, но, хотя он захватил в плен многих отставших, не смог догнать основные силы. Таким образом, Квебек был спасен; и наступление весны вместе с запасом свежей провизии вскоре превратили ослабленные батальоны Мюррея в армию, пригодную для полевой службы.

В течение этих ужасных месяцев холода, лишений и болезней Амхерст вынашивал свои планы решающей кампании. Питт возложил на него захват Монреаля как главной цели и решил снести бесполезную крепость Луисбург, тем самым освободив гарнизон для действительной службы.^[335] К провинциальным ассамблеям снова был обращен призыв выделить большие контингенты войск для решающих действий, и вот-вот должен был быть нанесен окончательный удар. План Амхерста состоял в том, чтобы вторгнуться в Канаду одновременно с востока, запада и юга. Мюррей должен был подняться по реке Святого Лаврентия из Квебека; бригадир Хэвиленд должен был прорваться со стороны озера Шамплейн; а сам Амхерст должен был повести основную армию вниз по реке Святого Лаврентия от озера Онтарио. Из трех линий наступления линия Амхерста была не только самой длинной, но и самой трудной и опасной из-за порогов, препятствующих судоходству по реке Святого Лаврентия; но, с другой стороны, это движение отрезало бы отступление французской армии на запад и вынудило бы ее вернуться к Монреалю, где Хэвиленд и Мюррей сомкнулись бы вокруг нее и практически задушили. План был в высшей степени деликатным и требовал величайшей точности расчетов, поскольку три армии должны были выступить из трех разных пунктов, расположенных на расстоянии сотен миль друг от друга, без возможности взаимной связи, и все же прибыть к своей цели вместе, чтобы французы не сосредоточились и не разгромили корпуса Мюррея или Хэвиленда по частям. Основными французскими постами, преграждавшими пути продвижения, были Иль-о-Нуа в верховьях озера Онтарио, Сорель на восточной стороне Монреаля и Ла-Галетт в верховьях порогов Святого Лаврентия.

Год начался для Амхерста неудачно. В марте он был вынужден отправить тысячу триста человек^[336] на юг для подавления восстания индейцев чероки; и он вскоре передал свои инструкции Мюррею, когда получил известие о поражении при Сент-Фуа. Он сразу же вызвал два батальона из Луисбурга на подкрепление Мюррею, но только в конце июня почувствовал облегчение, узнав о безопасности Квебека. Правительства провинций также, как обычно, были тяжелым испытанием и причиной многих досадных задержек;^[337] но Амхерст был человеком упорства и терпения, который никогда не упускал из виду свою цель и ни на минуту не ослаблял своего усердия. Наконец, когда полностью миновала середина лета, сеть, которую он сплел, начала смыкаться вокруг французов.

Июль.

4 августа.

Мюррей пошевелился первым. Его гарнизон быстро восстанавливал здоровье и силы, и к июлю он смог выделить две тысячи двести человек для наступления на Монреаль, все еще оставляя за собой семнадцать сотен для гарнизона Квебека. 14 июля его маленькая колонна погрузилась на тридцать два судна с несколькими лодками и бато, а на следующий день отправилась вверх по реке Святого Лаврентия, оставив лорда Ролло следовать за ней с двадцать вторым и Сороковым полками, прибывшими из Луисбурга. Мюррей продвигался медленно, вступая в перестрелки с небольшими отрядами противника, которые окружали флотилию на берегу, и разоружая жителей по пути. 4 августа он достиг Трех рек, где находился отряд французской армии; но, не мешкая атаковать его, он перешел к Сорелю, где Бурламак и г-н Дюма с примерно четырьмя тысячами человек окопались по обоим берегам реки. Этим офицерам было приказано следовать за флотилией по мере ее продвижения, поэтому британцы и французы одинаково

продвигались к Монреалю, где Леви находился с основными силами французской армии. Мюррей, тем временем, суровостью по отношению к непокорным и снисходительностью к покорным убедил половину ополчения Бурламака сложить оружие и принести клятву нейтралитета. К 24-му, находясь в девяти лигах от Монреалья, он отправил отряд разузнать новости о Хэвиленде, а затем, подойдя к острову Сент-Терез, чуть ниже Монреалья, разбил лагерь и стал ждать прибытия своих коллег.

27августа.

Тем временем Хэвиленд на третьей неделе августа высадился в Краун-Пойнте с двумя батальонами регулярных войск, а также с провинциалами и индейцами, которых было достаточно, чтобы довести свои силы до трех тысяч четырехсот человек. Через четыре дня он добрался до позиции Бугенвиля на острове о-Нуа, где онвысадился, установил батареи и открыл огонь по форту; в то же время отряд рейнджеров перетащил три орудия в тыл позиции и направил их на военные шлюпы Бугенвиля, которые со всей поспешностью тронулись в путь и сели на мель в следующем изгибе реки. Таким образом, связь Бугенвиля со следующим постом, Сент-Джонсом, ниже по реке Ришелье, была прервана, и, как и предвидел Амхерст,^[338] он был вынужден покинуть остров. Он с бесконечными трудностями присоединился к месье Рокмору у Сент-Джонса, совершив ночной марш через лес; и оба офицера, отступив от Сент-Джонса и Шамбли, ждали вместе с Бурламаком на берегах Святого Лаврентия, где их силы быстро таяли из-за дезертирства. Хэвиленд установил связь с Мюрреем, и оба ожидали подхода Амхерста.

26 августа.

Сентябрь.

5 сентября.

Основная армия собралась в Освиге в июле, сам Амхерст прибыл 9-го, но только в первую неделю августа последний из назначенных полков появился на месте встречи. Силы состояли из восьми слабых батальонов британцев численностью менее шести тысяч человек, включая четыре тысячи пятьсот провинциалов и семьсот индийцев, или всего около одиннадцати тысяч. Флотилия для перевозки армии состояла почти из восьмисот вельботов и бато, и ее сопровождали канонерские лодки. 10 августа все силы были погружены на борт, и к 15-му они достигли Освегачи или Ла-Галетт, на месте нынешнего Огденсбурга. Здесь французский десятипушечный бриг был атакован и захвачен канонерскими лодками, и флотилия продолжила свой путь среди Тысячи островов. На островке во главе порогов стоял французский пост, названный Форт Леви, с гарнизоном в триста человек, который Амхерст немедленно окружил и после трехдневной канонады вынужден был сдаться. Ремонт форта и лодок задержал его до 30-го числа, а 31-го экспедиция приступила к самой ответственной из своих работ - спуску через пороги. 1 сентября флотилия была вынуждена двигаться гуськом, но все шло хорошо до 4 сентября, когда был достигнут самый опасный из порогов. В тот день более шестидесяти лодок потерпели крушение или были повреждены, и восемьдесят четыре человека утонули; но переход был совершен без помех со стороны противника, хотя большое количество канадцев несло вахту на берегах. Следующий день ушел на ремонт, а 6-го, когда был пройден последний порог, лодки спустились к Ла-Шину, в девяти милях от Монреалья, на левом берегу реки Святого Лаврентия. Здесь армия высадилась, не встретив сопротивления, двинулась прямо на Монреаль и расположилась лагерем под стенами с восточной стороны, в то время как Хэвиленд 8-го прибыл на южный берег против лагеря Амхерста. Амхерст немного опоздал, его задержало

сопротивление форта Леви. Если бы он удовлетворился игнорированием этого и просто отрезал ее от Монреаля, он, Мюррей и Хэвиленд встретились бы с точностью до дня 29 августа. Как бы то ни было, соединение было достаточно завершено, и работа кампании была практически завершена.

8 сентября.

Бугенвиль, Бурламак и Рокмор перешли на сторону Монреаля с немногочисленными оставшимися при них регулярными войсками, поскольку все их ополчение растаяло, и даже число регулярных войск значительно сократилось из-за дезертирства. Таким образом, армия, собранная в Монреале, единственная сила, оставшаяся для защиты Канады, насчитывала едва ли две с половиной тысяч человек, деморализованных в порядке, духе и дисциплине. Вокруг города расположилась вражеская армия численностью в семнадцать тысяч человек; укрепления были жалкими, если не считать защиты от индейцев, и пушки Амхерста уже выдвигались из Ла-Шина. Французский губернатор созвал военный совет, который постановил, что сопротивление безнадежно. Соответственно были составлены статьи о капитуляции, которые Бугенвиль доставил 7-го в Амхерст. Условие, на которое французы придавали наибольшее значение, состояло в том, что они должны были выступить с боевыми почестями; но от этого Амхерст категорически отказался. Войска, сказал он, должны сложить оружие и больше не служить в нынешней войне: французы сыграли столь бесчеловечную роль в подстрекательстве индейцев к предательству и варварству любого рода, что он был полон решимости показать им пример. Вполне вероятно, что генерал имел в виду только массовое убийство раненых после поражений при Форт-Уильям-Генри, Тикондероге и Мононгахеле; но расплата, которая должна была быть выплачена, восходила к более ранним временам. Предстояло исправить ошибки, посягательства и двурушничество целого столетия; и пришло время расплаты. Напрасно французы умоляли о более легких условиях: Амхерст, человека, которого нелегко было отвлечь от своей цели, оставался непреклонным. Соответственно, 8 сентября, несмотря на протесты, которые со стороны Леви доходили почти до мятежа, капитуляция была подписана, и половина континента перешла в руки Великобритании.

Между тем, словно в довершение всей работы и во искупление всех прошлых неудач, экспедиция против индейцев чероки была блестяще успешной. Каким бы незначительным ни казалось это дело по сравнению с важными операциями Амхерста на севере, оно ознаменовало исчезновение панического страха индейцев, который последовал за поражением Брэдокса. Командование было поручено полковнику Монтгомери, и вверенные ему силы составляли четыреста человек из Первого Королевского полка, семьсот его собственных горцев и сильный отряд провинциалов. Начав с Чарльзтауна, штат Каролина, Монтгомери прошел маршем сто пятьдесят миль до городка Деяносто шесть, названного так потому, что предполагалось, что он находится в девяноста шести милях от городка Кеови, и продвигался оттуда в течение четырех дней через густой лес и гористую местность, не обнаружив никаких признаков индейцев. Придя поэтому к выводу, что чероки не знали о его приближении, он оставил все палатки и багаж и двинулся форсированным маршем, чтобы застать дикарей врасплох, прежде чем они смогут убежать. Основные силы индейцев, однако, отступили прежде, чем он смог добраться до них; и он не смог добиться ничего, кроме уничтожения посевов и деревень, после чего вернулся в форт на границе, пройдя не менее шестидесяти миль по труднопроходимой местности без остановки. Затем было решено начать работу заново и снова продвинуться в лес. На этот раз индейцы подстерегли британцев в лесистой долине и внезапно напали на них, как напали на

Брэддока, с ужасными воплями и воем и разрозненным, но смертоносным ружейным огнем. Гренадеры и легкая пехота сразу же ринулись в лес, чтобы вступить с ними в бой, в то время как горцы поспешили обойти их с тыла, чтобы отрезать им путь к отступлению; и после ожесточенной часовой схватки индейцы были обращены в бегство с большой резней. Это сражение стоило британцам более восьмидесяти человек убитыми и ранеными, вдвое больше, чем Амхерст потерял от свинца и стали за все время своего наступления от Освиго до Монреаля. Но простое сравнение потерь не имеет большого значения. По-настоящему важным является то, что британские офицеры научились смотреть в лицо трудностям, которые были фатальными для Брэддока, и преодолевать их с легким сердцем.

Теперь Амхерсту оставалось добиться капитуляции французских постов на западе. Оккупация Детройта, Майами и Мичиллимакина была доверена партизану Роджерсу со своими рейнджерами, которые в течение зимы сняли знамя бурбонов и водрузили на его месте британский флаг. Проблемы с этими отдаленными станциями все еще предстояли, но они должны были возникнуть не сразу и не напрямую от французов. Остальная работа генерала была в основном административной. Жителям были предоставлены щедрые условия, и были приняты все меры предосторожности, чтобы защитить их от индийских союзников британцев. Амхерст издал общий приказ, призывающий его войска не позорить свою победу каким-либо неподобающим солдатам поведением или проявлением бесчеловечности; и армия откликнулась на призыв с сердечностью, которая поразила канадцев. Через месяц после капитуляции генерал мог доложить, что британские солдаты и канадские крестьяне объединяют свои припасы и возятся вместе, и что, когда он приказал солдатам покинуть свои разбросанные квартиры, чтобы быть ближе к своим ротам, люди умоляли, чтобы их не трогали.^[339] Французы не так обращались с захваченной территорией.

Итак, на данный момент мы можем попрощаться с Амхерстом. У Питта, как мы сейчас увидим, были для него и другие задания, которые следовало выполнять, как обычно, спокойно и тщательно. Слава этого человека теряется в славе Вульфа, и все же именно он, а не Вульф, был завоевателем Канады. Обычно его критикуют за то, что он был уверен, но медлителен, и в какой-то степени это оправдано фактами. Тем не менее следует помнить, что, когда он принял командование, дела в Северной Америке находились в крайней неразберихе и беспорядке, и что порученная ему работа была в гораздо большем и более грозном масштабе, чем та, которая выпала на долю Камберленда в 1745 году. Брэддок начал все в неправильном направлении. Он не только поссорился с провинциалами и не смог правильно проинструктировать свои войска, но и намеренно вынудил их следовать неправильным методам. Лудун, опять же, не улучшил отношений с провинциальными ассамблеями ни своей перепиской с ними, ни своими военными операциями. Наконец, идиотство Аберкромби на Тикондероге принесло в жертву сотни ценных жизней, вызвало отвращение у колонистов и укрепило репутацию, завоеванную французами на Мононгахеле. Затем Амхерст взял все это запутанное дело в свои руки, и с этого момента все пошло гладко и благополучно; настолько гладко, что люди совершенно забыли, что когда-либо все шло иначе. И все же его трудности с провинциалами были не меньшими, чем у его предшественников, и не меньшими испытаниями для его терпения, чем для их; более того, даже добрая воля колонистов иногда приводила его в такое же замешательство, как и их препятствия. Кроме того, не следует забывать, что атмосфера молодых сообществ, какими были тогда североамериканские колонии, наиболее пагубна для дисциплины. Американцы, как показали их последние военные действия, еще не понимают значения этого термина; колонисты Австралии и Новой Зеландии, у которых нет таких религиозных традиций, как в

Америке, имеют лишь самое смутное представление о его значении. Таким образом, когда Амхерст вернулся после завоевания Луисбурга в Бостон, все его усилия не смогли помешать жителям этого благочестивого города напоить его людей ромом; и тот же дух недисциплинированности, несомненно, преследовал армию на протяжении всех долгих и тоскливых месяцев зимних расквартировок. Опять же, дополнительная сложность заключалась в том, что в вопросе ведения боевых действий в лесах британцам было чему поучиться у жителей Провинции; и на долю Амхерста выпало научить свои войска большей свободе и независимости в действиях без одновременного ослабления дисциплины. Однако он преодолевал все эти препятствия в своей спокойной, методичной манере. Дисциплина никогда не подводила; Амхерст, хотя и не был воинственным, мог быть неумолимо суровым. Были организованы специальные корпуса легких войск и стрелков, а муштра всей армии была изменена в соответствии с новыми условиями. Фактически именно Амхерст указал путь к реформе, впоследствии проведенной сэром Джоном Муром в Шорнклифе и заключающейся в сокращении численности всего до двух человек. Такое формирование уменьшило бы трудности Вулфа и существенно укрепило бы его позиции на равнинах Абрахама, но, по-видимому, столь важное нововведение никогда не приходило ему в голову. Амхерст никогда не участвовал в крупных боевых действиях, поэтому его усовершенствования никогда не подвергались испытаниям; но это не умаляет его репутации предусмотрительного и оригинального солдата.

Но самым замечательным качеством в Амхерсте был его организаторский талант. Транспортные трудности в Канаде того времени были ужасающими. "Канада, - говорит американский историк Паркман, - была укреплена обширными оборонительными сооружениями в окружавших ее диких лесах, болотах и горах, где магистралями были ручьи, забитые поваленными деревьями и перекрытые водопадами. Никогда проблема переброски войск, обремененных артиллерией и обозом, не была более сложной. Вопрос заключался не столько в том, как бороться с врагом, сколько в том, как до него добраться". Именно эту проблему могли решить трудолюбие и настойчивость Амхерста. Мы читаем о его походе к озеру Джордж с флотилией из восьмисот лодок и армией в одиннадцать тысяч человек, и все это звучит достаточно просто и прямолинейно. Тем не менее, эти лодки, отложив в сторону первоначальную задачу их постройки и сбора, должны были совершить несколько переходов, чтобы перевезти необходимые припасы из Олбани в устье озера, в то время как каждую из них вместе с грузом требовалось тащить по суше от трех до шести миль через леса и болота от места перевалки на реке Мохок до Вуд-Крик. Те же средства защиты от тех же трудностей, но в меньшем масштабе, были необходимы для атаки Придо на Ниагару и, в условиях особого замешательства, для продвижения Стэнвикса к Огайо; кроме того, необходимо было обеспечить морской транспорт и все необходимое для экспедиции в Квебек, чтобы Вулф мог приступить к выполнению своей миссии полностью экипированным и без промедления. Добавьте к этому грузу работы бесконечную переписку с различными провинциями, а также постоянные трения, препятствия и общую медлительность, и станет очевидным, что при всей своей медлительности Амхерст совершил немалый подвиг, когда в ходе двух кампаний добился завоевания Канады.

На самом деле вся проблема заключалась в организации, и Амхерст был тем человеком, который мог ее решить, поскольку он был великим военным администратором. Несомненно, он был осторожен в бою, но было бы абсурдно утверждать, что человеку, который повел десять тысяч человек вниз по порогам Святого Лаврентия, с сухим комментарием, что упомянутые пороги были "скорее страшными, чем опасными",^[340] не хватало предприимчивости или дерзости. Его карьера полевого генерала была короткой, и его завершающая кампания,

завершившаяся без общих действий, не имеет большой известности. Такова кара за бескровные операции, хотя они и являются шедевром могущественного гения. Аустерлиц - это название знакомо тысячам людей, которые ничего не знают о капитуляции Ульма. Таким образом, Амхерст для большинства англичан - всего лишь название: как будто полковнику, прибывшему напрямик с классических полей Фландрии, ничего не стоит пересечь Атлантику в дикой местности, принять командование обескураженными войсками и руководить несогласными колонистами и спокойно и обдуманно организовать победу. Он был величайшим военным администратором, произведенным Англией со времен смерти Мальборо, и оставался величайшим до возвышения Веллингтона.

Авторитеты.—История французов в Канаде и долгой борьбы между ними и англичанами за господство на континенте превосходно описана в серии томов Фрэнсиса Паркмана. Следуя по его стопам, изучая оригинальные документы в Архиве (С.О., Америка и Вест-Индия, тома lxxiii., lxxv., lxxiv.-lxxvi., lxxxi.-xciv., xcix.; W. O. Orig. Соотв., тома. xiii.-xv.), изучая документы Букета и Холдиманда, а также другие английские материалы, я почти ничего не нашел, в то время как информация, которую он почерпнул из американских источников, является наиболее ценной. Истории Манте и Энтика дают общий отчет об операциях. Дневник Нокса - один из наиболее ценных источников информации. Паркман подробно расскажет о других авторитетных источниках. Читатели, знакомые с его работами, без труда поймут мои обязательства перед ним, которые я хочу признать в полной мере.

ГЛАВА V

1755.

Теперь пришло время вернуться к теме Индии, которая, как вы помните, была снята при заключении перемирия между Францией и Англией в январе 1755 года. Через два дня после подписания статей губернатор Сондерс уехал из Мадраса в Европу, а месяц спустя за ним последовал М. Годехеу. Маловероятно, что отъезд двух сторон, подписавших договор, оказал какое-либо большое влияние на последующие действия Ост-Индской компании; но несомненно то, что нарушение его положений началось еще до того, как акту исполнился месяц. Соблюдать перемирие было фактически невозможно. Его целью, по-видимому, было прекращение военных действий только в Карнатике; но нельзя было ожидать, что, пока Бюсси проявлял свои огромные способности и энергию в Аурунгабаде для продвижения интересов Франции, британцы могли сидеть, сложа руки, подчиняясь статье, которая обязывала французов и англичан одинаково "не вмешиваться в любые разногласия, которые могли возникнуть между князьями страны". У британцев была своя марионетка, так же как и у французов, и, используя его в своих целях, они не могли внезапно покинуть его, тем более что у Набоба Мохаммеда Али не было ни собственных ресурсов, ни ума, чтобы ими себя обеспечить. Поэтому, когда Мохаммед Али попросил британские войска захватить Мадур и Тинневелли, которые, по его мнению, были его данниками, и собирать для него дань, власти Мадраса согласились без колебаний. На самом деле было необычно, чтобы не сказать невозможно,

взимать дань с индейцев иначе, как с помощью вооруженных сил; и, поскольку у Мохаммеда Али не было собственных войск, можно было утверждать, по крайней мере с некоторым основанием, что предоставление небольшой армии для столь невинной цели не было актом войны.

Февраль.

Соответственно, в начале февраля две с половиной тысячи человек, пятую часть из которых составляли европейцы, были переданы под командование полковника Херона, офицера, недавно прибывшего из Англии, который приступил к выполнению возложенных на него обязанностей. Нет необходимости вдаваться в подробности его операций. Достаточно того, что ему удалось не только оккупировать Мадур и Тинневелли, но и деморализовать свои войска и оскорбить религиозные предрассудки народа скандальным разграблением пагоды. Мохаммед Али передал управление покоренной территорией своему брату Мафузе-хану, и в июне Херон, выполнив свою работу, расположился лагерем перед Трихинополем. Оттуда он был вызван в Мадрас для предания суду военного трибунала за получение взяток и нецелевое расходование средств и был уволен со службы в Компании.

Французы, не теряя времени, протестовали против этой экспедиции как нарушения договора, причем с не меньшей энергией, чем они крайне ревниво относились к воссоединению Мадур и Тинневелли, которые долгое время были отделены от влияния Арко, с владениями Мохаммеда Али. На протест, конечно, последовал возмущенный отказ от каких-либо зловещих намерений; и месье де Лейрит, губернатор Пондишери, счел более выгодным не тратить лишних слов на споры, а просто последовать примеру британцев. Вскоре представилась возможность сделать это. Вождь местности, известной как Терриоре, примерно в тридцати милях к северу от Тричинополи, в течение некоторого времени уклонялся от уплаты дани Майсуру. Теперь майсурцы, отступая из Тричинополи, назначили французов своими агентами для охраны их интересов в Карнатике; и г-н де Лейри, соответственно, послал полторы тысячи человек под командованием г-на Мейсена на территорию для принудительного погашения задолженности по этим доходам. Майсин, легко и успешно выполнив свою миссию, повел свою армию на восток, к Паламкотаху, на территорию, которая, как утверждали британцы, подчинялась Мохаммеду Али. Власти Мадраса пригрозили остановить его силой, если он не прекратит; и, поскольку Де Лейрит уступил, война на время была предотвращена. Но поскольку теперь обе стороны нарушили договор, было очевидно, что возобновление военных действий надолго откладывать нельзя.

1756.

Остаток года прошел без серьезных неприятностей; но, как бы ни наблюдалась приостановка вооружений на юге, Карнатик не мог чувствовать себя в безопасности, пока Бюсси оставался в Аурунгабаде, фактически вице-короле Декана. Теперь он находился там с 1751 года, используя свои огромные полномочия с непревзойденным тактом и рассудительностью перед лицом интриг, ревности и даже заговора; более того, он превратил самую грозную из направленных против него комбинаций в средство усиления своего влияния и завоевания почти пятисот миль восточного побережья, от озера Чилка к югу, для правительства Пондишери. Это правда, что этот обширный участок, который был известен как Северный Сиркар, по большей части был возвращен своим исконным владельцам в соответствии с условиями мирного договора, но он все еще находился во владении Франции в ожидании ратификации статей, которая, как

ожидалось, должна была состояться только в середине 1756 года; и всегда была возможность, что столь унижительная уступка может быть отвергнута в Версале. Более того, какой бы ни была судьба переговоров, кардинальным фактом оставалось то, что Бюсси всегда оставался при дворе вице-короля Декана, и что для британцев было жизненно важно подорвать его власть — что, по сути, Салабада Юнга следовало убедить или заставить уволить его. Первой идеей в Мадрасе было послать отряд на помощь магратте Баладжи Рао, который часто вел боевые действия против Салабада Юнга; для выполнения этой задачи Клайв, вернувшийся в Индию в звании подполковника и губернатора форта Сент-Дэвид, вызвался добровольно. Однако ему предпочли другого офицера, который умер до того, как работа могла быть начата; и власти Бомбея, с той стороны, с которой должны были проводиться операции, позволили свернуть проект. Местные интриги, тем не менее, помогли британцам сделать то, чего они не могли сделать сами; и в мае слабого Салабада Юнга убедили уволить Бюсси и французские войска со службы. Но у Бюсси все еще была при себе армия, и он показал себя не менее грозным на поле боя, чем в зале совета; поэтому его враги, чтобы решить этот вопрос, обратились в Мадрас за отрядом войск для содействия изгнанию французов. Никакое приглашение не могло быть более приятным. Отряд в тысячу восемьсот человек был немедленно отправлен на службу, когда в середине июля пришли известия из Бенгалии, которые требовали присутствия каждого британского солдата, которого можно было увести с побережья Короманделя.

Май.

9 мая.

Июнь.

Провинциями Бенгалия, Орисса и Бехар с 1735 года управлял принц, известный англичанам как Аллаверди хан, который, как и все другие вице-короли Великих Моголов, стал практически независимым. После его смерти власть перешла, согласно его собственному назначению, к его внучатому племяннику Сурадже Доуле, юноше, рано обнаружившему склонность к жестокости, неумеренности и разврату, которые редки даже у восточных деспотов. Сураджа Доула всегда ненавидел англичан, и его ненависть не уменьшилась после его вступления на престол из-за того факта, что самый грозный из его конкурентов на трон получил убежище и разрешение разместить свои сокровища и свою семью в Мадрасе. В начале апреля власти Калькутты получили предупреждение о том, что возобновление войны с Францией неизбежно, и соответственно приступили к ремонту укреплений поселения. Сураджа Доула, не только раздраженный, но и встревоженный тем, что подобные приготовления могут быть направлены против него самого, направил губернатору послание с требованием прекратить работы и разрушить недавно возведенные оборонительные сооружения. Власти ответили любезными объяснениями, но разгневанный Набоб выслушал их только для того, чтобы отвергнуть и приказал своей армии выступить против форта и фабрики Коссимбазара. Это место было не в том состоянии, чтобы вести какую-либо оборону, и Сураджа Доула, получив его капитуляцию, продолжил свой марш на Калькутту. Тамашние власти, непривычные к таким испытаниям, как в Мадрасе, слабо пытались утихомирить гнев набоба, воздерживаясь от дальнейших работ по возведению укреплений; и только слишком поздно они обнаружили, что их единственная безопасность заключалась в сопротивлении. Были поспешно отправлены письма в Бомбей и Мадрас с просьбой о подкреплении, хотя и без особой надежды на то, что они доберутся до Калькутты вовремя. Призывы о помощи были адресованы также французам в Чандернагоре и голландцам в Чинсуре, но были отвергнуты обеими сторонами, и французами в частности с нарочитой наглостью. К 16 июня армия Набоба была перед городом. Форт Уильям, основная

линия обороны, был оставлен как несостоятельный, и британцы решили ограничить свое сопротивление улицами. 18-го неприятель атаковал и был доблестно отброшен; но 19-го им удалось захватить главные батареи; и тогда было решено, пока еще было время, погрузить женщин и детей на суда в Хугли. Резолюция была исполнена в спешке и беспорядке, которые вскоре переросли в панику, и последовала всеобщая спешка к бегству. Губернатор, который до сих пор проявлял твердость и мужество, сел на корабль вместе с остальными, и те немногочисленные остатки европейцев, которые остались в Калькутте, были вынуждены капитулировать. Трагедия, которая последовала за этим, хорошо известна — как сто сорок шесть европейцев были втиснуты во время невыносимой жары летней ночи в комнату площадью не более двадцати квадратных футов и всего с двумя маленькими окнами; как несчастные существа какое-то время стремились бороться с удушьем с помощью порядка и дисциплины; как эти усилия оказались, как это и не могло не оказаться, выше их сил и привели к череде безумных схваток за жизнь, возобновлявшихся час за часом, пока, наконец, они не были закрыты медленной милостью смерти; и как, когда трупы были убраны от дверей, они были убраны. утром тридцать три жуткие фигуры, пошатываясь, вышли из них, чтобы рассказать своим соотечественникам историю о Черной дыре в Калькутте.

Июль.

Затем Набоб занялся разграблением города и в письменном виде раздул отчеты о своем завоевании Дели; после этого он оставил гарнизон из трех тысяч человек в Калькутте и отбыл со своей армией 2 июля. По пути он вымогал крупные пожертвования у Чандернагора и Чинсуры в качестве платы за их неприкосновенность и таким образом вернулся в свою столицу Муршедебад.

20 июля.

Август.

Декабрь.

Только 15 июля весть о падении Коссимбазара достигла Мадраса. Двести тридцать европейцев под командованием майора Килпатрика были немедленно отправлены на Хугли и прибыли в Фульту, расположенную в двадцати пяти милях ниже Калькутты, 2 августа. Но были долгие колебания относительно целесообразности отправки дальнейших подкреплений в Бенгалию. Ежедневно ожидалась новость об объявлении войны Франции, и многие члены Совета считали, что было бы разумнее направить помощь Салабаду Юнгу и завершить разгром Бюсси, пока еще было время. К счастью, возобладали более широкие и менее эгоистичные взгляды, и в конечном счете было решено отправить на "Хугли" все корабли и людей, которых можно было спасти. Споры о выборе командира продолжались еще дольше, но в конце концов выбор пал на Клайва, хотя он был подчинен адмиралу Уотсону, который командовал британской эскадрой, находившейся тогда в Мадрасе. Вверенные ему силы состояли из девятисот европейцев, двести пятьдесят из которых были из Тридцать девятого полка, и полутора тысяч сипаев. Таким образом, наконец 15 октября транспорты вышли в море под конвоем четырех линейных кораблей адмирала Уотсона, хотя из-за неудач дайверов основная часть флота прибыла в Фульту только к Рождеству. Даже тогда двух кораблей, на одном из которых находилось двести европейских солдат, а на другом - большая часть полевой артиллерии, все еще не хватало.

29 декабря.

Еще более обескураживающим было состояние отряда Килпатрика, который, волей-неволей оказавшись лагерем на нездоровой почве, похоронил более ста человек и мог обеспечить только тридцать годных к несению службы. Промедление по-прежнему ничего не давало, поэтому 27 декабря флот поплыл вверх по реке и 29-го бросил якорь в Майапоре, в двух милях ниже форта Бадж-Бадж. Здесь, вопреки мнению Клайва, Уотсон настоял на том, чтобы войска выступили против форта по суше. Соответственно, пятьсот европейцев и все сипаи были высажены и после труднейшего перехода прибыли в место, назначенное для лагеря, - большую ложину, расположенную между двумя деревнями в полутора милях к северо-востоку от Бадж-Бадж. Людям, сильно утомленным, было разрешено оставить свое оружие в ложине и лечь там, где они сочтут нужным; и с непростительной небрежностью не был выставлен часовой. Случилось так, что Моничунд, офицер, оставленный Сураджей Доулой в Калькутте, в тот же день прибыл в Бадж-Бадж с тридцатью пятью сотнями человек, где, получив разведданные о расположении войск Клайва, он разработал свои планы атаковать его с наступлением темноты. Британские войска недолго спали, когда их разбудил ружейный огонь, и они обнаружили, что враг настиг их. Они мгновенно бросились в ложину за оружием, артиллеристы бросили свои орудия и вместе с пехотой бросились назад, чтобы укрыться. Клайв, всегда хладнокровный и собранный, приказал своим людям встать, зная, что малейшее движение назад вызовет панику, и выделил два взвода из двух разных точек для контратаки. Затем британцы пришли в себя, артиллеристы вернулись к своим орудиям, и Клайв смог выстроить свою линию для общего наступления. Прежде чем действие могло стать всеобщим, выстрел, пролетевший рядом с тюрбаном Моничанда, заставил этого офицера поспешно подать сигнал к отступлению; и таким образом армия Клайва была спасена, хотя, на самом деле, она оказалась в опасности не по его вине, а по его собственной. Его превосходительство *Кент* затем подплыл и заставил замолчать пушки Бадж-Баджа; а следующей ночью пьяный матрос, случайно забредший в форт, обнаружил, что он оставлен врагом.

30 декабря.

1757.

12 января.

2 февраля.

3 февраля.

30-го флот продолжил свой путь к Алигуру, где Клайв снова высадился с армией, чтобы двинуться на Калькутту, в то время как корабли вступили в бой с врагом у Форта Уильям. Войска Набоба вскоре покинули и форт, и город, и форт был занят, прежде чем Клайв смог добраться до него, отрядом под командованием капитана Эйра Кута из тридцать девятого пехотного полка, который отплыл из Англии с двумя ротами своего полка в ноябре прошлого года. Затем было решено отбить Хугли до того, как набоб сможет продвинуться из Муршедабада; и соответственно для этой цели были выделены триста пятьдесят человек из Тридцать девятого полка с должным количеством сипаев, которые взяли город штурмом с незначительными потерями и неделю спустя вернулись в Калькутту. Тем временем пришло известие о начале войны между Францией и Англией; и Компания, опасаясь, что французские войска в Чандернагоре, насчитывавшие триста европейцев с обозом артиллерии, могут присоединиться к Набобу, попыталась договориться с ним. Попытка оказалась тщетной. Сураджа Доула, раздраженный нападением на Хугли, собрал армию в сорок тысяч человек и неуклонно продвигался к Калькутте. 2 февраля в поле зрения показался его передовой отряд; после чего Клайв, занявший позицию на северной окраине города, двинулся маршем, как бы собираясь

атаковать. Однако он решил дожидаться более благоприятного момента, и на следующий день вся армия Набоба расположилась лагерем вдоль восточной стороны города, рядом с укреплением, которое носило название ров Магратта.

4 февраля.

Даже тогда, хотя французы не присоединились к Сурадже Доуле, Клайв не хотел встречаться со своей армией без подкрепления и предпринял последнюю попытку переговоров; но после возвращения своих уполномоченных, не добившихся успеха, он решил предпринять попытку нападения на лагерь противника на следующий день. В полночь с военного корабля было высажено шестьсот моряков, и с ними шестьсот пятьдесят европейских пехотинцев, сотня артиллеристов с шестью орудиями и восемьсот сипаев Клайв перед рассветом двинулся к лагерю Набоба. Он продвигался длинной колонной по три человека в ряд, с артиллерией в тылу; и только рассвело, когда он нанес удар по передовым постам противника и отбросил их назад. С наступлением рассвета опустился густой туман, сквозь который колонна продолжала двигаться вперед, успешно отражая на ходу атаки вражеской кавалерии, пока не достигла дамбы, идущей под прямым углом к линии марша, которая вела к жилищу набоба в рву Маратта. Там голова колонны изменила направление вправо, как ей было приказано, но в замешательстве, вызванном туманом, оказалась под огнем британских полевых орудий в тылу и рассыпалась в поисках укрытия. Это движение ввело в заблуждение тыл колонны; и очень скоро все силы оказались в безнадежном замешательстве. Противник, открывший огонь из своих пушек, усилил беспорядок; и Клайву стоило больших усилий удержать своих людей вместе. Наконец, когда туман рассеялся, он обнаружил, что окружен вражеской кавалерией; и хотя ему удалось отбросить их, он был вынужден, из-за усталости своих войск, отказаться от атаки и вернуться в лагерь. Его потери составили сто европейцев и пятьдесят сипаев убитыми и ранеными, против чего, казалось, нельзя было ничего противопоставить. Люди действительно были немало обескуражены и с некоторой горечью жаловались на опрометчивость своего предводителя.

9 Февраля.

Март.

4 июня.

13 июня.

Но если британцы были обескуражены, то в гораздо большей степени был обескуражен Набоб. Какими бы слепыми и неуверенными ни были эти действия, он потерял шестьсот человек и пятьсот лошадей, в то время как мысль о британских войсках, спокойно разгуливающих по его лагерю, была ему крайне неприятна и вызывала беспокойство. Пять дней спустя он заключил договор, по которому соглашался вернуть всю собственность, отнятую в Калькутте, и возродить все другие привилегии, ранее предоставленные британцам; соглашение, которое через сорок восемь часов было расширено до наступательного и оборонительного союза. Затем Клайв предложил атаковать французов в Чандернагоре, но Набоб категорически запретил это. Однако в марте из Бомбея прибыло подкрепление в виде трех рот пехоты и одной артиллерийской, и Клайв решил атаковать, несмотря на запрет набоба. 7 марта армия начала свой марш вверх по реке; осада была открыта неделю спустя, и форт, в котором не было очень сильного гарнизона, вскоре был вынужден капитулировать. Это пренебрежение его желаниями сразу усилило страх Набоба перед британцами и его стремление уклониться от обязательств по договору.

Несчастное создание корчилось под властью властного духа Клайва. Он заигрывал с Бюсси, с махраттами, со всеми, кого считал способным выручить его из затруднительного положения: иногда он угрожал англичанам, иногда извинялся перед ними; и Клайв, совершенно не доверяя этому жалкому союзнику, решил оставить всю свою армию в Бенгалии, чтобы следить за ним и заставить его выполнять свои обязательства. Тем временем помощь внезапно пришла к британцам из неожиданного источника. Последователи Набоба, отчужденные его безумием, оскорблениями и капризами, начали отпадать от него. Недовольство переросло в недовольство, а недовольство - в заговор. Вскоре властям Калькутты были сделаны попытки присоединиться к заговору с целью свержения Сураджи Доулы и назначения на его место Меера Джаффира, бывшего до сих пор его главнокомандующим, а теперь главного среди заговорщиков. Последовали долгие переговоры, ставшие известными из-за пятна, которое, справедливо или нет, они оставили на памяти Клайва. Наконец, Меер Джаффир подписал договор, который обязывал англичан завоевать для него трон Бенгалии, Ориссы и Бехара, а взамен обязался передать им все французские фабрики в этих провинциях, а также небольшое присоединение территории вокруг Калькутты и выплатить компенсацию за ущерб, нанесенный Сураджей Доулой. Меер Джеффер, однако, проявил значительную нерешительность во время переговоров, и тайна заговора уже начала просачиваться наружу, так что возникла необходимость закрепить договоренность немедленными действиями. Соответственно, 13 июня Клайв, который все время был лидером и решающим, двинул свои силы из Чандернагора на Муршедабад, а на следующий день отправил Набобу письмо, которое фактически было объявлением войны.

Прежде чем пришло письмо, Сураджа Даула осознал грозящую ему опасность и отправил эмиссаров для переговоров с Меером Джаффиром; более того, отбросив все королевское состояние, он лично посетил своего бывшего вассала, чтобы смиренно просить о примирении. Мир Джаффир уступил; соглашение между двумя мужчинами было скреплено обычными клятвами на Коране; и Сураджа Доула, ответив Клайву вызывающим тоном, приказал всей своей армии собраться примерно в двенадцати милях к югу от Муршедабада в деревне Плесси.

Июнь.

Тем временем Клайв продолжал свое продвижение вверх по реке Хугли, европейцы путешествовали по воде на лодках, сипаи маршировали вдоль западного берега. Всего его силы состояли из девятистот европейцев, двухсот португальцев-полукровок и двух тысяч одной сотни сипаев с десятью пушками. 16-го он остановился в Палти, на реке Коссимбазар, выше ее слияния с Желингилом, и послал вперед майора Эйра Кута для охраны форта Катва, расположенного в двенадцати милях выше по течению, который контролировал переправу через реку. Губернатор форта был одним из заговорщиков против Сураджи Доулы, но он встретил попытки Кута с вызовом, а при разворачивании британских войск для атаки поджег укрепления и отступил вместе со своим гарнизоном. В ту ночь отряд Клайва расположился лагерем на равнине Кутва; но поведение губернатора было рассчитано на то, чтобы встревожить его, поскольку в письмах меера Джеффера лишь туманно сообщалось, что сам он, хотя и примирился с набобом, тем не менее намеревался соблюдать договор с британцами. Не доверяя столь двусмысленному заявлению, Клайв решил не пересекать реку и не попадать на так называемый остров Коссимбазар,^[341] пока его сомнения не разрешатся. 20-го числа от Меера Джеффера пришли новые письма, которые несколько развеяли опасения Клайва относительно его добросовестности, но давали мало надежды на помощь в предстоящих

операциях; одновременно пришло письмо от одного из агентов Клайва, которое дало некоторые основания усомниться в искренности Меера Джеффера. Крайне озадаченный Клайв созвал военный совет и предложил двадцати собравшимся там офицерам решить, что лучше - переправиться через реку и атаковать Набоба во что бы то ни стало или остановиться в Кутве, где припасов было в избытке, до окончания сезона дождей, а тем временем призвать на помощь махраттов. Сначала он высказал свое собственное мнение в пользу того, чтобы остаться в Катве, и за ним последовали тринадцать офицеров, включая такого отважного солдата, как Килпатрик. Кут и еще шестеро, однако, отдали свои голоса за немедленные действия или возвращение в Калькутту. Клайв разогнал совет, на час удалился один в соседнюю рощу, а по возвращении отдал приказ переправиться через реку на следующее утро.

23 Июня.

На рассвете 22-го армия начала форсирование реки и к четырем часам пополудни стояла на восточном берегу. Тут Клайву пришло еще одно письмо от меера Джеффера, в котором содержалась информация о предполагаемых передвижениях Набоба. Ответ Клайва заключался в том, что он должен немедленно выступить в Плесси, а на следующее утро - в Даудпур, расположенный в шести милях от него; и что, если Меер Джеффер не встретит его там, он заключит мир с Сураджей Доулой. Войска, соответственно, продолжили свой путь, европейцы - по воде, сипаи - по суше; но из-за медленного продвижения лодок против течения только к часу ночи они преодолели пятнадцать миль до деревни Плесси. Здесь они были удивлены, узнав по продолжающемуся грохоту барабанов и цимбал, что армия Набоба совсем близко, ибо они ожидали встретиться с ней дальше на север. Успокоенные этой грубой музыкой, солдаты улеглись спать в манговой роще, но спавших офицеров было немного, и Клайв не был одним из них.

Роща Плесси простиралась на север и юг примерно на полмили в длину и около трехсот ярдов в ширину. Деревья были посажены правильными рядами, и все это было окружено небольшим откосом и канавой за ним, заросшей сорняками и ежевикой. Роща располагалась под острым углом к реке, северный угол находился в пятидесяти ярдах, а южный - в двухстах ярдах от берега. Немного к северу от него, на берегу реки, стоял охотничий дом Набоба, окруженный садом и стеной. В миле к северу от этого дома река делает огромный изгиб на юго-запад в форме подковы, образуя полуостров диаметром около мили, который сужается в горловине до ширины около пятисот ярдов от ручья к ручью. Примерно в трехстах ярдах к югу от этого полуострова был сооружен окоп, который тянулся более чем на фарлонг прямо вглубь острова и параллельно роще, а затем сворачивал под тупым углом на северо-восток примерно на три мили. Вся армия Набоба расположилась лагерем внутри этого укрепления и на полуострове, а сам угол был защищен редутом. Примерно в трехстах ярдах к востоку от редута, но за пределами окопа, стоял холм, поросший деревьями; в полумиле к югу от этого холма стоял небольшой танк, а еще в ста ярдах южнее - второй, гораздо больший танк, оба они были окружены земляной насыпью.

На рассвете силы Набоба потекли множеством протоков из лагеря к роще - могучее войско в тридцать пять тысяч пехотинцев, восемнадцать тысяч всадников и пятьдесят артиллерийских орудий. Пушки были по большей части крупного калибра и перевозились вместе с экипажами и боеприпасами на больших платформах, которые тянули сорок или пятьдесят упряжек волов спереди и приводились в движение слонами сзади. Сорок или пятьдесят французских авантюристов под командованием месье Сен-Фрэ, который раньше служил в гарнизоне

Чандернагора, заняли пост с четырьмя легкими полевыми орудиями на более крупном танке, который был ближе всего к роще; в то время как два тяжелых орудия под командованием офицера-туземца были размещены справа от Сен-Фрэ и между ним и рекой. В поддержку этих передовых отрядов шли пять тысяч всадников и семь тысяч пехотинцев под командованием самого верного генерала Набоба, Мира Мурдина. Остальная часть вражеской армии растянулась огромной дугой от холма перед окопами на расстоянии не более полумили от южного угла рощи. Таким образом, британцы не могли наступать против сил, находившихся на их фронте, не подвергая себя сокрушительной атаке на своем правом фланге.

Клайв наблюдал за этой диспозицией из охотничьего домика и был удивлен численностью и самоуверенностью врага. Но, зная, что его единственный шанс - это принять смелый вид, он вывел свои войска из рощи и построил их в одну линию, левым флангом упираясь в охотничий дом, а фронтом - в ближайший танк. Европейский батальон занимал центр линии фронта. В тот день он насчитывал около семисот человек, частично из войск Компании, поскольку насчитывал со сто Первого по сто Третий полки, и частично из Тридцать девятого пехотного полка, в то время как в его состав также входили сто португальцев-полукровок. По три шестифунтовых орудия были размещены на каждом фланге этого батальона, укомплектованные пятьюдесятью солдатами Королевской артиллерии и таким же количеством моряков; а справа и слева от этих орудий двумя равными дивизионами были выстроены две тысячи одна сотня сипаев. Линия фронта простиралась на шестьсот ярдов за рощей, но противник в этом месте был слишком далеко, чтобы обрушиться на британский фланг до того, как можно было бы организовать наступление им навстречу. Еще два полевых орудия и две гаубицы были установлены в двухстах ярдах впереди левого отряда сипаев, под прикрытием двух печей для обжига кирпича. На этом боевой порядок Клайва был завершен, и горстка из трех тысяч человек поднялась навстречу своим пятидесяти тысячам врагов. Его сила заключалась в группе белых лиц в центре, и сила этой группы заключалась в воле одного человека. Это был первый раз, когда британские войска столкнулись с такими трудностями, но ему суждено было стать не последним.

В восемь часов бой был открыт выстрелом одного из французских орудий по танку. Выстрел пришелся точно в цель, убив одного человека и ранив другого из британской гренадерской роты. Затем все орудия противника, из танков впереди, по всему обширному участку изгибающейся линии, открыли сильный и непрерывный огонь. Британские орудия ответили, и весьма результативно, но потеря одного из солдат Клайва была плохо компенсирована гибелью десяти человек противника; и после потери тридцати человек за первые полчаса канонады Клайв приказал всем своим войскам отступить в рощу. Итак, маленький отряд алых развернулся, скрылся за деревьями и исчез из виду; в то время как дикие крики восторга раздались от окруживших их врагов, и вся их шеренга, приближаясь к роще, возобновила канонаду с удвоенной энергией. Выстрел, однако, причинил мало вреда, так как британцам было приказано лечь; а полевые орудия Клайва, стрелявшие через амбразуры, сделанные в насыпи, с более близкого расстояния произвели еще большие разрушения, чем раньше. Так артиллерийская дуэль продолжалась до одиннадцати часов, когда Клайв созвал совет офицеров и решил, что лучше всего удерживать позицию до наступления темноты, а в полночь перейти в наступление и атаковать лагерь противника.

Затем случайно вмешалась природа, как при Креси, чтобы изменить весь ход боя. Сильный ливень пронесся над равниной, промолив обе армии до нитки. У британцев был наготове

брзент, чтобы прикрыть свои боеприпасы, но противник не принял таких мер предосторожности, и, следовательно, большая часть их пороха была повреждена. Их огонь начал ослабевать, в то время как огонь британцев был таким же оживленным, как и всегда. Тем не менее, полагая, что его противник, должно быть, находится в таком же затруднительном положении, как и он сам, Меер Мурдин вышел из танка в сторону рощи, чтобы выбить оттуда британцев. Его войска были встречены смертоносным виноградным огнем, его кавалерия была рассеяна, а сам он смертельно ранен. Известие о его падении потрясло расшатанные нервы несчастного Набоба, и в крайнем отчаянии он послал за меером Джеффьером и горячо умолял его о помощи. Он, суверен, швырнул свой тюрбан к ногам своего подданного и закричал: "Джеффир, этот тюрбан ты должен защищать". И Джеффир с готовностью подчиниться жестом, который украшает восточное двуличие, склонил голову и сложил руки на груди, клянясь оказать всемерную услугу. Затем, вернувшись к своим товарищам по заговору, он немедленно отправил письмо Клайву, советуя ему немедленно выступить вперед или, во всяком случае, атаковать "Набоб" до следующего рассвета. Гонец побоялся доставить письмо, пока продолжался пожар; но Сураджа Даула, как будто понимая, что у него не осталось верного советника, обратился за помощью к другому из своих лидеров. Этот человек, также принадлежавший к заговорщикам, посоветовал ему приказать армии отступить в окопы, а самому отступить в столицу, предоставив решение вопроса о сражении его генералам. Несчастный Набоб последовал этому совету и, сев на верблюда, отправился в сопровождении двух тысяч всадников в Муршедабад. Таким образом, около двух часов дня огонь противника прекратился, упряжки были приторочены к орудиям, и все войско, развернувшись, медленно потекло обратно к окопам.

Пока все это происходило, Клайв, решив до наступления ночи не предпринимать никаких наступательных действий, удалился в охотничий домик, чтобы урвать несколько минут сна после тревог и усталости предыдущего дня. Его разбудило сообщение от майора Килпатрика, которое быстро вернуло его на поле боя. Несмотря на отход армии Набоба, Сент-Фрейз и его небольшой отряд все еще удерживали свою позицию в танке, и Килпатрик, поняв, что эта позиция была из тех, с которых фланг противника мог быть обстрелян во время их отступления, послал сообщение Клайву, что он собирается атаковать его. Клайв, внезапно пробудившийся ото сна, резко отчитал Килпатрика за такой шаг без приказа; но вскоре, увидев, что майор был прав, он принял командование двумя своими ротами и, отправив Килпатрика вывести вперед остальную армию, сам повел наступление на танк.

Сен-Фрэ, понимая, что больше не может удерживать свои позиции, вслед за этим выпрямился и, совершенно хладнокровно удалившись в редут на углу окопа, снова приготовился к бою. Тем временем, во время наступления британцев, было замечено, что самая южная дивизия армии Набоба держится в стороне от остального войска и приближается к роще. Это были войска меера Джеффира, но их передвижение было неверно истолковано как нападение на лодки и багаж в роще; и соответственно, для сдерживания их были выделены три взвода и полевое орудие. Таким образом, дивизия медленно отходила, но все еще оставалась значительно обособленной от остальной части войска. Но перед этим основные силы англичан достигли танка и, установив свою артиллерию на насыпи, открыли огонь по врагу за их окопами. Вслед за этим многие из войск Набоба снова развернулись и двинулись на равнину им навстречу; пехота открыла шквальный огонь, в то время как артиллерия также развернулась, чтобы снова вступить в бой. Фактически, именно в этот момент началась настоящая битва, хотя отряд Набоба к этому времени остался без лидера или генерала. Клайв понял, что его единственный шанс - довести свою атаку до конца, прежде чем сопротивление ему сможет принять какую-либо

организованную форму. Поэтому он выдвинул половину своей пехоты и артиллерии к меньшему танку, а остальную часть - на возвышенность в фарлонге левее от него, в то же время выделив сто пятьдесят человек, чтобы занять танк рядом с окопами и поддерживать по ним ружейный огонь. С этих постов стрельба возобновилась с более близкого расстояния, чем раньше, и с завидной эффективностью. Противник понес большие потери, а команды, приданные его тяжелой артиллерии, были так сильно потрепаны, что орудия не могли быть приведены в действие. Тем не менее полевые орудия Сен-Фрэ в редуте по-прежнему хорошо и регулярно обслуживались; и противник, хотя и испытывал недостаток в руководстве, был способен, благодаря местности и своему огромному численному превосходству, вести бой с некоторым воодушевлением в своей собственной нерегулярной манере. Сами окопы, холм к востоку от редута и каждая ложбинка или выгодный выступ были забиты стрелками, в то время как кавалерия кружила вокруг, постоянно угрожая атакой, хотя британская артиллерия всегда держала ее на расстоянии. Наконец до Клайва дошло, что изолированное подразделение армии Набоба у роши, должно быть, принадлежит мееру Джеффиру и что его фланг и тыл в безопасности. Поэтому он решил сократить время. Две группы были отделены для одновременной атаки на редут с одной стороны и холм с другой, в то время как основные силы двинулись между ними для поддержки. Холм был взят без единого выстрела, и Сен-Фрэ, поняв, что теперь он остался совершенно без поддержки, бросил свои орудия и отступил. В пять часов британцы овладели укреплениями и лагерем Набоба, и битва при Плесси была выиграна.

С военной точки зрения акция имеет сравнительно небольшой интерес, поскольку вопрос на самом деле касался добросовестности или, если этот термин предпочтительнее, недобросовестности ведущих заговорщиков против Сураджи Доулы. Британцы не могли наступать до тех пор, пока противник не отступит; это был проливной дождь, который заставил замолчать артиллерию "Набоба" и положил начало разочарованию, которое привело к их отступлению; и даже тогда британского командующего нужно было разбудить ото сна, чтобы он последовал за ними. Не было такой великолепной дерзости атаки, такой кровопролитной борьбы, такого торжества дисциплины над численностью, которые можно было увидеть впоследствии при Миани. Общие потери британцев составили всего семь европейцев и шестнадцать сипаев убитыми, тринадцать европейцев и тридцать шесть сипаев ранеными. Это была небольшая цена за господство над провинциями Бенгалия, Орисса и Бехар, ибо таковы и не менее того были плоды победы. И все же о таких успехах следует судить не только по рассказам об убитых и искалеченных. Победа, возможно, была легко одержана, когда настал момент настоящего столкновения оружия; но главное в том, что британцы были там, чтобы одержать ее. Кампания при Плесси - это не столько изучение военного мастерства, сколько железной воли и непоколебимых нервов, которые могли повести три тысячи человек против полчища неизвестной силы и удержать их неустрашимыми, единой стройной линией, в кольце из пятидесяти тысяч врагов.

24 Июня.
1758 года.

Дневная работа не закончилась захватом лагеря. Эйр Кут был послан вперед с отрядом, чтобы сдерживать продвижение врага, и армия разбила лагерь на ночь в Даудпуре. На следующий день Клайв приветствовал Меера Джаффира как набоба Бенгалии, Ориссы и Бехара, после чего он поспешил со своими войсками в Муршедабад, достигнув города в тот же вечер. Сураджа Даула бежал до его прибытия, но на его поиски сразу же были отправлены отряды, а через

несколько дней он был возвращен и убит. 29-го Клайв также вошел в город и официально возвел меера Джеффир на трон. Затем он потратил последующие месяцы на раздел трофеев "победы", немалую долю которых получили войска, и на обеспечение того, чтобы британские интересы были первостепенными в новых владениях, или, говоря простым языком, чтобы Компания была истинным сувереном, а Меер Джеффир - ее марионеткой. На этой части его задания я пока больше останавливаться не буду, за исключением упоминания, что агентом, выбранным им для проживания при дворе Меер Джеффир, был молодой человек двадцати пяти лет по имени Уоррен Гастингс. Работа не была полностью завершена в течение многих месяцев, и только в мае следующего года Клайв смог вернуться в Калькутту, оставив большую часть своих войск в Коссимбазаре для наблюдения за Муршедабадом. За месяц до его прибытия события на Юге Индии приняли такой оборот, что потребовалось назначить самого способного человека на пост правителя Бенгалии; и в июне Клайв, по просьбе властей Калькутты, вступил в должность президента. Вскоре его рука снова будет видна занятой новыми завоеваниями; но сначала необходимо проследить ход событий в Южной Индии.

ГЛАВА VI

1756.

26 августа.

1757.

Июнь.

Могло показаться, что с отзывом Дюпле и отстранением Бюсси от двора Салабада Юнга французское господство в Индии было уже поколеблено до основания. Это, однако, было очень далеко от факта. Получив известие об уходе Бюсси, французские губернаторы как в Пондишери, так и в Масулипатаме прислали ему подкрепление, которое он с редким мастерством и смелостью присоединил к своим собственным войскам и использовал так эффективно, что в течение трех месяцев после своего увольнения он был восстановлен в Хайдарабаде со всеми своими прежними титулами, достоинствами и почестями. Остаток года он был полностью занят восстановлением своего положения при дворе вице-короля и французского влияния в Северных Сиркарах, тех провинциях на восточном побережье, которые, как вы помните, по мирному договору 1755 года должны были быть возвращены их исконным владельцам. Таким образом, самый опасный враг британцев, хотя и не был устранен, был полностью занят своими собственными делами в течение 1756 года. Однако, как только он оказался на свободе, то снова принялся проказничать, сокращая Визагапатам и британские фабрики на Годавере, пока новые интриги при дворе вице-короля не отозвали его в спешном порядке в Хайдарабад.

Май.

Еще дальше на юг, в Тричинополи, некоторое время все оставалось сравнительно спокойно. Майор Кайо, командовавший гарнизоном города, получил строгий приказ воздерживаться от любых военных действий; в то время как французы, хотя и все еще находились в оккупации Серингема, были настолько ослаблены отрядом подкрепления, отправленным на помощь

Бюсси, что до декабря 1756 года они перестали быть грозными. Однако в феврале следующего года страх перед французскими интригами в Мадуре и Тинневелли вынудил Кайо возглавить экспедицию в оба этих округа; а в апреле необходимость сбора доходов Набоба Мохаммеда Али побудила власти Мадраса направить еще одну экспедицию в Неллор на реке Пеннар. Это последнее предприятие не увенчалось успехом, но имеет свой особый интерес, поскольку оно было поручено подполковнику Тридцать девятого пехотного полка Форду, офицеру, которому вскоре предстояло завоевать для своего имени место рядом с именами Клайва и Лоуренса. Однако в этом своем первом командовании он потерпел неудачу; и французы, хотя и получили приказ ничего не предпринимать до прибытия подкреплений, не смогли устоять перед искушением выступить в бой, пока силы Мадраса были разделены между двумя столь отдаленными пунктами, как Тинневелли и Неллор. Поэтому г-н д'Отейль воспользовался моментом, чтобы собрать четыре тысячи человек, четверть из которых составляли европейцы, вместе с обозом осадной артиллерии, и 14 мая появился с этими силами перед Тричинополем. Положение британского гарнизона никогда не было более критическим за весь ход войны, чем в этот момент. Лучшие войска отсутствовали вместе с Кайо; и у капитана Джозефа Смита, который остался командовать, было всего семьсот сипаев и менее двухсот англичан, с которыми можно было удерживать укрепления и охранять пятьсот французских пленных, все еще находившихся внутри стен. Д'Отей, думая захватить Трихинополис небольшой ценой, пытался запугать Смита и заставить сдаться бомбардировками и непрекращающимися мелкими атаками, но Смита было нелегко напугать, и он удерживал свои позиции до 25-го числа. Затем появился Кайо, поспешивший назад со всей скоростью из Мадур, и благодаря чрезвычайному мастерству и настойчивости ночью незаметно провел свои войска через французский лагерь в город. После этого д'Отей удалился в Пондишери, и Трихинополис снова оказался в безопасности.

Сентябрь

Тем временем власти Мадраса предприняли отвлекающий маневр в пользу Трихинополи, на что французы ответили такими же репрессиями; но эти операции не представляли особого интереса или значения. В сентябре прибыла французская эскадра, которая высадила тысячу регулярных войск; но даже после прибытия этого подкрепления передвижения противника не имели большого значения. Действительно, их бездействие в тот период было не менее удивительным, чем радушный прием британцев, поскольку президентство Мадраса, столкнувшись с их численным превосходством, было вынуждено отвести все свои войска в гарнизон и занять строгую оборону. Секрет французской сдержанности заключался в том, что губернатор Пондишери, получив положительный приказ из Франции ожидать прибытия дальнейшей помощи, был вынужден довольствоваться взятием нескольких отдаленных фортвов Карнатика. Таким образом, кампания 1757 года завершилась с преимуществом французов в захвате Читтапетта, поста в тридцати милях к югу от Арко, а британцев - в овладении Мадурой.

1758.

Апрель.

1758 год открылся для британцев гораздо серьезнее. На рассвете 28 апреля была замечена флотилия из двенадцати парусников, стоявшая на рейде форта Сент-Дэвид, и вскоре в ней узнали французов. Это было долгожданное вооружение, на котором французы строили все свои

надежды на изгнание англичан из Индии, и на его доставку ушло почти двенадцать месяцев. Первоначально он покинул Брест в марте 1757 года, но был вынужден вернуться из-за плохой погоды. Затем у него отобрали два линейных корабля для службы в канадских водах, и эскадра ждала до мая, пока их место займут два французских ост-индских корабля, оснащенных как военные корабли. Затем адмирал д'Аше, несмотря на то, что за ним гнался британский флот, задержался на пути к Маврикию и, покидая этот остров, избрал курс, который задержал его на три месяца пути к Короманделю. Наконец, однако, эскадра прибыла на рейд форта Сент-Дэвид, потеряв к тому времени от трехсот до четырехсот человек из-за болезней. На его борту находились пехотный полк Лалли и пятьдесят европейских артиллеристов, а также сам граф Лалли, назначенный верховным командованием французов в Индии. Лалли де Толлендаль, или, если дать ему его настоящее имя, О'Маллалли из Таллиндалли (поскольку он был ирландского происхождения), был офицером ирландской бригады на французской службе и пользовался уважением за то, что подсказал то движение артиллерии, которое разгромило британскую колонну при Фонтенуа. Насколько это обучение помогло бы ему в Индии, еще предстоит выяснить.

29 апреля.

Инструкции Лалли из Версаля предписывали ему сначала осадить форт Сент-Дэвид; и соответственно он сам сразу же отплыл с тремя кораблями с этого рейда в Пондишери, чтобы отдать необходимые приказы, в то время как остальная часть флота продвинулась на две мили южнее и бросила якорь у Куддалора. Но теперь начали проявляться последствия длительного затяжного плавания адмирала д'Аше. Коммодор Стивенс, покинувший Англию со своей эскадрой через три месяца после него, прибыл в Мадрас за пять недель до него и, присоединившись к эскадре адмирала Покока в Хугли, вышел с ней 17 апреля на перехват д'Аше. Покок, разминувшись с французской эскадрой в своем путешествии на юг, взял курс на север и утром 29-го увидел ее у причала перед Куддалором. Д'Аше немедленно снялся с якоря и вышел в море; но из-за сильного плавания некоторых английских судов Покок смог вступить с ним в бой только во второй половине дня, имея семь кораблей против девяти. Последовавшие действия, хотя и были нерешительными, были явно невыгодны французам. Они потеряли шестьсот человек убитыми и ранеными, в то время как один из их линейных кораблей был так сильно поврежден, что его волей-неволей вытащили на берег и бросили. Британские корабли потеряли немногим более сотни человек, хотя, с другой стороны, их такелаж был настолько изрезан, что они не могли преследовать врага. Поэтому Покок вернулся в Мадрас для ремонта, в то время как французский флот бросил якорь примерно в двадцати милях к северу от Пондишерри на рейде Алампарва.

30 апреля.

1 мая.

6 мая.

В тот же день, под напором Лалли, тысяча европейцев и столько же французских сипаев под командованием графа д'Эстена прибыли к форту Сент-Дэвид из Пондишери и обменялись выстрелами с гарнизоном. На следующий день г-н де Супир присоединился к д'Эстену с дополнительными войсками и осадными орудиями, а 1 мая появился сам Лалли, который немедленно направил отряд под командованием д'Эстена против Куддалора. Оборона этого города была незначительной, и гарнизон состоял всего из пяти рот сипаев, которые были

обременены содержанием пятидесяти французских пленных. Соответственно, форт капитулировал 4 мая при условии, что гарнизон отступит в форт Сент-Дэвид со своим оружием и что французские пленные будут перевезены на нейтральную территорию на юге до тех пор, пока не будет решена судьба форта Сент-Дэвид. Два дня спустя эскадра д'Аше снова бросила якорь перед фортом Сент-Дэвид и высадила десант с борта; а 15-го французы приступили к возведению своей первой батареи для осады.

28 мая.

2 июня.

Лалли располагал теперь значительными силами в две с половиной тысячи европейцев и примерно таким же количеством сипаев, собранных перед городом; но, тем не менее, его трудности были очень велики. Власти Пондишери были нелояльны к нему; военный сундук был абсолютно пуст; и, хотя его прибытия ждали давно, не было сделано никаких приготовлений для его транспортировки и припасов. В своем нетерпении действовать, поскольку он боялся возвращения Покока из Мадраса, он поспешил с первым отрядом в Куддалор без какого-либо транспорта или припасов вообще, в результате чего войскам пришлось грабить пригороды в поисках продовольствия. Теперь, поскольку никаких других средств, казалось, у него не было, он предпринял еще более роковой шаг, заставив туземцев заняться перевозками, невзирая на обычаи, предрассудки или кастовую принадлежность. На данный момент, однако, он добился успеха. Оборона форта Сент-Дэвид была респектабельной, но гарнизон был слишком слаб по численности, чтобы укомплектовать его должным образом, а качество войск было на удивление низким. Сипаев насчитывалось около шестнадцати сотен, а европейцев - около шестисот; но из последних менее половины были боеспособны, в то время как двести пятьдесят человек из общего числа были матросами, недавно высаженными с фрегатов и наиболее отсталыми в дисциплине. Майор Полье, который командовал войсками, совершил ошибку, попытавшись защитить несколько укреплений недостаточными силами, вместо того чтобы разрушить их и отступить в главную крепость. Таким образом, Лалли смог по частям вытеснить защитников с этих укреплений; и его успеха было достаточно, чтобы напугать почти всех сипаев и вынудить их дезертировать. Луч надежды на мгновение озарил гарнизон с известием о том, что эскадра Покока прибыла в Пондишери по пути из Мадраса и что французские моряки подняли мятеж, отказываясь выходить в море, пока им не будет выплачено жалованье. Но Лалли, всегда энергичный, сумел найти необходимые средства, и д'Аше отплыл вовремя, чтобы предотвратить любое сообщение между флотом и фортом Сент-Дэвид. Наконец, 2 июня форт, хотя и не был еще прорван, капитулировал, и первая крупная цель Лалли была достигнута.

7Июня.

Падение форта Сент-Дэвид вызвало большую тревогу в Мадрасе, и не без оснований, поскольку оборона была позорно слабой. Полье ранее неоднократно проявлял себя в боях как доблестный солдат; но, принимая во внимание недостатки своего гарнизона, его поведение было не таким, какого можно было ожидать от земляка Кайо и однополчанина Клайва, Лоуренса и Килпатрика. Более того, Лалли был не из тех, кто довольствуется одним-единственным успехом. В самый день капитуляции он направил отряд под командованием д'Эстена против Девикоты, который был волей-неволей оставлен британцами при его приближении; и были все основания опасаться, что теперь его энергия будет направлена на захват Мадраса. Поэтому правительство отозвало все свои разрозненные гарнизоны в Карнатике, сохранив только гарнизон в

Тричинополи, и сосредоточило их в Мадрасе; таким образом, к численности этого города прибавилось двести пятьдесят европейцев и две тысячи пятьсот сипаев. В этот же день Лалли вернулся в Пондишери со своей армией из форта Сент-Дэвид и с триумфом въехал в город. Было спето *"Te Deum"*, а за днем благодарения последовали банкеты и празднества — и все это в то время, когда государственная казна была пуста.

18Июня.

На самом деле, как бы Лалли ни стремился к этому, у него пока не было возможности атаковать Мадрас. Д'Аше, заявив, что его долг призывает его совершить крейсерство у берегов Цейлона, не пощадил бы флот для оказания помощи в предприятии против центра британской власти в Карнатике, и фактически отплыл на юг 4 июня. Для сухопутного похода на Мадрас армии Лалли требовалось снаряжение; а снаряжение означало деньги, которые, по утверждению властей Пондишери, они не могли предоставить. Действуя поэтому по совету священника-иезуита, Лалли решил отправиться в Танджор и вымогать у раджи деньги, в которых он нуждался. Встревоженные гражданские власти отозвали д'Аше для защиты Пондишери, и на следующий день после его прибытия Лалли приказал выделить тысячу шестьсот европейских солдат и еще большее количество сипаев и двинулся с ними на юг.

25 Июня.

Марш был одной длинной чередой ошибок и неудач. Суровые меры, примененные к туземцам при наступлении на форт Сент-Дэвид, оттолкнули каждого из них от службы в армии; поэтому отряд выступил в путь без транспорта. Грубыеэксцессы, совершенные французскими войсками при разграблении страны, вынудили жителей деревни спрятать весь свой скот; следовательно, ни транспорта, ни припасов на марше получить не удалось. Поэтому солдат по необходимости отпустили, чтобы они добывали провизию, насколько это было возможно, и их дисциплина, и без того серьезно ослабленная, быстро ухудшалась. Войдя в Девикоту, они двенадцать часов не пробовали пищи; и, обнаружив, что там их ждет только рис в шелухе, они подожгли хижины внутри форта и подошли поближе, чтобы разжечь склады. Только когда они достигли Карикала, преодолев добрую сотню миль, войска, наконец, получили настоящую еду. Новые безумства отмечали прогресс марша. Город Нагор был захвачен, а выкуп за него передан капитану французского гусарского полка, который только недавно прибыл в Индию и отличился среди всех других насилием и грабежами. Боеприпасы снова, поскольку даже они не были вез-ны с собой в армию, были силой вывезены из голландских поселений Негапатам и Транкебар. Наконец, две пагоды, отличавшиеся особой святостью, были разграблены, хотя и безрезультатно, а брахманы были расстреляны из ружей. Трудности, с которыми столкнулся Лалли, несомненно, были велики, и его методы были достойны уважения его соотечественниками во многих прошлых и будущих кампаниях; но трудно понять, как человек, называющий себя солдатом, мог сознательно увести от трех до четырех тысяч человек на расстояние ста миль от своей базы, не приложив ни малейших средств к существованию или малейших усилий для поддержания дисциплины.

Август.

18августа.

Грехи Лалли вскоре раскрылись. По его прибытии в Карикал семь тысяч танджоринцев под командованием генерала раджи Монакджи двинулись к Тривалору, чтобы противостоять ему; и

вскоре эти силы пополнились не только местными союзниками, но и пятью сотнями британских сипаев и десятью английскими артиллеристами, которых Кайо одолжил из Тричинополи. Монакджи отступал перед Лалли шаг за шагом к городу Танджор, но его кавалерия не переставала преследовать французские фуражировочные отряды, угонять собранный ими скот и перехватывать припасы. Несколько дней было потрачено на бесплодные переговоры, и 2 августа батареи Лалли открыли огонь по городу; после чего Кайо немедленно отправил раджу дополнительное подкрепление в пятьсот своих лучших сипаев. 8-го числа до Лалли дошли тревожные сведения о разгроме французской эскадры британцами и об оккупации британцами Карикала, единственного порта, из которого его армия, и без того сильно страдавшая от нехватки припасов и боеприпасов, могла быть, возможно, выведена. 10-го числа, с трудом отразив вылазку гарнизона, он снял осаду и отступил в сторону Карикала, оставив за собой три тяжелых орудия. Танджоринцы немедленно бросились за ним в погоню, окружая его со всех сторон во время марша, нападая на отставших и перекрывая поставки. Страдания французских войск были ужасны. Лишь с величайшим трудом Лалли доставил их в Карикал, где по прибытии обнаружил, что британский флот стоит на якоре в устье реки.

28 августа.

Сентябрь.

Ибо 2 августа Покок снова вступил в бой с д'Аше, хотя и с меньшим численным превосходством, и после двухчасового боя так потрепал французскую эскадру, что она подняла все паруса, спасаясь бегством, и укрылась под пушками Пондишери. Более того, д'Аше был настолько обескуражен, что не только отказался снова встречаться с британцами, но и объявил о своем намерении вернуться на Маврикий. Лалли получил сообщение об этом решении во время своего отступления в Карикал и отправил графа д'Эстена в д'Аше протестовать против него. Прибыв со своей армией в Пондишери из Карикала, он повторил свои увещевания, но тщетно. Д'Аше получил тридцать тысяч фунтов стерлингов путем незаконного захвата нескольких голландских судов на Пондишери-роудс, и он был рад оставить их своим коллегам; но он был полон решимости покинуть побережье и 2 сентября отплыл.

4 октября.

Каким бы ни было негодование Лалли против д'Аше за это дезертирство, следует признать, что его операции были немногим более успешными, чем у адмирала. Рейдом в Танджор он подорвал как здоровье, так и дисциплину своих войск, и ему не удалось вытянуть из раджи более чем ничтожную сумму. Деньги, захваченные д'Аше, однако, обеспечили его достаточными средствами, чтобы начать подготовку к походу на Мадрас; и поскольку британцы воспользовались возможностью в его собственное отсутствие отбить некоторые из разбросанных фортов в Карнатике, он отправил три экспедиции в Триномали, Карангули и Триваторе, чтобы расчистить путь к Арко, приказав им сосредоточиться примерно в тридцати пяти милях к юго-востоку от Арко, в Вандеваше. Несколько колонн выполнили свою работу, он лично присоединился к объединенным силам в Вандевоше и двинулся с ними на Аркот, который, не имея британского гарнизона, сдался без сопротивления. Теперь между ним и Мадрасом оставались только два захваченных британцами поста: Конджеверам на прямой дороге из Аркот в Мадрас и Чинглпур на реке Палиар, ни на одном из них не было сильных гарнизонов, и поэтому оба легко было захватить. Не сумев, однако, оценить важность этих двух фортов и обнаружив, что его запас наличных денег исчерпан, Лалли отправил свои войска в

расквартирование и вернулся в Пондишери за средствами. Тем самым он упустил свой последний шанс нанести поражение британцам в Индии.

14 сентября.

Власти Мадраса восприняли его успехи в Карнатике как неизбежное следствие падения форта Сент-Дэвид и поэтому были немного встревожены. Тем не менее ситуация была воспринята как серьезная; и в начале августа в Бенгалию был направлен призыв о помощи. В нем было отказано. Клайв не был равнодушен к опасности, грозившей сестринскому президентству, но у него созрел собственный план отвлечения внимания в пользу Карнатик, который, как мы сейчас увидим, был блестяще осуществлен. Мадрас, таким образом, был предоставлен своим собственным ресурсам, и власти решили в конце августа отозвать Кайо и все европейские войска из Трихинополи и оставить капитана Джозефа Смита во главе этого города только с двумя тысячами сипаев. После некоторой неизбежной задержки Кайо сел на корабль в Негапатаме и 25 сентября благополучно прибыл со ста восьмьюдесятью людьми в Мадрас. Несколько дней ранее было получено еще более желанное подкрепление в виде полка полковника Дрейпера,^[342] численностью восемьсот пятьдесят человек под командованием самого Дрейпера, в последнее время офицера Первого гвардейского полка. Такое наращивание сил позволило извлечь выгоду из того, что Лалли не захватил Чинглпута. Этот пост прикрывал район, который, будучи богатым припасами, избавил бы Мадрас от истощения запасов, припасенных для ожидаемой осады; и ввиду его важности войска в Конджевераме были отведены туда, а гарнизон постепенно усилился до ста европейцев и тысячи двухсот сипаев. Кроме того, было решено нанять контингент махраттов и танджоринцев, чтобы преследовать вражеские конвои и линии коммуникаций во время осады.

13 Июня.

Эти приготовления были полностью завершены за некоторое время до того, как Лалли была готова к переезду. Этот генерал действительно сосредоточивал все силы Франции для своего грандиозного наступления на Мадрас, но в слепом стремлении к этой цели он устранил самого опасного врага британцев с поста, на котором из всех других он был бы наиболее грозен. Проще говоря, он отозвал Бюсси со своей армией из двора Салабада Юнга и из администрации Декана. Кроме того, он приказал ему доверить оккупацию Северных Сиркаров месье Конфлану, офицеру, который только что прибыл из Европы, вместе с минимально возможными силами, которые позволили бы ему поддерживать ее. Бюсси повиновался, но в замешательстве и отчаянии, ибо ему было тяжело бросить работу, над которой он так долго трудился с неослабным рвением и неизменным успехом; и едва ли можно было ожидать, что он будет испытывать сердечные чувства к этому новому и импульсивному командиру, который, каковы бы ни были его заслуги, не обладал и четвертью его собственных способностей. Лалли, со своей стороны, испытывал решительную антипатию к Бюсси. Он смотрел на французские власти в Индии в целом как на сборище негодяев, в чем был недалек от истины, но, причислив Бюсси к общему стаду, он был очень далек от истины. Поэтому он отнесся к мольбам Бюсси вернуться в Хайдарабад как к мольбам, направленным исключительно на срыв его собственного предприятия, и соответственно проигнорировал их. Младшие офицеры армии, более трезво оценив полномочия Бюсси, великодушно ходатайствовали о том, чтобы он стал их начальником, и Лалли был вынужден удовлетворить эту просьбу, хотя и без особой любезности. Таким образом, из-за одного предварительного недостатка во французском лагере было мало

шансов на сердечное согласие и сотрудничество. Затем пришлось столкнуться с нехваткой средств, которую удалось преодолеть только за счет взносов из личных кошельков Лалли и других офицеров; хотя Бюсси, самый богатый из всех, отказался, если верить Лалли, внести хоть фартинг. Наконец, начались бесконечные хлопоты по поводу транспорта, за которые Лалли некого было благодарить, кроме самого себя; и, несмотря на то, что случались то одно, то другое затруднение, только в конце ноября французские войска выступили в поход на Мадрас.

Декабрь.

13 декабря.

Силы Лалли насчитывали всего две тысячи триста европейцев, как конных, так и пеших, и пять тысяч сипаев. Основные силы двинулись из Арк по прямой дороге через Конджеверам, а большой отряд последовал берегом Палиара к Чинглепуту. Лалли лично присоединился к этой последней колонне 4 декабря, но, проведя рекогносцировку Чинглпута, решил оставить ее у себя в тылу и продолжить свой марш на север, к Мадрасу. Силы обороны, собранные британцами в этом городе, составляли тысячу семьсот пятьдесят европейцев и две тысячи двести сипаев, все под командованием полковника Стрингера Лоуренса. Полковник вывел большую часть этих войск в поле, чтобы наблюдать за передвижениями французов, медленно отступая перед ними по мере их продвижения; и 13-го все силы Лалли расположились лагерем на равнине, чуть более чем в миле к юго-западу от форта Сент-Джордж. Ближайший подход к форту был перекрыт двумя реками, более северная из них, называемая Трипликан, впадает в море примерно в тысяче ярдов к югу от гласиса; другая, известная как Северная река, омывает собственно подножие гласиса, но оттуда резко поворачивает на юг, чтобы присоединиться к Трипликану и впадать вместе с ним в море. Поэтому Лалли обошел форт Сент-Джордж с другой стороны, поскольку британцы по мере продвижения эвакуировали внешние посты перед ним, и обосновался в Черном городе на северо-западном фасаде форта, а оттуда вдоль его северной стороны к морю. Опираясь, таким образом, правой рукой на город, а левой - на пляж, он приготовился начать осаду Мадраса.

14 декабря.

Черный город был богат, и французские войска с уже ставшей для них привычной недисциплинированностью сразу же приступили к беспорядочному грабежу, в результате чего за короткое время многие из них напились до бесчувствия. Вслед за этим полковник Дрейпер предложил предпринять вылазку силами, и это предложение было одобрено как направленное на поднятие духа гарнизона. Соответственно, в одиннадцать часов следующего утра Дрейпер с пятью сотнями человек и двумя орудиями выступил из западного рavelина форта и, держа курс на запад, на некоторое расстояние повернул на север, на улицы Черного города, чтобы атаковать правый фланг французов, в то время как майор Бреретон с еще сотней человек последовал параллельным ему маршрутом, но ближе к форту, чтобы прикрыть его отступление. По какой-то ошибке черные барабанщики Дрейпера начали отбивать марш гренадеров сразу же, как только те вошли в город, и таким образом подняли тревогу. Французы выстроились на поперечной улице, чтобы принять атаку, но в суматохе перепутали направление наступления британцев и поджидали их в начале неправильной улицы, слишком далеко к западу. Поэтому Дрейпер подошел вплотную к их левому флангу, дал залп и, подтянув свои орудия, открыл огонь картечью. Через несколько минут все французы укрылись в соседних домах, и Дрейпер, приказав своим орудиям прекратить огонь, бросился вперед, чтобы захватить четыре пушки,

которые французы привезли с собой. Командовавший ими французский офицер предложил сдаться и ему самому, и его орудиям, когда Дрейпер, оглянувшись, обнаружил, что за ним следуют всего четыре человека, остальные, как и враг, бежали в поисках убежища по домам. Если бы британцы выполнили свой долг, атака Дрейпера, вероятно, положила бы конец осаде на месте; но так сложились обстоятельства, что французы, услышав, что пушки смолкли, быстро сплотились и, выбежав из домов в превосходящем количестве, открыли разрушительный огонь. Дрейперу пришлось бросить орудия и приказать отступить, французы последовали за ним по горячим следам. Его положение было критическим, поскольку он не мог отступить по маршруту своего наступления, но был вынужден свернуть на дорогу, ведущую к северной стене форта. Путь был прегражден стоячим рукавом Северной реки с единственным мостом; и в силах полка Лалли, находившегося слева от позиции французов, было достичь этого моста раньше него и таким образом отрезать ему путь к отступлению. Однако Бюсси, командовавший левым флангом французов, либо из ревности, либо, возможно, потому, что его люди были слишком сильно пьяны, чтобы двигаться, не воспользовался этой возможностью. Бреретон подоспел вовремя, чтобы прикрыть отступление Дрейпера, и британцы благополучно вернулись в форт. Они потеряли более двухсот человек убитыми, ранеными и пленными в этой неудачной атаке; и хотя французы понесли столь же большие потери, все же они одержали победу, в то время как британцы были деморализованы. Если бы полк Лалли выполнил свой долг, Мадрас, вероятно, пал бы через несколько дней. Так закончился эпизод, полностью дискредитирующий обе стороны.

1759.

Январь.

Февраль.

9 февраля.

17 февраля.

Теперь Лалли приступил к строительству батарей на северном и северо-западном фронтах форта, от Черного города до моря. Тем временем Кайо был отправлен в Танджор за войсками от раджи, а капитан Престон, командовавший гарнизоном в Чинглпуре, не переставал беспокоить французов постоянными мелкими нападениями и угрозой их коммуникациям. Наконец, 2 января французские батареи открыли огонь, который они продолжали в течение месяца, но без особого эффекта. Недисциплинированность, которую Лалли допускал во время своих предыдущих операций, сильно сказалась на эффективности осаждающих сил; и все продвигалось медленно и с трением. Наконец, 30 января прибыл британский корабль, чтобы пополнить гарнизон боеприпасами и деньгами, в которых остро нуждался; а 7 февраля Кайо, после бесконечных трудностей в Танджоре, присоединился к Престону в Чинглпуре и увеличил свои силы на тысячу триста сипаев и две тысячи танджорской конницы. Хотя половина сипаев и вся кавалерия ничего не стоили, все же этот рост численности в его тылу и известие о том, что эскадрон Покока находится на пути из Бомбея на помощь Мадрасу, вынудили Лалли принять решительные меры против чинглпурта. Соответственно, 9 февраля он выделил отряд из девятисот европейцев, тысячи двухсот сипаев и пятисот местных всадников с восемью полевыми орудиями, чтобы всерьез атаковать Кайо. Бой был жарким, и Кайо лишь с величайшим трудом удалось выстоять; но в конце концов французы были отброшены, а Чинглпурт, эта ужасная заноза, все еще терзал бок Лалли. Теперь его положение было отчаянным. Припасов, денег, боеприпасов не хватало, а его войска, как местные, так и европейские, таяли в результате дезертирства. Ему удалось пробить брешь в форте, но его

офицеры не желали предпринимать попыток штурма. Наконец, 16-го числа прибытие эскадрильи Покока, сразу освободившей Мадрас и угрожавшей Пондишери, положило конец его любимому проекту. К утру 17-го он полным ходом двинулся к Арко, оставив позади пятьдесят два орудия, все свои запасы и амунизию, а также сорок больных и раненых.

Так закончилась осада Мадраса, последнее наступательное движение французов в Индии. Это стоило гарнизону тридцати трех офицеров, пятисот восьмидесяти европейцев и трехсот сипаев убитыми, ранеными и пленными, в то время как еще более четырехсот сипаев дезертировали. К счастью, эскадрилья Покока доставила подкрепление, которое восполнило потери европейцев. Потери французской армии остаются неизвестными, но, были ли они значительными или нет, выжившие в любом случае были деморализованы. Лалли удалился с горькой яростью в сердце против властей Пондишери, чьей апатии и своекорыстию он приписывал свою неудачу. Несомненно, если бы они поддерживали его усилия лояльно и по-настоящему, его трудностей было бы бесконечно меньше, а шансов на успех пропорционально больше. Но даже если простить поспешный и властный нрав, который отдалил их от него, ничто не может смягчить две его кардинальные ошибки как солдата; во-первых, упущение в обеспечении безопасности Чинглеп-Пути, хотя захват был легким, и, во-вторых, пренебрежение к соблюдению дисциплины во всех званиях его армии. Жестокость без силы, энергия без дальновидности, властность без господства — это не те качества, которые делают из великого лидера в данной области.

1758.

А тем временем контрудар, подготовленный Клайвом, уже был нанесен один раз и вот-вот должен был нанести второй с удвоенной силой. Осенью 1758 года дела в Бенгалии шли не очень уверенно. Меер Джеффир не совсем смирился со своим марионеточным положением; но его дворяне были недовольны, его казна была пуста, а на северной границе ему угрожало вторжение из Ауде; так что он был вынужден неохотно прибегнуть к защите Клайва. Столь нестабильное положение дел не представляло идеального момента для ослабления небольшой силы, от которой могло зависеть британское влияние в этих провинциях; но Клайв, понимая, что уход Бюсси из Хайдарабада дает ему шанс заменить британское господство французским при деканском дворе, решил во что бы то ни стало воспользоваться им. Правитель одного из районов Северных сиркаров, раджа Анундерадж, уже поднял восстание против французов, захватил Визагапатам и обратился к Мадрасу за помощью. Для совместных операций с ним был отправлен агент; и Клайв, собрав силы из пятисот европейских пехотинцев и артиллеристов, ста ласкаров и двух тысяч сипаев, вместе с шестью полевыми орудиями и таким же количеством боевых орудий, отправил их из Калькутты в конце сентября. Командование было поручено подполковнику Форду.

Декабрь.

9 Декабря.

Путешествие затянулось из-за плохой погоды, и только 20 октября экспедиция достигла Визагапатама, откуда отправилась на соединение с войсками Анундераджа в Коссимкотах. Здесь еще одна задержка была вызвана нежеланием раджи выполнить свое обязательство по выплате жалованья британским войскам; но, наконец, 1 декабря отряд продвинулся вперед и 3 декабря оказался в поле зрения противника, который расположился лагерем в сорока милях к северу от Раджамандри, в пределах видимости форта Педдапор и по обе стороны большой дороги на юг. Французские войска, которыми командовал г-н Конфлан, состояли из пятисот

европейцев, шести тысяч сипаев и некоторого количества местных новобранцев. Армия Форда, со своей стороны, получила в свое распоряжение пятьсот никчемных всадников и пять тысяч пехотинцев, вооруженных в основном пиками и луками, которые представляли контингент Анундераджа. 6-го числа Форд продвинулся по большой дороге на расстояние четырех миль от Конфлана, но каждый офицер считал другого слишком сильным, чтобы подвергнуться атаке. Бездействие продолжалось до 8-го числа, когда оба командующих одновременно разработали независимые планы выхода из тупика. План Конфлана состоял в том, чтобы направить шесть орудий с достаточным количеством сил на высоту, которая господствовала над британским лагерем и которую Форд не занял. Форд, со своей стороны, решил сделать крюк в три мили до Кондоре, откуда он мог обогнуть позиции Конфлана и вернуться на большую дорогу к Раджамандри. Соответственно, в четыре часа утра 9-го Форд выступил вперед только со своими войсками, в то время как армия раджи, которая, хотя и была предупреждена, не была готова к выступлению, оставалась в лагере. Форд не успел продвинуться далеко, как услышал у себя в тылу грохот пушек Конфлана и получил жалобные послания от раджи о помощи. Повернув назад, он встретил бегущую толпу раджи и сплотил ее; после чего все войско продолжило свой марш и в восемь часов прибыло в Кондоре.

Конфлан, льстивший себе мыслью, что разгромил всю армию Форда, быстро последовал за ним, намереваясь помешать его возвращению в его прежний лагерь; и в своей поспешности наступать привел свой строй в беспорядок. Его европейский батальон находился в центре, с тринадцатью полевыми орудиями, распределенными по флангам, в то время как его правое и левое крыло состояли каждое из трех тысяч сипаев с несколькими громоздкими местными пушками. Форд выстроил свою линию примерно в том же порядке. В центре он поставил британцев, теперь представленных Сто Первым и сто Вторым пехотными полками, с шестью орудиями на флангах, и своих сипаев, в двух дивизиях по девятьсот человек в каждой, на каждом фланге; и он приказал войскам раджи держаться подальше от дороги в тылу. Затем он продвинулся под сильной канонадой противника на некоторое расстояние до Кондоре и остановился своим центром в тылу поля индийской кукурузы, которое полностью скрывало европейцев, но оставляло сипаев незащищенными на равнине с обеих сторон. Эти сипаи, будучи выходцами из Бенгалии, были одеты в алое, а не в белую одежду, которую носили их собратья в более жарком климате юга. Французы никогда не видели алого цвета, кроме как на телах европейских солдат, и Форд был полностью осведомлен об этом факте; поскольку он приказал сипаям свернуть старомодные ротные флаги, которые они все еще носили, как и свои полковые цвета, чтобы их было легче принять за регулярный британский батальон.

В пылу наступления вражеская пехота обошла свои орудия и двинулась вперед без них. Их линия из-за численного превосходства значительно обошла британцев с обоих флангов; но по мере того, как она приближалась, французский батальон в центре внезапно отклонился вправо, к левому крылу сипаев Форда. Конфлан заглотил наживку, подброшенную ему Фордом. Французский батальон, очевидно, принял сипаев за европейцев, поскольку, прежде чем вступить с ними в бой, он выстроил свои ряды, а затем открыл огонь взводами с расстояния в двести ярдов. Как ни велика была эта дальнобойность для старого мушкета, сипаи, увидев впереди европейцев и туземцев, угрожающих им с фланга, едва удержались, чтобы дать слабый залп, но немедленно сломались, несмотря на все усилия Форда, и обратились в бегство, преследуемые вражеской конницей. Конфлан немедленно выделил несколько взводов своих европейцев, чтобы присоединиться к преследованию; когда, к его ужасу, вторая линия алых войск неуклонно продвигалась из-за индийской кукурузы к земле, на которой стояли сипаи,

остановилась и выстроилась так хладнокровно, как на параде, а затем с таким же хладнокровием открыла огонь залпами дивизий слева.^[343] Первый залп сразил половину французских гренадер, и к тому времени, когда пятая и последняя дивизия нажала на спусковой крючок, весь европейский батальон Конфлана был разбит и в беспорядке отлетел к своим орудиям, находившимся в полумиле позади.

Форд, не в силах обуздать рвение своих людей, позволил им преследовать последовательно дивизии, возглавляя левую; но каждая дивизия маршировала слишком быстро, чтобы сохранить порядок, за исключением четвертой, которую капитан Йорк хорошо держал под рукой в качестве пункта сбора на случай неудачи. Но обошлось без неприятностей. Французы сплотились за своими пушками, но не успели сделать и пары выстрелов, как британцы обрушились на них, отогнали от батарей и захватили все орудия. Сипаи и местные новобранцы Франции практически не сопротивлялись после поражения своих европейцев, а британские сипаи правого толка вместе с несколькими сплотившимися беглецами левого толка двинулись вперед, чтобы присоединиться к своим товарищам-победителям. Как только они подошли, Форд произвел новую диспозицию и, не теряя ни минуты, двинулся дальше, чтобы атаковать лагерь Конфлана. Остатки французского батальона, размещенные в ложине перед ним, оказали слабое сопротивление; но, увидев приближающиеся британские орудия, повернули направо и обратились в бегство, а британцы бросились в погоню по горячим следам. Многие из беглецов бросали оружие и сдались; остальные вместе с остатками французской армии бежали в безнадежном замешательстве. Конфлан, отправив свой военный сундук и четыре полевых орудия, вскочил на лошадь и ускакал галопом, не останавливаясь, разве что для смены лошадей, пока не добрался до Раджамандри, расположенного в сорока милях отсюда. Из его европейцев семьдесят шесть офицеров и рядовых были убиты, многие ранены и пятьдесят шесть взяты в плен. Тридцать пушек, семь мортир и весь его багаж и транспорт были захвачены. Потери британцев составили не более сорока европейцев и более двухсот сипаев убитыми и ранеными. Если бы кавалерия раджи представляла хоть малейшую ценность, потери французов были бы гораздо больше; но быстрота Форда, развившего свой первый успех, сделала его победу достаточно полной. Это блестящее маленькое действие ознаменовало возвышение еще одного великого лидера среди британцев в Индии.

10 декабря.

11 декабря.

Сильно утомленный британский батальон был остановлен после боя во французском лагере, но в тот же вечер капитан Нокс с правым крылом сипаев был отправлен вперед, к Раджамандри. На следующий день к нему присоединилось еще одно подкрепление из сипаев, и французы, все еще находясь под влиянием паники, эвакуировали форт. Нокс немедленно вошел в него и, направив оружие на беглецов, хотя и был далеко за пределами досягаемости, снова заставил их бежать. Таким образом, Раджамандри, ворота и барьер района Визагапатам, перешли в руки британцев со всей своей артиллерией, боеприпасами и складами. Форд прибыл туда с остальной армией 11-го числа, стремясь развить свой успех наступлением на Масулипатам. Этот самый важный город и центр французского влияния в провинции был вдвойне важен для врага как база, с которой он мог в любой момент вернуть себе утраченную территорию. Форде, однако, испытывал нехватку денег, в получении которых он полагался на обещания Анундераджа. Раджа, как это свойственно его роду, теперь отказался ни предоставить средства, ни отправить свой сброд сопровождать его. Наконец, после шести недель

переговоров этого достойного сожаления монарха побудили, отчасти благоприятные условия выплаты долга, отчасти сильный испуг, выполнить свое обязательство; но пятьдесят драгоценных дней были потеряны, и французы получили время прийти в себя.

1759.

Февраль.

Март.

28 января Форд возобновил свой марш и 6 февраля занял Эллору, расположенную в сорока восьми милях к северу от Масулипатама. Здесь он снова был вынужден остановиться из-за медлительности раджи в отправке припасов; но из-за этого он не бездействовал. Конфлан, справившись с охватившей его паникой после "Кондоре", заменил гарнизоны в Нарсипоре и Конкале, двух отдаленных опорных пунктах к северу от Масулипатама, и организовал наблюдательную армию, состоящую из двухсот пятидесяти европейцев и двух тысяч сипаев под командованием г-на дю Роше. Расположение этих последних сил было настолько ошибочным, что оставило Нарсипур в изоляции, и Форд, не теряя времени, послал капитана Нокса с отрядом сипаев захватить его. Французский комендант поста, как только его предупредили о приближении Нокса, эвакуировался из Нарсипора и присоединился к армии дю Роше. Затем последовала еще одна задержка, и только 1 марта Форд снова смог двигаться. Два дня спустя Конкал был взят, хотя его весьма доблестно защищал французский сержант; а 6-го числа, перейдя вброд, мы оказались в поле зрения Масулипатама. Конфлан занимал сильную позицию перед городом, которую он мог бы удержать с выгодой для себя; но сердце его дрогнуло, и он отступил за укрепления.

7-25 марта.

27 марта.

1 апреля.

Оборона Масулипатама была улучшена французами с момента их вступления во владение в 1751 году и теперь представляла собой неправильный параллелограмм, открытый с южной стороны, где широкое устье реки обеспечивало достаточную естественную защиту, и закрытый с трех других сторон глинобитными стенами, облицованными кирпичом и укрепленными одиннадцатью бастионами: также был мокрый ров и узкое пространство между рвом и парапетом, обнесенное частоколом, но гласиса не было. Со стороны суши форт был повсюду окружен густым болотом, дорога в город вела по дамбе к главным воротам на северо-западном фасаде. Эта дамба была перекрыта на расстоянии ста двадцати ярдов от стены парапетом, оканчивавшимся равелином, который господствовал на всем протяжении дороги.

Единственное надежное место в пределах досягаемости форта находилось на нескольких песчаных холмах к востоку и западу от него; те из них, что находились на восточной стороне, в пределах восьмисот ярдов от стены, были выбраны Фордом для своей позиции. О регулярных подходах для формальной осады не могло быть и речи для столь небольших сил, поэтому Форд был вынужден начать возведение батарей на песчаных холмах, чтобы оттуда управлять укреплениями, насколько это было возможно. Все восемнадцать последующих дней были посвящены строительным работам: осадные орудия выгружались с кораблей, следовавших за передвижениями армии вдоль побережья. В течение этого короткого периода казалось, что сама судьба распорядилась так, чтобы воздвигнуть все возможные препятствия на пути к успеху Форда. Не успел он окружить Масулипатам, как наблюдательная армия дю Роше внезапно

активизировалась и двинулась в обход Раджамандри и британских коммуникаций с севером. Офицер, командовавший этим фортом, будучи не в состоянии организовать какую-либо защиту, был вынужден отослать на более надежное хранение крупную сумму наличными, полученную из Бенгалии; и, таким образом, запас наличных денег у Форда был перекрыт. Затем Дю Роше продвинулся немного к северу от Раджамандри, поклявшись отомстить стране Анундераджа, и так напугал малодушного раджу, что тот отказался использовать свои деньги или кредит для службы британской армии. Форд остался абсолютно без гроша в кармане. Он уже занял все призовые деньги своих офицеров и даже своих солдат и не знал, куда обратиться за наличными для выплаты жалованья своим войскам. Солдаты забеспокоились и были недовольны, и 19-го числа все европейцы подняли оружие в открытом мятеже и пригрозили уйти маршем. С большим трудом Форд убедил их вернуться, и мужчины, как только они примирились, вернулись к работе со всем своим прежним рвением. Но не прошло и двух дней, как батареи были достроены, когда пришло известие, что вице-король Салабад Джанг прибыл к реке Кистнах, не более чем в сорока милях отсюда, с армией в сорок тысяч человек, чтобы изгнать незваных гостей, осмелившихся вторгнуться в провинции, находящиеся под его сюзеренитетом. От него прибыли гонцы, требовавшие от Анундераджа немедленно покинуть британию и встать под его знамена; и перепуганный раджа действительно начал возвращаться в свою страну. Он лишь с трудом вспомнил заявления Форда о том, что его единственный шанс отступить - остаться с британцами. В слабой надежде выиграть время Форд предложил начать переговоры с Салабадом Юнгом, который, к его великому облегчению, согласился принять своего эмиссара и обязался в настоящее время не продвигаться дальше. Таким образом, здесь была передышка, хотя и не такая, на которую можно было рассчитывать при длительной выдержке.

6апреля.

Между тем, начиная с 25 марта, батареи Форда вели ожесточенный огонь; и, хотя повреждения, нанесенные укреплениям днем, регулярно устранялись осажденными ночью, три бастиона были достаточно разрушены, чтобы обеспечить плацдарм для штурмующего отряда. Но теперь погода изменилась, и 5 апреля южный муссон разразился проливным дождем, который промочил болото вокруг форта до глубины души. На следующее утро буря утихла, но наступивший день принес Форду самые мрачные вести. Салабад Юнг наступал со стороны Кистны, и дю Роше был на стыке с ним. Наконец, в тот же вечер артиллерийские офицеры доложили, что для батарей осталось боеприпасов всего на два дня. Таким образом, наступил кульминационный момент. Перед Форде была крепость с гарнизоном, превосходящим по численности его собственную армию; позади него были силы, превосходившие его собственные более чем в десять раз к одному; его коммуникации были перерезаны, а боеприпасы и финансовые средства истощены. У него была возможность сесть на корабль и с позором удалиться морем или поставить все на единственное отчаянное предприятие. Он выбрал более смелый курс и решил штурмовать форт.

Во время осады было замечено, что в юго-западном углу форта, примыкающем к проливу, не было построено ни одного рва; земля и без того представляла собой сплошную трясику, которую вполне можно было считать более трудным препятствием, чем любой ров. Однако не раз видели, как туземцы переходили через эту трясику; и капитаны Йорк и Нокс, попробовав ее, обнаружили, что она действительно жесткая и тяжелая, но глубиной не более чем по колено.

Таким образом, это была точка, в которой можно было провести по крайней мере ложную атаку, и Форд решил воспользоваться этим преимуществом. Другой точкой, в которую можно было направить ложный выпад, был рavelин за главными воротами. Настоящая атака по необходимости должна была быть нанесена против фронта, поврежденного батареями; и северо-восточный бастион, известный как Хамелеон, был выбран местом. Необходимая диспозиция была быстро согласована. Часть войск раджи должна была охранять лагерь, а остальные - устроить демонстрацию против рavelина. Капитан Нокс с семьями сипаями должен был провести ложную атаку на юго-западный угол, а остальные войска были выделены для настоящего штурма бастиона Хамелеон. Европейцы, которых насчитывалось всего триста сорок шесть человек, включая артиллеристов и тридцать матросов, позаимствованных с кораблей, были разделены на две дивизии: первая под командованием капитана Каллендара, вторая под командованием капитана Йорка; в то время как из семисот оставшихся сипаев часть сформировала третью дивизию под командованием капитана Маклина, а остальные составили резерв под командованием самого Форда. Было приказано, чтобы настоящая и ложная атаки начались одновременно в полночь, когда прилив будет на исходе и уровень воды во рву составит не более трех футов; и последний удар гонга в форте должен был послужить сигналом для штурмующих сторон к наступлению.

7апреля.

8апреля.

Весь дневной свет 7 апреля британские батареи вели ожесточенный огонь, ведя беспристрастный огонь по трем бастионам восточного фронта. Наконец наступила ночь, заставив замолчать орудия, и в десять часов войска перешли в наступление. Нокс, которому предстояло преодолеть большее расстояние, двинулся первым, и вскоре его колонна растворилась в темноте. Минуты летели незаметно, и настало время для наступления европейских войск; но капитана Каллендара, командира первой дивизии, нигде не было видно. Последовали тревожные расспросы и поиски, но пропавшего офицера обнаружить не удалось; и наконец, после того как были потеряны драгоценные полчаса, капитан Фишер занял его место, и колонна двинулась дальше без него. Люди все еще пробирались через болото к бастиону Хамелеон, когда звук стрельбы сообщил им, что Нокс, точный с точностью до секунды, начал свою ложную атаку. Ускорив шаг, насколько могли, они тяжело продвигались вперед, по колено в трясине через болото, по пояс в грязи и воде через ров; когда, как раз в тот момент, когда колонна Фишера достигла частоккола, резкий огонь из бреши и с бастионов с обеих сторон показал, что они были обнаружены. С еще большим рвением люди Фишера рубили частоккол, в то время как дивизия Йорка атаковала бастион Сент-Джонс слева от него, а Маклин - бастион Малых ворот справа. Солдаты быстро падали, но вскоре частоккол был разобран, и первая дивизия, ворвавшаяся в брешь, выбила французов из бастиона Хамелеон. Фишер остановился, ожидая прибытия Йорка со вторым подразделением, а затем два офицера разделились: Фишер пошел направо, чтобы очистить северную часть, а Йорк - налево, чтобы очистить восточную сторону форта.

Найдя полевое орудие с боеприпасами в бастионе Хамелеон, Йорк сразу же направил его вдоль вала на юг и готовился сам последовать в том же направлении, когда заметил отряд французских сипаев, продвигавшихся между валом и зданиями города, чтобы укрепить бастион

Хамелеон. Он мгновенно сбежал вниз и, схватив офицера, стоявшего во главе их, приказал им сложить оружие и сдаться. Пораженные до такой степени, что даже не думали о сопротивлении, они подчинились и были немедленно отправлены обратно на захваченный бастион; в то время как Йорк, выбрав путь, по которому они продвигались, надавил на бастион Святого Иоанна. Французская гвардия, укрывшаяся под углом от шквального огня полевой пушки Йорка, открыла по нему огонь и сразила немало его людей, но сразу же после этого сдалась. Они тоже были отправлены обратно в бастион Хамелеон, где сипаи взяли их под свою опеку; и Йорк продолжил свой путь к следующему бастиону на юге, названному Голландским бастионом, где повторилась та же сцена, и новая партия пленников была отправлена обратно под опеку сипаев. Бастион Франсуа, самый южный из всех, единственный оставался не взятым, и Йорку не терпелось развить свой успех; но теперь люди отступали. Дивизия была изрядно поредела из-за предыдущих потерь и отряда охраны заключенных и захваченных бастионов; и горстка людей, оставшихся с капитаном, начала задаваться вопросом, чем закончится такая работа. Угрозами и увещеваниями Йорк через некоторое время убедил их последовать за ним; но, проходя мимо расходного склада немного дальше от голландского бастиона, один из матросов заметил в нем бочки с порохом и закричал: "Мина, мина". Немедленно все в панике бросились обратно к бастиону Хамелеон; и Йорк остался один, а его черные барабанщики рядом с ним тщетно отбивали марш гренадеров. К счастью, стражники на захваченных бастионах стояли крепко; и Йорк, вернувшись к беглецам, которые собирались покинуть форт, остановил панику, пригрозив смертью первому, кто попытается бежать. Собрав тридцать шесть человек, он вернулся, чтобы завершить свою работу; но задержка дала французам в бастионе Франсуа время навести орудие на линию его наступления. Дождавшись, пока его отряд подойдет на близкое расстояние, они открыли огонь, убив шестнадцать из них наповал и ранив еще нескольких, включая самого Йорка, который был повержен на землю с пулевыми ранениями в каждое бедро. Выжившие подняли его и унесли; но с его падением атака в этом квартале на время прекратилась.

Фишер тем временем добился еще больших успехов на северном фронте. Он без труда очистил два первых бастиона и, достигнув третьего по дамбе, захватил ворота и отрезал войска в равелине от форта. Капитан Каллендар, пропавший офицер, внезапно появился, неизвестно откуда, в разгар драки, но был немедленно застрелен; а Фишер все еще продвигался вперед, когда получил приказ от Форда остановиться. Конфлан на протяжении всей атаки оставался у южного фаса форта, совершенно сбитый с толку и усугубляя общую неразбериху чередой противоречивых приказов. Атака Нокса отвлекла его с одной стороны, войска раджи подняли невообразимый шум у равелина, а настоящее наступление на восточном фронте изрядно подорвало его дух. В тот самый момент, когда люди Йорка в замешательстве возвращались с бастиона Франсуа, он отправил гонца в Форд, предлагая сдаться на почетных условиях. Форд был слишком умен, чтобы выдать собственную слабость. Он ответил, что не может слышать ни о чем, кроме как о сдаче по собственному усмотрению; и Конфлан, решив, что его положение безнадежно, согласился. Пятьсот европейцев и две тысячи французских сипаев сложили оружие, и британцы стали хозяевами Масулипатама.

Так закончилось это дерзкое и удивительное приключение, в результате которого британцы потеряли всего восемьдесят шесть европейцев и двести сипаев убитыми и ранеными. Салабад Юнг был в пределах пятнадцати миль, а дю Роше даже ближе во время штурма; но победы было достаточно, чтобы парализовать и их. Вице-король быстро согласился начать переговоры, и хотя он торговался, по обычаю своей расы, целый месяц, в конце концов заключил договор, по

которому он предоставлял британцам восемьдесят миль побережья и обязывался не только никогда больше не принимать французские войска, но даже заставить тех, кто остался, покинуть Сиркары. Таким образом, округ был не только обезопасен, но и французское влияние было смещено в пользу британского при дворе Хайдарабада. Таковы были награды, полученные благодаря воле, находчивости и решимости одного человека, у которого хватило сил разорвать путы, которые судьба сплела вокруг него как раз тогда, когда они, казалось, сомкнулись над ним навсегда.

ГЛАВА VII

1759.

Март.

Неудача Лалли под Мадрасом не могла не поднять репутацию британии и не подорвать репутацию французов; и различные мелкие вожди, которые долгое время колебались в Карнатике, теперь определенно связали свою судьбу с победителями. Тем не менее успех британцев мог быть лишь отрицательным, если бы территория, прилегающая к Мадрасу, не была немедленно восстановлена и защищена; и к этой задаче власти мудро отнеслись без промедления. Уже прибывшее подкрепление вместе с двумя ротами, недавно вернувшимися из Бенгалии, оставило британцев с силами в тысячу сто европейцев, полторы тысячи сипаев и три тысячи местных иррегулярных войск, пригодных для выступления в поход; но из-за трудностей с транспортом и припасами войска были не в состоянии продвигаться вперед до 6 марта. Тем временем Лалли двинул свою армию на восток от Арко к Конджевераму, откуда сам вернулся в Пондишери, оставив командовать г-на де Супира с приказом не рисковать общими действиями. С британской стороны командование также перешло из рук в руки из-за ухудшающегося здоровья Дрейпера и Лоуренса и перешло к майору Бреретону из полка Дрейпера.

6 апреля.

15апреля.

Целых три недели две враждебные армии оставались в поле зрения друг друга: де Супир ожидал нападения, а Бреретон справедливо отказывался вступать с ним в бой, за исключением открытой равнины. Захват Конджеверамы был важен для британцев, поскольку форт прикрывал те районы, которые они уже отвоевали, и таким образом освобождал их армию для службы в более отдаленных районах. Наконец Бреретон решил выбить де Супира, если это возможно, создав угрозу его коммуникациям к югу от Пальяра; поэтому, двинувшись маршем на Вандевош, самую важную французскую станцию между Мадрасом и Пондишери, он прорвался перед ней, как бы для официальной осады. Де Супир не предпринял попытки последовать за ним, но, оказавшись в затруднительном положении из-за денег и припасов, оставил небольшой гарнизон в Конджевераме и удалился в Арко, вполне довольный тем, что смог добраться до него, не рискуя вступить в бой. Вслед за этим Бреретон совершил форсированный марш на Конджеверамы, прежде чем де Супир осознал, что тот выступил из Вандевоша, без особого труда взял форт штурмом.

Июнь.

Лалли, который при известии об осаде Вандевоша двинулся из Пондишери на север, остановился, услышав о взятии Конджеверама, и, наконец, занял позицию в семи милях к западу от крепости. Там майор Монсон, принявший командование от Бреретона, трижды предлагал ему сражение; но Лалли отказался и через несколько недель снялся с поля боя, распределив свои войска по местам расквартирования в Арко, Коврепоке, Карангули и Читтапетте. По правде говоря, его армия быстро становилась все хуже и хуже. Недавний обмен пленными вернул ему пятьсот французских солдат, которые, прожив пять лет праздной и отнюдь не некомфортной жизнью под стражей у британцев, были очень далеки от желания возобновить тяжелую работу в полевых условиях. Их недовольство вскоре распространилось на их товарищей и распространялось не менее быстро, поскольку всем одинаково нерегулярно платили. Действительно, гарнизоны как в Арко, так и в Коврепоке предлагали передать эти станции британцам за деньги, однако в последний момент их сердца дрогнули, и они отказались от своей сделки. Но события начали неуклонно разворачиваться против французов, в то время как британцы набирали силу со всех сторон. В конце июня из Англии прибыли двести новобранцев и принесли известие, что полковник Эйр Кут также направляется в Мадрас со своим собственным батальоном численностью в тысячу человек, который недавно был сформирован в Англии. Бреретон, который снова принял командование, воспользовался возможностью, предоставленной его собственными силами и недовольством французов, чтобы совершить бросок на Коврепок, который сдался почти без сопротивления. Прилив британского могущества медленно, но верно полз на юг.

Июль.

Тем временем тревожные симптомы наблюдались в другом квартале, от которого британское влияние в течение нескольких лет почти не страдало. Поступали сведения о голландском вооружении, снаряжаемом в Батавии для Бенгальского залива, которое, хотя номинально предназначалось только для усиления голландских гарнизонов, не могло, из-за известной зависти голландцев к успехам британцев в Бенгалии, быть приписано каким-либо очень дружественным намерениям. Адмирал Покок, который крейсировал у Пондишери в ежедневном ожидании французской эскадры, уже подобрал транспорты с пятью ротами полка Кута и получил разрешение оставить эти войска для укомплектования своих кораблей в ожидании сражения, которого он ждал, с адмиралом д'Аше. Однако вид голландского флота в Негапатаме убедил его, что войска понадобятся на берегу; и он соответственно отправил их в Мадрас, рекомендуя, чтобы по крайней мере часть из них была переправлена в Бенгалию. Вскоре станет ясно, что Покок действовал с замечательной рассудительностью и дальновидностью.

Август.

Сентябрь. 10.

Сентябрь. 26.

29 сентября.

Это осложнение немало усилило беспокойство британцев, хотя известия о продолжающихся проблемах Лалли с его войсками принесли некоторое облегчение. В начале августа его собственный полк, находившийся в гарнизоне в Читтапетте, поднял открытый мятеж и выступил из форта с явным намерением присоединиться к британцам. Их офицеры последовали за ними

и обещаниями погасить задолженность по жалованью, просроченную уже на несколько месяцев, сумели умиротворить большинство из них; но шестьдесят человек упорствовали в своем решении и сознательно приводили его в исполнение. Власти Мадраса воспользовались моментом, чтобы отдать приказ о наступлении на ВанDEVаш; но прежде чем войска смогли выступить, поступили новые важные разведданные. Д'Аше прибыл к побережью и в третий раз был атакован Пококом; и бой, хотя и тяжелый, закончился нерешительно отступлением французской эскадры в Пондишери. Поэтому было неясно, какие подкрепления могли быть высажены для защиты ВанDEVоша; кроме того, в качестве дополнительной причины для осторожности имелись неприятные признаки возобновления французских интриг в Хайдарабаде. Но Бреретон, зная, что вскоре должен прибыть Эйр Кут, чтобы принять от него командование, горел желанием наступать, а у властей не хватило духу приказать ему остановиться. Соответственно, после некоторой задержки из-за сильного дождя Бреретон выступил из Конджеверама с пятнадцатью сотнями европейцев и двумя с половиной тысячами туземцев-пехотинцев, не считая кавалерии и артиллерии, и, введенный в заблуждение ложной информацией о численности французского гарнизона, атаковал Вандуш только с тысячей британцев. Несмотря на успех с самого начала, в конце концов он был отброшен с потерей двухсот человек. Обратное было неудачным в столь критический момент, но, к счастью, оказалось недостаточным, чтобы поколебать уверенность британских войск в себе.

Ноябрь.

В любом случае, более того, Лалли был не в том положении, чтобы воспользоваться своим успехом. Д'Аше, хотя лично он был храбрым человеком, был настолько огорчен своей третьей неудачей, что вопреки всем протестам отплыл на Маврикий, оставив Покока хозяином моря. Его дезертирство стало тяжелым ударом для Лалли, так как недисциплинированность его войск постоянно росла. Отчаявшись в помощи из других источников, он вернулся к тому, от чего поначалу так поспешно удалился, - ко двору Хайдарабада, хотя дела там сильно изменились после отъезда Бюсси. Салабад Юнг перешел на сторону британцев во время штурма Масулипатاما; его брат Низам Али всегда был злейшим врагом Бюсси; но был еще третий брат, Басалут Юнг, который ненавидел своих братьев и проявлял дружеское расположение к Пондишери. Теперь к нему обратился Бюсси с предложением стать наместником Карнатика, если он присоединится к французам с отрядом туземных войск. Условия были согласованы; Басалут Юнг начал наступление вдоль Пеннара; и Бюсси направлялся к нему с пятью сотнями европейцев, когда его отозвали из-за вспыхнувшего опасного мятежа гарнизона, который он оставил позади себя в ВанDEVоше. Повернув назад, он сумел путем уплаты шестимесячной задолженности привести людей к повиновению; но этот инцидент оказался фатальным для его переговоров с Басалутом Юнгом; и после нескольких дней бесплодного торга он вернулся в Аркот, не пополнив свои силы, за исключением нескольких нерегулярных конных и пеших рекрутов.

24 ноября.

29 ноября.

12 декабря.

Потерпев неудачу в этом направлении, Лалли в отчаянии решил совершить отвлекающий маневр на юге и послал отряд из девятисот европейцев и тысячи сипаев под командованием М. Крийона, чтобы поднять тревогу в Тричинополи, в то время как сам двинулся на север, чтобы

присоединиться к Бюсси в Арко. Крийону должным образом удалось захватить остров Серингем, и он оставил там батальон французов, чтобы держать город в страхе; но опрометчивое разделение сил Лалли между такими отдаленными пунктами, как Арко и Трихинополи, дало британцам возможность, которой они не преминули воспользоваться. Кут с остатками своего полка, всего в шестьсот человек, прибыл в Мадрас и, хотя был вынужден немедленно отправить двести человек в Бенгалию, смог восполнить недостаток примерно таким же количеством обмененных пленных, которые прибыли из Пондишери. 21 ноября Кут прибыл в британский лагерь в Конджевераме, где через два дня к нему присоединились вновь прибывшие войска. Он уже принял решение атаковать Вандеваш; но, чтобы скрыть свои намерения, он отправил один отряд под командованием Бреретона захватить форт Триваторе на дороге, другой отряд с тяжелой артиллерией отправил в Чинглпур, а сам двинулся на Аркот. Бреретон без труда захватил Триваторе и, немедленно наступая на Вандевош, разгромил французские аванпосты и начал сооружать батареи. После этого Кут немедленно присоединился к нему форсированным маршем; 29-го числа его батареи открыли огонь, и в тот же день Вандевош сдался. Без промедления Кут двинулся к Карангули, расположенному в тридцати пяти милях к востоку, и взял его также после нескольких дней осады. Затем, призвав к себе все подразделения, он 12 декабря воссоединил все свои силы в Вандевоше.

19 Декабря.

Теперь Лалли осознал пагубные последствия своей диверсии на юге. Захват Вандевоша и других фортов сразу восстановил репутацию, которую британцы могли потерять из-за успеха Крильона при Серингеме, в то время как овладение этими фортами было солидным приобретением для его врага. Поэтому он поспешно отозвал Крийона, приказав ему оставить триста человек только в Серингеме и присоединиться к нему с остальными его войсками в Арко. Тем временем иррегулярная кавалерия Бюсси из этого города сеяла опустошение к северу от Палиара на расстоянии двадцати миль от самого Мадраса. Ужас перед этими бандами мародеров вынудил всех туземцев покинуть открытую местность и укрыться в горах; и Кут, который продвинулся на расстояние нескольких миль от Арко, как будто для того, чтобы перехватить Крийона на марше, был вынужден из-за нехватки припасов и ненастной погоды перейти Палиар и распределить свои войска по местам расквартирования. Так закончились в настоящее время разрозненные и нерешительные операции в Карнатике в 1759 году.

Октябрь.

Ноябрь.

В течение этих последних месяцев всякая надежда, которую Лалли мог бы питать на отвлечение британских войск в Бенгалию из-за угроз голландцев, уже была разбита вдребезги. Голландское вооружение, в отношении которого Покок так сильно подозревал, отплыло в устье реки Хугли в октябре; и Меер Джеффир, устав от своего подчинения и зависимости, отправился в Калькутту, чтобы договориться с ними о свержении британского режима в Бенгалии. Голландские силы на борту флота состояли из семисот европейцев и восьмисот обученных малайцев; в то время как в Чинсуре, их поселении на реке Хугли, находилось сто пятьдесят голландских солдат, а также туземных рекрутов, число которых при попустительстве и помощи меера Джеффира с каждым днем увеличивалось. Чтобы противостоять этой опасности, Клайв мог собрать в Калькутте и ее окрестностях всего триста тридцать человек из Сто Первого полка и тысячу двести сипаев; но он был человеком, привыкшим сталкиваться с серьезными

трудностями. Призвав к себе всех, кого можно было спасти, с отдаленных постов, он созвал ополчение для защиты Калькутты, организовал два небольших отряда добровольцев, как конных, так и пеших, приказал британским кораблям плыть вверх по Хугли и усилил батареи, господствовавшие над рекой. В начале ноября Форд и Нокс прибыли только что с триумфа при Масулипатаме, как раз вовремя, чтобы снабдить Клайва двумя замечательными командирами. Ноксу было поручено командовать батареями, а Форде - полевыми войсками.

24 ноября.

На второй неделе ноября голландцы направили длинное письмо с протестом и жалобой в Калькутту, а вскоре за ним последовал захват нескольких небольших британских судов и сожжение дома британского агента в Фульте; после чего они снялись с якоря и поднялись вверх по реке. Вслед за этим Клайв приказал Форду двигаться вперед через Серампур на Чинсуру. Форд выступил соответственно с сотней из Сто Первого, четырьмя сотнями сипаев и четырьмя орудиями и 23-го числа расположился лагерем в пригороде Чандернагора, в трех милях от Чинсуры. Голландцы в тот же вечер послали сто двадцать европейцев и триста сипаев из Чинсуры занять позицию в руинах Чандернагора и преградить ему путь к дальнейшему продвижению. Эти форде атаковали и наголову разбили их на следующее утро, захватив их орудия и преследуя их до стен Чинсуры. Таким образом, была уничтожена одна часть голландских войск, которая, если бы дождалась взаимодействия войск на реке, могла бы поставить Форде между двух огней.

Вечером в день сражения Нокс присоединился к полковнику и увеличил свои силы до трехсот двадцати европейских пехотинцев, пятидесяти добровольческих кавалеристов, восьмисот сипаев и ста туземных кавалеристов; с которыми Форд столкнулся, собираясь расправиться с остальным противником. Голландская эскадра из-за нехватки лоцманов медленно продвигалась вверх по реке, но 21-го числа она встала на якорь прямо под британскими батареями и высадила войска на западном берегу с приказом идти в Чинсуру; выполнив это, корабли снова спустились вниз по течению к Меланхоли-Пойнт. Там на следующий день вооруженные ост-индцы Клайва под командованием капитана Уилсона атаковали их тремя кораблями против семи и захватили шесть из них на месте, оставив только одного спасаться бегством и стать легкой добычей двух британских военных кораблей, прибывших в устье реки. Эта великолепная маленькая операция отрезала голландские войска от их базы и гарантировала, что любое отступление будет для них фатальным. И это отступление не заставило себя долго ждать. В тот же вечер Форд узнал, что голландская армия встретится с ним завтра, и написал Клайву за инструкциями. Клайв играл в вист, когда до него дошло письмо. Он отложил карты и, не вставая из-за стола, написал на обороте письма: "Дорогой Форд, сражайся с ними немедленно. Я пришлю тебе Приказ завтра на Совете". Затем, снова взявшись за руку, он продолжил игру.

25 ноября.

Соответственно, ранним утром 25-го Брод занял позицию на полпути между Чандернагором и Чинсурой и по обе стороны дороги, соединяющей их. Его правый фланг опирался на деревню Бадара, а левый - на манговую рощу, обе из которых он занял; в то время как его фронт был прикрыт широким, глубоким оврагом, за которым он разместил свои четыре орудия. Около десяти часов голландские войска были замечены приближающимися по равнине, и как только они оказались в пределах досягаемости, артиллерия Форда открыла огонь. Тем не менее

голландцы продвигались вперед с большой твердостью, пока, к своему ужасу, не обнаружили, что остановлены ущельем, о котором они ничего не знали. Передовые отряды волей-неволей резко остановились, в то время как задние, не понимая причины, двинулись дальше и привели весь корпус в замешательство. Форд продолжал обстреливать их артиллерией и мушкетами, пока они не дрогнули, а затем воспользовался моментом, чтобы бросить на них свою горстку европейской кавалерии. Это привело их в еще большее смятение, и туземная конница, атаковавшая в свою очередь, довершила разгром. Все силы противника, за исключением шестидесяти голландцев и двухсот пятидесяти малайцев, были убиты, ранены или взяты в плен; и голландские поселения, поверженные в прах, просили не только о пощаде, но и о защите. Клайв использовал свою возможность, чтобы сковать их, чтобы они никогда больше не могли угрожать британскому господству в Бенгалии; а голландцы в Европе, находясь в союзе с Англией, дезавуировали действия своего флота и выплатили компенсацию за нанесенный им ущерб. Таким образом, голландская экспедиция не только не отвлекла британские войска от основного конфликта, но лишь укрепила основы британского господства, уничтожив еще более старого соперника, чем Франция. Таким образом Клайв и Форд могли бы извлечь выгоду из невзгод.

1760.

8 января.

13 января.

15 января.

21 января.

Смертельный удар по французскому соперничеству также был теперь близок. 8 января силы Крийона достигли Арко; а вечером 11-го, после трехдневных маневров, Лалли разделил свою армию на две колонны и, оставив Бюсси с одной из них в Триваторе, с другой совершил форсированный марш на Конджеверам. Его махраттская кавалерия настолько эффективно прикрывала его передвижения, что Кут ничего не знал о них, пока не получил сообщение от офицера, командовавшего самим Конджеверамом. Он сразу же предпринял форсированный марш, чтобы спасти форт, но по прибытии обнаружил, что Лалли удовлетворился разграблением города и отправился на соединение с Бюсси в Триваторе. Взяв пятьсот европейцев, тысячу сипаев и шестьсот пятьдесят французских и махраттских всадников, Лалли 14-го числа покинул Триваторе и двинулся на Вандеваш, что с самого начала было его истинной целью. Кут получил известие о его отъезде в тот же вечер и на следующий день также двинулся прямой дорогой в ту же точку. Тем временем Лалли, стремясь отбить пост до прибытия Кута, утром 15-го напал на небольшой британский отряд в южном пригороде и с некоторым трудом загнал его в форт; после чего он начал возводить батареи у стен. 17-го числа он узнал от Басси, что Кут продвигается против него; к этому времени британцы действительно прибыли в Утрамалор, примерно в пятнадцати милях к северо-востоку от Вандевоша. Здесь Кут остановился, убедившись в безопасности своих коммуникаций с Чинглпутом и Мадрасом, и решил не рисковать, пока французы не будут готовы штурмовать форт. Французские работы тем временем продвигались, но медленно; и только 20-го числа батареи открыли огонь, а колонна Бюсси тем временем присоединилась к Лалли из Триваторе. На следующий день Кут продвинулся на расстояние семи миль от Уондуоша, а 22-го, приказав остальной армии немедленно следовать за ним, он на рассвете выступил со своей кавалерией на разведку.

22 Января.

Около семи часов передовой отряд Кута напал на передовой отряд туземной конницы Лалли; и вскоре три тысячи кавалеристов магратты хлынули по равнине перед ним. Кут подтянул пару орудий, замаскированных за спиной его собственной кавалерии, и, развернув свои эскадроны вправо и влево, оказавшись на близком расстоянии, открыл огонь, который заставил махраттов отступить с большими потерями. Затем, остановив основные силы своей армии, он двинулся вперед, чтобы осмотреть лагерь французов. Он обнаружил, что она размечена в две линии примерно в двух милях к востоку от форта и обращена на восток, левый фланг каждой линии прикрывался большим танком. Впереди их левого фронта шли два меньших танка, из которых передний был превращен в окоп и вооружен пушкой, чтобы охватить весь фронт лагеря и контролировать равнину за ним. Оставив передовой отряд стоять на месте, он вернулся и вывел свою основную армию, построенную в две линии, в боевом порядке перед лагерем. Обнаружив после короткого привала, что Лалли не обратил на это никакого внимания, он приказал всем войскам двинуться направо через фронт французов к подножию горы, которая находилась примерно в двух милях к северу от форта. Как только передовые отряды достигли каменистой местности, непроходимой для кавалерии, недалеко от подножия горы, Кут снова остановился и встал фронтом на расстоянии примерно полутора миль от противника. Видя, что это движение также осталось незамеченным, он приказал армии выстроиться вдоль подножия горы вокруг французского левого фланга. Двигаясь таким образом вдоль холма до тех пор, пока он не окажется напротив форта, он сможет сформировать свою линию, опираясь левой рукой на гору, а правой прикрываясь огнем форта, таким образом, сразу обеспечив связь с гарнизоном и угрожая французскому флангу и тылу.

Прежде чем этот мастерский маневр мог быть полностью завершен, Лалли поспешно вышел из своего лагеря; и вскоре было замечено, что вся французская армия пришла в движение. Вслед за этим Кут отказался от своего движения в обход их левого фланга, остановил свои наступающие колонны и, развернув их фронтом влево, выстроил свою боевую линию наискосок к противнику. Таким образом, Лалли был вынужден отменить заранее подготовленную диспозицию, сменить фронт с востока на северо-восток и, все еще опираясь левой рукой на окопавшийся танк, двинуться вперед правой, чтобы провести свою линию параллельно британской.^[344] Тем не менее этот танк оставался стержнем его позиции. Его армия была выстроена в одну линию в следующем порядке. На крайнем правом фланге стояли триста европейских кавалеристов; рядом с ними стоял Лотарингский полк численностью в четыре сотни человек; рядом с Лотарингией Европейский индийский полк образовывал центр; а слева от центра стоял полк Лалли, левый фланг которого опирался на укрепленный танк, сам окоп был укомплектован морскими пехотинцами с четырьмя орудиями. Три орудия были также размещены между танком и полком Лалли, и еще столько же - в промежутках между различными корпусами линии, всего шестнадцать орудий. Меньший танк, который из-за изменения дислокации теперь находился в тылу окопавшегося танка, удерживали четыреста туземных пехотинцев, в то время как девятьсот сипаев были расставлены на гребне холма перед лагерем. Общая численность сил, привлеченных к операции, составила две тысячи двести пятьдесят европейцев,^[345] кавалерия и пехота и тысяча триста сипаев; еще около пятисот человек обеих национальностей были оставлены в батареях перед Вандевашем. Лошадь магратты, ранее в тот же день испытывавшая на себе огонь британской артиллерии, не испытывала желания продолжать участвовать в боевых действиях.

Армия Кута была выстроена в три линии. Первая линия состояла из четырех европейских батальонов, по батальону из девятисот сипаев на каждом фланге. Из европейцев полк Дрейпера

удерживал правый фланг, Сто Второй, состоящий из двух слабых батальонов, - центр, а Кут - левый. Три полевых орудия были размещены с интервалами на каждом фланге Дрейпера и Кута, и еще два в сопровождении двух рот сипаев были выделены немного впереди слева от первой линии. Вторая линия состояла из трехсот европейских гренадер в центре, с полевой частью и отрядом из двухсот сипаев на каждом фланге. Третья линия состояла полностью из кавалерии, восемьдесят европейцев образовывали центр, с туземцами по обоим флангам. Всего на поле боя было задействовано тысяча девятьсот восемьдесят европейцев, две тысячи одна сотня сипаев и тысяча двести пятьдесят местных всадников с шестнадцатью орудиями.

В таком порядке британцы двинулись вперед; но прежде чем они подошли на расстояние пушечного выстрела, Лалли догнал свой эскадрон европейских гусар и, совершив широкий круг по равнине, обрушился с ним на кавалерию в третьей линии британцев. Местная кавалерия Кута сразу же сломалась и обратилась в бегство, а левые дивизии сипаев, меняя фронт для отражения атаки, проявили признаки колебания; но слабый эскадрон британской кавалерии выстоял стойко, и два отдельных орудия левого фронта под командованием капитана Баркера, вступившие в бой с близкой дистанции в самый последний момент, уничтожили десять или пятнадцать человек и лошадей первым же выстрелом. После этого французская лошадь сломалась, несмотря на все усилия Лалли остановить их, и не собиралась с силами, пока они не ускакали далеко в тыл. Во время этой атаки британцы остановились, в то время как французские батареи вели яростный и неровный огонь картечью, хотя их противник еще не был на расстоянии выстрела. Кут хладнокровно продолжал наступление, пока его орудия не научились действовать эффективно, а затем открыл самый разрушительный огонь. Лалли, видя, что его люди теряют терпение из-за наказания, встал во главе их и отдал приказ двигаться вперед. Вслед за этим Кут остановил все свои силы, за исключением европейцев из первой и второй линий, и двинулся навстречу ему только с ними. Как и Форд при Кондоре, он поставил все на разгром французских регулярных войск.

Кут, верный английским правилам, намеревался приберечь свой залп для близкого расстояния; но несколько африканцев, затесавшихся в ряды британцев, открыли огонь без команды, и лишь с трудом удалось предотвратить распространение беспорядка на всю линию фронта. Кут, скакавший справа налево от строя, действительно получил две или три пули сквозь одежду. Восстановив порядок, он занял позицию слева от своего полка, и примерно в час дня ружейный огонь стал всеобщим. Полк Кута сделал всего два выстрела, когда Лалли построил лотарингский полк справа от французов в колонну по двенадцать человек в ряд и приказал ему атаковать штыками. Предвидя тактику Веллингтона на более поздний день, Кут встретил колонну построением, сдерживал огонь до тех пор, пока французы не оказались в радиусе пятидесяти ярдов, а затем дал залп, который разнес фронт и фланги Лотарингии в клочья. Тем не менее доблестные французы, не обращая внимания на свои потери, наступали все быстрее; и в следующую минуту два полка сомкнулись и яростно сражались врукопашную. Колонна прорвалась одной своей массой через небольшой участок линии, противостоявший ей; но остатки отряда Кута мгновенно сомкнулись на ее флангах; и после короткой схватки лотарингцы, уже сильно потрепанные залпом, в замешательстве рассыпались и побежали обратно в лагерь, а британцы гнались за ними по горячим следам, внося смятение в ряды сипаев. Кут задержался только для того, чтобы приказать переформировать свой полк, и ускакал посмотреть, как обстоят дела у Дрейпера справа.

Когда он проходил мимо, из окопавшегося танка вырвалась вспышка и густое облако дыма, за которым последовал рев, громко перекрывший шум битвы. Удачным выстрелом из британских орудий взорвалась тележка с французскими боеприпасами. Командир окопа был убит, восемьдесят его людей были убиты или выведены из строя вокруг него, а остальные его силы, побросав орудия, в панике бежали вправо от французов, сопровождаемые сипаями из меньшего танка в тылу. Кут немедленно приказал полку Дрейпера выдвинуться вперед и занять окоп; но Бюсси, который командовал французским левым флангом, вывел вперед полк Лалли, чтобы угрожать их флангу, когда они продвигались вперед, и заставил их взять компас и отойти вправо. Бюсси, таким образом, выиграл время, чтобы собрать часть беглецов и вновь занять танк парой взводов; но люди Дрейпера во главе с майором Бреретоном двигались слишком быстро, чтобы позволить ему завершить свою диспозицию, и, стремительно обрушившись на северную стену резервуара, выбили оттуда французов. Бреретон был смертельно ранен во время атаки, но приказал своим людям оставить его и продвигаться дальше. Передовые отряды поспешили к южному фасу резервуара, открыли огонь по артиллеристам, расположенным между полком Лалли и бруствером, и отогнали их от орудий; в то время как остальные поспешно построились слева от них, чтобы отразить любую попытку штурма восточного фаса. Бюсси сделал все, что мог сделать доблестный человек, но шансы были слишком велики для него; и он не мог надеяться ни на какую помощь, так как вся остальная линия была горячо занята. Он развернул полк Лалли под прямым углом к линии фронта, чтобы встретить огонь с фланга, и выделил пару взводов слева от себя против западного фланга танка; но его люди уклонялись от огня британцев и не хотели подходить на ближний бой. Затем подошли два орудия Дрейпера и, открыв огонь по правому флангу полка Лалли, прорвали его насквозь. В качестве последнего шанса Бюсси встал во главе своих колеблющихся войск и повел их прямо на южную сторону резервуара; но его лошадь была под ним подстрелена, и, оглянувшись, он увидел, что за ним следует всего двадцать человек, остальные не желали вступать в бой. Два взвода Дрейпера сразу же развернулись, чтобы отрезать их, в то время как майор Монсон подошел с частью гренадеров второй линии, чтобы поддержать атаку Дрейпера. Бюсси и его преданный маленький отряд были окружены и взяты в плен, а весь полк Лалли был взят в плен или рассеян.

Центральные батальоны с обеих сторон все это время вели непрерывный огонь с дальних дистанций; но когда французский индийский полк почувствовал, что оба его фланга неприкрыты, он развернулся и отступил, правда, поспешно, но в хорошем порядке. Некоторое время назад Лалли попытался вывести сипаев с хребта, но они отказались двигаться; и махратты ушли сами, когда увидели, как проходит день. У Лалли не осталось ничего, кроме нескольких эскадронов французской кавалерии, которые благородно выступили вперед, чтобы спасти его армию. Несколько солдат Лотарингского полка, ободренные их появлением, запрягли упряжки в три полевых орудия и присоединились к кавалерии, прикрывая отступление. Британский эскадрон был слишком слаб, чтобы атаковать, а местная лошадь Кута отказалась противостоять французской кавалерии; так что Лалли смог поджечь свой лагерь, забрать людей со своих батарей и отступить в лучшем порядке, чем смели надеяться его офицеры.

Тем не менее победа была достаточно полной. Двести французов лежали мертвыми на поле боя, еще столько же было ранено, и сто шестьдесят были взяты в плен, так что потери Лалли составили почти шестьсот европейцев. Кроме того, было захвачено двадцать четыре ружья вместе со всеми палатками, припасами и багажом, которые остались несгоревшими. В результате британцы потеряли всего шестьдесят три человека убитыми и сто двадцать четыре

ранеными, причем полк Дрейпера пострадал больше всего. У местных войск было мало потерь, поскольку в бой были вовлечены практически все, кроме европейцев. Быстрое поражение французов, несомненно, произошло благодаря взрыву, который выдал ключ к их позиции; и не может быть никаких сомнений в том, что эта счастливая случайность чрезвычайно упростила задачу Куту. С другой стороны, можно спросить, почему, учитывая, что этот танк был ключом к позиции, Лалли разместил там гарнизон из моряков и морской пехоты, худших, а не лучших из своих войск. Маловероятно, что даже без этой удачи конечный исход акции мог быть иным, особенно если собственные расчеты Лалли относительно силы его собственных войск будут приняты как правильные. Очевидно, что он не испытывал большого доверия к своим войскам и что его недоверие было оправдано. Его кавалерия не поддержала бы его в его первой атаке в тыл Куту; его артиллерия была неустойчивой; он не отваживался атаковать британскую пехоту иначе, как колонной против строя; он, по-видимому, продвинулся вперед в первую очередь потому, что его люди устали под огнем британской артиллерии; и его атака слева от Кута не только провалилась сама по себе, но и лишила его сипаев мужества. Кут, с другой стороны, полностью полагался на свои войска и доказал это, в конце концов двинувшись вперед только со своей пехотой, оставив свои орудия следовать за собой, как они могли. Более того, к концу сражения у него были отборные части его войск, гренадеры, все еще находившиеся в резерве; так что после поражения в Лотарингии у него была возможность повернуть эти части или свой собственный полк во фланг французским батальонам в центре и развернуть их линию справа налево, а не слева направо. Фактически, с того момента, как он вынудил Лалли выйти и сражаться, превосходство его войск гарантировало ему победу; и вполне вероятно, что сам Лалли болезненно осознавал этот факт. Трагическая судьба французского командующего несколько лет спустя сделала его объектом сострадания врагов и друзей, но очевидно, что катастрофа при Вандевоше была в основном его собственной виной. Бюсси умолял его отказаться от осады при приближении Кута, но он этого не сделал и поэтому не мог противопоставить врагу всю свою мощь. Наконец, хотя он хотел отказаться от любого сражения, кроме прямой атаки на свой лагерь, его перехитрили, и он был вынужден сражаться на условиях своего противника. Перед лицом таких фактов, каковы бы ни были наши симпатии к доблестному и несчастливому человеку, бесполезно приписывать его поражение простой случайности, хотя это поражение стало смертельным ударом по французскому господству в Индии.

29 Января.

9 февраля.

29 февраля.

5 апреля.

Лалли на следующий день отступил к Читтапетту и, отправив махраттов и туземные войска в Аркот, отступил к Джинджи, чтобы прикрыть Пондишери. Кут, узнав о его отходе из Читтапетта, решил атаковать этот пост, пока еще возможно, всей своей армией; и после нескольких часов канонады вынудил его сдаться. Затем, вместо того чтобы продолжать следовать примеру Лалли, он, по примеру Амхерста, занялся систематическим сокращением всех второстепенных должностей, занимаемых французами. Аркот, выбранный первым объектом, пал после нескольких дней осады; Тимери, расположенный в нескольких милях к юго-востоку от Арко, пал в то же время; Триномали сдался в последний день февраля; Пермакойл и Алюмпарва были взяты после некоторого сопротивления в начале марта. Кут, однако, был ранен при Пермакойле; и захват Карикала, единственной французской станции, оставшейся на побережье, был

поручен майору Монсону, который быстро осуществил это с помощью эскадры адмирала Корниша, которая прибыла на побережье за шесть недель до этого. Владение Карикалом имело важное значение, поскольку, будучи выходом из богатой страны Танджор, оно могло обеспечить Пондишери провизией; в то же время это был порт, где французская эскадра могла получить не только продовольствие, но и разведданные, прежде чем отправиться в Пондишери. Лалли, несмотря на все свои приготовления к обороне, в глубине души считал столицу потерянной после ее падения.

17 июля.

Август.

7 апреля Кут вновь принял командование и, расставив цепь постов вокруг Пондишери от Алампарвы до Чилламбрума, медленно приближался к обреченному городу. Лалли позволил ему захватить слишком много его людей по частям в разных гарнизонах; но теперь он отозвал все французские войска из Тричинополи и других постов на юге и заключил соглашение с Хайдером Али, тогдашним командующим войсками в Майсуре, обязавшись уступить большие участки территории в обмен на услуги восьми тысяч человек. Это усиление противника в данный момент немало затрудняло Куту, тем более что отряд, который он послал остановить продвижение майсурцев, был полностью разгромлен. Но облегчение для Лалли было недолгим, поскольку нехватка провизии и нежелание быть привязанным к проигравшей стороне вскоре вынудили его новых союзников отступить. Однако даже в этом случае британские войска были недостаточно сильны, чтобы предпринять регулярную осаду Пондишери, и Куту пришлось довольствоваться простой блокадой.

Сентябрь. 2.

4 сентября.

1761.

5 апреля.

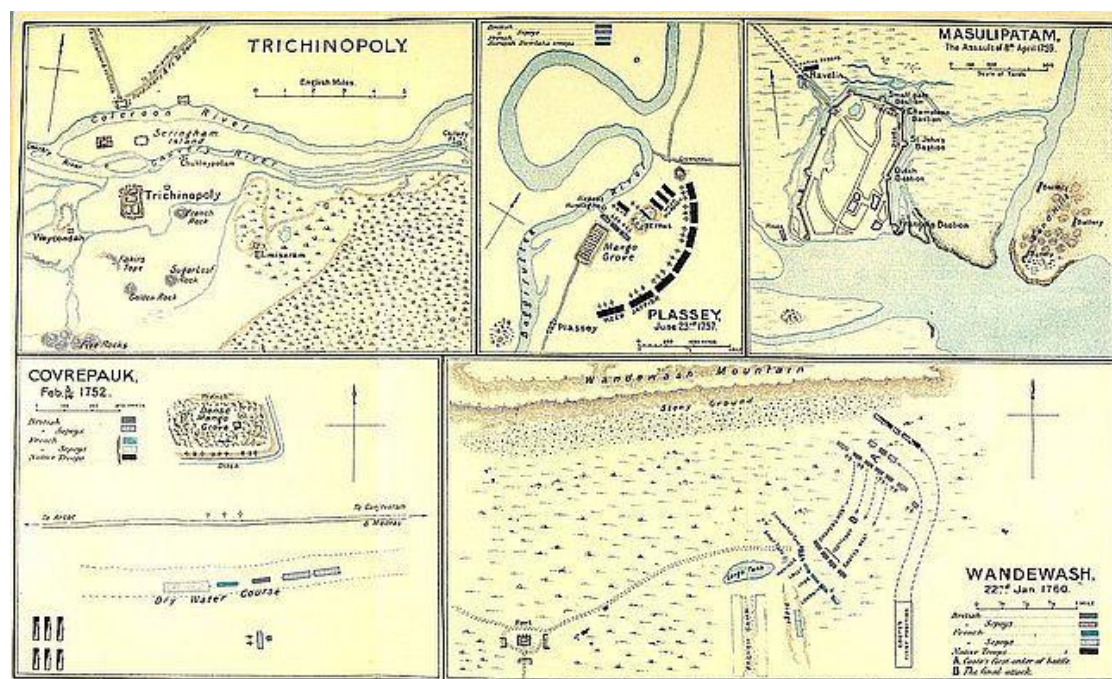
Наконец, к войскам Роты прибыло подкрепление вместе с половиной полка горцев Морриса[346] под командованием майора Гектора Манро. С транспортом также прибыли три военных корабля, увеличив численность эскадры перед Пондишери до семнадцати кораблей. Лалли, справедливо предположив, что за этим увеличением британских сил последуют более энергичные операции, разработал чрезвычайно искусный и дерзкий план внезапного нападения на их лагерь; но удача, как обычно, была против него. Его комбинации провалились; и его войска, проявившие заметную доблесть, были отброшены. С этого дня конец быстро приближался. Кут действительно на время снял осаду, обнаружив, что полковник Монсон получил повышение выше его головы, но вскоре был вынужден снова принять командование из-за того, что Монсон был выведен из строя из-за ранения. Было бы бесполезно задерживаться на предсмертной агонии Пондишери. Лалли, несмотря на позорную нелояльность и противодействие гражданских властей, решил сражаться до конца, надеясь, что д'Аше придет со своей эскадрой ему на помощь; и его регулярные войска работали на него с верностью и преданностью, достойными лучших традиций Франции. Однажды забрезжил проблеск надежды. В последний день 1760 года над городом и гаванью внезапно разразился ураган, который потопил три британских корабля со всей командой на борту, выбросил еще три из них на берег и разрушил все укрепления осаждающих. Но уцелевшие корабли вернулись в течение недели, чтобы возобновить блокаду, и ни один д'Аше не прибыл, чтобы прервать их. Британские

укрепления были отремонтированы и продвинуты вперед; и 15 января гарнизон, находясь на грани голодной смерти, сдался. Несколько недель было достаточно, чтобы захватить несколько изолированных крепостей, которые все еще удерживались французскими гарнизонами; и 5 апреля белый флаг бурбонов перестал развеваться в Индии.

Так после пятнадцати лет странных превратностей закончилась долгая борьба Франции и Англии за империю на Востоке. То, что результат был обусловлен как недостатками французского правительства, так и доблестью ее противника, не подлежит сомнению; ибо коррупции и бесхозяйственности как в Версале, так и в Пондишери было достаточно, чтобы разрушить любую империю. И все же неудача французов была вызвана чем-то большим, чем просто плохим управлением. Хотя ни один народ не проявляет такого патриотизма там, где на карту поставлена земля его собственной страны, французы, однажды переправившиеся через море, похоже, прокляты фатальной склонностью к ревности, недоверию и разобщенности. В Канаде, как и в Индии, всегда работали одни и те же силы, направленные на подрыв французского влияния и нейтрализацию французского успеха. Отдельные французы обладают огромной силой и авторитетом с непревзойденными способностями; однако такие люди всегда одиноки; ни один из них не может добиться верной службы своих соотечественников. Даже Дюпле, Наполеону Индии, его подчиненные препятствовали на каждом шагу, поскольку можно считать, что Бюсси обладал практически независимым командованием. Опять же, если не считать людей с блестящим талантом, общий средний показатель работоспособности был ниже у французской стороны. Возможно, по какому-то странному совпадению способности отсутствовали; или командиры не имели власти или были слишком ревнивы, чтобы отбирать наиболее способных из своих подчиненных для важной работы; или действительно, способные младшие офицеры сочли принятие большого доверия из рук такого начальства слишком неблагодарным. В любом случае результат остается прежним. С одной стороны, Дюпле, Бюсси и Паради, а с другой — Клайв, Сондерс, Лоуренс, Форд, Кут, Бреретон, Кайо, Килпатрик, Нокс - бесчисленные капитаны, лейтенанты и прапорщики, все готовые принять независимое командование и в то же время преданно работать на общее дело. Вскоре придется рассказать историю административной алчности и коррупции в Калькутте, такую же позорную, как когда-либо опозоренный Пондишери; и все же всегда молодые офицеры выходят вперед, чтобы взяться за самую опасную работу и довести ее до успешного конца. Такой контраст указывает на различие между двумя нациями, которое имеет более глубокие корни, чем просто случайности в управлении. Отчасти, без сомнения, победа британцев была обусловлена традициями, которые поддерживали лучников и латников вместе в Креси, и может быть объяснена особенностями социальной и политической организации. Но помимо этого, в национальном характере, по-видимому, есть нечто такое, что затрудняет французу за пределами Франции занимать высокое положение без опасного преувеличения своей самооценки; в то время как британец, при всей своей энергичной и властной натуре, обладает свойственными ему мрачным чувством юмора и глубокой меланхолией, которые всегда нашептывают ему о тщеславии высокого положения.

Власти.—Военные операции Орме по-прежнему остаются главным органом власти, хотя, к сожалению, они закрываются без учета действий Форда в Бадаре. Действия Вандевоша, Кондора и Бадары подробно описаны в книге полковника Маллесона "Решающие битвы в Индии", где цитируются официальные лица. Французская сторона этой истории представлена тем же автором в его "Истории французов в Индии", основанной главным образом на

воспоминаниях Лалли и Бюсси. Также представляют ценность "История Майсура" Уилкса, Мемуары Стрингера Лоуренса и Биографии Клайва Маллесона и Малкольма.

Уокер и Буталл дель.

Лицом к лицу со страницей 474.

ТРИХИНОПОЛЬ.

КОВРЕПАУК, 3 14 февраля 1752 года.

ПЛЕССИ, 23 июня 1757 года.

МАСУЛИПАТАМ, Штурм 8-го апреля 1759 г.

ВАНДЕВАШ, 22-го января 1760 г.

ГЛАВА VIII

Для удобства изложения я следил за завоеваниями как Канады, так и Индии, не прерывая их до самого их завершения. На ранних стадиях войны, когда Англии еще не удавалось заполучить для себя желаемого министра, было возможно и в рамках повествования переходить от предприятия к предприятию, предпринимаемому порывисто, недостаточно обеспеченному и переданному в чужие руки для исполнения; поскольку все они были симптомами одного органического расстройства. В то время как сердце Англии билось слабо, учащенно и с переборами, оно не могло не приливать кровь к конечностям, оставляя их холодными и

парализованными. Но когда под воздействием Питта сердце оживает и пульсирует с силой и регулярностью, тогда мы можем наблюдать, как член за членом наполняются новой жизнью и пробуждаются к новой силе; и действие каждого из них может быть прослежено независимо, поскольку, пока их энергия сохраняется, несомненно, что сердце должно быть энергичным и здоровым. Однако, поскольку эта работа теперь закончена, нам надлежит вернуться после долгого отступления в Англию, к Питту, и приступить к исследованию там, где оно было начато весной 1759 года.

1759.

Памятуя о грандиозных предприятиях того года, о которых даже сейчас еще не рассказано полностью, примечательно отметить, что оценки на 1759 год почти не указывали на то, что должно было произойти. Численность британского контингента составляла всего восемьдесят пять тысяч человек, или на тысячу больше, чем в предыдущем году; и этот факт тем более необычен, что с прошлой зимы французы готовились к вторжению в Великобританию с шестидесяти тремя тысячами человек в трех разных пунктах. Огромное количество плоскодонных лодок было собрано в Дюнкерке, Бресте и Гавр-де-Грас; и угроза была серьезной, поскольку регулярные войска, оставшиеся в Англии, были немногочисленны, а страна была переполнена французскими пленными. Питт, хотя и возлагал свои главные надежды на военно-морской флот, в январе был достаточно обеспокоен, чтобы предложить особые условия новобранцам, которые поступали на краткосрочную службу только в пределах королевства; а в мае он призвал недавно сформированное ополчение. Однако за первую половину года было сформировано только два новых полка регулярных войск. Первую из них, Eyre Coote's, уже видели в Wandewash; вторая требует более длительного уведомления, поскольку она означала новый отъезд. Уже упоминалось о добавлении легких войск к некоторым кавалерийским полкам: теперь было решено сформировать полноценный полк легких драгун; служба в нем была поручена полковнику Джорджу Огастесу Эллиоту,^[347] офицеру, которому суждено было прославиться своей обороной Гибралтара, хотя и не раньше, чем его полк уже завоевывал известность как для него, так и для себя. Его действия предстанут перед нами очень скоро, поэтому пока будет достаточно сказать, что Легкие драгуны Эллиота все еще с нами, сохранив первоначальную численность своего превосходства, как Пятнадцатый гусарский полк.

Такие дополнения были достаточно незначительными, если принимать во внимание не более чем опасность вторжения, но, видя, что Питт ни на йоту не отказался от своих агрессивных замыслов, они были поразительно незначительными. С характером и размахом этих замыслов читатель уже в значительной степени ознакомлен; но будет удобно вспомнить военную ситуацию во всех частях света весной 1759 года. Гори уже сдался и был занят британским гарнизоном; Баррингтон был занят завоеванием Гваделупы; в Америке Амхерст организовывал свою экспедицию против Тикондероги и Краун-Пойнта, Форбс боролся с первыми трудностями на пути к форту Дюкесн, а Вулф направлялся в Квебек; в Индии Лалли недавно снял осаду Мадраса и освободил гарнизон для полевых работ, Форд недавно сражался с Кондором и наступал на Масулипатам, а Клайв находился в Муршедабаде, обеспечивая безопасность Мадраса. плоды его победы при Плесси. Наконец, десять тысяч британских солдат собирались начать свою первую кампанию под командованием принца Фердинанда Брауншвейгского. Однако Питту и в голову не пришло отозвать хотя бы одного человека из них, несмотря на опасность вторжения. Может возникнуть вопрос, почему эти десять тысяч, находясь так близко

к дому, не были вызваны из Германии и какую возможную службу они могли бы принести на Континенте. Ответ, на который уже намекали, легко придет в голову тем, у кого хватило терпения следовать за мной до сих пор, кто видел, как горстка хилых солдат заставила Гваделупу подчиниться, и наблюдал, как Монреаль и Пондишери, наконец, попали в руки британцев, как плоды, созревшие для того, чтобы их сорвали. Питт говорил лишь половину правды, когда говорил о завоевании Америки Германией; это была не только Америка, но Ост- и Вест-Индия, одним словом, Британская империя. Война в Германии была на самом деле не более чем отвлекающим маневром в больших масштабах, и именно как таковая она сейчас должна быть реализована. Французы точно так же преследовали свою идею отвлекающего маневра, когда угрожали высадкой десанта у берегов Великобритании. Это был план, который они с некоторым успехом применяли во времена короля Вильгельма и королевы Анны, но он не спас их от Мальборо при Ауденарде и не должен был избавить их от напряженных замыслов Питта.

Прежде чем приступить к кампаниям принца Фердинанда, необходимо попытаться понять общий смысл операций обеих сторон. Французы вторглись в Германию главным образом для того, чтобы отомстить Пруссии за пренебрежительное отношение короля Фридриха к мадам де Помпадур. Фридрих, будучи уже занят саксонцами и австрийцами на юге и русскими на своем фланге на востоке, едва ли мог избежать катастрофы, когда французы наседали на другой его фланг с запада. Действительно, в 1758 году он с быстротой, характерной для его операций, бросился на французов и отбросил их назад к Россбаху, а в течение месяца нанес австрийцам столь же жестокий удар при Лойтене той же армией. Но разгромить две армии в двух пунктах, расположенных на расстоянии более двухсот миль друг от друга, в течение нескольких недель было испытанием, которое нельзя было повторить; и армия Фердинанда была создана в первую очередь для охраны правого или западного фланга Фридриха. Что касается Фредерика, то он вполне выполнил свое предназначение, но в глазах Англии его миссия была несколько иной. Под командованием герцога Камберленда эти силы назывались наблюдательной армией, предназначенной для охраны границ Ганновера; и Камберленд, несмотря на предупреждения Фридриха, попытался прикрыть Ганновер, удерживая линию Везера, с результатами, которые были замечены при Хастенбеке. При Фердинанде армия стала армией союзников для активных операций совместно с королем Фридрихом;^[348] но, тем не менее, ее главной функцией было прикрытие Ганновера, Гессен-Касселя и Брауншвейга. Французская армия, будучи слабой в дисциплине, вела себя с позорной бесчеловечностью по отношению к жителям немецкой территории во время этой войны; и всегда существовало опасение, что правители Гессена и Брауншвейга из чистого сострадания к своему страдающему народу выйдут из Союза.

На протяжении операций, которые будут представлены нашему вниманию, французы действовали по меньшей мере двумя армиями, совместно превосходящими армию Фердинанда по численности, на двух разных направлениях. Северная армия была известна как Рейнская армия, ее базой был Везель на Нижнем Рейне, отдаленное владение короля Фридриха, которое волей-неволей было оставлено им в начале войны и которое, несмотря на усилия Фердинанда, так и не удалось вернуть. Этой армии было предназначено наступать в Вестфалию, а оттуда, если возможно, в Ганновер; и взгляд на карту покажет, что ее простейшим направлением наступления была река Липпе. Вторая, или южная, армия французов была известна как Главная армия; она обеспечила себе базу на этой реке вероломным захватом Франкфурта.^[349] Это было одно из многих недобросовестных действий, благодаря которым французы вызвали к себе ненависть в Европе; поскольку Франкфурт, будучи имперским вольным городом, всегда считался нейтральным. Тем не менее дело было сделано, и таким образом за Майнской армией,

которая начинала свою жизнь как армия Верхнего Рейна, была закреплена не только превосходная база, но и надежное средство отступления. Ибо союзники, даже если бы они разгромили его, не смогли бы преградить ему путь к Рейну до тех пор, пока Франкфурт не будет сначала осажден и взят, что не могло не быть очень трудным предприятием. Основной задачей этой второй армии было вторжение в Гессен.

Задача Фердинанда с меньшими силами была по своей сути оборонительной. Для него в высшей степени важным было сохранить контроль над линией Везера, от водного пути которого он зависел в своих поставках как из Германии, так и из Англии. Таким образом, грубо говоря, поле боевых действий лежало между Рейном с одной стороны и Везером с другой, с морем и основными северными и южными границами; и обычный фронт французов был бы на востоке, а союзников - на западе. Но следует помнить, что в дополнение к армии, действовавшей из Везеля против фронта Фердинанда, была еще одна армия, действовавшая из Франкфурта на его левом или южном фланге; в то время как всегда существовала дополнительная опасность, что саксонцы могли ускользнуть от прусского наблюдательного корпуса, который был размещен, чтобы сдерживать их, с юго-востока, и проникнуть в левый тыл Фердинанда. Для разгрома этих комбинаций Фердинанду было жизненно важно удержать, в частности, две крепости — Мюнстер в Вестфалии, поскольку французы, взяв его, могли беспрепятственно продвигаться к Везеру и отрезать его от снабжения; и Липпштадт в Верхней Липпе, который обеспечивал коммуникации между Мюнстером и Касселем, или, другими словами, между Вестфалией и Гессеном, и, наоборот, препятствовал совместным действиям двух французских армий. В остальном будет полезно принять к сведению три реки, которые преграждали продвижение французов на север от Франкфурта до Касселя и далее, а именно, считая с юга на север, Ом, Эдер и Димель. С последним, в частности, как с последним барьером между Гессеном и Вестфалией, нам предстоит многое сделать; поэтому читателю не мешало бы раз и навсегда уяснить его положение, не забывая о его связи с соседними водами Липпе и Везера.

Конец марта.

13 апреля.

К концу кампании 1758 года зимние квартиры Фердинанда простирались от Косфельда, немного западнее Мюнстера, через Мюнстер, Липпштадт и Падерборн до Димеля, таким образом, его фронт был обращен несколько южнее юго-востока. Французская рейнская армия под командованием маршала Контадеса была расквартирована вдоль этой реки от Везеля на юг почти до Кобленца; в то время как армия Майна под командованием принца Субиза, побежденного генерала Россбаха, располагалась к северу от реки, около Франкфурта. Первой проблемой Фердинанда стало наступление австрийцев на его левый фланг у реки Верра. После этого он быстрым маршем направился обратно к Фульде; и, избавившись от этой опасности, он решил обратить это вынужденное движение на юг и нанести решительный удар по Франкфурту, чтобы, если возможно, парализовать операции французов на той стороне, отняв у них их базу. К несчастью для него, неспособный Субиз был отозван командовать армией для вторжения в Англию, а сменивший его маршал Бройльи укрепился на сильной позиции в Бергене, немного севернее Франкфурта. Там 13 апреля, всего через пять дней после штурма Масулипатاما, Фердинанд смело атаковал его, [350] но был отбит с потерей более двух тысяч человек и вынужден отступить к Цигенхайну, по дороге на Кассель. Его дерзкая попытка нанести удар по одной французской армии еще до начала кампании провалилась.

Май.

27мая.

29 мая.

После этой тревоги французы усердно занялись укреплением на Майне. Принц Генрих Прусский, по указанию короля Фридриха, двинулся маршем на север, чтобы избавить Фердинанда от дальнейших неприятностей со стороны австрийцев; и враг почти не двигался в течение следующего месяца. 25 апреля Контадес прибыл в Дюссельдорф из Парижа с утвержденным планом кампании в кармане и приступил к распределению рейнской армии на четыре корпуса: два из них у Везеля, третий у Дюссельдорфа и четвертый у Кельна. Эта группировка, как и предполагал Контадес, оставила у Фердинанда сомнения в том, был ли его основной замысел направлен на Вестфалию или Гессен. Корпус, охранявший Вестфалию, включал британский контингент под командованием лорда Джорджа Саквилла, который был назначен командующим после смерти герцога Мальборо в предыдущем году, и располагался немного западнее Мюнстера по приказу ганноверского генерала фон Сперке. Этот офицер, обеспокоенный передвижениями Контадеса, Фердинанд 16 мая выступил из Цигенхайна, оставив шестнадцать тысяч человек под командованием генерала фон Имхоффа защищать Гессен, а 24-го, соединившись со Сперке, разместил свои войска вдоль Липпе от Косфельда до Хамма. Тем временем Контадес, выделив пятнадцатитысячный корпус под командованием графа д'Армантьера для угрозы Мюнстеру, двинулся из Дюссельдорфа на юг, на Гиссен, чтобы там присоединиться к Бройлю и начать операции против Гессена. Фердинанд, в слабой надежде отозвать его на Рейн, отправил корпус под командованием наследного принца Брауншвейгского, самого блестящего офицера, чтобы поднять по тревоге французские гарнизоны в Дюссельдорфе и других пунктах на реке; но Контадес, придерживаясь своей цели, выдвинул передовой корпус под командованием г-на де Ноая из Гиссена в Марбург, очевидно, намереваясь продолжить свой марш на север. Контадес был в подавляющей силе. Корпус Ноая в Марбурге насчитывал двадцать тысяч человек, его собственный в Гиссене - около шестидесяти тысяч, в то время как резервный корпус Бройля во Фридберге, немного южнее Гиссена, включал еще почти двадцать тысяч. Теперь он послал Бройля вперед через Фрицлар на Кассель, в то время как сам продолжил свой марш прямо на север через Вальдек на Корбах. Имхофф, опасаясь быть отрезанным и неспособным защитить Кассель, отступил к Липпштадту; а Бройль, оставив войска для занятия Касселя, повернул на запад, чтобы присоединиться к Контадесу. 14 июня все войска были снова собраны вместе, корпус Контадеса располагался немного южнее Падерборна, а корпус Бройля - в Штадтбергене.

11 июня.

18 июня.

Эти передвижения вызывали у Фердинанда глубочайшее беспокойство. 11 июня он сосредоточился и двинулся на восток, к Бюрену, где остановился и подобрал корпус Имхоффа; но даже в этом случае он был слабее противника, поскольку, хотя он отозвал наследного принца из Дюссельдорфа, ему пришлось оставить девять тысяч человек под командованием генерала Вангенхайма в Дюльмене, чтобы следить за планами д'Армантьера против Мюнстера. Но худшее было впереди, ибо 18-го корпус Бройля, продвигаясь справа от корпуса Контадеса, начал оттеснять левое крыло Фердинанда на запад. Фердинанд, смирившись с неизбежным, отступил к Липпштадту и переправился через Липпе к Ритбергу. Теперь его смущение было крайним. Он не мог понять, намеревался ли враг осадить Липпштадт, или Мюнстер, или и то, и

другое вместе, или же они намеревались навязать ему сражение против значительно превосходящих сил противника. Он был склонен рискнуть вступить в сражение, видя, что, несмотря на все, что он мог сделать, чтобы предотвратить его, обе крепости могли быть взяты у него на глазах; в этом случае ему необходимо было переправиться на восточный берег Везера. Он настолько критически оценивал свое положение, что написал королю Георгу Второму за инструкциями и умолял, чтобы корабли были готовы перевезти гарнизон на случай, если возникнет необходимость эвакуировать Эмден. Ответ короля продемонстрировал гвельфийскую лояльность и мужество в самом благородном их проявлении. Он сказал, что, поскольку Фердинанд был склонен рисковать, он также был готов пойти на риск, но что он оставил своему генералу полную свободу действий, лишь заверив его, что его доверие к нему не ослабнет, каким бы ни был результат; и, чтобы у Фердинанда не возникло никаких сомнений, он приказал написать ему второе письмо с тем же результатом, но даже в более сильных выражениях, чем первое.[351]

29 Июня.

3 июля.

8 июля.

10 июля.

14 июля.

Тем временем Контадес подошел к Падерборну и остановился на несколько дней, заставляя Фердинанда все еще сомневаться в своих намерениях. Наконец 29-го он двинулся на север и выдвинул свои легкие войска к Билефельду, ясно показав, что его истинной целью был захват либо Хамельна, либо Миндена на Везере. Поэтому Фердинанд отозвал корпус Вангенхайма из Дюльмена в состав основной армии; после чего, как он и ожидал, д'Армантьер немедленно двинулся на осаду Мюнстера. В тот же день сам Фердинанд двинулся на север и расположился лагерем параллельно Контадесу у Дисс-Эна, утешая себя мыслью, что, хотя его враги могут быть ближе к Миндену, чем он, он, во всяком случае, был ближе к своим запасам продовольствия, чем они.[352] Однако ему было чрезвычайно трудно получить разведданные о передвижениях французов, поскольку две армии были разделены широкой цепью лесистых холмов; и поэтому он колебался несколько дней, прежде чем решил, основываясь на ложной информации о наступлении французов, двигаться в направлении Оснабрюка. Его намерение состояло в том, чтобы оттуда повернуть на восток и занять позицию, которая сделала бы для французов опасной попытку осады Хамельна или Миндена. Однако он сделал всего один марш из Оснабрюка, когда получил известие о том, что Бройль накануне застал Минден врасплох и что французы таким образом захватили мост через Везер и беспрепятственный доступ в Ганновер. Это стало для Фердинанда самым неприятным сюрпризом. В течение дня он колебался, возвращаться в Мюнстер или нет, а затем решил отступить к Нижнему Везеру, чтобы спасти свой магазин в Нинбурге и, поскольку французы показали пример беззакония во Франкфурте, занять имперский вольный город Бремен. Соответственно, 14 июля его штаб был размещен в Штольценау, между Нинбургом и Минденом на Везере, а отряд был направлен в Бремен.

17 июля.

Тем временем Контадес продолжал пожинать плоды своих очень успешных движений. Часть его легких войск захватила Оснабрюк, а остальные были отправлены собирать контрибуцию в Ганновере; г-н де Шеврез был выделен с тремя тысячами человек для осады Липпштадта;

д'Армантьер продолжал осаждать Мюнстер; корпус Бройля 14-го переправился через Везер, чтобы окружить Хамельн; а 16-го Контратаки с основной армией вышли в бассейн Миндена и оттеснили часть его армии так далеко на север, что достигли Петерсхагена. Фердинанд, хотя и мог вывести на поле боя всего сорок пять тысяч человек против шестидесяти тысяч, на следующий день двинулся на юг, чтобы дать ему сражение; но Контадес отступил, не дожидаясь его прибытия, и занял неприступную позицию непосредственно к югу от Миндена. Если он мог удерживать Фердинанда в бездействии, пока несколько его отрядов выполняли свою работу, то ему было невыгодно рисковать общими действиями.

Июль.

До сих пор действия Контадеса были виртуозными. Он взял Кассель, столицу Гессена, и окружил Липпштадт и Мюнстер; он далее взял Минден и окружил Хамельн; и таким образом он честно приказал себе овладеть линией Везера и перенести войну прямо в Ганновер. Положение Фердинанда было крайне критическим, и серия нелестных посланий от Фридриха Великого не сделала его более приятным. Но Контадес, с того момента, как он отказался от боя, похоже, распрощался, возможно, из-за чрезмерной уверенности, со всей энергией и способностями. Его позиция, это правда, была неприступной. Его армия располагалась непосредственно к югу от Миндена, соединяясь тремя мостами с корпусом Бройля на другом берегу Везера. Справа он опирался на город и реку, слева — на гряду лесистых холмов - конец хребта, отделявшего его армию от армии Фердинанда, — а весь его фронт был покрыт широким болотом, по которому протекал ручей под названием Бастау. Но, несмотря на неприступность с любой точки, эта позиция имела бросающиеся в глаза недостатки. Во-первых, это не оставляло армии свободы передвижения во всех направлениях; а во-вторых, требовало отряда войск на юг для поддержания связи через Гофельд и Херворден с французской базой в Касселе. Фердинанд, умело используя эти недостатки, должен был выманить Соперников из своего укрытия, чтобы встретиться с ним в открытом поле.

28 июля.

Июль.

Вернувшись в лагерь в Петерсхагене после отхода Контадеса к Миндену, первым шагом Фердинанда было продвинуть свои пикеты вперед, к цепочке деревень, которые лежали перед ним: Тоденхаузен на берегу Везера, Фредевальд непосредственно к западу от Тоденхаузена, Штеммерн и Хольтхаузен несколько впереди Фредевальда, а Норд-Хеммерн, Зюд-Хеммерн и Хилле еще дальше на юг и запад. Оккупация Хилле привела его передовые посты к западному краю болота, прикрывавшего фронт Контадеса, и к началу единственной дамбы, которая вела через него. 22-го корпус Вангенхайма, численностью около десяти тысяч человек, был выдвинут к Тодтенхаузену, где он оставался на виду у армии. В разгар этих движений пришли дурные вести о падении Мюнстера, что позволило д'Армантьеру выступить оттуда для осады Липпштадта, а Шеврез вернуться со своим отрядом в Минден; но это несчастье только подстегнуло Фердинанда к действиям. 27-го наследный принц двинулся маршем с шестью тысячами человек на юго-запад к Люббекке, а на следующий день выбил оттуда отряд французских иррегулярных войск, который был расквартирован там для защиты левого фланга Контадеса. Затем, повернув на восток, он продолжил свой марш против французских коммуникаций. Одновременно, 28-го, генерал Древе повел гарнизон Бремена против Оснабрюка, отбил его и поспешил на восток, чтобы присоединиться к наследному принцу.

Соединение состоялось, они двинулись к Хервордену и 31-го числа оказались верхом на дороге, по которой с юга должны были доставляться все припасы для Контадеса.

Таким образом, в его тылу существовала угроза, заставлявшая французского генерала чувствовать себя неловко в его положении за болотом; а теперь Фердинанд добавил искушение спереди, чтобы побудить его с большей готовностью покинуть его. 29-го принц, оставив корпус Вангенхайма изолированным около Тодтенхаузена, повел всю остальную армию коротким маршем на юго-запад и расположился лагерем между Фредевальдом и Хилле. Штаб находился в Хилле, под охраной двенадцатого и двадцатого пеших британских полков, ибо красномундирники занимали почетное место справа от линии фронта; пикеты были оттеснены к Зюд-Хеммерну, Хартуму и Халену, деревням на восточной стороне Хилле, у границы болота. Наконец, от двух до трех тысяч человек были отправлены в Люббекке для поддержания связи с наследным принцем. Такая диспозиция вполне могла показаться рискованной, но Фердинанд продумал ее во всех деталях. Корпус Вангенхайма, хотя и был изолирован, имел сильные укрепления с несколькими орудиями; в то время как его позиция прикрывала единственный выход, через который французы могли выйти из-за болота. Таким образом, были достигнуты две важные цели. Во-первых, был обеспечен безопасный проход автоколонн из Нижнего Везера; и, во-вторых, было удостоверено, что, прежде чем Контады смогут развернуться для атаки Вангенхайма всеми силами, у Фердинанда с основной армией будет время либо ударить по его флангу, либо просто присоединиться слева от него к справа от Вангенхайма. Чтобы обеспечить быстрое выполнение этого последнего критического маневра, Фердинанд приказал всем генералам тщательно ознакомиться с местностью, и в частности с проходами, которые вели с его позиции на открытую равнину перед Минденом.

Контадес тем временем рассуждал, как надеялся и намеревался Фердинанд, совсем по-другому. Армия союзников, по его мнению, была рассеяна во всех направлениях. Десять тысяч человек были с наследным принцем в Гохфельде; еще по меньшей мере две тысячи - в Люббекке; сам Фердинанд с большей частью армии, казалось, так стремился оказаться на расстоянии поддержки принца, что оставил Вангенхайма в воздухе; в то время как даже корпус Вангенхайма не был объединен, а выделил несколько батальонов за реку, чтобы следить за Бройлем. И все же прерывание его собственных сношений с Касселем было неприятно; и было бы неплохо положить конец этому и всем другим трудностям решительным ударом и блестящей победой. Поэтому он отправил герцога Бриссака с восемью тысячами человек в Гохфельд, чтобы сдерживать наследного принца, навел восемь мостов через Бастау для перехода своих войск через него таким же количеством колонн и приказал Бройлю быть готовым переправиться через Везер со своим корпусом, чтобы сформировать девятую колонну справа от него. Общая численность войск, которые он мог ввести на равнину Минден, составляла пятьдесят одну тысячу человек при ста шестидесяти двух орудиях. Против него, если все пойдет хорошо, Фердинанд мог бы противопоставить сорок одну тысячу человек и сто семьдесят орудий.

1 августа.

С юго-запада дул новый шторм, который заглушил бой часов Миндена, когда в полночь завершился последний день июля и наступило первое августа. В темноте весь французский лагерь уже был настороже, и колонны не без замешательства отходили к мостам через Бастау. Час спустя двое дезертиров в белых мундирах были доставлены пикетом к принцу Ангальтскому, тогдашнему главнокомандующему союзной армии, с важным сообщением о том, что вся

французская армия пришла в движение. Фердинанд заметил признаки некоторого волнения предыдущим вечером и распорядился, чтобы о малейшем движении на передовых постах ему немедленно сообщали. Однако прошло два часа, потом три, прежде чем в штаб прибыл запоздалый гонец из Ангальта с новостями. Фердинанд немедленно призвал все свои войска к оружию и приказал им выступить на назначенные позиции. Его приказы уже были отданы и были достаточно ясными и четкими. Наступление должно было осуществляться восемью колоннами, а боевое построение, как обычно, с пехотой в центре и кавалерией на каждом фланге. Первая, или правая, колонна состояла из двадцати четырех эскадронов кавалерии под командованием лорда Джорджа Саквилла, пятнадцать из них были британскими эскадронами Синих, Первым и Третьим гвардейскими драгунами, шотландскими серыми и десятым драгунским полками. Вторая состояла полностью из немецкой артиллерии; а третья под командованием генерал-майора фон Сперке состояла из двенадцатого, Двадцатого, Двадцать третьего, Двадцать пятого, Тридцать седьмого и Пятьдесят первого британских линейных полков. Семь из восьми колонн были сформированы и двинулись в путь с большой быстротой; но в колонне Саквилля царили замешательство и задержка. Некоторые полки были готовы, другие - нет; и самого Сэквилла нигде не было видно. Для британской кавалерии это было неудачное начало.

Подняв тревогу, Фердинанд поспешил в сопровождении единственного штабного офицера лично убедиться в том, как обстоят дела. Нетрудно понять его тревогу. Из-за непростительного пренебрежения Ангальтом французы выиграли у него два часа; и теперь, когда армия была наконец приведена в движение, кавалерия его правого фланга не двигалась вместе с остальными. Следовательно, существовала большая вероятность того, что деревня Хален, на которую он намеревался опираться своим правым флангом, может быть занята французами до того, как Саквилл окажется там, чтобы помешать им. Немедленно ускакав в Хартум, он приказал расположенным там пикетам немедленно выдвигаться к Халену, а затем со всей скоростью поспешил обратно в последнюю деревню, только чтобы узнать плохие новости о том, что она уже во владении французов. Тем временем от Вангенхайма не поступало ни слова, который, насколько ему было известно, мог оказаться в серьезных затруднениях. Отправив своего единственного адъютанта в Тоденхаузен выяснить, как обстоят дела на левом фланге, он наедине со своим конюхом поскакал дальше, на равнину Минден. Ветер дул с такой яростью, что со стороны Везера не было слышно даже пушечного выстрела; но вскоре он увидел французов, наступающих на Куттенхаузен, и густое облако дыма, поднимающееся перед Тоденхаузеном. Очевидно, Вангенхайм вступил в ожесточенный бой. Но тем временем с наветренной стороны до Хилле, где дамба выходила из западного конца болота, донесся рев яростной канонады. Это могло быть только отвлекающим маневром, поскольку Фердинанд уже перекрыл выход из дамбы пятью сотнями человек и двумя орудиями; но для большей уверенности он теперь приказал направить еще два орудия и отряд из Люббекке в Хилле и послал наследному принцу информацию о происходящем. Затем, проскакав на мгновение влево, Фердинанд убедился, что его колонны продвигаются вперед, и повернул назад, несмотря на ветер, к Халену. И вот в очередной раз глупость принца Ангальтского все испортила. Он должным образом вывел пикеты из Хартума к Халену, как было приказано, но остановился, вместо того чтобы выбить французов из деревни, и тем самым задержал развертывание всей колонны Сперке. Ему было приказано немедленно взять деревню, что он и сделал без труда; но, сделав это, этот безнадешный офицер приступил к обустройству себя и своих пикетов так, словно собирался остаться там навсегда.[\[353\]](#)

Однако после оккупации Халена дела справа начали налаживаться сами собой. Фердинанд приказал батарее капитана Фоя выдвинуться перед деревней, чтобы прикрывать расположение войск, и вскоре убедился в том, что в этом квартале все в порядке, благодаря великолепной работе британских орудий. Тем временем его адъютант вернулся из Тоденхаузена с разведданными, что Вангенхайм держится, хотя противник продвинулся вперед справа от него, где его фланг был неприкрыт. Вероятно, мало кто из командиров пережил два худших часа, чем Фердинанд в начале битвы при Миндене.

К счастью для него, французы осуществили свои собственные маневры не без замешательства и задержек. Одним из недостатков позиции Контадеса было то, что он не мог выйти из-за болота при свете дня, поскольку это немедленно обрушило бы "Фердинанд" на его фланг; а недисциплинированность французской армии как среди офицеров, так и среди рядовых не способствовала организованному передвижению в темноте. Бройль, способный офицер, переправился через реку, занял назначенную позицию справа и выстроился так, чтобы обрушиться на Вангенхайма точно и в полном порядке; но он не осмеливался атаковать, пока не будет сформирована остальная армия, поэтому удовлетворился простой артиллерийской дуэлью. Остальные колонны метались туда-сюда в беспомощности и замешательстве; и только после того, как Бройль прождал целых два часа, большинство из них, наконец, были развернуты в какое-то подобие порядка. Французская боевая линия имела выпуклую форму, повторяя, так сказать, контур стен Миндена, причем правая упиралась в Везер, а левая - в болото. Корпус Бройля справа был выстроен в две линии, первая из пехоты, вторая из кавалерии, с двумя мощными батареями впереди. Слева от него в две линии стояла половина пехоты армии Контадеса, перед ними стояли тридцать четыре орудия. Рядом с ними, в центре, располагались пятьдесят пять эскадронов кавалерии в две линии, с третьей линией еще из восемнадцати человек в резерве; и рядом с этой массой конницы стояло левое крыло, составленное из остальной пехоты в две линии, при тридцати орудиях. Таким образом, французская боевая линия состояла из центра кавалерии с флангами пехоты; но левое крыло пехоты опоздало с прибытием на свои позиции, и его опоздание не могло не сказаться на исходе сражения.

Наблюдая за отличной тренировкой батареи Фоя перед Халеном, Фердинанд уже отправил британскую батарею Макбина присоединиться к ней и приказал ганноверской бригаде тяжелых орудий Хазе занять ту же позицию. Затем, увидев колонну британской пехоты Сперке в процессе развертывания, он отдал приказ о том, что ее продвижение, когда придет время, должно быть произведено под бой барабанов. Приказ был либо передан неправильно, либо неправильно понят, поскольку, к его удивлению, передовая британская бригада встряхнулась и немедленно начала наступление. Отряд адъютантов галопом помчался их останавливать, а шеренга алых воинов остановилась за полосой елового леса, ожидая построения остальной армии. В первой линии дивизии Сперке стояли, считая справа налево, Двенадцатый, Тридцать седьмой и Двадцать третий под командованием бригадира Уолдегрейва; а во второй, которая простиралась дальше первой на каждом фланге, Двадцатый, Пятьдесят первый и Двадцать пятый под командованием бригадира Кингсли, ганноверский батальон Харденберга и два батальона ганноверской гвардии. Там они простояли несколько минут, в то время как вторая линия, которая была развернута лишь частично, поспешила завершить эволюцию; как вдруг, ко всеобщему изумлению, снова загрохотали барабаны, и первая линия снова снялась с места, быстро, но в идеальном порядке продвигаясь прямо на французскую кавалерию. Вторая линия, хотя ее построение было еще неполным, также отходила в тыл своим товарищам, разворачиваясь по ходу движения и, следовательно, по необходимости, несколько отставая в

тылу. И вот девять батальонов, во главе с передовой бригадой, далеко продвинувшейся вперед, гордо двинулись вперед под перекрестный огонь более шестидесяти орудий, одни и без поддержки со стороны остальной линии фронта.

Никакой адъютант, каким бы галопом он ни скакал, не мог остановить их сейчас; и их величественная осанка показывала, что врагу будет нелегко остановить их. Британцы, находившиеся справа, были более подвержены разрушениям, поскольку французские батареи слева от них находились слишком далеко, чтобы вести по-настоящему смертоносный огонь; но что означал перекрестный огонь и три линии кавалерии для полков, сражавшихся при Деттингене и Фонтенуа? На протяжении почти двухсот ярдов наступления французские орудия пробивали большие бреши в их рядах; но они прошли сквозь шквал выстрелов целыми и невредимыми и с той же величественной стойкостью наступали на огромный неподвижный заслон французской кавалерии. Затем, наконец, стена людей и лошадей ожила, и одиннадцать эскадронов, выдвинувшихся вперед от остальных, устремились прямо на них. Алые батальоны стойко держались до тех пор, пока враг не оказался в десяти ярдах от них; затем, дав один залп, усеявший землю людьми и лошадьми, они отбросили эскадроны разрозненными частями назад, к своим товарищам, и продолжили наступление. Фердинанд, заметив беспорядок французов, во весь опор послал адъютанта к лорду Джорджу Саквиллу, чтобы тот привел британскую кавалерию и довершил разгром. Саквилл некоторое время оспаривал смысл приказа, а затем, выдвинув свои эскадроны на небольшое расстояние, словно повинувшись ему, снова остановил их. В спешке прибежал второй гонец, чтобы спросить, почему кавалерия правых не выступила вперед, но Саквилл оставался на месте, и возможность была упущена.

Затем пристыженная и возмущенная своим поражением французская конница сплотилась. Четыре бригады пехоты и тридцать два орудия выдвинулись с французского левого фланга, чтобы окружить отважную британскую пехоту; и Фердинанд, поскольку Саквилл не двинулся с места, выдвинул бригаду тяжелых орудий Филлипса, чтобы парировать, по возможности, эту фланговую атаку. Затем вторая линия французской кавалерии с грохотом обрушилась, стремясь исправить свое поражение, на девять изолированных батальонов. На мгновение линии алых, казалось, дрогнули под этой тройной атакой; но, придя в себя, они сомкнули свои ряды и встретили атакующие эскадроны шквалом ружей, который прогнал их с поля боя. Затем, повернувшись с такой же яростью к французской пехоте, они отбросили ее назад с ужасными потерями. И снова адъютант Фердинанда полетел к Саквиллю, умоляя его подтянуть только британские эскадрильи, если не больше, для закрепления успеха; но Саквилля удерживала не зависть к иностранным эскадрильям, находившимся под его командованием. Гонец доставил свой приказ, но ни одна эскадрилья не двинулась с места. Тем временем Фердинанд поспешил выдвинуть свежие батальоны справа от себя, чтобы спасти британцев от уничтожения; и теперь третья линия французской кавалерии, жандармерия и карабинеры, предприняли третью атаку на девять батальонов "бесстрашных" и фактически прорвали первую линию; но были разбиты вдребезги второй и отбросили своих товарищей. В Саквилль был отправлен четвертый гонец, но безрезультатно. Нетерпение Фердинанда усилилось. "Когда прибудет эта кавалерия?" он продолжал восклицать. "Неужели никто не видел кавалерию на правом фланге?" Но кавалерия не появлялась. "Боже милостивый! неужели нет никакого способа заставить эту кавалерию двинуться вперед?" - воскликнул он в отчаянии и послал пятого гонца привести лорда Грэнби только с эскадронами второй линии Саквилла. Грэнби уже собирался выполнить приказ, когда подъехал Саквилл и запретил ему; а затем, словно все еще сомневаясь в правильности этих повторяющихся приказов, Саквилл подбежал к Фердинанду и спросил, что они могут означать.

"Милорд, - как говорят, ответил Фердинанд спокойно, но с таким презрением, какое только можно себе представить, - теперь возможность упущена".

Тем не менее ошеломляющая атака британской пехоты фактически выиграла день. Линия Фердинанда выиграла время, чтобы сформироваться и соединиться с линией Вангенхайма; и орудия союзников, приближавшиеся постепенно с нарастающей силой, заставили замолчать более слабую артиллерию французов. Затем левое крыло Фердинанда перешло в наступление, и немецкая кавалерия блестящей атакой рассеяла всю противостоявшую им пехоту. Между девятью и десятью часами вечера сражение практически закончилось. Французы были полностью разбиты и быстро отступали под огнем орудий Миндена в свои укрытия за болотом. Если бы кавалерия Саквиля выступила вперед, когда ей было приказано, она могла бы разорвать летучие французские эскадроны на куски, преградить путь отступлению большей части, если не всего французского левого крыла, и превратить победу в одну из величайших за все время. Так уж сложилось, что лавры преследования достались Фою и Макбину из британской артиллерии. Несмотря на то, что они трудились весь день, эти офицеры размяли оружие и с поразительной быстротой продвигались вдоль границы болота, время от времени останавливаясь, чтобы нанести удар отступающим массам противника; пока, наконец, они окончательно не развернулись напротив мостов через Бастау и наказали беглецов так жестоко, что их не удалось собрать, пока они не убежали далеко за пределы своего лагеря.

Тем временем наследный принц вступил в бой с герцогом Бриссаком при Гофельде и разбил его, так что французские коммуникации с Херворденом и Падерборном были безнадежно прерваны. Известие об этом несчастье, похоже, повергло Контадеса чуть ли не в панику. Если бы он решил отступить по линии своего наступления, его вряд ли смогли бы остановить меньшие силы Наследного принца, и он нашел бы припасы и хорошую позицию в Хервордене. Но его поражение выбило из него весь дух. Прервав свои коммуникации с Падерборном, он ночью переправился через Везер, разрушил Минденский мост, сжег заграждения из лодок и отступил через трудную и беспокойную местность к Касселю с армией, не только разбитой, но и деморализованной.

Уокер и Буталл дель.

Лицом к лицу со страницей 494.

MINDEN. 1 августа 1759 года.

Действие в момент атаки британской пехоты.

Так закончилась битва при Миндене, день одновременно гордости и позора для британцев. Потери союзников составили две тысячи шестьсот человек убитыми и ранеными, из которых доля британцев составила около тысячи четырнадцати сотен человек.^[354] Из шести самоотверженных полков, вступивших в бой, четыре тысячи четыре ста тридцати четырех человек, семьдесят восемь офицеров и тысяча двести пятьдесят два рядовых, или около тридцати процентов, были убиты или ранены; в то время как ганноверские батальоны, находившиеся с ними на левом или защищенном фланге, потеряли всего двенадцать процентов. Тяжелее всего пострадал Двенадцатый, потерявший триста два человека, и Двадцатый, потерявший триста двадцать два человека всех званий; эти полки занимали

почетное место справа от первой и второй линий. Потери французов были признаны в официальных списках равными семи тысячам, хотя в письмах Броули и Контадеса указаны цифры от десяти до одиннадцати тысяч; и разбитая армия потеряла вдобавок большую часть своего обоза, семнадцать штандартов и знамен и сорок три орудия. С военной точки зрения наиболее примечательной чертой этого сражения было мастерство, с которым Фердинанду удалось выманить своего противника на поле боя, что, возможно, даже больше говорит о его суждениях о людях, чем о его знании своей профессии. Выведенный из-за болота на равнину, Контадес принял на редкость слабые и бессмысленные меры, а построение его линии с кавалерией в центре и пехотой на флангах было в данных обстоятельствах просто гротескным. Похоже, у него действительно не было очень четкого представления о том, что он на самом деле собирался делать. Если он планировал сокрушить изолированный корпус Вангенхайма — а без сомнения, у него было какое-то смутное представление о подобном — очевидным ходом было направить Броуля прямо на него самостоятельно, а самому защитить фланг Броуля основными силами армии. Что он на самом деле сделал, так это превратил корпус Броуля в правое крыло объединенной армии и, таким образом, практически сковал его для всех решительных действий. С другой стороны, все предварительные договоренности с обеих сторон были нарушены экстраординарной атакой британской пехоты - подвигом доблести и выносливости, который, насколько мне известно, абсолютно не имеет аналогов. "Я никогда не думал, - с горечью сказал Контадес, - что увижу, как одна линия пехоты прорвется через три линии кавалерии, выстроенные в боевом порядке, и обратит их в руины". "Никогда, - мрачно писал Вестфален, начальник штаба Фердинанда, - на поле боя не видели столько сапог и седел, сколько английской и ганноверской гвардии". После этой атаки особенностью, которая, по-видимому, привлекла наибольшее внимание как современников, так и современных критиков, была замечательная эффективность британской артиллерии. Управление артиллерией в целом в Миндене, которое было доверено графу Липпе-Бюкебургскому, вызывало большое восхищение; но Вестфален, который легкомысленно относился к действиям пехоты, приложил все усилия, чтобы написать, что, хотя все батареи действовали хорошо, английские батареи творили чудеса. И действительно, некоторые британские орудия, которые были приданы корпусу Вангенхайма слева, заслужили не меньше похвал, чем орудия Фоя и Макбина справа. Пальма первенства в кавалерии досталась немцам, и в частности нескольким эскадронам прусских драгун, предоставленным Фридрихом Великим, которые блестяще это заслужили. Если бы не Саквилл, она досталась бы британцам.

Роль, сыгранная этим достойным сожаления человеком, не закончилась вместе с битвой. Фердинанд в общих приказах сделал едкий намек на его поведение, не упомянув его имени; и Саквилль вскоре был смещен и отправлен домой. Там он предстал перед военным трибуналом и был признан непригодным служить королю в какой бы то ни было военной должности — суровый приговор, но, вероятно, не более чем справедливый. Сэквилл был признан чрезвычайно способным человеком; и поскольку он прошел через Фонтенуа и был ранен в том бою, нелегко назвать его трусом. Но храбрость некоторых людей не одинакова каждый день; и показания, представленные военному трибуналу, я думаю, слишком ясно показывают, что в день гибели Миндена Сэквилла мужество изменило ему.^[355] Король особым приказом опубликовал приговор о своем увольнении из армии с очень суровым, но не незаслуженным комментарием; и лорд Джордж Саквилл отныне исчезает с британских полей сражений. Но мы еще встретимся с ним в качестве военного министра, и встреча эта будет не из приятных.

2 августа.
Август. 5.
18 августа.
Август. 24.
25 августа.
19 сентября.

На следующий день после битвы наследный принц переправился через Везер в погоне за французами и, настигнув их арьергард у Айнбека, захватил много пленных и много добычи, но не смог остановить отступление основных сил. Таким образом, Контадес преуспел в возвращении своих войск в Кассель, полуголодных, измотанных тяжелым маршем и совершенно деморализованных недисциплинированностью и грабежами. Д'Армантьер, услышав о поражении своего военачальника, снял осаду Липпштадта и двинулся ему навстречу на восток. Тем временем Фердинанд, получив капитуляцию Миндена, двинулся через Билефельд и Падерборн на юго-восток на Корбах, чтобы обойти левый фланг Контадеса. 18 августа Контадес, видя, что его коммуникации находятся под угрозой, эвакуировал Кассель и отступил форсированным маршем в Марбург, где занял сильную позицию. Кассель капитулировал перед союзниками на следующий день, и Фердинанд, продолжая свой марш на юг, выделил семь тысяч человек, чтобы отбить Мюнстер. Затем прибыл маршал д'Эстре, чтобы сменить Контадеса; но из этой смены командования мало что вышло. Возобновившаяся угроза французским коммуникациям с запада вынудила его отойти с линии Ома и Лана и отступить к Гиссену. Фердинанд немедленно осадил Марбург, который пал в течение недели, и, наконец, 19 сентября он расположился лагерем в Кроффдорфе, немного к северо-западу от Гиссена, напротив французского лагеря.

21 ноября.

Тем временем осада Мюнстера обернулась для союзников неудачей и была превращена в блокаду. Фердинанд, послав туда дополнительные войска, оказался слишком слаб, чтобы предпринимать дальнейшие операции до падения города; и в течение этого промежутка времени Бройль, назначенный верховным командованием, получил подкрепление в десять тысяч вюртембергцев. Укрепленный таким образом, он постоянно пытался с отдельным двадцатитысячным корпусом прервать коммуникации Фердинанда с Касселем, но тщетно; и, наконец, наследный принц атаковал этот корпус у Фульды, нанеся ему сокрушительное поражение, а затем, повернув на правый фланг Бройля, вынудил его отступить к Фридбергу. Затем Фердинанд блокировал Гиссен, но на этом этапе дальнейшие операции были приостановлены. С момента своего катастрофического поражения от русских при Кунерсдорфе в августе Фридрих Великий требовал от Фердинанда подкреплений; и отряд двенадцатитысячного войска королю не только сделал принца бессильным для дальнейшей агрессии, но и вынудил его также снять блокаду Гиссена. В январе 1760 года обе армии отступили на зимние квартиры. Французы занимали почти ту же территорию, что и в начале кампании; и союзники аналогичным образом были разделены на две дивизии: Вестфальская армия простиралась от Мюнстера через Падерборн до Везера, гессенская армия - от Марбурга на восток до Верры. Так закончилась кампания 1759 года, оставив обе стороны оккупировать ту же территорию, что и в ее начале; но это заклеямило французов позором крупного поражения и

усилило в союзниках их презрение к своему врагу и их уверенность в своем главнокомандующем.

ГЛАВА IX

1759.

Никогда за всю ее историю Англия не испытывала такого триумфа, как в 1759 году. Начавшись со взятия Гори в январе, последующие месяцы принесли непрерывную историю успеха: о спасении Мадраса и взятии Масулипатاما в Индии, о взятии Квебека в Канаде, о завоевании Миндена в Германии, об одном французском флоте, разгромленном Боскавеном у португальского побережья, о другом, разгромленном Хоуком в романтическом сражении в Киберонском заливе. Такова была история, с которой король Георг Второй в последний раз в своей жизни встретился со своим парламентом, и Питт не преминул обратить ее во благо. Было решено установить памятник Вулфу в Вестминстерском аббатстве; были объявлены благодарности Хоук, Сондерсу и Холмсу из военно-морского флота, а также Монктому, Мюррею и Таунсенду из армии; и военные оценки были приняты без особых затруднений. Было приказано пополнить армию Фердинанда из Великобритании, Брауншвейга и Гессена. Полная численность национальных войск, проголосовавших за британский истеблишмент, превысила сто тысяч человек; воплощенное ополчение увеличило это общее число на двадцать тысяч, а немецкие войска, находящиеся на жаловании у Англии, - еще на пятьдесят пять тысяч; в то время как еще двенадцать тысяч человек дома и за границей, которые были наняты ирландским истеблишментом, довели его до ста девяноста тысяч человек. Перед началом кампании 1760 года численность британской линейной пехоты увеличилась до девяноста шести полков; Англия выделила один новый корпус, Уэльс - один, Шотландия - пять, Ирландия - четыре, и все они были расформированы в конце войны.^[356] К ним позже в том же году были добавлены шесть новых полков легких драгун. Первый был сформирован в августе под командованием полковника Джона Бергойна, который получил звание шестнадцатого драгунского полка и теперь известен нам как Шестнадцатый уланский полк; второй, созданный в октябре лордом Абердуром, вскоре погиб, не оставив после себя и следа; а третий был сформирован в довольно примечательных условиях полковником Джоном Хейлом в ноябре. Полковник Хейл, первоначально служивший в "Синих", а позже в сорок третьем пехотном полку, был офицером, который привез депеши с сообщением о победе Квебека. Обнаружив по прибытии в Англию в октябре, что все еще существует некоторая тревога по поводу французского вторжения, он вызвался сформировать полк лондонских лакеев и председателей конвоев и повести их против лучших придворных войск Франции; предложение, которое так обрадовало Питта, что он сообщил об этом в Палату общин. Наконец, он взял на себя обязательство набрать сильный полк легких драгун без взимания сбора с людей или лошадей, пообещав, что любые люди или лошади, которым инспектирующий офицер возразит при проверке, будут заменены без каких-либо затрат для страны, и что весь корпус должен быть укомплектован в течение двух месяцев. Предложение было принято, и полк был укомплектован исключительно за счет офицеров в течение, как говорится, семнадцати дней. Такое количество не было неподходящим; ибо, хотя впервые этот

полк был известен в течение нескольких лет, пока существовал Абердур, как Восемнадцатый, он все еще выделяется белыми мундирами и эмблемой в виде черепа и скрещенных костей, которую выбрал для него Хейл, и остается с нами как Семнадцатый уланский. Три оставшихся корпуса, которые довели количество драгунских полков до двадцати одного, просуществовали слишком недолго, чтобы заслуживать большего, чем простое упоминание.[\[357\]](#)

1760.

Февраль.

Угроза французского вторжения была довольно нелепо реализована в феврале в результате высадки французского капера "Тюро" с пятью кораблями у Каррикфергуса. Высадив около тысячи солдат, он принял сдачу города после стычки с гарнизоном, разграбил его, вопреки условиям капитуляции, и снова погрузился на корабль. Однако его эскадра почти сразу же была поймана тремя британскими военными кораблями, когда после короткого боя Тюро был убит, а все его корабли захвачены. Это трагическое завершение эскапады Тюро сняло общую напряженность и восстановило доверие к стране.

Столь глупый рейд вряд ли привел бы к каким-либо изменениям в приготовлениях Питта к отправке подкрепления Фердинанду, который нуждался в особом усилении после катастроф, постигших короля Фридриха при Кунерсдорфе и Максене. В январе было решено отправить в Германию еще три полка британской кавалерии, а несколько недель спустя их число было увеличено до пяти. В мае было обещано дальнейшее усиление в виде шести батальонов и двух полков горцев, а в июне - еще двух кавалерийских полков, что в общей сложности составило около десяти тысяч человек.[\[358\]](#) Войска были отправлены на Везер, а не, как до сих пор, в Эмден, и, по-видимому, были отправлены с похвальной быстротой; поскольку шесть пеших полков, хотя и были приведены в боевую готовность только 1 мая, были фактически осмотрены Фердинандом в его лагере во Фрицларе 17 июня и были объявлены им в наиболее удовлетворительном состоянии. [\[359\]](#)

Май.

20 июня.

22 июня.

24 июня.

Июль.

Поскольку кампания 1759 года затянулась до глубокой зимы, Фердинанд дал своей армии отдых до конца мая. Наконец, 20-го числа он отозвал пехоту армии Гессена из ее расквартирования и разместил основные силы под своим командованием во Фрицларе, при этом один корпус выдвинулся к Херсфельду на Фульде для защиты своего левого фланга, а второй под командованием генерала Имхоффа - в Кирххайн, на Ом. В его намерения входило, чтобы в случае наступления противника Имхофф отозвал отряд из Херсфельда в Хомберг, немного южнее Кирххайна, в излучине Ома, где была позиция, которая вскоре станет нам лучше известна, и на которой он мог преградить путь значительно превосходящим силам. Одновременно вестфальская армия отошла на свою прошлогоднюю линию, от Косфельда на восток до Хамма. На этих позициях союзники оставались почти месяц, прежде чем французы проявили хоть малейшие признаки движения; когда, наконец, армия Нижнего Рейна под командованием графа Сен-Жермена собралась в Дюссельдорфе и, переправившись через Рейн, двинулась к Дортмунду. Из этого центра Сен-Жермен мог наступать либо на север, на

Мюнстер, либо на восток, на Липпштадт; но было вполне очевидно, что его истинным намерением было присоединиться к армии Майна и действовать против правого фланга союзной армии Гессена. Примерно в то же время Бройль сосредоточил армию Майна немного восточнее Гессена и начал свое наступление на север. Наследственный принц немедленно отступил от Херсфельда со своим отрядом в направлении Ома, в то время как Фердинанд двинулся на юг до Цигенхайна, чтобы присоединиться к Имхоффу, с твердым намерением заставить Бройля сразиться с ним, прежде чем тот продвинется еще на милю. Однако, к своему бесконечному отвращению, он узнал, что Имхофф оставил вверенную ему позицию и приказал всему передовому корпусу вернуться в Кирххайн. Таким образом, самый эффективный барьер в Гессене был открыт для французов; Фердинанд волей-неволей остановился; и Бройль без промедления двинулся к Гомбергу, откуда, повернув на восток, встал лагерем перед армией Фердинанда у Нойштадта. В этой ситуации обе армии бездействовали целых две недели, хотя их разделяло не более двух часов марша, ни одна из них не осмеливалась атаковать другую и каждая ждала, когда другая предпримет следующее движение.

8 июля.

10 июля.

Бройль положил конец тупиковой ситуации. Отправив Сен-Жермену приказ выступить из Дортмунда 4 июля и встретить его у Корбаха, он выступил в ночь на 7-е на северо-запад, на Франкенберг. Фердинанд, узнав о его передвижениях на следующий день, также со всей скоростью двинулся на север, выдвинув сильный передовой корпус под командованием наследного принца через Заксенхаузен на Корбах, чтобы преградить выход из ущелья, через которое армия Бройля должна была пройти на равнину, и таким образом воспрепятствовать его соединению с Сен-Жерменом. Французы, однако, слишком долго оттягивали момент. Сен-Жермену, хотя он и причинял своим войскам ужасное беспокойство быстротой своего марша, удалось пройти через ущелье с севера; а Бройль, поспешивший с юга, обнаружил, что его войска выстраиваются в боевой порядок как раз в тот момент, когда наследный принц выступил на равнину из Заксенхаузена. Поскольку французов было еще не более десяти тысяч, принц атаковал; но вскоре был отброшен превосходящими силами, когда подошли остальные французы, и, наконец, отступил, потеряв пятьсот человек и пятнадцать орудий, семь из которых были британскими. Британской пехоте во главе с принцем, Пятому, Двадцать четвертому, Пятидесятому и пятьдесят первому полкам выпало прикрывать отступление; но они были так сильно прижаты, что принц освободил их только тем, что встал во главе двух эскадронов Первого и Третьего гвардейских драгун и повел их в отчаянную атаку. К счастью, эскадрильи ответили великолепно,^[360] и таким образом арьергард был спасен; но принц получил неприятный удар, и французы добились своего первого успеха.

12 июля.

Вестфальская армия союзников под командованием генерала фон Сперке прибыла на место событий, повинаясь приказу, через два дня после начала боевых действий и была размещена в Фольксмарсене на реке Димель для защиты прав Фердинанда; и затем два войска снова остались неподвижны лицом к лицу: французы в Корбахе, союзники в Заксенхаузене. Общие силы Фердинанда составляли всего шестьдесят шесть тысяч человек, в то время как французы насчитывали сто тридцать тысяч;^[361] однако разница в качестве двух армий была такова, что Бройль не осмеливался действовать иначе, как с крайней осторожностью. Его главной целью

было окружить правый фланг Фердинанда и отрезать его от Вестфалии на линии Димеля; и Фердинанд соответственно решил отвлечь внимание Бройля на противоположный фланг.

15 июля.

16 июля.

Получив разведданные о том, что отряд противника под командованием генерала Глаубица, состоящий из шести батальонов, гусарского полка и нескольких легких войск, направляется из Марбурга в Цигенхайн, очевидно, с целью нарушить его коммуникации, Фердинанд в ночь на 14-е число отрядил наследного принца принять командование шестью батальонами, расположенными во Фрицларе, и атаковать его. Соответственно, на следующее утро принц быстрым маршем двинулся на юг, по пути к нему присоединились полк немецких гусар и Пятнадцатый легкий драгунский полк, который только что прибыл из Англии. Добравшись до окрестностей Цигенхайна, он обнаружил, что Глаубиц расположился лагерем дальше к западу, недалеко от деревни Эмсдорф. Его войска были измотаны долгим маршем, принц остановился на ночь в Трейсе и, продолжив наступление рано утром, подобрал еще два отряда иррегулярных войск, конный и пеший, которые направлялись к нему, и двинулся дальше только со своими конными войсками, чтобы разведать позицию противника. Он обнаружил французов, расположившихся у входа в ущелье в горах, выходящее фасадом на северо-восток, вдоль одной из двух дорог, ведущих из Кирххайна во Фрицлар и в Цигенхайн. Их правый фланг находился позади деревни Эрксдорф, а левый - перед деревней Эмсдорф, упираясь в лес длиной около трех миль. Принц и генерал Люкнер, который был с ним, вошли в лес, но не обнаружили ни пикетов, ни часовых; они продвинулись вперед через кукурузные поля на расстояние полумили от лагеря, но не увидели ни разведчиков, ни патрулей, ни даже главного охранения; более того, сам Эрксдорф, хотя и находился менее чем в миле от лагеря, не был занят. Они крались обратно, вполне довольные тем, что увидели.

Дождавшись до одиннадцати часов, когда к нему присоединится его пехота, принц разместил один батальон, гусарский полк Люкнера и Пятнадцатый легкий драгунский полк, в долине в миле от Эрксдорфа; затем, взяв пять оставшихся батальонов вместе с иррегулярными войсками и четырьмя орудиями, он прошел через лес за компасом и в полном составе атаковал левый фланг противника. Французы были совершенно удивлены. Два батальона едва успели сформироваться в направлении леса, как пехота принца налетела на них, дала залп, который уложил триста человек, а остальных отбросил назад, к оставшейся пехоте Глаубица, которая поспешно отступала в тыл лагеря. Одновременно Люкнер, услышав стрельбу, прискакал галопом со своей кавалерией справа от французов; после чего все французские войска покинули свой лагерь и отступили через лес в их тыл к Лангенштейну. Здесь они сплотились; но единственный батальон Люкнера поспешил за ними, чтобы преградить им путь через Ом на запад, в то время как Пятнадцатый, надавив на их фланг, расположился поперек дороги на Аенеберг и, бросившись в атаку, отбросил их назад с той стороны. С некоторым трудом французы отразили атаку и, развернувшись на юго-восток, направились к лесу неподалеку, надеясь пройти через него и таким образом убежать на юг. Но, добравшись до южной опушки леса, они обнаружили, что все выходы перекрыты конными иррегулярными отрядами принца. Волей-неволей они снова повернули назад через лес и вышли на открытую местность на его западной стороне, надеясь, что какая-нибудь болотистая местность, лежащая на пути кавалерии принца, обезопасит их от дальнейшего преследования. Но не успели они пройти по равнине больше мили, как гусары и легкие драгуны снова налетели на них, и Пятнадцатый во

второй раз в одиночку ворвался в самую гущу противника, вырезав его десятками и взяв в плен один батальон целиком. С большим трудом остатки французов отбились от преследователей и продолжили отступление: половина из них была убита, или взята в плен, или пала, не в силах идти дальше, но остальные храбро сражались. Достигнув открытого леса, они снова остановились и приготовились к бою. Принц, все еще следовавший за ними по пятам со своей кавалерией, вслед за этим окружил их и потребовал сдаться; и французский командующий, отчаявшись в дальнейшем сопротивлении при истощенном состоянии своих войск, был вынужден сдаться.

Так закончилось действие, которое до сих пор отмечается в связи с назначением Пятнадцатого гусарского полка по имени Эмсдорф. Французский лагерь был застигнут врасплох в полдень, и последняя часть их войск капитулировала в шесть часов вечера, мужественно, но тщетно пытаясь отбросить неумолимого врага, преследовавшего их на протяжении почти двадцати миль. Потери французов убитыми и ранеными неизвестны, хотя они, должно быть, были значительными, но взятых в плен насчитывалось две тысячи шестьсот человек, при этом было также захвачено девять знамен и пять орудий. Общие потери войск принца не превысили ста восьмидесяти шести человек и ста восьмидесяти одной лошади, из которых сто двадцать пять человек и сто шестьдесят восемь лошадей принадлежали Пятнадцатому полку. Фактически, именно Пятнадцатый полк участвовал во всех боях. Другие участвовавшие в них полки не потеряли по двадцать человек каждый. Пехота не могла поспевать за преследованием после того, как они достигли Лангенштейна, а два других кавалерийских корпуса, хотя и проделали отличную работу по отражению атаки противника, так и не вышли на ближний бой. Гусары Люкнера не потеряли ни человека, ни лошади, а из конных иррегулярных войск только двадцать три человека и лошади были убиты или ранены. Только Пятнадцатый, молодой полк, никогда не бывавший под огнем, трижды атаковал французскую пехоту, в пять раз превосходявшую его по численности, и прорвался сквозь нее; и успех сражения приписывался им и только им. Их доблесть действительно вызвала изумление всей армии.^[362] Традиция атаковать дома, как мы увидим в свое время как во Фландрии, так и в Испании, осталась с полком и, несомненно, остается с ним по сей день.

23 июля.

25-27 июля.

29 июля.

30 июля.

Этот блестящий подвиг стал некоторой компенсацией союзникам за прошлые неудачи; но неделю спустя Бройль попытался переломить ситуацию более серьезными операциями. 23-го он разделил свою армию на три корпуса, из которых один направил в обход левого фланга Фердинанда под командованием принца Ксаверия Саксонского, чтобы угрожать Касселю, а второй оттеснил Сперке справа от Фольксмарсена, в то время как основные силы под его собственным командованием продвигались к Заксенхаузену. Волей-неволей Фердинанд отступал на северо-запад к Калле, его арьергард подвергался непрерывным и жестоким атакам на протяжении всего движения; после чего Бройль, видя, что путь свободен, отрядил корпус под командованием шевалье де Муи, который недавно прибыл на смену графу Сен-Жермену, через Димель к Варбургу, чтобы отрезать союзников от Вестфалии. Сам маршал тем временем продвигался параллельно Фердинанду с восточной стороны по направлению к Калле, а принц Ксавьер еще теснее прижался к Касселю. Поскольку Фердинанду было очевидно, что либо

Кассель, либо Вестфалия должны быть оставлены, он выделил войска под командованием генерала Кильмансегге для усиления гарнизона Касселя и решил атаковать де Муи.

Соответственно, днем 29-го корпус Сперке переправился через Димель к Либенау, за ним в тот же вечер последовал корпус Наследного принца; а 30-го их объединенные силы, в общей сложности не превышавшие четырнадцать тысяч человек, расположились лагерем между Либенау и Корбеке левым флангом на Димеле, лицом на запад. На рассвете того же утра армия Бройля выступила одновременно с нескольких сторон против лагеря союзников в Калле, но отступила после нескольких часов канонады; и Фердинанд, убедившись по другим признакам, что эта демонстрация была предназначена только для прикрытия продвижения французов к Касселю, решил без промедления перейти Димель и нанести удар по де Муи.

Тем временем Сперке и наследный принц разведали позицию де Муи и рекомендовали своему собственному корпусу обойти его левый фланг, в то время как Фердинанд с основной армией двинулся против его фронта. Де Муи с примерно двадцатью тысячами человек занял высокий хребет за излучиной реки Димель, обращенный на северо-восток, упираясь правым боком в Варбург, а левым - в деревню Окзендорф. Слева позади него возвышался круглый холм, увенчанный башней, а слева впереди лежала деревня под названием Поппенгейм. Было решено, что корпус Сперке и наследного принца должен двумя колоннами продвинуться на запад от Корбеке и выстроиться в три линии между тауэром и Поппенгеймом, чтобы обрушиться на левый фланг и тыл де Муи, в то время как Фердинанд, пересекая Димель у Либенау, должен атаковать его центр и правый фланг. Поскольку лагерь между Либенау и Корбеке находился примерно в десяти милях от лагеря де Муи, а лагерь Фердинанда - примерно в пятнадцати милях к югу от Димеля от Либенау, операция требовала особой тщательности в исполнении.

31 июля.

В девять часов вечера 30-го армия Фердинанда выступила из Калле, а в шесть часов следующего утра головы его колонн миновали Димель и вышли на высоты Корбеке. Однако они прибыли позже назначенного часа. Переход Димеля вызвал большую задержку; и ни вся спешка офицеров, ни рвение солдат не могли быстрее продвинуть армию вперед. В семь часов Сперке и наследный принц, после долгого тревожного ожидания, решили выступить из Корбеке, пока не было потеряно еще больше времени. Северная колонна, включавшая правое крыло всех трех родов войск, была двинута Гроссом Эйдером и Окзендорфом на башню; южная, состоящая из левого крыла, - Кляйном Эйдером и Поппенгеймом. Обе колонны возглавляли британские войска — северную возглавляли королевские драгуны, чье место было на крайней правой стороне первой линии, в то время как британские гренадеры, сведенные в два батальона под командованием полковников Максвелла и Далхатта,^[363] маршировали во главе пехоты. Южный полк возглавлял Седьмой драгунский, а горцы Кита и Кэмпбелла^[364] следовали за ними, прикрывая гренадер во второй линии.

В половине второго наследный принц, разместив свою артиллерию на окраинах Окзендорфа и Поппенгейма, открыл огонь в качестве сигнала к атаке; и в то же время британские гренадеры начали проходить через Окзендорф. Некоторые французские батальоны, которые де Муи отбросил *силой* назад для защиты своего левого фланга, вслед за этим отступали без стрельбы, пока не стало ясно, что союзники направляются к крутому холму в тылу французских позиций. Затем один батальон полка Бурбоннуа намеренно развернулся и двинулся маршем занимать холм. Допустить подобное означало бы расстроить все планы союзников, поэтому необходимо

было предотвратить это любой ценой. Полковник Беквит с десятью гренадерами побежал вперед, стараясь не попадаться на глаза французам, чтобы достичь холма раньше них; сам принц с еще тридцатью поспешил за ним; и с этой горсткой людей, все запыхавшиеся, они взобрались на гребень высоты. Прибывший чуть позже "Бурбоннуа" был встречен резким огнем и, не имея возможности разглядеть численность противостоящих ему сил, остановился на десять минут, чтобы дать возможность подойти своему второму батальону. Задержка дала время всему гренадерскому батальону Даулхатта присоединиться к небольшому отряду Беквита; а затем два батальона бурбоннуа атаковали всерьез, и бой между французами и англичанами, при соотношении сил двое против одного, стал самым ожесточенным и упорным. Однако численное превосходство было слишком велико, и люди Даулхатта после доблестной борьбы начали отступать, когда батальон Максвелла подошел в самый последний момент, чтобы поддержать их. Это подкрепление восстановило баланс сил в битве; люди Даулхатта быстро сплотились, и борьба за холм возобновилась. Французы, однако, приготовились послать свежие батальоны в поддержку бурбоннуа, и положение британцев стало критическим, поскольку артиллерийская батарея, которая направлялась на холм, чтобы поддержать их, столкнулась с трудностями в ущелье близ Оксендорфа и блокировала продвижение остальной части северной колонны. К счастью, его освободили, хотя и не слишком скоро, и, подтянувшись к холму, он быстро вступил в бой; в то время как голова южной колонны, также подошедшая, обошла французское подкрепление с фланга и в беспорядке отбросила их назад. Затем Королевский полк и Седьмой драгунский были выпущены на разбитые французские батальоны, довершив их разгром и взяв много пленных.

Пока что переломный момент удался; но его успех еще не был гарантирован, поскольку только часть южной колонны была еще сформирована для действий, а войска на поле боя начинали выдыхаться. Де Муи, возможно, еще надеялся повернуть чашу весов влево, когда его внимание внезапно привлекло продвижение войск на его фронте. После отчаянных, но бесплодных усилий было обнаружено, что пехота армии Фердинанда не может надеяться прибыть вовремя, чтобы принять участие в боевых действиях. Британские батальоны, подгоняемые генералом Уолдегрейвом, мужественно боролись за продвижение вперед, но день был жарким, а почва труднопроходимой и во многих местах болотистой: солдаты не падали, но падали без чувств от усталости вопреки своей воле. Поэтому Фердинанд приказал лорду Грэнби, которому удалось захватить Саквилл, наступать только с двадцатью двумя эскадронами британской кавалерии и британской артиллерией. Поэтому они пустились рысью, ружья сопровождали их со скоростью, которая поражала всех зрителей.^[365] Два часа рыси привели их, наконец, в поле зрения противника; и Грэнби немедленно повернул их против кавалерии правого фланга де Муи. Темп был на короткое время замедлен, когда эскадрильи построились в две линии для атаки. В первой линии справа налево находились Первый, Третий и Второй гвардейские драгуны в одной бригаде, Синие, Седьмые и шестые гвардейские драгуны в другой; во второй линии были Серые, Десятый, Шестой и одиннадцатый драгуны. Затем наступление возобновилось, Грэнби ехал во главе Синих, своего собственного полка, и далеко впереди всех. Шляпа слетела с его головы, обнажив лысину, которая ярко сверкала на солнце, когда рысь перешла в галоп и строй с грохотом двинулся дальше. Французские эскадроны на мгновение заколебались, а затем, за исключением всего трех, развернулись и обратились в бегство, не дожидаясь удара. Ряды алых быстро развернулись во фланг и тыл французской пехоте; после чего три французских эскадрона, которые до этого стойко стояли, храбро обрушились на фланг королевских гвардейских драгун и опрокинули их. Но синие быстро подошли, чтобы освободить своих

товарищей, и маленькая группа преданных французов была разорвана на куски. Французская пехота, обнаружив, что ее теперь атакуют с обоих флангов, сломалась и обратилась в бегство; а все люди де Муи, конные и пешие, бросились вниз к Димелю и, даже не посмотрев на мосты, побросали оружие и, шлепая, в бешенстве бросились через броды. Отряд французских иррегулярных войск в Варбурге также попытался спастись бегством, но был пойман кавалерией и почти полностью уничтожен. Наконец, британские батареи галопом спустились к реке, расположились на берегу и нанесли по беглецам такой сокрушительный удар, что полностью помешали им переформироваться. Вскоре Грэнби переправился через реку, преследуемый десятью эскадронами, и остатки корпуса де Муи в беспорядке отступили к Фольксмарсену. Так блестяще завершилась акция Варбурга.

Потери французов составили от шести до восьми тысяч человек убитыми, ранеными и взятыми в плен, в то время как двенадцать орудий остались в качестве трофеев в руках победителей. Союзники потеряли чуть более тысячи двухсот человек, из которых не менее двухсот сорока принадлежали к гренадерам Максвелла; батальон Даулхатта также сильно пострадал. Потери кавалерии были незначительными. В целом акция была блестящим маленьким мероприятием, хорошо спланированным и, несмотря на опоздание с прибытием Фердинанда, хорошо выполненным. Для британцев это искупило репутацию кавалерии, которой Саквилл так позорно пожертвовал при Миндене; очевидно, именно воспоминание об этом позоре подтолкнуло Грэнби к столь быстрому продвижению и столь стремительной атаке. Для Фердинанда победа фактически открыла путь в Вестфалию.

10 августа.

Тем временем оказалось невозможным защитить Кассель от превосходящих сил Бройля, и, соответственно, город был оставлен. Фердинанд не был виноват в том, что Гессен оказался таким образом отдан на милость французов; действительно, имея армию, вдвое меньшую по численности, чем у его врага, он хорошо поступил, спасая Вестфалию. Теперь он занял позицию вдоль Димеля от Тренделбурга до Штадтбергена, чтобы перекрыть все переправы через реку, в то время как Бройль разместил свою главную армию против него на противоположном берегу. Численное превосходство маршала, однако, позволяло ему, сдерживая союзников основной частью своей армии, выделять отдельные корпуса для второстепенных операций, хотя даже к таким предприятиям он подходил с удвоенной осторожностью после уроков Эмсдорфа и Варбурга. Его первым эссе было "Взятие Цигенхайна", который сдался после десятидневной осады; и одновременно он двинул корпус под командованием принца Ксавье на восток, против Мюндена, который занял Геттинген и продвинул отряды на север до Нордхайма и Айнбека. Это последнее движение привело к тому, что война неприятным образом продвинулась далеко на территорию Ганноверии; но Фердинанд, тем не менее, оставался непоколебимым на Димеле. Вслед за этим Бройль разбил свой лагерь на этой реке и переместил свою позицию на восток, к Имменхаузену, для поддержки операций принца Ксавье. Это поставило Фердинанда перед неловкой дилеммой. Он послал несколько отрядов в Беверунген на Везере, чтобы сдерживать передовые отряды Ксавьера; но этот отряд, хотя и хорошо выполнил свою работу, был недостаточно силен, чтобы противостоять вторжению реальных сил. Более того, Эйнбек находился неприятно близко к границе владений своего брата Брауншвейга, которые он охотно спас бы от вторжения, если бы мог. И все же он не мог продвинуться на восточный берег Везера, не обнажив Липпштадт, единственную крепость, которая позволила ему предотвратить

идеальное взаимодействие французских армий на Рейне и Майне. На самом деле ситуация была полна крайних испытаний и смущения.

Сентябрь

Фердинанд, чьи легкие войска и иррегулярные части никогда не бездействовали, пока могли причинить вред, сначала попробовал совершить налет летучей колонной на коммуникации Бройля с Франкфуртом; но это предприятие, хотя и встревожило французов и несколько замедлило их приготовления, лишь частично достигло своей цели. С другой стороны, у Фердинанда всегда была возможность оставаться на месте до тех пор, пока нехватка фуража не вынудит Бройля отступить; но это, хотя и безошибочный метод, был медленным и означал бы, что местность превратилась бы в пустыню, через которую было бы невозможно преследовать французов во время их отступления. Поэтому он решил совершить отвлекающий маневр, внезапно перенес войну на Рейн. Бройль, стремясь вторгнуться в Ганновер и Брауншвейг, лишил Везель большей части его гарнизона. Если бы Фердинанду удалось отнять у него Везель, базу Рейнской армии, отвлекающий маневр был бы действительно впечатляющим ударом.[366]

Сентябрь. 23.

1-2 октября.

Октябрь.

В течение первых дней сентября приготовления Фердинанда к этому предприятию шли неуклонно и безмолвно; и 22-го мощный обоз осадной артиллерии под командованием графа Липпе-Бюкебургского выступил в Везель, за которым тремя днями позже последовал наследный принц примерно с десятью тысячами ганноверцев и гессенцев. Граф должен был вести осаду, а принц - прикрывать ее. Бройль, узнав об их отъезде, немедленно выделил сильный корпус под командованием маркиза Кастри, чтобы следовать за ними; на что Фердинанд ответил, отправив принцу один ганноверский и десять британских батальонов вместе с гессенским полком и тремя британскими кавалерийскими полками.[367] Тем временем передовые отряды принца переправились через Рейн ниже Везеля 29 сентября и застали врасплох два или три небольших гарнизона. Вслед за этим комендант Везеля разрушил мост, соединявший его с западным берегом Рейна, и не слишком скоро, потому что 30-го числа принц выступил вперед и осадил крепость. Осада, однако, продвигалась медленно из-за дождей и непогоды; а тем временем Кастри продвигался форсированными маршами, несмотря на ужасное состояние дорог, по маршруту в добрых пятидесяти милях к югу от города принца, к Рейну. 12 октября он переправился через реку у Кельна и без промедления двинулся к Райнбергу, где к нему присоединилось подкрепление из Брабанта. Учитывая невыразимые трудности, связанные с плохой погодой и почти непроходимыми дорогами, этот марш-бросок в Кастри выделяется как очень прекрасный подвиг решимости и выносливости.

Наступление французских войск со стороны Брабанта стало осложнением, которого ни Фердинанд, ни наследный принц не предвидели. Фактически это почти лишило продвижение к Везелю характера диверсии. Кастри имел в Райнберге тридцать батальонов и тридцать восемь эскадронов, не считая иррегулярных войск, и ожидал дальнейшего подкрепления; тогда как принц, ослабленный отсутствием людей в траншеях перед Везелем, мог выставить ему навстречу только двадцать один батальон и двадцать два эскадрона. Принцу оставалось либо сражаться с превосходящими силами, либо отступить; и он решил сражаться. Кастри занял позицию за Евгенийским каналом, лицом на северо-запад, упираясь правым боком в Райнберг,

а левым - в аббатство Клостер Кампен на северной стороне канала. Прямо слева от него, но на его стороне канала, стояла деревня Кампенбрек, состоящая из нескольких разбросанных домов с садами, канавами и изгородями. Впереди и слева, или с западной, стороны Кампенбрека простиралось болото, покрытое редким лесом из чахлых деревьев, через который были проложены тропинки к мосту, соединявшему деревню с аббатством на другой стороне канала. Через этот мост лежал единственный способ принца проникнуть во французский лагерь; и Кастри тщательно охранял проход, разместив не менее двух тысяч иррегулярных войск в аббатстве и вокруг него. Единственный возможный шанс для принца заключался в нападении врасплох.

Дождавшись 15-го числа, чтобы собрать свои войска, принц выступил из Везеля в гробовом молчании за час до полуночи. Силы были разделены на пять дивизий. Пятнадцатый легкий драгунский полк, королевский драгунский полк и Иннискиллингский драгунский полк, а также прусские гусары составляли авангард; затем шла поддержка в виде двух батальонов горцев и такого же количества британских гренадер; затем основные силы Двадцатого и двадцать пятого британских пехотных полков с восемью ганноверскими батальонами, всеми под командованием генерала Уолдегрейва; затем резерв в составе одиннадцатого, Двадцать третьего, Тридцать третьего и пятьдесят первого британских пехотных полков с тремя немецкими батальонами под командованием генерала Говарда; затем арьергард из десятого британского драгунского полка и десять немецких эскадрилий.

16 октября.

В три часа утра 16-го передовые отряды союзников наталкиваются на аванпосты французских иррегулярных войск, расположенные в полутора милях за Клостер Кампеном. Несмотря на строгий приказ принца, был произведен один или два выстрела, но, к счастью, не потревоживших противника; и союзники беспрепятственно продолжили свой марш к мосту, отрезав таким образом иррегулярные части в аббатстве от основных сил французов. Затем эти изолированные войска были атакованы и полностью рассеяны; и пока мушкетная пальба все еще громко гремела у стен аббатства, принц, бесшумно крадучись, с британскими гренадерами проник в лес и в деревню Кампенбрек, так тихо и в то же время так быстро, что овладел ею прежде, чем враг заметил его присутствие. Французы в лагере, однако, были встревожены стрельбой, и некоторые из старших офицеров выгнали солдат и отправились в лес на разведку. Один из них, шевалье д'Ассас, направляясь на пикеты своего полка, внезапно оказался среди британских гренадеров, но, не различив в темноте никого, кроме принца, направился к нему со словами: "Сэр, вы мой пленник". "Напротив, - ответил принц, - вы мои, потому что это мои гренадеры"; и пока он говорил, люди сомкнулись вокруг д'Ассаса с примкнутыми штыками. "Овернь, Овернь, враг на нас", [368] без малейшего колебания крикнул д'Ассас своему полку во весь голос; и прежде чем слова слетели с его губ, дюжина штыков пронзила его тело и уложила мертвым на землю. Тем не менее преданности этого доблестного человека было достаточно, чтобы спасти французскую армию. Полк "Овернь" немедленно прибыл на призыв д'Ассаса; Кастри поспешно перебросил еще два батальона на его поддержку; и еще три батальона прибыли сразу после этого, чтобы защитить свой фланг. В свою очередь подошла поддержка союзников, и битва яростно раскачивалась взад и вперед до рассвета, когда французы подтянули дополнительные батальоны справа от себя. Резервы союзников вызывались быстро и часто, но из-за какой-то ошибки их не удавалось найти. Тем не менее небольшие силы британцев и ганноверцев продолжали отчаянно сражаться, пока сам принц не упал раненый со

своей лошади; и тогда, когда их боеприпасы были исчерпаны, они уступили превосходящему численному составу спереди и с флангов и внезапно отступили. Французы сломали свои ряды с громкими криками ликования по поводу преследования, когда пятнадцатый легкий драгунский полк налетел на них, по своему обыкновению, устремившись домой, полностью разбил два батальона и отбросил остальных в замешательстве к своим товарищам. Французская кавалерия теперь выступила вперед в подавляющем количестве и очень грубо обошлась с британскими эскадронами; но атака пятнадцатого дала пехоте время собраться и отступить в хорошем порядке. Резерв появился у Клостер Кампена как раз вовремя, чтобы прикрыть отступающие войска, и к полудню битва при Клостер Кампене была закончена.

Потери союзников составили почти тысячу двести человек убитыми и ранеными и тысячу шестьсот пленными, в дополнение к которым были захвачены одно орудие и один британский флаг. Потери французов были все тяжелее и тяжелее, составив две тысячи семьсот убитых и раненых и триста пленных. Борьба была необычайно упорной и кровопролитной, а огонь британцев был настолько быстрым и смертоносным, что три французские бригады были практически стерты с лица земли.^[369] Однако говорится, что после этой акции наследный принц никогда больше не возьмет британские войска под свое командование.^[370] Он признал, что генерал Уолдегрейв творил чудеса в бою,^[371] но он жаловался на поведение своих войск, хотя Уолдегрейв засвидетельствовал, что ни один человек не ушел в отставку до тех пор, пока его боеприпасы были исчерпаны. Возможно, принц был раздражен тем, что резерв не прибыл вовремя, когда это было необходимо; но никто не вменяет себе в вину это несчастье, которое, по-видимому, произошло просто из-за невезения. Мовийон, который всегда очень откровенен в своей критике британцев, категорически заявляет, что не верит в их неправомерные действия в данном случае; и поскольку единственный дошедший до нас список потерь, хотя и очень далеко не полный, показывает, что они потеряли пятьсот человек убитыми и ранеными, должно показаться, что строгость принца была незаслуженной. Тяжело было также, что он забыл все, что они сделали для него при Эмсдорфе и Варбурге, не говоря уже о том факте, что героическая атака Пятнадцатого полка, вероятно, спасла его войска от полного уничтожения в самом Клостер Кампене. Стоило ли ему самому отваживаться на такую акцию при соотношении сил два к одному, когда французы подтягивали подкрепления с запада, - это другой вопрос; ибо не было похоже, что падение Везеля произойдет быстро, даже если Кастри будет разбит, в то время как отвлекающий маневр, как оказалось, вовсе не был отвлекающим маневром. С другой стороны, уничтожение его корпуса или лучшей его части было бы серьезным ударом для Фердинанда. Тем не менее ставка, если бы он ее выиграл, стоила того, чтобы ее выиграть; хотя, если бы он мог предвидеть то, что ожидало его непосредственно перед ним, он, вероятно, не решился бы играть в столь отчаянную игру.

Октябрь.

После боя он отступил на север, к Бюдериху, но обнаружил, что мост, который он перебросил через Рейн, был снесен наводнениями и что он не может идти дальше. Теперь его положение было отчаянным, поскольку не только его отступление было отрезано, но и боеприпасы были израсходованы. Тем не менее, несмотря на ранение, он справился со своими трудностями со своей обычной энергией, окопался среди своих фургонов, восстановил мост и 18-го числа беспрепятственно переправился через реку, подобрав войска у Везеля на восточном берегу. Кастри последовал за ним, когда он отступал на восток, тем самым вынудив его остаться в

Вестфалии для защиты Липпштадта и Мюнстера, хотя принц, тем не менее, решил выделить часть своих сил на помощь Фердинанду.

15 августа и
3 ноября.

Для Фердинанда поражение при Везеле также было серьезным событием. Любой дальнейший удар по французам был невозможен; и максимум, на что он мог надеяться, - это изгнать их из Гессена и сохранить Вестфалию в безопасности. Он предпринял попытку изгнать французоз из Геттингена, но безуспешно; и наконец, доведенный до отчаяния тремя месяцами непрерывных дождей, он разместил войска на зимних квартирах перед городом и завершил кампанию, оставив французам во владении Гессен, Геттингенское княжество и Мюнденские ущелья, что дало им свободный доступ в Ганновер и Брауншвейг. Его собственный штаб располагался в Варбурге, а штаб французоз - в Касселе. Несмотря на все его усилия, численное превосходство говорило против него; и хотя он устроил веселую войну за взятие Монреала, он, вероятно, нашел в этом меньше утешения, чем в победах своего господина Фридриха при Лейгнице и Торгау и в изгнании войск своих врагов из Саксонии.

ГЛАВА X

1760.

Тем временем 20 ноября парламент собрался, чтобы заслушать его первую речь от нового короля. Ибо 25 октября, незадолго до появления новостей о Клостер Кампене, король Георг Второй скоропостижно скончался, дожив до того, чтобы увидеть славу правления королевы Анны, возвращенную Питтом, и славу Бленхейма и Ауденарда, возрожденную не только Минденом и Варбургом, но и Вандевошем и Квебеком. Георг Третий взял новую и странную ноту в своей тронной речи. "Родился и получил образование в Англии", — сказал он - и слова были вставлены им самим, — "Я славлю имя Британии"; и фраза приятно поразила уши, которым не нравилось звучание Ганновера; хотя то, что эта внезапная вспышка островного патриотизма со стороны короля могла предвещать его немецким союзникам, еще не было раскрыто. Сметы для Армии были утверждены без особых трудностей, хотя Истеблишмент продемонстрировал значительный рост. Новых полков, появившихся в списке, действительно, было немного, поскольку была введена система набора неопределенного числа независимых рот; но они постепенно объединялись в полки, и еще до начала кампании там уже был корпус, пронумерованный как сотый в Строю.^[372] Общее число проголосовавших за британский истеблишмент составило сто четыре тысячи человек; кроме того, численность ополчения была увеличена с восемнадцати до двадцати семи тысяч, что составляет, вместе с войсками ирландского истеблишмента, более ста сорока тысяч человек, набранных только в британских владениях. Если добавить наемные войска Ганновера, Гессена и Брауншвейга, то число солдат, получавших британское жалованье, не дотягивало до двухсот тысяч.

1761.

Однако в настоящее время к Фердинанду не было отправлено никакого значительного подкрепления. Батальон от каждого гвардейского полка действительно был направлен к нему в конце прошлой кампании вместе с обычными призывами для заполнения вакансий. Но у Питта было наготове другое предприятие в качестве отвлекающего маневра в пользу Фердинанда. Подобный план действительно был на грани исполнения осенью 1760 года; и восемь тысяч человек действительно были отправлены в секретную экспедицию под командованием генерала Кингсли, но были возвращены на берег по получении известий о Клостер Кампене.^[373] Однако в январе те же полки были снова предупреждены о прохождении службы под командованием генерал-майора Ходжсона,^[374] и 29 марта они отплыли из "Спитхед" под конвоем десяти линейных кораблей, не считая судов меньшего размера, под командованием адмирала Кеппела, в неизвестном направлении.^[375]

Апрель.

22 апреля.

7 апреля флот бросил якорь у острова Бельиль на французском побережье, а на следующий день обошел его в поисках незащищенной точки. Наконец был выбран порт Ла-Мария на юго-восточной стороне; войска были пересажены в плоскодонные лодки, и была предпринята попытка штурма нескольких французских укреплений, прикрывавших место высадки. Но местность была такой крутой, что только шестидесяти бойцам Тридцать седьмого полка удалось пробиться на вершину высот над морем, и они после доблестной попытки удержаться на своих местах были подавлены численным превосходством. Поэтому попытка была прекращена, и войска были отправлены обратно, потеряв около пятисот человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. На самом деле остров был настолько силен от природы и так искусно укреплен искусством, что Кеппел отчаялся в успешном спуске.^[376] Командиры, однако, решили, что в случае ложных атак на Ла-Марию и Соз-Сон можно было бы получить какую-то опору, поднявшись на скалы между ними, которые, будучи сочтенными недоступными, были оставлены без защиты. Соответственно, попытка была предпринята 22-го числа и увенчалась блестящим успехом. Гренадерская рота Девятнадцатого полка ухитрилась вскарабкаться на скалы и продержаться на вершине до подкрепления, когда солдаты пошли в штыковую атаку, отбросили врага и захватили три орудия. Затем французы отступили в крепость Пале и приступили к укреплению обороны, в то время как Ходжсон, к своему бесконечному огорчению, был вынужден две недели бездействовать, не имея возможности высадить свою тяжелую артиллерию из-за непрекращающихся штормов. Наконец, 2 мая земля была прорвана, а 13-го окопы были взяты штурмом. Вслед за этим французы отступили в цитадель, которая после самой доблестной обороны была вынуждена 7 июня капитулировать. Потери британцев за все время операций составили около семисот убитых и раненых. Таким образом, Беллейль был закреплен за флотом как место отдыха на время утомительной работы по блокаде французского побережья.

Февраль.

Любые надежды, которые могли быть основаны на ценности этой экспедиции как помощи Фердинанду, очень быстро развеялись. Сам Фердинанд стремился, пока была еще середина зимы, восполнить потери прошлой кампании смелым ударом по возвращению Гессена. Покинув свои зимние квартиры 11 февраля, он разделил свою армию на три колонны. Левая, или восточная, колонна под командованием Сперке должна была пройти к рекам Верра и

Унструт и соединиться с отрядом пруссаков в атаке на саксонцев в этом квартале; основная, или центральная, армия под командованием самого Фердинанда должна была пройти к Эдеру; а правая, или западная, колонна, состоявшая из войск, расквартированных в Вестфалии под командованием наследного принца, должна была наступать на Фрицлар, в то время как отдельный корпус был выделен для попытки захвата Марбурга.

20 марта.

21 марта.

Март.

Сперке, со своей стороны, хорошо выполнил свою работу и одержал блестящую маленькую победу при Лангенсальце; но остальная часть плана пошла прахом. Узнав о передвижениях Фердинанда, Бройль оставил гарнизон в Касселе и отступил сначала в Херсфельд, за Эдер, и, наконец, на Майн. Но тем временем наследный принц был задержан на два бесценных дня неожиданным сопротивлением во Фрицларе; и Фердинанд, хотя и выбил врага на некоторое время из Гессена, оставил за собой Кассель, Цигенхайн и Марбург, действительно окруженные, но не взятые. Он не осмеливался задерживаться, чтобы овладеть этими местами одно за другим, потому что вся страна была опустошена, и доставлять все припасы с Везера было невыносимо тяжело. Дорога от Беверунгена к центральной колонне армии была вымощена мертвыми лошадьми, трупы прослеживали всю линию наступления. Поэтому он был вынужден поспешить в район, где еще можно было достать припасы, надеясь, что удача передаст ему в руки укрепленные пункты, пока не стало слишком поздно. Но этому не суждено было сбыться. Бройль быстро сосредоточил свои войска на Майне, собрал двенадцать тысяч человек с Нижнего Рейна и двинулся на север, к Гиссену; после чего Фердинанд, проникший на юг до Ома, был вынужден отступить к Эдеру. На следующий день наследный принц был атакован превосходящими силами при Грюнберге и вынужден отступить, потеряв две тысячи пленных; и это несчастье свело на нет все преимущества, которые до сих пор давало это предприятие. Поэтому Фердинанд снял осаду Касселя и со всей скоростью отступал форсированными маршами, ибо у Бройля было теперь восемьдесят тысяч солдат против его собственных двадцати тысяч. Прибыв на свою старую позицию к северу от Димеля, он снова рассредоточил свои войска по зимним квартирам. Его удар потерпел неудачу; и эти операции интересны главным образом как пример тщетности в те дни медленного сообщения продвижения вглубь вражеской страны, если сначала не будет захвачена хотя бы одна крепость в качестве опорного пункта. Легче понять причину трудных осад Мальборо и Веллингтона, если учесть, что Фердинанд, хотя и гнал французов перед собой из конца в конец Гессена за несколько недель, был вынужден оставить его целиком и отступить, потому что оставил Кассель у себя в тылу невидимым.

Союзники так ужасно страдали от лишений и незащищенности во время этой зимней экспедиции, что прошло два месяца, прежде чем они снова были в состоянии выступить в поход;^[377] и французам, частично по той же причине, частично из-за масштабов их подготовки, потребовалось немного меньше времени, чем им. Версальский двор фактически решил предпринять гигантские усилия и немедленно завершить войну путем применения превосходящих сил. Рейнская армия была увеличена до ста тысяч человек под командованием принца Субиза, а основная - до шестидесяти тысяч человек под командованием Бройля. Субиз должен был выступить от Рейна против Фердинанда в начале мая; таким образом, принц был вынужден либо покинуть Вестфалию вместе с Мюнстером и Липпштадтом, чтобы выиграть

время для восстановления сил своей армии, либо выступить со своими войсками, все еще ослабленными и измотанными зимней кампанией, чтобы сразиться с ним. Фактически его задачей было просто поддерживать армию Фердинанда в движении до тех пор, пока войска Бройля не будут освежены и готовы наступать либо на Ганновер, либо на Хамельн на Везере. Когда Бройль таким образом завладевал вниманием Фердинанда, Субиз оказывался со свободными руками на свободном поле. Слабым местом плана было то, что две французские армии должны были действовать независимо, и что более сильная из них была доверена Субизу, некомпетентному командиру, но любимцу мадам де Помпадур. Но в любом случае перспективы Фердинанда были ужасающими, поскольку самое большее, что он мог собрать, - это девяносто три тысячи человек против ста шестидесяти тысяч французов.

Апрель.

14 мая.

Субиз должным образом прибыл во Франкфурт 13 апреля и вызвал Бройля, чтобы обсудить с ним некоторые вопросы. Затем, вместо того чтобы выступить в бой в начале мая, он под различными предлогами оставался неподвижным за Рейном до начала июня. Далее, он решил, вопреки совету, данному ему в Версале, продолжить операции к югу от Липпе и между этой рекой и Руром, чтобы осуществить соединение с Бройлем. Мотивы, которые, возможно, продиктовали это решение, неизвестны; но было высказано предположение, что он боялся вступать в бой с таким грозным противником, как Фердинанд, без коллеги, который разделит бы риск и ответственность. Тем временем Фердинанд, выбрав наименее истощенных из своих войск, отправил корпус под командованием наследного принца в Ноттульн, немного западнее Мюнстера, для наблюдения за Субизом, и ценой огромных усилий сумел в течение десяти недель привести и свою армию, и транспорт в боевую готовность. Было известно, что армия Субиза была обременена огромным обозом; например, один отряд конной гвардии численностью в сто сорок человек путешествовал в сопровождении не менее тысячи двухсот лошадей. Таким образом, весь фураж в окрестностях Мюнстера был уничтожен, жители и их стада обеспечивались королевскими комиссарами, и были предприняты все меры, чтобы затруднить продвижение французов на восток.

Июнь.

1-2 июля.

3 июля.

4 июля.

6 июля.

Наконец, 13 июня Субиз пересек Рейн у Везеля и через десять дней прибыл в Унну, в нескольких милях к востоку от Дортмунда, где он окопался, развернув свой фронт на восток. После этого Фердинанд сосредоточил свою армию 19-го числа у Падерборна, оставив двадцать тысяч человек под командованием Сперке на реке Димель для наблюдения за Бройлем и меньший наблюдательный корпус перед Геттингеном. 20-го он двинулся на запад, а 28-го расположился лагерем против Субиза, где к нему присоединился корпус наследного принца. Обнаружив, что позиции французов слишком опасны для атаки, он решился на смелый удар, совершил тридцатичасовой форсированный марш в обход левого фланга Субиза у Камена и внезапно появился у Дортмунда в полном тылу и поперек линии коммуникаций. Движение оставило Субизу свободу объединиться с Бройлем; но это было скорее преимуществом для Фердинанда,

чем чем-либо иным, поскольку два командующих, находясь в плохих отношениях, могли нейтрализовать друг друга, тогда как каждый из них независимо стоял во главе более сильной армии, чем у Фердинанда. 4 июля Фердинанд двинулся в тыл лагеря Субиза; после чего французский генерал немедленно двинулся дальше, все время сопровождаемый союзниками, следовавшими за ним по пятам, к Зосту, где Бройль договорился с ним о соединении двух армий.

10 июля.

Июль.

Сам Бройль 29 июня продвинулся к Димелю и вынудил Сперке оставить Варбург и отступить, не без потери части своей артиллерии. Затем он повернул на запад, на Падерборн, который он занял, а оттуда на Зост, где его армия присоединилась к армии Субиза 10 июля. Общая численность двух армий в Зосте, после вычета отрядов, сформированных из них обеих, составляла всего около ста тысяч человек. Силы Фердинанда после прибытия Сперке, который со всей поспешностью направился к нему из Димеля, составляли не более шестидесяти тысяч человек. Однако, даже имея против себя такие шансы, Фердинанд стоял на своем, отказываясь переправляться на северный берег Липпе и покидать Липпштадт, как надеялось французское командование. Он был полон решимости, чтобы они сражались с ним за Липпштадт; а они, зная своего противника, не слишком стремились рисковать этим предприятием.

После различных небольших изменений и смещений позиций между 7 и 11 июля Фердинанд сделал следующие распоряжения. Генерал фон Сперке с примерно восемью тысячами человек был оставлен на северном берегу Липпе в Херсфельде для наблюдения за принцем Ксаверием Саксонским, который расположился с корпусом в окрестностях Падерборна. Основная армия расположилась лагерем на южном берегу Липпе, упершись левым крылом в реку; отсюда левое крыло простиралось до деревни Кирхдункерн на реке Асэ, ручье, непроходимом разве что по мостам. Веллингхаузен, штаб-квартира Фердинанда, находился на полпути между реками Асэ и Липпе, у подножия склона, называемого Дюнкерберг. Территория от Липпе до Веллингхаузена была занята корпусом Вутгенау в составе семи батальонов и пяти эскадронов, все они были немецкими войсками. От Веллингхаузена до Кирхдюнкерна высоты удерживал корпус Грэнби, состоящий из двух батальонов британских гренадер, Пятого, Двенадцатого, Двадцать четвертого и тридцать седьмого пехотных под командованием бригадира Сэндфорда, горцев Кита и Кэмпбелла, шести иностранных батальонов, Серых, Седьмого и одиннадцатого драгун в одной бригаде под командованием генерала Харви и восьми иностранных эскадронов вместе с полком ганноверской артиллерии. От Асэ позиция была расширена вправо вдоль аналогичной линии высот у деревень Зюд-Дюнкерн и Вамбельн в тыл Верле у Будберга, причем весь фронт был покрыт болотистым ручьем под названием Зальцбах. От Асэ до Вамбельна территория была занята корпусом Ангальта в составе десяти немецких батальонов и Первого, шестого и десятого британских драгун; справа от Ангальта стоял корпус Конвея в составе трех батальонов британской гвардии с их гренадерами, сведенных в четвертый батальон, бригада Таунсенда в составе восьмого, двадцатого, Двадцать пятого и пятидесятого пехотных полков и Первый, третий и седьмой гвардейские драгуны; справа от Конвея стоял корпус Говарда, состоящий из одиннадцатой, двадцатой, двадцать пятой и пятой пехотных полков. пятый, Двадцать третий и Пятьдесят первый пехотные, два немецких батальона, британские легкие батареи и две бригады гессенской артиллерии; и, наконец, крайний правый рубеж от Вамбельна до Хильбека удерживал корпус наследного принца в составе двадцати пяти батальонов и двадцати четырех

эскадронов немцев. Зальцбах был препятствием, почти непреодолимым, единственный проход, по которому французы могли пересечь его, находился у деревни Шейдинген, напротив корпуса Конвея, где все еще оставался старый редут, построенный во времена Тюренна и преграждавший путь. Слабым местом позиции был ее правый фланг, который, хотя и был более или менее защищен болотистой местностью, находился практически в воздухе, и его можно было обойти без особых трудностей.

15 июля.

План французского командования, хотя и не воспользовался этим недостатком, не был непродуманным. Бройль должен был атаковать корпуса Вутгенау и Грэнби, но особенно корпус Грэнби между Липпе и Азе, всеми своими силами; в то время как Субиз отвлекал остальных союзников атакой на Шейдинген, в то же время посылая группу легких войск в обход правого фланга союзников к Хамму, в пяти милях у них в тылу, чтобы создать замешательство и затруднить их отступление. Атака была назначена на 13-е, но была отложена на два дня; и только вечером 15-го Фердинанд был проинформирован о наступлении французов с левого фланга. По какой-то причине корпус Вутгенау был разбит лагерем в тысяче ярдов позади своей позиции на линии фронта; и хотя в полдень он получил приказ, вследствие подозрительных передвижений французов, разбить палатки и выступить вперед, все же этот приказ был отменен. Таким образом, атака Бройля стала для него полной неожиданностью. Корпус Грэнби едва успел схватить оружие и развернуться, оставив палатки стоять; горцы действительно едва успели выбраться из своих палаток, как по ним открыли огонь французские орудия. Тем не менее, замешательства не произошло, и диспозиция Грэнби была настолько хорошей, что он смог продержаться до подхода войск Вутгенау. Затем два корпуса хорошо оборонялись, пока темнота не положила конец сражению; но, тем не менее, французам удалось захватить Нордель, деревню на правом фланге Грэнби, и прочно закрепиться в Веллингхаузене.

Между тем Субиз еще не продвинулся вперед против Шейдингена. Временем, назначенным маршалами для их решающей атаки, на самом деле было раннее утро 16-го, так что наступление Бройля было преждевременным. Он извинился, сказав, что намеревался только прорваться к аванпостам союзников, но что его ободрил неожиданный успех, и он выдвинул больше войск для удержания завоеванных позиций, и что, соответственно, он обратился к Субизу с просьбой также ускорить свои действия. Если бы Бройль действительно довел свою атаку до конца, он, вероятно, добился бы успеха, поскольку союзники были слишком слабы, чтобы остановить его, и, кроме того, испытывали нехватку боеприпасов. Но маршал был слишком робким человеком, чтобы взваливать ответственность на свои плечи; поэтому вместо того, чтобы предпринять смелую попытку захватить Дюнкерберг, которая в случае успеха должна была вынудить Фердинанда отступить, он остановился у Веллингхаузена, оставив союзников на их позиции неподвижными.

16 июля.

Ночь в лагере союзников прошла беспокойно. Между Липпе и Асэ перестрелка не прекращалась. Дорога на Хэмм была забита фургонами, ехавшими и возвращавшимися с грузами боеприпасов; корпус Энхальта вместе со всеми британцами из корпуса Говарда переправлялся через Асэ, чтобы подкрепить Грэнби; а войска Конвея и Наследного принца отходили влево, чтобы прикрыть территорию, таким образом оставшуюся свободной. Ибо Фердинанд знал, что Бройль был его самым опасным противником, и был полон решимости

остановить его любой ценой с помощью свежих войск. Бройль, со своей стороны, был в равной степени занят заменой батальонов, которые уже вступили в бой; и не успел наступить рассвет, как его колонны развернулись и пошли в серьезную атаку. Местность была настолько изрыта изгородями и рвами, что во многих местах вступившие в бой войска, хотя их разделяло не более ста пятидесяти ярдов, не могли видеть друг друга и яростно стреляли, не без разрушительного эффекта, при каждом облачке дыма, выдававшем присутствие противника. С четырех до восьми часов продолжалась эта перестрелка, ни одна из сторон не выиграла и не потеряла ни дюйма территории, пока, наконец, она не прекратилась из-за полного изнеможения людей после более чем двенадцати часов непрерывных боев.

Тем временем Бройль с тревогой ожидал демонстрации Субиза против союзных правоцентристов, но тщетно. Субиз, хотя он действительно выдвинул войска против Шейдингена, предпринял лишь слабую атаку, часто возобновлявшуюся с неизменной слабостью и столь же часто отбивавшуюся. Затем, после получасовой передышки, огонь снова открылся по левому флангу союзников. Сперке направил шесть батальонов в Вутгенау из Херсфельда, и прибытие свежих войск вдохнуло новую жизнь в сражение. Бройль тоже проявлял признаки возрождения энергии, поскольку было замечено движение двух французских батарей к высоте напротив Дюнкерберга, с которой они могли нанести опустошительный удар по корпусу Грэнби. Фердинанд приказал взять высоту любой ценой, и гренадеры Максвелла, горцы Кейта и Кэмпбелла и четыре иностранных батальона немедленно двинулись на штурм. Французы были настолько измотаны, что, по-видимому, едва ли ожидали нападения. Они сломались и поспешно бежали, бросив своих убитых, раненых и несколько орудий. Одни только гренадеры Максвелла взяли в плен четыре батальона; и Бройль, обескураженный своей неудачей и апатией Субиза, отдал приказ отступать. Местность была слишком пересечена для действий кавалерии; так что он смог отвести свои войска с небольшими потерями, но не без стыда.

Июль.

Так завершилась битва при Веллингхаузене, одна из самых слабых за всю историю французской армии. Потери были невелики ни с одной из сторон по численности участвовавших в боях. Силы французов насчитывали от пяти до шести тысяч человек, не считая восьми знамен и девятнадцати орудий; силы союзников не достигали цифры в тысячу шестьсот человек, из которых более девяти десятых приходилось на корпус к северу от Асэ. Основная тяжесть сражения, конечно, пришлась на войска Грэнби; но потери британцев, находившихся рядом с ним, немногим превышали четыреста человек, в то время как потери британцев на других участках поля боя не достигали пятидесяти. Победа была на самом деле пустяковой, если не считать ее моральных последствий, но и их было достаточно. Французы были унижены поражением ста тысяч человек против пятидесяти тысяч, а Бройль и Субиз, покинувшие лагерь с объятиями, вернулись в него заклятыми врагами, каждый горько упрекал другого в проигрыше сражения. Наконец, Бройль, обладавший некоторым военным талантом и до сих пор стремившийся заставить своего врага действовать, пришел к выводу, что отныне генерального сражения с Фердинандом следует не добиваться, а избегать.

27 июля.

Август.

16 августа.

Август. 22.

28 августа.

Оставшаяся часть кампании считается лучшим примером полководческого мастерства Фердинанда; но в этом месте невозможно обрисовать ее более чем в самых общих чертах. После сражения Субиз довел армию Бройля до сорока тысяч человек, и после этого два командующих разделились; Бройль двинулся на Падерборн для операций против Ганновера и Гессена, в то время как Субиз направился к Везелю, чтобы угрожать Вестфалии. Наследному принцу было поручено следовать за Субизом и беспокоить его арьергард, в то время как Фердинанд прошел около тридцати миль на восток, к Бюрену, чтобы быть готовым двинуться в Гессен и угрожать коммуникациям Бройля с Франкфуртом. В то же время корпус Грэнби был отправлен вперед к Штадтбергу, чтобы отбросить французский корпус под командованием Стейнвилля, который прикрывал Гессен на линии Димель. В Бурене Фердинанд оставался, не сводя глаз с Липпштадта, до 10 августа; когда, когда Стейнвилль был вынужден вернуться в Кассель, а Субиз - к Рейну, оба находились на безопасном расстоянии от драгоценной крепости на Липпе, он ушел, чтобы присматривать за армией Бройля. Этот офицер использовал свое время для продвижения к Хекстеру, стремясь захватить Хамельн и овладеть линией Везера, и направил корпус под командованием принца Ксаверия Саксонского в Геттингенское княжество. Фердинанд быстрыми маршами вывел свою армию к северу от армии Бройля в Райленкирхене, тем самым отбросив его назад от Хамельна; в то время как отдельный корпус, который он отправил за Везер, атаковал французские отряды около Геттингена. Наследственный принц, не обнаружив причин для страха перед Субизом, также вернулся с Рейна, чтобы угрожать Бройлю с юга. После этого маршал переправился через Везер; и Фердинанд, несмотря на все свое нежелание переходить на восточный берег реки, волей-неволей последовал за ним; однако он тщательно избегал сражения, чтобы Субиз не воспользовался возможностью двинуться на Липпштадт. Субиз, обнаружив, что за ним никто не следит, снова двинулся на восток, к Ганноверу; после чего наследный принц улетел обратно, чтобы присмотреть за ним, а Фердинанд, отступив с остальной армией к Димелю, двинулся против коммуникаций Бройля с Марбургом и Франкфуртом. Это перемещение привело Бройля поспешно обратно в Кассель; после чего Фердинанд тихо удалился в Гейсмар на "Димеле", выполнив свою задачу - привлечь внимание Бройля на несколько недель и сделать его передвижения абсолютно бесцельными, без риска каких-либо действий.

20 сентября.

Прошло целых две недели, прежде чем Бройль отважился вернуться на восточный берег Везера, тем временем подкрепив армию Стейнвилля для защиты Гессена и снабдив его самыми тщательными инструкциями для руководства. Как только маршал повернулся спиной, Фердинанд предпринял внезапный бросок на Стейнвилль, расположенный к югу от Димеля, и, хотя ему не удалось нанести ему большого урона, вынудил его отступить к Касселю и со всей поспешностью вернул Бройля из Ганновера. Тем временем вялый Субиз совершил отвлекающий маневр в сторону моря, фактически захватил Эмден и угрожал Бремену. Наследного принца, как обычно, отправили отслеживать его обратно на Рейн; и связь Фердинанда с Голландией была восстановлена.

10 октября.

Однако до завершения кампании оставалось еще несколько недель; и Бройль, несмотря на всю активность Фердинанда, был достаточно силен, чтобы направить в Брауншвейг корпус под командованием принца Ксавье, который захватил Вольфенбюттель и приказал Фэйру захватить сам Брауншвейг. Потеря этих двух крепостей была бы серьезной, поскольку французы могли бы превратить их в операционные базы для следующей кампании, когда Фердинанд считал бы невозможным присутствовать как в Брауншвейге, так и в Липпштадте. Поэтому он сразу же поспешил из Димеля на север, чтобы спасти столицу своего брата; после чего принц Ксаверий, хотя Фердинанд по пути не заходил дальше Хамельна, сразу же отступил от Брауншвейга и эвакуировал Вольфенбюттель. Испытав большое облегчение при известии об этом избавлении, Фердинанд остановился в Гамельне до ноября, когда Субиз отправился на зимние квартиры. Затем он предпринял последнюю попытку оттеснить Бройля с восточного берега Везера, но преуспел лишь в том, что отбросил его назад на небольшое расстояние от его самого северного поста в Айнбеке. Затем Бройль отправился на зимние квартиры вдоль Лейне от Геттингена до Нордхайма, и союзники последовали его примеру; их цепь постов тянулась от Мюнстера вдоль линии рек Липпе и Димель и на восток через Соллингеровский лес к штабу Фердинанда в Хильдесхайме.

Так закончилась эта самая трудная кампания, в которой, несмотря на превосходство два к одному, Фердинанд одержал победу на поле боя и практически не потерял территории. Напряжение, которого требовали от его войск непрерывные и тяжелые марши, сильно сказывалось на их боеспособности, тем более что многие люди были уже сильно ослаблены зимней кампанией в Гессене. Потери армии были на самом деле ужасающими, составляя не менее двадцати пяти тысяч человек из девяноста пяти тысяч человек личного состава. Из них несколько человек были убиты в бою, значительно больше дезертировали, еще больше стали инвалидами, и добрая половина умерла от лишений и болезней. Только такой ценой Фердинанд мог заставить одну армию выполнять работу двух; и эта задача была бы выше его сил, если бы один из командующих, противостоявших ему, не был совершенно некомпетентен, а другому не мешало постоянное вмешательство из Версаля. Крайняя распушенность дисциплины среди французов также немало помогла ему и способствовала усилению морального превосходства его собственных войск. Но, учитывая все это в его пользу, кампания остается памятной в анналах войны благодаря непревзойденному мастерству, с которым Фердинанд в течение шести месяцев постоянно поддерживал в движении две армии, вдвое превосходящие его по численности, не позволяя им извлечь ни малейшего преимущества из своих операций.

ГЛАВА XI

1761.

1762.

4 января.

Перед завершением кампании в Германии великий министр, который впервые показал Англии всю полноту ее военной мощи и обратил эту мощь на такие грандиозные предприятия, был

отстранен от власти. Восшествие на престол нового короля принесло с собой неуклонный рост могущества Джона, графа Бьюта, который долгое время был доверенным членом его семьи, а теперь его главным советником и другом. Безупречный в личной жизни и ни в коем случае не лишенный культуры или достижений, Бьют был человеком удручающей посредственности как в совете, так и в дебатах. Не обладая ни чувством смешного, ни осознанием собственной ограниченности, и по чистой случайности вознесенный на очень влиятельное положение, он истолковал каприз фортуны как награду за заслуги и сразу же нацелился на самый высокий пост. На самом деле он был одним из многих людей, которые, не испытывая особых усилий, чтобы взобраться по винтовой лестнице на башню собора, продвигаются вперед, пригибаясь и ползком добираясь до вершины, а когда достигают ее, обнаруживают, что не осмеливаются посмотреть вниз. Будучи слабым и амбициозным, он был вынужден прибегнуть к интригам из-за неспособности помочь ему подняться по карьерной лестнице, и, преуспев в смещении лорда Холдернесса с поста государственного секретаря в марте 1761 года, он обратился к смещению самого Питта. Вскоре представилась такая возможность. Французский двор, уставший от войны, обратился к Питту с предложениями о мире. Решив, как он сказал, что никакой Утрехтский мир не должен снова запятнать анналы Англии, Питт не только выдвинул большие требования в интересах Великобритании, но и настаивал на том, что даже сепаратный мир между Великобританией и Францией не должен удерживать короля Георга от оказания помощи королю Пруссии. Достаточно любопытно, что переговоры были прерваны именно из-за одной из самых позорных уступок, сделанных при заключении Утрехтского мира. Король Испании Бурбон Карл Третий, взошедший на престол в 1759 году, поддерживал дружбу с королем Франции Бурбоном; и результатом стал тайный союзный договор между ними, который в настоящее время стал известен как Семейный договор. Как только Питт получил представление об этом соглашении, он положил конец переговорам с Францией и выступил за немедленное объявление войны Испании. Как мы сейчас увидим, он сделал свои приготовления, которые были достаточно эффективными; но прежде всего он хотел нанести удар по Испании, пока она еще не готова к войне. Кабинет министров, однако, был встревожен столь смелой мерой, будучи слишком слеп, чтобы увидеть, что в таком случае агрессия является самой верной мерой предосторожности. Многих в министерстве лишь с трудом убедили поддержать Питта в высокопарных выражениях, которые он произносил в адрес Франции; и Бьют, который питал отвращение к любому вмешательству в дела на Континенте, был лидером среди несогласных. Только лорд Темпл поддержал своего великого вождя, поэтому Питт, не сумев одержать верх, подал в отставку, и его единственный сторонник вместе с ним. Вся власть перешла в руки Бьюта; и в течение трех месяцев Испания, выиграв время, необходимое ей для военных приготовлений, приняла настолько оскорбительный тон, что Бьют, как и предсказывал Питт, к своей огромной досаде был вынужден сам объявить ей войну. Такова манера политиков создавать трудности для генералов.

1761.

Июнь.

К счастью, планы Питта на новый год против Франции и Испании полностью созрели, и средства для их осуществления были под рукой. В июне 1761 года два новых полка[378] были либо сформированы из существующих независимых рот, и еще тринадцать были добавлены в августе и октябре,[379] таким образом, количество Линейных полков возросло до ста пятнадцати. Общее число людей, за которое парламент проголосовал в 1762 году, было немногим меньше ста пятидесяти тысяч человек, что вместе с немецкими наемниками

составляло в общей сложности двести пятнадцать тысяч человек на британском жалованье. Таким образом, людей для любого предприятия было в избытке, и сфера деятельности была обозначена Питтом. Поскольку завоевание Канады было завершено к концу 1760 года, не было смысла оставлять большое количество войск без работы в Америке; и уже в январе 1761 года Питт написал Амхерсту, что некоторые из них потребуются осенью для завоевания Доминики, Сент-Люсии и Мартиники. Поэтому Амхерсту было поручено немедленно отправить две тысячи человек на Гваделупу; согласовать с губернатором способы захвата двух первых из упомянутых островов; и направить еще шесть тысяч человек несколько позже в том же году для захвата Мартиники.[380] Соответственно, в первые дни июня 1761 года транспорты из Америки начали поодиночке заходить в Гваделупу, поскольку флот был рассеян штормом. К 3 июня прибыли четыре корабля вместе с лордом Ролло, которого Амхерст назначил принять командование; и на следующий день все они вместе с еще одним кораблем из самой Гваделупы вышли в море под эскортом эскадры сэра Дж. Дугласа, чтобы вопреки пассату вернуться на Доминику.[381] К полудню 6-го они прибыли к Розо, где жителей призвали сдаться. Французы ответили укомплектованием своих батарей и других оборонительных сооружений, которые включали в себя четыре отдельные линии окопов, расположенных друг над другом. Ролло высадил своих людей и вошел в город; размышляя о том, что ночью враг может получить подкрепление, он решил, хотя было уже поздно, немедленно штурмовать укрепления. Он атаковал соответствующим образом и в замешательстве изгнал французов с незначительными потерями для себя. Французский командующий и его заместитель были взяты в плен, дальнейшего сопротивления оказано не было; и на следующий день Доминика присягнула на верность королю Георгу.

После этого операции в Вест-Индии на время прекратились, хотя приготовления продолжались постоянно; но, несмотря на всю возможную секретность, французы на Мартинике пронюхали о предполагаемом нападении на этот остров и приняли меры для его защиты. Их силы не были совсем ничтожными в такой гористой стране, поскольку в их состав входили тысяча двести регулярных войск, семь тысяч местного ополчения и четыре тысячи наемных каперов.[382] Соседние английские острова сделали все, что могли, чтобы помочь метрополии. Антигуа прислала негров и часть своего старого гарнизона, Тридцать восьмой пехотный полк, который не покидал ее со времен королевы Анны; а Барбадос собрал пятьсот негров и столько же белых мужчин, что было более приемлемо, поскольку этот остров, как обычно, был местом встречи экспедиции.[383] Первыми войсками, прибывшими в залив Карлайл, был отряд из Беллайла,[384] где, как и в Америке, полки бездействовали; а в канун Рождества появилась основная армия из Америки под командованием генерала Монктона. Он состоял из одиннадцати разных полков,[385] помимо нескольких рот американских рейнджеров. В общей сложности силы, вверенные Монктону, должно быть, составляли полных восемь тысяч человек.

1762.

Январь.

24 января.

5 января транспорты снялись с якоря и отплыли с подветренной стороны под эскортом флота адмирала Родни мимо Питонов Сент-Люсии, мимо порта Кастри и бухты, которую Родни двадцать лет спустя прославил, и 7-го бросили якорь в бухте Святой Анны, сразу за южной оконечностью Мартиники, с западной стороны. Затем две бригады были высажены в Анс-д'Арле, бухте дальше по западному побережью, откуда они двинулись маршем к югу от бухты,

образующей гавань Форт-Ройял, но, сочтя дорогу непригодной для перевозки пушек, были возвращены на борт. 16-го вся армия была высажена, не потеряв ни одного человека, в Кейс-Навире, немного севернее Негро-Пойнт. Эта точка образует северный мыс гавани, и у ее подножия проходит дорога, ведущая прямо на восток через горы к столице Форт-Роял,[386] примерно в трех милях от отеля. Путь был прегражден глубокими оврагами; в то время как французы возвели редуты на каждой выгодной точке, а также батареи на холме за ними, названном Морн Тортенсон. Таким образом, Монктон был вынужден установить батареи, чтобы заставить замолчать французские орудия, прежде чем он сможет продвинуться дальше. К 24-му эта работа была завершена, и на рассвете под огнем батарей была предпринята общая атака на французские укрепления на Морн-Тортенсон, одновременно был выделен отряд для обхода правого фланга противника. Обходной маневр был полностью успешным; и редуты у моря, слева от противника, были захвачены, войска штурмовали пост за постом, пока в девять часов они не овладели не только отдельными редутами, но и всей позицией Морн Тортенсон с ее орудиями и окопами. Французы отступили в большом замешательстве, некоторые в Форт-Ройял, а некоторые в Морн-Гренье, еще более высокий холм к северу от Морн-Тортенсона. Одновременно две бригады под командованием бригадиров Хэвиленда и Уолша атаковали другие французские посты к северу от Морн-Тортенсон и после больших трудностей из-за крутизны местности им удалось отбросить их также к Морн-Гренье. Потери британцев в этом бою составили тридцать три офицера и триста пятьдесят человек убитыми и ранеными.

25 января.

На следующий день Монктон, находясь теперь в пределах досягаемости, начал обстреливать цитадель Форт-Ройяла батареями, но, обнаружив, что его сильно раздражают французские батареи на Морн-Гренье слева от него, решил, что сначала нужно заставить их замолчать. К счастью, враг спас его от дальнейших неприятностей, перейдя в наступление. Во второй половине дня 27-го они внезапно тремя колоннами вышли из Морн-Гренье на бригаду Хэвиленда и легкую пехоту армии Монктона слева и с неожиданной отвагой отважились атаковать. К несчастью для них, одна колонна открыла свой фланг горцам и была почти мгновенно разгромлена. После этого две оставшиеся колонны отступили, и все они бежали обратно в Морн-Гренье, преследуемые британцами. Стремительность преследователей была такова, что они нырнули в промежуточный овраг вслед за французами и устремились вверх по Морн-Гренье "по всем тропинкам, дорогам и проходам, где люди могли бегать, ходить или ползти", [387] преследовали беглецов сломя голову перед ними. Наступила ночь, но британские офицеры не останавливались, пока не очистили холм от всех французов и не захватили все сооружения и пушки. Монктон немедленно отправил дополнительные войска на поддержку преследователей, и к часу ночи 28-го Морн-Гренье был надежно занят, ценой немногим более сотни британцев убитыми и ранеными. Затем были построены батареи на Морн-Тортенсон, в четырехстах ярдах от цитадели были построены новые батареи, и 3 февраля форт-Ройял сдался. Еще девяти дней хватило, чтобы уменьшить остальную часть острова, и к 12 февраля работа Монктона была закончена.[388]

26 февраля-

3 марта.

Июнь.

Он немедленно отправил отряды на Сент-Люсию, Гренаду и Сент-Винсент, острова которых сдались без сопротивления, и также принял меры к захвату Тобаго, когда получил приказ, требующий присутствия его войск в другом месте. Испании была объявлена война; лорд Албемарль был назначен командовать экспедицией против Гаванны; и Амхерсту было приказано не только отправить четыре тысячи человек из Америки, чтобы присоединиться к нему, но и собрать еще восемь тысяч для нападения на Луизиану.^[389] Инсульт, о котором Питт размышлял три месяца назад, теперь был близок к завершению. В феврале 1762 года войска Албемарля погрузились на корабль; а 5 марта он отплыл только с четырьмя полками,^[390] под конвоем адмирала сэра Джорджа Покока, чтобы забрать остатки своих сил в Вест-Индии. 20 апреля он прибыл на Барбадос, а 25-го - в Форт-Ройал, Мартиника, где принял от Монктона то, что он назвал "остатками очень хорошей армии", сильно поредевшей от болезней, в результате чего его силы достигли численности в двенадцать тысяч человек всех рангов.^[391] Оттуда, продолжая свое путешествие, он 6 июня вышел в поле зрения Гаванны. Двенадцать линейных кораблей были отведены к входу в гавань, чтобы блокировать испанский флот, и на следующий день войска были благополучно высажены немного севернее города. 8-го армия продвинулась на запад, сметая силы ополчения, стоявшие на ее пути, и в тот же день подошла к основным укреплениям Гаванны.

Июль.

Вход в гавань Гаванны лежит через канал шириной около двухсот ярдов, который защищали два форта в его устье: форт Моро на северном берегу и форт Пунтал напротив него, город также расположен на южном берегу. На северной стороне местность довольно круто поднимается от гавани к хребту, известному как Каваннос, в конце которого стоит форт Моро, примыкающий к открытому морю. Отдельный редут на этих высотах был без труда взят 11 июня, и, поскольку после разведки было обнаружено, что форт Моро окружен непроходимым кустарником, под прикрытием деревьев было начато строительство батареи. Работа продвигалась медленно, так как почва была тонкой, а испанские корабли в гавани доставляли осаждающим немалое беспокойство; поэтому 13-го часть британских войск была высажена в Хорере, на другой стороне гавани. Только в июле британские батареи смогли открыть действительно эффективный огонь, но к 15-му, с помощью флота, орудия противника на время замолчали; и поскольку траншеи были невозможны в такой каменистой местности, подходы к форту Моро были выложены габионами и тюками хлопка. Тем не менее работа продвигалась мало, так как климат начал сказываться на войсках, и немногим более половины людей были пригодны к несению службы. Тем временем гарнизон форта Моро продолжал защищаться с величайшим упорством, отчасти из-за своей уверенности в прочности форта. Ров в месте атаки был глубиной семьдесят футов от края контрэскарпа, за исключением одного места, где узкая скальная гряда позволяла добраться до стены форта без штурмовых лестниц. Единственным способом преодолеть такое препятствие было пробить шахту и сбросить контрэскарп в ров, но порох уже был на исходе, и Албемарль был чрезвычайно обеспокоен результатами своих операций.

30 июля.

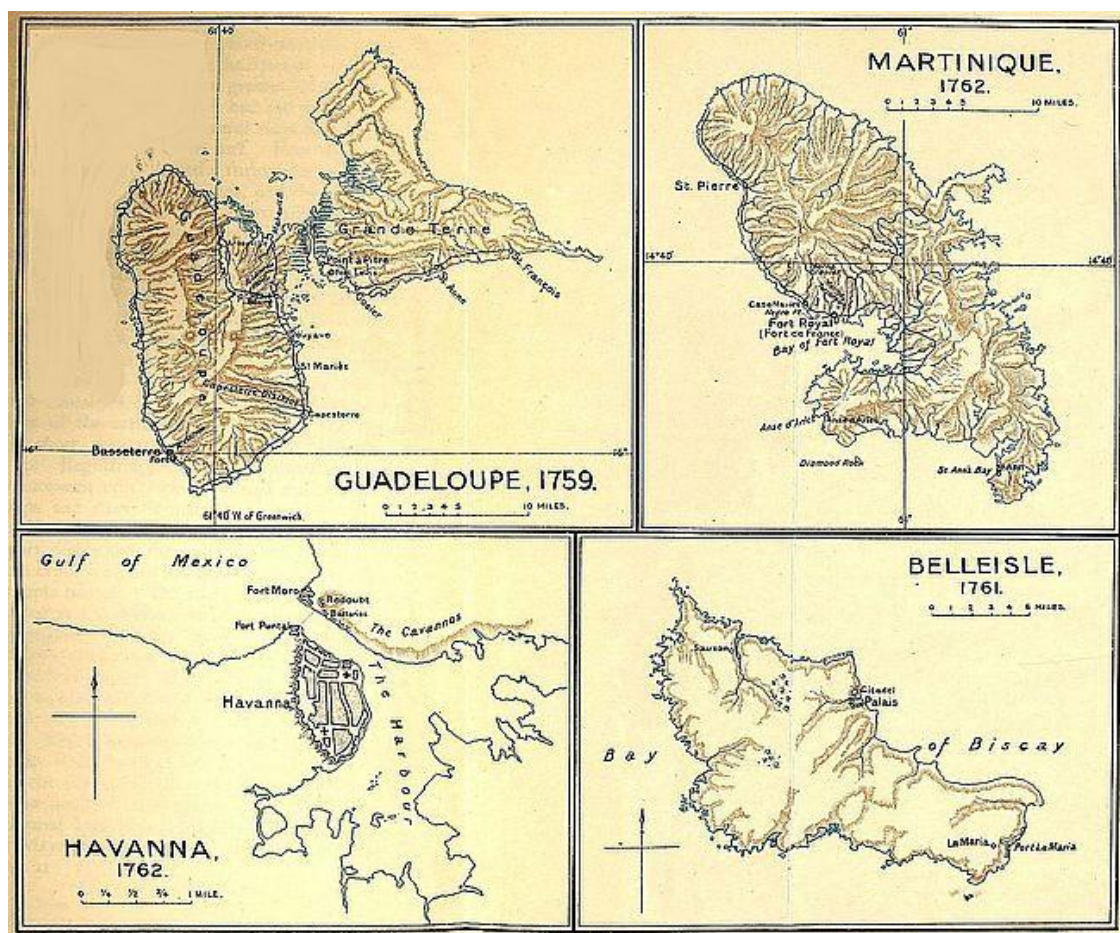
Наконец, 27-го числа полковник Бертон прибыл из Америки с тремя тысячами человек из сорок шестого, пятьдесят восьмого полков, рейнджеров Горэма и провинциальных войск, потеряв в пути пятьсот человек, взятых французами в плен. Три дня спустя мина под контрэскарпом была успешно взорвана, и форт Моро был взят штурмом с незначительными потерями, испанцы

оказали лишь незначительное сопротивление. Затем вдоль берега у подножия Каванноса были выдвинуты новые батареи, чтобы нанести удар по городу. 10 августа они открыли огонь и в тот же вечер заставили замолчать форт Пунтал. Тогда испанцы предложили капитуляцию, и Альбемарль, принимая во внимание их защиту, оказал им военные почести, будучи, по правде говоря, искренне благодарен за то, что они получили Гаванну во владение на любых условиях. Его армия быстро таяла от болезней; действительно, одна бригада из четырех батальонов не могла набрать и двадцати человек, пригодных для несения службы. Албемарл поспешил отправить его обратно в Америку, но Амхерст не мог выделить больше войск для замены этих, поскольку его гарнизон уже сократился до численности менее четырех тысяч человек.^[392] Албемарль надеялся, что отдых и лучшие условия содержания могут восстановить здоровье армии после завершения осады; но, напротив, заболеваемость усилилась. Потери, фактически вызванные огнем противника во время осады, составили чуть менее тысячи человек убитыми и ранеными, однако к 18 октября британцы похоронили более пяти тысяч человек, умерших только от болезней.^[393] Переброска войск с Кубы в Америку также не способствовала ослаблению эпидемии среди них; ибо злополучная бригада, впервые отправленная Албемарлем, потеряла триста шестьдесят человек в течение месяца после своего возвращения. И все же, как бы то ни было, Куба была взята, а Куба в те дни считалась призом немногим менее богатым, чем Индия.

27 июня.

18 сентября.

Фактическое уничтожение армии под Гаванной исключило всякую мысль о нападении на Луизиану; и французы воспользовались возможностью, предоставленной выводом такого большого количества войск из Канады, чтобы направить небольшую эскадру и полторы тысячи солдат против Ньюфаундленда. Британский гарнизон численностью всего в сто человек не мог оказать сопротивления, и, соответственно, остров был сдан. Амхерст, однако, послал своего брата с достаточными силами, чтобы вернуть его; и французы после короткой обороны капитулировали как военнопленные. Поскольку потери Амхерста не превышали пятидесяти человек, а захваченный французский гарнизон насчитывал шестьсот человек, противник мало что выиграл от этой короткой оккупации Ньюфаундленда.

Уокер и Буталл дель.

Лицом к лицу со страницей 544.

GUADELOUPE, 1759.

HAVANNA, 1762.

MARTINIQUE, 1762.

BELLEISLE, 1761.

1 августа.

Сентября. 24.

Сентября. 25.

4 октября.

5 октября.

Но в Индии также были войска, бездействовавшие после падения Пондишери, которые можно было использовать против Испании. В июне адмирал Корниш получил секретный приказ об экспедиции, который он передал властям в Калькутте; и 1 августа флот отплыл на восток с силами в тысячу европейцев, половина из которых служила в полку Дрейпера, и двумя тысячами сипаев под командованием генерала Дрейпера. 24 сентября, после большой задержки из-за штормовой погоды и крайне неисправного состояния кораблей Корниша, экспедиция вошла в Манильский залив и бросила якорь у форта Кавита. Дрейпер решил не тратить время на взятие

форта, поэтому на следующий день высадил свои войска, не встретив сопротивления, через сильный прибой, примерно в полутора милях от стен города. 26-го он захватил отдельно стоящий форт, который был оставлен испанцами в двухстах ярдах от гласиса, и начал строить батарею, в то время как корабли подплыли, чтобы привлечь огонь города на себя. 30-го прибыло складское судно с шанцевыми инструментами, но в тот же вечер штормом его выбросило на берег, и он залег там крепко-накрепко. Однако по исключительной удаче она заняла позицию в том месте, где служила как раз для прикрытия тыла лагеря Дрейпера от испанских пушек, в то время как ее припасы были выгружены на берег с большей скоростью и безопасностью, чем это было бы возможно, если бы она оставалась на плаву; поскольку шторм продолжался несколько дней и не позволял лодкам проходить через прибой. Четыре дня спустя батарея и корабли открыли яростный огонь, который на четыре часа заставил замолчать вражеские орудия, а на следующий день пробил реальную брешь. Той ночью испанцы совершили вылазку на британские позиции с тысячей индейцев, которые, несмотря на свою свирепость и отвагу, были отброшены с большими потерями; а на рассвете 6-й полк торговцев тканями и отряд моряков атаковали брешь и без особого труда овладели укреплениями. После этого Манила вместе с островом Лусон и его зависимыми территориями сдалась британцам, заплатив четыре миллиона долларов в качестве выкупа за город и находящееся в нем имущество. Таким образом, Манила пала в течение десяти дней после прибытия британцев; но осада, хотя и короткая, была сопряжена с большими трудностями. Регулярные подходы были невозможны из-за непрекращающегося дождя; в то время как прибой делал высадку войск и припасов делом крайнего труда и риска. Если бы оборона города не была по большей части слабой, а дух гарнизона еще слабее, захват Филиппин был бы не таким простым делом. История Манилы, однако, интересна как комментарий к действиям Вентворта в Картагене, полностью оправдывающий пристрастие Вернона к прямому нападению в самый ранний возможный момент во всех операциях против испанца.

26августа.

Еще одна экспедиция привела британцев лицом к лицу со своим новым врагом на более знакомой земле, чем Лусон. Испанцы под предлогом дружбы Португалии с Англией в апреле вторглись в Португалию, захватили страну до реки Дору с севера и бросили еще одни силы против Алмейды с востока. Пострадавшее королевство обратилось за помощью к Англии; и в мае в Беллисл были отправлены приказы об отправке четырех пехотных полков, [394] вместе с отрядом Шестнадцатого легкого драгунского полка в Португалию. Еще два полка были добавлены из Ирландии, [395], в результате чего общее количество составило около семи тысяч человек; и одновременно несколько британских офицеров были отправлены для принятия командования в португальской армии. К сожалению, возникли некоторые проблемы с выбором командира; и хотя два ирландских полка фактически были в Тежу к первой неделе мая, остальная часть войск прибыла только в июне, во главе с графом Липпе-Бюкебургским, знаменитым артиллеристом, в качестве главнокомандующего союзными войсками, и лордом Лаудуном, командующим британцами. Последовавшие за этим операции были настолько незначительными и продолжались так недолго, что не заслуживают подробного упоминания. Испанцы захватили Алмейду в начале августа, и Бюкебургу пришлось перейти к обороне и прикрывать Лиссабон на линии Тежу. Однако два блестящих маленьких дела помогли офицеру, который до сих пор был малоизвестен, занять видное положение, которое в один прекрасный день обернулось катастрофой для него самого и для Англии. Это был бригадный генерал Джон Бергойн, полковник Шестнадцатого легкого драгунского полка, который с четырьмя сотнями

солдат своего полка напал врасплох на город Валенсия-де-Алькантара после форсированного марша в сорок пять миль, уничтожил полк испанской пехоты и захватил несколько пленных. Не удовлетворившись этим, он месяц спустя напал врасплох на лагерь другого отряда испанцев у Вилья-Велья, на южном берегу Тежу, рассеял его со значительными потерями и захватил шесть орудий, потеряв всего одного человека убитым и десять ранеными. Подобные дела, которые в армии Фердинанда были настолько обычными, что их редко замечали, сделали Бергойна и Шестнадцатый[396] героями этой короткой кампании; но хотя остаток своей жизни полк прожил в соответствии с этим началом, карьера Бергойна закончится для нас через двадцать лет в Саратоге.

От этих разрозненных предприятий против Испании я возвращаюсь к последней кампании Фердинанда против старого врага в Германии. Мы оставили противоборствующие стороны на их зимних квартирах: французскую рейнскую армию, расквартированную вдоль реки от Клеве до Кельна; главную армию, простиравшуюся от Альтенкирхена, немного севернее Трева, на северо-восток до Касселя и от Касселя на юго-восток до Лангенсальца; а союзники, повернутые почти строго на юг, растянулись от Мюнстера до Хальберштадта. Однако вся ситуация изменилась в различных отношениях. Французы решили бросить свои основные силы в главную армию, которая, соответственно, была увеличена до восьмидесяти тысяч человек под командованием Субиза и маршала д'Эстре; Бройль был отозван во Францию. Рейнская армия была пропорционально сокращена до тридцати тысяч человек под командованием принца Конде. Общая численность французов, хотя и была меньше, чем в предыдущие годы, все еще оставалась намного выше, чем у Фердинанда; но, с другой стороны, из-за смены министерства в Англии и возобновления переговоров Бьют, Версальский двор был доволен тем, что удержал уже завоеванные позиции, не предпринимая попыток дальнейшего завоевания. Поэтому Субизу и д'Эстре было приказано крепко держаться за Кассель и Геттинген, пощадить район между Рейном и Ланом с целью размещения зимовий и уничтожить фуражиры между Эдером и Димелем, чтобы помешать Фердинанду нанести удар по их флангам и тылу.

Со своей стороны, Фердинанд, хотя и по-прежнему уступал противостоящим ему армиям, был относительно численно сильнее, чем в любом предыдущем году, имея номинальную численность в девяносто пять тысяч человек, готовых выступить в бой. В первые месяцы 1762 года условия для зимовки были практически не нарушены, поскольку страна была настолько опустошена, что ни одна из сторон не могла двинуться с места из-за нехватки фуража, пока зеленая кукуруза не вырастет высоко. К концу мая обе армии начали сосредоточиваться, и Фердинанд, хотя и сильно задерживался из-за небрежности британского министерства в наборе нужной численности британских полков, решил выступить на поле первым.

18 Июня.

22 июня.

Выделив сильный корпус под командованием наследного принца для наблюдения за передвижениями Конде, он сосредоточился в Бракеле, немного восточнее Падерборна, и продвинулся к Димелю, где разместил основную армию около Корбеке, а корпус Грэнби - к западу от него, в Варбурге. Услышав в то же время, что французы оставили корпус под командованием принца Ксавье к востоку от Везера для вторжения в Ганновер, он отправил генерала Люкнера с небольшим отрядом за реку, чтобы следить за ним, отправив также отряды для захвата замка Заппабург, расположенного в нескольких милях к юго-востоку, чтобы

обеспечить связь с Люкнером и занять перевалы, ведущие с юга от Димеля в Гессен. Тем временем 22 июня Субиз и д'Эстре двинулись на север от Касселя с основными силами армии до Гребенштайна, расположили свой штаб в Вильгельмстале и остановились. Устройство этого механизма непонятно, если только, как предполагает один автор,^[397] они хотели просто развлечься в замке Вильгельмшталь; но в любом случае они пренебрегли всеми необходимыми мерами предосторожности. Их правый фланг опирался на большой лес, известный как Рейнхардсвальд, и мог бы оказаться в полной безопасности благодаря занятию Заппабурга, который контролировал все дороги, проходящие через этот лес; однако они допустили, чтобы этот важный пост попал в руки Фердинанда. Опять же, занятие перевалов к югу от Димеля обезопасило бы их фронт; но и здесь они позволили союзникам опередить их. Тем не менее они оставались там, не заботясь ни о каких последствиях, в Вильгельмстале; в то время как, чтобы еще больше соблазнить активного противника, они разместили корпус под командованием М. де Кастри перед своим правым фронтом в Карлсдорфе, в абсолютной изоляции от своих основных сил. Фердинанд увидел представившуюся возможность и, хотя мог привести с собой всего пятьдесят тысяч человек против их семидесяти тысяч, решил нанести удар немедленно.

23 Июня.

23-го он отозвал Люкнера с другого берега Везера в Готтесберен, немного севернее Цаппабурга; и, услышав о его благополучном прибытии в восемь часов того же вечера, приказал всей армии быть вооруженной в полночь. Ибо корпус Люкнера был лишь одной из ловушек, которые он готовился натянуть на ничего не подозревающих французов; а места для остальных уже были выбраны. Сперке с двенадцатью батальонами ганноверцев и несколькими эскадронами должен был наступать слева от основных сил, немного повернуть на восток на Хумме после переправы через Димель и, двинувшись оттуда на юг, обрушиться на правый фланг и тыл корпуса Кастри у Хомбрексена. Люкнер с шестью батальонами и семью эскадронами должен был выступить на юго-запад от Готтесберена через Заппабург к Уденхаузену и сформироваться слева от Сперке в правом тылу Кастри. Полковник Ридес должен был продвигаться от Цаппабурга с отрядом иррегулярных войск к Хоэнкирху, к югу и левее Люкнера. Тем временем Фердинанд должен был наступать с основными силами пятью колоннами между Либенау и Зиленом на фронт главной французской армии, в то время как Грэнби должен был двинуться на юг, на Зиренберг, и обрушиться на его левый фланг. Предположив, что каждый корпус точно выполнил свой долг в соответствии со временем и местом, можно было надеяться, что все силы французов будут уничтожены.

24 Июня.

Ридесель и Люкнер точно были на назначенных местах в семь часов утра 24-го. Две колонны Сперке, выйдя из Рейнхардсвальда в пять часов, обнаружили перед собой всего два ведетта на высотах Хомбрексен и беспрепятственно взойшли на эти высоты. Затем, однако, не увидев корпуса Кастри, который, как оказалось, был скрыт от них лесом, они повернули налево, а не направо, и бессознательно двинулись к фронту главной французской армии. Испуганные ведетты поскакали назад, чтобы поднять тревогу, а Кастри, поспешно призвав своих людей к оружию, приготовился отступать. Выдвигая свою кавалерию направо и налево, чтобы прикрыть его продвижение от Сперке и Ридезеля, Кастри быстро привел свою пехоту в боевой порядок; и, сумев удержать Сперке на расстоянии в течение часа, начал отступление к Вильгельмсталу и Касселю. Люкнер подошел, как ему было приказано, в Уденхаузене, но, встретив часть корпуса

Сперке на марше в неправильном направлении, был обстрелян им; и в суматохе Кастри смог скрыться. Ридезель, слабый численностью, не смог остановить его, хотя он яростно обрушился со своими гусарами на арьергард и разнес в клочья один полк французской пехоты; но, если не считать этой потери, Кастри отступил с небольшим уроном. Таким образом, как это часто бывает, провалилась самая важная деталь тщательно продуманных комбинаций Фердинанда.

Тем временем главная французская армия, разбуженная ото сна грохотом пушек около Хомбрексена, была в полном замешательстве. К счастью для маршалов, досадная ошибка корпуса Люкнера, спасшая Кастри, спасла и их самих, поскольку остановила наступление Сперке справа от них. С поразительной быстротой свернув свой лагерь, они построились на высотах и поспешили со своим багажом в сторону Касселя. Люкнер, осознавший неудачу с поворотным движением французов справа, теперь умолял Кильмансегге, командовавшего левой колонной корпуса Сперке, поспешить с ним к Хоэнкирхену, откуда можно было бы проложить перекрестный путь на запад, чтобы перекрыть все дороги между Вильгельмсталем и Касселем. Но Кильмансегге упорно атаковал правый фланг основных сил французов, несмотря на то, что он был прикрыт ручьем, протекавшим по заболоченной долине; и прежде чем он смог преодолеть это препятствие, возможность отрезать французам путь к отступлению была упущена.

Тем временем войска под командованием Фердинанда в центре продвигались против французского фронта, хотя и очень медленно. Правая колонна Сперке выстроилась слева от них, но то, что она оказалась не на своем месте, затруднило продвижение остальных и вызвало прискорбную задержку. Главная французская армия, убрав с пути свой обоз, несколькими колоннами отступала к Вильгельмсталю, когда появление Грэнби слева от них показало им всю степень грозившей им опасности. Затем лучшие силы французской пехоты были собраны под командованием г-на де Стейнвиля и брошены слева, чтобы любой ценой прикрыть отступление основных сил; и теперь боевые действия начались всерьез. Заняв сильную позицию в лесу, Стейнвилл приготовился сделать все, что в его силах. Пехота Грэнби состояла из трех батальонов британской гвардии, британских гренадер в трех батальонах и Пятого и Восьмого пехотных полков — одних из лучших войск британской армии, - но бой был долгим и упорным. Стейнвилл, по-видимому, сначала перешел в наступление и обрушился на голову колонн Грэнби до того, как подошли все его войска, но был постепенно отброшен назад по мере того, как все больше и больше британских батальонов вступало в бой. Французы и англичане сошлись в рукопашной схватке, орудия были взяты и отбиты обратно, и какое-то время две британские пушки оставались в руках французов. Однако Грэнби, похоже, наконец одержал верх, окружив лес с двух сторон и подготовившись к тому, чтобы окружить его со всех сторон, когда войска Фердинанда наконец вышли в тыл Стейнвиллу и положили конец конфликту. Корпус доблестного француза был почти уничтожен; полторы тысячи человек были убиты и ранены, почти три тысячи сдались только Пятой пехоте,^[398] и только двум батальонам удалось спастись бегством. Армия союзников продвинулась немного южнее Вильгельмшталя, и таким образом действие подошло к концу.

Потери союзников были невелики и составили всего семьсот человек убитыми и ранеными, из которых четыреста пятьдесят принадлежали корпусу Грэнби. Результат действия на самом деле был большим разочарованием, отчасти из-за ошибок Сперке и Кильмансегге, отчасти из-за

крайней медлительности продвижения Фердинанда в центре. Основным силам союзников действительно, по-видимому, потребовалось пять часов, чтобы продвинуться от Гребенштейна к Вильгельмсталю, на расстояние немногим более четырех миль; и этот факт, по-видимому, указывает на значительную неуклюжесть со стороны какого-то офицера или офицеров в обращении со своими людьми. И все же факт оставался фактом: сорок тысяч человек атаковали семьдесят тысяч и в замешательстве отбросили их назад; и французы были немало пристыжены и обескуражены своим поражением.

1 июля.

24 июля.

30 августа.

В ночь сражения Субиз и д'Эстре отступили за Фульду и заняли позицию между Касселем и Люттернбергом. Поэтому Фердинанд приказал корпусу Грэнби занять позицию близ Касселя и послал вперед отряд, чтобы выбить противника с северного берега Эдера; после чего французы эвакуировали Фрицлар и, отступив за Фульду, заняли позиции на ее восточном берегу. Обе армии оставались на этой позиции до 1 июля, Фердинанд постоянно пытался оттеснить французов, но был вынужден действовать осторожно, поскольку саксонцы принца Ксаверия присоединились к французам у Люттернберга и могли в любой момент устроить беспорядки на восточном берегу Везера. Наконец, 24-го числа он смело атаковал французов справа у Люттернберга и полностью разгромил их.^[399] После этого французы отступили к Мельзунгену на реке Фульда, в то время как Фердинанд занял позицию напротив них на западном берегу реки и угрожал их коммуникациям с Франкфуртом. Затем маршалы вызвали Конде с Рейна, но Фердинанд продолжал так сильно давить на их коммуникации, что в конце концов они покинули Геттинген и отступили через Херсфельд и Фульду к Вильбелю, немного севернее Франкфурта; Фердинанд шел параллельно с ними на их западном фланге к Нидде в надежде, которая не оправдалась, предотвратить их соединение с Конде. До сих пор у него все шло хорошо, поскольку на данный момент он изгнал французские армии из Гессена.

Сентябрь. 7.

15 сентября.

Тем временем Конде, повинаясь приказу, двинулся маршем на Франкфурт, присоединившись к Субизу немного южнее Фридберга 30 августа. Наследственный принц, который неотступно следовал за ним весь путь от Рейна, атаковал его в тот же день, очевидно, не зная о присутствии армии Субиза, и был отбит со значительными потерями. В течение следующих нескольких дней две армии бездействовали: Фердинанд между Ниддером и Ниддой со своим штабом в Штадене, лицом на юго-запад, и французы напротив него между Фридбургом и Буцбахом. Такая позиция, при столь неравных силах, не могла продолжаться долго; и 7 сентября французы двинулись на север через Гиссен к Эдеру. Фердинанд, догадавшись, что их замысел состоял в том, чтобы отрезать его от Касселя, который он сам намеревался осадить, немедленно поспешил на север, чтобы остановить их. Это была гонка между двумя армиями. Французы двинулись прямо на север через Гиссен и Марбург, пересекли Лан выше последнего города. Фердинанд направился к Хомбергу на северном берегу Ома и, повернув оттуда на северо-запад, двинулся дальше через Кирххайн и Веттер, где настиг передовой отряд французов. На следующий день он предложил сражение; но Субиз отказался и, повернув направо, снова перешел Лан и расположился лагерем вдоль линии Ома, расположив свой левый фланг у Марбурга, а правый - у Гомберга.

После этого Фердинанд занял пост на виду у противника на противоположном берегу реки, расположив свой левый фланг у Хомберга, а правый - за Кирххайном. Это была позиция, с которой Имхофф намеревался прикрыть Гессен в 1760 году; и теперь он не собирался позволять французам прорваться через нее к Касселю, поскольку он решил вернуть Кассель себе.

Сентябрь.

Долина Ома к юго-востоку от Кирххайна имеет ширину около тысячи ста ярдов, постепенно повышаясь на восточном берегу реки до высоты, называемой Гальгенберг, а на западном берегу - до крутого базальтового холма, известного как Аенеберг. Сам Ом между этими холмами имеет от двадцати до тридцати футов в ширину и от пяти до семи футов в глубину, протекая между крутыми берегами. Чуть южнее Аенеберга был каменный мост, у которого стояла водяная мельница, состоявшая из массивного двора с группой домов. Крутые склоны Аенеберга подступают к нему с северной стороны, но к западу местность поднимается пологим склоном, по которому к мельнице спускалась дорога, прикрытая старым редутом. Сам город и замок Аенеберг был окружен с южной и юго-западной сторон достаточно мощной стеной и башнями, чтобы противостоять любой артиллерии, кроме тяжелой. Мост с мельницей и замок за ним по какой-то причине были оставлены союзниками без внимания. Предпринимались некоторые попытки обезопасить сам мост, и для его защиты на стороне Фердинанда был сооружен редут; но бруствер был не более трех футов в высоту и столько же в толщину, так что им можно было обстреливать противника, и тем легче, что западный, или французский, берег реки был выше. Во дворе мельницы находилось всего тринадцать человек; старый редут, по-видимому, вообще не был занят, а гарнизон замка Аенеберг состоял всего из одного иррегулярного батальона. И все же Аенеберг был передовым постом против левого фланга противника и на вражеской стороне реки; и владение мостом имело жизненно важное значение для союзников не только для обеспечения связи с этим передовым постом, но и для того, чтобы преградить продвижение французов через Ом и обеспечить Фердинанду средства для перехода в наступление. Поэтому небрежность, позволившая этим точкам оставаться столь тщательно охраняемыми, почти необъяснима.

21 сентября.

Французы не замедлили воспользоваться открывшимся перед ними таким образом преимуществом. В ночь на 20-е они окружили замок Аенеберг так плотно, что ни один человек из гарнизона не мог пройти через их ряды, и, вытеснив тринадцать человек с мельницы, легкими войсками заняли двор, а также старый редут. Сделав это, они подождали до утра, а в шесть часов, под прикрытием густого тумана, открыли шквальный огонь по мосту и по недостроенному редуту за ним. Люди в этом редуте, двести ганноверцев, стойко сопротивлялись, чтобы выиграть время для подхода подкреплений и для того, чтобы их артиллерия на Гальгенберге ответила французским батареям. Корпус, занимавший территорию непосредственно перед Брюкемюле (так была названа мельница), принадлежал Застроу в составе семи батальонов, семи эскадронов и шести орудий; в то время как корпус Вангенхайма примерно такой же численности располагался слева от него, а корпус Грэнби[400] на высотах Кирххайн справа от него. Фердинанд, услышав звуки стрельбы, поспешил к месту действия и обнаружил, что редут все еще цел: двести ганноверцев упорно удерживали его в течение двух часов, пока их не сменил Застроу. Но тем временем французы под прикрытием тумана выдвинули вперед новые орудия; и вскоре тридцать пушек яростно били по редуту, в то время

как пехота под прикрытием огня возобновила атаку на мост. Застров продолжал подпитывать редут свежими войсками и таким образом удерживал свои позиции; но полное значение атаки не было осознано до тех пор, пока в десять часов туман не рассеялся, когда по расположению французов стало видно, что противник намерен захватить мост любой ценой. Затем, наконец, Фердинанд приказал выдвинуть корпус Грэнби из Кирххайна на помощь Застроу.

22 сентября.

Между тем драка становилась все жарче. Превосходство французов в артиллерии дало о себе знать; к полудню девять из двенадцати орудий Застроу были демонтированы, а остальные замолчали из-за нехватки боеприпасов. Наконец, в четыре часа прибыли британские гвардейцы и горцы; и двенадцать немецких полевых орудий, приданных корпусу Грэнби, также вступили в бой. Французы также подтянули подкрепление, и бой стал более оживленным, чем когда-либо. До сих пор подкрепления для гарнизона в редуте спускались в обычном порядке, но огонь французской артиллерии был теперь настолько ужасен, что людям было приказано спускаться поодиночке и рассредоточиться, насколько это было возможно. Британская гвардия заменила ганноверцев, а гессенцы заменили британскую гвардию; полк за полком сменяли друг друга, посылая людей на верную гибель. Так продолжался бой, пока не сгустились сумерки и вспышки орудий не превратились из желтых в оранжевые, а из оранжевых - в красные. Гессенцы свалили трупы убитых в кучу на валу и открыли огонь, потому что редут, хотя и неприступный, должен был удержаться любой ценой. В семь часов французы отчаянным усилием овладели мостом и пробились вплотную к редуту, но были встречены таким же упорным сопротивлением и отброшены; а в восемь часов, после четырнадцати часов ожесточенных боев, они прекратили атаку. Корпуса Застроу и Грэнби расположились бивуаком у моста, а Фердинанд расположился на мельнице; но, тем не менее, на следующий день французы после нескольких безуспешных атак вынудили гарнизон Аенеберга к почетной капитуляции.

Ноябрь.

Потери союзников в этом бою составили около семисот пятидесяти убитых и раненых, более трети из которых были британцами; шотландская гвардия пострадала сильнее, чем любой корпус участвовавших в боях войск. Потери французов возросли до тысячи двухсот человек, и неудача их атаки решила судьбу Гессена. Фердинанд, который во время своего продвижения на юг оставил позади силы для блокады Касселя, смог в течение трех недель выделить войска, достаточные для обычной осады. 16 октября траншеи были открыты, а 1 ноября город сдался. Несколько дней спустя пришло известие о подписании предварительных условий мирного договора. Ибо, несмотря на все успехи года, ничто не могло удержать Бьюта от его решения заключить мир; и, действительно, знание этого факта в последнее время сделало английских командиров небрежными, а британские войска отсталыми на поле боя.^[401] Итак, с падением Касселя война подошла к концу.

Условия, включая уступку французами Индии, за исключением Пондишери и Чандернагора, Французской Америки, Канады, Тобаго, Доминики и Сент-Винсента, не могли показаться Англии неблагоприятными. Но в то время разумно считалось, что следовало добавить Гори и Мартинику, хотя Бьют так спешил положить конец войне, что лишь запоздало потребовал уступки Флориды Испанией в обмен на Гаванну. Но истинным пятном на договоре было дезертирство Фридриха Великого и заключение сепаратного мира, проявление эгоизма и

безрассудства, которое напомнило Утрехтский мир. Тем не менее Фридрих смог настоять на условиях, от которых он с самого начала решил не отступать, а именно на сохранении всего, что он отнял у Австрии в Силезии. В феврале 1763 года мир был окончательно заключен, и Фридрих вступил в Берлин вместе с Фердинандом Брауншвейгским, который в течение пяти кампаний охранял его правый фланг, должным образом расположившись справа от него.

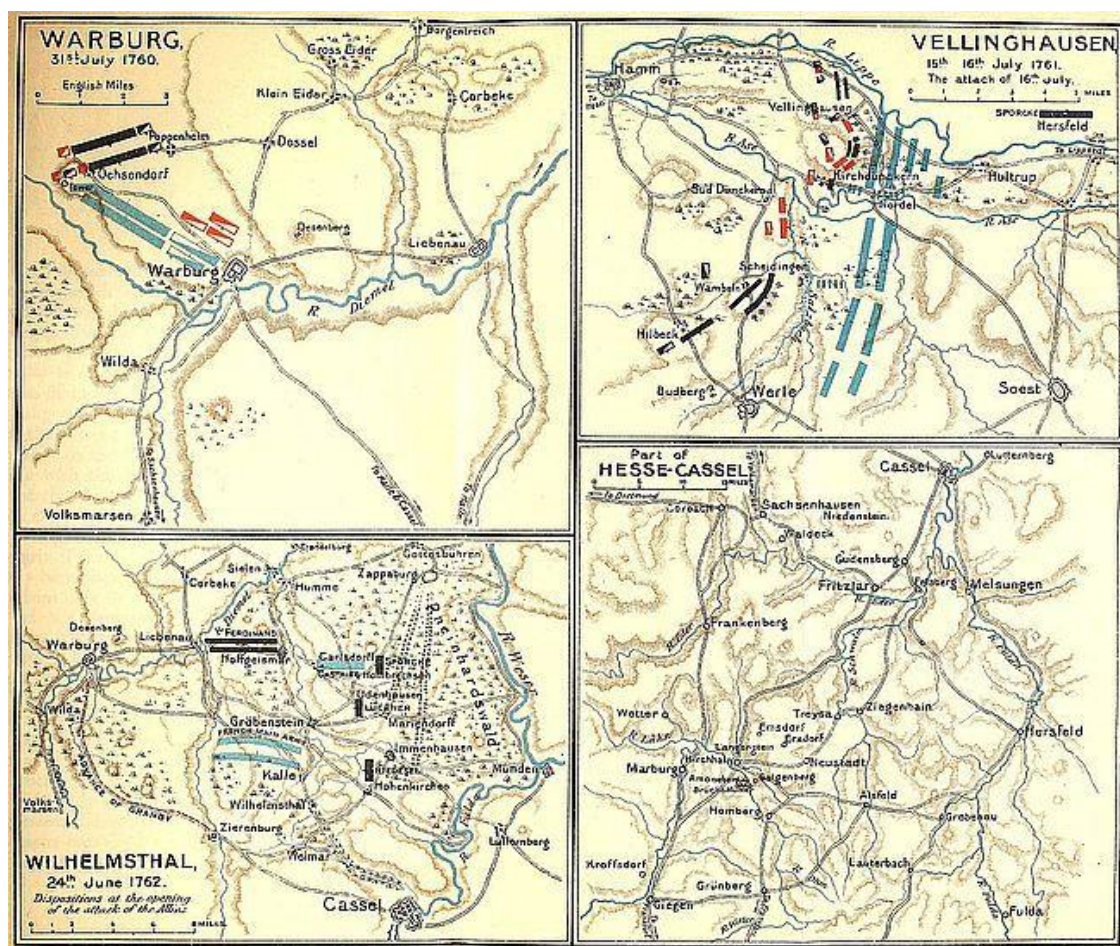
Рассказ о войне в Германии не следует завершать без нескольких слов о Фердинанде, который, хотя мы мало что о нем знаем, был величайшим полководцем, приведшим британские войска к победе в Европе между Мальборо и Веллингтоном. Это был немалый подвиг - успешно провести пять кампаний, всегда с одной армией против двух и самое большее с четырьмя людьми против пяти. Верно, что концепцию его наиболее искусных действий часто можно отнести к Вестфалену, начальнику его штаба; но не каждый командующий знает, когда следует прислушиваться к совету и как действовать в соответствии с ним, или настолько уверен в уверенности своих войск, что может всегда полагаться на то, что они воспользуются им наилучшим образом. Более того, он столкнулся, хотя и в меньшей степени, со многими трудностями, с которыми столкнулся Мальборо. Его армия была не армией союзников, хотя обычно так и называлась, а наемной армией немецких войск, находившихся на жалованье у Англии. До сих пор у него было преимущество перед великим герцогом; но его силы состояли из нескольких различных элементов: британцев, ганноверцев, гессенцев, брауншвейгцев и бюкебургцев, которых разделяла немалая зависть к их соответствующему старшинству, привилегиям и превосходству. Из всех них англичане доставляли ему больше всего хлопот. Их замкнутое презрение ко всем иностранцам усиливалось знанием того, что их товарищи были наемниками, которым платила их собственная нация; и они всегда претендовали на лучшие покои, на опасный и почетный пост. В одном отношении, возможно, они действительно показали превосходство над остальной армией, а именно, когда действительно находились на поле боя; ибо, вне всякого сомнения, именно им принадлежит главная заслуга в успехе при Миндене, Варбурге, Эмсдорфе, Вильгельмстале и, в меньшей степени, при Веллингхаузене. В каждом действии они действительно преуспевали, и при Миндене и Эмсдорфе они добились того, чего, вероятно, не удалось бы ни одному другому подразделению армии. Но во время этих кампаний только немецкие войска вели множество незначительных боев, которые можно было сравнить с любыми другими их достижениями; и были серьезные недостатки, которые немало омрачали общую эффективность британских войск. Во-первых, там было большое количество британских офицеров всех рангов, от генерала до прапорщика, которые, хотя и были достаточно храбры, ничего не знали о своем долге. Во-вторых, как заметил Тюренн столетием ранее во Фландрии, они были крайне небрежны в отношении аванпостов, патрулей и охраны, отчасти из-за неопытности, отчасти из-за своей более роскошной жизни дома, а отчасти из-за презрения к опасности и духа азартных игр, который так силен в этой расе. Часто Фердинанд, хотя и был вполне осведомлен о доблести британских войск в бою, не осмеливался доверять им как передовым отрядам; после чего сами красные мундиры, вполне уверенные в собственной достаточности, роптали из-за того, что им не отводилось передовое место. Подобная ревность доставляла бесконечные неприятности; и расположение различных корпусов, особенно гвардейского и синего дивизионов Грэнби, требовало тщательного изучения не с точки зрения военной необходимости, а с точки зрения политики и такта, чтобы различные национальности в армии не разошлись во мнениях и не вступили в драку между собой. Наконец, британские солдаты, взятые в целом, были людьми более низкого характера, чем немцы, и с меньшим опытом ведения войны; и своим распущенным поведением в казармах и на марше они

подавали плохой пример, который плохо отражался на людях, смотревших свысока на всю остальную армию.

Таковы были проблемы, которые мешали Фердинанду и его сотрудникам на каждом шагу; и все же под его руководством машина всегда работала с наименьшим возможным трением и наибольшим развитием мощности. На самом деле он был не только великим солдатом, но и великим правителем и лидером людей. Он сочетал терпение, такт и самообладание с добродушной вежливостью, у него была способность подбирать хороших людей для своих инструментов, и, прежде всего, он работал без страха и благосклонности, руководствуясь благородной целью ради общего дела. О его заслугах как генерала достаточно говорят его кампании; и необходимо только добавить, что их история была сочтена достойной официального изучения и обобщения пятьдесят лет назад прусским генеральным штабом. Британские войска могут гордиться тем, что служили под командованием такого способного солдата, такого великого и доблестного человека в кампаниях, которые они вели в Германии за завоевание своей собственной империи.

Власти.—Об экспедиции в Беллисл мало что известно, кроме официальных бумаг в архиве, WO, Ориг. Соотв., том xxi., и отчеты, которые можно найти в таких исторических источниках, как у Энтика. То же самое относится и к операциям в Португалии, за исключением того, что в Архиве можно найти лишь несколько оригиналов документов. Что касается Мартиники, то здесь опять мало что есть, кроме официальных документов С. О., America and West Indies, том iii., с письмом в уже цитировавшихся газетах Vouquet. Что касается Гаванны, то здесь есть печатный отчет об осаде и оригинальные документы из Калифорнии, Америки и Вест-Индии, Гаванна. Что касается Манилы, смотрите в "Депешах адмирала", "Ост-Индии" и отчете в Entick. Ежегодный реестр также является источником информации за неимением лучшего во всех вышеперечисленных экспедициях.

Что касается кампаний Фердинанда, то наиболее читаемым является отчет о Мовийоне, написанный на немецком языке с редкой ясностью и простотой. Есть также "Истории Темпельхофа и Архенхольца", "Военная жизнь Фердинанда", "Воспоминания де Бурсе" и вестфаленская "Фельдцуг Герцог Фердинанд", в последней из которых напечатан каждый документ, поступивший в штаб Фердинанда, помимо множества других, с цитатами из всех других авторов на эту тему — исчерпывающий труд из шести огромных томов без указателя. Подлинные письма Фердинанда, а также некоторые от Грэнби и других офицеров, можно найти в архиве F. O. Mil. Вспомогательные экспедиции, тома. xxviii.-xxxi., xxxiii., xxxiv., xxxvii.-xliv., xlix., л. Письма в бумагах Бельвуара, История. Комиссия по рукописям разочаровывает.

Уокер и Буталл, Дел.

Лицом к лицу со страницей 560.

ВАРБУРГ, 31-го июля 1760 г.

ВИЛЬГЕЛЬМШТАЛЬ, 24-го июня 1762 г.

Диспозиция при открытии
атаки союзников.

ВЕЛЛИНГХАУЗЕН,

15th 16th июля 1761 года.

Атака 16-го июля.

Часть ГЕССЕН-КАССЕЛЯ

ГЛАВА XII

1739-1763.

Я почти не прерываясь следил за длинным рассказом о военных действиях, которые начались с объявления войны Испании и завершились Фонтенблоским миром; ибо, несмотря на краткое перемирие, заключенное Экс-ла-Шапельским миром, армии Англии и Франции постоянно сталкивались либо на дальнем востоке, либо на дальнем западе, так что, по всей видимости, борьба превратилась в одну затяжную войну. Англия, хотя и не подозревала об этом, когда она безрассудно и с легким сердцем вступила в атаку на испанские острова, на самом деле намеревалась бороться с французами за мировую империю. Почти семнадцать лет она ждала мужчину, который выведет ее победительницей из этого состязания, и наконец он появился. Мгновенная перемена, произошедшая в духе нации, когда он принял командование, уже была показана в описании операций. Остается только более внимательно изучить ведение войны в внутренних ведомствах и проследить прогресс не только в организации и обучении различных родов войск, но и в общем управлении.

Война с Испанией началась, как вы помните, в то время, когда нация еще не перестала возмущаться беззаконием постоянной армии, когда влияние гражданского элемента в Военном министерстве было подавляющим и когда отношение рядового гражданина к солдату было недружелюбным, вплоть до агрессии. Эти пороки, как можно догадаться, не исчезли сразу, даже несмотря на то, что несносные красные мундиры были отправлены на иностранную службу. В 1741 году владельцы гостиниц вообще отказались снабжать солдат едой и фуражом из-за нехватки продовольствия, вызванной необычайно суровой зимой. Такой отказ не был необоснованным, и было предложено устранить эту трудность с помощью нового пункта в Законе о мятеже. Вряд ли кто-то поверит, что один член Палаты общин использовал это предложение в качестве предлога для того, чтобы настаивать на полной отмене Закона о мятеже, его аргумент состоял в том, что если система комплектования рухнет, потребуется построить казармы, что приведет к подчинению страны военному правительству.^[402] Два года спустя снова^[403] было использовано обращение к королю с уважением к его наемным войскам Гессена, чтобы вставить слова, предназначенные, очевидно, только для оскорбления, относящиеся к обременительному и бесполезная армия дома. Подобные любезности не прекратились даже после предупреждения 1745 года, поскольку не успел быть подписан мир в Экс-ла-Шапель, после которого воздух все еще был наэлектризован войной, как в Палате лордов вновь появились старые глупые аргументы против постоянной армии, подкрепленные такими устойчивыми эпиграммами, как "Для свободного государства армия - все равно что драмы для конституции". И все же полной мерой опьяняющего вещества, которое было перегнано для разорения нации, был скудный глоток девятнадцати тысяч человек. Эти детские вспышки продолжались до 1754 года, когда они прекратились, во всяком случае, до окончания войны, сослужив своей пагубной цели - поддерживая старую вражду, которую обычный патриотизм и здравый смысл похоронили бы без церемоний. Недоброжелательность мытарей и муниципалитетов также не ослабевала в течение нескольких лет,^[404] но быстро сошла на нет перед проявлением более щедрых чувств; и необоснованные жалобы с этой стороны почти исчезли из корреспонденции Военного министерства после Деттингена.

Само Военное министерство медленнее налаживало свои отношения. Военный секретарь вполне справлялся с такой мелкой работой, как обеспечение продвижения сержантов и капралов по службе; но для всех других целей эта Должность поначалу показала себя совершенно и безнадежно неэффективной. Проблемки плохого управления уже были замечены в отчете об экспедиции в Карфаген; но слепота и невежество чиновников стали еще более очевидными, когда отряд лорда Стэра был отправлен в Нидерланды. Управление не утруждало

себя приведением в порядок даже своих записей. Похоже, ни одна живая душа не знала, каковы были правила относительно надбавок на фураж, багаж и тому подобное для войск, поступающих на действительную службу; и чиновники были вынуждены обращаться к старым офицерам, служившим с Мальборо, чтобы собрать прецеденты по таким чисто ведомственным вопросам, как эти.[405] Исходя из такого начала, нетрудно судить о том, что должно было произойти после.

Управление боеприпасов также с самого начала было так же плохо дезорганизовано, как и Военное министерство. Его недостатки уже были показаны в случае с поездом, отправленным в Картахену; но даже через год после отъезда Кэткарта, похоже, никаких улучшений в нем не произошло. Транспорты, направлявшиеся в Вест-Индию в 1741 году, были вынуждены заходить в Корк, потому что вода, доставленная в Спитхед, была непригодна для питья, а провизия, поставляемая для людей, непригодна к употреблению.[406] Стэйра, опять же, отправили в Нидерланды без артиллерии или инженеров, недостаток, который вызвал у французов огромное презрение к его войскам; и когда он попросил осадные орудия, он обнаружил, что все, что Англия могла ему предоставить, - это всего двадцать двадцатичетырехфунтовых пушек.[407] Стрелкового оружия снова было так мало, что, когда король перевооружал пехоту, пришлось закупить десять тысяч мушкетов и штыков за границей.[408] В Шотландии снова расследования Хоули и Хэндэсайда выявили не менее вопиющее пренебрежение.[409] Но это далеко не все. Общее состояние национальной обороны как внутри страны, так и за рубежом было крайне тревожным; и результатом стало то, что с открытием 1743 года во всех морских портах, больших и малых, на побережье Англии началась обычная паника. В Управление снабжения Артиллерией посыпались неистовые заявки на пушки, лафеты и боеприпасы. По-видимому, у второстепенных портов был обычай возводить батареи за свой счет и обращаться к правительству за их вооружением; так что вина за эти недостатки должна частично лежать на местных властях. Но нет такого оправдания беспечности в отношении обычных укреплений, таких как замок Пенденнис, где было обнаружено, что сорока шестью орудиями командовал девятидесятилетний мастер-артиллерист в сопровождении единственного помощника. Только в 1756 году, когда министры должны были присматривать за Меноркой, правительство внезапно забило тревогу и воздвигло линии обороны в Чатеме, Портси и Плимутском доке.[410]

Колониальные станции, за которые несло ответственность британское правительство, были в немногим лучшем порядке. Ньюфаундленд был в плачевном состоянии,[411] а Гибралтар был еще хуже; и все представления офицеров не могли привлечь к ним внимания. Еще в мае 1757 года, даже после фактического падения Менорки, губернатор лорд Тайроули яростно писал о состоянии дел на Скале. В течение многих лет царил полный застой; на письма не отвечали; часто повторяемые просьбы оставались без внимания. Установленные на крепости орудия были слишком короткими, запасных лафетов - слишком мало, частоколы больше подходили для курятников, чем для укреплений; фактически, за годы систематического пренебрежения оборона была доведена до опасной слабости.[412] В Сент-Китсе, опять же, Тридцать восьмой пехотный полк, который в течение многих лет составлял постоянный гарнизон, находился в плачевном состоянии; не сорок процентов людей были пригодны к службе; их одежда превратилась в лохмотья; у них не было ни шляп, ни обуви, ни патронташей, ни мечей.[413] Самоуправляющиеся колонии также не были более осторожны, чем метрополия. Богатые острова Вест-Индии, несмотря на непрекращающиеся предупреждения их губернаторов, с началом войны столкнулись с опасной нехваткой оружия и боеприпасов; и все колонии как в Вест-Индии, так и в Америке срочно нуждались в оружии и припасах, которые должны были

быть наготове в их собственных складах.[414] Беспечность британцев, усугубленная злым примером мятежных политиков в метрополии и зрелищем такого создания, как Ньюкасл, занимающего высокое положение, почти лишила империю возможности защищаться.

Что касается самой армии, то в отчете об операциях было сказано достаточно, чтобы показать, насколько неустойчивыми, несмотря на обилие индивидуального героизма, были основы, на которых она зиждилась. Вмешательство гражданских администраторов и безответственных политиков в воинскую дисциплину принесло неисчислимый вред. Офицеров нельзя было привлечь к несению службы в их полках. Стэйр счел эту трудность непреодолимой; так же поступил и Хоули; так же поступил даже Камберленд в Шотландии; в то время как в гарнизоне Менорки зло перешло все границы. Таким образом, какличный состав, *так* иматериальнаячасть армии были практически уничтожены: первая - из-за постоянной работы на работе и вмешательства гражданских чиновников, вторая - из-за столь же постоянных придирок фракционных критиков в Палате общин, которая запретила представлять сметы необходимых работ. Военная система на самом деле представляла собой хаос; и только напряженными усилиями двух людей, которые, как ни странно, ненавидели друг друга, этот хаос был приведен к порядку.

Первым из этих двоих был Камберленд. Несмотря на то, что Камберленд во многих отношениях был солдафоном узкого круга и не был великим полководцем в полевых условиях, он был способным человеком, сильным человеком и администратором. Именно он первым серьезно взялся за управление армией и поставил перед собой задачу подчинить ее дисциплине. Во время своей первой кампании он начал с того, что научил офицеров подчиняться. До сих пор казалось, что они выезжали на поле боя так, как будто собирались на пикник, по французской моде, путешествуя с комфортом, если не роскошно, и пренебрегая всеми обязанностями, за исключением проявления храбрости в бою. Камберленд быстро положил этому конец. Количество экипажей на колесах, даже для генеральских офицеров, было строго ограничено, и в каждом полку разрешалось использовать только два, один для полковника и один для маркитанта; в то же время, чтобы еще больше сократить количество багажа, было приказано, чтобы ни один офицер в звании младше бригадного генерала не появлялся ни в лагере, ни в казармах, на службе или вне ее, кроме как в своем полковом мундире, старом или новом.[415] Такие приказы могут показаться нелепыми в наши дни, но они указывают на ужесточение узды дисциплины, которое было крайне необходимо. Камберленд тоже терпеть не мог бесполезных офицеров. Ему не нравилась система закупок[416] и его раздражало удержание старых полковников, некоторые из которых были настолько непригодны для службы, что их поместили в сумасшедший дом, чье постоянное присутствие в активном списке препятствовало продвижению достойных офицеров.[417] Его собственный выбор не всегда был удачным, о чем свидетельствуют Хоули и Брэддок, но он полностью осознавал заслуги таких людей, как Лигонье, Вулф и Конвей, которым, хотя они и не принадлежали к его школе, он с радостью давал повышение.

Но именно после окончания первой войны, когда герцог вернулся на пост главнокомандующего в мирное время, его работа принесла наибольшую пользу. Изменился весь тон Военного министерства. Военный секретарь практически возвращается к своей старой должности секретаря при главнокомандующем. Военная власть преобладает в военных вопросах, и "Отпуск военного секретаря" уходит в прошлое. Чиновник, который не так давно был готов предоставить работу любому офицеру, имеющему право голоса или интерес, внезапно

проявляет добродетельную щепетильность и возражает против некогда знакомой фразы, поскольку он никогда не дает разрешения без подписи короля.^[418] Но руку герцога можно проследить не столько по отдельным примерам, таким как этот, сколько по общему изменению методов ведения бизнеса. Больше нет неразборчивой переписки со всеми офицерскими званиями; но должное внимание уделяется правам вышестоящих офицеров как каналам связи и дисциплины, а также авторитету главнокомандующего как высшей движущей силе. Фактически, считается, что дело великой и благотворной реформы совершается незаметно благодаря воле и влиянию одного сильного человека; и заслуги Камберленда в этом деле никогда не получали того признания, которого они заслуживают. Герцог, действительно, со всеми его слабостями и предрассудками, был необычным человеком; и для того, кто следил за его административной работой, неудивительно, что Гораций Уолпол поставил его в один ряд с его отцом, сэром Робертом Уолполом, с Грэнвиллом, Мэнсфилдом и Питтом как одного из пяти великих людей, которых он знал. Нельзя принижать других членов королевской семьи, если сказать, что он был самым способным человеком, которого она произвела на свет за два столетия своего правления в Англии.

Другим человеком, который невообразимо поднял тонус Армии, был, конечно, Питт. Однако его участие в этой работе сильно отличалось по своему характеру от участия Камберленда; хотя без предварительных реформ Камберленда его влияние вряд ли могло быть столь успешным, каким оно было. Инстинкты Питта в отношении военной администрации, в отличие от выбора театра военных действий государственным деятелем, были совершенно здоровыми. Он был за то, чтобы позволить офицерам выполнять их работу и преданно поддерживать их в том, как они это делали. Таким образом, когда в 1750 году Джордж Таунсенд, впоследствии бригадир Вулфа, предложил внести в законопроект о мятеже пункт, запрещающий наказывать унтер-офицеров или рядовых иначе, как по приговору военного трибунала, Питт сокрушил его словами, которые заслуживают того, чтобы их запомнили. "Мы, - сказал он, - не имеем никакого отношения ни к поведению Армии, ни к их жалобам друг на друга. Если мы прислушаемся к любой подобной жалобе, мы либо разрушим всю дисциплину, либо Дом будут презирать офицеры и ненавидеть солдаты". Сам Камберленд не потребовал бы более суровой критики, чем эта; и все же Питт, хотя, возможно, и бессознательно, был, вероятно, более неприятен Камберленду в своих военных взглядах, чем в своих политических. Герцог, как уже неоднократно было показано, был солдатом самого сурового немецкого типа. "Он был так же зол, - используя удачную фразу Уолпола, - на нарушение офицером мельчайших правил военной дисциплины, как и на то, что тот покинул свой пост, и был так же полон решимости установить форму нашивок и кокард, как на взятие города или обеспечение выгодной ситуации". Другими словами, ему не хватало того чувства меры в вопросах дисциплины, которое отличает сторонника дисциплины от солдафона. Теперь, несмотря на влияние Камберленда, в армии росла школа офицеров, столь же строгих, как и он, в вопросах необходимой дисциплины, но менее жестких, менее узких, и более гуманных — офицеров, которые смотрели на своих людей не как на марионеток, которых нужно одевать и раздевать, использовать и выбрасывать, а как на людей из плоти и крови, с хорошими чувствами, на которых можно сыграть, хорошим пониманием, которому можно научить, самоуважением, которое нужно только развивать, и высокими инстинктами, которые нужно только пробудить. Таким офицером, как свидетельствуют его полковые приказы, был Вульф, который сумел обратить даже работу по прокладке дорог в Шотландии в безупречную дисциплинарную плоскость; и действительно, я склонен думать, что это самое прокладывание дорог, впервые начатое под руководством мягкого и обходительного Уэйда, имело большое

отношение к основанию новой школы. Офицеры гораздо больше общались со своими подчиненными вне парада, будучи обязанными присматривать за ними во время работы и предписывать им вести себя примирительно по отношению к местным жителям; а солдаты, со своей стороны, были счастливы и хорошо воспитаны, поскольку постоянно работали и получали желанную прибавку к своему жалованью. Следует помнить, что пропасть, установившаяся между офицером и рядовым в то время, была гораздо шире, чем в настоящее время. В наши дни младшим офицерам самого боеспособного кавалерийского полка ничего не стоит снять мундиры и работать со своими людьми над выпряганием лошадей из транспорта; тогда солдатам было почти больно видеть, как их офицеры прикладывают руку к чему-либо, кроме офицерской работы. Сержант гарнизона Мюррея в Квебеке чуть ли не со слезами описывает труд своих офицеров при подъеме орудий. Джентльменам не подобало заниматься подобными вещами. Но, вне всякого сомнения, новая школа привнесла более здоровые чувства между офицерами и рядовыми, набравшись смелости высказать свои чувства в печати. "Никогда не бейте своих людей, - говорится в офицерском руководстве 1760 года. - Это недостойно мужчины. Я слишком часто видел, как храброго, честного старого солдата избивали по прихоти высокомерного офицера ". Затем следует протест против пикетирования, связывания шеи и пяток, деревянного коня и других видов пыток, которые никогда не применялись военным трибуналом, а только властью офицеров.^[419] Такое учение не соответствовало системе Камберленда, изложенной им самим или его любимцами Брэдкоком и Хоули.

И все же именно офицерам этой новой школы Питт, когда мог добиться своего, предпочитал поручать свою работу, отчасти, возможно, из-за их молодости и энергичности, но, скорее всего, из-за их свободы от оков пайпклея. Амхерст, хотя и поддерживал превосходный тон среди своих солдат, вряд ли был идеальным представителем школы, но Хоу и Вулф были ее выдающимися представителями, как и такие ученики Вулфа, как Монктон и Мюррей. Индия, по-видимому, спонтанно произвела на свет людей, которые командовали в силу личного превосходства, хотя единственной подготовкой Лоуренса, Форда и Кута была подготовка полковых офицеров. И все же эти люди, хотя и были назначены исключительно силой обстоятельств, а не по кандидатуре Питта, подтвердили правильность его суждения.

Придавая размах этому новому образцу офицера, Питт оказал влияние на армейскую службу связи, помимо духа энергии и авантюризма, который он вселил в нее, как и в каждого англичанина. Он был слишком хорошим учителем, чтобы люди захотели вернуться к нему, если только они не выполнили свою миссию или не исчерпали все усилия для ее выполнения. Возможно даже, что рейды на побережье Франции, которые являются пятном на его славе военного министра, могли бы быть более успешными (хотя они никогда не приносили бы прибыли), если бы он назначал командиров по своему собственному выбору. Но на самом деле работа Питта как разработчика кампаний и военных операций ни в коем случае не была безупречной. Он умел придумывать, как группу людей можно быстро перебрасывать с предприятия на предприятие, например, из Гваделупы в Канаду, из Канады обратно на Мартинику, с Мартиники в Гаванну, а из Гаванны, как он надеялся, в Луизиану. Но он никогда не принимал во внимание ни потери людей в этом процессе, ни, по-видимому, человеческие жертвы, связанные с содержанием больших гарнизонов на тропической территории. В некоторых отношениях военная администрация в его время тоже была немногим лучше, чем в Ньюкасле. Несмотря на предупреждение, данное ужасными потерями войск во время оккупации Луисбурга, не было предпринято должной заботы о том, чтобы обеспечить их специальной одеждой в последующие зимы в Канаде; в то время как устройство госпиталей в

Германии было настолько несовершенно, что лишь немногие из инвалидов кампании 1760 года когда-либо вернулись в свои полки.^[420] Ходжсон, опять же, перед отправлением в Беллисл, горько жаловался на нехватку офицеров и на неадекватность приготовлений, проведенных Управлением боеприпасов. Эти злоупотребления были, это правда, вызваны недостатками только ведомств, и поэтому их нельзя обвинять в адрес министра, который нес на своих плечах бремя не только руководства войной, но и иностранных дел; но я думаю, что это упрек военной администрации Питта в том, что он не понимал важности сохранения жизней своих солдат. Британский солдат, если рассматривать дело в наименее сентиментальном и наиболее жестоко практичном свете, всегда был самым дорогим товаром; никакая расточительность не может быть более разорительной, чем беспечное растрачивание своей жизни, никакая экономия не может быть более ложной, чем скупость на свой комфорт. Но этот недостаток Питта, каким бы серьезным он ни был, намного перевешивается продуманной политикой, которая превратила ополчение в эффективную силу для защиты от вторжения, освободив таким образом регулярную армию для завоевательных целей; и военной проницательностью, благодаря которой король Фридрих получал субсидии, а армия принца Фердинанда действовала в качестве вспомогательного войска Фридриха, таким образом превратив всю войну в Европе в отвлекающий маневр в пользу Англии. При этом эта политика не была полностью эгоистичной, поскольку, хотя пруссаки все еще громко жалуются на лишение Бьют субсидий Питта, Питт оставался у власти достаточно долго, чтобы помочь Фридриху преодолеть самую смертельную для него опасность и таким образом заложить краеугольный камень нынешней Германской империи. Однако даже эти достижения меркнут перед могучим гением и возвышенным энтузиазмом, которые призвали англоговорящий народ к оружию по обе стороны Атлантики, чтобы вырвать у Франции власть над миром. Военный министр поглощен государственным деятелем Империи.

Следующий предмет исследования - способ формирования этой Армии, беспрецедентно многочисленной в истории Англии, которая была накоплена к концу войны. Следует помнить, что количество кавалерийских полков увеличилось до тридцати двух, а в Линейной пехоте пронумерованных полков было сто двадцать четыре, не считая двух корпусов горцев (которые по какой-то причине были известны под названиями другого рода) и гвардейской бригады, что в общей сложности составляло немногим менее ста пятидесяти батальонов. Обеспечить рекрутов для таких войск на обычных условиях было невозможно; и едва началась борьба с Францией, как была применена система срочной службы. На сессии 1743-44 годов был принят первый из серии Законов о наборе персонала по образцу тех, которые были приняты при королеве Анне. Награда, предложенная добровольцам, составляла четыре фунта, в то время как приходские чиновники были уполномочены производить впечатление на безработных мужчин, за каждого из которых они получали вознаграждение в размере одного фунта, а приход - в размере трех фунтов. Стандарт для новобранцев был установлен на уровне пяти футов пяти дюймов; и было принято решение, что каждый доброволец или рядовой должен иметь право на увольнение по истечении трех лет. На следующей сессии Закон был несколько изменен. Вознаграждение добровольцам было отменено; пожертвование приходу было уменьшено до двух фунтов; планка была снижена на один дюйм, а срок службы продлен до пяти лет. Но, конечно, пока еще не началось реальное сокращение поставок англичан.

После заключения Экс-ла-Шапельского мирного договора в Палате общин была предпринята попытка установить принцип кратковременной службы в мирное время. В феврале 1750 года мистер Томас Питт, родственник Великого Простолюдина, внес законопроект, согласно

которому отныне солдаты должны быть зачислены на службу сроком на десять лет и что цена увольнения должна быть установлена в размере трех фунтов. Этому плану воспротивились на том основании, что мужчины всегда будут требовать увольнения после получения новой одежды и таким образом обманывать полковника; что страна будет заполнена праздными бродягами; и что сторонники претендента воспользуются этой мерой для получения военной подготовки, которая позже обернется против самой Англии. Один оратор, поддержавший законопроект, счел, что десять лет - это слишком большой срок; а полковник Генри Конвей, многообещающий офицер, одобряя принцип, утверждал, что законопроект в его нынешнем виде будет бесполезен, поскольку ни один человек не поступит на службу в Ирландию или Колонии без вознаграждения и не согласится на меньшее вознаграждение, чем стоимость его увольнения. Более одного члена парламента, принявшего участие в дебатах, выразили сожаление по поводу системы пожизненного призыва мужчин, которая, лишая их надежды, делает их праздными и беспорядочными; но все согласилось с тем, что ограничение срока службы неизбежно должно привести к увеличению расходов, поскольку это повлечет за собой потребность в большем количестве рекрутов. Расходы на рекрутский набор в то время, конечно, ложились на офицеров, жалование было разрешено нескольким фиктивным людям, внесенным в списки призывников, и вырученные средства превращались в рекрутский фонд. Пока длилась эта практика, бесполезно было говорить о наборе новых рекрутов, поскольку офицеры просто не могли себе этого позволить. Было бесполезно настаивать, как это делали Конвей и Оглторп, на том, что расходы на рекрутский набор в обычное время должен нести не полк, а население; поскольку это означало бы увеличение военных расходов, о котором не следовало думать ни на минуту. Таким образом, после полезных дебатов законопроект был отклонен ста пятьюдесятью четырьмя голосами против девяноста двух.[\[421\]](#)

С возобновлением войны был принят Закон о наборе, идентичный закону 1744-45 годов; но в следующем году (1756-57) снова добровольцам было предложено вознаграждение в размере трех фунтов стерлингов, которым также было разрешено проходить службу только в течение трех лет. Этим последним актом меры, санкционированные парламентом, подошли к концу, и хотя этот конкретный закон был принят, как обычно, всего на один год, я полагаю, что он должен был ежегодно продлеваться до окончания войны.[\[422\]](#) При исполнении этих Актов, конечно, имели место обычные злоупотребления, которые достигли серьезной высоты к концу войны. Страна была настолько истощена в 1762 году, что стандарт был снижен до пяти футов двух дюймов,[\[423\]](#) к тому времени мужчины регулярно зарабатывали на жизнь, ошиваясь возле вербовщиков, готовые сопровождать их перед судом и поклясться, что какое-то несчастное существо присвоило королевскую награду.[\[424\]](#) Практически это произвело впечатление как на армию, так и на флот; и действительно, уже в 1744 году газеты открыто говорят об общем прессинге, проведенном в Саутуорке для армии и морской пехоты, с удовлетворительным результатом в двести человек.[\[425\]](#) Не обошлось и без обычных романтических последствий. На одном из кораблей эскадры адмирала Боскавена в 1748 году находился морской пехотинец по имени Джеймс Грей, который был должным образом высажен вместе с остальными для осады Пондишери. Во время осады Грей имел несчастье быть ранен, по-видимому, осколками, получив шесть ранений в одну ногу, пять в другую и пулю в пах. При этом последнем ранении раненый морской пехотинец не подчинился врачам, ухитрившись извлечь пулю без посторонней помощи и таким образом добиться хорошего выздоровления. В свое время Грей вернулся в Англию, а затем на имя герцога Камберлендского поступила петиция, в которой утверждалось, что Джеймс Грей на самом деле был женщиной по имени Ханна Снелл. Ее

возлюбленный был впечатлен, поэтому она завербовалась и последовала за ним в Индию, преодолев все невзгоды путешествия и тяготы осады, чтобы быть с ним; но все было напрасно, потому что возлюбленный умер, оставив ее одну, искалеченную, без друзей и без гроша в кармане. Отрадно узнать, что Камберленд сразу же добился для нее пенсии в тридцать фунтов в год от щедрот самого короля.[426]

Между тем следует помнить, что с тех пор, как Горная местность была открыта, старые места для вербовки были значительно расширены, и что перспектива ношения оружия привлекла в ряды армии большое количество горцев. Не считая Сорок второго, в 1762 году в списке числилось по меньшей мере дюжина шотландских батальонов. Ирландские католики снова были приняты в армию, по крайней мере в Америке, и особенно отличились в Двадцать восьмом полку в Квебеке, где сам Вулф атаковал во главе их.[427] Но к каким другим мерам могло прибегнуть правительство, я, к сожалению, не смог выяснить. Более чем вероятно, что несколько корпусов были сформированы в особых условиях службы. По крайней мере, целый полк горцев герцога Сазерленда был явно сформирован только на три года или до окончания войны;[428] и тот же принцип, несомненно, был распространен на другие случаи. На помощь стране также пришло частное предпринимательство. В самом начале войны в Лондоне было создано общество содействия призыву морских пехотинцев; а после Миндена Общий совет Лондона открыл подписку, поощряющую набор, и пообещал немедленно допустить завербованных таким образом людей к торговле в пределах города, если они будут уволены с хорошими характеристиками по окончании войны.[429] С другой стороны, были полки, подобные полкам Хейла и Грэнби, Легкие драгунские полки, которые были созданы патриотически настроенными офицерами без каких-либо затрат для страны; и вполне вероятно, что это были не единичные примеры. Подобные преимущества экономии, по-видимому, продиктовали создание в 1760 году и в последующие годы бесчисленных независимых рот, которые после нескольких месяцев изолированного существования были объединены в полки. История этой системы чрезвычайно неясна, но, по-видимому, она практически сводилась к предложению офицерского чина каждому человеку, который мог или хотел набрать сотню рекрутов. Он был принят на фоне значительного расхождения во мнениях и не имел успеха, поскольку завербованные таким образом люди, как правило, не умели носить мушкет.[430] Говоря в широком смысле, можно утверждать, что во время этой войны ряды пополнялись скорее по принуждению, чем по влечению, и по принуждению настолько безжалостному, что новобранцы прибегали к членовредительству, чтобы избежать службы.

По совету лорда Стэра был проведен интересный эксперимент во внутренней организации службы набора, а именно формирование двух дополнительных рот пехоты и одного дополнительного отряда кавалерии для всех полков, находящихся на действительной службе. Цель состояла в том, чтобы содержать склад у себя дома для заполнения всех вакансий в рядах за границей и таким образом устранить необходимость отправки обратно в Англию офицеров-вербовщиков из-за границы. План поначалу не понравился королю, и Стэру пришлось неоднократно настаивать на нем, прежде чем он смог добиться его опробования; но предложение, по-видимому, было одобрено Камберлендом и какое-то время применялось на практике, хотя дополнительные роты вскоре были объединены в отдельные полки.[431] При этом вся система снабжения полков за границей вернулась к старому плану комплектования; и во время Семилетней войны полки дома, особенно драгунские,[432] были сформированы до значительных сил, которые могли бы служить просто вербовочными пунктами для полков за границей. С точки зрения полка, история войны - это история черчения, черчения, черчения, с,

конечно, всеми пороками, которые были осуждены Мальборо, сопутствующими этой практике. Гарнизоны захваченных городов ужасно страдали от этого зла, особенно в Вест-Индии, где мужчины все еще испытывали отвращение к службе. Не было такого нежелания отправляться в Ост-Индию, где была некоторая перспектива добычи; и солдаты и офицеры с радостью воспользовались предоставленной им возможностью не только отправиться в Индию, но и остаться там на службе в Роте после отзыва их полков.[433] Но Вест-Индия была охвачена ужасом и ненавистью. В этом непопулярном квартале все чаще и чаще практиковалось прощать дезертиров и плохих людей, принимавших службу, хотя даже при этом находились люди, которые предпочитали получить тысячу ударов плетью.[434] По мере расширения операций в Вест-Индии, как обычно, прибегали к призыву; после чего полковники, на которых легла обязанность поставлять призывников, конечно, воспользовались возможностью избавиться от своих худших людей, не обращая внимания на несчастный корпус, в который они их направили.[435] Правительство захваченного острова на Антильских островах на таких условиях было не очень завидной должностью.

Но Британские острова ни в коем случае не были единственным местом вербовки армии во время этой долгой борьбы. Брэддок еще в 1755 году получил приказ пополнить свои полки рекрутами из Америки; и эта система, как уже было видно, распространялась все дальше и дальше по мере продвижения войны. Поначалу возникли значительные трудности, которые британское правительство попыталось преодолеть, объявив, что после окончания войны всем новобранцам должны быть предоставлены двести акров земли бесплатно в аренду на десять лет.[436] Однако, по-видимому, это искушение не возымело большого эффекта, поскольку американцы разделяли все британские предубеждения против красных мундиров и поначалу не делали большого различия между солдатом и неграми. Шестидесятый, в частности, обнаружил серьезные препятствия для набора в Пенсильвании; юристы, судьи и люди в целом были яростно против призыва[437] даже на короткий срок в три или четыре года. Разгорелись ожесточенные споры по поводу найма наемных слуг, "белых слуг" или белых рабынь, о которых я уже упоминал; их владельцы не без основания заявляли, что, заплатив за проезд этих людей, они имеют право рассматривать их как свою собственность, или, используя их собственное выражение, как "купленных слуг". Эта трудность была устранена путем выплаты компенсации владельцам за потерю таких людей; но даже при этом самые серьезные препятствия остались неустроенными. В Нью-Джерси, например, судьи убеждали новобранцев не проходить аттестацию или выдавали ордера на арест за фиктивные долги и бросали их в тюрьму до тех пор, пока разыскивающий их полк не уходил маршем. Наконец, в 1760 году Амхерст написал, что, хотя численность его батальонов на семь тысяч человек ниже надлежащей, он не может набрать рекрутов из-за огромной щедрости, предлагаемой властями провинции своим собственным войскам. Эти факты не следует забывать ввиду гораздо более масштабного соперничества между метрополией и колониями, которое нам предстоит. Колонисты постоянно хвастались, и не без основания, жертвами, которые они приносили на протяжении всей войны; но они упускали из виду непрекращающиеся трудности, которые они создавали на пути королевских военачальников.[438]

С предметом вербовки тесно связано общее состояние рядового. В течение рассматриваемого периода его заработная плата или надбавки практически не менялись; и такие изменения, если и имели место, то скорее в ущерб ему. Похоже, Военное министерство еще не знало, что жесткие правила, применимые к службе дома, невозможно применять за границей, и либо по слепоте, либо по невежеству настаивало на том, что все дополнительные тяготы, налагаемые

различиями в климате и удаленностью от цивилизации, должен нести солдат. О мятеже, вызванном в Луисбурге чрезмерными задержками в выплате жалованья солдатам, уже рассказывалось; но столь опасное предупреждение даже несмотря на то, что это не привело к результату, поскольку недовольство осталось неурегулированным и привело ко второму мятежу войск в Канаде в 1763 году.[439] Подлость правительства в отношении таких вопросов была неопишуемой. Оно даже не поставило дополнительные одеяла для гарнизона Квебека, но решило, что цена должна быть вычтена из жалованья каждого солдата, и это при том, что рекрутов уже было с трудом достать для гарнизонов за границей.[440] Ни одно официальное лицо, несмотря на неоднократные заявления военных, похоже, не было способно разработать новую систему для учета новых условий. Старые формулы растягивались и растягивались снова, пока не превратились в простую путаницу дыр и заплат, едва достаточных, чтобы прикрыть наготу плохого управления.

Это правда, что правительство было виновато не полностью; скорее, это был тот дух придиричивости и назойливой критики в Палате общин, который в наши дни привел к тому, что называется законодательством путем ссылок, в результате чего немногие акты парламента понятны без полного свода Законодательных актов прошлого столетия, разъясняющих их. Смертельно боясь неприятного обсуждения военных смет, гражданские власти облекли все возможные денежные субсидии в форму жалованья для стольких людей и передали их полковым офицерам, чтобы те распорядились ими наилучшим или худшим образом. Отсюда возник хаос странных терминов, которые приводят в замешательство и отчаяние каждого студента. Тайны "рекрутского фонда" уже раскрыты, и завеса, окутывающая "вдовьего слугу", также приподнята; но список, к сожалению, намного длиннее этого. Как будто вдовьих матросов было недостаточно, существовали также "условные матросы", фиктивные матросы, занесенные в списки каждой роты, чтобы их жалованье могло покрыть непредвиденные расходы капитана.[441] Тогда существовал предмет, известный как "травяные деньги", пособие аналогичного характера, но с таким сложным описанием, что его можно показать только в табличной форме.[442] Существовали также любопытные устройства, с помощью которых пехотинец также был обеспечен определенными необходимыми частями своего снаряжения. Затем существовал еще один источник полкового дохода, называемый фондовой казной, который первоначально применялся только к драгунам и составлялся частично из рекрутского фонда, частично из незанятого жалованья людям, когда численность войска была ниже установленной, и частично из стоимости брошенных лошадей. Собранный таким образом фонд был передан в руки агента для покрытия непредвиденных расходов и текущих затрат на набор персонала. Поскольку все лошади были разыграны в возрасте четырнадцати лет и поскольку четыре лошади по цене, не превышающей двадцати гиней за штуку, заменялись каждый год, независимо от тех, которые были потеряны в результате смерти или несчастного случая, можно представить, что невезение могло привести отряд к разорению. Все это, однако, было частью системы, которая заставляла армию окупать себя, и поэтому сохранялось вопреки неприятностям и неразберихе, к которым это неизбежно приводило. Теперь можно понять, почему офицеры, любившие свои полки, часто завещали большие суммы денег в полковые фонды, чтобы их преемники могли набирать хороших рекрутов и поддерживать честное имя корпуса.

Таким образом, достаточно очевидно, что Армия, несмотря на дикий бред в парламенте, сделала для себя гораздо больше, чем страна для нее; хотя есть признаки того, что как институт она постепенно находила признание в нации. В 1740 году впервые появилось прозвище солдата

"лобстер", которое тридцать или сорок лет назад было достаточно распространенным, как ни странно, с приставкой к нему христианского имени Томас.[443] Затем в том же году парламент призвал и опубликовал возвращение офицеров армии, которое продолжалось ежегодно и было включено в ежегодный список армии.[444] Еще одно изменение также помогло придать полкам более достоверную идентичность в массовом сознании, а именно замена номера имени полковника для отличия корпуса от корпусов. Эта реформа была проведена в июле 1753 года;[445] но прошло много лет, прежде чем имя полковника было полностью исключено, в то время как цифры не находили места на кнопках до 1767 года. Затем, переходя к более мелким вопросам, было оказано достаточное уважение народной любви к военной музыке, чтобы частично облегчить полковникам бремя найма оркестрантов, которые, во всяком случае, в некоторых полках, были зачислены в солдаты после 1749 года и подчинены военной дисциплине.[446] В кавалерии, где трубачи поставляли шесть или восемь человек, более или менее искусных в игре на духовых инструментах, поставки рожков и фаготов к ним обходились дешевле, чтобы сформировать музыкальный оркестр;[447] но основное бремя содержания оркестра всегда лежало, как и до сих пор, на офицерах. Частное предприятие, которое, таким образом, навязало стране военных музыкантов, пыталось также навязать другую современную моду, но безуспешно. После своего похода к форту Дюкен генерал Форбс приказал отчеканить медаль чрезвычайно витиеватого рисунка и разрешил тем из своих офицеров, которые пожелают, носить такую же золотую медаль, подвешенную к их шее на голубой ленте.[448] Намек, однако, не был понят в домашних условиях, — возможно, слава об этом так и не достигла официальных ушей, — и хотя медаль могла бы увеличить поток новобранцев и примирить мужчин со службой за морем, ни одна не была выдана. Фердинанд Брауншвейгский получил орден Подвязки, а Амхерст - красную ленту Бани, но ничего не было сделано в память о более простых людях, принявших участие в завоевании империи.

Теперь я перехожу к рассмотрению военного прогресса в трех строевых родах войск. В кавалерии ранним изменением, которое было увековечено некоторыми полковыми названиями до наших дней, было преобразование трех старших кавалерийских полков в драгунские с названиями, которые они до сих пор сохраняют от Первого, Второго и Третьего гвардейского драгунских полков. Это было сделано в декабре 1746 года и, по-видимому, являлось частью общей схемы экономии, поскольку точно в то же время Третий и Четвертый отряды лейб-гвардии были расформированы, а в резерве остались только два отряда вместе с двумя отрядами гвардейских конных гренадер.[449] Но, похоже, что драгуны в данный момент также были чем-то вроде помешательства,[450] во-первых, потому, что им платили мало, а во-вторых, потому, что Фредерик Великий, в подражание австрийцам, сделал большую мобильность правилом для всей кавалерии. По правде говоря, старые различия между Кавалерией и драгунами быстро исчезали и превращались в значительной степени в вопрос имен. Французы действительно все еще взяли за правило не выставлять драгун в боевом порядке; но конница в их армии отличалась тем, что была облачена в тяжелые защитные доспехи. Лигонье, любивший кавалерию превыше всех родов войск, смело посоветовал пренебречь всеми причудливыми различиями и предоставить британским драгунам защитные доспехи; но его рекомендация оставалась незамеченной в течение двенадцати лет, когда в истинном духе педантизма в 1758 году синим полкам были пожалованы кирасы и железные 튈бетейки, а в 1760 году Третьей и четвертой кавалерийским, или, если дать им их нынешние названия, Шестому и седьмому гвардейским драгунским.[451] Другим недостатком, отмеченным Лигонье в организации кавалерии, была крайняя слабость британских эскадронов по сравнению с французскими; для

устранения которого он намеревался увеличить численность конных войск до пятидесяти человек, а драгун - до семидесяти пяти кавалеристов. Такая реформа была бы ценной как возвращение к системе Кромвеля, предусматривавшей усиление подразделений настолько, чтобы обеспечить полную занятость офицеров; но власти решили вопрос гораздо более простым способом, постановив, что численный состав находящейся на вооружении эскадрильи должен составлять три отряда, а не два, как раньше.^[452] Страна долго ждала принятия предложения Лигонье, и только в самые последние годы, если не сейчас, она наконец осознала обоснованность этого принципа.

Более важным шагом вперед было учреждение легких драгун, начавшееся, как уже говорилось, с создания сначала легких войск, а затем и полных легких полков. Примером в данном случае послужил корпус, сформированный во время шотландского восстания 1745 года, Легкие драгуны герцога Кингстонского, который сослужил столь хорошую службу, что, хотя и был расформирован после Каллодена, сразу же был преобразован в собственный герцога Камберлендского. В этом качестве он сильно отличился при Лауффельде, и Камберленд упорно умолял, чтобы его пощадили после заключения мира в Экс-ла-Шапель; но с обычной слепотой его расформировали, и таким образом в жертву был принесен полк совершенно необычной ценности и перспективности.^[453] К счастью, пятнадцатый легкий драгунский полк положил блестящее начало новому виду кавалерии и обеспечил ему успех. Легкие драгуны отличались тем, что носили шлем из лакированной меди или кожи, и были вооружены карабином, штыком, пистолетом и саблей, а также шанцевыми инструментами в кобурах. Их лошади описываются как клячи или охотничьи, ростом от четырнадцати ладоней три дюйма до пятнадцати ладоней один дюйм; и их седло было легче, чем у обычных драгун. Будучи предназначенными для использования в качестве иррегулярных войск, они с самого начала были известны в Англии как гусары;^[454] но, хотя они прошли специальную подготовку по верховой езде и стрельбе, даже галопом, из седла, их практически не инструктировали по обязанностям разведки, которые были специфической функцией гусара. Ничто не могло быть более характерным для различия между настоящей и ложной легкой кавалерией, чем поведение пятнадцатого полка при Эмсдорфе, который без колебаний атаковал французскую пехоту насквозь, в то время как прусские гусары, никогда не подходившие в рукопашную, не потеряли ни человека, ни лошадь. К счастью, в тот день острее всего был нужен не настоящий гусар.

В остальном, перед началом войны старая система маневров, при которой каждая лошадь разворачивалась на своем участке, уступила место системе развертывания небольших дивизий, хотя ряды по-прежнему формировались в три ряда глубиной. Не похоже, чтобы муштра, введенная Фридрихом Великим для полевых перемещений, была принята полностью или частично, хотя, возможно, она практиковалась отдельными полковниками. Нашей кавалерии не нужно было учиться ударным действиям у Фридриха, она уже научилась этому у Мальборо; но наши эскадроны, похоже, как обычно, были подвержены присущему им греху нежелания сплотиться после успешной атаки. Именно этот дикий скачок вперед разгромил героические полки Лигонье при Лауффельде. С другой стороны, эскадрильи Грэнби, несмотря на всю порывистость их командира, похоже, были хорошо подготовлены в Варбурге и выполняли свою работу с энтузиазмом, но при этом подчинялись контролю. Но двухчасовая рысь перед вступлением в бой, вероятно, лишила острых ощущений как лошадей, так и людей.

Переходя к артиллерии, мы подходим к самому замечательному событию, наблюдаемому за этот период во всей Армии. Несмотря на ранние неудачи при Карфагене и недостатки

Артиллерийского управления, артиллеристы после 1741 года неуклонно повышают репутацию своего корпуса во всех частях света. Их место пока еще оставалось слева от строя, уступая преимущество всей остальной армии, но они давали себе право на более высокое положение. Это внезапное изменение, несомненно, в значительной степени связано с основанием Академии в Вулвиче с пособием сначала в двести фунтов, которое через несколько месяцев было увеличено до тысячи фунтов в год.^[455] В 1744 году сорок джентльменов-кадетов были сформированы в единую роту, а их жалованье было повышено с одного шиллинга до шестнадцати пенсов в день; их число также было увеличено до сорока восьми, и с тех пор кадетская рота считалась старшей ротой корпуса.^[456] Рост численности Королевского полка сам по себе примечателен. В 1741 году в нем было всего три маршевые роты, но с того года численность постоянно увеличивалась на одну, две или четыре роты, пока в 1757 году он не состоял из двадцати четырех рот в двух батальонах, а в 1761 году - из тридцати одной роты в трех батальонах, или почти из тридцати двухсот человек всех званий. Наконец, в 1760 году был выдан ордер на формирование отдельного полка Королевской ирландской артиллерии.

Сначала видно, как артиллеристы работают в основном с батальонными орудиями, легкими трех- или шестифунтовыми пушками, которые, хотя и были приданы пехоте, обслуживались артиллеристами;^[457] но они всегда отличались, будь то при Фонтенуа или перед Тричинополи, быстротой и точностью своего огня. В Германии, однако, мы видим, что орудия до Миндена были научно сконцентрированы и использовались большими массами благодаря мастерству графа Липпе-Бюкебургского; и там британские батареи вызывают восхищение самых критичных артиллеристов Европы, а их офицеры - особую похвалу самого Фердинанда Брауншвейгского. Влияние Академии сказалось рано; но еще более важным фактом является то, что британские артиллерийские офицеры, получавшие офицерские чины не путем покупки, не становились командирами, не зная своей работы. Разнообразие орудий, выпускаемых для полевых работ, было очень велико, и хотя трехфунтовые пушки, по-видимому, уступили место в Семилетней войне легким шестифунтовым пушкам как самому легкому используемому оружию,^[458] все же были также тяжелые шестифунтовые пушки, легкие и тяжелые двенадцатифунтовые пушки, гаубицы и двадцатичетырехфунтовые пушки. Вероятно, именно легкие шестифунтовые орудия поразили всю армию при Варбурге, перейдя в наступление галопом, - подвиг, который был тем более замечательным, что возницы и лошади все еще нанимались, а не были неотъемлемой частью корпуса, как в настоящее время.^[459] Наконец, Мовийон свидетельствует о том, что британские орудия содержались в самой чистой форме и в самом совершенном порядке из всех во всей армии союзников.

Об Инженерах невозможно говорить столь же благосклонно; действительно, утверждать об их существовании иначе, как номинально, - почти крайнее допущение. Инженерная школа была основана в 1741 году; и небольшое количество инженеров, установленное в 1717 году, которое было значительно увеличено в 1756 году, было окончательно реорганизовано с численностью в шестьдесят один офицер в 1759 году.^[460] Там, похоже, не было людей, кроме сильной роты шахтеров, которая, однако, опиралась на мощь Королевской артиллерии.^[461] Результаты школы были необычайно малы по сравнению с результатами Академии в Вулвиче. У Вентворта был один эффективный инженер в Картахене, но у Стэйра не было даже одного в Нидерландах, и он был вынужден привлекать голландских и австрийских офицеров;^[462] в то время как инженеры, нанятые Боскавеном в Пондишери, Аберкромби в Тикондероге и Ходжсоном в Беллисле, были одинаково неэффективны. Факт становится менее примечательным, если вспомнить, что море устраняет необходимость в укреплении внутренних городов Англии. По

правде говоря, французские инженеры, как в отношении мастерства офицеров, так и в организации людей, похоже, стояли намного выше остальной Европы,^[463] в то время как британцы, вероятно, стояли ниже всех.

Наконец мы подходим к пехоте. Внимание уже привлекалось к реформам, инициированным Хоу, Вашингтоном, Forbes, Bouquet и Амхерстом, которые, хотя и были еще слишком развиты, чтобы их приветствовали дома, были реализованы сэром Джоном Муром сорок лет спустя. Отличительной чертой британской пехоты на протяжении всей войны является превосходство ее огневой дисциплины и смертоносная точность огня. Поэтому любопытно прочитать в самом популярном военном справочнике того времени^[464], что именно в вопросе огневой дисциплины британцев считали ущербными, настолько ущербными, что они считались ниже голландцев и были вынуждены утешать себя мыслью, что голландцы от природы более флегматичны по темпераменту. Автор осторожно указывает на то, что превосходство голландцев заключалось только в дисциплине, поэтому разумно сделать вывод, что британцы быстро улучшились в этом отношении во время войны. И именно такой вывод следует сделать из изучения различных действий. При Деттингене огонь, хотя и смертоносный, был неустойчивым; при Фонтенуа он был почти идеальным; при Миндене, где британцы стояли неподвижно, пока французская кавалерия не приблизилась на расстояние десяти шагов, это было достойно восхищения; в Квебеке он был просто превосходным. Обычно предполагается, что это улучшение было связано с внедрением прусских методов, но я не могу найти никаких оснований для этого предположения. Прусские упражнения с ручным обучением и стрельбой действительно попали в Первую гвардию в 1756 году;^[465] и до сих пор существует запись петиции от некоторых пожилых пенсионеров против жестокости прапорщика, который каждую зиму муштровал их на прусских учениях, хотя у них едва ли была одежда, прикрывающая их наготу;^[466] но это не имеет никакого отношения к действиям Фонтенуа в 1745 году. Правда заключается в том, что в вопросе атаки британцам нечему было учиться у пруссаков ни в кавалерии, ни в пехоте. Мальборо научил их превосходству в ударных действиях и огне взвода задолго до рождения Фридриха Великого; и все, чему должна была научить прусская школа, помимо этого и дисциплины, необходимой для безупречного исполнения, была точность марша, усвоенная с помощью маятника и темповой ручки, и некоторые неоспоримые улучшения в маневрировании полка или батальона. Действительно, было высказано предположение,^[467] что прусская колонна у Фонтенуа могла проложить себе путь к победе исключительно благодаря безупречной муштре и дисциплине; но возникает вопрос, сохранили ли бы они свой порядок так же превосходно, как британцы во время наступления. Конечно, едва ли возможно, чтобы даже прусские полки могли вести себя более безупречно под очень сильным огнем и в присутствии превосходящих сил кавалерии, чем шесть британских батальонов в Миндене.

Но наиболее важные изменения в пехоте были сродни изменениям в кавалерии. Первой была практика объединения гренадеров армии в батальоны, которая, хотя и была запрещена королем как австрийское нововведение, когда ее впервые предложил Стэйр,^[468] в конечном итоге была принята как в Америке, так и в Германии. Следующим шагом было введение легких войск для ведения перестрелок и для таких быстрых перемещений и особых обязанностей, какие возлагались в кавалерии на гусар. В британской армии первыми представителями этого класса пехоты были горцы, которые по этой причине были вооружены короткими мушкетами или карабинами и были выстроены вне линии в формальном боевом порядке. Stair^[469] просил горцев в их родной одежде еще в 1742 году, и его влиянию, вероятно, было обязано их

присутствие в Фонтенуа. Во время Семилетней войны, как мы видели, они работали во всех уголках земного шара и отлично несли службу. Амхерст, однако, и Вулф после него, не довольствовались только горцами, но сформировали те отряды стрелков, часто вооруженных винтовками, которые подготовили путь для Легких рот и всего корпуса легкой пехоты и стрелков, которые должны были последовать позже. Действительно, на самом деле существовал полк (который за свою короткую жизнь получил звание девяностого линейного), который назывался Легкой пехотой Моргана. Вероятно, это была имитация какой-то континентальной модели; но британцы нашли гораздо лучшую модель для своих собственных целей в Америке.

По правде говоря, хотя были уроки, которые британцы могли бы с пользой усвоить у иностранных государств, как в отношении того, чему им следует подражать, так и в отношении того, чего им следует избегать, лучшим из их наставлений было то, что они извлекли из своего собственного тяжелого опыта в странах, удаленных от Европы. Влияние короля Фридриха Великого было в значительной степени извращено во вред Армии. Король и Камберленд оба питали страсть к мельчайшим деталям одежды, отделке, кружевам, пуговицам, кокардам и тому подобному, и были горячими любителями тесной одежды и неэластичности движений, которые характеризовали прусскую школу. С другой стороны, не может быть никаких сомнений в том, что строгое соблюдение чистоты и опрятности необходимо, а корректность и единообразие одежды являются ценным подспорьем к дисциплине и *корпоративному духу*. Такие небольшие различия, как то, что мундиры кавалеристов должны быть с отворотами до юбки, а драгунских - до пояса, в то время как мундиры легких драгун должны быть без каких-либо отворотов, сами по себе безвредны и вызывают у мужчин гордость и интерес к своему роду войск; но пудрение волос, подгонка старомодных мундиров и подгонка каждого предмета одежды не способствовали повышению работоспособности, не улучшали здоровья и в глазах англичан, поначалу, не приукрашивали внешность.^[470] царь обратил свои мысли к снижению веса на солдатской спине,^[471] или разработать подходящее оборудование для стран с жарким климатом, он, возможно, спас жизни копить; но много лет еще должно пройти, прежде чем такие простые вопросы, как они получают должное внимание. Прекрасная точность муштры, предписанная Фридрихом, была с успехом применена британцами на многих полях сражений в Европе и Индии; но его превосходная дисциплина на действительной службе, как во время дежурства, так и вне его, ни в коем случае не копировалась столь точно, в чем Фердинанд Брауншвейгский убедился на собственном опыте.^[472] Однако, в любом случае, у британцев был пример худшего, чего они должны избегать, в армиях Франции. Там "не было ни дисциплины, ни субординации, ни порядка на марше, в лагере или даже на поле боя. Даже младшие офицеры брали с собой любовниц, и офицеры часто оставляли своих солдат сопровождать их в походе в своих экипажах. Все, что могло способствовать роскоши офицеров, было найдено во французском лагере.... Когда-то армию Субиза сопровождало двенадцать тысяч повозок, принадлежавших маркитантам и лавочникам, хотя численность армии не превышала пятидесяти тысяч человек.... В лагере устраивались балы, и офицеры часто покидали свои посты, чтобы станцевать менуэт. Они смеялись над приказами своих лидеров и подчинялись только тогда, когда это их устраивало".^[473] От такой глупости и позора, от каких избавила армию приверженность этого Камберленда более строгим образцам Германии; но ее лучшие уроки пришли не из Германии, а из Америки, не от Фридриха Великого, а от Хоу, Вашингтона, Вулфа, Буке и других. Амхерст.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ТАБЛИЦА существующих армейских полков с указанием их прежних номеров и нынешних территориальных названий.

КАВАЛЕРИЯ

1-я лейб-гвардейская

2-я лейб-гвардейская

состояла сначала из четырех лейб-гвардейских полков, к которым были добавлены два отряда гвардейских конных гренадер. В 1746 году два лейб-гвардейских полка были расформированы, а остальные организованы в нынешние полки в 1788 году.

Королевская конная гвардия (синие). Некоторое время числился 1-й конной.

1-й гвардейский драгунский (королевский). Первоначально 2-я конная; произведен в 1-й гвардейский драгунский 1746.

2-й гвардейский драгунский полк (Королевские гнедые). Первоначально 3-я конная; произведен во 2-й гвардейский драгунский 1746.

3-й гвардейский драгунский полк. Первоначально 4-я конная; произведен в 3-й гвардейский драгунский 1746.

4-й гвардейский драгунский полк. Первоначально 5-я конная; в 1746 году стал 1-й Ирландской конной; в 1788 году стал 4-м гвардейским драгунским.

5-й гвардейский драгунский полк. Первоначально 6-я конная; в 1746 году стала 2-й ирландской конной; в 1788 году 5-й гвардейский драгунский.

6-й гвардейский драгунский полк (карабинеры). Первоначально 7-я конная; в 1746 году стал 3-й ирландской конной; в 1788 году 6-й гвардейский драгунский.

7-й гвардейский драгунский полк. Первоначально 8-я конная; в 1746 году стала 4-й ирландской конной; в 1788 году 7-й гвардейский драгунский.

1-й (королевский) драгунский полк. Все еще известен как "Королевские".

2-й драгунский (королевские шотландские серые). Длинные королевские северобританские драгуны.

3-й гусарский полк. Лонг - 3-й (королевский) драгунский полк.

4-й " Лонг- 4-й драгунский полк.

5-й уланский полк. Длинный 5-й (Королевский ирландский) драгунский полк.

6-й	(Иннискиллингский) драгунский полк.		
7-й	гусарский полк.	Лонг - 7-й (Личный) драгунский полк королевы.	
8-й	"	Первоначально	8-й драгунский полк.
9-й	Уланы.	" "	9 - й "
10- е	Гусары.	" "	10- е "
11- й	"	" "	11- й "
12 - й	Уланы.	" "	12 - й "
13 - е	Гусары.	" "	13 - е "
14 - е	"	"	14-й "
15-й	"	"	15-й Легкий драгунский полк.
16-й	уланский полк.	"	16-го " "
17-го	"	" "	17-го " "

Оставшиеся в живых кавалерийские полки были сформированы в период, последующий за датой закрытия этих томов.

ПЕХОТА

Гренадерская гвардия Известная как 1-я гвардейская до 1815 года.

Гвардейцы Колдстрима.

Шотландская гвардия Известна как 3-й гвардейский с 1713 года.

ЛИНЕЙНЫЕ ПОЛКИ

Номера	территориальных титулов
1-й Ступени.	Шотландская королевская семья. Давно известен как "Королевская семья".
2-й "	Королевский полк Западного Суррея.
3-й "	(Баффы). Восточно-Кентский полк.
4-й "	Королевский Ланкаширский полк.
5-й "	Нортумберлендские стрелки.
6 - й "	Королевский Уорикширский полк.
7 - й "	Королевские фузилеры.
8- й "	ливерпульский полк.
9 - й "	Норфолкский полк.
10- е "	Линкольнширский полк.
11- й Линкольнширский полк.	11-й
12 - й "	Суффолкский полк.

13-й	"	Сомерсетширская легкая пехота.
14 - е	"	Западно-Йоркширский полк.
15-й	"	Восточно-Йоркширский полк.
16- е	"	Бедфордширский полк.
17- е	"	Лестерширский полк.
18- е	"	Королевский ирландский полк.
19- е	"	Йоркширский полк.
20-е	"	Ланкаширские фузилеры.
21- й	"	Королевские шотландские стрелки.
22 - й	"	Чеширский полк.
23-й	"	Королевские валлийские стрелки.
24-й	"	Пограничники Южного Уэльса.
25-й	"	Собственные шотландские пограничники короля.
26-й	"	1-й батальон. Шотландские винтовки (камеронцы).
27-я	"	1-я батарея. Фузилеры Иннискиллинга.
28-я	"	1-я батарея. Глостерширский полк.
29-й	"	1-й батальон. Вустерширский полк.
30-я	"	1-я батарея. Восточно-Ланкаширский полк.
31-й	"	1-й батальон. Восточно-Суррейский полк.
32-й	"	1-й батальон. Легкая пехота герцога Корнуоллского.
33-я	-	1-я батарея. Западный верховой полк.
34-й	"	1-й батальон. Пограничный полк.
35-й	"	Королевский Сассекский полк.
36-й	"	2-й батальон. Вустерширский полк.
37-й	"	1-й батальон. Гэмпширский полк.
38-й	"	1-й батальон. Южно-Стаффордширский полк.
39-й	"	1-й батальон. Дорсетширский полк.
40-я	пехотная	1-я батарея. Южно-Ланкаширский полк.
41-я	"	1-я батарея. Валлийский полк.
42-я	"	1-я батарея. Королевские горцы (Черный дозор).
43-я	"	1-я батарея. Оксфордширская легкая пехота.
44-я	"	1-я батарея. Эссекский полк.
45-й	"	1-й батальон. Дербиширский полк.
46-й	"	2-й батальон. Легкая пехота герцога Корнуоллского.
47-я	"	1-я батарея. Северо-Ланкаширский полк.
48-й	"	1-й батальон. Нортгемптонширский полк.
49-й	"	1-й батальон. Королевский Беркширский полк.

50-й	"	1-й батальон. Королевский Западно-Кентский полк.
51-я	"	1-я батарея. Йоркширская легкая пехота.
52-я	"	2-я батарея. Оксфордширская легкая пехота.
53-я	"	1-я батарея. Шропширская легкая пехота.
54-я	"	2-я батарея. Дорсетширский полк.
55-й	"	2-й батальон. Пограничный полк.
56-я	"	2-я батарея. Эссекский полк.
57-й	"	1-й батальон. Миддлсекский полк.
58-я	"	2-я батарея. Нортгемптонширский полк.
59-й	"	2-й батальон. Восточно-Ланкаширский полк.
60-й	"	Королевский стрелковый корпус Кинга".
61-й	"	2-й батальон. Глостерширский полк.
62-я	-я	батарея. Уилтширский полк.
63-й	"	1-й батальон. Манчестерский полк.
64-й	"	1-й батальон. Северо-Стаффордширский полк.
65-й	"	Йоркско-Ланкастерский полк.
66-й	"	2-й батальон. Королевский Беркширский полк.
67-й	"	2-й батальон. Гэмпширский полк.
68-й	"	1-й батальон. Даремская легкая пехота.
69-я	"	2-я батарея. Валлийский полк.
70-й	"	2-й батальон. Восточно-Суррейский полк.
с 71-го по 100-й пехотный были сформированы в период, последующий за датой, на которую заканчиваются эти тома.		
101-й	пехотный.	1-й батальон. Мюнстерский стрелковый полк.
102-я	"	1-я батарея. Королевские дублинские фузилеры.
103 -	"	2 - й батальон ". "
й		
104 - я - 109-я пехотная и стрелковая бригады были сформированы в период , следующий за датой, на которую заканчиваются эти тома.		

ПРИЛОЖЕНИЕ В

СУТОЧНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ АРМИИ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ

ПЕРСОНАЛ ШТАБ -КВАРТИРЫ

1346[474]

Черный Принц	£1	0	0
епископ	0	6	8
13 графы (каждый)	0	6	8
44 баронов и Bannerets (каждый)	0	4	0

1415[475]

Герцог Кларенс	0	13	4
Эрлс	0	6	8
Bannerets	0	4	0

1557[476] (дипломатической службы)

капитан-лейтенант	5	1	2
лейтенант.-Вообще	3	6	8
Верховный Маршал	3	6	8
Мастер стана	1	0	0
общие всадников	3	6	8
капитан-лейтенант стопы	3	6	8
его лейтенант	1	0	0
сержанта-Главные	0	15	0
хозяина боеприпасов	1	6	8
его лейтенантом	0	13	4
мастер вагонов	0	10	0
казначей	1	6	8
Мастер сборах	0	16	8
Прево	1	0	0
главный предвестник	0	4	0
хозяином кормовых	0	6	0
мастером разведчики	0	6	0

1588[477] (обслуживание на дому)

Генерал-лейтенант	6	0	0
фельдмаршалом	2	0	0
капитан-генерал копия	1	0	0
поручик	0	10	0
капитан-генерал от кавалерии	1	0	0
лейтенанта легкой кавалерии	0	10	0

генерал-полковник лакеев	2	0	0
- лейтенант лакеев	0	10	0
сержанта-Майор лакеев	0	10	0
4 Капралов поля (каждый)	0	4	0
казначей	0	6	8
Мастер боеприпасы	0	10	0
лейтенанта боеприпасы	0	6	8
дембеля-мастер -	0	6	8
комиссаром иноземные	0	6	8
траншею-мастер -	0	6	0
хозяином кареты	0	4	0
квартирмейстера	0	10	0
Скаут-мастер	0	6	8
судья-Генеральный	0	2	8

1598[478] (в Ирландии),

Лорд-генерал-лейтенант	10	0	0
лейтенанта армии	3	0	0
генерала верховая	10	0	0
Маршала Лагеря	1	10	0
старшина	1	0	0
лейтенант.-Генерал конницы	1	0	0
Квартирмейстер	1	0	0
Судья-маршал-генерал	1	0	0
Генеральный ревизор	0	13	4
Генеральный контролер продовольствия	0	10	0
Лейтенант артиллерии	0	10	0
Инспектор боеприпасов	0	6	8
по 2 клерка по вооружению (каждый)	0	5	0
4 полевых капрала (каждый)	0	6	8
Продовольственных товаров	0	8	0
еще 3 в	0	6	0
Вагоновожатый	0	6	8

1639

ГИПЕРССЫЛКА \l

"X7ca1a4f68d103d574f56389c37d005f3e103844" \h)

Лорд-генерал	10	0	0
--------------	----	---	---

0,,-Генеральный	6	0	0
сержант-генерал-майор	2	0	0
генерал-интендантом	1	0	0
Провост-Маршал-генерал -	0	6	8
вагон-мастер -	0	6	8
4 Капралов поля (каждый)	0	6	8
казначей	2	0	0
дембеля-мастер-общие	1	0	0
комиссар-генерал иноземные	0	10	0
судья-Маршала	0	10	0
2 капелланов (каждый)	0	6	8
2 врача (каждый)	0	6	8
2 аптеки (каждый)	0	3	4
секретаря Совета война	0	10	0
2 Chirurgeons (каждый)	0	4	0
генерала боеприпасов	4	0	0
лейтенантов боеприпасов	1	0	0
контроллер боеприпасы	0	10	0
комиссаром поезда журналами	0	6	0
комиссаром армии журналами	0	5	0
один инженер по	0	8	0
" "	0	6	0
мастер-Наводчик	0	6	8

платите парламентской армии[480]

генералитета поля

Господа-генеральный	10	0	0
сержант-генерал-майор	2	0	0
председателя Совета война	0	15	0
генерал-интендантом	1	0	0
Провост-Маршал-генерал -	0	6	8
и 20 лошадей позволило ему в 2С. 6д.	2	10	0
повозке-мастер-генеральный	0	10	0
и 2 лошади на 2С. 6д.	0	5	0

сотрудников Генеральной поезда

казначей	2	0	0
дембеля-мастер Генеральной	0	15	0
3 депутата (по каждому)	0	5	0
судья-адвокат	1	0	0
2 капелланов (каждый)	0	8	0
генерала врача	0	6	8
1 армии врач,	0	6	8
1 аптекарю	0	10	0
1 Chirurgеon	0	4	0
2 сопряжения (каждый)	0	2	6
капитан гвардии	1	0	0
магазин-общие провизии для ноги	0	10	0

верховая офицеров сфере

общего	5	0	0
лейтенант.-Генерал	2	0	0
Генерал-майор-сержант	1	10	0
Генеральный комиссар провизии	0	16	0
Маршал-провост	0	5	0
Генеральный инспектор сбора	0	15	0
по 2 заместителя (каждого)	0	5	0
Проповедник	0	8	0
Хирург	0	4	0
2 Товарища	0	2	6

Жалованье персоналу Штаб-квартиры-

Экспедиция во Фландрию, 1657 г.[\[481\]](#)

Главнокомандующий	5	0	0
генерал—майор	1	0	0
Судья-адвокат	0	8	0
Аптекарь	0	4	4
Маршал-провост	0	5	0

Армия короля Вильгельма во Фландрии, 1691 г.[\[482\]](#)

Генерал стопы	6	0	Конный генерал
6	0	0	0

-Генералы (каждый)	4	0	0
5 генерал-майоров (каждый)	2	0	0
13 бригадных генералов (каждый)	1	0	0
по 2 генерала-адъютанта (каждый)	1	0	0
1 Генерал-квартирмейстер	1	0	0
По 2 помощника (каждому)	0	10	0
Генеральный казначей (Англия)	1	0	0
Генеральный комиссар сборов и 13 заместителей (вместе)	7	9	4
Военного секретаря	3	0	0
Судьи-адвоката и заместителей	1	12	6
Генеральноговрача	0	10	0
генеральногохирурга	0	10	0
Главный аптекарь	0	10	0
Проректор-маршал-генерал	0	8	0

Армия герцога Мальборо, 1703 г.[\[483\]](#)

Главнокомандующий	10	0	0
Пехотный генерал	6	0	0
3 лейтенанта.-Генералы (каждый)	4	0	0
по 2 генерал-майора (каждый)	2	0	0
по 5 бригадных генералов (каждый)	1	10	0
Генерал-квартирмейстера	1	0	0
Его заместитель	0	5	0
Заместитель казначея	0	12	6
Секретарь главнокомандующего	0	10	0
Капеллан	0	6	8
Врач	0	10	0
Заместитель судьи-адвоката	0	10	0
Начальник фургона и помощники	0	7	1½
Маршал-провост	0	6	0

Жалованье персонала в Испании в 1707 году было таким же; но генералу разрешено иметь 3 адъютанта, а генерал-лейтенанту и майору по 2 адъютанта с жалованьем 10 шилл. в день каждому.

Министерство внутренних дел, 1704 г.

Главнокомандующий	10	0	0
-------------------	----	---	---

3 адъютанта (каждый)	0	10	0
Генеральный казначей	1	0	0
Военный секретарь	1	0	0
Генерал-адъютант	0	10	0
Генерал-квартирмейстер	0	10	0
Генеральный комиссар сборов	1	5	0
по 6 заместителей (каждый)	0	10	0
2 контролера армии (в год)	750	0	0
Секретарь к Силам (в год)	665	0	0

Home Establishment, 1717 г.[\[484\]](#)

Генерал-капитан и главнокомандующий	(не указан)		
2 адъютанта (каждый)	0	10	0
Секретарь генерал-капитана	1	0	0
2 генерала (каждый в год)	1200	0	0
5 лейтенантов .-Генералы (в процентах годовых)	970	0	0
6 генерал-майоров (годовых)	485	0	0
11 бригадир-генералы (в процентах годовых),	365	0	0
выплатных-майор (в процентах годовых),	365	0	0
секретаря силы (в процентах годовых),	365	0	0
комиссар-генерал сборами (в день)	1	5	8¾
2 контроллеры счетов (в год)	750	0	0
секретаря (в процентах годовых),	365	0	0
генерал-адъютант (в день)	1	0	0
- квартирмейстер-лейтенант (в день)	1	0	0
заместитель генерал-квартирмейстер	0	10	0
капеллан-генеральный	0	15	0
судья-адвокат-генеральный	0	15	0
врачом-генеральный	0	10	0
хирурга-генеральный	0	10	0
аптекарь-генеральный	0	10	0

экспедиции в Картахена, 1741[\[485\]](#)

Генерал и главнокомандующий	10	0	0
2 адъютантами (каждый)	0	10	0
1 генерал-майор	2	0	0
1-адъютант	0	10	0

3 бригадир-генералы (каждый)	1	10	0
3 майора бригады (каждый)	0	10	0
генерал-квартирмейстер	0	10	0
генерал-адъютант	1	0	0
судья-адвокат	1	0	0
секретаря главнокомандующего	0	10	0
капеллан	0	6	8
врач-генеральный	0	10	0
хирурга-генеральный	0	10	0
2 хирурга сопряжения (каждый)	0	8	0
комиссаром сборах	0	10	0
комиссаром магазинах	1	10	0
Провост-Маршала и двух мужчин	0	10	0

кавалерии

1346 и 1414

рыцарями	0	2	0
Эсквайры и констеблей	0	1	0
конных лучников	0	0	6

1557 (внешняя служба)

Капитан вооруженных всадников	0	10	0
лейтенанта вооруженных всадников	0	5	0
знаменосец вооруженных всадников	0	3	4
хирурга	0	2	0
Трубач и частными	0	1	6
капитан легкие конники	0	6	0
поручик	0	3	0
стандарт-носителем	0	2	0
хирурга	0	2	0
Трубач	0	1	6
легкий конник	0	1	0

1598 (в Ирландии)

Полковника	0	10	0
------------	---	----	---

ротмистр	0	4	0
поручик конной	0	2	6
Корнета конной	0	2	0
всадника	0	1	3

1639[486] (в Шотландии)

, капитан (за вычетом резерва)	0	8	0
поручик	0	5	0
Корнет	0	4	0
телесные	0	2	0
трубачи, интенданта, врача и всадника	0	2	6

1647[487]

Полковник конных	1	10	0
майора конь	1	1	0
ротмистр	0	14	0
поручик конной	0	9	0
Корнет конной	0	8	0
квартирмейстера	0	6	0
унтер-офицеры и трубачи	0	2	6
отрядов (не дают, а в 1659 году)	0	2	3

Кромвеля лейб-гвардии, 1656[488]

1 капитан	1	8	0
1-лейтенант	1	0	0
1 Корнет	0	15	0
1 квартирмейстер	0	10	0
6 лейтенантов эскадры (каждый)	0	7	6
4 трубачи (каждый)	0	3	6
160 мужчин (каждый)	0	4	0

"Конные войска графства",

1655 г. (см. том i, стр. 257)[489]

Капитаны	(в год)	100	0	0
Лейтенанты	"	50	0	0
Корнеты	"	25	0	0
Капралы	"	10	0	0

Солдаты	"	8	0	0
Трубачи	"	5	6	4

Лошадь (1689)

Английский истеблишмент

Ирландское образование

ранг.	Жалованье.		Разрешение прислуге.		Разрешенны й запас корма- количество.		Всего.	Общая.				
	сек.	д.	сек.	д.	сек.	д	£	сек.	д	£	сек.	д.
Полк овни к	22	0	15	0	4	0	2	1	0	1	18	0
Лейт енан т.- Полк овни к	18	0	7	6	4	0	1	9	6	1	5	0
Осно вной	20	0	7	6	...		1	7	6	1	2	6
Капи тан	10	0	7	6	4	0	1	1	6	0	17	0
Лейт енан та	6	0	5	0	4	0	0	15	0	0	10	6
Корн ет	5	0	5	0	4	0	0	14	0	0	8	6
Теле сные	...		...		...		0	3	0	0	2	6
Труб ач	...		...		...		0	2	8	0	2	6
Част ная	...		...		...		0	2	6	0	1	10

Эти ставки оставались неизменными вплоть до окончания 1763 года.

Лейб-гвардия (1689)

Звание.	жалованье.		Разрешение прислуге.		Разрешение на заготовку корма- ансе.		Общая.		
	сек.	д.	сек.	д.	сек.	д.	£	сек.	д.
Капитан	30	0	7	6	4	0	2	11	6
Лейтенант	15	0	7	6	4	0	1	6	6
Хорунжий	14	0	7	6	4	0	1	5	6
Гвидон	12	0	7	6	4	0	1	3	6
Квартирмейстер	9	0	...		...		0	9	0
Капеллан	6	8	...		...		0	6	8
Хирург	6	0	...		2	0	0	8	0
Бригадного	11	0	...		...		0	11	0
Суб-Бригадир	5	0	...		...		0	5	0
Трубач	5	0	...		...		0	5	0
Литавра	5	0	...		...		0	5	0
частная джентльмен	4	0	...		...		0	4	0

конно-гренадеры (1689)

лейтенант (с надбавками)	£0	19	6
--------------------------	----	----	---

сержанта	0	4	0
телесные	0	3	0
барабанщика	0	2	6
гобоя	0	2	6
Гренадерского	0	2	6

Драгуны (1689)

Звание.	Жалованье.		Разрешение прислуге.		Разрешение на заготовку корма-ансе.		Итого.		
	<i>Сержант</i>	<i>d.</i>	<i>s.</i>	<i>d.</i>	<i>s.</i>	<i>d.</i>	£	<i>s.</i>	<i>d.</i>
Полковник	23	0	9	0	3	0	1	15	0
- Полковник	17	0	4	6	3	0	1	4	6
Основных	20	0	4	6	...		1	4	6
Капитан	8	0	4	6	3	0	0	15	6
Лейтенант	4	0	3	0	2	0	0	9	0
Корнет	3	0	3	0	2	0	0	8	0
Интендант	3	0	1	6	1	0	0	5	6
Сержант	1	6	...		1	0	0	2	6
Телесных	1	0	...		1	0	0	2	0
Барабанщик	1	0	...		1	0	0	2	0
Частная	1	6	...		...		0	1	6

Драгуны (1721)

Английский Истеблишмент

Полковник	£1	15	0
Лейтенант.- Полковник	1	4	6
Основных	1	0	6
Капитан	0	15	6
Лейтенантом	0	9	0
Хорунжий	0	8	0
Квартирмейстера	0	5	6
Сержант,	0	2	9
Телесные	0	2	3
Барабанщика	0	2	3
Частная	0	1	9

Ирландский Учреждения

£1	11	4
0	19	4
0	17	4
0	12	4
0	6	2
0	5	2
0	3	0
0	2	6
0	1	8
0	1	6
0	1	4

Ноги

1346

ноги-Стрельцы	£0	0	3
валлийские копейщики	0	0	2

1415

ноги-Лучников	0	0	6
---------------	---	---	---

1557

капитан ног	0	4	0
поручик	0	2	0
прапорщик	0	1	0
хирурга	0	1	0
сержанта	0	1	0
барабанщик и волынщик	0	1	0

частная	0	0	8
1598 (в Ирландии)			
Капитан ног	0	4	0
поручик	0	2	0
прапорщик	0	1	6
хирурга	0	1	0
барабанщика	0	1	0
частная	0	0	8

1632 (в Шотландии)			
Капитан ноги	0	8	0
поручик	0	4	0
прапорщик	0	2	6
сержанта	0	1	2
барабанщика	0	1	0
телесные	0	0	10
частная	0	0	8

1647			
капитан ноги	0	8	0
поручик	0	4	0
прапорщик	0	2	6
сержант, капрал, и барабанщик	0	1	0

н. Б.—оплата частного менялись очень много, с начала Гражданской войны до восстановления, а в некоторых случаях высшие чины тоже. Таким образом, для гарнизона Виндзорского замка в 1654 году жалование составляло—

Прапорщик	0	3	0
Сержант	0	1	8
Капрал и барабанщик	0	1	2
Частное	0	0	10

, но в 1655 году жалование рядового установлено в размере 9 пенсов. день в Англии и Шотландии и 8 часов утра. находясь в гарнизоне (Калифорния, США). Но, с другой стороны, с октября 1653 года мужчины в Ирландии получали 9 пенсов в день, или 5 шилл. 3 пенса в неделю, из которых 3 шилл. 6 пенсов выплачивалось наличными, а остальное прекращалось;

при переводе в Англию они получали 10 пенсов в день, или 5 шилл. 10 пенсов в неделю, из которых 5 шилл. 1 пенс выплачивалось наличными, а остальное прекращалось. (Турлоу, iii. 536.) 1689 г.

английском истеблишменте

звание.	Жалованье.		Разрешение прислуге.		Общая.		
	сек.	д.	сек.	д.	£	сек.	д.
Полковник	20	0	4	0	1	4	0
Лейтенант.-Полковник	15	0	2	0	0	17	0
Основной	13	0	2	0	0	15	0
Капитана	8	0	2	0	0	10	0
Лейтенанта	4	0	0	8	0	4	8
Прапорщик	3	0	0	8	0	3	8
Квартирмейстером	4	0	0	8	0	4	8
Сержанта	...		...		0	1	6
Телесные	...		...		0	1	0
Частная	...		...		0	0	8

Ирландского Учреждения

Полковник	£1	4	6
Лейтенант.-Полковник	0	16	6
майор	0	13	6
Капитан	0	9	6
Лейтенант	0	4	6
Прапорщик	0	3	6
Сержант	0	1	6
капрал	0	1	0
рядовой	0	0	7

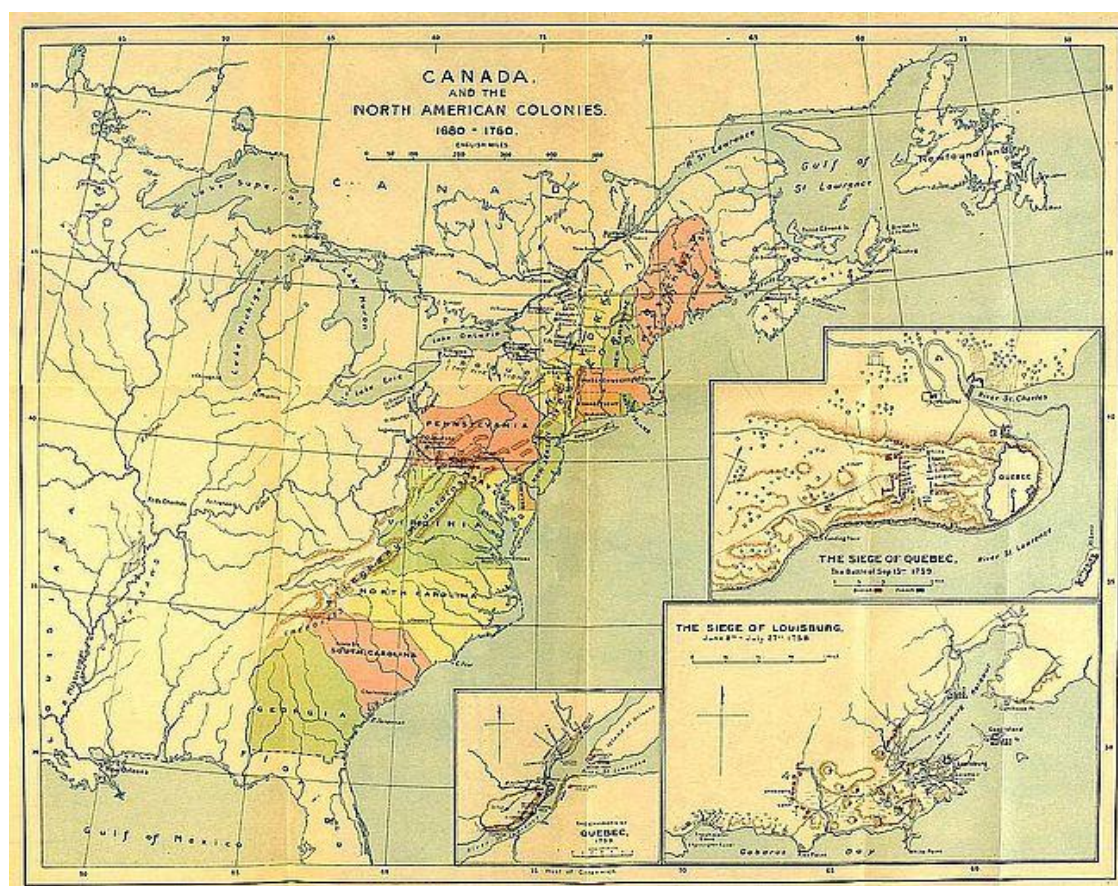
Пехотинцы (1689)

Как в строю, за исключением того, что рядовые получали 10 пенсов в день.

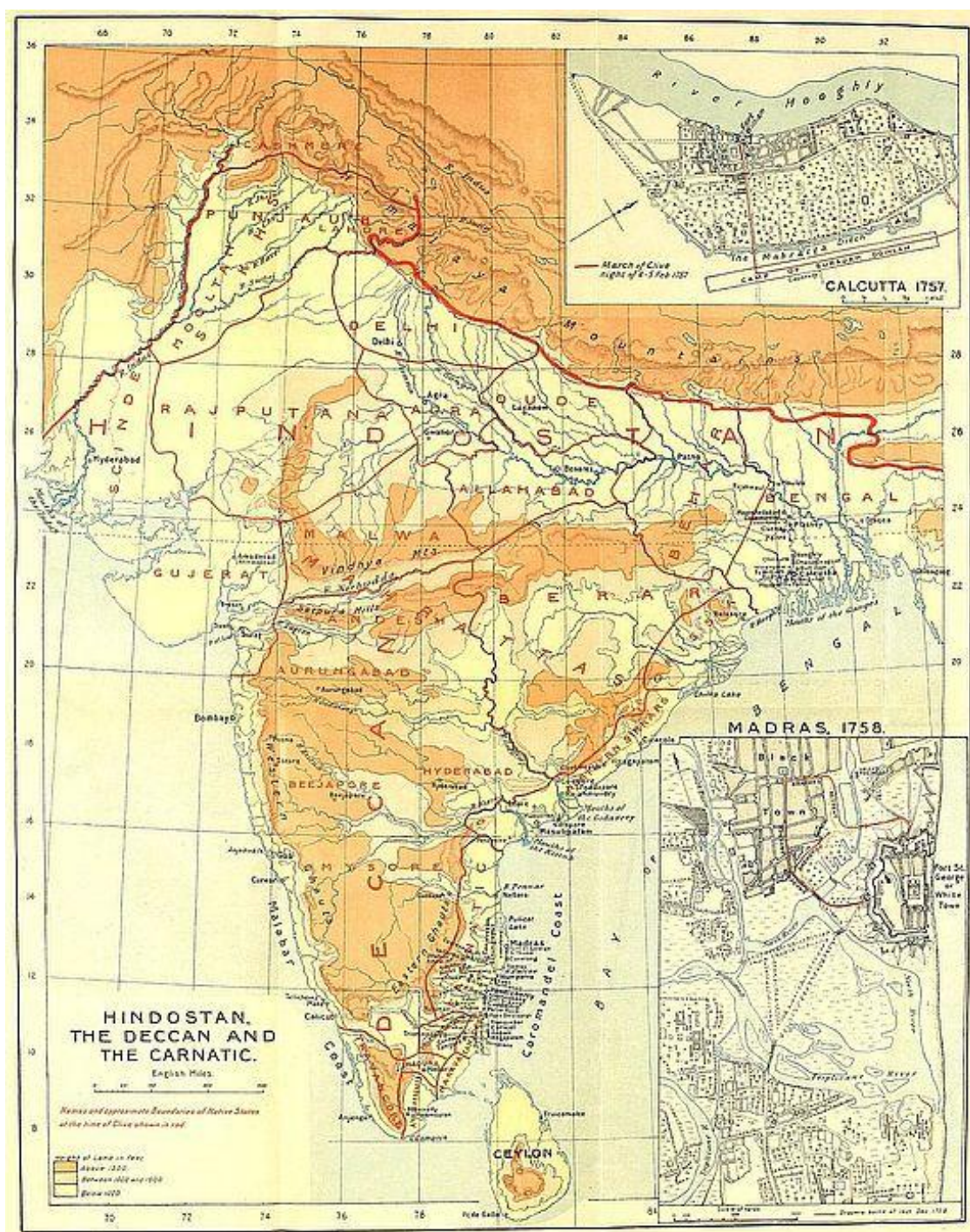
Пехотинец (1695),

полковник	£1	19	0
лейтенант.-Полковник	1	8	6
Майор	1	4	6
Капитан	0	16	6
Лейтенант	0	7	10
Прапорщик	0	5	10
Квартирмейстер	0	4	10
Сержант	0	1	6
Капрал и барабанщик	0	1	0
Рядовой	0	0	10

Эти показатели оставались неизменными до периода закрытия этих объемов.

Уолкер и Буталл Дель. КАРТА I. Конец тома II.
КАНАДА И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ КОЛОНИИ.
1680-1760гг.

Уолкер и Буталл Дель. КАРТА II. Конец тома II.
ИНДОСТАН, ДЕКАН И КАРНАТИК.

СНОСКИ:

[1] Журналы Commons, 18 апреля 1713 года. Общая книга писем секретаря, 29 июля 1712 г., 23 июля 1715 г. Н. О. М. Е. В., 26 июля 1715 г. Разные приказы (по гвардии и гарнизонам) от 25 октября 1715 года.

[2] Но я не могу дать никаких полномочий на восстановление 6-й, 14-й, 28-й и 29-й ноги, за исключением их повторного появления в активном списке раньше остальных.

[3] Работы Ньютона, Тиррелла, Черчилля, Рича, Молсуорта и Стэнхоупа. Миллан называет имена еще шестерых, которые, однако, похоже, начались и закончились назначением полковника.

[4] Книги Стэнвикса, Дюбурже, Лукаса, Покока, Хотэма. Здесь Миллан снова приводит список еще из восьми человек, имена которых никогда не фигурировали в оценках.

[5] Разные приказы (стражам и гарнизонам) от 23 июля 1715 года. Общая книга писем секретаря, 25 июля 1715 года.

[6] Н. О. М. Е. В., 12 марта 1719 года.

[7] Отряд Карпентера состоял из 4-го гусарского, Молсуорта и драгун Черчилля. Уиллс на западном побережье располагал 2-м гвардейским драгунским, 9-м уланским, 11-м, 13-м и 14-м гусарскими, 23-м, 26-м и 27-м пешими полками. Полки Аргайлла в Стирлинге в октябре были Серыми, 3-м, 4-м и 7-м гусарскими и 6-м драгунским, 11-м, 16-м, 21-м, 25-м пехотными и Гранта. Газеты, 6 октября 1715 года.

Потери при Шерифмюре составили 23 офицера и 354 рядовых убитыми, 11 офицеров и 142 рядовых ранеными. Летающий пост, 3 декабря 1715 года.

[8] Присутствующие полки были 11-м, 14-м и 15-м пехотными, а также некоторые иностранные войска. Потери англичан составили 1 офицер и 14 рядовых убитыми, 6 офицеров и 73 рядовых ранеными. Общие потери вооруженных сил составили 21 убитый, 119 раненых. Газеты.

[9] Войны сэра Ричарда Темпла из Мальборо.

[10] Задействованные войска составляли по батальону от каждого гвардейского полка, 3-го, 19-го, 24-го, 28-го, 33-го, 34-го и 37-го пеших.

[11] Грубая гравюра на дереве с изображением похоронной процессии до сих пор хранится в типографии Британского музея.

[12] По этому случаю была отслужена знаменитая заупокойная служба.

[13] Вестминстерское аббатство Стэнли.

[14] Полная информация о церемонии опубликована во всех современных газетах.

[15] Еженедельный журнал, 9 января 1720 года.

[16] Речь сэра Уильяма Йонджа, январь 1738 г., Парл. История.

[17] Парл. История. 28 ноября 1739 года.

[18] См. Речь Уолпола, декабрь 1717 г., Парл. История.

[19] Тем не менее, численность драгунских полков не превышала 332 человек, а пехотных батальонов - 655 человек.

[20] Парл. История.

[21] Парл. История. 1717.

[22] Газета, 11 января 1714-15. Разные приказы (по охране и гарнизонам), 30 июня 1715 года. Общая книга писем секретаря, 17 октября 1724 года, 29 июня 1725 года.

[23] Журналы Commons, том. xviii. р. 708, анно 1718. Я могу упомянуть, что в статье 29 впервые используется слово *reveillé*, с которым я столкнулся в английской официальной работе.

[24] Общая почтовая книга секретаря, 5 апреля 1716г.

[25] Общая почтовая книга секретаря, 5 ноября 1725 г., февраль 1726 г.

[26] Я знаю, что в народе считается, что он служил в Синих, но его первое назначение было в 1-й драгунский полк Королевской гвардии, затем во Вторую кавалерию. Отсюда и "ужасный конный корнет".

[27] Парл. История., том xiv. с. 479. Преемственность военных секретарей в этот период была следующей: Уильям Поултни, 1714; Джеймс Крэггс, апрель 1717; Роберт Прингл, май 1718; Джордж Треби, декабрь 1718; Генри Пелхэм, апрель 1724; сэр Уильям Стрикленд, май 1730; сэр Уильям Йонг, май 1735.

[28] Горы таких писем, абсолютно бесполезных, хранятся в Архиве. Н. О. Mil. Документы.

[29] Вопиющий пример неудобства выявился в 1729 году, когда дисциплина в армии была на время приостановлена, потому что герцог Ньюкаслский не потрудился подписать приказ короля о проведении военных трибуналов. Общая книга писем секретаря, 14 апреля 1729 года.

[30] Я привожу в качестве образца четверти лошади Пемброка (1-й д.г.): 3 войска Ньюбери, 2 Фарнхэма, 1 Олтона, 1 Хенли, 1 Окингема, 1 Мейденхеда. Разные приказы (Стража и гарнизоны), том. сссххv. стр. 147.

[31] Речь Уэйда, Парл. История., 1741. Однако мы находим, что город Бервик был достаточно благоразумен, чтобы попросить построить казармы в 1717 году. Книги судебных приказов, том ii. стр. 314. Позже Эдинбург также подал петицию о том, что некоторые из них могут быть построены в Канонгейте. Там же., том iv, 24 апреля 1729 г.

[32] Парл. История, речи Поултни, 1741, 1742.

[33] Еженедельный журнал, 14 апреля 1722 года. О настроениях этого органа свидетельствуют следующие цитаты: "Прежде всего, следует исключить военнотружущих [в качестве кандидатов на выборах]. Те, кто воспитан в убеждении, что грабеж законен, должны быть очень надежными распорядителями ваших свобод".

[34] Смотрите "Жизнь Джонсона" Босуэлла. - Джонсон. Что ж, сэр, если квартира будет вашей, вы, конечно, можете использовать ее по своему усмотрению. Итак, сэр, *вы можете*

приставить к нему двух лейб-гвардейцев, или вы можете послать в свои апартаменты самого большого негодяя, какого только сможете найти, или вы можете сказать, что хотите провести несколько экспериментов по натурфилософии, и сжечь большое количество ассафтиды в его доме ". Включение лейб-гвардейцев в одну категорию с величайшими негодяями и с ассафтидой поучительно.

[35] *Например, Общая книга писем секретаря, 13 декабря 1716 г., 10 января, 14 февраля и 14 июня 1717 г.*

[36] *Там же., 11 октября 1715 г., 13 августа 1717 г.*

[37] *Общая почтовая книга секретаря, 19 февраля 1717г.*

[38] *Там же., 24 июля 1735г.*

[39] *Там же., 24 декабря 1715 г.*

[40] *Там же., 13 января 1733 г.*

[41] *Там же., 16 ноября 1734 г. Преступниками оказались два предприимчивых офицера 31-го пехотного полка.*

[42] *Там же., 21 августа 1717г.*

[43] *Общая почтовая книга секретаря, 21 августа 1717 года.*

[44] *Там же., 20 июля 1720г.*

[45] *Там же., 22 июля 1731 года.*

[46] *Там же., 9 мая 1727г.*

[47] *Там же., 15 ноября 1726г.*

[48] *Частые экземпляры в Общей книге писем секретаря.*

[49] *Общая почтовая книга секретаря, 14 июня 1717 года.*

[50] *Там же., 9 декабря 1718, 2 января 1719.*

[51] *Там же., 15 мая 1721г.*

[52] *Там же., 29 апреля 1725 г., 25 августа 1729 г. и часто.*

[53] *Там же., 28 августа 1733г.*

[54] *Смотрите, например, Общую книгу писем секретаря, 28 июня 1720 года.*

[55] *Там же., 6 июля 1733г.*

[56] *Там же., 30 апреля 1730г.*

[57] *Там же., 22 февраля 1725г.*

[58] *Там же., 27 апреля 1725г.*

[59] Там же., 24 апреля 1728 г. Георг II. быстро положи этому конец.

[60] Смотрите жалобы лорда Стэра по этому поводу во время кампании 1742 года, ниже.

[61] Парл. Хист.

[62] Общая почтовая книга секретаря, 14 апреля 1716 года.

[63] Таким образом, лорд Бэрримор включил в стоимость своего полка 3500 фунтов стерлингов в качестве долга за одежду и 2362 фунта "потерянных агентом". Общая почтовая книга секретаря, 15 июня 1715 года. Разные приказы (по гвардии и гарнизонам), 10 марта 1722 года.

[64] Печатную копию Правил можно найти в Документах Его Превосходительства Военного министерства, том i. (R. O.)

[65] Общая книга писем секретаря, 11 октября 1715 г., 11 августа 1716 г.

[66] Там же., 8 июля, 20 сентября 1717г.

[67] Общая почтовая книга секретаря, 27 августа 1717 года.

[68] Там же., 17 июля 1717 года. Однако большинство из них, если не все, похоже, были восстановлены.

[69] История Англии Махона, том ii. стр. 291.

[70] Суровость, с которой мужчины наказывали товарища, очень сильно различалась. Если бы они действительно хотели наказать его, самый сильный мужчина вряд ли смог бы устоять на ногах, чтобы выслушать весь свой приговор. Посмотрите рассказ о мужчине, который обнажил меч и ранил женщину. Еженедельный журнал, 4 апреля 1730 года.

[71] Что касается порки на флоте, смотрите Первые главы книги Марриата "Королевская слуга".

[72] Общая книга писем и газеты секретаря, *passim*. В Еженедельном журнале от 21 июля 1739 года приводится пример дезертира, получившего пятьсот ударов плетью от 1-го гвардейского полка, столько же от Колдстримов и столько же от 3-го гвардейского, и вдобавок подвергшегося порке в трех маршевых полках.

[73] Смотрите отчет о дезертире, застреленном тремя товарищами-дезертирами. Еженедельный журнал, 7 мая 1720 года.

[74] Посмотреть на первое пикетирование было так стремительно, что несколько зрителей получили травмы. Дейли пост, 9 июля 1739 года. Наказание состояло в подвешивании человека за одно запястье без опоры для босых ног, кроме заостренного кола.

[75] Министр Треби инструктирует офицеров частично отменить порку, чтобы с заключенным не обращались слишком сурово, "чтобы предотвратить размышления, которые могут быть брошены на правительство злонамеренными людьми, которые были бы рады таким случаям". Преступлением было проклятие короля, и приговор состоял в том, чтобы запустить гантлопу всего полка шестнадцать раз, причем наказание должно было быть разделено на два дня. Общая книга писем секретаря, 23 августа 1723 года.

[76] Разносчик почты, 17 декабря 1822 года.

[77] Общая почтовая книга секретаря, 10 октября 1726 года.

[78] Daily Post, 13 марта 1738 года. Вследствие этого король учредил "обходы с посещениями" каждые два часа. Там же., 21 сентября 1738 г.

[79] Смотрите письмо Ремесленнику, 6 марта 1731 года.

[80] Приведу лишь один пример. В 1683 году негр на Барбадосе, который осмелился сказать своей любовнице, что когда-нибудь черные побьют белых, был сожжен заживо. Я помню также, что видел в газетах отчет о подавлении негритянского восстания на Антигуа, кажется, около 1713 года. Мелкие правонарушители были сожжены заживо, а главари повешены в клетках умирать с голоду. Ссылки я, к сожалению, утратил, но я уверен в фактах.

[81] Cal. S. P., Кол., том i. стр. 30, 113, 155, 430. Что касается трепанации и одухотворения, см. Там же., 1681-1685, *Указатель*, "Белые слуги"; и сравните историю, рассказанную Джорджем Примроузом в "Уэйкфилдском викарии".

[82] Смотрите письма Генри Кромвеля в государственных документах Турло.

[83] В первом парламенте Ричарда Кромвеля. Смотрите Дневник Бертон.

[84] Та же система до сих пор действует в отношении наемных кули, ввозимых в тропические колонии из Ост-Индии. Однако они защищены строгими законодательными нормами и находятся под опекой высокооплачиваемого офицера, называемого Защитником иммигрантов.

[85] Например, Барбадос, Калифорния, США, полковник (1661-1668), стр. 530.

[86] Смотрите жалобы губернатора Стэплтона. Cal. S. P., полковник, 1678-1680 и 1681-1685.

[87] Как, например, в Виргинском восстании 1682 года. См. Cal. S. P., Coll. (1681-1685), № 531, 546.

[88] Впоследствии Джеймс II.

[89] Collingwood's, впоследствии распущенный.

[90] Первыми из уцелевших полков, отправившихся в Вест-Индию, были 12-й, 22-й и 27-й.

[91] Составлен из 22-го состава по возвращении в Англию.

[92] Общая почтовая книга секретаря, 25 октября 1737 года.

[93] Общая почтовая книга секретаря, 5 декабря 1730 года.

[94] Ордерные книги, 18 декабря 1716 года. Общая книга писем секретаря, 30 сентября 1742 года.

[95] Ордерные книги (1723), том. viii. стр. 339.

[96] Губернатор Кейн, Разные приказы (страже и гарнизонам), 1729.

[97] Cal. Казначейство Документы (1714), стр. 12.

[98] Ямайка в соответствии с местным законом выделила провизию всем рангам. Антигуа в 1739 году предлагала не только казармы, но и свет, топливо и дополнительное жалование всем чинам, с премией или бесплатным проездом домой, а также пенсию в Челси каждому военному служащему по окончании десятилетней службы.

[99] 38-й пехотный полк оставался в Вест-Индии почти шестьдесят лет, 1716-1765. 40-й пехотный полк непрерывно находился на дипломатической службе с 1717 по 1763 год. 13-й пехотный отправился в Гибралтар в 1710 году и оставался там двадцать восемь лет; 9-й служил в Гибралтаре и на Менорке в 1718-1746 годах; 17-й - в 1723-1748 годах; 18-й - в 1718-1742 годах. Примеров может быть множество.

[100] Парл. История, 27 января 1742 года.

[101] Общая почтовая книга секретаря, 1729 год.

[102] Прививка, конечно, уже применялась на практике, но пока ограничивалась только более богатыми слоями населения.

[103] Общая почтовая книга секретаря, 23 сентября 1720 г., 18 декабря 1739 г.

[104] Там же., 8 января 1729 г., 31 июля 1731 г. (Менорка).

[105] Общая почтовая книга секретаря, 4 октября 1720 г., 14 декабря 1726 г.

[106] Разные приказы (по охране и гарнизонам), 2 апреля 1735 года (Менорка).

[107] Общая почтовая книга секретаря, 1729 год.

[108] См. напр. *ibid.*.

[109] Разные приказы (по охране и гарнизонам), т. dxxvii. стр. 26-41, 18 мая 1743г.

[110] Большое количество писем Боргарда можно найти в архиве F.O. Mil. Aux. Экспедиции 1707-1713гг.

[111] Разные приказы (по охране и гарнизонам) от 12 мая 1725 года.

[112] Stewart (Highland Clans) игнорирует эти более ранние компании 1710-1717 годов и указывает дату основания новых компаний как 1727 или 1729, а их количество - как шесть. Приказ, однако, датирован, как указано выше, и указано число - четыре, но, по оценкам, их должно быть шесть, а в Книге учета военнопленных Министерства внутренних дел от 1 июня 1725 года упоминаются три роты горцев и три гарнизонные роты.

[113] Лондон Дейли пост, 30 ноября 1739г.

[114] Один из двоих, Джон Кэмпбелл, был убит позже при Тикондероге, дослужившись до звания капитана.

[115] "Оглторп" в Каролине до расформирования занимал сорок второе место.

[116] Общая книга писем секретаря, 25 июля, 7 августа 1716г.

[117] Там же., 18 сентября 1718г.

[118] Там же., 1 декабря 1724г.

[119] Запись в военную книгу Министерства внутренних дел, 9 мая 1726 года.

[120] Еженедельный журнал, 26 апреля 1718 года.

[121] Там же., 29 апреля 1718г.

[122] Там же., 30 октября 1727 г..

[123] Еженедельный журнал, 6 июля 1728г.

[124] Еженедельный журнал Фога, 22 марта 1729 года.

[125] Там же., 11 ноября 1747 г..

[126] Газеты, февраль 1732г.

[127] Первое назначение Питта в кавалерию Кобхэма, корнет 1-го гвардейского драгунского полка. Что касается ветеранов, см. лондонскую "Дейли пост" от 19 января 1740 года, отчет Джона Холланда, который служил во всех войнах Кромвеля, также при Карле II и Якове II, во всех войнах короля Вильгельма и Мальборо до 1708 года, когда его уволили. Он, в возрасте ста пяти лет, и его жена, в возрасте восьмидесяти пяти лет, были найдены мертвыми в своей постели, предположительно от холода, в Мойярде, Ирландия. Смотрите также лондонскую "Дейли пост", 19 июля 1736 года, отчет о старом кавалере в возрасте ста двадцати трех лет, все еще живущем в Рибчестере, Ланкшир, под которым были подстрелены две лошади, и который был ранен в руку при Эджхилле. Смотрите также в Книге общих писем госсекретаря от 15 февраля 1731 года упоминание об Уильяме Хасленде в возрасте ста одиннадцати лет, который сражался при Эджхилле и с королем Вильгельмом во Фландрии, и теперь ему назначена пенсия в Челси в размере шиллинга в день.

[128] Парл. История, 14 февраля 1739 года.

[129] Разные приказы (по охране и гарнизонам), 12 июня, 27 августа 1739г.

[130] Daily Post, 18 августа 1739г.

[131] Общая почтовая книга секретаря, 19 июня, 9 октября 1739 года.

[132] Парл. История, 21 и 28 ноября 1739 года.

[133] Разные приказы (по охране и гарнизонам), 29 ноября 1739 года. Миллан называет даты в виде семи дней подряд с 17 по 22 ноября.

[134] Общая почтовая книга секретаря, 21 декабря 1739 г., 13 января 1740 г. Девять полков сдали половину своих людей, а десятый полк сдал более трети.

[135] Кэткарт в Ньюкасл, 1 апреля 1740 года.

[136] Кэткарт в Ньюкасл, 17 июня 1740 года. Полк был 27-м пехотным. Кэткарт лаконично описывает новобранцев: "Они могут пригодиться через год, но в настоящее время у них нет сил обращаться с оружием". Бессмысленность процедуры невозможно оценить, если не помнить, что перевод каждого человека из одного полка в другой влек за собой также перевод наличных

денег и корректировку полковых счетов (по чрезвычайно сложной системе) между полками, не говоря уже о главных пороках призыва.

[137] Кэтку в Ньюкасл, 25 июля 1740 года.

[138] Там же.

[139] Шесть новых полков морской пехоты, 15-й и 24-й линейные.

[140] Кэтку - Ньюкасл, 14 сентября, 12 октября 1740 года.

[141] Заболевание было вызвано, по словам его секретаря, передозировкой английской соли.

[142] Блейкни - Ньюкасл, 14 декабря; Гуч - Ньюкасл, 8 декабря 1740 года.

[143] Вентворт - Ньюкасл, 9 и 20 января 1741 года.

[144] Там же., 20 января 1741 г.

[145] Вернону в Адмиралтейство, 24 февраля 1741 года.

[146] Вернон и Огл в Вентворте с 11 по 22 марта 1741 года.

[147] Вентворт - Ньюкасл, 31 марта 1741 года.

[148] От Вернона до Ньюкасла, 26 апреля 1741 г. (приложения).

[149] Французский пират, захвативший Карфаген в 1697 году.

[150] Вентворт - Ньюкасл, 26 апреля 1741 года.

[151] Вернон - Ньюкасл, 30 мая 1741 года.

[152] Вентворт - Ньюкасл, 26 апреля 1741 года.

[153] Возвращение от 30 мая 1741 года.

[154] Вентворт - Ньюкасл, 20 декабря 1741 года.

[155] Там же., 1 марта 1742 г. Возвращение с 20 января по 23 февраля: погибших из четырех старых полков 109, из трех новых полков 165, американцев 99.

[156] Вентворт - Ньюкасл, 31 марта 1742 года.

[157] Из полка Вулфа только девяносто шесть офицеров и рядовых вернулись в Англию, они представляют выживших не только из этого полка, но и из другого, который был призван в него.

[158] Карлейль, Фридрих Великий, том iii. стр. 396.

[159] Лестница в Картерет, 14-25 мая, 18-29 июня 1 12, 4 15, 12 23, 19 30, 1742.

[160] Лестница в Картерет, 23 июля 3 августа.

[161] Картерет-Стэр, 30 июля, 10 августа, 21 августа.

[162] Лестница в Картерет, 20 - 31 октября ; Картерет-Лестница, 7, 18 , 8, 19 августа .

[163] Лестница в Картерет, 6 17 , 10 21 , 14 25 сентября .

[164] Там же., 1 октября 12 .

[165] Там же., 3 14 ноября , 13 24 ноября , 23 декабря, 4 декабря.

[166] Лестница в Картерет, 4 15 , 9 20 декабря .

[167] Там же., 4-15 декабря 1742 г.; 5-16 января 1743г.

[168] Там же., 19 : 30 января , 22 января, 2 февраля.

[169] Там же., 9 20 февраля .

[170] Там же., 16-27 февраля . Охранники подали пример.

[171] Картерет-Стэру, 11-22 марта .

[172] Там же., 29 марта, 9 апреля.

[173] Лестница в Картерет, 4 15 мая .

[174] Картерет-Стэйр, 18-29 мая , 23 июня , 3 июня , 27 мая , 7 июня , 30 мая , 10 июня ; Картерет-Стэйр, 23 июня, 3 июня , 27 мая , 7 июня , 31 мая , 11 июня , 2 13 июня . Я подробно остановился на роли Стэра в кампании, поскольку даже лорд Мэхон возлагает на него ответственность за положение армии непосредственно перед Деттингеном. "Лорд Стэйр, чей военный гений, никогда не отличавшийся блеском, заржавел с годами, похоже, совершал ошибку за ошибкой". Том iii. стр. 218.

[175] Королевский дом.

[176] Воспоминания Ноая.

[177] Ханивуд - Картерет, январь. 7 : 18 , Лигонье - Картерет, 21 марта - 1 апреля 1744 года.

[178] Лигонье - Картерет, 29 апреля, 10 мая.

[179] Уэйд в Картерет, 30 мая, 10 июня , 25 июня, 6 июля.

[180] Картерет-Уэйду, 25 мая 5 июня.

[181] Картерет Уэйду, 13, 24 , 17, 28 июля .

[182] Там же., 31 июля. 11 августа. 14 25 , 17 28 .

[183] Поездка в Картерет, 26 августа, 6 сентября.

[184] Там же., 19 августа, 30 сентября, август. 25 сентября, 9 сентября, сентябрь. 16-27 сентября. 22 Октября 3, 1 октября 12 , 10 октября 21 .

[185] Лигонье Картерету, 31 июля. 11 августа 1744 г.

[186] Лигонье Харрингтону, 29 января, 9 февраля, 6 февраля, 17 февраля 1745г.

[187] " Вестник", 23 февраля, 6 марта, 1-12 марта 1745г.

[188] Камберленд - Харрингтон, 1 12, 12 23 апреля .

[189] Местность непосредственно перед Фонтенуа на протяжении полных восьмисот ярдов представляет собой пологий и непрерывный склон. Офицер, который осматривал землю вместе со мной, заверил меня, что Марс ла Тур сам по себе не предлагает более совершенного естественного покрытия для современного ружейного огня.

[190] Каждый знает легенду о "господах французской гвардии, тире премьер-министров". "Non, messieurs, nous ne tirons jamais les premiers." Но все английские источники согласны с тем, что французы открыли огонь первыми, задолго до того, как был поднят этот вопрос, и я принимаю авторитет Лигонье (который составил официальный отчет) как окончательный. Он отчетливо произносит: "Мы приняли на себя их огонь".

[191] Нижняя Кампань.

[192] Лигонье Харрингтону, 5-16 мая . Камберленд - Харрингтон, 11-22 мая .

[193] Фокенеру - Харрингтону, 19: 30 июля .

[194] Генерал Блай в Камберленде, 28 июня 9 июля.

[195] Камберленд - Харрингтон, 2 июля 13 .

[196] Там же., 14 июля 25 .

[197] Лигонье - Харрингтону, 14-25 июля .

[198] Харрингтон - Камберленду, сентябрь. 4: 15; 1: 12 октября, 19: 30 .

[199] Письма Коупа, 3 13 июля , 9 20 ; авг. 3 17 1745.

[200] Там же., август. 11 22 1745.

[201] Там же., август. 13 24 .

[202] Обращение к Гизу, 17 августа 7 сентября 1745 г.

[203] Коуп, 31 августа 11 сентября 1745 г.

[204] Гарнизон состоял из двенадцати человек под командованием сержанта Маллоя. Деша сержанта Коупа, датированная 30 августа, сохранилась до наших дней и достойна места в военном музее, будь там такое учреждение.

[205] Небрежность, с которой в то время приучали лошадей к огнестрельному оружию, была поразительной. Говорили, что первая атака синих при Деттингене провалилась, потому что лошади были неуправляемы; и конные как короля, так и герцога Камберлендского убежали вместе с ними.

[206] Разные распоряжения, 25 сентября 1745 года.

[207] Там же., 6 сентября 1745г.

[208] Эти слова неделями печатались на полях газет.

[209] Н.О.М.Е.В., 8 ноября; Общая книга писем секретаря, 28 сентября, 27 ноября 1745г.

[210] Общая почтовая книга секретаря, 9 октября 1745 года.

[211] Он состоял из 13-го, 27-го, 34-го пеших, 2-го и 3-го гвардейских драгун, 8-го драгунского полка. Разные приказы от 25 сентября 1745 года.

[212] Все письма, написанные в это время, были перехвачены и лежат беспорядочной пачкой в Архиве. Наиболее примечательными среди них являются обращения Гранта из Гленмористона к своей жене с требованием удвоить арендную плату за всех дезертиров, вернувшихся домой, и изгнать их из их владений. Есть также любовное письмо от сержанта, который, как я полагаю, был дезертиром из английского гарнизона форта Огастес, которое я печатаю в качестве курьеза:

"Муслебро, 30 октября 1745 года. Доктор Лав, я получил ваше письмо, в котором был очень рад услышать, что вы в добром здравии. Мы с Джанет, моей муравейницей, не получили письмо, которое вы отправили с Алланом Ройсоном. Александр Маклин, сын вашего муравья, просил прочитать это письмо, но я не дал бы ему его из опасения, что, если (*так*) он скорее вернется домой, он подложит его вам как дураку. Это то, чего я не могу добиться, потому что мы каждый день находимся в ожидании марша в Англию, и [я] сержант и пользуюсь поддержкой компании — И Бог знает, как скоро я смогу подарить тебе свою любовь, и, тем не менее, моя любовь к тебе так же постоянна, как и раньше, и я нахожусь в плохом состоянии каждую ночь и день, забочусь о тебе, твоей доброте и приятной компании. И я нахожусь в очень добром здравии с тех пор, как написал последнее письмо, и меня больше ничего не беспокоит, кроме того, что я нуждаюсь в тебе, и я надеюсь на Бога, что мы все уладим, если я когда-нибудь вернусь. Я твоя самая покорная любовь, Дункан Макгиллис. Отдай мое служение своим детям".Адресовано: "Маргрэт Макдонелл в столовой бараков Фортугустуса".

Я сохранил орфографию сержанта, но волей-неволей добавил пунктуацию, которой совершенно не хватает в оригинале.

[213] Письма Грея (поэта), 3 февраля 1746г.

[214] Письмо Хоули от 7 января 1746 года.

[215] "Все, что я изучил, больше похоже на работу, чем на то, чтобы быть размещенным должным образом". Письмо Хэндэсайда от 21 ноября 1745 года.

[216] Хоули -Харрингтону, 10, 11, 13 января 1746 года.

[217] Хоули - Ньюкасл, 19 января 1746 года.

[218] Я полагаю, что эффект Prestonpans на войска был во многом таким же, как и при катастрофе при Исандлване в 1879 году, когда большинство подкреплений, отправленных после акции, были очень молодыми солдатами. Сравните случай с катастрофой Брэддока. Публикация.

[219] Хоули - Ньюкасл, 29 января 1746 года.

[220] Камберленд - Ньюкасл, 3 февраля. "Я подумал, что лучше всего дать солдатам немного отдохнуть, с надлежащими предосторожностями, чтобы они могли подкрепиться после всей своей усталости. Я отправил двадцать драгун к леди Перт и пригрозил сжечь замок дотла, если Перт не освободит наших офицеров.

[221] Лорд Стэйр в Камберленде, 10 марта 1746 года.

[222] Данмор - Харрингтон, январь. 20 31, 27 января, 7 февраля, 12 23 февраля.

[223] Лигонье Харрингтону, 1 12 июля 1746 года.

[224] Лигонье Харрингтону, 9 20, 13 24, 16 27 июля.

[225] Там же., 23 июля. 3 августа. 2 13.

[226] Лигонье в Харрингтон, август. 9 20, 19 30, 26 августа, 6 сентября, сентябрь. 4 15.

[227] Лигонье - Харрингтон, сентябрь. 24 Октября. 5, сентябрь. 28 октября. 9.

[228] Лигонье - Харрингтон, сентябрь. 28 Октября. 9 октября. 20 31.

[229] 1-й, 15-й, 28-й, 30-й, 39-й и 42-й фут.

[230] Камберленд - Харрингтон, 6 февраля 17, 20 марта 31, 24 марта 4 апреля.

[231] Камберленд - Честерфилд, 1 12 мая, 9 20.

[232] Камберленд обвинил австрийского генерала Барони и его иррегулярные части в халатности на марше. Камберленд - Честерфилд, 6 17 июля 1747 года.

[233] Присутствовавшими в Лауффельде полками были Серый, 4-й гусарский, Иннискиллингский, 7-й гусарский и Камберлендский драгунский, по одному батальону в каждом из 1-го и 3-го гвардейских, 3-го, 4-го, 13-го, 19-го, 21-го, 23-го, 25-го, 32-го, 33-го, 36-го, 37-го, 48-го пеших. В двух последних обошлось без потерь.

[234] Камберленд - Ньюкасл, 18-29 марта, 22 марта, 2 апреля, 25 марта, 6 апреля.

[235] "Анналы Ост-Индской компании" Брюса, том ii. стр. 125, 129, 152, 153, 156.

[236] Полковник Маллесон (французский язык в Индии, стр. 306), комментируя это действие, говорит, что Клайв "позволил своей неприязни к великому французскому государственному деятелю подавить свои более благородные инстинкты". Конечно, если бы Дюпле воздвиг этот город (а это, несомненно, было так) не столько ради удовлетворения своего личного тщеславия, сколько ради впечатления, которое он произвел бы на местных жителей, Клайв был бы неправ, если бы не сравнял его с землей. Если строительство такого города было французской политикой, то, несомненно, это была политика Англии - снести его, и великодушию здесь нет места. Абсурдно относиться к Дюпле-Футтехабад так, как если бы это был йенский мост или колонна Россбаха.

[237] Акадия является и всегда была расплывчатым географическим термином. Это название при первом использовании относилось к территории между 40° и 46° широты.

[238] Cal. S. P., Col., 1632, стр. 139.

[239] В Акадию вошли Новая Шотландия и другие страны.

[240] Границы Новой Англии были определены сороковым и сорок пятым градусами широты.

[241] Массачусетс, Нью-Хейвен, Плимут, Коннектикут.

[242] Англичане всегда заявляли права на страну на севере до Сент-Круа; французы, с другой стороны, заявляли права на юг до Кеннебека. Это различие относительно истинной границы Акадии было одним из многих пунктов разногласий между двумя нациями.

[243] Он был отбит голландцами в 1673 году, но возвращен Англии по мирному договору 1674 года.

[244] Читатель, возможно, также помнит дело Уолли-цареубийцы, который бежал в Массачусетс после Реставрации. Смотрите Примечание к "Певерилу пика" Скотта, глава xiv.

[245] Пэлфри. История Новой Англии, том iii. стр. 434.

[246] Контингенты составляли Массачусетс, 350 человек; Вирджиния, 250; Мэриленд, 160; Коннектикут, 120; Род-Айленд, 48; Пенсильвания, 80; Вирджиния и Мэриленд заменили свои обязательства на определенную сумму денег. Паркман. Фронтенак, стр. 408.

[247] Цитируется Паркманом. Полвека конфликта, том i, стр. 155.

[248] Повествование, рассказанное с замечательной живостью и юмором, можно найти в книге "Паркмен, Полвека конфликта", том ii.

[249] Письмо Уоррена от 4 июля 1745г.

[250] 900 человек были похоронены из 2500.

[251] Холдернессу Динвидди, 18 января 1754 года. Паркман, том i, стр. 162.

[252] Холдернессу Динвидди, 5 июля 1754 года.

[253] Приказ от 30 сентября 1754 года. Бюро записей, Америка и Всемирная паутина, том. lxxiv.

[254] Примеры грубых манер Брэддока, приведенные Горацием Уолполом, хорошо известны, но следующее, я думаю, является новым. При назначении Брэддоку на командование был навязан офицер, которого (чтобы избавиться от него) он назначил командующим небольшим провинциальным фортом на мысе Фир. Губернатор Каролины Доббс пожаловался на этого офицера, и Брэддок ответил, "что этот человек был навязан ему, что он не доверит ему строительство свинарника, и что лучшее, что Доббс мог бы сделать, это повесить его на первом попавшемся дереве". История рассказана в письме губернатора Доббса генералу Амхерсту от 28 августа 1762 года. Архивное управление, WO, Оригинальная переписка, том. xiii.

[255] Они, пока длились, занимали 51-е и 52-е места в Строчке.

[256] Брэддоку Робинсону, 18 марта 1755г.

[257] Паркман.

[258] Паркман.

[259] Ширли в Ньюкасл, 5 ноября 1755 года. Он называет это одной из причин последующей катастрофы.

[260] Сравните полную беспомощность французов при Уайнендейле, которые не предприняли никаких попыток очистить леса на своих флангах, и неразбериху лесных боев при Мальплаке.

[261] Выражение самого Вашингтона в его письме от 18 июля 1755 года.

[262] Вероятно, 40-го фута, но, возможно, и 45-го.

[263] Не путать с Лесным ручьем на озере Шамплейн.

[264] Перехваченное письмо в кол. Документы (Америка и Вест-Индия), вып. lxxxі. Март 1756 года.

[265] Уолпол.

[266] Двадцать линейных батальонов увеличены до тысячи человек каждый; увеличено количество одиннадцати кавалерийских полков; две новые роты добавлены к артиллерии. Разные приказы, 15 октября 1755 года. Книги ордеров, 21 октября 1755 года.

[267] Порядок их повышения. Разные приказы, 7 января 1756 года.

[268] 53-й, 54-й и 57-й. Общая книга писем секретаря, 12 мая 1756 года.

[269] Лоудон -Фоксу, 19 и 29 августа 1756 года.

[270] Разные заказы, 20 сентября 1756 г. Полки, таким образом дополненные, были следующими, причем полки, сформированные из их вторых батальонов, были добавлены в скобках. 3-й (61-й), 4-й (62-й), 8-й (63-й), 11-й (64-й), 12-й (65-й), 19-й (66-й), 20-й (67-й), 23-й (68-й), 24-й (69-й), 31-й (70-й), 32-й, 33-й, 34-й, 36-й, 37-й.

[271] Приказ об их повышении, Разные приказы, 4 января 1757г.

[272] Общая почтовая книга секретаря, 25 января 1757г.

[273] Там же., 22 декабря 1756 г.

[274] Там же., 21 сентября 1756 г., 29 января 1757 г. Полки были 2-м полком. 1-й пехотный, 17-й, 27-й, 28-й, 43-й, 46-й, 55-й пехотный.

[275] Ордерные книжки, 1 мая 1756 г., 4 марта 1757 г.

[276] Так я понял из бесчисленных писем на эту тему в Общей почтовой книге госсекретаря за январь и февраль 1757 года.

[277] Лудуну Фоксу, 25 января; Питту, 25 апреля 1757г.

[278] Инструкции Питта генералу Хопсону, 19 февраля; от Холдернесса до Лудуна, 8 апреля, 2 мая; от Лудуна до Холдернесса, 5 августа 1757г.

[279] Лоудон Питту, 30 мая 1757г.

[280] Полки были 3-м, 5-м, 8-м, 15-м, 20-м, 24-м, 25-м, 30-м, 50-м, 51-м.

[281] Питту -Лудуну, 20 декабря 1757 года.

[282] Инструкции Аберкромби, 30 декабря 1757 г.

[283] Инструкции Аберкромби.

[284] Порядок распределения сил Амхерста по бригадам был следующим, полки перечислялись справа налево. *Правая бригада* (Уитмор), 1 батальон. 1-й пехотный, 40-й, 3-й батальоны. 60-й, 48-й, 22-й. *Центральная бригада* (Вулф), 17-я, 47-я, 2-я батареи. 60-я, 35-я. *Левая бригада* (Лоуренс), 28—я, 58-я, горцы Фрейзера, 45-я, 15-я. - Добавление в письме Амхерста Питту, 11 июня 1758г.

[285] 22-й, 28-й, 40-й и 45-й.

[286] 1-й, 17-й, 47-й, 48-й, горцы Фрейзера.

[287] "Я не мог помешать жителям напоить мужчин ромом". Амхерст - Питту, 18 сентября 1758 года.

[288] От Forbes до Bouquet, 27 июня; от Вашингтона до Bouquet, 3 июля 1758 года. Бумага для букетов, доп. М.С. 21640, 21641.

[289] Совет генеральных офицеров, Книга писем, том. ccslx. стр. 24.

[290] Горацио Гейтс в Букете, 8 сентября 1759 года. "Лорд Хоу ошибся, обрезав немцев. Некоторые, нет, многие из них скорее расстались бы со своими скальпами, чем с заплетенными хвостами, которые нужно подстричь *по-совиному*. Бумага для букета.

[291] Аберкромби Питту, 8 сентября 1758 года.

[292] "Горцы Стюарта", том i, стр. 296.

[293] Turpin's Essai sur la guerre. От Форбса до Питта, 17 июня, 27 октября 1758 года.

[294] Добавить. СР., 21643. Расписка в получении винтовок, 6 мая; от Стэнвикса до Букета, 25 мая 1758 года.

[295] Там же., 21632. Букет для Форбса, 20 августа 1758 года.

[296] Войска состояли из одного батальона от каждого гвардейского полка, 5-го, 8-го, 20-го, 23-го, 24-го, 25-го, 30-го, 33-го, 34-го и 36-го пеших; легких войск в составе девяти драгунских полков, трех рот артиллерии и большого осадного обоза.

[297] Холдернесс Дюрану, 27-30 июня.

[298] Войска состояли из синих, 1-го и 3-го гвардейских драгун, серых, иннискиллингов, 10-го драгунского полка (ныне гусарского), 12-го, 20-го, 25-го, 37-го, 51-го пеших, с одним батальоном инвалидов для гарнизона Эмдена.

[299] Три гвардейских батальона: 5-й, 24-й, 30-й, 33-й, 34-й, 36-й, 67-й, 68-й и пехота герцога Ричмондского (тогда имевшая 72-й номер).

[300] Мемориалы Африканского комитета, 13 сентября 1753 года, и Африканской компании, 21 февраля 1755 года.

[301] Затем пронумерована 74-й.

[302] Затем занял 76-е место.

[303] Письмо от Ворджа Питту, 22 октября. "Сумма всех перевозок направлена в Кинсейл" (*так в оригинале*). Кеппел - Питту, 26 октября 1758 года.

[304] 3-й, 4-й, 61-й, 63-й, 64-й, 65-й. Разные приказы, 27 сентября, 10 октября 1758 года.

[305] Ныне Форт-де-Франс.

[306] Дневник в письме Хопсона Питту от 30 января 1759 года.

[307] Хотя я просмотрел множество карт всех периодов, я не смог обнаружить Арнувиль ни на одной из них. О его положении, однако, можно догадаться по его отношению к заливу Махолт.

[308] Coote's, занявший 84-е место, был повышен приказом от 10 января 1759 года. Дом Себрайта, выросший в Ирландии 14 октября 1758 года, занимал 83-е место.

[309] Питту в Амхерст, 29 декабря 1758 г.; 23 января, 10 марта 1759 г.

[310] Посмотрите его Полковые приказы 1749-1755 годов, собранные в небольшой том. Мой собственный экземпляр - 2-е издание 1780 года.

[311] Общая почтовая книга секретаря, 2 октября 1758 года.

[312] Лорд Темпл, который является авторитетом в этой истории, был осторожен, упомянув, что Вульф был совершенно трезв.

[313] Распределение было следующим: *Бригада Монктона*, 15-я, 43-я, 58-я, горцы Фрейзера. *Бригада Таунсенда*, 28-я, 47-я, 2/60-я. *Бригадамюррея*, 35-я, 48-я, 3/60-я.

[314] Этими полками были 22-й, 40-й и 45-й.

[315] Вульф Питту, 6 июня 1759 года.

[316] 44-й, 46-й, 4/60-й и 2500 жителей провинции Нью-Йорк. Амхерст - Питту, 7 мая 1759 года.

[317] Амхерст - Гейдж, 28 июля 1759 года.

[318] *1-я бригада*, полковник Форстер, 27-я, 55-я, 1 батальон 1-й; *2-я бригада*, полковник Грант, 17-я, горцы Монгомери, 42-я горцы.

[319] Из Амхерста в Баррингтон, 10 августа (Дополнительные документы, MS. 21644, 22 февраля 1759 г.). Амхерст также ввел новое упражнение для всех полков (Документы Букета, 21644, 20 января 1759 г.), но что это было, я не смог выяснить; хотя кажется (Документы Холдиманда, доп., MS. 21661, 3 августа 1760 г.), что он иногда формировал пехоту только в две шеренги, причем задняя шеренга "замыкала" фронт.

[320] 28-я (300 человек), 43-я дивизия легкой пехоты Хоу, 47-я, 58-я, 200 горцев.

[321] Впоследствии лорд Сент-Винсент.

[322] 300 человек из 15-го, 240 гренадер, 250 горцев, 200 легкой пехоты, 400 из 35-го, 400 из 60-го. Всего 1910.

[323] Гренадерские роты 22-й, 40-й и 45-й.

[324] Должно показаться, что в разгар действия был поднят второй пистолет.

[325] Бригады были переформированы 7 сентября (см. Приказ Вулфа), но новый приказ в ходе боевых действий соблюден не был.

[326] "Нет необходимости вести очень быструю стрельбу: холодный, хорошо выровненный огонь гораздо более разрушителен и грозен, чем самый быстрый огонь в замешательстве". Приказы Вулфа, стр. 49.

[327] 28-й.

[328] Убито —10 офицеров, 48 человек; ранено —37 офицеров, 535 человек.

[329] Общая почтовая книга секретаря, 8 сентября 1759 г. Было отправлено 2150 черновиков.

[330] Уитмор (Луисбург) - Питту, 22 января 1759 года.

[331] Дневник Мюррея, 14 ноября 1759 г. "Так много пьянства, что я отозвал все лицензии и приказал, чтобы каждый мужчина, уличенный в пьянстве, получал по двадцать ударов плетью каждое утро, пока не признается, где взял выпивку, и лишался своей нормы рома на шесть недель".

[332] Дневник Мюррея, 14, 17, 24 декабря 1759 года.

[333] Мюррей Питту, 25 мая 1759 года.

[334] Было слышно, как раненый офицер-горец, сражавшийся под командованием лорда Джорджа Мюррея при Каллодене, воскликнул: "После апрельских сражений и генералов Мюррея, Боже милостивый, избавь нас". Мюррей, которому не хватало ни юмора, ни великодушия, пришел навестить его на следующее утро и пожелал ему лучшего избавления и другой молитвы в его следующем бою.

[335] Питт в Амхерсте, 7 января, 9 февраля 1760 года.

[336] 1-я Королевская семья и горцы Монтгомери. Амхерст - Питту, 8 марта 1760 года.

[337] Амхерст -Питту, 21 июня 1760 года.

[338] Амхерст - Хэвиленд, 12 июня 1760 года.

[339] Амхерст-Питту, 18 октября 1760 года.

[340] Амхерст -Питт, 8 сентября 1760г.

[341] Урочище называется островом, потому что оно окружено с востока Джелингиром, а с запада Багирути.

[342] Draper's, пока он существовал, занимал 79-е место. Он состоял в основном из черновиков 4-го, 8-го и 24-го числа и был поднят в ноябре 1757 года.

[343] Батальон численностью в пятьсот человек состоял бы из пяти дивизий, в каждой по сто человек.

[344] Я осознаю опасность, подстерегающую гражданское лицо, которое осмеливается расходиться с выдающимся офицером в таком чисто техническом вопросе, как маневры, предшествующие общей акции, но мне кажется, что полковник Маллесон упустил этот момент. Кут, насколько я могу судить, не только вынудил Лалли драться, но и отказался, по крайней мере, от части преимуществ, которые он приготовил для себя. Из рассказа Маллесона можно было бы сделать вывод, что Лалли придерживался той позиции, которую он выбрал с самого начала. "Его левая рука, выброшенная вперед, опиралась на танк и, поддерживаемая окопом с другой стороны от него, образовывала тупой угол с его линией обороны и командовала территорией, по которой должен был пройти противник". Отчет Орма, который является наиболее полным, крайне путан; но он отчетливо говорит, что Лалли был вынужден повернуть направо, что неизбежно означало бы, что левый фланг больше не мог быть брошен вперед и что батарея в окопавшемся танке больше не могла обстреливать весь его фронт. И это, как я полагаю, было главной целью маневра Кута. Опять же, меньший танк, о котором на первой позиции Лалли говорится как о находящемся слева спереди, в действии описывается как находящийся у него сзади (Orme), подразумевая, что Лалли, должно быть, сменил позицию наполовину, если не на три четверти влево. Наконец, Мемуары Лоуренса, хотя и скудные по этому вопросу, отчетливо говорят о первом и втором расположении французов.

[345] Лалли называет своих европейцев всего 1350 пехотинцев и 150 кавалеристов.

[346] Полк, созданный полковником Стейтсом Лонгом Моррисом 13 октября 1759 года. Пока он существовал, он имел приоритет как 89-й.

[347] Ордер от 10 марта 1759 года.

[348] Наследство Фердинанду, *без даты* (до февраля) 1759 года.

[349] Вряд ли есть необходимость напоминать читателям историю оккупации Франкфурта в романе Гете "Дихтунг и война".

[350] Некоторые британские эскадрильи присутствовали при этом действии, но не участвовали.

[351] Фердинанду - Холдернессу, 21 июня; Холдернессу - Фердинанду, 30 июня, 3 июля 1759 года.

[352] Фердинанду Холдернессу, 6 июля 1759 года.

[353] "A n'en bouger plus" - это собственные слова Фердинанда. Его раздражение против Ангальта, очевидно, было крайним.

[354] 81 офицер, 1311 человек.

[355] У Мовийона есть любопытный и поразительный отрывок на эту тему.

[356] Эти полки с датами формирования следующие: 85-й, "Добровольцы Кроуферда", 21 июля 1759 г.; 86-й, "Ворджес" (для Гори), 24 августа 1759 г.; 87-й, "Хайлендеры Кейта", 25 августа 1759 г.; 88-й, "Хайлендские добровольцы Кэмпбелла", 1 января 1760 г.; 89-й, "Хайлендеры Морриса", 13 октября 1759 г.; 90-й, "Морган" (ирландец), 7 декабря 1759 г.; 91-й, "Блейни" (ирландец), 12 января 1760 г.; 92-й, "Гор" (ирландец), 17 января 1760 года; 93-й, Бэгшоу (ирландский), 17 января 1760 года; 94-й, Воган (валлийский), 12 января 1760 года; Аргайлширские огады Кэмпбелла, 21 июля 1759 года; Горцы Сазерленда, 11 августа 1757 года. Эти номера, конечно, исчезли в конце войны, когда полки были расформированы. Два последних полка никогда не были пронумерованы.

[357] Это были Дрохеда (19-й легкий драгунский полк), ноябрь 1759 г.; Колдуэлл (20-й легкий драгунский полк), 12 января 1760 г.; Грэнби (21-й Королевский лесничий), 5 апреля 1760 г.

[358] Холдернесс Фердинанду, 22 января, 15 февраля, 2, 9 мая, 6 июня 1760 года. Отправленными полками были 2-й, 6-й и 7-й гвардейские драгунские; 1-й, 7-й, 11-й драгунские и 15-й легкий драгунский; 5-й, 8-й, 11-й, 24-й, 33-й, 50-й пешие. 15-е и 7-е были отправлены только в июне.

[359] Фердинанду Холдернессу, 17 июня 1760 года.

[360] Первый гвардейский драгунский полк отправился в атаку с девяноста солдатами и вернулся с двадцатью четырьмя.

[361] Вестфален IV. 313, 353. Цифры взяты из официальных источников.

[362] Mauvillon. Грэнби - Холдернессу, 19 июля 1760 года.

[363] В официальных списках Даулхатт указан как британец; но другие свидетельства наводят меня на мысль, что в него входили и ганноверские гренадеры.

[364] Эти два полка тогда числились 87-м и 88-м.

[365] Темпельхоф.

[366] Фердинанду Холдернессу, 8, 14, 16, 27 сентября 1760 года.

[367] 11-й, 20-й, 23-й, 25-й, 33-й, 51-й пехотные; два батальона гренадер, еще два горцев; 1-й, 6-й и 10-й драгунские.

[368] *Мои, Овернь, вуаля, враги.*

[369] Бурсе.

[370] Мовийон. И все же я нахожу британских гвардейцев вместе с ним на реке Липпе в 1761 году.

[371] Наследный принц Холдернесса, 19 октября 1760 года.

[372] Новыми полками были: — Бертон (95-й), 10 декабря 1760 г.; Монсона (96-й), 20 января 1761 г.; Джеймса Стюарта (97-й), 24 января 1761 г.; Грея (98-й), 27 января 1761 г.; Бинга (99-й), 16 марта 1761 г.; Колина Кэмпбелла (100-й), 4 мая 1761 года.

[373] Разные распоряжения, 3 октября, 14 ноября 1760 года.

[374] Там же., 24 января 1761 г.

[375] Войска были целыми или отдельными частями 9-го, 19-го, 30-го, 34-го, 36-го, 67-го, 69-го, Моргана (тогда 94-го), Стюарта (тогда 97-го), Грея (тогда 98-го); два отряда 16-го легкого драгунского полка и три роты Королевской артиллерии. Подразделения 3-го, 36-го, Кроуфорда (тогда 85-го) и Боскавена (тогда 75-го) также прибыли в мае и июне.

[376] Кеппелу в Адмиралтейство, 18 апреля 1761 года.

[377] Например, восемь британских батальонов к марту были сокращены до 700 человек боеспособного состава. Фердинанд - Фредерику, 23 марта 1761 г., Вестфален, ст. 220.

[378] Джонстон (101-я), Уэддерберн (102-я).

[379] Освальд (103-й), 10 августа 1761 г.; Тонин (104-й), 10 августа 1761 г.; Грэм (105-й), 15 октября 1761 г.; Барре (106-й), 17 октября 1761 г.; Боклерк (107-й), 16 октября 1761 г.; Макдугалл (108-й), 17 октября 1761; Нэрн (109-й), 13 октября 1761; Дикин (110-й), 14 октября 1761; Маркхэм (112-й), 16 октября 1761; Гамильтон (113-й), 17 октября 1761; М'Лин (114-й), 18 октября 1761; Кроуфорд (115-й), 19 октября 1761. Списки в Армейском списке и в Разных приказах не совсем соответствуют друг другу. Согласно первому, 108-й полк принадлежал Джону Скотту, а 111-й Уоркворту, оба имеют дату апрель 1762 года. Но был сформирован корпус под командованием Макдугалла, как указано выше, и еще один под командованием полковника Огла в октябре 1761 года, которые, как я полагаю, являются 108-м и 111-м соответственно.

[380] Питту в Амхерст, 7 июня 1761 года.

[381] Силы состояли из 300 человек из гарнизона Гваделупы, 400 горцев, 22-го полка и пехоты Воана (тогда 94-го).

[382] Губернатор Далримпл (Гваделупа) сэру Дж. Дугласу, 10 октября; Питту, 16 ноября 1761г.

[383] Далримпл - Эгремонт, 6 декабря 1761 года.

[384] 69-й, Нога Руфана, Моргана и Грея.

[385] 15-й, 17-й, 27-й, 28-й, 35-й, 40-й, 42-й (два батальона), 43-й, 46-й, 3/60-й.

[386] Ныне Форт-де-Франс.

[387] Письмо Х. Гордона полковнику Букету. Адд. М.С., 21648.

[388] Полки, задействованные на Мартинике, в полном составе или отдельными частями, были 4-м, 15-м, 17-м, 22-м, 27-м, 28-м, 35-м, 38-м, 40-м, 42-м, 43-м, 48-м, 3/60-м, 65-м, 69-м, Руфейна (два батальона), горцев Монтоммери, Воана, Грея, Стюарта, Кэмпбелла, двух рот американских рейнджеров, десяти рот барбадосских добровольцев.

[389] Эгремонт - Амхерст, 13 января 1762 года.

[390] 22-я, 34-я, 56-я улицы Ричмонда (затем 72-я).

[391] Альбемарль - Эгремонт, 27 мая 1762 года.

[392] Альбемарль -Эгремонт, 21 августа 1762 года.

[393] *Там же.*, 7 октября.

[394] 3-я, 67-я, Боскавен, Кроуфорд.

[395] У Армстронга, у Блейни.

[396] Однажды сержант и шесть солдат этого полка убили или взяли в плен каждого человека из отряда из двадцати пяти испанских всадников под командованием офицера.

[397] Мовийон.

[398] Пятый, захватив в плен большое количество французских гренадеров, получил привилегию носить французские гренадерские фуражки, которые позже были переделаны в фуражки фузилеров, которые они носят до сих пор. На их цветах также нанесено название Вильгельмсталя.

[399] Никакие британские войска в этом бою не участвовали.

[400] Три батальона британской гвардии, три батальона британских гренадер, два батальона горцев, синих и 1-й гвардейский драгунский.

[401] *Например*, Вестфален, vi. 885, 886. Он приводит и другие примеры.

[402] Парл. История, февраль 1741 года.

[403] Журналы Commons, 17 февраля 1743г.

[404] Например, Разные распоряжения от 21 марта 1742 года.

[405] Общая книга писем секретаря, 16 августа, 0 сентября 1742г.

[406] Горох после пяти часов варки все еще оставался твердым, а куски говядины, которые должны были весить четыре фунта и служить рационом для шести человек, весили всего восемнадцать унций. Общая книга писем секретаря, 7 октября 1741 года.

[407] Лестница в Картерет, 1 12 октября 1742 года.

[408] Ордерные книжки, 30 июля 1741 года. В 1750 году за границу было закуплено больше мушкетов. *Там же.* 26 сентября 1750 года.

[409] Antea, стр. 138.

[410] Гарантийные книжки, т. lvii. Январь-апрель 1743 года. Эта система местных усилий представляет определенный интерес в настоящее время, поскольку Ньюкасл был одним из портов, обратившихся за оружием. *Там же.* том. lviii. стр. 66. На острове Джерси в приходских церквях хранились "приходские ружья", всего их было двадцать два, полевые. *Там же.* том. lxiii. стр. 91. Сведения об укреплении верфей см. в Ордерных книгах от 12 апреля 1756 года.

[411] Ордерные книжки, 9 октября 1746 г.

[412] Книги судебных ордеров, 14 мая 1757г.

[413] Общая почтовая книга секретаря, 20 мая 1745г.

[414] Книги ордеров, т. lvii. *passim*.

[415] Приказы, изданные в Вильворде, октябрь. 10 21 , 1745. Разные заказы, под датой.

[416] Общая почтовая книга секретаря, 4 октября 1754г.

[417] Камберленд - Харрингтон, 9-20 июля 1745г.

[418] Общая почтовая книга секретаря, 10 августа 1749г.

[419] Мне не удалось обнаружить эту книгу. Процитированные слова взяты из обзора работы в "Лондон Кроникл" от 17 июля 1760 года.

[420] Общая почтовая книга секретаря, 8 и 10 января 1761 г.

[421] Парл. История, февраль 1750 года.

[422] Приказ Совета от 11 июля 1759 года гласит, что мужчины должны быть зачислены на службу только в пределах королевства, поэтому возможно, что правительство просто воспользовалось скрытой властью короны.

[423] Общая почтовая книга секретаря, 7 января 1762 г.

[424] Lloyd's Evening Post, 26 февраля 1762г.

[425]"Лондон Морнинг Адвертайзер", 18 апреля 1744 года.

[426] Утренний рекламодатель, 25 июня 1750 года. Женщина прослужила в общей сложности семь лет. Ее портрет был выгравирован, и копия по сей день висит в холле больницы Челси.

[427] Парл. История, 12 апреля 1771 года.

[428] Разные распоряжения, 7 августа 1759 года.

[429] Газета, 18 августа 1759г.

[430] Конвей часто жаловался на присланные в Германию черновики от независимых компаний, поскольку мужчины были слабыми, молодыми и низкорослыми (Общая книга писем секретаря, 2 июня 1761 г.; и см. Переписку Георга III. с лордом Нортон, том i, стр. 265). Король приписывает эту систему Чарльзу Таунсенду, но она была начата еще до того, как он стал военным секретарем.

[431] Лестница в Картерет, ноябрь. 3 14 декабря , 4 15 января 1742 г. 7 18 1743 г.; Картерет-Стэйру, 12 23 ноября 1742 г.; Фокенар - Ньюкаслу, 9 20 июля 1745 г.; Разные распоряжения, 28 июня 1744 г.; Общая книга писем секретаря, 5 сентября 1745 г.

[432] Таким образом, другие Легкие драгуны, помимо Пятнадцатого, действительно разделили славу Эмсдорфа; один из убитых офицеров, хотя и бывший из Пятнадцатого, был офицером Семнадцатого, который, вероятно, взял с собой призыв в свой новый полк.

[433] Еженедельный журнал Рида, 9 марта 1754 г.; Общая книга писем секретаря, 18 января 1748 г., 29 января 1757 г.

[434] Общая книга писем секретаря, 26 марта 1743 г., 12 июня, 20 августа, 2 сентября 1755 г.

[435] Смотрите трогательное обращение губернатора Крампа к лорду Баррингтону, 1759. WO, ориг. Коррес., Гваделупа (Архивное бюро).

[436] Циркуляр губернаторам колоний, 13 марта 1756г.

[437] Букетные бумаги, Доп. М. С., 21631. Письма Букета от 25, 26 августа, 10, 29 сентября 1757 года.

[438] Губернатор Ширли - секретарю Фоксу, 8 марта 1756 г.; Лудун - Питту, 25 апреля 1757 г.; Буке - Лудуну, 25 августа 1757 г.; Амхерст - Баррингтону, 10 августа 1759 г.

[439] Гейдж- Эллису, 9 декабря 1763г.

[440] Общая почтовая книга секретаря, 10 января 1761 г.

[441] Довольствие составляло три человека в каждой роте численностью семьдесят человек и четыре человека в каждой роте численностью сто человек. Общая книга писем секретаря, 15 мая 1758 года.

[442] Правила остановки драгун и пехоты, Разные приказы, 28 июня 1720 г., для возмещения расходов, которые ранее несли полки.

Драгуны

в четверти

сержант—полная оплата за неделю				£0	15	9
<i>вычеты</i> —содержателя для диеты	£0	3	6			
делать. сено и солому	0	3	6			
кукурузу	0	1	5½			
Коновал	0	0	3½			

				0	8	9

по-прежнему выплачивается еженедельно				£0	7	0
				=====		
Капрал и барабанщик—полная оплата за неделю				£0	12	3
<i>отчислений, как указано выше</i>				0	8	9

по-прежнему выплачивается еженедельно				£0	3	6
				=====		
Драгунский—полная оплата за неделю				£0	9	11

вычеты, как указано выше				0	8	9

по-прежнему выплачивается еженедельно				£0	1	2
				=====		
На траве						
сержант—полная оплата за неделю				£0	15	9
вычеты—содержателя для диеты				£0	3	6
делать. трава	0	2	4			
Коновал	0	0	3½			
езду	0	0	7			
травой Деньги	0	1	10½			
				-----	0	8 7

по-прежнему выплачивается еженедельно				£0	7	2
				=====		
Капрал и барабанщик—полная оплата за неделю				£0	12	3
отчислений, как указано выше				0	8	7

по-прежнему выплачивается еженедельно				£0	3	8
				=====		
Драгунский—полная оплата за неделю				£0	9	11
вычеты (слегка уменьшен на те пункты)				0	6	8½

по-прежнему выплачивается еженедельно				£0	3	2½
из которых там быть ему выплачены				0	1	4

остается за				£0	1	10½
				=====		
это 1С. 10½d. обычно это называлось травяными деньгами, на которые унтер-офицер или рядовой мог найти все необходимое, что не было предоставлено полковником в соответствии с инструкциями, платить 2 шиллинга в год хирургу и компенсировать значительные валютные потери при переводе жалованья.						
Ноги						
сержант—полная оплата за неделю				£0	7	0
выплачиваются еженедельные				0	6	0

остается				£0	1	0

	=====	
капрал—полная оплата за неделю	£0 4 6	
выплачиваются еженедельные	0 4 0	

остается	£0 0 6	
	=====	
Индивидуальная полная оплата за неделю	£0 3 6	
выплачиваются еженедельные	0 3 0	

остается	£0 0 6	
	=====	

Из остатков жалованья капитан может вычесть плату за обувь, чулки, гетры, лекарства, бритье, починку оружия и потери при обмене; но ничего другого, за исключением тех вещей, которые могут быть потеряны или испорчены по небрежности солдата.

Эти приказы были вновь подтверждены 27 апреля 1732 года.

[443] Ремесленник, 12 апреля 1740 года. Разговор между Томасом Лобстером, солдатом, и Джоном Таром, моряком.

[444] Журнал Commons, 16 апреля 1740г.

[445] Разные приказы, 2 июля 1753 г., Общая книга писем секретаря, 17 июля 1753 г., являются первыми экземплярами в официальных отчетах.

[446] Третьи охранники, по-видимому, были первыми. Утренний рекламодатель, 29 марта 1749 года.

[447] "Дисциплина легкой кавалерии" Хинде, 1760 год.

[448] *аверсе* — лес с прорубленной через него дорогой. *Реверс*— слияние рек Огайо и Мононгахела; Форт Дюкен в огне; Форбс в своих носилках и армия в колоннах. *Девиз*—Огайо Бретаника; консилио мануке. Букетная бумага, доп. ср., 21644.

[449] Общая почтовая книга секретаря, 19, 23 декабря 1746 г. 7 января 1747г.

[450] "Драгуны теперь в моде, поэтому я не сомневаюсь, что Ирландия последует примеру Великобритании и подаст петицию о сносе ботфортов". Лигонье - Честерфилду, 12-23 декабря 1740 года.

[451] Лигонье в Честерфилд, 12-23 декабря 1746 года. Общая книга писем секретаря, 5 июля 1758 г., 18 февраля 1760 г.

[452] Лигонье-Картерету, 31 октября, 11 ноября. 11 22 1743.

[453] Камберленд - Честерфилд, сентябрь. 16 27 1748. Разные приказы, 3 февраля 1749 года.

[454] Еженедельный журнал Рида, 26 июня 1756г.

- [455] Н.О.М.Е.В., 13 апреля, 18 ноября 1741г.
- [456] Там же., 30 июля 1744 г.; Книги ордеров, 26 октября 1759 г.
- [457] Два ружья были довольствием батальона, и подразделение, обслуживавшее их, состояло из офицера, двух унтер-офицеров и двенадцати солдат. Ордерные книжки, 30 июня 1758 года.
- [458] Н.О.М.Е.В., 20 июня 1757г.
- [459] Там же., 4 мая 1742 г., 16 ноября 1759 г. Трехфунтовые пушки устанавливались на двухколесных "скачущих экипажах", запряженных тремя лошадьми; для шестифунтовых требовалось четыре, если не пять лошадей. Там же., 12 августа 1742 г.
- [460] Ордерные книжки, 16 января 1741 г., 16 декабря 1756 г., 3 марта 1759 г.
- [461] Двести восемь всех рангов.
- [462] Ордерные книжки, 1 мая 1756 года.
- [463] Мовийон.
- [464] Военная дисциплина Блэнда.
- [465] Журнал для джентльменов, 24 апреля 1756 года.
- [466] Общая почтовая книга секретаря, 14 февраля 1760 года.
- [467] Карлайл.
- [468] Лестница в Картерет, январь. 7 18 1743 года; Картерет-Стэру, 20 - 31 марта 1743 года.
- [469] Лестница в Картерет, 18-29 мая 1742 года.
- [470] Daily Post, 13 августа 1737г.
- [471] Возврат груза, который несет гренадер на марше:—

	фунт.	оз.
Пальто	5	2
Огнестрельное оружие с перевязью и т.д.	11	0
Рюкзак с содержимым, а именно: 2 рубашки, 2 инвентаря, 2 пары чулок, 1 пара летних бриджей, 1 пара туфель, щетки и бейсбольный мяч	7	10
	23	12
Другие товары и провизия на 6 дней.	39	7
Всего	63	3
	=====	

Составлено лейтенантом. Бейли, 1-я батарея. 60-й Фут, 28 августа 1762 г..

- [472] Мовийон.
- [473] Архенхольц.
- [474] Гроуз.
- [475] Гроуз, от Раймера.
- [476] Гроуз, из Харл. MS. 6844.
- [477] Гроуз.
- [478] Гроуз.
- [479] Гроуз, из Рашворта.
- [480] Из книги Барриффа "Военная дисциплина".
- [481] Из Калифорнийского университета, Дом., май 1657г.
- [482] Журналы на викискладе.
- [483] Журналы на Викискладе.
- [484] Журналы на викискладе.
- [485] Журналы на викискладе.
- [486] Сам Рашворт считает, что в этом списке какая-то ошибка.
- [487] Журналы на викискладе.
- [488] Cal. S. P., Дом.
- [489] Газета (ссылка утеряна).

КОНЕЦ

Напечатано R. & R. Clark, Limited, Эдинбург

ПУБЛИКАЦИИ МАКМИЛЛАНА И КОМПАНИИ.

Достопочтенным Дж. У. ФОРТЕСКЬЮ.

ИСТОРИЯ 17-го УЛАНСКОГО полка. Королевский 8-й полк. 25s. net.

ИСТОРИЯ БЛАГОРОДНОГО ОЛЕНЯ. Четвертая тысяча. Потт 4то. 4s. 6d.

ПАЛЬТО БАРАБАНЩИКА. Иллюстрация Х. М. Брока. Pott 4то. 4s. 6d.

ДАНДОНАЛЬД. Корона 8в. 2с. 6д.

[Английский сериал "Люди из боевика".

СОРОК ОДИН ГОД В ИНДИИ. Автор - фельдмаршал Лорд Робертс, V.C. С 44 иллюстрациями. Дополнительная заводная головка 8в. 10с. нетто.

ИСТОРИЯ ИНДИЙСКОГО МЯТЕЖА И СОПРОВОЖДАВШИХ ЕГО ВОЛНЕНИЙ Среди ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. Т. Райс Холмс. Пятое издание, полностью переработанное и слегка дополненное. С 5 картами и 6 планами. Дополнительная корона 8vo. 12s. 6d.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОМ МЯТЕЖЕ. Включая освобождение, осаду и взятие Лакхнау, а также кампании в Рохилканде и Ауде. Уильям Форбс-Митчелл. Заводная головка 8vo. 3s. 6d.

КАНПУР. Автор: Дistinguished. Сэр Г. О. Тревелиян, барт., Автор книги "Соревновательный Валлах". Заводная головка 8в. 6с.

ЖИЗНЬ МОРЯКА Под ВЛАСТЬЮ ЧЕТЫРЕХ СОВЕРЕНОВ. Адмирал флота Дistinguished. Сэр Генри Кеппел, G.C.B., D.C.L. С многочисленными иллюстрациями покойного сэра Освальда Брайерли, художника-мариниста Ее Величества. В трех томах. Дополнительная заводная головка 8vo, позолоченные верхушки. 30с. нетто.

Фельдмаршалом ЛОРДОМ УОЛСЛИ.

ЖИЗНЬ ДЖОНА ЧЕРЧИЛЛЯ, ПЕРВОГО ГЕРЦОГА МАЛЬБОРО. Тома. Первый и ВТОРОЙ, до восшествия на престол королевы Анны. Дistinguished. Виконт Уолсли, К.П.Н., генеральный прокурор, G.C.M.G., D.C.L., доктор юридических наук, главнокомандующий. В Demy 8vo. С портретами герцога и герцогини Мальборо, Якова II, Уильяма III, герцога Монмута, герцогини Кливлендской и другими Иллюстрациями или Планами, Четвертое издание. 32с.

ЖИЗНЬ ВИКОНТА УОЛСЛИ. Чарльз Рэтбоун Лоу, F.R.G.S. Crown 8vo. С портретом. 6s.

"ПЯТНАДЦАТЬ РЕШАЮЩИХ БИТВ МИРА". Сэра Эдварда Кризи, покойного верховного судьи Цейлона. Тридцать седьмое издание с планами. Crown 8vo, холщовые доски, 1s. 4d. В орнаментальном матерчатом переплете с красными краями. 2s. Библиотечное издание. 8vo, с планами. 7s. 6d.

ПОСЛЕДНИЕ РЕШАЮЩИЕ БИТВЫ МИРА (от Гастингса до Ватерлоо). Сэр Эдвард Кризи. Заводная головка 8vo. 1s. 6d.

MACMILLAN AND CO., Ltd., ЛОНДОН.

Компания "МАКМИЛЛАН И КО"

ТРУДЫ По ВОЕННОМУ ИСКУССТВУ И ИСТОРИИ.

НЕКОТОРЫЙ ОТЧЕТ О ВОЕННОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РТ. ДЖОН МЭННЕРС, маркиз Грэнби, П.К., М.П., Д.К.Л., главнокомандующий британскими вооруженными силами, генерал-майор артиллерии, полковник Королевской конной гвардии, главнокомандующий Артиллерийским и инженерным корпусами и губернатор Королевской военной академии в Вулвиче. Уолтер Эвелин Мэннерс. Портреты и планы. 8vo.

КАМПАНИЯ В ТИРЕ, 1897-98. Отчет об экспедиции под командованием генерала сэра Уильяма Локхарта. Основано (с разрешения) на письмах, присланных в *The Times* полковником Х. Д. Хатчинсоном, директором военного образования в Индии; Автором "Истории Ватерлоо" и др. С картами, планами и иллюстрациями. Demy 8vo. 8s. 6d. net.

ЕГИПЕТСКИЙ СУДАН: его утрата и восстановление. Генри С. Л. Элфорд, лейтенант. Королевские шотландские стрелки и меч У. Деннистоуна, лейтенант. Северо-Стаффордширский полк. С многочисленными иллюстрациями, портретами и картами; и отчетами о службе офицеров (1896-98). 8vo. 10s. net.

РЕЛЬЕФ ЧИТРАЛА. Авторы: капитан Дж. Дж. Янгхасбенд и капитан Фрэнсис Янгхасбенд. 8vo. 8s. 6d. net.

МОЕ КОМАНДОВАНИЕ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ, 1874-78. Включает опыт путешествий по колониям Южной Африки и Независимым государствам. Автор: генерал сэр Артур Терлоу Кунингхейм, Г.К.Б., с картами. 8vo. 12s. 6d.

СУВЕНИРЫ С НЕКОТОРЫХ КОНТИНЕНТОВ. Арчибальд Форбс. Корона 8vo 3s 6d.

КАЗАРМЫ, БИВУАКИ И СРАЖЕНИЯ. Автор: Арчибальд Форбс. Заводная головка 8vo. 3s. 6d.

ЛАГЕРЯ, КВАРТАЛЫ И СЛУЧАЙНЫЕ МЕСТА. Автор: Арчибальд Форбс. Заводная головка 8vo. 7s. 6d.

РОСТ НОВОБРАНЦА И МОЛОДОГО СОЛДАТА. С целью разумного отбора "растущих парней" для Армии и регулируемой системы обучения новобранцев. Сэр Уильям Эйткен, Найт, доктор медицинских наук, профессор патологии в Медицинской школе армии. Crown 8vo. 8s. 6d.

ПРОДВИЖЕНИЕ ПО СЛУЖЕБНОЙ ЛЕСТНИЦЕ ДО ПОЛУЧЕНИЯ ЗВАНИЯ. Новое издание. Crown 8vo. 2s. 6d.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА СОЛДАТА ДЛЯ ПОЛЕВОЙ СЛУЖБЫ. Фельдмаршал виконт Уолсли. Четвертое издание. 16 мо Роан. 5s.

ПОЛЕВОЙ СПРАВОЧНИК ДЛЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СИЛ. Фельдмаршал виконт Уолсли. 16 мо Роан. 1с. 6д.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВОЕННОГО ПРАВА В ТАБЛИЦАХ. С пояснительными примечаниями. Основано на официальных учебниках. Для использования кандидатами на военных экзаменах. Автор: капитан А. Д. Фурс. 4to. 10s. net.

ЗАПИСИ 93-го ГОРСКОГО полка, ныне 2-го батальона принцессы Луизы Аргайлл и Сазерленд Хайлендерс. Автор: капитан Родерик Гамильтон Бергойн, 93-й шотландский полк. История полка с момента его формирования до настоящего времени. С многочисленными иллюстрациями одежды и т.д. Деми 8vo. 30-е годы.

ИСТОРИЯ 57-го ПОЛКА. С 1755 по 1881 год. Включая отчет о заслугах "Твердолобых" (**Западный Миддлсекс**) во время войны за независимость США, Фландрии, Вест-Индии, полуострова, Франции, Крыма, Новой Зеландии, Зулуленда и т.д. Автор: капитан Генри Х. Вулрайт, Миддлсекский полк. С цветными табличками, картами и другими иллюстрациями. Demy 8vo. 30s.

ИСТОРИЯ ДОСТОПОЧТЕННОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ РОТЫ ЛОНДОНА. Включая также краткую историю американского отделения полка, основанного в Бостоне в 1638 году. Автор: полковник Г. А. Райкс, ФСБ, 2 тома. С портретами, цветными иллюстрациями и картами. Деми 8во. 31с. 6д. каждая.

ИСТОРИЯ ВТОРОГО КОРОЛЕВСКОГО (КОРОЛЕВСКИЙ ЗАПАДНЫЙ СУРРЕЙ) ПОЛКА.

Лейтенант.-Полковник Джон Дэвис, ФСБ, автор книги "Отчеты второго королевского ополчения Суррея". Королевский 8во. С многочисленными иллюстрациями. Том I., 1661-1684; Том II, 1684-1714; Том III, 1715-1799, уже выпущены. Цена 24 доллара за штуку. каждый. Работа будет завершена в 5 томах.

ЗАПИСИ 91-го ГОРСКОГО полка, ныне 1-го батальона аргайлских и сазерлендских горцев принцессы Луизы, с 1794 по 1881 год. Аранжировка Джеральда Лайонела Гоффа. С цветными пластинками и множеством других иллюстраций. Demy 8vo. 30s.

Война. Генерал-майор Ф. Морис, С.В. 8vo. 5s. net.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА. Генерал-майор Ф. Морис, С.В. Crown 8vo. 2s. 6d.

ЭЛЕМЕНТЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА. Подготовлено для использования курсантами Военной академии США. Автор: Джеймс Меркур, профессор гражданской и военной инженерии Военной академии США, Вест-Пойнт, Нью-Йорк. Второе издание. 8во. 17с.

УЧАСТИЕ В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ И ЕГИПТЕ. Автор: генерал-майор В. К. Ф. Молинье. 8во. 10с. нетто.

СЕМИНЕДЕЛЬНАЯ ВОЙНА. Ее предпосылки и инциденты. Автор: полковник Х. М. Хозиер. Третье издание. Заводная головка 8в. 6с.

MACMILLAN AND CO., Ltd., ЛОНДОН.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

Все изменения, отмеченные в **ОПЕЧАТКАХ** (стр. xxii), были применены к etext.

В исходном тексте было две точки под надстрочными знаками даты "th", "st", "nd" и "rd"; эти точки были удалены в тексте.

Частая аббревиатура в сносках - "Cal. S. P. Dom."; это расшифровывается как "Календарь государственных документов, внутренний". Также "H. O. M. E. V." расшифровывается как "Военная записная книжка Министерства внутренних дел".

Очевидные типографские и пунктуационные ошибки были исправлены после тщательного сравнения с другими встречающимися в тексте текстами и обращения к внешним источникам.

За исключением указанных ниже изменений, все орфографические ошибки в тексте и непоследовательное или архаичное использование были сохранены. Например, больничной лист, больничной лист; бруствер, грудная работа; ситуативный, трагический.

Страница [viii](#), "отступает на север" заменено на "отступает на север".

Страница [ix](#), "Экс-ле-Шапель" заменено на "Экс-ла-Шапель".

Страница [9](#), "в Рос-шире" заменено на "в Росс-шире".

Страница [60](#), "небезуспешно" заменено на "небезуспешно".

Страница [158](#), отсутствующий якорь для сноски [\[232\]](#) было вставлено после "возможность была упущена".

Страница [167](#), "форма независимого лица" заменена на "форма независимого лица".

Страница [170](#), "петиция в парламент" заменена на "петиция в парламент".

Страница [177](#), "Французский ассистент" заменен на "Французская помощь".

Страница [201](#), "вызвать Клайва" заменено на "вызванный Клайв".

Страница [219](#), примечание "13 октября 11 ноября". " заменено на " 31 октября, 11 ноября".

Стр. [428](#), "в Мадрасе было" заменено на "в Мадрасе было".

Стр. [509](#), "из Оксендорфа" заменено на "из Оксендорфа и".

Сноски.

[\[5\]](#) (с включенным якорем), стр. [6](#), "Разные заказы" заменены на "Разные заказы".

[\[122\]](#), стр. [52](#), "Там же" вставлено перед "30 октября".

[\[125\]](#), стр. [52](#), "Там же" вставлено перед "11 ноября".

[\[174\]](#), стр. [91](#), "2/3 июня" заменено на "2/13 июня".

[\[442\]](#), стр. [581](#), дескриптор драгуна "Полная оплата в неделю" заменен на "Остается выплачиваться еженедельно".

Указатель.

[Андрос](#); "ii. 258" заменено на "ii. 251".

[Парламент](#); "ii. 1;" заменено на "ii. 3;".

[Вернон](#); "Портобелло" заменено на "Порто Белло".

[Вильгельм III](#); "Анжу, 598" заменено на "Анжу, 398".

[Зингис](#); "Зенгис" заменено на "Зингис".